М.Ю. Лермонтов

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Сочинения

ТОМ 2

Москва
Издательство „Правда"
1990

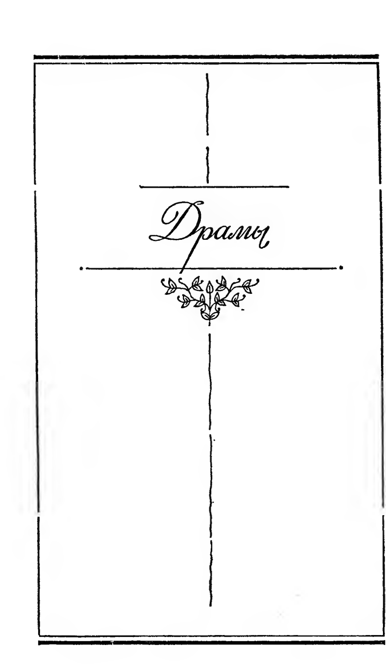
84 Р1
Л 49

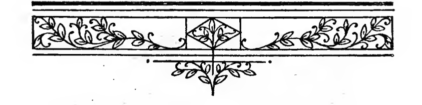
Тексты и научный аппарат тома подготовлены издательством «Художественная литература» при участии Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Составление и комментарии И. С. Чистовой

Иллюстрации художника В. А. Носкова

Л $\frac{4702010100 - 1816}{80(02) - 90}$ 1816—90 (Подписное)


Драмы



MENSCHEN UND LEIDENSCHAFTEN

(Ein Trauerspiel) [1]

ПОСВЯЩАЕТСЯ:

Тобою только вдохновенный,
Я строки грустные писал,
Не знав ни славы, ни похвал,
Не мысля о толпе презренной.
Одной тобою жил поэт,
Скрываючи в груди мятежной
Страданья многих, многих лет,
Свои мечты, твой образ нежный;
Назло враждующей судьбе
Имел он лишь одно в предмете:
Всю душу посвятить тебе,
И больше никому на свете!..
Его любовь отвергла ты,
Не заплативши за страданье.
Пусть пред тобой сии листы
Листами будут оправданья.
Прочти — он здесь своим пером
Напомнил о мечтах былого.
И если не полюбишь снова,
Ты, может быть, вздохнешь об нем.

---

[1] Люди и страсти *(Трагедия)* *(нем.)*.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Марфа Ивановна Громова — 80 лет.
Николай Михалыч Волин — 45 лет.
Юрий Николаич, сын его — 22 лет.
Василий Михалыч Волин, брат Н. М. — 48 лет.
Любовь, Элиза } дочери: 1) — 17 лет, 2) — 19 лет.
Заруцкой, молодой офицер — 24 лет.
Дарья, горничная Громовой — 38 лет.
Иван, слуга Юрия.
Василиса, служанка 2-х барышень.
Слуга Волиных.

Действие происходит в деревне Громовой.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Утро.

Стоит на столе чайник, самовар и чашки.

Дарья. Что, Иван, сходил ли ты на погреб? Там, говорят, все замокло от вчерашнего дождя... Да видел ли ты, где Юрий Николаич?

Иван. Ходил, матушка Дарья Григорьевна,— и перетер все, что надобно, а барина-то я не видал — вишь ты — он, верно, пошел к батюшке наверх. Дело обыкновенное. Кто не хочет с родным отцом быть—едет же он в чужие края, так что мудреного... А не знаете ли, матушка, скоро мы с барином-то молодым отправимся или нет? Скоро ли вы с ним проститесь?

Дарья. Я слышала, барыня говорила, что через неделю. Для того-то и Николай Михалыч со всей семьей привалил сюда — да знаешь ли — вот тебе Христос — с тех пор, как они приехали сюда, с тех самых пор (я это так твердо знаю, как то, что у меня пять пальцев на руке) я двух серебряных ложек недосчиталась. Ты не веришь?

Иван. Как не верить, матушка, коли ты говоришь. Однако ж это мудрено — ведь у тебя все приперто — надо быть большому искуснику, чтоб подтибрить две серебряные ложки. Да! тут как хочешь экономию наблюдай

и давай нам меньше жалованья и одежи и все что хочешь — а как всякой день да всякой день пропажи, так ничего не поможет...

Д а р ь я. Это же вина все на мне да на мне, а я—видит бог — так верно служу Марфе Ивановне, что нельзя больше. Пускают этих — прости господи мое согрешение — в доме угощают, а сделалась пропажа — я отвечаю. Уж ругают, ругают! *(Притворяется плачущею.)*

И в а н. А можно спросить, отчего барыня в ссоре с Николаем Михалычем? Кажись бы не от чего — близкие родня...

Д а р ь я. Неотчего? Как неотчего? Погоди — я тебе все это дело-то расскажу. *(Садится.)* Вишь ты: я еще была девчонкой, как Марья Дмитревна, дочь нашей боярыни, скончалась — оставя сынка. Все плакали как сумасшедшие — наша барыня больше всех. Потом она просила, чтоб оставить ей внука Юрья Николаича — отец-то сначала не соглашался, но наконец его улакомили, и он, оставя сынка, да и отправился к себе в отчину. Наконец, ему и вздумалось к нам приехать — а слухи-то и дошли от добрых людей, что он отнимет у нас Юрья Николаича. Вот от этого с тех пор они и в ссоре — еще...

И в а н. Да как-ста же за это можно сердиться? По-моему, так отец всегда волен взять сына — ведь это его собственность. Хорошо, что Николай Михалыч такой добрый, что он сжалился над горем тещи своей, а другой бы не сделал того — и не оставил бы своего детища.

Д а р ь я. Да посмотрела бы я, как он стал бы его воспитывать — у него у самого жить почти нечем — хоть он и нарахтится в важные люди. Как бы он стал за него платить по четыре тысячи в год за обученье разным языкам?

И в а н. Э-эх! матушка моя! есть пословица на Руси: глупому сыну не в помощь богатство. Что в этих учителях. Коли умен, так все умен, а как глуп, так все — напрасно.

Д а р ь я *(с улыбкой)*. А я вижу, и ты заступаешься за Николая Михалыча — он, видно, тебя прикормил, сердешный; таков-то ты, добро, добро.

И в а н *(в сторону)*. По себе судит. *(С гордым видом.)* Я всегда за правую сторону заступаюсь и положусь на всю дворню, которая знает, что меня еще никто никогда не прикармливал.

Д а р ь я. Так и ты оставляешь нашу барыню. Хорошо, хорошо, Иван *(топнув ногой)*,— так я одна остаюсь

у нее, к ней привязанная всем сердцем,— несчастная барыня *(притворяется плачущею)*.

Иван *(в сторону)*. Аспид!

ЯВЛЕНИЕ 2

Входит Василиса с молошником.

Василиса. Пожалуйте, Дарья Григорьевна, барышням сливок — вы прислали молока, а они привыкли дома пить чай со сливками, так не прогневайтесь.

Дарья. Они у вас всё сливочки попивали — *(в сторону)* видишь, богачки! *(Ей.)* У меня нет сливок, теперь пост — так я не кипятила.

Василиса. Я так и скажу?

Дарья. Так и скажи! ну, чего ждешь! я тебе сказала, что у меня нет.

Василиса уходит.

(Она продолжает.) Экие какие спесивые — ведь голь, настоящая голь, а туда же, сливок да сливок — рады, что к тем попали, где есть сливки. Пускай же знают, что я не их слуга! Экие какие...

ЯВЛЕНИЕ 3

Николай Михалыч, Василий Михалыч входят.

Николай Михалыч *(Дарье)*. Здравствуй, Дарья!..

Дарья. Здравствуйте, батюшка! Хорошо ли почивали?..

Николай Михалыч. Хорошо — да у вас что-то жарко наверху. Послушай! пошли мне моего человека.

Дарья *(Ивану)*. Пошли! Что ты стоишь? *(Он уходит.)*

Николай Михалыч *(брату)*. Посмотри-ка, брат, как утро прекрасно, как все свежо. Ах, я люблю ужасно это время, пойдем прогуляться в саду, пойдем.

Василий Михалыч. Изволь — я готов.

Уходят. Дарья отворяет им дверь.

(Дарье.) Подай нам чаю в сад! слышишь?

Дарья. Каковы! принеси им туда чаю — как будто я их раба. Как бы не так. Так не понесу же им чаю, пускай ждут или сами приходят. О-ох, время пришло, времечко — всякой командует!

ЯВЛЕНИЕ 4

Квартира Заруцкого в избе.
Ребятишки на полатях. Люлька и баба за пряжей в углу.

Заруцкой *(сидит за столом, на котором стоит бутылка и два стакана. Он в гусарском мундире.)*. Вот, кажется, я нашел еще товарища моей молодости. Как полезно это общественное воспитание! — на каждом шагу жизни мы встречаем собратий, разделявших наши занятья, шалости, которые милы бывают только пока мы молоды. Как старое воспоминание, нам любезен старый друг. *(Молчание.)*

А Волин был удалой малый, ни в чем никому не уступал, ни в буянстве, ни в умных делах и мыслях, во всем был первый; и я завидовал ему! Но он скоро будет — я послал сказать ему, что старый его приятель здесь. Посмотрим, вспомнит ли он меня? *(Пьет.)* Славное вино. То-то попотчеваю. *(Берет гитару и играет и поет. Гитара лежала на столе.)*

Или 1

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись,
В день уныния смирись,
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет,
Настоящее уныло,
Все мгновенно, все пройдет,
Что пройдет, то будет мило...

Или 2

Смертный, мне ты подражай!
Наслаждайся, наслаждайся,
Страстью пылкой утомляйся,
А за чашей отдыхай.
(Пьет.)

В эту минуту дверь отворяется, и Юрий быстро входит в избу и бросается на шею Заруцкому.
Молчание.

ЯВЛЕНИЕ 5

Юрий. Заруцкой... как неожиданно...

Заруцкой. Давно, брат Волин, не видались мы с тобой. Я ожидал тебя и знал наверно, что ты меня не забыл — каков же я пророк.

Юрий. Как ты переменился со времени разлуки нашей — однако не постарел и такой же веселый, удалой.

Заруцкой. Мое дело гусарское! — а ведь и ты переменился ужасно...

Юрий. Да, я переменился — посмотри, как я постарел. О, если б ты знал все причины этому, ты бы содрогнулся и вздохнул бы.

Заруцкой. В самом деле, чем больше всматриваюсь — ты мрачен, угрюм, печален — ты не тот Юрий, с которым мы пировали, бывало, так беззаботно, как гусары накануне кровопролитного сраженья...

Юрий. Ты правду говоришь, товарищ,— я не тот Юрий, которого ты знал прежде, не тот, который с детским простосердечием и доверчивостью кидался в объятья всякого, не тот, которого занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного, общего братства, у которого при одном названии свободы сердце вздрагивало и щеки покрывались живым румянцем — о! друг мой! — того юношу давным-давно похоронили. Тот, который перед тобою, есть одна тень; человек полуживой, почти без настоящего и без будущего, с одним прошедшим, которого никакая власть не может воротить.

Заруцкой. Полно! полно! — я не верю ушам своим — ты, что ли, это ты говоришь? Скажи мне, что с тобою сделалось? Объясни мне — я, черт возьми, ничего тут не могу понять. Из удальца сделался таким мрачным, как доктор Фауст! Полно, братец, оставь свои глупые бредни.

Юрий. Не мудрено, что ты меня не понимаешь — ты вышел двумя годами прежде меня из пансиона и не мог знать, что со мной случалось... Много-много было без тебя со мною, ах! слишком много! *(Начинает рассказ.)*

Заруцкой закуривает трубку...

Заруцкой. Да что же могло с тобою быть? Несправедливости начальства, товарищей? И ты этого в шесть лет не мог забыть? полно, полно — что-нибудь дру-

гое томит и волнует твою душу. Глаза чернобровой красавицы, par exemple[1].

Юрий. Нет — совсем нет! что за смешная мысль! ха! ха! ха!..

Молчание.

Заруцкой. Да что же! Мне любопытно знать!.. Кстати, выпей-ка стакан! *(Взяв за руки.)* Не знаю, чем тебя мне угостить, дорогого гостя...

Юрий *(выпив)*. Помнишь ли ты Юрия, когда он был счастлив; когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшим разговором для меня было размышленье о людях. Помнишь ли, как нетерпеливо старался я узнавать сердце человеческое, как пламенно я любил природу, как творение человечества было прекрасно в ослепленных глазах моих? Сон этот миновался, потому что я слишком хорошо узнал людей...

Заруцкой. Вот мы, гусары, так этими пустяками не занимаемся, нам жизнь — копейка, зато и проводим ее хорошо!

Юрий. Без тебя у меня не было друга, которому мог бы я на грудь пролить все мои чувства, мысли, надежды, мечты и сомненья... Я не знаю — от колыбели какое-то странное предчувствие мучило меня. Часто я во мраке ночи плакал над хладными подушками, когда воспоминал, что у меня нет совершенно никого, никого, никого на целом свете — кроме тебя, но ты был далеко. Несправедливости, злоба — все посыпалось на голову мою,— как будто туча, разлетевшись, упала на меня и разразилась, а я стоял как камень — без чувства. По какому-то машинальному побуждению я протянул руку — и услышал насмешливый хохот — и никто не принял руки моей — и она обратно упала на сердце... Любовь мою к свободе человечества почитали вольнодумством — меня никто после тебя не понимал. Однако ж ты мне возвращен снова! не правда ли?..

Заруцкой. О государь! наш мудрый государь! если бы ты знал, каким гидрам, каким чудовищам, каким низким нравственным уродам препоручаешь лучший цвет твоего юношества — но где тебе знать? один бог всеведущ!.. Черт меня дерни, если я не изрублю этого... зло-

[1] например *(фр.)*.

дея, когда он мне попадется — он многих сделал несчастливыми. Продолжай! друг мой!..

Юрий. Потом — ты знаешь, что у моей бабки, моей воспитательницы — жестокая распря с отцом моим, и это все на меня упадает. Наконец, я тебе скажу — не проходит дня, чтобы новые неприятности не смущали нас, я окружен такими подлыми тварями — всё так мне противуречит...

Заруцкой. Эх, любезный, черт с ними!.. всех не исправишь!

Юрий. Еще — *(берет его за руку)* знаешь ли? — Я люблю...

Заруцкой. Ну так, без этого не обойтиться? В кого, скажи мне, в кого ты влюблен? Я помогу тебе — на то и созданы гусары: пошалить, подраться, помочь любовнику — и попировать на его свадьбе.

Юрий. На свадьбе? — кровавая будет свадьба! Она никогда не будет мне принадлежать, зачем же называть ее — я хочу погасить последнюю надежду — я не хочу любить — а все люблю!..

Заруцкой. Послушай, брат, знаешь ли, я сам люблю и не знаю, любим ли я; мне стало жалко тебя, ты очень несчастлив. Послушай! зачем ты не пошел в гусары? Знаешь, какое у нас важное житье — как братья, а поверь, куда бабы вмешаются — там хорошего не много будет!

Юрий *(в сторону)*. О, если б ты знал, что я люблю дочь моего дяди, ты не сравнивал бы себя со мною. *(Вслух.)* Я еду в чужие края — оставляю всех — родину — может быть, это поможет моему рассеянью.

Заруцкой. Твой отец здесь и дядя и кузины... Их две?..

Юрий *(с приметным смущением)*. Да... да — они все приехали со мной проститься!.. И мы с тобою снова расстанемся!

Заруцкой. Твое воображение расстроено, мой милый, ты болен. Зачем тебе ехать от нас?

Поверь мне, той страны нет краше и милее,
Где наша милая иль где живет наш друг.

Юрий. Зачем разуверять меня, зачем останавливать несчастного. Неужели и ты против меня; неужели и ты хочешь моей гибели и ты изменил мне. Скажи мне просто, что ты думаешь — быть может, ты хочешь посмеять-

ся надо мной, над безнадежной моей любовью так — как некогда — у меня был друг, который хохотал. Долго этот хохот останется в моем слухе. Ах! имей немного сострадания, столько, сколько человек может иметь — оставь меня лучше!

Заруцкой. Бедный, в каком он безумии. Зачем я коснулся его живой струны? *(К Юрию.)* Послушай, запомни мои слова: дома лучше!..

Юрий. Я еду — я должен ехать — я хочу ехать... *(Кидается на стул и вдруг закрывает лицо руками.)*

Заруцкой *(стоит в безмолвии над ним, покачав головою)*. Бедный!.. Кто виноват?.. Неужели человек может быть так чувствителен, что всякая малость раздражает его до такой степени. *(Ударив себя по сердцу)*. Этого я, по чести, не понимаю!.. Эй, брат. Вставай-ка — ты болен... Опомнись. *(Трогает его.)*

Юрий. Да! я болен! Смертный яд течет по моим жилам.

Заруцкой подиимает его.

(Как ото сна встает.) Где я, у кого я?

Заруцкой. В объятиях твоего друга.

Юрий *(обнимает его с восторгом)*. У меня есть друг.

Заруцкой. Утешься, брат — не век горе.

Юрий *(не слыша его)*. Ты на меня не сердит? а? прости мне, если я что-нибудь тебе обидное сказал — не я говорил — мои страсти, мое безумство — прости меня...

Заруцкой. Тебе нужен свежий воздух!.. Итак, пойдем отсюда... в поле...

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ 6

Комната барышень. Любенька сидит и читает. Горничная шьет платье, а Элиза перед трюмо. Все тихо.

Элиза *(примеривая шляпу)*. Посмотрите, ma soeur [1], как эта шляпка на мне сидит. Не правда ли, что прекрасно...

Любовь. Да, это правда. *(Положив книгу.)* Ах! если бы ты знала, какую прекрасную книгу я читаю.

Элиза. А что такое, позвольте спросить?

Любовь. «Вудсток, или Всадник», Вальтера Скот-

[1] сестра *(фр.)*.

та! Я остановилась на том месте, когда Алина удерживает короля и полковника... Ах, как я ей завидую...

Элиза. По мне ничего тут нет прекрасного. Пускай бы их сражались... да шею себе ломали... ха! ха! ха! Какая дура твоя Алина!..

Любовь. У всякого свой вкус...

Элиза. Кстати: помнишь ли, как мы были в Москве. Я танцевала с одним прехорошеньким, молодым мальчиком. Он мне писал письмо, познакомился с кузинами для меня...

Любовь *(с презрением)*. И ты приняла письмо?

Элиза. Экая важность! я очень рада... Когда мы приедем опять в столицу — он на мне женится... А ты не хочешь замуж, душенька моя? — будь спокойна, не возьмет тебя никто!

Любовь. Где ж нам с вами, большими барынями, равняться... ты любимая дочка, а...

Элиза *(как будто не слышит ее)*. Какое прекрасное время — пойду в сад... *(Уходит.)*

Любовь. За что меня батюшка меньше ее любит, боже мой? Что я сделала?.. Неужели должна любовь отца разделяться не ровно!.. Кажется, я привязана к нему с такой же нежностью, как сестра моя, никогда не огорчала его непослушанием — никогда — никогда... Ах, если бы маменька была жива, если б было кому с участием, нежностью меня прижать к груди своей, я бы не жаловалась на судьбу мою.

Василиса-служанка встает и уходит.

Как я помню ее последние слова: «не плачь, дочь моя,— что делать, если отец тебя не любит — молись, дочь моя,— божеская любовь равна любви родительской!» И бледное, болезненное лицо ее сделалось совершенно спокойно — как смерть!..

Молчание.

Видно, мне вечно быть сиротой. Я смутно помню, что когда-то я была у Троицкой лавры — и мне схимник предсказал много горестей. О, святой старик, зачем твое предсказание исполнилось!

Она садится за книгу. Вдруг входит Заруцкой. Она в испуге вскакивает.

ЯВЛЕНИЕ 7

Заруцкой подходит к ней.

Любовь. Чего вам надобно, милостивый государь,— здесь — когда я одна — вы, верно, ошиблись комнатой, вы не сюда хотели взойти...

Заруцкой. Нет, сударыня. Я точно там, где хотел быть... Это ваша комната...

Любовь. Кажется...

Заруцкой. Не пугайтесь — прошу вас — не пугайтесь...

Любовь. Мне нечего вас пугаться — только этот поступок очень удивителен...

Заруцкой. Если вы узнаете причины его — то, клянусь вам, не будете удивляться... если вы слыхали или чувствовали сами ту власть, которой покорствует все в природе... то исполните мою просьбу...

Любовь. Мне кажется, у вас никакой просьбы до меня, семнадцатилетней девушки, не может быть, что я могу вам сделать...

Заруцкой. Я гусар, а гусары говорят то, что думают: позволяете ли мне говорить откровенно?

Она в смущении молчит.

Знавали ли вы страданья любви, вы носите ее имя, отвечайте, протекал ли огонь ее по вашим жилам?..

Любовь. Какой странный вопрос...

Заруцкой. Знавали ли вы любовь?..

Любовь. Это слишком много, слишком дерзко — я не привыкла к таким разговорам — оставьте меня — вы не хотите — я вам приказываю, не то я позову людей... ибо — я не хочу вам сделать эту неприятность. Оставьте меня.

Заруцкой. ...В последний раз заклинаю вас, скажите мне, любили ли вы какого-нибудь юношу — одного на целом свете.

Любовь *(с досадою)*. Это слишком вольно, милостивый государь,— повторяю вам, если вы меня не оставите...

Заруцкой *(вскакивает как громом поражен)*. *(В сторону.)* Итак, все надежды мои провалились сквозь землю... попробую еще... быть может, она мыслит, что Заруцкой *ее* любит — ах! счастливая мысль — еще есть

спасенье. *(Подходит к ней с спокойным видом.)* Я обожаю — сестру вашу...

Любовь. Что же вам до меня. Зачем тревожить мое спокойствие таким неожиданным приходом, зачем же вы пришли ко мне? Ваш поступок невозможно понять!

Заруцкой. Я для того пришел к вам, чтобы вымолить, выплакать помощь — будьте уверены в чистоте моих желаний — я хочу, клянусь вам, хочу на ней жениться, но — прежде—доставьте мне случай с ней говорить наедине, скажите ей, что она любима — страстно — столько, сколько гусар может любить. Я хочу узнать ее ближе,— вы будете свидетелем — умоляю вас, но что это значит? вы отворачиваетесь? — как можно отказываться сделать доброе дело, когда мы в состоянии.

Любовь. Я не в состоянии этого сделать!..

Заруцкой. Как! имея доверенность сестры вашей, ее дружбу — и вы...

Любовь. Вы ошибаетесь!.. я не имею ничьей доверенности, ничьей дружбы!..

Заруцкой. Итак, мне идти без надежды — а?..

Любовь. Нет — останьтесь... слушайте... поклянитесь мне, что вы во зло не употребите ее снисхождения... но чем вам клясться... нет... лучше... скажите мне, положив руку на сердце: правда ли, что мужчины так злы и коварны, как их обвиняют,— правда ли, что их душе ничего не стоит погубить девушку навеки...

Заруцкой *(подумав, решительно)*. Неправда...

Слышен шум.

Любовь. ...Я постараюсь убедить Элизу... но помните, что грешно будет употребить во зло мою и сестрину доверенность... слышите — она идет — бегите скорей, бегите...

Заруцкой. Я буду надеяться. *(Уходит.)*

Через минуту входит Элиза.

ЯВЛЕНИЕ 8

Элиза. ...Ах, какой смех! Grand dieu! Grand dieu![1] кабы ты знала, Любанька, что там за шум внизу. Марфа Ивановна так раскапризничалась, что хоть из дому

[1] Боже мой! Боже мой! *(фр.)*.

беги!.. ужасть! девок по щекам так и лупит — ха! ха! ха! ха! — стоит посмотреть — и за что? Ах, дай отдохнуть — самая глупейшая глупость — ах! как я устала!.. после тебе расскажу!..

Любовь. ...А у меня есть дело очень важное до тебя... и на твой счет...

Элиза. Что такое? скажи, пожалуйста! скажи!..

Любовь. Пойдем со мной!

Уходят.

КОНЕЦ 1-го ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Комната Марфы Ивановны. Она сидит на креслах, перед ней стоит Дарья.

Марфа Ивановна. Как ты смела, Дашка, выдать на кухню нынешний день две курицы — и без моего спросу? — а? — отвечай!

Дарья. Виновата... я знала, матушка, что две-то много, да некогда было вашей милости доложить...

Марфа Ивановна. Как, дура, скотина — две много... да нам есть нечего будет — ты меня этак, пожалуй, с голоду уморишь — да знаешь ли, что я тебе сейчас вот при себе велю надавать пощечин...

Дарья *(кланяясь)*. Ваша власть, сударыня, что угодно — мы ваши рабы...

Марфа Ивановна. Что, не было ли у вас какого-нибудь крику с Николай Михаловичем?..

Дарья. Нету-с — как-с можно-с нам ссориться — а вот что-с — нынче ко мне барышни присылали просить сливок, и у меня хоть они были, да...

Марфа Ивановна. Что ж ты, верно, отпустила им?..

Дарья. Никак нет-с...

Марфа Ивановна. Как же ты смела...

Дарья. Добро бы с вашего позволения, а то вы почивали — так этак, если всяким давать сливок, коров, сударыня, недостанет... у нас же нынче одна корова захворала, и я, матушка, виновата, не дала, не дала густых

сливочек... слыхано ли во свете без барского позволения?..

Марфа Ивановна. Ну, так хорошо сделала... Не знаешь ли ты, где мой внук, молодой барин?..

Дарья. Кажется, сударыня, он у своего батюшки.

Марфа Ивановна. Все там сидит. Сюда не заглянет. Экой какой он сделался — бывало, прежде ко мне он был очень привязан, не отходил от меня, пока мал был — и напрасно я его удаляла от отца — таки умели Юрьюшку уверить, что я отняла у отца материнское именье, как будто не ему же это именье достанется... Ох! злые люди!

Дарья. Ваша правда, матушка,— злые люди.

Марфа Ивановна. Кто станет покоить мою старость! и я ли жалела что-нибудь для его воспитания — носила сама бог знает что — готова была от чаю отказаться — а по четыре тысячи платила в год учителю... и все пошло не впрок... Уж, кажется, всяким ли манером старалась сберечься от нынешней беды: ставила фунтовую свечу каждое воскресенье, всем святым поклонялась. Ему ли не наговаривала я на отца, на дядю, на всех родных — все не помогло. Ах, кабы дочь моя была жива, не то бы на миру делалось, не то бы...

Дарья. Что это вы, сударыня, так сокрушаетесь — все еще дело поправное — можно Юрья Николаича разжалобить чем-нибудь, а он уж известен, как если разжалобится — куда хочешь, для всякого на нож готов... Есть, Марфа Ивановна, поговорка: железо тогда и куется, пока горячо...

Марфа Ивановна. Вот как врет — можно ли это — как его разжалобишь — он уж ничему не поверит...

Дарья. Как, вашей милости у нас, рабов, об таких вещах спрашивать... вам ли не знать.

Марфа Ивановна *(смотря кверху)*. Видит богоматерь, я не теряла молитв... постараюсь, попробую поступить по твоему совету. Дашка... да слушай, что они там ни будут говорить с отцом, все узнавай и приходи сказывать мне...

Дарья. Слушаюсь — уж на меня, Марфа Ивановна, извольте надеяться...

Марфа Ивановна. Ну я надеюсь: ты всегда мне верно служила...

Дарья. Видит бог-с, не обманывала никогда и вечно в точности ваши приказанья исполняла... да и вашей милостью довольны. (*Кланяется.*)

Марфа Ивановна. Но вот уж через неделю Юрьюшка поедет — и я избавлюсь от этих несносных Волиных — то-то кабы дочь моя была в живых!..

Молчание.

Эй, Дашка, возьми-ка Евангелие и читай мне вслух.

Дарья. Что прикажете читать?

Марфа Ивановна. Что попадется!..

Дарья открывает книгу и начинает читать.

Дарья (*читает вслух довольно внятно*). «Ведяху со Иисусом два злодея. И егда приидоша на место, нарицаемое лобное, ту распяшу его и злодеев, оваго одесную, а другова ошуюю. Иисус же глаголаше: Отче, отпусти им: не ведают бо, что творят. Разделяюще ризы его и метаху жребия...»

Марфа Ивановна. Ах, злодеи-жиды, нехристы проклятые... как они поступали с Христом... всех бы их переказнила, без жалости... нет, правду сказать, если б я жила тогда, положила бы мою душу за господа, не дала бы его на растерзание... Переверни-ка назад и читай что-нибудь другое...

Дарья (*читает*). «Горе вам, лицемеры, яко подобитесь гробам украшенным, иже снаружи являются красны, внутри же полны суть костей мертвых и всякой нечистоты! Так и вы извне являетесь человеком праведни, внутри же есте полны лицемерия и беззаконния...»

Марфа Ивановна. Правда, правда говорится здесь... ох! эти лицемеры! вот у меня соседка Зарубова... такая богомольная кажется, всякой праздник у обедни, а намеднясь велела загнать своих коров и табун на мои озими,— все потоптали — злодейка...

Дарья. Да еще, сударыня, бранит вас повсюду по домам — такая змея... и людям-то своим велит на вас клепать невесть что, мы хоть рабы, а как услышишь что-нибудь такое, так кровь закипит — так бы и вцепилась ей в волоса...

Марфа Ивановна. Продолжай...

Дарья (*читает*). «Дополняйте же вы меру злодеяния отцов ваших. Змеи, порождение ехиднины, как убежите от огня и суда геенны?»

Марфа Ивановна. Не убежит она... Послушай, Дашка... возьми что-нибудь другое!..

Дарья. Из чьего Евангелия прикажете?

Марфа Ивановна. От Марка.

Дарья. «Сего ради глаголю вам: вся, елика аще молящеся просите, веруйте, яко приемлете; и будет вам.

И егда стоите на молитве, прощайте, аще что имате на кого, да и отец ваш, иже на небесех, отпустит вам согрешения ваша...»

Слышен громкий стук разбитой посуды, обе вздрогивают.

Марфа Ивановна. Что это?.. верно, мерзавцы что-нибудь разбили... Сбегай-ка да посмотри!..

Дарья уходит. Чрез минуту приходит.

Дарья. Ваша хрустальная кружка, с позолоченной ручкой и с вензелем...

Марфа Ивановна. Она!

Дарья. ... в дребезгах лежит на полу...

Марфа Ивановна. Ах, злодеи! кто разбил — кто этот окаянный?..

Дарья. ...Васька — поваренок!..

Марфа Ивановна. Пошли его сюда... скорей... уж я ему дам, разбойнику, березовой каши.

Дарья призывает его.

Как ты это сделал, мерзавец... знаешь ли, что она пятнадцать рублей стоит? эти деньги я у тебя из жалованья вычитаю. Как ты ее уронил,— отвечай же, болван?.. Ну — что ж ты? Говори.

Мальчишка хочет говорить.

Как? ты еще оправдываться хочешь... эх! брат,— в плети его, в плети на конюшню...

Мальчик кланяется в ноги.

Вздор! я этим поклонам не верю... убирайся с чертом, прости боже мое согрешение...

Мальчик идет.

Убирайся... *(Топнув ногой.)* Моя лучшая кружка, с золотой ручкой и с моим вензелем!.. Нельзя ли, Дашка, ее поправить, склеить хоть как-нибудь...

Дарья. Ни под каким видом нельзя-с.
Марфа Ивановна. Экая беда какая.

Входят Николай Михалыч и Василий Михалыч Волины. Дарья уходит с книгой.

ЯВЛЕНИЕ 2

Николай Михалыч. Здоровы ли вы, матушка, нынче и хорошо ли почивали... я слышал, что вы долго не засыпали...

Марфа Ивановна. Да, батюшка,— мне что-то не спалось — я все думала об моем Юрьюшке... как это он поедет путешествовать, я боюсь за него — вот вы, отцы, не так беспокоитесь об детях!.. а мне так грустно с ним расставаться...

Николай Михалыч. Неужели вы думаете, что мне легче. Вы ошибаетесь, позвольте мне сказать. Я сына моего не меньше вас люблю; и этому доказательство то, что я его уступил вам, лишился удовольствия быть с моим сыном, ибо я знал, что не имею довольно состояния, чтобы воспитать его так, как вы могли.

Марфа Ивановна *(к Василию Михалычу)*. Что, батюшка! как ваше дело, что говорит сенат?..

Василий Михалыч. Сенат-с — до него еще дело не доходило. А все еще кутят да мутят в уездном суде да в губернском правлении... такие жадные, канальи, эти крючки подьячие, со всей сволочью, что когда туда приедешь, так и обступят — чутье собачье! знают, что у тебя в карманах есть деньги... И вот уж пять лет тянется вся эта комедия... впрочем, для меня совсем несмешная, потому что я действующее лицо!..

Марфа Ивановна *(к Николаю Михалычу)*. Знаете ли, Николай Михалыч, я хочу, чтоб Юрьюшка ехал во Францию, а в Германию не заглядывал,— я терпеть не могу немцев! чему у них научишься!.. Все колбасники, шмерцы!..

Николай Михалыч. Позвольте перервать речь вашу, матушка, немцы хотя в просвещении общественном и отстали от французов, то есть имеют некоторые странности, им приличные в обхождении, не так ловки и развязны, но зато глубокомысленнее французов, и многие науки у них более усовершенствованы, и Юрий, в его лета, очень даже может сам располагать собою, ему двадцать два года, он уже имеет чин — и проч. ...

Василий Михалыч. Позвольте спросить, Юрий Николаевич поедет морем?

Марфа Ивановна. Сохрани бог!.. Нет, ни за что.

Василий Михалыч. Так ему надо ехать через Германию, иначе невозможно, хоть на карту взгляните.

Марфа Ивановна. Как же быть? А я не хочу, чтоб он жил с немцами, они дураки....

Николай Михалыч. Помилуйте! у них философия преподается лучше, нежели где-нибудь! Неужто Кант был дурак?..

Марфа Ивановна. Сохрани бог от философии! Чтоб Юрьюшка сделался безбожником?..

Николай Михалыч *(с неудовольствием)*. Неужели я желаю меньше добра моему сыну, чем вы? Поверьте, что я знаю, что говорю. Философия не есть наука безбожия, а это самое спасительное средство от него и вместе от фанатизма. Философ истинный — счастливейший человек в мире, и есть тот, который знает, что он ничего не знает. Это говорю не я, но люди умнейшие...

Василий Михалыч в тайном удовольствии.

И всякий тот, кто хотя мало имеет доброго смысла, со мною согласится.

Марфа Ивановна. Стало быть, я его совсем не имею... это слишком самолюбиво с вашей стороны... уверяю вас...

Николай Михалыч. Лучше сами поверьте, что отец имеет более права над сыном, нежели бабушка... Я, сжалясь над вами, уступил единственное свое утешение, зная, что вы можете Юрия хорошо воспитать... Но я ожидал благодарности, а не всяких неприятностей, когда приезжаю повидаться к сыну. Вы ошибаетесь очень: Юрий велик уж, он сделался почти мужем, и может понимать, что тот, кто несправедлив противу отца, недостоин уважения от сына... Я говорю правду, вы ее не любите — прошу вашего извинения, впрочем, знайте, что я не похож на низких ваших соседей и не могу не говорить о том, что чувствую: я очень огорчен вашим против меня нерасположением... Но что ж делать, вы задели меня за живое: я отец и имею полное право над сыном...

Он вам обязан воспитанием и попечением, но я ничем не обязан. Вы платили за него в год по пяти тысяч, содержали в пансионе, но я сделал еще для вас жертву,

которую не всякий отец сделает для тещи, уж не говорю об имении... прошу извинить.

Марфа Ивановна (*привстав*). Как, и вы можете меня упрекать, ругать, как последнюю рабу,— в моем доме... Ах! (*Упадает в изнеможении злобы на кресло и звонит в колокольчик.*) Дашка, Дашка,— палку.

Дарья. Сию минуту. (*Приносит палку и выводит ее из комнаты под руку.*)

Николай Михалыч. О боже мой! может ли сумасшествие женщины дойти до такой степени!.. (*Ходит взад и вперед.*)

Василий Михалыч (*подходит к нему*). Вот что значит, братец, спорить с бабами! А отчего это все, отчего не мог ты взять просто сына своего от нее: не хотел заплатить три тысячи за бумагу крепостную. Ведь она тебе отдавала имение — что за глупое великодушие не брать! — или брать на честное слово, что все равно. Вот она и сделала условие, что если ты возьмешь к себе сына, так она его лишит наследства, а тебя не сделала опекуном. Что, брат! видно, поздно!..

Николай Михалыч. Но ее слово, уверения брата ее — я почему мог отгадать, что они меня обманут?..

Василий Михалыч. Что, скажи мне, ты шутишь? — честное слово! ха! ха! ха!.. Нынче это нуль по левую сторону единицы.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ 3

Сад. Сумерки, и луна на небе, налево беседка. Любовь в длинной черной шали в волосах и белом платье. С письмом в руке.

Любовь (*читая*). Он желает говорить со мною здесь наедине, в это время — что такое значит? Юрий хочет со мною говорить—об чем? Между нами не может быть и не должно быть ничего такого, что бы нельзя было сказать при свидетелях. Однако ж я не должна опасаться, хотя говорят, что девушки должны бояться мужчин. Зачем мне бояться Юрия?.. Ах! часто, когда на меня устремлял он свои взоры неподвижные, светлые,— что-то чудное происходило в груди моей; сердце билось. Быть может, он в меня влюблен? Нет! нет! сему не случиться

никогда! я не верю этой любви. Он не может на мне жениться, так на что ему безнадежною страстью себя мучить. Зеркало мне говорит, что я хороша собой, что могу нравиться, но он, он столько знал красавиц лучше меня. И если бы это было в самом деле, если я любима, то он должен столько уважать меня, он должен думать, что добродетель не позволит мне явно отвечать ему,— к тому же я, кажется, не показала ему ничего такого, что бы могло возбудить его страсти; неужели он приметил биение моего сердца. Ах! нет!.. он сам, Юрий, был со мною всегда мрачен, холоден, он вряд ли способен любить нежно... Но зачем ему было свидание?.. это письмо!.. Не понимаю, чего хотел он...

Молчание.

Но вот луна взошла, все тихо и прохладно — а он нейдет.

Молчание.

Как я глупо сделала, что пришла сюда, непонятное влечение управляло моими шагами. *(Садится возле беседки.)* Что, если нас увидят вместе... моя честь погибла — о, безумная!..

ЯВЛЕНИЕ 4

Юрий *(в плаще, без шляпы, тихими шагами подходит к ней и берет ее за руку)*. Любовь!.. вы здесь уже!..

Любовь *(испугавшись)*. Ах!..

Юрий. Вы испугались?

Любовь. Нет... Вы мне что-то хотели сказать — я готова слушать — со вниманием.

Юрий. Да — я много хотел сказать вам... вы помните: с тех пор, как мы с вами знакомы, вы никогда не отказывались от маловажной и легкой для вас просьбы моей... теперь... я вас прошу дать мне честное слово, сказать мне правду, правду чистую — как ваше сердце...

Любовь. Мое слово?.. Хорошо. *(Смотрит ему в глаза.)*

Юрий *(в сильном движении берет ее за руку)*. Прошедшую ночь, когда по какому-то чудному случаю я уснул спокойно, удивительный сон начал тревожить мою душу: я видел отца, бабушку, которая хотела, чтоб я успокоил ее старость насчет благополучия отца моего,— с презреньем отвернулся я от корыстолюбивой старухи...

н вдруг ангел-утешитель встретился со мной, он взял мою руку, утешил меня однним взглядом, одним нензъяснимым взглядом обновнл к жизнн... н... упал в мон объятья. Мыслн,- в которых крутнлась адская ненавнсть к людям н к самому себе,— мысли мои вдруг прояснилнсь, вознеслнсь к небу, к тебе, создатель, я снова стал любить людей, стал добр по-прежнему. Не правда лн, это велнчайшее под луною благодеянне? И знаешь лн еще, Любовь, в этом утешнтеле, в этом небесном существе я узнал тебя!.. Ты блистала в чертах его, это была ты, прекрасная, как теперь... ннкто на свете, нн самый ад меня не разувернт!.. Ах! это была мннута, но минута блаженная,— это был сон, но сон божественный!.. Послушай, Любовь, теперь нсполнн свое обещание, отвечай как на нсповедн, может лн этот сон осуществнться... умоляю тебя всем, чем ты дорожншь теперь нлн когда-нибудь будешь дорожнть — говорн как на нсповеди... знай, что одно твое слово, одно слово, может много сделать добра н зла...

Любовь в сильном нерешенни.

И ты молчишь!.. Любовь...

Л ю б о в ь. Нет!..

Ю р н й. Как! Что нет, говори, что нет!..

Л ю б о в ь. Сон твой ннкогда не сбудется!..

Ю р н й. Небо! — что она хочет делать? Скажн: да!..

Молчание.

Отчего не хочешь сказать: да... это слово, этот звук мог бы восстановнть мою жнзнь, возроднть меня к счастью! Ты не хочешь? — что я тебе сделал, за что так коварно мстншь мне, неужели женщнна не может любнть, неужели она не радуется, когда вндит человека, ей обязанного своим блаженством, когда знает, что это стоит одного слова, хотя бы оно выходило н не от сердца... Скажн: да!

Л ю б о в ь. Нет.

Ю р н й. И в тебе есть совесть?..

Л ю б о в ь. Я не могу сказать: да. На что искушать тебя: *моим* ты никогда, ннкогда не будешь — узы родства, которые связывают нас вместе, разрывают сердца нашн... забудь свои мечты!.. Ты не хочешь погубить бедную девушку, не правда лн? — так забудь свон безумные желанья, забудь их!..

Молчанне.

Ты поедешь в чужие края, разные, новые предметы развлекут твои мысли, тебе понравится другая...

Юрий. Я не поеду... у ног твоих, я говорю тебе, у ног твоих счастье целой жизни человека — не раздави безжалостно!.. А если ты меня отвергнешь,— ах! — то, верно, никакая дева не будет больше мне нравиться — я окаменею, быть может, навеки.

Любовь *(садится на скамью возле беседки и сажает его)*. Посмотри, брат мой, как прекрасен взошедший месяц, какая тихая, светлая гармония в усыпающей природе, а в груди твоей бунтуют страсти, страсти жестокие, мятежные, противные законам. Посмотри на эти рассеянные облака, светлые, как минуты удовольствий, и мимолетные, как они; посмотри, как проходят эти путники воздушные... *(Она закрывает лицо платком.)* Перестань страдать, друг мой,— полно!.. *(В слезах упадает на грудь Юрия, который в сильном оцепенении сидит недвижно, глаза к небу.)*

Юрий *(после долгого молчания)*. Ах!.. *(Берет ее руку, между тем слышна вдали песня русская со свирелью, и то удаляется, то приближается, в конце которой Юрий вскакивает как громом пораженный и отбегает от Любови.)* Какие звуки, они поразили мою душу... кто их произвел... не с неба ли, не из ада ли... нет... но вот опять... опять... Всесильный бог!.. *(Кидается к ногам Любови, которая встала со скамьи.)* ...Пускай весь мир на нас обрушится: я люблю тебя. Скажи и ты: люблю!..

Любовь *(через силу)*. Нет. *(Хочет бежать.)*

Юрий *(у ног ее)*. Не верю... не обманешь — я прочел в глазах твоих... только... я недоволен... скажи: люблю!

Любовь *(хочет что-то сказать... но вдруг останавливается)*. Зачем тебе признанье, если ты прочел все в глазах моих!..

Юрий *(вскакивает с восторгом)*. Я любим — любим — любим — теперь все бедствия земли осаждайте меня — я презираю вас: она меня любит... *она*, такое существо, которым бы гордилось небо... и оно мне принадлежит! Как я богат!.. *(К ней.)* Ты не знаешь, девушка, как много добра сделала ты в сию минуту... *(Обнимает ее.)* О, если бы мой отец видел это, как восхитился бы он взаимным пламенем двух сердец.

Любовь. Твой отец!.. Что ты говоришь?..

Юрий *(дрожащим голосом, ударив в грудь)*. Да, да...

ты говоришь правду, я не должен никому об этом сказывать, все восхищение, вся сладость сих незабвенных минут должна остаться здесь, здесь, в груди моей — всякий день я буду упиваться воспоминанием, ни одно горькое чувство ненависти и раскаяния не проникнет туда, где я схороню мое сокровище... *(К Любови.)* Теперь один поцелуй на прощанье. *(Целует ее.)* О!!! я слишком счастлив для человека!.. *(Завернувшись в черный плащ, быстро уходит.)*

Любовь. Как он любит... добрый юноша!..

Молчание.

Кажется, я ничего дурного не сделала, ни одно преступление не тяготеет на мне, мне не в чем упрекнуть себя... а сердце бьется и трепещет, как птичка, попавшаяся в сеть нечаянно!..

Молчание.

Однако ночь сгущается, и месяц дошел до половины небес. Меня будут искать везде,— а здесь так пусто, страшно... *(Становится на колени и подняв руки наверх.)* Ангел-хранитель! не допусти случиться чему-нибудь с бедной девушкой, она предается тебе, прости ей слабости... и охрани от нечистого духа. *(Встает и уходит.)*

КОНЕЦ 2-го ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Галерея, откуда виден сад. Элиза идет с зонтиком одна.

Элиза. Как жарко нынче, так и жжет лицо и шею. Если б не этот благодетельный зонтик, я б сделалась черней арапки, и это бы было плохо для меня, потому что je dois être aujourd'hui plus belle que jamais[1] для предложенного свиданья... ха! ха! ха! как Любанька смешна была вчерась, начинает мне говорить про этого Заруцкого и про его желание с такой важностью, comme si c'était

[1] я должна быть сегодня красивее, чем когда-либо *(фр.)*.

une affaire d'état![1] ха! ха! ха! ха!.. бедиенькая, начиталась романов и скоро с ума сойдет. Оиа судит целый свет по себе... например, ныиче — всю иочь проплакала, верно, ей кто-ибудь комплимент сказал, и она воображает, что в иее влюблены... и плачет с сожалеиия! нет, moi je me moque de tout cela![2] Вот уж, верио, ныиче будет страстное объясиеиие, он упадет иа колеии... я ему скажу маленький *équivoque*[3],— и он должен быть доволен... чего же ему больше?.. Впрочем, этот Заруцкой, верио, посещал большой свет; он нимало не похож иа этих армейских, его собратий... ха! ха! ха! — армейский!.. одио это слово чего стоит?.. Но кто-то идет!.. а мие иужио ныиче быть одиой. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 2

Юрий и Василий Михалыч идут по галерее, и Василий Михалыч что-то ему говорит, ведя за руку.

Василий Михалыч. Экой ты упрямый человек! — да выслушай только, что я тебе говорю... Твой отец иынче со миой приходил к Марфе Ивановие, оиа иас хорошо прииялa, а у нее стояла эта змея Дарья, причииа всех наших неприятностей,— вот, слушай, брат и начииает говорить...

Юрий *(отходя прочь)*. И мне нет спокойствия — ни одной миииуты... эти сплетии, эта дьявольская музыка жужжит каждый деиь вокруг ушей моих... *(К дяде.)* Дядюшка, в другое время... теперь я...

Василий Михалыч. Да теперь, а ие в другое время... слушай, ты должеи это все знать, чтоб уметь ценить людей, окружающих тебя...

Юрий. Я только цеию тех, которые ие мучат меия вечно своими клеветами...

Василий Михалыч. Я понимаю, что ты это иа мой счет говоришь, но я ие сержусь... ие для себя я говорю... ио хочу тебе показать, кто твой отец и бабка!..

Юрий *(твердо)*. Ну так и быть, я слушаю!..

Василий Михалыч. Во-первых, твой отец начал говорить ей о тебе, о твоем отъезде... она расханжилась по обыкиовению, уверяла, что она тебя больше любит, нежели он, вообрази, потом он ей стал представлять до-

[1] как будто это — государствеииое дело! *(фр.)*.
[2] я-то над всем этим смеюсь! *(фр.)*.
[3] двусмыслеииость *(фр.)*.

казательства противные очень учтиво, она вздумала показывать, что ему и дела нет до тебя,— тут Николай Михалыч не выдержал, признаться, объяснил ей коротко, что она перед ним виновата и что он не обязан был тебя оставлять у нее, но что были у него причины посторонние и что она изменила своему слову... Она взбесилась до невозможности, ушла. Теперь она нас выгонит из дому... прощай, мой племянничек... надолго, потому что, верно, ни я, ни брат больше сюда не заглянут.

Юрий *(всплеснув руками)*. Всемогущий боже! — ты видел, что я старался всегда прекратить эти распри... зачем же все это рушится на голову мою. Я здесь как добыча, раздираемая двумя победителями, и каждый хочет обладать ею... Дядюшка, оставьте меня, прошу вас, я измучен...

Василий Михалыч. Нет... ты должен решиться в чью-нибудь пользу.

Юрий. На что?.. К чему я должен? Кто приказал?

Василий Михалыч. Честь.

Юрий. Честь? — кто вам внушил это слово?.. О! адская хитрость... как ничтожно это слово, а как много власти имеет оно надо мной... мой долг, долг природы и благодарность: в какой вы ужасной борьбе между собой... дядюшка! зачем вы произнесли это слово: я решился...

Василий Михалыч. Для кого, друг мой?

Юрий. Отец обладает моею жизнью... но знайте, что если бабушка будет укорять в неблагодарности, если она станет показывать глазам моим все свои попечения о моей юности, все свои благодеяния, все, чем я ей обязан, если она будет проклинать меня за то, что я отравил ее старость, сжег огнем терзаний седые ее волосы, за то, что я оставил ее без причины, если, наконец, я сам иссохну от раскаяния, если я буду отвергнут за это преступление небом и землею, если тогда я прокляну вас отчаянным языком моим... если... о, берегитесь, берегитесь... вся свинцовая тягость греха сего погрязнет на вас... Откажитесь от вашего свидетельства, оно ложно, спасите свою душу, оно ложно, говорю вам... признайтесь, что вы солгали...

Василий Михалыч. Нет, я не откажусь — когда я сам видел и слышал, что нас с братом выгоняют из дому.

Юрий. Итак, все кончено. Вот мое слово.

Василий Михалыч. Ну слава богу, наконец ты решился... я пойду к отцу твоему и объявлю, что ты решился не оставлять его; как он будет рад, и я уверен, что тебя больше прежнего полюбит.

Юрий. Радоваться? кто радоваться?.. мой отец!.. не дай бог, чтоб это была большая радость в его жизни... что он будет думать, обнимая неблагодарного *(ударяя себя в лоб и ломая руки)*, но мое честное слово!..

Василий Михалыч. Неблагодарного? Как это ты сделаешься неблагодарным? против кого? да, ты бы сделался неблагодарным и преступником, если бы оставил Николая Михалыча, который дышит одним тобою... а эта бабушка, она, поверь пожалуйста, больше сделала тебе зла, нежели добра. Я мои слова готов повторить при самом императоре...

Юрий. По крайней мере она желала делать добро.

Василий Михалыч *(с коварной улыбкой)*. Мы знаем желания этой злодейки.

Юрий. Еще пытка... Скоро ль вы насытитесь... Но говорите, пускай удар будет ужасен, но вдруг, пускай вся мера зла, яда подземного прольется в мою грудь... но только вдруг. Это все легче, нежели с нестерпимой едкой болью, день за днем отщипывать кусок моего сердца... говорите! я тверд! не бойтесь, видите... *(дико)* видите... ха! ха! ха!.. видите, как я весел, равнодушен, холоден, точно как вы... *(С сильным движением хватая его за руку.)* Только чур, говорить правду...

Василий Михалыч. Вот тебе Христос *(крестится)*, я начну рассказывать с начала всего дела, чтоб совершенно изобличить хитрую старуху и ее помощников, этих сестриц и братцев и служанок...

За месяц перед смертью твоей матери (еще тебе было три года), когда она сделалась очень больна, то начала подозревать Марфу Ивановну в коварстве и умоляла ее перед богом дать ей обещание любить Николая Михалыча как родного сына, она говорила ей: «Маменька! он меня любил, как только муж может любить свою супругу, замените ему меня... я чувствую, что умираю». Тут слова ее пересекались, она смотрела на тебя, молчаливый, живой взгляд показывал, что она хочет что-то сказать насчет тебя... но речь снова прерывалась на устах покойницы. Наконец она вытребовала обещание старухи... и скоро уснула вечным сном... Твоя бабушка была огор-

чена ужасно, так же как н отец твой, весь дом был в смущениии и слезах. Приехал брат старухи, Павел Иванович, и многие другие родственнники усопшей.

Вот Павел Иваныч н повел твоего *отца* для рассеяния погулять и говорит ему, что Марфа Ивановна желает воспнтать *тебя* до тех пор, пока тебе нужна матушка, что она умоляет его всем священным в свете сделать эту жертву. Отец твой согласнлся оставнть тебя у больной бабушкн н, будучн в расстроенных обстоятельствах, уехал со мною. Вот как все это началось...

Чрез три месяца Николай Мнхалыч приезжал сюда, чтоб тебя вндеть,— приезжает — слышит ответы робкие, двусмысленные от слуг, спрашнвает тебя — говорят, нет... он вообразил, что ты умер, нбо как вообразнть, что тебя увезли на то время в другую деревню. Брат сделался болен, душа его терзалась худым предчувствнем. Ты с бабушкой прнезжаешь, иаконец... и что же? — она охладела совсем к нему. Имение, которое Марфа Ивановна ему подарила при жизни дочерн н для которого он не хотел сделать акта, полагаясь на честное слово, казано совсем уже не в его распоряженнн! Он уезжает н через полгода снова здесь является.

Ю р и й. Я предчувствую ужасную нсторию, стыд всему человечеству...

Но буду слушать неподвнжно, дядюшка... только... помните уговор...

В а с и л н й М и х а л ы ч. Помилуй!.. да будь я анафема проклят, если хоть слово солгу! Слушай дальше: когда должно твоему отцу прнехать — здешнне подлые соседкн, которые получилн посредством ханжества доверенность Марфы Ивановны, сказалн ей, что он приехал отнять тебя у нее... и она повернла... доходят же люди до такого сумасшествия!..

Ю р и й. Отец... хотел отнять сыиа... отнять... разве он не имеет полного права надо мной, разве я не его собственность... Но нет, я вам снова говорю, вы смеетесь иадо мною...

В а с н л и й М н х а л ы ч. Доказательство в истнне моего рассказа есть то, что бабушка твоя тотчас послала курьера к Павлу Иванычу, и он на другой день приезда брата прнскакал... Николай Михалыч стал ему говорнть, что слово не сдержано, что его отчуждают от нмения, что он здесь иасчет сына как посторонннй, что это ни на что ие похоже... ио это езуит, снова уговорил его

легко, потому что отец твой благородный человек и судит всех по доброте души своей.

И перед отъездом брат согласился оставить тебя у бабушки до шестнадцати лет, с тем чтобы насчет твоего воспитания относились к нему во всем. Но второе обещание так же дурно сдержано было, как первое.

Юрий. И это все! не правда ли!..

Василий Михалыч. Нет, это еще половина.

Юрий. Ах! зачем не все? Пощади меня, пощади, царь... небесный...

Василий Михалыч. Марфа Ивановна то же лето поехала в губернский город и сделала акт, какой акт?.. сам ад вдохнул в нее эту мысль, она уничтожила честное слово, почла отца — отца твоего за ничто, и вот короткое содержание: «Если я умру, то брат Павел Иваныч опекуном именью, если сей умрет, то другой брат, а если сей умрет, то свекору препоручаю это. Если же Николай Михалыч возьмет сына своего к себе, то я лишаю его наследства навсегда»... Вот почему ты здесь живешь; благородный отец твой не хотел делать историй, писать государю и лишить тебя состояния... но он надеялся, что ты ему заплотишь за эту жертву...

Юрий *(после минуты молчания, когда он стоял как убитый громом).* ...Чтобы ей подавиться ненавистным именьем!.. о!.. теперь все ясно... Люди, люди... люди... Зачем я не могу любить вас, как бывало... я узнал тебя, ненависть, жажда мщения... мщения... Ха! ха! ха!.. как это сладко, какой нектар земной!...

Василий Михалыч. А неприятности последовавшие очень натуральны... к тому ж старуха любит, чтобы ей никто не противуречил, и эти окружающие... эта поверенная Дарья преопасная змея...

Юрий. Довольно, прошу вас, не продолжайте,— остальное мне все известно...

Василий Михалыч. Нет, мой друг, еще... еще...

Юрий. Я больше не желаю знать... вы рассказали так прекрасно, как приятна ваша повесть... *(Впадает в задумчивость.)*

Василий Михалыч *(в сторону, с улыбкой).* Мое дело кончено, и все пришло в порядок... я не буду сказывать обо всем брату... он такой... он не любит подобных штук... *(Смеется.)* Как он горячился, бедненький...

Юрий *(между тем взглянув на Василия Михалыча).* Вам смешно мое страданье... не правда ли!..

Василий Михалыч. Нет... помилуй... что ты.

Юрий *(в сторону)*. Нет... нет... какое ледяное слово... он, это видно, он из любви мне открыл злодейство... так всегда со мною делали... из привязанности я был обманут когда-то дружбой... О, тщетные уверенья... ныне... *(К дяде.)* Оставьте меня, прошу вас: мне надо побыть одному... я весь в огне, мне надо отдохнуть...

Василий Михалыч. Хорошо, друг мой... до свиданья. *(Уходит, потирая руки.)* А мое дело сделано, слава богу... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Юрий. Как я расстроен, как я болен... желчь поднялась в голову... грудь взволновалась... сердце бьется, подобно свинцу, облитому кровью... от избытка чувствований я лишился чувства... Но отдохнем... я увижу ее, утешителя-ангела, она мне возвратит на минуту потерянное спокойствие... Пойду, пойду... *(Закрыв лицо руками, уходит в галерею медленными шагами.)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Входит Марфа Ивановна, за ней Дарья и подает ей стул. Она садится.

Марфа Ивановна. Каковы, неучи!.. в моем доме мне грубить, ну можно ли после этого им хоть день здесь остаться... Вон их, вон их!..

Дарья. Ваша правда, сударыня... такие беспокойства... полно, смотрите на себя, ведь лица нет... Не угодно ли капель гофманских?

Марфа Ивановна. На что, на что... лучше позови ко мне Юрьюшку...

Дарья. Сейчас. *(Уходит.)*

Марфа Ивановна. Ну может ли какая-нибудь холопка более быть привязана к своей госпоже, как моя верная Дашка...

Молчание.

Ну вот, однако ж, я скоро отделаюсь от этих Волиных-братцев. Однако и Юрьюшка уедет и оставит меня одну... видно, так на небесах написано... Я буду без него

молиться, всякое воскресенье ставить толстую свечу перед богоматерью, поеду в Киев... а он ко мне будет писать... *(Кашляет.)* Какой же у меня кашель, от нынешнего крику... То-то и есть, что надо слушаться Евангелия и святых книг, недаром в них говорят, что не надо сердиться, а нельзя: вот как начнут спорить младшие себя, сердце и схватит. То-то нынешний век, зятья зазнаются, внуки умничают, молодежь никого не слушается... Не так было в наше время... бывало, как меня свекровь тузила... а все молчу; и вымолчалось... Как умерла моя свекровушка и оставила мне денег, рублей тридцать тысяч, да серебра, да золота... А нынче все наше русское богатство, все золото прадедов идет не на образа, а к бусурманам, французам.

Молчание.

Как посмотришь, посмотришь на нынешний свет... так и вздрогнешь: девушки с мужчинами в одних комнатах сидят, говорят — индо мне, старухе, за них стыдно... ох! а прежде, как съедутся, бывало, так и разойдутся по сторонам чинно и скромно... Эх! век-то век!.. переменились русские... *(Смотрит назад в галерею.)* Да вот и Юрьюшка идет.

ЯВЛЕНИЕ 5

Юрий мрачно и тихо приближается, не глядя на старуху; за ним Дарья.

Юрий *(бледный, расстроенный, с неудовольствием, не смотря на Марфу Ивановну)*. Вы меня изволили спрашивать?

Марфа Ивановна. Да, мой друг! я давно желала говорить с тобой... да как-то это редко мне удавалось.

Юрий *(холодно)*. Мне самому очень жалко...

Марфа Ивановна. Ты все с отцом да с дядей, ко мне и не заглянешь... видно, я уж стара стала и глупа, что ли? брежу, не так ли?..

Юрий. Я от самой колыбели так мало был с отцом, что вы мне перед отъездом позволите с ним поговорить... по крайней мере, я так думаю...

Марфа Ивановна. Кто ж тебе запрещает... Однако ж я бы хотела тебе сказать и спросить у тебя что-нибудь важное...

Юрий. Я буду слушать... *(Дарье.)* Ступай вон...

Марфа Ивановна. Зачем?.. Она может слышать...

Юрий. Мне совсем не нравятся такие свидетели... Прошу вас выслать ее...

Марфа Ивановна дает знак, и она уходит.

Марфа Ивановна. Знаешь ли, что твой отец наговорил мне тьму грубостей, и мы поссорились, и он едет завтра отсюда?

Юрий. Знаю-с... Но что ж тут до меня касается... я сам еду с ним, если так...

Марфа Ивановна. Ты... с ним... едешь... ты с ума... сошел. Я тебя... не пущу.

Юрий. Вы меня не пустите? вы? — да что вы между отцом и сыном?.. разве я тот же ребенок, который равнодушно глядел на ваши поступки?.. или не знаете: между отцом и сыном один бог!.. И вы осмелились взять это место...

Марфа Ивановна. Так вот плоды моего воспитания! вот нынешняя благодарность!.. О, на что я дожила до сего времени... Юрий хочет меня оставить: в заплату всем моим благодеяниям... И никто не закроет мне глаза нежною рукой!..

Юрий. А ваша Дарья?

Марфа Ивановна. И ты смеешь! неблагодарный!.. почему ты знаешь?

Юрий *(в сторону)*. Вот совесть?.. я только назвал, а она все отгадала.

Марфа Ивановна. Говори, злодей, не я ли тебя воскормила и образовала...

Юрий. Много мук, много бессонниц стоило мне ваше образование... вы хотели поселить во мне ненависть к отцу, вы отравили его жизнь... вы... Но довольно: вы сами знаете свои поступки... и вините себя!..

Марфа Ивановна. Так ты точно меня оставляешь для отца, злодея, негодяя, которого я ненавижу и который за меня поплотится... для него, неблагодарный?..

Юрий. Теперь я вам ничем больше не обязан... О!.. эти слова... заплатили за все, за все... простите. *(Уходит.)*

Марфа Ивановна *(пораженная сидит безмолвно на креслах и в ужасном смущении)*. Он все знает!..

Занавес опускается.

КОНЕЦ 3-го ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Марфа Ивановна и Дарья. Первая на больших креслах в своей комнате.

Марфа Ивановна. Дай капель гофманских, Дашка.

Дарья. Сейчас, матушка. Что это с вами делается?..

Марфа Ивановна. Меня Юрий покидает... меня, которая его воспитала.

Дарья (*притворно*). Во всем, матушка, воля божия видна. Стало, вам так на роду было написано, горе мыкать в старости,— уж я, сударыня, над вами нынче плакала, инда глаза красны.

Марфа Ивановна. Он меня покидает, оставляет, как подлую нищенку на большой дороге,— верно, это злодеи, отец да дядя, его научили...

Дарья. Вестимо, сударыня, они, да и кому ж, кроме их.

Марфа Ивановна. Как будто не знают, что я его за это лишу имения. Уж не достанется Юрью ни гроша... хоть провались деньги мои.

Дарья. Ах Марфа Ивановна, есть у нас поговорка: как волка ни корми, он все в лес глядит.

Марфа Ивановна. Юрий меня для них покидает. Кто ж утешит мою старость. (*Закрывает лицо платком и рыдает.*)

Дарья. Что это вы, сударыня, себя убиваете... успокойтесь, матушка. (*В сторону.*) Теперь я могу сделать славну штуку — заставя ее поссориться с зятем и внуком, сама их меж собой перессорю, да после, если это откроется, свалю на нее. А отняв именье у Юрья Николаича, верно, барыня мне даст много денег. Куда ж ей их девать? сама не издержит. (*К ней.*) Не угодно ли лечь?

Марфа Ивановна. О!.. я никогда на тебя не роптала, боже мой, а теперь не могу...

Дарья. И то сказать правду,— как вы ни старались переманить его к себе, а все понапрасну, уж не вы ли его ссорили с отцом, не вы ли наговаривали, не вы ли именьем прельщали Николая Михалыча, если он оставит сына у вас,— нет-таки — не удержали молодого барина.

Марфа Ивановна. А не ты ли мне все это советовала, не по твоим ли словам я поступала? право, если мы не хитрили, гораздо бы лучше шли все дела мои... Ты, дьявол, мне жужжала поминутно про эти адские средства, ты... ты хотела моей печали и раздора семейственного...

Дарья *(кланяясь)*. Власть ваша... а мое дело холопское, могу ли вам советовать? если вы послушаетесь моих глупых речей, так это вашей же милости... Да и какая же мне прибыль ваше горе... вот хоть теперь вы плачете, матушка, и я плачу,— разве мне легко по ночам-то не спать, сударыня... нет-с — мы, вся дворня, только и молим господа об вашем спокойствии, только и блюдем что ваше здоровье...

Молчание.

Марфа Ивановна. Не знаешь ли, какое в моем положении средство осталось? как помочь?..

Дарья *(подумав)*. Средств много... да вряд ли одно из них вашей милости пондравится...

Марфа Ивановна. Нужды нет, говори все, смело.

Дарья. ...Просить прощенья у Николай Михалыча и уговорить, чтобы он остался, так же как и Юрия Николаича, а после — второго можно как-нибудь и совсем оставить, притворясь больной... Тогда он уж не поедет в Неметчину.

Марфа Ивановна. Ох, нет, это не удастся... они нам уж не поверят... да к тому ж мне просить прощенье у зятя, мне? я разве девчонка перед ним? Ни за что, ни за что в свете.

Молчание.

Нет ли другого способа?..

Дарья. Насильно удержать.

Марфа Ивановна. Нельзя. За это ответишь.

Дарья *(кинув пронзительный взгляд)*. Клевета!

Марфа Ивановна. Клевета? Что это... клевета? — как, объясни...

Дарья. Это, сударыня, последнее средство...

Марфа Ивановна. Говори же скорей...

Дарья. Надобно, думаю так, поссорить Юрья Николаича с батюшкой его, тогда он поневоле к вам оборотится, вы же приласкайте его... говорится, что если человек тонет, так готов за плывущую траву ухватиться.

Тут же, как молодой барин будет в отчаянье, можно у него выманить честное слово — а на его слово и подозрительный жид рад будет положиться. Нечего сказать!..

Марфа Ивановна *(в смущении)*. Полно, полно — да как нам поссорить их?.. где средство?

Дарья. Я сказала уж, сударыня: клевета!

Марфа Ивановна. Да как это...

Дарья. Надо довести до ушей Николай Михалыча, будто бы Юрий Николаич вам говорит одно, а ему другое — вот и дело с концом-с. Другого средства навряд кто найдет...

Марфа Ивановна. Я тебе это дело препоручаю, Дашка... и берегись, если его испортишь!..

Дарья *(подумав)*. Вот что мне кажется, Марфа Ивановна,— мы этак их перессорить-то перессорим, а Юрий Николаич все вас покинет.

Марфа Ивановна. Как... отчего? Стало быть, этот способ не годится.

Дарья *(в сторону)*. Решительная минута. *(Ей.)* Другого средства нет.

Марфа Ивановна. Мне надо непременно Юрьюшку в руки... я без него жить не могу.

Дарья. Право, это вам так только кажется-с...

Марфа Ивановна. И ты против меня.

Дарья. Как можно, сударыня. А я говорю, что нам не удастся перехитрить Волиных... а если удастся, так что пользы; молодой барин вас не успокоит больше... уж кончено... только вас же станет укорять, вам же беспокойства....

Марфа Ивановна. Я хочу...

Дарья. Как угодно, матушка, я готова на все ваши приказания.

Марфа Ивановна *(в сторону)*. Однако ж она правду говорит — внук все знает, так мне только на совесть свинец, если он будет жить в моем доме да укорять меня — бог с ним. *(Дарье.)* Ну, я с тобой соглашаюсь, видно, мне суждено промыкать старость сиротой — весело зато прежде живала. Однако ж мне хочется им отомстить!

Дарья *(в сторону)*. Подействовало. *(Ей.)* Да мое для мщенья лучшее средство.

Уж наказанья Юрью Николаичу лучше не будет — у него негде будет головы преклонить, как разве на ули-

це... да и Николай Мнхалычу будет жутко... много крови у ннх обонх попортится...

Марфа Ивановна. Я хочу видеть их мученья... Месть... месть!.. злодеи, простн боже мое согрешенье... не в силах, мать богородица и святые угодники — простнте мне... поеду в Киев, половину именья отдам в церковь, всякое воскресенье десятнфунтовую свечу перед каждым образом поставлю... только теперь помогите отомстить... теперь простите мне!.. *(В расслабленье.)* Капель... Дашка! — дурно!..

Дарья *(подает)*. Так я нынче же начну дело... только, сударыня, не беспокойтесь, не огорчайтесь... весь дом на вас не наплачется...

Марфа Ивановна. Как не огорчаться...

Дарья. Ваша воля будет нсполнена, матушка...

Марфа Ивановна. Моя воля!.. ах!.. послушай,— ты так поступай, чтобы никто не знал...

Дарья. Слушаю-с... уж я...

Марфа Ивановна. То-то же!.. Отведи меня на постель.

Дарья ее доводит до двери.

Да послушай — поди возьми шкатулку... а я уж сама дойду с палкой. *(Уходит.)*

Дарья *(берет шкатулку, вернувшись)*. Ха! ха! ха! теперь рыбкн попляшут на сковроде... Эта старуха вертнтся по моему хотенью, как солдат по барабану... Я теперь вижу золотые, серебряные... ха! ха! ха! — в руке моей звенят кошелькн... без них ведь я буду хозяйкой здесь... барыня-то слаба: то-то любо!.. Не дай бог, однако ж, чтоб умерла... при ней-то мне тепло... а тогда... придет дело плохое за все мои козни, особливо если они откроются... мне скажут, грех тяжкий эти сплетни, бог накажет... как бы не так... я слыхала от господ старых, что если на исповедн все скажешь попу да положишь десять поклонов земляных — и дело кончено, за целый год поправа. Да и что за грех — штука теперешняя, я не понимаю,— поссорнть отца с сыном — не убить, не обокрасть... помирятся... ведь... экая важность поссорить отца с сыном... хи! хи! хи! *(Хочет идти в комнату госпожи с ларчиком, но на пути останавливается.)* Да! я позабыла подумать, как распустить мон ложные вести... *(Подумав.)* Всего лучше чрез людей Василья Михалыча, как не нарошно. А он, узнав, не помешкает объявить приятную весточку братцу своему. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 2

Сад, день. Декорация последней сцены 2-го действия.
Юрий входит... Расстроенный вид.

Юрий. Дурно кончаются мои дни в этой деревне... последние дни... какие сцены ужасные... мое положение ужасно, как воспоминание без надежд... чрез день... мы едем... но куда. Отец мой имеет едва довольно состояния, чтоб содержать себя... и я ему буду в тягость... в тягость... О! какую я сделал глупость... но тут нет поправки... нет дороги, которая бы вывела из сего лабиринта.

Молчание.

Что я говорю?.. нет, моему отцу я не буду в тягость... лучше есть сухой хлеб и пить простую воду в кругу людей любезных сердцу... нежели здесь веселиться среди змей и, пируя за столом, думать, что каждое роскошное блюдо куплено на счет кровавой слезы отца моего... Это ужасно... это адское дело...

Слышен разговор.

Но кто идет в аллее — две тени... Заруцкой... его мундир... а это... Элиза... нет, нет... это *Любовь*... Отчего сердце мое так молотком и бьется, будто бы хочет выскочить, что все это значит? Опять искушенье — опять. *(Прячется.)*

Меж тем Любовь и Заруцкой входят в полном разговоре и останавливаются, так что ему нельзя слышать слов, но можно видеть, не будучи примечену.

ЯВЛЕНИЕ 3

Заруцкой. Умоляю вас. Сделайте меня счастливым. Вы не знаете, как горячо мое сердце пылает, если вы никогда не любили,— но если когда-нибудь Купидон заглядывал в ваше сердце... то судите по себе. Во имя того юноши, который мил вам, заклинаю вас, приведите ее сюда...

Любовь. Вы слишком дерзки, сударь... почему вы знаете, люблю ли я кого-нибудь... поймали меня в саду, нечаянно... и не даете мне покою... Думаете, я не могу острамить вас, велеть прогнать или пожаловаться па-

пеньке... другая бы этого не сделала... и то для того, что вы приятель Юрья Николаича.

Заруцкой *(в сторону)*. Хорошо! *(Ей.)* Именем его заклинаю вас. *(Становится на колени.)* Заклинаю вас, выведите Элизу... вы будете тут...

Юрий *(за деревом)*. И она может терпеть это... злой дух испортил ее сердце... о! *(Стонает.)*

Заруцкой берет ее руку.

Довольно!.. пистолеты будут готовы в минуту... и *(с дикой радостью)* он мне поплотится своим мозгом. *(Уходит.)*

Любовь *(в сторону)*. Если бы он не был таков, как Юрий, мог ли бы он быть его другом; а он меня сделал такой счастливой; зачем же завидовать сестре. *(Ему.)* Дайте мне вторично слово во зло не употребить снисхождения Элизы.

Заруцкой. Клянусь.

Любовь. Я не нуждаюсь в ваших клятвах, дайте мне только честное слово. Но я не хочу насильно его у вас вырвать; пускай это будет добровольно.

Заруцкой *(вставая)*. Мое гусарское слово.

Любовь. Точно? Ну я согласна! — только чур помнить уговор. *(Убегает.)*

Заруцкой. Ну вот и мои дела приходят к окончанью — это славно,— что за важность, если я изменю своему слову: женщины так часто нас обманывают, что и не грешно иногда им отплатить той же монетою. *(Закручивая усы.)* Элиза эта преинтересная штука, хотя немного кокетится — да это ничего. Первое свиданье при свидетелях, а второе tête à tête[1]. Можно отважиться — а если нет, ну так можно жениться — впрочем, мне этого не очень хочется. Гусарское житье, говорят, повеселее.

Юрий быстро входит с пистолетами.

ЯВЛЕНИЕ 4

Юрий. Господин офицер...

Заруцкой. Мой друг!..

Юрий. Так вы меня называли прежде.

Заруцкой. И теперь, надеюсь.

[1] с глазу на глаз *(фр.)*.

Юрий *(подает ему пистолет)*. Вот наша дружба.

Заруцкой. Как? что это значит?

Юрий *(отвернувшись.)*. Берите.

Заруцкой. Я не хочу! — растолкуй мне, за что и на что?.. я не возьму... Может быть, ошибка... и за это, черт возьми... я не стану с другом стреляться.

Юрий *(с горьким тоном)*. Трус...

Заруцкой. Ты, брат, с ума сошел или шутишь. *(Отталкивает подаваемые пистолеты.)*

Юрий *(в сторону)*. Если он меня убьет, она ему не достанется; если я его убью... О! мщенье!.. она ему никогда не достанется, ни ему, ни мне... пусть так... теперь я понимаю, отчего он не хочет стреляться — он не хочет ее лишиться... Как желал бы я быть на его месте. Смерть ему, похитителю последнего моего сокровища, последнего счастья души моей... смерть и проклятье!.. *(Ему.)* Трус, слабодушный ребенок... не тебе быть гусаром, ты способен стоять на коленках пред женщинами... ха! ха! ха!.. Стыдись, мямля, бери-ка пистолет.

Заруцкой *(подходя)*. Так Юрий в самом деле не шутит?

Юрий *(показывая на оружие)*. Моя последняя шутка здесь... *(Кидает один пистолет на землю.)*

Заруцкой. О! это много для шутки. *(Подымает пистолет.)* Мы стреляемся здесь!..

Юрий. В самом деле?.. Небо или ад мне послало это блаженство? благодарю тебя, мой помощник...

Заруцкой. Только ты мне должен объяснить...

Юрий. Дай честное слово, что будешь стреляться.

Заруцкой. Вот оно!..

Юрий. Ты похитил у меня ее сердце, сердце той... что была сейчас здесь... да!.. этого... кажется, довольно... слишком для меня довольно.

Заруцкой. Я очень рад, что это так, ибо ты ошибаешься... выслушай только.

Юрий. Я не слушаю... я не верю ничему больше на свете, этот миг переменил мое существование...

Заруцкой. Да я не стану без того стреляться...

Юрий *(с дикой радостью)*. А твое честное слово?

Заруцкой *(в сторону)*. Проклятое честное слово...

Юрий. Стреляй!

Заруцкой. Я готов. *(Про себя.)* Выстрелю на воздух!

Юрий *(в сторону)*. Может быть, он еще не виновен, может быть, она меня обманула... разве он не имел права ее любить, если был любим... однако ж это требует крови, крови... Пускай моя кровь прольется. *(Берет его за руку.)* Будем стреляться друзьями...

Заруцкой. Что это? откуда эта перемена?

Юрий. Позволь мне умереть твоим другом.

Заруцкой. К чему ж стреляться?

Юрий. Ах!.. я хочу умереть или тебя убить, тайна тяготит мое сердце... короче: я должен с тобою стреляться...

Заруцкой. Но какая тайна?

Юрий. О нет! не испытывай меня, не принимай участия, его не должно для меня существовать... не срывай покрова с души, где весь ад, все бешенство страстей... позволь, лучше позволь мне тебя обнять в последний раз. *(Обнимает.)* *(Поднявшись.)* Так, все кончено... я сделал должное... последняя слеза всех моих слез, свинцовая слеза моих страданий упала ему на грудь... ее, может быть, пробьет мой свинец; что ж?.. он будет тогда счастливей меня. *(К нему.)* Добрая ночь, друг... а попы нам отпоют вечную память.

Становятся.

Заруцкой *(наводит пистолет)*. Раз... два...

Юрий. Постой!..

Заруцкой. На что!..

Юрий. Ты должен мне клясться, что если я буду убит... то ты ее больше ни разу не обнимешь... что ты кинешь ее навсегда. Заруцкой!.. Заруцкой! не забудь, что мы еще друзьями... ты должен отомстить меня... Я для тебя все сделал, что нужно. У меня в кармане бумага, где написано, что я сам застрелился... а ты беги! беги!.. совесть не должна тебя мучить: она всему виною...

Заруцкой. Твой ум расстроен: ты не знаешь, про кого говоришь...

Юрий. Не говори, не оправдывай ее: она черна, как сажа... Не эта ли девушка клялась в любви на груди моей, не здесь ли хранится ее клятва?.. Я преклонял мои колена, как перед ангелом, ангелом невинности — боже всемогущий, прости, что я оклеветал твое чистейшее творенье!..

Заруцкой. Коли дело делать, так скорей, нам могут помешать...

Юрий *(в задумчивости)*. Какой адский дух толкнул меня за это дерево... зачем я должен был увидеть обман, мне приготовленный, зачем, выпивая чашу яда, мне должно было узнать о том — в ту минуту, когда напиток уже на языке моем...

Может быть, без этого я бы скоро ее разлюбил или провел месяцы наслажденья спокойного, на груди изменницы, но теперь, теперь, когда я сам видел... теперь... змея ревности клубится в груди моей... ненависть пожирает мою душу... Я должен отмстить за оскорбленное мое сердце...

Заруцкой. Волин! готовься!..

Юрий *(не слышит)*. Ужели эта была необходимость, ужели судьбе нет другого дела, кроме терзать меня... она знает, что человек слабее ее: ты, грудь моя, бывшая всегда жертвенник одних высоких чувств... окаменей, подобно ее сердцу... пускай на тебе дымится мщенье... О! для чего в первые минуты любви закрыты от нас муки ревности?.. Но он, он... мой друг, ах! зачем! я б раздробил его череп... теперь я должен умереть... и что для меня жизнь, что снова блеснет разочарованной душе двадцатилетнего старика *(подумав)*, так я стар... довольно жить!..

Заруцкой *(бьет его по плечу)*. Теперь не время размышлять... или ты боишься?..

Юрий *(как от сна)*. Я готов! *(Оборачивается и открывает лоб.)* Дай я буду считать... когда скажу: три... спускай... раз — два — *(останавливается)*... не могу... чудо! сердце охладело... слова не льются... но я возьму верх.

Слышен крик. Вбегает Любовь.

ЯВЛЕНИЕ 5

Любовь *(подбежав к Юрию, видит пистолет)*. Ах!.. что это такое...

Юрий *(отходя прочь)*. Ничего!..

Любовь *(к Заруцкому)*. Ради неба!.. что это значит!

Молчание.

Даже вы не хотите мне сказать... *(К Юрию)*. Зачем эти пистолеты!.. и ствол к тебе...

Юрий *(язвительно)*. Спроси у него... у этого гусара в золотом ментике и с длинными усами, он и теперь лучше удовлетворит твоему желанью, чем я.

Любовь *(с нежным укором)*. Юрий! зачем такой холодный тон... как ты скоро переменился...

Юрий *(в сторону)*. О непостижимое женское притворство! *(Ей.)* Оставьте меня... я сказал вам, спросите у Заруцкого!..

Заруцкой *(подходит к Юрию)*. Нам помешали — итак, до завтрашнего... *(Уходит.)*

Юрий. Как знать, что будет завтра?.. может быть, я буду счастлив, может быть, я буду лежать на столе... *(Любови.)* Что вы не пошли за ним, он вас любит больше меня...

Любовь. Какая холодность — но мы теперь одни, растолкуй мне эту тайну, умоляю тебя самим богом...

Юрий. Не им ли ты клялась любить меня...

Любовь. Я сдержала мою клятву.

Юрий. Я и позабыл, что она не клялась любить меня одного... быть может, она права; кто знает женское сердце,— говорят, оно способно любить многих вдруг...

Любовь *(с грустью)*. О! как ты несправедлив...

Юрий. Против тебя? я несправедлив?.. и ты можешь так равнодушно говорить... как будто... о, трепещи, если я докажу тебе.

Любовь. Чего мне бояться? Совесть моя чиста...

Юрий. Ее совесть? Ад и проклятье... Я тебя любил без всякой цели, но это благородное чувство впервые обмануло меня. За каждую каплю твоей крови я был готов отдать душу; за один твой веселый час я заплатил бы целыми годами блаженства, и ты... мне изменила!..

Любовь. Как?.. такая клевета, ужасное подозренье вышло из твоего сердца?.. Не верю! ты хотел испугать меня. *(Берет его за руку.)* Ты шутишь... о, скажи: ты шутишь!.. Юрий! перестань, я не... вынесу... этого...

Юрий *(в бешенстве)*. И ты не стыдишься перед этими деревами, перед цветами, растущими вокруг, пред этим голубым сводом, которые были свидетелями наших взаимных обещаний... посмотрите, дерева, с какой адской улыбкой, притворной невинностью она стоит между вами недвижна, как жена Лотова... взгляни и ты, девушка, на них... они качают головами, укоряют тебя, смеются над тобой... нет... надо мной они хохочут... слышишь,

говорят: безумец, как мог ты поверить женщине, клятвы ее на песке, верность... на воздухе... беги, беги, уже зараза смертельная в крови твоей... беги далеко из родины, где для тебя ничего больше нет... беги туда, где нет женщин... где ж этот край благословенный, пущусь искать его... стану бродить по свету, пока найду, и погибну... где?.. лишь бы дальше от нее... а то мне все равно! — простите, места моего детства, прости, любовь, надежда мечты детские... все свершилось для меня... *(Хочет бежать, Любовь, как пробудившись, вдруг останавливает его.)*

Любовь. Остановись, на минуту!.. не погуби невинную девушку. *(Жалобно.)* Слушай, жестокий друг: клянусь, в первый раз клянусь всем страшным для меня, что я тебя одного любила и люблю!.. чего тебе еще больше! Неужели и эти слова тебя не уверяют? Юрий!.. отвечай мне ласково, иначе ты убьешь меня. *(Сильнее прижимает к себе его руку.)*

Юрий *(почти не слыхав ее слов)*. Какой сильный дух остановил меня? отчего я еще здесь?.. Моя голова пылает, мысли мешаются *(старается вырваться)*, пусти... пусти...

Любовь. Юрий! не пущу тебя, пока ты не признаешь меня невинною, до тех пор смерть не оторвет меня от ног твоих; я обниму колени, если ты отрубишь руки, я зубами стану держаться, позволь мне тебе все объяснить!..

Юрий *(холодно)*. Вы справедливы...

Любовь. Ты говоришь не от сердца.

Юрий. Ты невинна, непорочна... пусти меня...

Любовь *(пускает слабже его руку, но Юрий не выдергивает свою, и она остается)*. Помнишь ли ты прошедшее? — ты сам признавался, что моя нежность сделала тебя счастливейшим человеком, я верю, ибо люблю тебя со всем пламенем первой страсти... вспомни, что ты мне рассказывал давно уже; ты говорил, что предмет первой любви твоей своею холодностью сделал твой характер мрачным и подозрительным, что с тех пор твое сердце страдает от нанесенной язвы...

Юрий глядит в сторону, дабы скрыть смущение.

А ты губишь первую любовь бедной девушки... суди по себе... ты сделался мрачен, а я не перенесу этого.

Неужели ты такой эгоист, что почитаешь себя одного с чувством и душою... О Юрий, ты так обманул меня; ты говорил о привязанности своей ко всему миру, ко всем людям, а ныне не имеешь сожаления к бедной девушке...

Юрий в сильном смущении.

Но ты плачешь... о, не верю, что ты совсем меня отвергнул, нет, я еще любима,— не верю твоей холодности, она пройдет, ревнивый мужчина!.. видишь: я у ног твоих прошу пощады: люби меня... выслушай оправданье...

С рыданьем упадает перед ним и обнимает его колена. Юрий в сильном движенье, рыданья останавливают вырывающиеся слова; он плачет.

Юрий *(дрожащим голосом)*. Прочь, прочь... сирена... прочь от меня...

Любовь *(встает и поднимает глаза к небу. Тихо.)*. О боже! боже мой!..

Юрий *(отошед в сторону)*. Слабость! слабость! Она мне напомнила про первую любовь, про первые муки душевные — и я заплакал: но она не тверже меня духом; я заставлю ее, бледнея и дрожа, признаться в измене...

Молчание.

Я не знаю, она еще так много власти имеет надо мною, что надо призвать всю твердость, чтоб совершенно окаменеть... так, я не должен иметь ни малейшей жалости к прекрасному личику этому... я желал бы ее сделать безобразною, чтобы совершенно истребить из груди любовь. *(Берет пистолет и подходит к ней.)* Видишь ли это оружие... я могу через одно пожатие пальца превратить тебя в окровавленный труп... видишь. *(Прицеливается.)*

Любовь. Стреляй, если можешь...

Юрий *(бросает пистолет. С досадой.)*. Женщина!

Любовь. Неужели думаешь, что я дорожу теперь жизнью... нет, я никогда не наслаждалась ею и умею не бояться убийцы. *(Опускает снова в задумчивости голову и руки.)*

Юрий *(мрачный, приближается к ней)*. Наши сердечные связи расторгнуты, виновна ты или нет. Я не буду любить тебя, я не могу, если б даже и хотел... *(Глядит ей пристально в глаза и берет руку.)* Вот перстень, который ты мне дала недавно: возвращаю его тебе, как не-

нужного свидетеля любви моей. Возьми его назад. Я еду из родины в чужие края, ничто больше здесь меня не задержит... *(Тронутый.)* Благодарю тебя за лучшие часы моей жизни и ни за что не укоряю. Ты показала, что можно быть совершенно счастливу у сердца нежной женщины и что это блаженство короче всех блаженств. *(Жмет руку ей.)* Благодарю тебя, Любовь!.. *(Молчание. После чего Юрий с жаром продолжает.)* О друг мой! оставь свое бесполезное упрямство. Ты меня не разуверишь, ибо я сам все видел... но, признайся чистосердечно, что ты виновна, тогда, быть может, я снова полюблю тебя...

Любовь *(гордо.)* Нет! я на свою честь не буду клеветать... Впрочем, мое признанье было б бесполезно, если б я была в самом деле виновна пред тобою...

Юрий. Итак, ты не хочешь...

Любовь *(твердо)*. Не могу и не должна!..

Юрий. Прощай. *(Идет, но ворочается.)* Дай мне последний поцелуй. *(Берет ее руки.)* Прощай, Любовь, прощай надолго!.. *(Целует ее в губы.)* *(В восторге.)* Нет! нет! эти уста никогда не могли быть преступными, я б никому не поверил, если б... проклятое зренье!.. Бог всеведущий! зачем ты не отнял у меня прежде этого зренья... зачем попустил видеть, что я тебе сделал, бог!.. О! *(с диким стоном)* во мне отныне нет к тебе ни веры, ничего нет в душе моей!.. но не наказывай меня за мятежное роптанье, ты... ты... ты сам нестерпимою пыткой вымучил эти хулы... зачем ты мне дал огненное сердце, которое любит и ненавидит до крайности... ты виновен!.. Пусть гром упадет на меня, я не думаю, чтоб последний вопль давно погибшего червя мог тебя порадовать... *(В отчаянье убегает.)*

Молчание.

Любовь *(оглядывается; жалобно)*. Он ушел! О, я несчастная девушка!.. *(Упадает в слабости на скамью дерновую.)*

Занавес опускается.

КОНЕЦ 4-го ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Комната Николая Михалыча, сундуки и чемоданы готовы к отъезду.

Василий Михалыч *(входя, слуге, который идет за ним)*. Что? что? не может быть. Неужели это правда?

Слуга. Точно так-с.

Василий Михалыч. Так, так, мне самому это все казалось... экой шельма... поди позови брата сюда моего... экое несчастное дело!

Уходит слуга.

Ну как объявить ему теперь — просто, да просто — надобно за один раз кончать эти сплетни. *(Садится.)* Надобно порядком распечь племянника моего,— экую он заварил кашу,— однако я пощажу его немного.

Молодость! все молодость! хотя это такой порок, от которого всякий день мы исправляемся,— может быть, он и не совсем так говорил, или что-нибудь да не так тут есть... впрочем, я не думал бы никак, чтоб Юрий дошел до такой низости, если б... *(В задумчивости опускает голову.)* Ба! — что это за записка: Ma chère...[1] это любопытно. *(Подымает записку — вдруг вскакивает в изумлении и долго молчит, смотря на записку, потом с досадой говорит.)* Как... к Любови — к моей дочери любовное письмо — свидание... Юрий... нет, этого я не стерплю!

Молчание.

Видно, это давно написано, потому что на полу валяется, как все старое.

Молчание.

Ну, говори, что я несправедливо делал, любя дочерей моих неодинаково... Я наперед как предчувствовал это... вот Лизушка такой штуки не сделает... с братом двоюродным любовное свидание — где это на свете видано...

О! я ему отомщу; будет теперь меня помнить. После этого чего нельзя от него ожидать, от обольстителя двою-

[1] Дорогая *(фр.)*.

родной сестры!.. *(Ходит взад и вперед.)* Однако припрячу записку до случая. *(Кладет в карман.)* Но вот и брат идет, кажется...

ЯВЛЕНИЕ 2

Николай Михайлович входит.

Николай Михалыч. Что это, брат, такое, что опять за важное дело. У меня, право, их теперь так много, что не знаю, куда с ними деваться.

Василий Михалыч. Да дело немаловажное, касающееся до тебя и до твоего сына.

Николай Михалыч. Марфа Ивановна что-нибудь еще хочет сочинить, не правда ли?

Василий Михалыч. Нет, до нее тут ничего не касается.

Николай Михалыч. Эх, братец! так что же тут может быть важного. Ты меня только оторвал от занятья... об этом после можно поговорить.

Василий Михалыч. То-то нельзя...

Николай Михалыч. Что же это?..

Василий Михалыч. Твой сын...

Николай Михалыч. Мой сын — лучший из сынов. Благороден, справедлив, хотя мечтателен, и меня любит, несмотря на все происки старух...

Василий Михалыч. Хм! хм! хм!

Николай Михалыч. Что ты так смотришь? Неужели кто-нибудь может сказать нет?

Василий Михалыч. Нет! — не то, чтобы не любил *совсем*; а это еще подлежит сомнению.

Николай Михалыч. Как сомнению? что это! Неужели ты так об нем думаешь? — братец!

Василий Михалыч. Да, думаю... и, может быть, ты сам скоро начнешь думать.

Николай Михалыч. По крайней мере, он до сих пор не подал мне повода почитать его бесчестным человеком.

Василий Михалыч. Вот видишь: есть люди, которые умеют так скрыть цель свою и свои поступки, что...

Николай Михалыч. Братец! Юрий не из таких людей...

Василий Михалыч. Человек неблагодарный не может быть хорошим человеком.

Николай Михалыч. В ием этого нет...

Василий Михалыч. А как есть? Разве Марфа Иваиовиа ие воспитала его, разве не старалась об его детстве, разве ие ему же хотела отдать все свое имение, а ои — оставит—иу, да это для отца,—да как поступает с ней; со стороиы жалко смотреть,— груб с иею, как с последией кухаркою...

Николай Михалыч. Что же из этого всего ты хочешь вывесть!.. Ради бога, объясиись!

Василий Михалыч. А то хочу вывесть, что ои, обмаиув ее, может обмаиуть и тебя. Видишь: тебе кажется, что ои с ией так дурио поступает, ее оставляет, про иее дурио говорит... а кто знает, может быть, и ей ои на тебя бог знает как клевещет.

Николай Михалыч. Стыдись! — это все одни иесправедливые подозрения! — помилуй! что ты делаешь?

Василий Михалыч. Я хочу тебе открыть глаза из одиой дружбы к тебе, и у меия, поверь, не одни подозреиия — без доказательств ие смел бы я говорить.

Николай Михалыч. Да тут иет доброго смысла братец!..

Василий Михалыч. Отчего же?

Николай Михалыч. Ну ты, верио, согласишься, что Юрий умеи!

Василий Михалыч. Глупый человек не может быть так лукав!..

Николай Михалыч. Итак, согласеи! Какая же тут цель? Ои должеи бы был поиять, что эти сплетни, как ты говоришь, ии к чему ие послужат!

Василий Михалыч. То-то и дело: ои умеи, потому-то я еще и ие совсем дошел до цели. А в том, что я теперь тебе расскажу,— я увереи.

Слушай же: вчерась, в ее комиате, он говорит своей бабке: довольиы ли вы теперь моей привязаиностью! — вам тяжко присутствие моего отца! — я ему про вас иаговорил, ои с вами побраиился — и теперь вы имеете полиое право ему указать порог...

Николай Михалыч. Ужасиое бесстыдство.

Василий Михалыч. Да — ио это ие все...

Николай Михалыч. Что еще может быть ииже этого!.. Но иет, не верю... ие верю... кто слышал это? *(Берет его сильным движением за руки.)* Отвечай, кто слышал?.. кто?

Василий Михалыч *(в сторону)*. Беда! надобно солгать. *(Ему.)* Я — я слышал... право, я...

Николай Михалыч. Непостижимый случай. Сын... не могу подумать этого — изверг!..

Василий Михалыч. Успокойтесь!.. успокойтесь...

Николай Михалыч. Мне успокоиться? Ха-ха!.. *(Звонит, человек входит.)* Сына моего пошли. Сию минуту отыщи его, хотя б он был у самого черта... слышишь? *(Ходит взад и вперед по комнате.)*

Василий Михалыч. Но я тебя прошу, братец, поменажируй, поменажируй [1] его... пожалуйста — ведь я так только тебе сказал, а не для того, чтобы сделать из этого целую историю... пощади его, ведь он еще молод, видишь ли... братец...

Николай Михалыч *(в бешенстве)*. Никогда, никогда — мне его пощадить — нет — я ему дам нагонку — кто б подумал — такое злодейство... хотя бы капля совести — ничего! До тех пор меня обмануть... О! он дорого мне это заплотит... *(Ходит взад и вперед.)*

Василий Михалыч *(в сторону)*. Вот, кажется, и Юрий идет сюда — сяду на это кресло и, как ни в чем не бывало, стану слушать. Да я б желал, чтоб ему хорошенько досталось — ведь видно, что родства не знает. Любовное свидание с моей дочерью! Боже, боже мой! экая нынче молодежь! Ну ж, я ему отплатил! в таких случаях солгать простительно. *(Садится возле стола.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Прежние — и Юрий (входит тихо).

Юрий. Вы меня спрашивали, любезный батюшка?

Николай Михалыч *(в сторону)*. Любезный! я ему задам такой любезности, что он будет помнить.

Юрий *(ближе)*. Батюшка! что вам угодно?..

Николай Михалыч *(оборачиваясь. Сердито и строго.)*. Кажется, вам бы можно со мной поучтивее обращаться...

Юрий в удивлении отступает назад.

Василий Михалыч *(в сторону)*. Идет хорошо покуда.

[1] пощади, побереги (от *фр.* ménager).

Николай Михалыч. Кто тебе велел сюда прийти?

Юрий все еще смотрит на него.

Повторяю, зачем ты сюда пришел?

Василий Михалыч. Да ведь ты, братец, за ним, кажется, посылал!..

Николай Михалыч. Знаю сам. Да я хочу, чтобы он отвечал... *(С презреньем.)* Видишь, как смотрит, точно бык. *(Юрию.)* Что ты молчишь, негодяй?..

Юрий. Что такое?.. но вы, верно, шутите, батюшка, перестаньте, прошу вас; нынче такие шутки мне слишком тяжело легли на сердце... кончите...

Николай Михалыч *(сердито)*. Смотри пожалуйста — я с ним шучу!.. нет, серьезно говорю, сударь, что ты негодяй, скверный человек.

Юрий *(горячо)*. Батюшка, я не заслужил этого!

Николай Михалыч. Ты заслужил больше... ты стоишь, чтоб я тебя прибил... и еще больше.

Юрий *(гордо и с увеличивающимся жаром)*. Вспомните, что я уже не ребенок... не доведите меня до крайности, моя голова довольно нынче разгорячена... Я невинен: ручаюсь честью!.. но за себя не всегда могу отвечать!.. не...

Николай Михалыч *(прерывает)*. Отец всегда имеет право над сыном... а ты хочешь идти против меня, неблагодарный?..

Юрий. Так, я не благодарен, только не к вам. Я обязан вам одною жизнью... возьмите ее назад, если можете... О! это горький дар...

Николай Михалыч. Что ты хочешь сказать этим?..

Юрий. Для вас я покидаю несчастную старуху, хотя мог бы быть опорой последних дней ее... Она мне дала воспитание, ухаживала за моим детством, ей обязан я пропитаньем, богатством, всем, что я имею, кроме жизни... и в несколько дней я ее приблизил к могиле... К ней я неблагодарен... я не должен был смотреть на ваши распри: обязанность человечества должна была занять мое сердце... но для вас я сделал великое преступление... и вы меня обвиняете, вы, мой отец... нет, это свыше границ возможного!..

Николай Михалыч. Ты можешь так бесстыдно лгать, лицемер... ты, который своими низкими сплетня-

мн увелнчнл нашу ссору, который, надев маску прнвязанностн, являлся к каждому н вооружал одного протнв другого, через которого я как последннй нищий выгоняем нз этого дома... несчастный; еслн б я это знал, я б тебя удушнл прн твоем рожденье, чтоб ннкогда глаза мон не видали такого чудовнща!..

Юрнй *(бросается к ногам его)*. Радн всего страшного, не продолжайте, отец мой!.. я почтн понимаю, что вы хотите сказать... клевета... клевета... все клевета... не верьте ннкому... кроме мне... я вас люблю, я это доказал...

Николай Михалыч. Змея...

Юрнй. Рассмотрнте, узнайте... но берегитесь меня доводить до отчаяння: я невннен!..

Нnколай Мнхалыч. Я все знаю... теперь поздно твое коварство. Тебе не удалось нынче. Сквозь этот огорченный внд невнnности, сквозь эти бледные черты я внжу адскую душу... отрекаюсь от нее: ты больше мне не сын... прочь, прочь отсюда с твоим наследством. Ты мне золотом не заклеишь язык... я все тебя отвергну, хотя б с тобой были мнллноны... такое коварство... почти отцеубнйство, еслн не хуже, потому что я тебя любил... и в такнх молодых летах... прочь, прочь... я не могу слышать тебя близко!.. Мое состоянне самое опасное, может быть, и скоро совсем разорюсь... буду проснть милостыну... но верь мне, даже не подойду к твоему окошку... я не захочу встретнть на нем печать моего проклятья... сердце мое тогда бы облнлось сожаленьем... я этого не хочу — прочь!..

Юрий вздрагивает при слове проклятье и, быв прежде в ужасиом движеиии, вдруг стаиовится как окаменелый.

Молчание.

Васнлнй Мнхалыч *(подходит к брату)*. Не довольно лн? Посмотри, как он бледен... как мертвец.

Нnколай Михалыч. Так его и надо... нужды нет!.. он еще может раскаяться...

Юрнй *(вдруг с диким смехом)*. Ха! ха! ха!.. отец проклял сына... как это легко... Посмотрите, посмотрите, посмотрите на это самодовольное лицо... посмотрите на этн спокойные черты: этот отец проклял сына!.. *(Уходит в сильном, но молчаливом отчаянии.)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Прежние без Юрия.

Николай Михалыч. Он ушел?..

Василий Михалыч. Кажется, братец, кажется.

Николай Михалыч. Я так утомился, мне надобно отдохнуть... о, не дай бог иметь такие дни в жизни никакому отцу.

Василий Михалыч. Ты прав, братец... не дай бог...

Николай Михалыч уходит.

ЯВЛЕНИЕ 5

Василий Михалыч (*один*). Уж досталось тебе, негодяй... если б я еще последнее сказал да представил это письмо, так не то бы еще было — да так уж пожалела моя душа...

Теперь пойду,— однако ж дочку свою не стану еще бранить... будет время... И без нас здесь шуму и горя довольно... ох! ох! ох!.. (*Уходит за братом своим.*)

ЯВЛЕНИЕ 6

Дарья (*которая подслушивала за противоположной дверью, выходит на цыпочках*). Все кончено — слава богу, мне удалась эта, как многие другие, однако лучше этой еще ни одной не могу запомнить. Так прекрасно через людей передала я свою выдумку Василию Михалычу, а тот сдуру и поверил... Ну ж мне будет благодарность от госпожи моей... денег-то, денег-то... а уж этот Волин, зажгла я его хоромы, и морем не потушит... теперь все наше... хоть заране молебен святым угодникам служи... Однако ж потороплюсь объявить свою новость барыне... Добро вам, незваные гости!

ЯВЛЕНИЕ 7

Дарья хочет уйти, но встречается в дверях с Марфой Ивановной.

Марфа Ивановна (*входит с палкой*). Дашка! Дашка! что тут случилось! скажи скорей! я слышала

шум... вижу радость на твоем лице... что такое? Дашка! подай стул...

Дарья *(подвинув стул)*. Что случилось, сударыня?..

Марфа Ивановна. Ну, да! говори же.

Дарья. Что случилось?!

Марфа Ивановна. Какое дурацкое эхо!.. отвечай же скорей.

Дарья. Случилась маленькая комедь между батюшкой и сынком... не извольте бояться — это ничего: Юрья Николаича батюшка побранил, да в шутку и проклял, а тот огорчился. Вот вам все, сударыня.

Марфа Ивановна. Проклял... ты этому виною, негодяйка... ты *(поднимает руку на нее)* своими сплетнями это сделала...

Дарья. Да ведь вы сами, матушка, приказывали. *(Кланяясь.)* Чем же я могла вас прогневить...

Марфа Ивановна. В ссылку сошлю, засеку... я тебе сказала, чтоб поссорить их... но разве не ты мне это присоветовала... теперь что с ним будет, с Юрьюшкой... погубит он свою душу... прочь, адский дух, прочь... с глаз моих долой... в Сибирь... в ад... ах, я несчастная... окаянная... что это мы наделали...

Дарья *(повалившись ей в ноги)*. Помилуйте... мать родная... золотая... серебряная... государыня... спасите меня...

Марфа Ивановна. Как могло это до того дойти... кто б подумал... о, эта змея проклятая... о! если б я знала, я бы скорей помирилась тысячу раз с Волиным... лишь бы не дошло до этого... на старости лет такой грех на мне... Он погиб теперь... и я погибла... и все... все... Уф! как темно... как холодно... будто... будто железная рука выдавила последнюю каплю крови из моего сердца... там светло... вот чаша... в ней вода... в воде... яд.

Молчание.

(Тихо.) Отойди... отойди... упрекающее дитя... отойди, чего ты от меня хочешь? ты говоришь, что ты душа моего внука!.. Нет... откуда тебе взяться?.. Ох! ох!.. не трогай руки моей!.. я тебя не знаю... не знаю... никогда тебя я не видала. *(Уходит с признаками сумасшествия.)*

Дарья *(встав)*. Она сошла с ума — теперь опять все наше, опять дело выиграно. *(Уходит с веселым лицом.)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Комиата Юрия: темно. Он стоит возле стола, опершись иа него рукою; возле него стакан воды. Иван, слуга его, стоит иедалеко.

Иван. Здоровы ли вы, барин...

Юрий. На что тебе?

Иваи. Вы так бледны...

Юрий. Я бледеи?.. Может быть, скоро буду еще бледиее.

Иваи. Ваш батюшка только погорячился, он скоро вас простит...

Юрий. Поди, добрый человек, это до тебя ие касается.

Иван. Мне не велеио от вас отходить...

Юрий. Ты лжешь!.. Здесь нет иикого, кто б заиимался миою... Я здоров: поди же прочь.

Иван. Напрасно, сударь, хотите меня в том уверить, ваш расстроенный вид, бродящие глаза, дрожащий голос показывают совсем противное...

Юрий *(вынимает из шкатулки, на столе стоящей, кошелек. В сторону.)*. Я слыхал, что в людях это *(показывая на кошелек)* миогое может произвести. *(Ивану.)* Возьми это — и ступай отсюда, здесь тридцать червоицев...

Иваи. За тридцать сребреиников продал Июда Иисуса Христа... а это еще золото... иет, барин, я не такой человек... хотя раб, а ие решусь взять от вас деиег за такую услугу.

Юрий *(бросает в окно)*. Так пусть кто-иибудь подымет.

Иван. Что это с вами, сударь, делается. Утешьтесь... ие все горе; ие все печаль на свете. Успокойся, батюшко.

Юрий *(тяжело)*. Одиако ж.

Иваи. Бог пошлет вам счастье... хотя б за то только, что меня облагодетельствовали. Никогда я, видит бог, от вас сердитого слова не слыхал.

Юрий. Точио?..

Иваи. Я всегда велю жене и детям за вас бога молить.

Юрий. Так у тебя есть жеиа и дети?..

Иван. Да еще какие... как с иеба, прекрасная, добрая жена... и малютки, сердце радуется, глядя на них...

Юрий. Если я тебе сделал добро, исполни мою единственную просьбу...

Иван. И телом и душой готов, батюшка, на вашу службу...

Юрий. У тебя есть дети... не проклинай их никогда. *(Отходит в сторону.)*

Иван смотрит на него с сожалением. Его кто-то из-за кулис вызывает к Марфе Ивановне. Он уходит медленно. Юрий остается один.

ЯВЛЕНИЕ 9

Юрий один.

Юрий. А он, мой отец, меня проклял! и так ужасно... в ту минуту, когда я для него жертвовал всем: этой несчастной старухой, которая не снесла бы сего; моею благодарностью... в эту самую минуту.. ха! ха! ха!.. О люди, люди... два, три слова, глупейшая клевета сделала то, что я стою здесь на краю гроба... Прекрасная вечность! прекрасные воспоминания!.. Но... это все должно было так кончиться... Где золото есть главный предмет, дело там не кончится лучше...

И в этот день он меня проклял! в тот самый день, когда я столько страдал, обманутый любовью, дружбой... Мое терпенье кончилось... кончилось... я терпел, сколько мог... но теперь это выше сил человеческих!.. Что мне жизнь теперь, когда в ней все отравлено... что смерть! переход из одной комнаты в другую, подобную ей. *(Указывая на стакан.)* Как подумать, что эта ничтожная вещь победит во мне силу творческой жизни? что белый порошок превратит в пыль мое тело, уничтожит создание бога?.. Но если он точно всеведущ, зачем не препятствует ужасному преступлению, самоубийству; зачем не удержал удары людей от моего сердца?.. Зачем хотел он моего рожденья, зная про мою гибель?.. где его воля, когда по моему хотенью я могу умереть или жить?.. о! человек, несчастное, брошенное создание... он сотворен слабым; его доводит судьба до крайности... и сама его наказывает; животные бессловесные счастливей нас: они не различают ни добра, ни зла; они не имеют вечности, они могут... о! если б я мог уничтожить себя! но нет! да! нет! душа моя погибла. Я стою перед творцом моим. Сердце мое не трепещет... я молюся... не

было спасенья... я страдал... ничто не могло его тронуть!.. *(Сыпет порошок в стакан.)* О! я умру, об смерти моей, верно, больше будут радоваться, нежели о рожденье моем. Отец меня отвергнул, проклял мою душу — и должен этого дожидаться.

Молчанне небольшое.

Природа подобна печи, откуда вылетают искры. Когда дерево сожжено, печь гаснет. Так природа сокрушится, когда мера различных мук человеческих исполнится. Все исчезнет. Печь производит искры; природа — людей, одних глупее, других умнее. Одни много делают шуму в мире, другие неизвестны; так искры не равны между собой. Но все они равно погаснут без следа, им последуют другие без больших последствий, как подобные им. Когда огонь истощится, то соберут весь пепел и выбросят вон... так с нами, бедными людьми; все равно, страдал ли я, веселился ли — все умру. Не останется у меня никакого воспоминания о прошедшем. Безумцы! безумцы мы!.. желаем жить... как будто два, три года что-нибудь значат в бездне, поглотившей века; как будто отечество или мир стоит наших забот, тщетных, как жизнь. Счастлив умерший в такое время, когда ему нечего забывать: он не знает этих свинцовых минут безвестности... счастлив, кто, чувствуя тягость бытия, имеет довольно силы, чтоб прервать его. Прощай, мой отец, мы никогда не увидимся... не от тебя я умру... ты только помог мне образумиться... Ах! и она... эти прекрасные, обманчивые черты потеряют свою привлекательность, кто б поверил? Мне их жалко! О! скоро... скоро... вы все пройдете как тени... *(Берет стакан и пьет, тут вздрагивает.)* За здоровье ваше... Меня утешает мысль: все люди погибнут... глупо было бы желать быть исключену из этого числа. Но... зачем холод бежит по моим жилам, зачем я дрожу... еще не время... погоди... погоди, адское чудовище... еще четверть часа, смерть,— и я твой!.. *(Садится в кресла — небольшое молчание.)*

ЯВЛЕНИЕ 10

Любовь и Элиза входят в разговоре. Юрий, видя их, вскакивает и отходит в сторону. В комнате темно.

Элиза. Что тебе сказал Заруцкой, отчего его не было в саду?.. что это все значит?.. Твое беспокойствие не

к добру, ma chère[1]. Ты от меня бегаешь — и, верно, чего-нибудь ищешь.

Любовь. Не видала ли ты, где Юрий?..

Элиза. На что тебе его?..

Любовь. Ах, сестрица! ты всему виною. Они хотели стреляться... Заруцкой меня на коленях просил, чтоб я тебя привела для свиданья. Юрий видел и принял совсем иначе... О! я несчастная девушка!.. он меня оставил, он думает, что я изменила ему... он не хочет даже выслушать меня. О! если б он знал... если б он видел мои слезы...

Юрий *(в сторону)*. И я только теперь это слышу!.. безумец я!

Элиза. Чего же ты теперь хочешь, ma soeur?[2]

Любовь. Дядюшка его проклял... он в отчаянье... верно, понапрасну; бог его за меня наказал. Я хочу его сыскать... хочу утешить Юрия... Ах! сестрица, сестрица: если б он видел мои слезы... но... он меня любит, в нем еще есть жалость... о, если б он знал, что происходит в моем сердце.

Юрий в это время подходит и отходит в нерешимости.

Я его утешу, пойду к его отцу. На коленях выпрошу прощенье... или умру... я боюсь... о! где б мне его найти... одна моя любовь может его утешить... он всеми так жестоко покинут!..

Юрий *(в отчаянье)*. Злодей! самоубийца!..

Элиза. Что это?

Любовь *(бросается)*. Юрий, Юрий, он здесь!..

Юрий встает.

Как бледен... какой страдальческий взгляд!

Юрий. Ты меня любишь... а я всегда любил тебя...

Любовь *(рыдает у него на шее)*. Люблю ли я тебя?.. благодарю небо!.. наконец я счастлива... друг мой... друг мой... я тебе всегда была верна...

Юрий. Да! да! — это мое последнее утешение.

Любовь *(все еще на груди его)*. Тебя все покинули.

---

[1] дорогая *(фр.)*.

[2] сестра *(фр.)*.

Юрий. Ты ошибаешься! я всех покидаю... ты этого не знала?

Любовь подымается и смотрит с удивлением.

Я еду в далекий, бесконечный путь...

Любовь. Что это? — ты едешь...

Юрий. Мы никогда, никогда не увидимся.

Любовь. Если не здесь, то на том свете...

Юрий. Друг мой! нет другого света... есть хаос... он поглощает племена... и мы в нем исчезнем... мы никогда не увидимся... разные дороги... все к ничтожеству... прощай, мы никогда не увидимся... нет рая — нет ада... люди брошенные бесприютные созданья.

Любовь. О всемогучий! что сделалось с ним... он не знает, что говорит...

Юрий *(смотрит на нее пристально)*. Как ты прекрасна в эту минуту... вот последнее удовольствие мое... оно велико... я согласен... Нет, не потревожу... это нежное выражение глаз, эти полуоткрытые уста... не стану говорить ей... не хочу видеть ее в ужасе... ах!.. но нет, пусть она узнает. Что мне? я умру!.. пусть все откроется... если б был здесь мой отец... как насладился б он видом моих предсмертных судорог...

Любовь. Что он говорит... Юрий! Юрий!.. я предчувствую ужасное...

Юрий *(берет ее за руку)*. Знай, что может сделать обманутое сердце, что может проклятие вечное отца... узнай... и... да... разорвется твоя слабая грудь... трепещи... кровь остановилась в твоих жилах... а! подумай! отгадай! Ха! ха! ха! ха! — нет, смейся лучше, пой, веселись, пляши... я — не бойся... я — только... принял — *яд!..*

Элиза. Ай, на помощь скорей!.. *(Убегает.)*

Любовь дрожит, бледнеет и упадает в обморок на кресло... он стоит над ней.

Юрий. Так! я это знал! — женщины! женщины! вы не сотворены для подобных ощущений!.. как она бледна... образ смерти... О, если б она не просыпалась, если б могла не видать моего трупа... *(Становится на колени.)* Не приходи в себя... ты и теперь прекрасна... умри лучше... мы с тобой не были созданы для людей. Мое сердце слишком пылко, твое слишком нежно, слишком слабо. *(Целует ее руку.)* Рука тепла.

Любовь (*приходит в себя. Подымается на стуле и кидается к нему на шею.*) Молись!

Юрий. Поздно! поздно!..

Любовь. Никогда не поздно... молись! молись!

Юрий (*вскакивает*). Нет, не могу молиться.

Любовь (*встает*). О ангелы, внушите ему! Юрий!

Юрий. Мне дурно!..

Любовь. Дурно...

Юрий. Пора!.. Скажи моему отцу, что я желал бы простить ему... (*Упадает на землю.*)

Любовь. Он падает... (*Смотрит на небо.*) Помоги! помоги (*становится на колени возле Юрия*), останови его душу... Бог! сделай первое чудо... он вернется к тебе...

Юрий (*умирающим голосом*). Плачь... плачь... плачь... Бог мне... никогда не простит!.. (*Умирает.*)

Любовь, рыдая, падает на него. Молчание.

ЯВЛЕНИЕ 11

Николай Михалыч, Василий Михалыч, Элиза, Иван, Дарья.

Дарья (*с ужасом*). Умер.

Николай Михалыч. Мой сын... от моего проклятья!.. не может быть! он еще жив...

Дарья (*указывая на труп холодно*). Отчего же? — посмотрите сюда... вы хотели: он умер...

Василий Михалыч (*поднимая Любовь*). Дочь моя!.. спирту!.. ах! и она едва дышит... Спасите, спасите хоть ее...

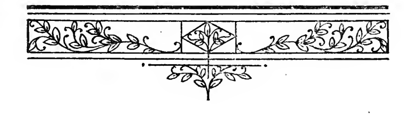
Любовь уносят. Василий Михалыч и Элиза уходят.

Иван. Боже! прости душу моего господина!..

Все стоят в безмолвном поражении.

Занавес опускается.

КОНЕЦ



СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Романтическая драма

Я решился изложить драматически происшествие истинное, которое долго беспокоило меня и всю жизнь, может быть, занимать не перестанет.

Лица, изображенные мною, все взяты с природы, и я желал бы, чтоб они были узнаны,— тогда раскаяние, верно, посетит души тех людей... Но пускай они не обвиняют меня: я хотел, я должен был оправдать тень несчастного!..

Справедливо ли описано у меня общество? — не знаю! По крайней мере, оно всегда останется для меня собранием людей бесчувственных, самолюбивых в высшей степени и полных зависти к тем, в душе которых сохраняется хотя малейшая искра небесного огня!..

И этому обществу я отдаю себя на суд.

The Lady of his love was wed with one.
Who did not love better. . . . .
. . . .
. . . .
...And this the world calls phrensy, but the wise
Have a far deeper madness, and the glance
Of melancoly is a fearful gift;
What is it but the telescope of truth?
Which strips the distance of its phantasies,
And brings life near in utter nakedness,
Making the cold reality too real!..

«The Dream». Lord Byron[1]

СЦЕНА I

Утром 26 августа

Комната в доме Павла Григорьевича Арбенина. Шкаф с книгами и бюро.

Действие происходит в Москве.

Павел Григорьевич запечатывает письмо.

Павел Григорич. Говорят, что дети в тягость нам, пока они молоды; но я думаю совсем противное. За ребенком надобно ухаживать, учить и нянчить его, а двадцатилетнего определяй в службу да каждую минуту трепещи, чтобы он какою-нибудь шалостью не погубил навеки себя и честное имя. Признаться: мое положение теперь самое критическое. Владимир нейдет в военную службу, во-первых, потому что его характер, как он сам говорит, слишком своеволен, а во-вторых, потому что он не силен в математике: куда же определиться? в штатскую? Все лучшие места заняты, к тому же... нехорошо!.. Воспитывать теперь самая трудная вещь; думаешь, ну, все теперь кончилось. Не тут-то было: только начинается!..

[1] Женщина, которую он любил, была обвенчана с другим.
Но тот любил ее не больше . . . .
. . . .
. . . .
...И это мир называет безумием, но безумие мудрецов глубже,
И меланхолический взгляд — страшный дар;
Не телескоп ли он, в который рассматривают истину,
Телескоп, который сокращает расстояние и тем самым уничтожает фантазию,
Приближает жизнь в ее истинной наготе
И делает холодную действительность слишком действительной.
«Сон». Лорд Байрон *(англ.)*.

Я боюсь, чтобы Владимир не потерял добрую славу в большом свете, где я столькими трудами достиг до некоторой значительности. Тогда же я буду виноват; про меня же скажут, как намедни, что я не воспитывал его сообразно характеру. Какой же в его лета характер? Самый его характер есть бесхарактерность. Так: я вижу, что не довольно строго держал сына моего. Какая польза, что так рано развились его чувства и мысли?.. Однако же я не отстану от своих планов. Велю ему выйти в отставку года через четыре, а там женю на богатой невесте и поправлю тем его состояние. Оно по милости моей любезной супруги совсем расстроено; не могу вспомнить без бешенства, как она меня обманывала. О! коварная женщина! ты испытаешь всю тягость моего мщения; в бедности, с раскаяньем в душе и без надежды на будущее, ты умрешь далёко от глаз моих. Я никогда не решусь увидать тебя снова. Не делал ли я все, чего ей хотелось? И обесчестить такого мужа! Я очень рад, что у нее нет близких родных, которые бы помогали.

Молчание.

Кажется, кто-то сюда идет... Так точно...

Входит Владимир Арбенин.

Владимир. Батюшка! здравствуйте...

Павел Григорич. Я очень рад, что ты пришел теперь. Мы кой об чем поговорим: это касается до будущей твоей участи... Но ты что-то невесел, друг мой! где был ты?

Владимир *(бросает на отца быстрый и мрачный взор)*. Где я был, батюшка?

Павел Григорич. Что значит этот пасмурный вид? Так ли встречают ласки отца?

Владимир. Отгадайте, где я был?..

Павел Григорич. У какого-нибудь тебе подобного шалуна, где ты проиграл свои деньги, или у какой-нибудь прекрасной, которая огорчила тебя своим отказом. Какие другие приключения могут беспокоить тебя? Кажется, я отгадал...

Владимир. Я был там, откуда веселье очень далеко; я видел одну женщину, слабую, больную, которая за давнишний проступок оставлена своим мужем и родными; она — почти нищая; весь мир смеется над ней, и никто об ней не жалеет... О! батюшка! эта душа заслужи-

вала прощение и другую участь! Батюшка! я видел горькие слезы раскаяния, я молился вместе с нею, я обнимал ее колена, я... я был у моей матери... чего вам больше?

Павел Григорич. Ты?..

Владимир. О, если б вы знали, если б видели... отец мой! Вы не поняли эту нежную, божественную душу; или вы несправедливы, несправедливы... я повторю это перед целым миром, и так громко, что ангелы услышат и ужаснутся человеческой жестокости...

Павел Григорич (*его лицо пылает*). Ты смеешь... меня обвинять, неблагодар...

Владимир. Нет! вы мне простите!.. я себя не помню. Но посудите сами: как мог я остаться хладнокровным? Я согласен, она вас оскорбила, непростительно оскорбила; но что она мне сделала? На ее коленах протекли первые годы моего младенчества, ее имя вместе с вашим было первою моею речью, ее ласки облегчали мои первые болезни... и теперь, когда она в нищете приехала сюда, мог ли я не упасть к ее ногам... Батюшка! она хочет вас видеть... я умоляю... если мое счастье для вас что-нибудь значит... одна ее чистая слеза смоет черное подозрение с вашего сердца и удалит предрассудки!

Павел Григорич. Слушай, дерзкий! я на нее не сердит; но не хочу, не должен более с нею видеться! Что скажут в свете?..

Владимир (*кусая губы*). Что скажут в свете!..

Павел Григорич. И ты очень дурно сделал, сын мой, что не сказал мне, когда поехал к Марье Дмитревне; я бы дал тебе препорученье...

Владимир. Которое бы убило последнюю ее надежду? Не так ли?..

Павел Григорич. Да, да! Она еще не довольно наказана... эта сирена, эта скверная женщина...

Владимир. Она моя мать.

Павел Григорич. Если опять ее увидишь, то посоветуй ей не являться ко мне и не стараться выпросить прощенья, чтобы мне и ей не было еще стыднее встретиться, чем было расставаться.

Владимир. Отец мой! я не сотворен для таких препоручений.

Павел Григорич (*с холодной улыбкой*). Довольно об этом. Кто из нас прав или виноват, не тебе судить. Через час приходи ко мне в кабинет: там я тебе пока-

жу недавно присланные бумаги, которые касаются до тебя... Также тебе дам я прочитать письмо от графа, насчет определения в службу. И еще прошу тебя не говорить мне больше ничего о своей матери — я прошу, когда могу приказывать! *(Уходит.)*

Владимир долго смотрит ему вслед.

В л а д и м и р. Как рад он, что имеет право мне приказывать! Боже! Никогда тебе не докучал я лишними мольбами; теперь прошу: прекрати эту распрю! Смешны для меня люди! ссорятся из пустяков и отлагают час примиренья, как будто это вещь, которую всегда успеют сделать! Нет, вижу, до́лжно быть жестоким, чтобы жить с людьми; они думают, что я создан для удовлетворенья их прихотей, что я средство для достижения их глупых целей! Никто меня не понимает, никто не умеет обходиться с этим сердцем, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно!..

Входит Б е л и н с к о й, разряженный.

Б е л и н с к о й. А! здравствуй, Арбенин... здравствуй, любезный друг! Что так задумчив? Для чего тому считать звезды, кто может считать звонкую монету! Погляди на меня; бьюсь об заклад, я отгадал, об чем ты думал.

В л а д и м и р. Руку! *(Жмет ему руку.)*

Б е л и н с к о й. Ты думал о том, как заставить женщину любить или заставить ее признаться в том, что она притворялась. То и другое очень мудрено, однако я скорей возьмусь сделать первое, нежели последнее, потому что...

В л а д и м и р. О чем ты болтаешь тут?

Б е л и н с к о й. О чем? он поглупел или оглох? Я говорил о царе Соломоне, который воспевал умеренность и советовал поститься, а сам был не из последних скоромников... ха! ха! ха!.. Ты, верно, ждал, чтоб твоя любезная прилетела к тебе на крыльях зефира... нет, потрудись-ка сам слетать. Друг мой! кто разберет женщин? В минуту, когда ты думаешь...

В л а д и м и р *(прерывает его)*. Где был ты вчера?

Б е л и н с к о й. На музыкальном вечере, так сказать. Дети делали отцу сюрприз по случаю его именин; они играли на разных инструментах, и для них и для отца это очень хорошо. Несмотря на то, гостям, которых было очень много, было очень скучно.

Владимир. Смешной народ! таким образом глупое чванство всегда отравляет семейственные удовольствия.

Белинской. Отец был в восхищении и к каждому обращал глаза с разными телодвижениями; каждый отвечал ему наклонением головы и довольною улыбкой, и, уловя время, когда бедный отец обращался в противную сторону, каждый зевал беспощадно... Мне показались жалкими этот отец и его дети.

Владимир. А мне жалки бесстыдные гости; не могу видеть равнодушно этого презрения к счастию ближнего, какого бы роду оно ни было. Все хотят, чтобы другие были счастливы по их образу мыслей — и таким образом уязвляют сердце, не имея средств излечить. Я бы желал совершенно удалиться от людей, но привычка не позволяет мне... Когда я один, то мне кажется, что никто меня не любит, никто не заботится обо мне... и это так тяжело, так тяжело!..

Белинской. Эх! полно, братец, говорить пустяки. Товарищи тебя все любят... а если есть какие-нибудь другие неприятности, то надо уметь переносить их с твердостью... все проходит, зло, как добро...

Владимир. Переносить! переносить! Как давно твердят это роду человеческому, хотя знают, что таким увещаниям почти никто не следует.

Некогда и я был счастлив, невинен, но те дни слишком давно соединились с прошедшим, чтобы воспоминание о них могло меня утешить. Вся истинная жизнь моя состоит из нескольких мгновений, и все прочее время было только приготовление или следствие сих мгновений... Тебе трудно понять мои мечты, я это вижу... друг мой! Где найду я то, что принужден искать?

Белинской. В своем сердце. У тебя есть великий источник блаженства, умей только почерпать из него. Ты имеешь скверную привычку рассматривать со всех сторон, анатомировать каждую крошку горя, которую судьба тебе посылает; учись презирать неприятности, наслаждаться настоящим, не заботиться о будущем и не жалеть о минувшем. Всё привычка в людях, а в тебе больше, чем в других; зачем не отстать, если видишь, что цель не может быть достигнута. Нет! вынь да положь. А кто после терпит?

Владимир. Не суди так легкомысленно. Войди лучше в мое положение. Знаешь ли, я иногда завидую сиротам; иногда мне кажется, что родители мои спорят

о любви моей, а иогда, что оии совсем не дорожат ею. Они зиают, что я их люблю, сколько может любить сыи. Нет! зачем, когда оии друг иа друга косятся, зачем есть существо, которое хотело бы нх соедииить вновь, перелить весь пламеиь юиой любви своей в их предубежденные сердца! Друг мой! Дмитрий! я не должен так говорить, но ты ведь знаешь все, все; и тебе я могу поверять то, что составляет иесчастье моей жизни, что скоро доведет меня до гроба или сумасшествия.

Белинской. Магомет сказал, что он опустил голову в воду и вынул, и в это время четырнадцатью годамн состарился; так и ты в короткое время ужасио переменился. Расскажи-ка мне, как идут твон любовиые похождеиия? Ты нахмурился! скажи: давио лн ты ее видел?..

Владимир. Давио.

Белинской. А где живут Загорскины? их две сестры, отца иет? так ли?

Владнмнр. Так.

Белнинской. Познакомь меня с ними. У иих бывают вечера, балы?

Владнмир. Нет.

Белинской. А я думал... одиако все ие мешает... Позиакомь меия...

Владимир. Изволь.

Белннской. Расскажи мие историю твоей любви.

Владнмир. Она очеиь обыкиовеииа и тебя не займет!..

Белинской. Зиаешь лн ты кузину Загорскиих, *княжну?* Вот прехорошеиькая н прелюбезная девушка.

Владимир. Быть может. В первый раз, как я увидал ее, то почувствовал какую-то антипатию; я дурио об ией подумал, ие слыхав еще ии одного слова от иее. А ты знаешь, что я верю предчувствням.

Белинской. Суевер!..

Владимир. Намедии я поехал верхом; лошадь ие хотела идти в ворота; я ее пришпорил, она бросилась, и чуть-чуть я ие ударился головой об столб. Точио как и с душой: иногда чувствуешь отвращеиие к кому-нибудь, прииудишь себя обойтись ласково, захочешь полюбить человека... а смотришь, он тебе плотит коварством н иеблагодарностью!..

Белинской *(смотрит на часы)*. Ах боже мой! а мие давно ведь пора ехать. Я к тебе забежал ведь иа секуиду...

Владимир. Я это вижу. Куда ты спешишь?

Белинской. К графу Пронскому — скука смертельная! а надо ехать...

Владимир. Зачем же надобно?

Белинской. Да так...

Владимир. Важная причина. Ну прощай.

Белинской. До свиданья. *(Уходит.)*

Владимир. Люблю Белинского за его веселый характер! *(Ходит взад и вперед.)*

Как моя голова расстроена; все в беспорядке в ней, как в доме, где пьян хозяин.

Поеду... Увижу Наташу, этого ангела! Взор женщины, как луч месяца, невольно приводит в грудь мою спокойствие. *(Садится и вынимает из кармана бумагу.)* Странно! вчерась я отыскал это в своих бумагах и был поражен. Каждый раз, как посмотрю на этот листок, я чувствую присутствие сверхъестественной силы и неизвестный голос шепчет мне: «Не старайся избежать судьбы своей! так должно быть!» Год тому назад, увидав ее в первый раз, я писал об ней в одном замечании. Она тогда имела на меня влияние благотворительное, а теперь — теперь, когда вспомню, то вся кровь приходит в волнение. И сожалею, зачем я не так добр, зачем душа моя не так чиста, как бы я хотел. Может быть, она меня любит; ее глаза, румянец, слова... Какой я ребенок! — все это мне так памятно, так дорого, как будто одними ее взглядами и словами я живу на свете. Что пользы? Так вот конец, которого я ожидал прошлого года!.. Боже! боже! чего желает мое сердце? Когда я далеко от нее, то воображаю, что́ скажу ей, как горячо сожму ее руку, как напомню о минувшем, о всех мелочах... А только с нею — все забыто; я истукан! душа утонет в глазах; все пропадет: надежды, опасенья, воспоминания... О! какой я ничтожный человек! Не могу даже сказать ей, что люблю ее, что она мне дороже жизни; не могу ничего путного сказать, когда сижу против этого чудного созданья! *(С горькой улыбкой.)* Чем-то кончится жизнь моя, а началась она недурно. Впрочем, не все ли равно, с какими воспоминаниями я сойду в могилу. О! как бы я желал предаться удовольствиям и потопить в их потоке тяжелую ношу самопознания, которая с младенчества была моим уделом! *(Уходит тихо.)*

СЦЕНА II

Ввечеру 28 августа.
Днванная в доме Загорскнных; дверь одна отворена в гостиную, другвя в звлу. Хозяйка Анна Николавна; ее дочь Наталья Федоровна, Софья, княжна, вскоре. Иные сидят, другие разговарнвают стоя.
Бьет восемь часов.

Анна Нниколавна *(одному из гостей)*. Были вы вчера у графа? там, говорят, был благородный театр... и еще говорят: как отделаны комнаты были... это чудо... по-царскн!..

Гость I. Как же-с — я был там. До пяти часов утра танцевали; н всего было довольно, всякого рода людей...

Наталья Федоровна. Какие вы насмешннкн!.. а кто там был из кавалеров?..

Гость 1. Два князя Шумовых, Белннской, Арбенин, Слёнов, Чацкий... и другие; одних не помню, других позабыл... Знаете вы Белинского? — премилый малый, прелюбезный. Не правда ли?

Анна Нниколавна. Да, я слыхала.

Одна из барышень. Скажите, пожалуйста, кто такое этот Арбеннн? — мне об нем много рассказывали.

Гость 1. Во-первых, он ужасный повеса, насмешннк и злой насмешник; дерзок и все, что вы хотите; впрочем, очень умный человек. Не думайте, что я это говорю по какой-ннбудь лнчностн; нет — все об нем этого мнения.

Наталья Федоровна. Я вам ручаюсь, что не все: я первая не так думаю об нем. Я его знаю давно, он к нам ездит, и я не заметила его злости; по крайней мере, он ни о ком при мне так не говорил, как вы теперь про него...

Гость 1. О! это совсем другое; с вами он, может быть, очень любезен, но...

Другая барышня. Я сама слышала, что Арбенина дóлжно опасаться...

Гость 2 *(подойдя)*. А мне кажется, наоборот...

Наталья Федоровна *(одной из барышень)*. Ma chère! [1] Знаешь лн ты что-нибудь глупее комплнментов?

Гость 3 *(недавно подошедший)*. А знаете лн вы историю Арбеннна?..

Одна нз дам. Я не думаю, чтоб он был такое важное лнцо, чтобы можно было заннматься его историей;

[1] Дорогая! *(фр.)*.

и до кого она касается? Он очень счастлив: это доказывает его веселый характер, а история счастливых людей не бывает никогда занимательна...

Гость 3. Поверьте, веселость в обществе очень часто одна личина; но бывают минуты, когда эта самая веселость, в боренье с внутреннею грустью, принимает вид чего-то дикого; если внезапный смех прерывает мрачную задумчивость, то не радость возбуждает его; этот перелом доказывает только, что человек не может совершенно скрыть чувств своих. Лица, которые всегда улыбаются, вот лица счастливцев!

Наталья Федоровна. О! я знаю, что вы всегда заступаетесь за господина Арбенина!

Гость 3. Разве вы никогда не заступаетесь за людей, которых обвиняют понапрасну?

Наталья Федоровна. Напротив! вот я третьего дни целый час спорила с дядюшкой, который утверждал, что Арбенин не заслуживает названия дворянина, что у него злой язык и так далее... А я знаю, что Арбенин так понимает хорошо честь, как никто, и что у него доброе сердце... он это доказал многим!..

Гость 1 *(обращаясь к другому)*. Посмотрите, как она покраснела!

Гость 4. C'est une coquette![1]

Наталья Федоровна *(смотрит в дверь)*. Кто это еще приехал? Ах, вообразите: я не узнала издали кузину!..

Княжна Софья входит. Кузины целуются.

Княжна Софья *(тихо Наташе)*. Я сию минуту, выходя из кареты, видела Арбенина; он ехал мимо вашего дома и так пристально глядел в окна, что если б сам император проехал мимо его с другой стороны, так он бы не обернулся. *(Улыбается.)* Будет он здесь?

Наталья Федоровна. Почему же мне знать? Я не спрашивала, а он сам никогда наперед не извещает о своем приезде.

Княжна Софья *(в сторону)*. А я надеялась еще раз его увидать. *(Громко.)* У меня сегодня что-то голова болит!

Гость 2. Лишь бы не сердце!

Княжна Софья *(в сторону)*. Как плоско! *(Ему.)*

---

[1] Кокетка! *(фр.)*

Вы вчера прекрасно играли у графа; особливо во второй пьесе; все были восхищены вами.

Он кланяется.

Только скажите, для чего вы так рано уехали, тотчас после ужина?

Гость 2. У меня заболела голова.

Княжна Софья *(с улыбкой)*. Что за важность? это не сердце!

Анна Николавна *(подходит)*. Барышни, господа кавалеры, не хотите ли играть в мушку... столы готовы.

Многие. С большим удовольствием.

Все, кроме Наташи и Софьи, уходят.

Княжна. Кузина! мне кажется, ты совсем не радуешься своей победе? Ты как будто не догадываешься. Ну к чему хитрить? Всякий заметил, что Арбенин в тебя влюблен, и ты прежде всех это заметила. Зачем так мало доверенности ко мне? Ты знаешь, что я с тобой дружна и всегда все про себя сказываю. Или я еще не заслужила...

Наталья Федоровна. Душенька! к чему такие упреки? *(Целует ее.)* Впрочем, это неправда... *(Берет княжну за руку.)* Не сердитесь же, Софья Николавна! *(Смеется.)*

Княжна. О! я знаю, что он тебе нравится, но берегись! ты Арбенина не знаешь хорошо, потому что его никто хорошо знать не может... Ум язвительный и вместе глубокий, желания, не знающие никакой преграды, и переменчивость склонностей, вот что опасно в твоем любезном; он сам не знает, чего хочет, и по той же причине, полюбив, разлюбит тотчас, если представится ему новая цель!

Наталья Федоровна. С каким жаром вы говорите, кузина!

Княжна. Потому что я тебя люблю и предостерегаю...

Наталья Федоровна. Да почему тебе так знать его?

Княжна. О, я наслышалась довольно...

Наталья Федоровна. От кого?

Княжна. Да от самого Арбенина!

Наташа отворачивается и уходит.

Она ревнива! Она любит его! а он, он... как часто, когда я ему говорила что-нибудь, он без внимания сидел с не-

подвижными глазами, как будто бы одна-единственная мысль владела его существованием; и когда Наташа подходила, я следовала за его взорами; внезапный блеск появлялся в них. О, я несчастная! Но как не любить? он так умен, так полон благородства. Он часто разговаривает со мною, но почти все о Наташе. Я знаю, что ему приятно быть со мною, но знаю также, что это не для меня. И то, что должно бы было служить мне неисчерпаемым источником блаженства, превращает одна мысль в жестокую муку.

Он не красавец, но так не похож на других людей, что самые недостатки его, как редкость, невольно нравятся; какая душа блещет в его темных глазах! какой голос!.. О! я безумная! ломаю себе голову над его характером и не могу растолковать собственную страсть.

Молчание.

Нет! они не будут счастливы... клянусь этим небом, клянусь душой моей, все, что имеет ядовитого женская хитрость, будет употреблено, чтоб разрушить их благополучие... Пусть тогда погибну, но в утешение себе скажу: «Он не веселится, когда я плачу! его жизнь не спокойнее моей!» Я решилась! как легко мне стало: я решилась!

В это время в глубине театра проходит несколько гостей, одни уезжают, другие приезжают; хозяйка провожает и встречает. Владимир Арбенин тихо выходит из гостиной.

(Увидав Арбенина.) Как смела я решиться!..

Владимир. Ах, княжна!.. как я рад, что вы здесь...

Княжна. Давно ли вы приехали?

Владимир. Сейчас. Вхожу в гостиную: там играют по пять копеек в мушку. Я посмотрел: почти ни слова не сказал. Мне стало душно. Не понимаю я этой глупой карточной работы: нет удовольствия ни для глаз, ни для ума, нет даже надежды, обольстительной для многих, выиграть, опустошить карманы противника. Несносное полотерство, стремление к ничтожеству, пошлое самовысказывание завладело половиной русской молодежи; без цели таскаются всюду, наводят скуку себе и другим...

Княжна. Зачем же вы сюда приехали?

Владимир *(пожав плечами)*. Зачем!

Княжна *(язвительно)*. Я догадываюсь!

Владимир. Так! заблуждение! заблуждение!.. Но скажите, может ли быть тот счастлив, кто своим присут-

ствием в тягость? Я не сотворен для людей теперешнего века и нашей страны; у них каждый обязан жертвовать толпе своими чувствами и мыслями; но я этого не могу, я везде одинаков — и потому нигде не гожусь; не правда ли, вот очень ясное доказательство...

Княжна. Вы на себя нападаете.

Владимир. Да, я сам себе враг, потому что продаю свою душу за один ласковый взгляд, за одно не слишком холодное слово... Мое безумство доходит до крайней степени, и со мною случится скоро горе, не от ума, но от глупости!..

Княжна. К чему эти притворные мрачные предчувствия. Я вас не понимаю. Все проходит, и ваши печали, и (я не знаю даже, как назвать) ваши химеры исчезнут. Пойдемте играть в мушку. Видели ли вы мою кузину, Наташу?

Владимир. Когда я взошел, какой-то адъютантик, потряхивая эполетами, рассказывал ей, как прошлый раз в Собрании один кавалер уронил замаскированную даму и как муж ее, вступившись за нее, сдуру обнаружил, кто она такова. Ваша кузина смеялась от души... это и меня порадовало. Посмотрите, как я буду весел сегодня. *(Уходит в гостиную.)*

Княжна *(глядит ему вслед)*. Желаю вам много успехов! Нынче же начну приводить в исполнение мой план. И скоро я увижу конец всему... Боже мой! боже мой! для чего я так слабодушна, так не тверда! *(Уходит в гостиную.)*

СЦЕНА III

15 сентября. Днем.

Комната в доме Марьи Дмитревны, матери Владимира; зеленые обои. Столик и кресла. У окна Аннушка, старая служанка, шьет что-то. Слышен шум ветра и дождя.

Аннушка. Ветер и дождь стучат в наши окна, как запоздалые дорожные. Кто им скажет: ветер и дождь, подите прочь, мешайте спать и покоиться богатым, которых здесь так много, а мы и без вас едва знаем сон и спокойствие? Приехала моя барыня мириться с муженьком — о-ох! ох! ох! Не мирно что-то началось, да не так и кончится. Оставляет же он нас почти с голоду умирать: стало быть, не любит совсем и никогда не любил; а если так, то и от мировой толку не будет. Лучше

без мужа, чем с дурным мужем. Ведь охота же Марье Дмитревне все любить такого антихриста. Вот уж охота пуще неволи!

Зато молодой барин вышел у нас хорош; такой ласковый; шесть лет, нет, больше, восемь лет я его не видала. Как вырос, похорошел с тех пор. Еще помню, как его на руках таскала. То-то был любопытный; что не увидит, все зачем? да что? а уж вспыльчив-то был, словно порох. Раз вздумалось ему бросать тарелки да стаканы на пол; ну так и рвется, плачет: брось на пол. Дала ему: бросил — и успокоился... А бывало, помню (ему еще было три года), бывало, барыня посадит его на колена к себе и начнет играть на фортепьянах что-нибудь жалкое. Глядь: а у дитяти слезы по щекам так и катятся!..

Уж, верно, ему Павел Григорич много наговаривал против матери; да, видишь, впрок не пошло худое слово. Дай бог здоровья Владимиру Павловичу, дай бог! Он и меня на старости лет не позабывает. Хоть ласковой речью, да подарит.

Входит Марья Дмитревна, с книгой в руке.

Марья Дмитревна. Я хотела читать, но как читать одними глазами, не следуя мыслию за буквами? Тяжкое состояние! Непонятная воля судьбы! ужасное борение самолюбия женщины с необходимостью!..

К чему служили мои детские мечты? разве есть необходимость предчувствовать напрасно? будучи ребенком, я часто, под влиянием светлого неба, светлого солнца веселой природы, создавала себе существа такие, каких требовало мое сердце; они следовали за мною всюду, я разговаривала с ними днем и ночью; они украшали для меня весь мир. Даже люди казались для меня лучше, потому что они имели некоторое сходство с моими идеалами; в обхождении с ними я сама становилась лучше. Ангелы ли были они? — не знаю, но очень близки к ангелам. А теперь холодная существенность отняла у меня последнее утешение: способность воображать счастье!..

Не имея ни родных, ни собственного имения, я должна унижаться, чтобы получить прощение мужа. Прощения? мне просить прощения! Боже! ты знаешь дела человеческие, ты читал в моей и в его душе и ты видел, в которой хранился источник всего зла!.. *(Задумывается; потом подходит медленно к креслам и садится.)* Аннушка! ходила ли ты в дом к Павлу Григоричу, чтоб разве-

дывать, как я велела? Тебя там любят все старые слуги!.. Ну что ты узнала о моем муже, о моем сыне?

Аннушка. Ходила, матушка, и расспрашивала.

Марья Дмитревна. Что же? что говорил обо мне Павел Григорич? не слыхала ли ты?

Аннушка. Ничего он, сударыня, об вас не говорил. Если б не было у вас сына, то никто не знал бы, что Павел Григорич был женат.

Марья Дмитревна. Ни слова обо мне? Он стыдится произносить мое имя! он презирает меня! Презрение! как оно похоже на участие, как эти два чувства близки друг другу! Как смерть и жизнь!

Аннушка. Однако же говорят, что Владимир Павлович вас очень любит. Напрасно, видно, батюшка его старался очернять вас!..

Марья Дмитревна. Да! мой сын меня любит! я это видела вчера, я чувствовала жар его руки, я чувствовала, что он все еще мой! Так! душа не переменяется. Он все тот же, каков был сидящий на моих коленах, в те вечера, когда я была счастлива, когда слабость, единственная слабость не могла еще восстановить против меня небо и людей! *(Закрывает лицо руками.)*

Аннушка. Эх, матушка! что плакать о прошедшем, когда о теперешнем не наплачешься. Говорят, Павел Григорич бранил, да как еще бранил молодого барина за то, что он с вами повидался. Да, кажется, и запретил ему к нам приезжать!..

Марья Дмитревна. О! это невозможно! это слишком жестоко! сыну не видаться с матерью, когда она слабая, больная, бедная, живет в нескольких шагах от него! О нет! это против природы... Аннушка! в самом деле он это сказал?

Аннушка. В самом деле-с!..

Марья Дмитревна. И он запретил моему сыну видеть меня? точно?

Аннушка. Запретил-с, точно!

Марья Дмитревна *(помолчав)*. Послушай! Он думает, что Владимир не его сын, или сам никогда не знавал матери!

Ветер сильнее ударяет в окно. Обе содрогаются.

И я приехала искать примиренья? с таким человеком? Нет! союз с ним значит разрыв с небесами; хотя мой супруг и орудие небесного гнева, но, творец! взял ли бы ты

добродетельное существо для орудия казни? Честные ли люди бывают на земле палачами?

Аниушка. Как вы бледны, сударыня! не угодно ли отдохнуть? *(Смотрит на стенные часы.)* Скоро приедет доктор: он обещался быть в двенадцать часов.

Марья Дмитревна. И приедет в последний раз! Как смешна я кажусь себе самой! Думать, что лекарь вылечит глубокую рану сердца! *(Молчание.)* О! для чего я не пользовалась тысячью случаями к примирению, когда еще было время. А теперь, когда прошел сон, я ищу сновидений! Поздно! поздно! Чувствовать и понимать это напрасно, вот что меня убивает. О, раскаяние! зачем за мгновенный проступок ты грызешь мою душу? Какое унижение! Я принуждена под *другим именем* приезжать в Москву, чтоб не заставить сына моего краснеть перед миром. Перед миром? Это правда, собрание глупцов и злодеев есть мир, нынешний мир. Ничего не прощают, как будто сами святые.

Аннушка *(посмотрев в окно)*. Доктор приехал.

Доктор входит.

Марья Дмитревна. Здравствуйте, Христофор Васильич. Милости просим!

Доктор *(подходит к руке)*. Что? как вы?

Марья Дмитревна. Благодаря вам мне гораздо лучше.

Доктор *(щупая пульс)*. Совсем напротив! совсем напротив! вы слабее! У вас желчь, действуя на кровь, производит волнение! У вас нервы ужасно расстроены. Вот я ведь говорил, вам надобно лечиться долго, постепенно, по методе, а вы все хотите вдруг!

Марья Дмитревна. Но если недостает способов?

Доктор. Эх, сударыня! здоровье дороже всего! *(Пишет рецепт.)*

Марья Дмитревна. Откуда вы теперь, Христофор Васильич?

Доктор. От господина Арбенина.

Марья Дмитревна, Аннушка *(вместе)*. От Арбенина! *(Обе в замешательстве.)*

Доктор. А разве вы его знаете?

Марья Дмитревна. Нет! а кто такое Арбенин?

Доктор. Этот господин Арбенин, коллежский асессор, в разводе с своей женой — то есть не в разводе, а так: она покинула мужа, потому что была неверна.

Марья Дмитревна. Неверна! *Она* его покинула?

Доктор. Да, да, неверна! У нее, говорят, была интрига с каким-то французом! У этого же Арбенина есть сын, молодой человек лет девятнадцати или двадцати, шалун, повеса, заслуживший в свете очень дурную репутацию: говорят даже, что он пьет. Да, да! что вы на меня так пристально глядите? Все, все жалеют, что у такого почтенного, известного в Москве человека, каков господин Арбенин, сын такой негодяй! Если его принимают в хорошие общества, то это только для отца! И еще, вообразите! он смеется все надо мной и над моей ученостью! он — над моей ученостью! смеется?!

Марья Дмитревна *(в сторону)*. Личность! Я отдыхаю!

Доктор. Ах! у вас лицо в красных пятнах! я говорил, что вы еще не совсем здоровы!

Марья Дмитревна. Это пройдет, господин доктор! Благодарю вас за новость — и позвольте мне с вами проститься! Вы почти знаете, в каком я положении! Я скоро еду из Москвы! Недостаток в деньгах заставляет меня возвратиться в деревню!

Доктор. Как! не возвративши здоровья?

Марья Дмитревна. Доктора, я вижу, не могут мне его возвратить! Болезнь моя не по их части...

Доктор. Как? вы не верите благому влиянию медицины?

Марья Дмитревна. Извините! я очень верю... однако не могу ею пользоваться...

Доктор. Есть ли что-нибудь невозможное для человека с твердой волею...

Марья Дмитревна. Мне должно, моя воля — ехать в деревню. Там у меня тридцать семейств мужиков живут гораздо спокойнее, чем графы и князья. Там, в уединении, на свежем воздухе мое здоровье поправится — там хочу я умереть. Ваши посещения мне больше не нужны: благодарю за все... позвольте вручить вам последний знак моей признательности...

Доктор *(берет деньги)*. Однако вы еще очень нездоровы! вам бы надобно...

Марья Дмитревна *(значительно взглянув на него)*. Прощайте!

Доктор, раскланявшись, уходит с недовольною миной.

Этот человек в состоянии высосать последнюю копейку.

Аннушка. Вы совсем расстроеиы! ваше лицо переменилось! Ах! сударыня! присядьте, ваши руки дрожат!

Марья Дмитревна. Мой сыи имеет одиу участь ео мной!

Аннушка (*поддерживая ее*). Видио, вам, сударыня, так уж иа роду написаио— терпеть!

Марья Дмитревна. Я хочу умереть.

Аниушка. Смерть иикого не обойдет... зачем же звать ее, сударыня! Она зиает, кого в какой час захватить... а иазовешь-то ее неравно в иедобрый час... так хуже будет!.. молитесь богу, сударыия! да святым угодиикам! Ведь оии все страдали ие меиьше иас! а мученики-то, матушка!..

Марья Дмитревна. Я вижу, что близок мой коиец... такие предчувствия меня иикогда ие обмаиывали. Боже! боже мой! Допусти только примириться с моим мужем прежде смерти; пускай иичей справедливый укор ие следует за миой в могилу. Аннушка! доведи меия в мою комиату!

Уходят обе.

СЦЕНА IV

17 октября. Вечер.

Комната студента Рябинова. Бутылкн шампанского на столе и довольно много беспорядка. Снегин, Челяев, Рябинов, Заруцкой, Вышневской курят трубкн. Нн одному нет больше двадцатн лет.

Сиегин. Что с иим сделалось? отчего он вскочил и ушел, не говоря ни слова?

Челяев. Чем-иибудь обиделся!

Заруцкой. Не думаю. Ведь он всегда таков; то шутит и хохочет, то вдруг замолчит и сделается подобеи истукаиу; и вдруг вскочит, убежит, как будто бы потолок проваливается над иим.

Снегин. За здоровье Арбениив; sacré-dieu![1] он славиый товарищ!

Рябинов. Тост!

Вышиевской. Челяев! был ты вчера в театре?

Челяев. Да, был.

Вышиевской. Что играли?

Челяев. Общипанных разбойииков Шиллера. Мочалов леиился ужасно; жаль, что этот прекрасиый актер

[1] черт поберн! (*фр.*).

не всегда в духе. Случиться могло б, что я бы его видел вчера в первый и последний раз; таким образом он теряет репутацию.

Вышневской. И ты, верно, крепко боялся в театре...

Челяев. Боялся? чего?

Вышневской. Как же? — ты был один с разбойниками!

Все. Браво! браво! фора! тост!

Снегин (*берет в сторону Заруцкого*). Правда ли, что Арбенин сочиняет?

Заруцкой. Да... и довольно хорошо.

Снегин. То-то! не можешь ли ты мне достать что-нибудь?

Заруцкой. Изволь... да кстати... у меня есть в кармане несколько мелких пиес.

Снегин. Ради бога покажи... пускай они пьют и дурачатся... а мы сядем там... и ты мне прочтешь.

Заруцкой (*вынимает несколько листков из кармана, и они садятся в другой комнате у окна*). Вот первая; это отрывок, фантазия... слушай хорошенько!.. Создатель! как они шумят! Между прочим, я должен тебе сказать, что он страстно влюблен в Загорскину... слушай:

1

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала; я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я мгновеньями лишь жил,
И те мгновенья были мук полны;
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями, но сон,
Как мир, не мог быть ими омрачен!

2

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века, и жизнию иной,
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал. Но создания мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных;
О нет! все было ад иль небо в них!

3

Так! для прекрасного могилы нет!
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит. И ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь. Моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь,
С моим названьем станут повторять
Твое... На что им мертвых разлучать?

Снегин. Он это писал в гениальную минуту! Другую...

Заруцкой. Это послание к Загорскиной:

К чему волшебною улыбкой
Будить забвенные мечты?
Я буду весел, но — ошибкой:
Причину — слишком знаешь ты.
Мы не годимся друг для друга;
Ты любишь шумный, хладный свет,
Я сердцем сын пустынь и юга!
Ты счастлива, а я — я — нет!
Как небо утра молодое,
Прекрасен взор небесный твой;
В нем дышит чувство всем родное.
А я на свете всем чужой!
Моя душа боится снова
Святую вспомнить старину;
Ее надежды — бред больного.
Им верить — значит верить сну.
Мне одинокий путь назначен;
Он проклят строгою судьбой;
Как счастье без тебя — он мрачен.
Прости! прости же, ангел мой!..

Он чувствовал все, что здесь сказано. Я его люблю за это.

Сильный шум в другой комнате.

Многие голоса. Господа! мы (честь имеем объявить) пришли сюда и званы на похороны доброго смысла и стыда. За здравие дураков и б...й!

Рябинов. Тост! еще тост! господа! Коперник прав: земля вертится!

Шум утихает. Потом опять бьют в ладони.

Снегин. Оставь! не слушай их! читай далее...

Заруцкой. Погоди. *(Вынимает еще бумагу.)* Вот этот отрывок тем только замечателен, что он картина с природы; Арбенин описывает то, что с ним было, просто, но есть что-то особенное в духе этой пиесы. Она, в некотором смысле, подражание «The Dream»[1] Байронову. Все это мне сказал сам Арбенин. *(Читает.)*

Я видел юношу: он был верхом
На серой, борзой лошади — и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечер
Погас уж на багряном небосклоне,
И месяц с облаками отражался
В волнах — и в них он был еще прекрасней!..
Но юный всадник не страшился, видно,
Ни ночи, ни росы холодной... жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то все
В туманном отдаленье. В беспорядке
Минувшее являлося ему —
Грозящий призрак, темным предсказаньем
Пугающий доверчивую душу;
Но верил *он* одной своей любви
И для любви своей не знал преграды!

Он мчится. Звучный топот по полям
Разносит ветер. Вот идет прохожий;
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И удалился с видом удивленья.
И всадник примечает огонек,
Трепещущий на берегу другом;
И, проскакав тенистую дубраву,
Он различил окно, окно и дом,
Он ищет мост... но сломан старый мост,
Река темна, и шумны, шумны воды.
Как воротиться, не прижав к устам
Пленительную руку, не слыхав

[1] «Сон» *(англ.)*.

Волшебный голос тот, хотя б укор
Произнесли ее уста? о нет!
Он вздрогнул, натянул бразды, ударил
Коня — и шумные плеснули воды,
И с пеною раздвинулись они.
Плывет могучий конь — и ближе, ближе...
И вот уж он на берегу противном
И на гору летит... И на крыльцо
Взбегает юноша и входит
В старинные покои... нет ее!
Он проникает в длинный коридор,
Трепещет... нет нигде... *ее сестра*
Идет к нему навстречу. О! когда б
Я мог изобразить его страданье!
Как мрамор бледный и безгласный, он
Стоял. Века ужасных мук равны
Такой минуте. Долго он стоял...
Вдруг стон тяжелый вырвался из груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась... он вышел мрачно, твердо,
Прыгнул в седло и поскакал стремглав,
Как будто бы гналося вслед за ним
Раскаянье... и долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Без всяких опасений — наконец
Он был терпеть не в силах... и заплакал!
Есть вредная роса, которой капли
На листьях оставляют пятна — так
Отчаянья свинцовая слеза,
Из сердца вырвавшись насильно, может
Скатиться, но очей не освежит.

К чему мне приписать виденье это?
Ужели сон так близок может быть
К существенности хладной? нет!
Не может сон оставить след в душе,
И как ни снится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть и что имеет
Влиянье на сердце и судьбу...

Мой сон переменился невзначай.
Я видел комнату: в окно светил
Весенний, теплый день; и у окна
Сидела дева, нежная лицом,

С глазами полными огнем и жизнью.
И рядом с ней сидел в молчанье мне
Знакомый юноша, и оба, оба
Старались довольными казаться,
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала.
И юноша спокойней, мнилось, был,
Затем, что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры девы
Блуждали по листам открытой книги,
Но буквы все сливалися под ними...
И сердце сильно билось — без причины!
И юноша смотрел не на нее,—
Хотя она одна была царицей
Его воображенья и причиной
Всех сладких и высоких дум его,
На голубое небо он смотрел,
Следил сребристых облаков отрывки
И, с сжатою душой, не смел вздохнуть,
Не смел пошевелиться, чтобы этим
Не прекратить молчанья; так боялся
Он услыхать ответ холодный или
Не получить ответа на моленья!..

Все, что тут описано, было с Арбениным; для другого эти приключенья ничего бы не значили; но вещи делают впечатленье на сердце, смотря по расположенью сердца.

Снегин. *Странный человек* Арбенин!

Оба уходят в другую комнату.

Вышневской. Господа! когда-то русские будут русскими?

Челяев. Когда они на сто лет подвинутся назад и будут просвещаться и образовываться снова-здорова.

Вышневской. Прекрасное средство! Если б тебе твой доктор только такие рецепты предписывал, то я бьюсь об заклад, что ты теперь не сидел бы за столом, а лежал бы на столе!

Заруцкой. А разве мы не доказали в двенадцатом году, что мы русские? Такого примера не было от начала мира! Мы современники и вполне не понимаем великого пожара Москвы; мы не можем удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вместе с русскими;

мы должны гордиться, а оставить удивление потомкам и чужестранцам! Ура! господа! здоровье пожара московского!

Звук стаканов.

СЦЕНА V

10 января. Утром.

В доме у Белинского; его кабинет, по моде отделанный. Окна замерзли; на столе табачный пепел и пустая чайная чашка.

Белинской *(один; прохаживается по комнате)*. Судьба хочет непременно, чтоб я женился! Что же? Женитьба — лекарство очень полезное от многих болезней, и от карманной чахотки особенно. Теперь я занял денег, чтоб купить деревню; но тысячи рублей недостает; а где их взять? Женись! женись! кричит рассудок. Так и быть! Но на ком? Вчера я познакомился с Загорскиными. Наташа мила, очень мила; у ней кое-что есть! но Владимир влюблен в нее. Что ж? чья взяла, тот и прав. Я нахожусь в таких опасных обстоятельствах, что он должен будет мне простить. Впрочем, я не верю, чтоб он уж так сильно ее любил! Он странный, непонятный человек: один день то, другой — другое! Сам себе противуречит, а все как заговорит и захочет тебя уверить в чем-нибудь — кончено! редкий устоит! Иногда, напротив, слова не добьешься; сидит и молчит, не слышит и не видит, глаза остановятся, как будто в этот миг все его существование остановилось на одной мысли.

Молчание.

Однако я ему ничего не скажу про свое намерение, прежде чем не кончу дело. Буду покамест ездить в дом, а там — увидим!..

Входит Арбенин скоро.

Владимир. Белинской! что так задумчив?

Белинской. А! здравствуй, Арбенин! Это планы... планы...

Владимир. И тебя судьба не отучила делать планы?

Белинской. Нет! Если я твердо намерен сделать что-нибудь, то редко мне не удается. Поверь: человек,

который иепремеино хочет чего-ибудь, принуждает судьбу сдаться: судьба — женщнна!

Владимир. А я так часто был обманут желаньями и столько раз раскаивался, достигнув цели, что теперь не желаю ничего; живу как живется; никого не трогаю, и от этого все стараются чем-нибудь возбудить меия, как-нибудь вымучить из меня обидное себе слово. И знаешь ли: это иногда меня веселит. Я вижу людей, которые из жил тянутся, чтоб чем-нибудь сделать еще несноснее мое существование! Неужели я такое важное лицо в мире, или милость их простирается даже до самых ничтожных!

Белинской. Друг мой! ты строишь химеры в своем воображенье и даешь им черный цвет для большего романтизма.

Владимир. Нет! нет, говорю я тебе: я не создан для людей: я для них слишком горд, они для меня — слишком подлы.

Белинской. Как, ты не создан для людей? Напротив! ты любезен в обществе; дамы ищут твоего разговора, ты любим молодежью; и хотя иногда слишком резкие истины говоришь в глаза, тебе все-таки прощают, потому что ты их умно говоришь и это как-то к тебе идет!

Владимир *(с горькой улыбкой)*. Я вижу! ты хочешь меня утешить!

Белинской. Когда ты был у Загорскиных? Могут ли там тебя утешить?

Владимир. Вчера я их видел. Странно: она меня любит — и не любит! Она со мною иногда так добра, так мила, так много говорят глаза ее, так много этот румянец стыдливости выражает любви... а иногда, особливо на бале где-ннбудь, она совсем другая,— и я больше не верю ни ее любви, ни своему счастью!

Белинской. Она кокетка!..

Владимир. Не верю: тут есть тайна...

Белинской. Подн ты к черту с тайнами! Просто: когда ей весело, тогда твоя Наташа о тебе н не думает, а когда скучно, то она тобой забавляется. Вот и вся тайна.

Владимнр. Ты это сказал таким нежным голосом, как будто этим сделал мне великое благодеяние!

Белинской *(покачав головой)*. Ты не в духе сегодня!

Владимир (*вынимает изорванное письмо*). Видишь?

Белинской. Что такое?

Владимир. Это письмо я писал к ней... прочти его! Вчера я приезжаю к ее кузине, княжне Софье; улучив минуту, когда на нас не обращали внимания, я умолял ее передать письмо Загорскиной... она согласилась, но с тем, чтобы прежде самой прочитать письмо. Я ей отдал. Она ушла в свою комнату. Я провел ужасный час. Вдруг княжна является, говоря, что мое письмо развеселит очень ее кузину и заставит ее смеяться! смеяться? друг мой! Я разорвал письмо, схватил шляпу и уехал...

Белинской. Я подозреваю хитрость княжны. Загорскина не стала бы смеяться такому письму, потому что я очень отгадываю его содержание... зависть, может быть и более, или просто шутка...

Владимир. Хитрость! хитрость! я *ее* видел, провел с нею почти наедине целый вечер... я видел ее в театре: слезы блистали в глазах ее, когда играли «Коварство и Любовь» Шиллера!.. Неужели она равнодушно стала бы слушать рассказ моих страданий? (*Схватывает за руку Белинского.*) Что, если б я мог прижать Наталью к этой груди и сказать ей: ты моя, моя навеки!.. Боже! боже! — я не переживу этого! (*Смотрит пристально в глаза Белинскому.*) Не говори ни слова, не разрушай моих детских надежд... только теперь не разрушай!.. а после...

Белинской. После. (*В сторону.*) Как? ужели он предугадывает судьбу свою?

Владимир. О, как сердце умеет обманывать! (*Беспокойно ходит взад и вперед.*)

Белинской (*в сторону*). И я должен буду разрушить этот обман? Ба! да я, кажется, начинаю подражать ему! Нет! это вздор! он не так сильно любит, как показывает: жизнь не роман!

Входит слуга Белинского.

Слуга. Дмитрий Васильич! какой-то мужик просит позволения вас видеть. Он говорит, что слышал, будто вы покупаете их деревню, так он пришел...

Белинской. Вели ему взойти.

Слуга уходит.
Входит мужик седой и бросается в ноги Белинскому.

Встань! встань! что тебе надобно, друг мой?

Мужик *(на коленах)*. Мы слышали, что ты, кормилец, хочешь купить иас, так я пришел... *(кланяется)* мы слышали, что ты барии доброй...

Белииской. Да встань, братец, а потом говори!.. Встань прежде!

Мужик *(встав)*. Не прогневайся, отец родной, коли я...

Белинской. Да говори же...

Мужик *(кланяясь)*. Меня, старика, прислали к тебе от всего села, кормилец, кланяться тебе в ноги, чтобы ты стал нашим защитником... все бы мы стали богу молить о тебе! будь нашим спасителем!

Белинской. Что же? вам не хочется с госпожой своей расставаться, что ли?

Мужик *(кланяясь в ноги)*. Нет! купи, купи нас, родимой!

Белииской *(в сторону)*. Странное приключеиие! *(Мужику.)* А! так вы, верно, недовольны своей помещицей?

Мужик. Ох! тяжко! за грехи наши!..

Арбениин начинает вслушиваться.

Белинской. Ну! говори, брат, смелее! Жестоко, что ли, госпожа поступает с вами?

Мужик. Да так, барии... что ведь, ей-богу, терпеиья уж нет. Долго мы переносили, однако пришел конец... хоть в воду!..

Владимир. Что же она делает? *(Лицо Владимира мрачно.)*

Мужик. Да что вздумается ее милости.

Белинской. Например... сечет часто?

Мужик. Сечет, батюшка, да как еще... за всякую малость, а чаще без виНы. У нее управитель, вишь, в милости. Он и творит, что ему любо. Не сними-ко перед ним шапки, так и нивесь что сделает. За версту увидишь, так тотчас шапку долой, да так и работай на жару, в полдень, пока не прикажет надеть, а коли сердит или позабудет, так иногда целый деиь промает.

Белинской. Какие злоупотребления!

Мужик. Раз как-то барыне доиесли, что, дескать, «Федька дурио про тея говорит и хочет в городе жаловаться!» А Федька мужик был славиой; вот оиа и приказала руки ему вывертывать на станке... а управитель

был на него сердит. Как повели его на барский двор, дети кричали, жена плакала... вот стали руки вывертывать. «Господин управитель! — сказал Федька,— что я тебе сделал? Ведь ты меня губишь!» — «Вздор!» — сказал управитель. Да вывертывали, да ломали... Федька и стал безрукой. На печке так и лежит да клянет свое рожденье.

Белинской. Да что, в самом деле, кто-нибудь из соседей, или исправник, или городничий не подадут на нее просьбу? На это есть у нас суд. Вашей госпоже плохо может быть.

Мужик. Где защитники у бедных людей? У барыни же все судьи подкуплены нашим же оброком. Тяжко, барин! тяжко стало нам! Посмотришь в другое село... сердце кровью обливается! Живут покойно да весело. А у нас так и песен не слышно стало на посиделках. Рассказывают горнишные: раз барыня рассердилась, так, вишь, ножницами так и кольнула одну из девушек... ох! больно... а как бороду велит щипать волосок по волоску... батюшка!.. ну! так тут и святых забудешь... батюшка! *(Падает на колени перед Белинским.)* О, кабы ты нам помог!.. купи нас! купи, отец родной! *(Рыдает.)*

Владимир *(в бешенстве)*. Люди! люди! и до такой степени злодейства доходит женщина, творение иногда столь близкое к ангелу... О! проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство — все куплено кровавыми слезами. Ломать руки, колоть, сечь, резать, выщипывать бороду волосок по волоску!.. О боже!.. при одной мысли об этом я чувствую боль во всех моих жилах... я бы раздавил ногами каждый сустав этого крокодила, этой женщины!.. Один рассказ меня приводит в бешенство!..

Белинской. В самом деле ужасно!

Мужик. Купи нас, родимой!

Владимир. Дмитрий! есть ли у тебя деньги? — вот все, что я имею... вексель на тысячу рублей... ты мне отдашь когда-нибудь. *(Кладет на стол бумажник.)*

Белинской *(сосчитав)*. Если так, то я постараюсь купить эту деревню... поди, добрый мужичок, и скажи своим, что они в безопасности. *(Владимиру.)* Какова госпожа?

Мужик. Дай боже вам счастья обоим, отцы мои, дай бог вам долгую жизнь, дай бог вам все, что душе ни пожелается... Прощай, родимой! благослови тебя царь небесный! *(Уходит.)*

Владимир. О мое отечество! мое отечество! *(Ходит быстро взад и вперед по комнате.)*

Белинской. Ах, как я рад, что могу теперь купить эту деревню! как я рад! впервые мне удается облегчить страждущее человечество! Так: это доброе дело. Несчастные мужики! что за жизнь, когда я каждую минуту в опасности потерять все, что имею, и попасть в руки палачей!

Владимир. Есть люди, более достойные сожаленья, чем этот мужик. Несчастия внешние проходят, но тот, кто носит всю причину своих страданий глубоко в сердце, в ком живет червь, пожирающий малейшие искры удовольствия... тот, кто желает и не надеется... тот, кто в тягость всем, даже любящим его... тот! но для чего говорить об таких людях? им не могут сострадать: их никто, никто не понимает.

Белинской. Опять за свое! О, эгоист! как можно сравнивать химеры с истинными несчастиями? Можно ли сравнить свободного с рабом?

Владимир. Один раб человека, другой раб судьбы. Первый может ожидать хорошего господина или имеет выбор — второй никогда. Им играет слепой случай, и страсти его и бесчувственность других — все соединено к его гибели.

Белинской. Разве ты не веришь в провидение? Разве отвергаешь существование бога, который все знает и всем управляет?

Владимир *(смотрит на небо)*. Верю ли я? верю ли я?

Белинской. Твоя голова, я вижу, набита ложными мыслями.

Владимир *(помолчав)*. Послушай! не правда ли, теперь прекрасная погода? пойдем на булевар!

Белинской. Чудак!

Входит слуга Марьи Дмитревны.

Что тебе надобно? кто ты?

Владимир. Слуга моей матери!

Слуга. Я прислан к вам, сударь, от Марьи Дмитревны. Искал я вас с полчаса в трех домах, где, как мне у вас сказали, вы часто бываете.

Владимир. Что случилось?

Слуга. Да барыня-с...

Владимир. Что?

Слуга. Сделалась очень нездорова и просит вас поскорее к себе.

Владимир. Нездорова, говоришь ты? больна?

Слуга. Очень нездорова-с.

Владимир *(задумчиво)*. Очень! да, я пойду! *(Подавая руку Белинскому.)* Не правда ли, я тверд в своих несчастиях? *(Уходит.)* *(В продолжение этой речи он менялся в лице, и голос его дрожал.)*

Белинской *(глядя вслед ему)*. Тебя погубит эта излишняя чувствительность! Ты желаешь спокойствия, но не способен им наслаждаться, и оно сделалось бы величайшею для тебя мукой, если бы поселилось в груди твоей. Я веселого характера обыкновенно, однако примечаю, что печаль Арбенина прилипчива. После него часа два я не могу справиться. Ха! ха! ха! испытаю верность женщины! Посмотрим, устоит ли Загорскина против моих нападений. Если она изменит Арбенину, то это лучший способ излечить его от самой глупейшей болезни.

Слуга Белинского входит.

Чего тебе?

Слуга. Да я ходил в театр за билетом-с, как вы приказывали. Вот билет-с.

Белинской. Хорошо! В первом ряду? хорошо. *(Про себя.)* Скучно будет сегодня во Французском театре: играют скверно, тесно, душно. А нечего делать! весь beau monde! [1] *(Закуривает трубку и уходит.)*

СЦЕНА VI

10 января. День.

В доме у Загорскиных. Комната барышень.

Княжна Софья сидит на постели; Наташа поправляет волосы перед зеркалом.

Княжна Софья. Ma chère cousine! [2] я тебе советую остерегаться!

Наташа. Пожалуйста, без наставлений! Я сама знаю, как мне поступать. Я никогда не покажу Арбенину большой благосклонности, а пускай он будет доволен малым.

[1] светское общество! *(фр.)*

[2] Милая кузина! *(фр.)*

Княжна Софья. Ведь ты его не заставишь на себе жениться... он вовсе не такой человек!..

Наташа. Разумеется, я сама за него свататься не стану; а если он меня любит, так женится.

Княжна Софья (*насмешливо*). Не правда ли, как он интересен, как милы его глаза, полные слез!

Наташа. Да, для меня очень занимательны.

Княжна Софья. Поверь, он только дурачится и шалит; а именно потому, что уверен, что ты в него влюблена.

Наташа. Ему не отчего быть уверену.

Княжна Софья. А попробуй показать холодность... тотчас отстанет!

Наташа. Я пробовала, и он не отстал и только больше с тех пор меня любит...

Княжна Софья. Но ты не умеешь притворяться, ты...

Наташа. Поверь, не хуже тебя!

Княжна Софья. Арбенин точно так же куртизанил прошлого года Лидиной Полине; а тут и бросил ее, и смеется сам над нею... Ты помнишь? то же будет и с тобой.

Наташа. Я не Полина.

Княжна Софья. Посмотрим.

Наташа. Да что ты так на одно наладила?

Княжна Софья. Уж что я знаю, то знаю... вчера...

Наташа. Что такое? впрочем, я и знать не желаю.

Княжна Софья. Вчера Арбенин был у нас.

Наташа. Ну что ж?

Княжна Софья. Любезничал с Лизой Шумовой, рассказывал ей бог знает что и между тем просил меня отдать тебе письмо: вот мужчины! в одну влюблены, а другой пишут письма! верь им после этого. Я его прочла и отдала назад, сказав, что ты будешь очень этому смеяться. Он разорвал и уехал. Какова комедия!

Молчание.

А еще, знаешь: мне сказывали наверное, что он хвалится, будто ты показывала особенные признаки любви. Но я не верю!

Наташа (*в сторону*). Он делает глупости! Я теперь на него так сердита, так сердита! Хвалится! кто б подумал! это слишком! (*Громко.*) Ты знаешь, кузина, у нас

был вчера Белинской! Un jeune homme charmant![1] прелесть как хорош, умен и любезен! Вот уж ие надует губы! Как воспитан, точно будто всю жизнь провел при дворе!

Княжна Софья. Поздравляю. И ты, я надеюсь, ему очень понравилась! *(В сторону.)* Я в восхищеини: мои слова действуют! *(Громко.)* Вчерась же Арбенин чуть-чуть ие поссорился у иас с Нелидовым. Последиий, ты зиаешь, такой тихий, степеный, осторожиый; а Волдемар этого не слишком прндерживается. Нелидов разговорнлся с ним про свет н общественное мнение и несколько раз повторял, что дорожит своею доброй славой, такнм тоном, который давал чувствовать Арбенину, что он ее потерял; этот поиял н побледнел; после и говорит мне: «Нелндов хотел кольнуть мое самолюбне, он достиг своей целн; это правда: я потерян для света... но довольно горд, чтоб слушать равнодушно напоминания об этом!» Ха! ха! ха! не правда лн, Наташа, это показывает твердость характера!

Наташа. Коиечио! Арбенин ие совсем заслуживает дурное миеиие света; но он об нем мало заботнтся; и этот Нелидов очень глупо сделал, еслн старался его обидеть! *(Наташа подходит к окну.)*

Княжна Софья. Поверь мне: Арбенина так же огорчает злословне, как н другого; он только не хочет этого показать.

Молчание.

Наташа *(с живостью)*. Ах! сейчас приехал Белинской!

СЦЕНА VII

3 февраля. Утро.

Кабинет Павла Григорича Арбенина. Он сидит в креслах, против него стонт человек среднях лет в сннем сюртуке, с седыми бакенбардами.

Павел Григорич. Нет! братец, нет! скажи своему господину, что я не намерен ждать. Должен? — плати. Нечем? — на что задолжал. В Россни на это есть суд. Ну если б я был бедняк? разве два месяца пождать ничего ие зиачнт?

[1] Очаровательный молодой человек! *(фр.)*

Поверенный. Хоть две недели, сударь. На днях мы денег ждем с завода. Неужели уж мы обманем вас?

Павел Григорич. Ни дня ждать не хочу.

Поверенный. Да где же денег взять прикажете? Ведь восемь тысяч на улице не найдешь.

Павел Григорич. Пускай твой господин продаст хоть тебя самого; а мне он заплотит в назначенное время. И с процентами — слышишь?

Поверенный. Да помилуйте-с!..

Павел Григорич. Ни слова больше. Ступай!

Поверенный уходит.

Вишь какой ловкий! Всё бы ему ждали! Нет, брат! ныиче деньги дороги, хлебы дешевы да еще плохо родятся! Пускай графские сынки да вельможи проматывают именье; мы, дворяне простые, от этого выигрываем. Пускай они будут при дворе, пускай шаркают в гостиных с камергерскими ключами, а мы будем тише, да выше. И, наконец, они оглянутся и увидят, хоть поздно, что мы их обогнали. *(Встает с кресел.)* Ух! замотали меня эти дела. А все-таки как-то весело: видеть перед собою бумажку, которая содержит в себе цену многих людей, и думать: своими трудами ты достигнул способа менять людей на бумажки. Почему же нет? и человек тлеет, как бумажка, и человек, как бумажка, носит на себе условленные знаки, которые ставят его выше других и без которых он... *(Зевает.)* Уф! спать хочется! Где-то сын мой? Он, верно, опять задолжал, потому что третий день дома обедает. Вот! прошу покорно иметь детей!

Владимир, бледный, быстро входит.

Владимир *(громко и скоро)*. Батюшка!

Павел Григорич. Что тебе надобно?

Владимир. Я пришел, чтобы... у меня есть одна, единственная просьба до вас... не откажите мне... поедемте со мною! поедемте! заклинаю вас; одна минута замедленья, и вы сами будете раскаиваться.

Павел Григорич. Куда мне ехать с тобою? ты с ума сошел!..

Владимир. Не мудрено. Если б даже вы увидали, что я видел, и остались при своем уме, то я бы удивился!

Павел Григорич. Это уж ни на что не похоже! ты, Владимир, выводишь меня из терпения.

Владимир. Так вы не хотите со мною ехать! так вы мне не верите! А я думал... но теперь вынужден все сказать. Слушайте: одна умирающая женщина хочет вас видеть; эта женщина...

Павел Григорич. Что мне за дело до нее?

Владимир. Она ваша супруга!

Павел Григорич *(с досадой)*. Владимир!

Владимир. Вы, верно, думаете меня испугать этим строгим взглядом и удушить голос природы в груди моей? Но я не таков, как вы; этот самый голос, приказывающий мне повиноваться вам, заставляет... да! ненавидеть вас! да! если вы будете долее противиться мольбам моей матери! О! нынешний день уничтожил во мне все опасенья: я говорю прямо! Я ваш сын и ее сын; вы счастливы, она страдает на постели смерти, кто прав, кто виноват, не мое дело. Я слышал, слышал ее мольбы и рыданья, и последний нищий назвал бы меня подлецом, если б я мог еще любить вас!..

Павел Григорич. Дерзкий! Я давно уж не жду от тебя любви; но где видано, чтобы сын упрекал отца такими словами? Прочь с глаз моих!

Владимир. Я уж просил вас не уничтожать во мне последнюю искру покорности сыновней, чтоб я не повторил эти обвиненья перед целым светом!

Павел Григорич. Боже мой! до чего я дожил? *(Ему.)* Знаешь ли...

Владимир. Я знаю: вы сами терзаемы совестью, вы сами не имеете спокойных минут — вы виновны во многом...

Павел Григорич. Замолчи!..

Владимир. Не замолчу! не просить пришел я, но требовать! требовать! Я имею на это право! Нет! эти слезы врезались у меня в память! батюшка *(бросается на колени)*, батюшка! пойдемте со мною!

Павел Григорич. Встань! *(Он встревожен.)*

Владимир. Вы пойдете?

Павел Григорич *(в сторону)*. Что, если в самом деле? Может быть...

Владимир. Так вы не хотите? *(Встает.)*

Павел Григорич *(в сторону)*. Она умирает, говорит Владимир! желает получить мое прощенье... правда! я бы... но ехать туда? Если узнают, что скажут?

Владимир. Вам нечего бояться: моя мать нынче же умрет. Она желает с вами примириться, не для того,

чтобы жить вашим имением; она не хочет сойти в могилу, пока имеет врага на земле. Вот вся ее просьба, вся ее молитва к богу. Вы не хотели. Есть на небе судия. Ваш подвиг прекрасен; он показывает твердость характера; поверьте, люди будут вас за это хвалить; и что за важность, если посреди тысячи похвал раздастся один обвинительный голос. *(Горько улыбается.)*

Павел Григорич *(принужденно)*. Оставь меня!

Владимир. Хорошо! Я пойду... и скажу, что вы не можете, заняты. *(Горько.)* Она еще раз в жизни поверит надежде! *(Тихо идет к дверям.)* О, если б гром убил меня на этом пороге; как? я приду — один! я сделаюсь убийцею моей матери. *(Останавливается и смотрит на отца.)* Боже! вот человек!

Павел Григорич *(про себя)*. Однако для чего мне не ехать? что за беда? Перед смертью помириться ничего; смеяться никто над этим не станет... а все бы лучше! Да, так и быть, отправлюсь. Она, верно, без памяти, и меня не узнает... скажу ей, что прощаю, и делу конец! *(Громко.)* Владимир! послушай... погоди!

Владимир недоверчиво приближается.

Я пойду с тобою... я решился! Нас никто не увидит? но я верю! пойдем... только смотри, в другой раз думай об том, что говоришь...

Владимир. Так вы точно хотите идти к моей матери? точно? это невероятно! Нет, скажите: точно?

Павел Григорич. Точно!

Владимир *(кидается ему на шею)*. У меня есть отец! у меня снова есть отец! *(Плачет.)* Боже! боже! я опять счастлив! Как легко стало сердцу! у меня есть отец! Вижу, вижу, что трудно бороться с природными чувствами... О! как я счастлив! Видите ли, батюшка! как приятно сделать, решиться сделать добро... ваши глаза прояснели, ваше лицо сделалось ангельским лицом! *(Обнимает его.)* О мой отец, вы будете вознаграждены богом! Пойдемте, пойдемте скорей — ее надобно застать при жизни!

Павел Григорич *(хочет идти; в сторону)*. Итак, я должен увидеться... хорошо! Да нет ли тут какой-нибудь сети? однако отчаяние Владимира!.. Но разве она не может притвориться и уверить его, что умирает? Разве женщине, а особливо моей жене, трудно обмануть... кого бы ни было? О, я предчувствовал, я проникнул

этот замысел, и теперь все ясно. Заманить меня опять... упросить... и еслн я не соглашусь, то сын мой всему городу станет рассказывать про такую жестокость! Она, пожалуй, его подобьет! Прнзиаюсь! прехнтрый план! прехнтрейший!.. одиако не иа того иапали! Хорошо, что я вовремя догадался! Не пойду же я! Пускай умрет одна, еслн могла жить без меня!

Владимир. Вы медлите!

Павел Григорич *(холодно)*. Да! Я медлю!

Владимнр. Вы... эта перемеиа! вы...

Павел Грнгорич *(гордо)*. Я остаюсь! Скажи своей матерн н бывшей моей жене, что я не попался вторично в расставленную сеть... скажи, что благодарю за прнглашенне н желаю ей веселой дорогн!

Владимир вздрагивает и отступает назад.

Владимир. Как! *(С отчаяньем.)* Это превзошло мои ожиданья! И с такой открытой холодностью! с такой адской улыбкой? И я — ваш сын? Так, я ваш сын, и потому должен быть врагом всего священного, врагом вашим... из благодарности! О, еслн б я мог мон чувства, сердце, душу, мое дыхаиие превратить в одно слово, в один звук, то этот звук был бы проклятие первому мгновеиню моей жизни, громовой удар, который потряс бы твою внутренность, мой отец... и отучнл бы тебя называть меия сыиом!

Павел Григорнч. Замолчи, сумасшедшнй! Страшись моего гнева... погоди: придут днн более спокойиые; тогда ты узиаешь, как опасно оскорблять родителя... я тебя прнмерно накажу!..

Владимир *(закрыв лицо руками)*. А я мечтал иайти жалость!..

Павел Григорич. Неблагодариый! иеблагодарный! чудовище! мне ли ты не обязан?.. и с такимн упреками...

Владимир. Неблагодариый? Вы мне далн жизнь: возьмите, возьмите ее иазад, еслн можете... О! это горький дар!

Павел Григорич. Вон скорей из моего дома и не смей воротиться, пока ие умрет моя бедиая супруга. *(Со смехом.)* Посмотрим, скоро лн ты придешь? Посмотрим, настоящая ли болезнь, ведущая к могиле, или неловкая хитрость наделала столько шуму и заставила тебя забыть почтенне и обязаиность! Теперь ступай! Рассуди хо-

рошенько о своем поступке, припомни, что ты говорил,— и тогда, тогда, если осмелишься, покажись опять мне на глаза! *(Злобно взглянув на сына, уходит и запирает двери за собою.)*

Владимир *(который стоял как вкопанный, смотрит вслед; после краткого молчания)*. Все кончилось!..

Уходит в другую дверь. Решительная безнадежность приметна во всех его движениях. Он оставляет за собой дверь растворенную, и долго видно, как он то пойдет скорыми шагами, то остановится; наконец, махнув рукой, он удаляется.

СЦЕНА VIII

3 февраля. День.

Спальня Марьи Дмитревны. Стол с лекарствами. Она лежит на постели. Аннушка стоит возле нее.

Аннушка. У вас, сударыня, сильная лихорадка! Не угодно ли чаю горяченького или бузины? Тотчас будет готово. Ах ты, моя родная, какие руки-то холодные: точно ледяные. Не прикажете ли, матушка, послать за лекарем?

Марья Дмитревна. Послушай! что давит мне грудь?

Аннушка. Ничего, сударыня: одеяло прелегкое! отчего бы, кажется, давить?

Марья Дмитревна. Аннушка! я сегодня умру!

Аннушка. И! Марья Дмитревна! выздоровеете! бог милостив— зачем умирать?

Марья Дмитревна. Зачем?

Аннушка. Не всё больные умирают, иногда и здоровые прежде больных попадают на тот свет. Не пора ли лекарство принять?

Марья Дмитревна. Я не хочу лекарства.. где мой сын? Да, я и позабыла, что сама его послала!.. Посмотри в окно, нейдет ли он? Поди к окну... что? нейдет? Как долго!

Аннушка. На улице пусто!

Марья Дмитревна *(про себя)*. Он уговорит отца! Я уверена... О! как сладко примириться перед концом; теперь я не стыжусь встретить его взор. *(Погромче.)* Аннушка! что ты так смотришь в окно?

Аннушка. Я? нет... это так-с...

Марья Дмитревна. Нет, верно... говори всю правду, что такое?

Аннушка. Похороны, сударыня... да какие препышные! сколько карет сзади: верно, богач! Какие лошади! покров так и горит! два архиерея!.. певчие! ну ж нечего сказать!

Марья Дмитревна. Аннушка! и мне пора... я чувствую близость последней минуты! О, поскорее! поскорее, царь небесный!

Аннушка. Полните, сударыня, что вам за охота? Как если, не дай бог, вы скончаетесь, что тогда со мною будет? кто позаботится обо мне? неужто Павел Григорич к себе возьмет? Не бывать этому. Да я лучше по миру пойду: добрые люди из окошек накормят!

Марья Дмитревна. Мой сын, Владимир, тебя не оставит!

Аннушка. Да еще перенесет ли он вашу смерть? Вы знаете, какой он горячий; из малости уж вне себя, а тогда... боже упаси!

Марья Дмитревна. Ты права... я должна тебя наградить: у меня в шкатулке есть восемьдесят рублей... дай несколько и старику, Павлу! Он всегда верно мне служил; и тобой я всегда, всегда была довольна...

Смутная радость изображается на лице Аннушки.

О, как сердце бьется! Что хуже: ожиданье или безнадежность?

Дверь отворяется. Тихо входит Владимир. Он мрачен. Молча подходит к постели и останавливается в ногах.

Аннушка. Владимир Павлович пришел!

Марья Дмитревна *(быстро)*. Пришел! *(Приподымается и опять опускает голову.)* Владимир... ты один! А я думала... ты один!

Владимир. Да.

Марья Дмитревна. Друг мой! ты звал его сюда? сказал, что я умираю? он скоро придет?

Владимир *(мрачно)*. Как вы себя чувствуете? Довольно ли вы крепки, чтоб говорить и... слушать?

Аннушка. Барыня без вас все плакала, Владимир Павлович!

Владимир. Боже! боже! ты всесилен! зачем непременно я должен убить мать мою?

Марья Дмитревна. Говори скорее, не терзай меня понемногу: придет ли твой отец.

Молчание.

Где он!.. как предстать пред бога... Владимир! без него я не умру спокойно!

Владимир *(тихо)*. Нет.

Марья Дмитревна *(не слыхав)*. Что сказал ты?.. Дай мне руку, Владимир!

Владимир *(слезы начинают падать из глаз его. Он бросается на колена возле постели и покрывает поцелуями ее руку.)*. Я возле вас! зачем вам другого? разве вам не довольно меня? Кто-нибудь любит ли вас сильней, чем я?

Марья Дмитревна. Встань... ты плачешь?..

Владимир *(встав, отходит в сторону)*. Ужасная пытка! Если я все это вынесу, то буду себя почитать за истукана, который не стоит имени человека!.. Если я вынесу... то уверюсь, что сын всегда похож на отца, что его кровь течет в моих жилах и что я, как он, хотел ее погибели. Так! я должен был силою притащить его сюда, угрозами, страхом исторгнуть у него прощенье... *(С бешеной радостью.)* Послушайте, послушайте, что я вам скажу! Мой отец весел, здоров и не хотел вас видеть! *(Вдруг, как бы испугавшись, останавливается.)*

Марья Дмитревна *(вздрагивает. После молчания.)*. Молись... молись за нас... не хотел... о!

Анюшка. Ей дурно, дурно!..

Марья Дмитревна. Нет! нет! Я соберу последние силы... Владимир! ты должен узнать все и судить своих родителей! Подойди. Я умираю. Отдаю душу правосудному богу и хочу, чтоб ты, ты, мой единственный друг, не обвинял меня по чужим словам... Я сама произнесу свой приговор. *(Останавливается.)* Я виновна: молодость была моей виною. Я имела пылкую душу, твой отец холодно со мной обращался. Я прежде любила другого: если б мой муж хотел, я забыла бы прежнее. Несколько лет старалась я побеждать эту любовь, и одна минута решила мою участь... Не смотри на меня так. О! упрекай лучше самыми жестокими словами: я твоя злодейка! Мой поступок заставляет тебя презирать меня, и не одну меня... Долгим раскаянием я загладила свой проступок. Слушай: он был тайною. Но я не хотела, не могла заглушить совесть — и сама открыла все твоему отцу. С горькими

слезами, с унижением я упала к иогам его... я надеялась, что он великодушно простит мие... Но он выгнал меня из дому; и я должна была оставить тебя, ребенка, и молча, подавленная тягостью собственной вины, переносить насмешки света... Ои жестоко со мною поступил!.. Я умираю... Если он мне ие простнл еще, то бог его иакажет... Владимир! ты осуждаешь мать свою? Ты не смотришь на меня? *(Голос ее под конец становился все слабее и слабее.)*

Владимир *(в сильном движении. Про себя.)*. Вижу! Вижу! природа вооружается против меия; я ношу в себе семя зла; я создан, чтобы разрушать естественный порядок. Боже! боже! Здесь умирающая мать — н на языке моем нет ни одиого утешнтельного слова, ни одного! Неужели мое сердце так сухо, что нет ии одной слезы? Горе! горе тому, кто нссушил это сердце. Он мне заплотит: я сделался через его преступником; с этой минуты прочь сожаленье! День и иочь буду я иапевать отцу моему страшную песию, до тех пор, пока у него не встанут дыбом волосы н раскаяние начнет грызть его душу! *(Обращаясь к матери.)* Ангел! ангел! не умнрай так скоро: еще несколько часов...

Аинушка *(с приметным беспокойством посматривает на госпожу)*. Владнмир Павлович!

Он услыхал н глядит на нее пристально. Она трогает за руку Марью Дмитревну н вдруг останавлнвается.

Прости господн ее душу! *(Крестится.)*

Владнмир вздрагивает, шатается н едва не упадает. Удерживается рукой за спинку стула н так остается неподвижен несколько минут.

Как тихо скончалась-то родимая моя! Что буду я теперь? *(Плачет.)*

Владимир *(подходит к телу и, взглянув, быстро отворачивается)*. Для такой души, для такой смерти слезы ничего не значат... у меня их иет! нет! Но я отомщу, жестоко, ужасно отомщу. Пойду принесу отцу моему весть о ее кончине и заставлю, принужу его плакать, и когда ои будет плакать... буду смеяться! *(Убегает.)*

Долгое молчание.

Аннушка. И сын родной ее оставляет! Теперь все, что я могу захватнть, мое! Что же? тут по мие иету греха; лучше, чтобы мне досталось, чем кому другому, а

Владимиру Павловичу не нужно! *(Подносит зеркало к губам усопшей.)* Зеркало гладко! последнее дыханье улетело! Как бледна! *(Уходит из комнаты и призывает остальных слуг для совершения обрядов.)*

СЦЕНА IX

3 февраля. Пополудни.

Комната у Загорскиных. Наташа и княжна. Анна Николавна, входя, вводит двух старух.

Анна Николавна. А я вас сегодня совсем не ожидала! Милости просим! Прошу садиться! Как ваше здоровье, Марфа Ивановна?

Садятся.

1 Старуха. Эх! мать моя! Что у меня за здоровье? все рифматизмы да флюс. Только нынче развязала щеку. *(К другой старухе.)* Как мы съехались, Катерина Дмитревна! Я только что на двор, и вы за мной, как будто сговорились навестить Анну Николавну.

2 Старуха *(к хозяйке)*. Я слышала, что вы были больны?

Анна Николавна. Да... благодарю, что навестили... теперь получше. А что, нового не слыхать ли чего-нибудь?

2 Старуха. У меня, вы знаете, Егорушка в Петербурге; так он пишет, что турок в пух разбили наши: взяли пашу!

1 Старуха. Дай-то бог! А я слышала, что Горинкин женился. Да на ком! Знавали вы Болотину? так на ее дочери. Славная партия... ведь сколько женихов за нею гонялось! так нет... кому счастье.

Анна Николавна. А я слышала: граф Свитской умер. Ведь жена, дети.

1 Старуха. Да? какая жалость... А что рассказывают! слышали вы?

Анна Николавна. Что такое?

2 Старуха. Что такое? странно! я не слыхала!

1 Старуха. Говорят, что покойник — прости его господи — почти все свое имение продал и побочным детям отдал деньги. Есть же люди! И говорят также, будто бы в духовной он написал, чтоб его похороны не стоили больше ста рублей.

2 Старуха. Нечего сказать, как в колыбельке, так и в могилку! Всегда был чудак покойник! царство ему небесное! Что ж? исполнили его завещание?

1 Старуха. Как можно? Пожалуй, он бы написал, чтоб его в овраг кинули! Нет, матушка, пять тысяч стоили похороны; в Донском монастыре, да два архиерея было.

Анна Николавна. Стало быть, очень пышно было?

Наташа. Будто не все равно.

1 Старуха. Как так? разве можно графа похоронить, как нищего?

2 Старуха *(после общего молчания)*. Анна Николавна! вы меня извините! я ведь только на минуточку к вам заехала! спешу к золовке на крестины. *(Встает.)* Прощайте.

Анна Николавна. Если так, то не смею вас удерживать! Прощайте.

Целуются.

До свиданья, матушка. *(Провожает ее.)*

1 Старуха. Какова? Как разрядилась наша Мавра Петровна! пунцовые ленты на чепце! ну кстати ли? ведь сама насилу ноги таскает! А который ей год, Анна Николавна, как вы думаете?

Анна Николавна. Да лет пятьдесят есть! Она так говорит.

1 Старуха. Крадет с десяток! Я замуж выходила, а у нее уж дети бегали.

Наташа *(тихо Софье)*. Я думаю: потому что она замуж вышла тридцати лет.

Княжна Софья. Охота тебе их слушать, Наташа?

Наташа. Помилуй! это очень весело!

Слуга входит.

Слуга. Дмитрий Василич Белинской приехал.

Анна Николавна. Что это значит? *(Слуге.)* Проси в гостиную.

Слуга уходит.

(Тихо старухе.) Пойдемте со мною, матушка; я угадываю, зачем он приехал! мне уж говорили. Он сам не так богат; но дядя при смерти, а у дяди тысяча пятьсот душ.

1 Старуха. Понимаю. *(В сторону.)* Посмотрим, что за Белинской! *(Наташе.)* О! плутовка.

Обе уходят.

Княжна Софья. Отчего ты так покраснела?

Наташа. Я?

Княжна Софья *(махнув рукой)*. Ну ж! ничего не слышит и не видит! Наташа! твои щеки пылают, ты дрожишь, ты вне себя. Что такое значит?

Наташа *(схватив княжну за руку)*. Так! это ничего! Кто сказал, что я дрожу? Ах, знаешь ли! Я отгадываю, зачем он приехал. Теперь все решится! не правда ли?

Княжна Софья. Что решится?

Наташа. Какие глупые вопросы, кузина! Вчера была у нас княгиня, и...

Княжна Софья. Я тебя понимаю! Ты влюблена в Белинского. Ну что ж.

Наташа отворачивается.

Это очень натурально.

Наташа *(с живостью)*. Послушай! Как он мил! Как он любезен!

Княжна Софья. Бедный Арбенин!

Наташа. Чем же бедный?

Княжна Софья. Он тебя так любит! Белинской свататься приехал: ты, наверное, ему не откажешь, так ли? А я знаю, что Арбенин тебя очень, очень любит. *(Насмешливо улыбается.)*

Наташа. Разлюбит поневоле. Впрочем, он очень умел притворяться с другими, почему же не притворялся он со мной? кто может поручиться? Правда, он мне сначала немного нравился. В нем что-то необыкновенное... а зато какой несносный характер, какой злой ум и какое печальное всегда воображенье! Боже мой! да такой человек в одну неделю тоску нагонит. Есть многие, которые не меньше его чувствуют, а веселы.

Княжна Софья. Ты хотела бы все смеяться! *(Смотрит на нее пристально.)* Однажды в сумерки приехал к нам Арбенин. Сел за фортепьяно и с полчаса фантазировал. Я заслушалась. Вдруг он вскочил и подошел ко мне. Слезы были у него на глазах. «Что с вами?» — спросила я. «Припадок! — отвечал он с горькой улыбкой.— Музыка приводит мне на мысли Италию! Во всей

ледяной России нет сердца, которое отвечало бы моему! Все, что я люблю, убегает меня. Прошу сожаленья? Нет! Я похож на чумного! Все, что меня любит, то заражается этой болезнью несчастия, которую я принужден называть жизнью!» Тут Арбенин посмотрел на меня пристально, как будто ожидая ответа... я догадалась... но ты не слышишь?

Наташа. Оставь меня. Какая мне нужда до твоего Арбенина; делай с ним что хочешь; клянусь тебе, не стану ревновать! Слышишь... вот, кажется, кто-то сюда идет... кажется, маменька!

Княжна Софья *(в сторону)*. Небо прекрасно исполняет мои желанья! Судьба мстит за меня. Хорошо! он почувствует всю тягость любви безнадежной, обманутой. Я недаром старалась охладить к нему Наташу: это меня радует. Однако что мне пользы? я отомстила. За что? Он не знает, что я его так люблю! но узнает! я ему докажу, что есть женщины...

Входит Анна Николавна.

Анна Николавна. Наташа! подойди ко мне! Я хочу говорить с тобой о важном деле, которое решит судьбу твоей жизни. Выйти замуж не порог перешагнуть. Все будущее твое зависит от одной минуты. Твое сердце должно бросить жребий, но рассудок также не должен молчать. Подумай: Белинской предлагает тебе свою руку. Согласна ты или нет? Нравится ли он тебе?

Наташа *(в смущении)*. Я... не знаю...

Анна Николавна. Как не знаю! помилуй! Он ждет в той комнате. Кому же знать? Решись поскорее: по крайней мере, дать ли ему надежду. Что ты молчишь? Он молодой человек превоспитанный, честный, состояние есть, а ты знаешь, как наше расстроено. Белинской ожидает богатое наследство. Подумай, тысяча пятьсот душ! рассуди! ты уж в летах, скоро стукнет девятнадцать. Теперь не пойдешь замуж, так, может быть, никогда не удастся. Сиди в девках! плохо теперь: женихов в Москве нет! Молодые, богатые не хотят жениться, мотают себе вволю, а старые? что в них? глупы или бедны! Решись, Наташа. Ведь он там ждет. Ну скажи по совести: ведь он тебе нравится?

Наташа. Нравится...

Анна Николавна. Так ты согласна... я пойду...

Наташа *(останавливает мать)*. Maman! подожди-

те... так скоро!.. ей-богу! я все это вижу как во сне... как можно в одну минуту. *(Слезы показываются на глазах; она закрывает их руками.)* Я не могу! разве непременно сейчас?

Анна Николавна *(ласкает ее)*. Успокойся, друг мой. О чем ты плачешь? Разве не сама сказала, что он тебе нравится. Посмотри, как сердце бьется. Это нездорово! Ты слишком встревожилась; я опрометчиво поступила; однако сама посуди: ведь он ждет! не надо упускать жениха!.. Ведь я тебя не выдаю насильно, а только спрашиваю. Ты согласна? И я тотчас же ему скажу! Нет? так нет! беда не велика...

Наташа *(утирая слезы)*. Он мне нравится! только... дайте ему надежду, пускай он ездит в дом, пускай будет как жених... только! я сама не знаю... вы так скоро мне сказали... я не знаю... мне стыдно плакать о глупостях. Maman! вы сами сумеете, как ему сказать... я наперед на все согласна.

Анна Николавна. Ну, и давно бы так... об чем же плакать, мой ангел? *(Крестит ее.)* Христос с тобой! в добрый час! *(Уходит.)*

Наташа. Ах!

Княжна Софья. Ты побледнела, кузина! Поздравляю тебя! невеста!

Наташа. Как скоро все это сделалось! *(Уходит.)*

Княжна Софья. Правда. Когда мы чего-нибудь желаем и желание наше исполнится, то нам всегда кажется, что оно исполинлось слишком скоро. Мы лучше любим видеть радость в будущем, нежели в минувшем. Она счастлива... а я? Зачем раскаиваться? Люди невиновны, если судьба нечаянно исполняет их дурные желанья: стало быть, они справедливы; стало быть, мое сердце должно быть покойно, должно бы было быть покойно!

СЦЕНА X

Февраля 4. Вечер.

Зала в доме Павла Григорича; слуги зажигают лампы.

1-й. Он, чай, был не в своем уме: от вчерашнего еще не опомнился.

2-й. Как сказал ему барин?

3-й. Проклинаю тебя, сказал он ему.

2-й. Владимир Павлович не заслужил того.

1-й. А где старый барин?

3-й. Уехал в гости.

2-й. Был он встревожен, когда ты ему подавал одеваться?

3-й. Нимало. Ни разу меня не ударил. Проклясть сына, ехать в гости — это две вещи для него так близки между собою, как выпить стакан вина и стакан воды.

1-й. А крепко поговорил молодой барин своему батюшке; тот сначала и не опомнился.

2-й. Оно все так; а только жалко, ей-богу, жалко. Отцовское проклятие не шутка. Лучше жернов положить себе на сердце.

3-й. Ивану не велено от него отходить; вот отец! ведь проклял, а все боится, чтоб сын на себя рук не наложил.

2-й. Кровь говорит.

3-й. А по-моему, так лучше убить, чем проклясть.

СЦЕНА XI

Февраля 4. Вечер.

Комната Владимира. Луна светит в окно. Владимир возле стола, опершись на него рукою. Иван у двери.

Иван. Здоровы ли вы, сударь?

Владимир. На что тебе?

Иван. Вы бледны.

Владимир. Я бледен? когда-нибудь буду еще бледнее.

Иван. Ваш батюшка только погорячился: он скоро вас простит.

Владимир. Поди, добрый человек, это до тебя не касается.

Иван. Мне не велено от вас отходить.

Владимир. Ты лжешь! здесь нет никого, кто бы занимался мною. Оставь меня: я здоров.

Иван. Напрасно, сударь, хотите меня уверить в том. Ваш расстроенный вид, бродящие глаза, дрожащий голос показывают совсем противное.

Владимир *(вынимает кошелек. Про себя.)*. Я слышал, что деньги делают из людей всё! *(Громко.)* Возьми — и ступай отсюда: здесь тридцать червонцев.

Иван. За тридцать сребреников продал Иуда нашего спасителя, а это еще золото. Нет, барин, я не та-

кой человек; хотя я раб, а не решусь от вас взять денег за такую услугу.

Владимир *(бросает кошелек в окно, которое разбивается. Стекла звенят, и кошелек упадает на улицу.)*. Так пусть кто-ибудь подымет!

Иван. Что это, сударь, с вами делается! утешьтесь — не все горе...

Владимир. Одиако ж...

Иван. Бог пошлет вам счастье, хотя б за то только, что меня облагодетельствовали. Никогда я, видит бог, от вас сердитого слова не слыхал.

Владимир. Точно?

Иван. Я всегда велю жене и детям за вас богу молиться.

Владимир *(рассеянно)*. Так у тебя есть жеиа и дети?

Иван. Да еще какие. Будто с неба... добрая жена... а малютки! сердце радуется, глядя на иих.

Владимир. Если я тебе сделал добро, исполни мою единственную просьбу.

Иваи. И телом и душой готов, батюшка, иа вашу службу...

Владимир *(берет его за руку)*. У тебя есть дети... не проклинай их никогда! *(Отходит в сторону к окну; Иван глядит на него с сожалением.)* А он, он, мой отец, меня проклял, и в такой миг, когда я бы мог умереть от слов его! Но я сделал должное: *она* меня оправдает перед лицом всевышнего! Теперь испытаю последнее на земле: женскую любовь! Боже, как мало ты мне оставил! Последняя нить, привязывающая меия к жизни, оборвется, и я буду с тобой; ты сотворил мое сердце для себя, проклятие человека не имеет влияния иа гнев твой. Ты милосерд — иначе я бы не мог родиться! *(Смотрит в окно.)* Как эта луна, эти звезды стараются меня уверить, что жизнь ничего не значит! Где мои исполииские замыслы? к чему служила эта жажда к великому? все прошло! я это вижу. Так точно вечернее облако, покуда солице не косиулось до небосклона, принимает вид небесного города, блестит золотыми краями и обещает чудеса воображеиию, ио солнце закатилось, дуиул ветер — и облако растянулось, померкло — и, наконец, упадает росою иа землю!

СЦЕНА XII

Февраля... Вечер.

Комната у Загорскиных. Дверь отворена в другую, где много гостей.

Анна Николавна и княжна Софья входят.

Княжна Софья. Тетушка! мы с Наташей сейчас приехали из рядов и купили все, что надобно: не знаю, понравится ли вам; по мне хорошо! только блонды дорого.

Анна Николавна. Теперь некогда, Сонюшка: после посмотрю!

Входит гость.

Ах! здравствуйте, Сергей Сергеич! как ваше здоровье! я вас совсем не ожидала: вы такие стали спесивые, и знать нас не хотите...

Гость 1. Помилуйте! Я узнал, что Наталья Федоровна ваша помолвлена, и приехал поздравить и пожелать ей всякого счастья!

Анна Николавна. Покорно вас благодарю! дай-то бог! человек, кажется, хороший!

Гость 1. И, я слышал, с прекрасным состоянием.

Анна Николавна. Как же-с! Да вы, я думаю, знаете господина Белинского?

Гость 1. Видал-с. Прелестнейший молодой человек!

Анна Николавна. Милости просим в гостиную, Сергей Сергеич!

Уходят оба в гостиную.

Княжна Софья. Все идет по-моему. Отчего же я беспокоюсь? Разве у меня два сердца, что одна и та же вещь меня радует и огорчает? Как согласить внутреннее самодовольствие с исполнением желаний? Нет, главная моя цель еще далёко. Я желала бы знать, как все это подействует на Владимира. Боже! как мне душно в этой толпе людей, которые с таким жаром рассуждают о пустяках и не замечают, что каждая минута отнимает у меня по надежде и приносит мне какое-нибудь новое мученье! Где несчастливцы? на всех лицах я встречаю только улыбки! Одна я страдаю, одна я плачу, одна утираю слезы... если б он их увидал, то стал бы меня любить. Он бы не устоял! невозможно, невозможно ему быть совершенно равнодушну!..

Наташа (*вбегает; весело*). Ха! ха! ха! ха! ха! ma cousine[1], послушай: если б ты была там, то насмеялась бы досыта. Ха! ха! ха! Боже мой! ах! я удерживалась до тех пор, что чуть-чуть не захохотала ему в глаза.

Княжна Софья. Кому?

Наташа. Насилу я вырвалась. Сергей Сергеич подошел меня поздравлять, смешался, заикнулся, забормотал... я ничего не поняла; он сам, я думаю, не знал, что говорил, умора! Так мы остались друг против друга... ха! ха! ха!

Княжна Софья. Как ты весела! Где Белинской?

Белинской (*входит*). Слава богу! я опять с вами! Меня осадил весь очаковский век. Добрые люди, только нестерпимо скучны. Они всё толкуют о прошедшем, а я в настоящем так счастлив!

Княжна Софья. Это видно по вашему лицу.

Наташа. Mon cher ami![2] оставим ее: она не в духе. Сядем, поговорим.

Садятся.

Белинской (*целует у нее руку*). Теперь я имею право вызывать завистников.

Княжна Софья (*про себя*). Этот человек думает, говорит о счастье, отняв последнее у своего друга... отчего же я, хотя менее виновна, должна чувствовать раскаянье? о, как бы я заменила Владимиру эту потерю, если б... если б только...

Гость, молодой человек, выходит из гостиной, кланяется Софье и приближается к ней.

Гость. Здорова ли княгиня, ваша матушка?

Княжна Софья. Нет. Она очень больна.

Гость. Вы, верно, знаете Владимира Арбенина.

Княжна Софья. Он к нам ездит.

Гость. Вы не приметили: сумасшедший он?

Княжна Софья. Я всегда замечала, что он очень умен. Не могу догадаться, к чему такие вопросы?

Гость. Нет, я в самом деле не шучу. Несколько дней тому назад я был у его отца; вдруг дверь с шумом отворяется и вбегает Владимир. Я испугался. Лицо его было бледно, глаза мутны, волосы в беспорядке; я не знаю, на кого он был похож. Отец его остолбенел и ни

[1] кузина (*фр.*).
[2] Дорогой друг! (*фр.*)

слова не мог выговорнть. «Убийца! — воскликнул Владимир.— Ты мне не верил, поди же поцелуй ее мертвую руку!» — и с вынужденным хохотом упал без чувств на землю. Слуги вбежали, его подняли. Отец не говорил ни слова, но дрожал, хотя показывал или старался показывать, что не был встревожен... Я поскорее взял шляпу и ушел; потом я узнал, что Павел Григорнч его ужасно бранил и даже проклял, говорят, но я не верю...

Княжна Софья *(в сильном волнении)*. Проклял, говорите вы... он упал... но ему ничего не сделалось? Вы не знаете, что значили слова его? Нет! это не сумасшествие, что-нибудь ужасное с ним случилось...

Гость *(с улыбкой)*. Я не ожидал, чтобы вы приняли такое большое участие...

Княжна Софья. В самом деле? *(С досадой в сторону.)* Боже! нельзя показать сожаленья!

Гость. Наконец, я узнал, что в этот самый день умерла у Владимира мать, которая с отцом была в разводе, но такое бешенство, такие угрозы показывают совершенное сумасшествие!.. Это в самом деле очень жалко: он имел способностн, ум, познания...

Княжна Софья. По словам, которые вы мне повторили, отец его был виноват в чем-нибудь... он не заметил вас, и если только в этом состоит сумасшествие...

Гость. О нет, совсем нет! я не хотел этого сказать. Но вы сами судите... мне стало жалко его; вот для чего я спросил...

Княжна Софья. Вы вндите, что я не могу вам дать положительного ответа.

Гость *(помолчав)*. Вы поедете завтра в концерт, княжна? Славная музыканьша будет на арфе играть... вы не слыхали еще? Она нз Парижа... это очень любопытно! Если угодно, я билет...

Княжна Софья. Я не любопытна, я не имею этого порока!

Гость. Извнните. Я желал вам услужить...

Княжна Софья. Вы очень милостивы!

Гость *(раскланиваясь)*. Прошу вас поверить, что если я что-нибудь неприятное сказал вам, то мое намерение было совсем не таково... *(Уходит)*.

Княжна Софья *(одна)*. Чуть-чуть он не сказал, что хотел меня обрадовать этими новостями! Прийти нарочно, простоять четверть часа здесь для того только,

чтобы сказать зло про одного человека и опечалить другого!

Молчание.

Что ждет меня? Ужасно темнеет предо мной будущность, как бездна, которая хочет поглотить все, что во мне радуется жизнию! Владимир потерял мать, любовь отца и должен лишиться Наташи... Но первые два несчастья помогут ему перенести последнее с твердостию; несколько печалей не так опасны, как одна глубокая, к которой прикованы все думы, которая отравляет все чувства одинаковым ядом. Да, он мужчина, он крепок духом! а там... там... я могу еще надеяться; я примечала несколько раз, что глаза его пылали, когда он со мной говорил: может быть...

Наташа. Что он тебе рассказывал?

Княжна Софья. Про Арбенина.

Белинской. Что такое про Арбенина?

Княжна Софья. Не бойтесь!

Белинской. Чего же мне бояться?

Княжна Софья. Вы лучше знать должны.

Наташа *(тихо)*. Разве он проведал, что я выхожу замуж?

Княжна Софья. За его друга? нет! Арбенин потерял мать, и от этого он в отчаянье; его приняли за сумасшедшего... не знаю, вынесет ли он второй удар...

Белинской. О, поверьте, что он кажется гораздо чувствительнее, чем в самом деле есть.

Княжна Софья. Разумеется: вы это должны знать лучше нас; вы были его другом.

Белинской. Я дружбу принес в жертву любви.

Княжна Софья. Это очень хорошо — для вас.

Белинской. Впрочем, не думайте, что я с Арбениным очень дружен был. Приятели в наш век — две струны, которые по воле музыканта издают согласные звуки, но содержат в себе столько же противных.

Княжна Софья *(Наташе)*. Прошу не прогневаться, кузина; а я скажу, что ты его любила, для жениха ты не должна иметь тайны; и, верно, господин Белинской со мной согласен!

Наташа при этих словах покраснела.

Наташа. Да, это правда: Арбенин мне сначала нравился и очень занимал воображение, но этот сон, как

все печальные сны, прошел. Я теперь прошу, Софья, не напоминай мне более об нем.

Княжна Софья. Я не совсем что-то верю твоему пробуждению.

Наташа. Кузина, к чему это?

Белинской. Может быть, один сон сменился другим.

Княжна Софья. Однако послушайте, господин жених, не слишком ей верьте; она с давнишних пор носит на кресте стихи, которые дал ей Арбенин. Пожалуйста, скажите-ка ей, чтобы она их показала! А! а! попалась, душа моя?

Белинской. Я могу просить, и то, если она позволит. Впрочем, я в ней слишком уверен...

Княжна Софья. Излишества всегда опасны!

Наташа. Чтоб доказать моей кузине, что я нимало не дорожу этими глупостями... *(Снимает с шеи ожерелье, на котором крест, и отвязывает бумажку.)* Возьмите. Эта старинная бумажка была мною совсем позабыта. Прочти, мой друг... Эти стихи довольно порядочно написаны.

Белинской. Это его рука!

Княжна Софья *(в сторону)*. Бесстыдный! он так же спокоен, как будто читает театральную афишу! Ни одной искры раскаянья в ледяных глазах! Ужели искусство? Нет! я женщина, но никогда не могла бы дойти до такой степени лицемерия. Ах! для чего одно пятно очернило мою чистую душу?

Наташа. Прочти, мой друг!

Белинской *(читает)*.

Когда одни воспоминанья
О днях безумства и страстей
Наместо славного названья
Твой друг оставит меж людей,
Когда с насмешкой ядовитой
Осудят жизнь его порой,
Ты будешь ли его защитой
Перед бесчувственной толпой?

*

Он жил с людьми как бы с чужими,
И справедлива их вражда,
Но хоть виновен перед ними,

Тебе он верен был всегда;
Одной слезой, однмм ответом
Ты можешь смыть нх прнговор;
Верь! не постыден перед светом
Тобой оплаканный позор!

Прекрасно, очень мнло! *(Отдает.)*

Наташа *(разрывает бумагу)*. Теперь спокойны лн вы, кузина?

Княжна Софья. О, я на твой счет ннкогда не беспоконлась!

Белннской *(в сторону)*. Эта княжна вовсе не по мне! К чему ее упреки? что ей за дело?

Дверь отворяется, входит Владнмир; кланяется. Все смущены; он хочет подойтн, но, взглянув на Белннского и Наташу, останавлнвается — н быстро входнт в гостиную.

Наташа *(только что Владимир взошел)*. Ах! Арбенин!

Белннской *(про себя)*. Вот некстати! Черт его просил? Он взбесится; он, верно, еще не знает, что я женюсь, н на ком? Надо убраться, чтоб не сделаться жертвою первого пыла. *(Громко.)* Мне не хочется теперь встретиться с Арбеннным. Вы его знаете...

Княжна Софья *(кинув на него косвенный взгляд)*. Это правда!..

Белинской. Итак, прощайте! *(Уходит в кабинет.)*

Наташа. Невольный трепет пробегает по мне, сердце бьется... отчего? Отчего этот человек, которого я уже не люблю, все еще имеет на меня такое влияние?.. Но, может быть, любовь к нему не совсем погасла в моем сердце? может быть, одно воображенне отвлекло меня от него на время? Однако, что бы ни было, я должна, я хочу показать ему холодность; я дала Белинскому слово, он будет моим мужем, н Арбеннна должно удалнть! это будет мне легко! *(Задумывается.)*

Княжна Софья. Слава богу! *(Про себя.)* Я думала, что этот Белннской не мучнм совестью... теперь я вижу совсем противное. Он боялся встретнть взор обманутого нм человека! Так он внновнее меня!.. Я заметила смущение в его чертах! Пускай бежит... ему ли убежать от нензбежного наказания небес? *(Удаляется в глубину театра.)*

Владимир, бледный, выходит нз гостиной; он и Наташа долго стоят неподвижны.

Наташа. Что скажете нового?

Владимир. Говорят: вы выходите замуж.

Наташа. Это для меня не ново.

Владимир. Я вам желаю счастья.

Наташа. Покорно вас благодарю.

Владимир. Так это точно, точно правда?

Наташа. Что ж удивительного?

Владимир *(помолчав)*. Вы не будете счастливы.

Наташа. Почему же?

Владимир. Я слыхал, что свадьбы, которые бывают в один день с похоронами, несчастливы.

Наташа. Ваши пророчества очень печальны; впрочем, всякий день кто-нибудь да умирает в мире; итак...

Владимир. Послушайте; скажите мне по чести: это шутка или нет.

Наташа. Нет.

Владимир. Подумайте хорошенько. Клянусь богом, я теперь не в состоянии принимать такие шутки. В вас есть жалость! Послушайте: я потерял мать — ангела, отвергнут отцом, я потерял все — кроме одной искры надежды! Одно слово, и она погаснет! вот какая у вас власть... Я пришел сюда, чтобы провести одну спокойную, счастливую минуту... Что пользы вам лишить меня из шутки такой минуты?

Наташа. Я не думала шутить. Я очень понимаю, как ваше несчастие велико; я бы достойна была презрения, если б могла с вами шутить теперь. Нет, вы имеете право на уважение и сострадание всякого!

Владимир *(смотрит на нее несколько времени)*. Помните ли, давно, давно тому назад, я привез вам стихи, в которых просил защитить против злословий света... и вы обещали мне! С тех пор я вам верю, как богу! С тех пор я вас люблю больше бога! О! каким голосом было сказано это: обещаю! и я тогда же в душе произнес клятву вечно любить вас... вечно! На языке другого это слово мало значит... но я *поклялся* любить вас вечно, поклялся самому себе; а клятва благородного человека неизменна, как воля творца. ...Отвечайте мне, скажите мне одно не слишком холодное слово, солгите... и я буду... доволен. Что стоит одно слово?.. оно спасет человека от отчаяния.

Наташа *(в сторону)*. Что мне делать? Мысли мои рассеяны. О, зачем, зачем нельзя изгладить несколько дней из моей жизни, возвратиться к прежнему... Я мог-

ла бы отвечать ему!.. ои так жалок!.. Я его ие люблю, ио мие как-то страшно его огорчить!..

Владимир. Жеищина!.. ты колеблешься? Послушай: если б иссохшая от голода собака приползла к твоим ногам с жалобным визгом н движеньями, изъявляющими жестокие муки, и у тебя бы был хлеб, ужели ты ие отдала бы ей, прочитав голодную смерть во впалом взоре, хотя бы этот кусок хлеба изначаеи был совсем для другого употреблеиья? Так я прошу у тебя одного слова любви!..

Наташа *(помолчав, значительно)*. Я выхожу замуж за Белииского!..

Софья, которая издали смотрела, уходит поспешно.

Владимир. Ои? ои? как? Стало быть, мои подозренья...

Наташа. Чего вы испугались?

Владимир. И я его называл другом? ад н проклятье! Ои мне заплотит! За каждую слезу, которую пролил я иа предательскую грудь... он мие заплотит своей кровью!.. *(Хочет идти.)*

Наташа. Остановитесь! остановитесь!

Он неподвижен.

Какое безумство! Так вот ваша привязанность ко мие? Я люблю Белииского, и вы хотите убить его? Опомнитесь! его смерть заставит меня ненавидеть вас!..

Владимир. Тебе его жаль? ты его любишь? ие верю! иет, я ие верю! Тот, кто обманул друга, иедостоин уважеиья!.. Презреиье н любовь несовместимы! моя рука тебя избавит от этой эхидны...

Наташа. Владимир! Останьтесь... я умоляю...

Владимир *(посмотрев на нее; со вздохом)*. Хорошо! Что еще я должеи сделать?

Наташа. Нам ие иадобио больше видеться; я прошу: забудьте меия! это нас обоих избавит от миогих иеприятностей. Мало ли есть рассеяиий для молодого человека!.. Вам понравится другая, вы жеиитесь... тогда мы сиова увидимся, будем друзьями, будем проводить вместе целые дии радости... до тех пор я прошу вас забыть девушку, которая ие должиа слушать ваших жалоб!..

Владимир. Прекрасиые советы! *(Ходит взад и вперед. С сухим смехом.)* В каком романе... у какой ге-

рони вы переняли такие мудрые увещевания... вы желали бы во мне найти Вертера!.. Прелестная мысль... кто б мог ожидать?..

Наташа. Рассудок ваш то же говорит, что я, только вы его не хотите слушать!

Владимир. Нет, я не стану мстить Белинскому! Я ошибался! Я помню: он мне часто говорил о рассудке: они годятся друг для друга... и что мне за дело? Пускай себе живут да детей наживают, пускай закладывают деревни и покупают другие... вот их занятия! — ах! а я за один ее веселый миг заплатил бы годами блаженства... а на что ей? Какая детская глупость!..

Наташа. Мои слова неприятны вам; но правда, говорят, никому не нравится. Я сама вам теперь признаюсь, что вы, ваш характер, ваш ум сделали на меня сначала довольно сильное впечатление; но теперь обстоятельства переменились, и мы должны расстаться: я люблю другого!.. Так я подам вам пример: я вас забуду!..

Владимир. Ты меня забудешь? ты? О, не думай: совесть вернее памяти: не любовь, раскаяние будет тебе напоминать обо мне!.. Разве я поверю, чтобы ты могла забыть того, кто бросил бы вселенную к ногам твоим, если б должен был выбирать вселенную или тебя!.. Белинской тебя не стоит, он не будет в состоянии ценить твою любовь, твой ум; он пожертвовал другом для о!.. не для тебя!.. деньги, деньги — вот его божество!.. и тебя принесет он им в жертву! Тогда ты проклянешь свою легковерность... и тот час, тот час... в который подала мне пагубные надежды... и создала земной рай для моего сердца, чтоб лишить меня небесного!..

Наташа. Еще раз говорю вам: перестаньте; вы слишком вольно говорите. *(Помолчав.)* Мы не должны больше видеться. Какая вам охота смущать семейственную тишину? Этот мгновенный пыл пройдет: а после, после мы будем друзьями!..

Владимир. Не слишком ли вы полагаетесь на свою добродетель! Нет! я не способен жить остатками сокровища, принадлежащего другому!.. Что осмелились вы предложить мне? Создатель! теперь я верю, что демоны были прежде ангелами!

Наташа. Господин Арбенин, ваше упрямство, ваши дерзости нестерпимы! вы несносны!

Владимир. Отчего вы прежде со мною так не говорили?

Наташа. Вы правы: я смешна, глупа... как хотеть, чтоб сумасшедший поступал как рассудительный человек!.. оставляю вас и, признаюсь, раскаиваюсь, в первый и последний раз, в том, что хотела кого-нибудь утешить! Вы пренебрегли все приличия, и я не намерена терпеть долее! *(Уходит, но останавливается в глубине театра и смотрит на него.)*

Владимир. Бог! бог! во мне отныне к тебе нет ни любви, ни веры! Но не наказывай меня за мятежное роптанье... ты... ты сам нестерпимою пыткой вымучил эти хулы. Зачем ты дал мне огненное сердце, которое любит до крайности и не умеет так же ненавидеть! Ты виновен! Пускай твой гром упадет на мою непокорную голову; и я не думаю, чтоб последний вопль погибающего червя мог тебя порадовать!

В это время взошел Белинской, Наташа говорит ему что-то на ухо, с видом просьбы, и уходит; он смотрит издали; Владимир ломает себе руки.

Эти нежные губы, этот очаровательный голос, улыбка, глаза — все, все это для меня стало яд!.. Как можно подавать надежды только для того, чтоб иметь удовольствие лишний раз обмануть их! *(Обтирает глаза и лоб.)* Женщина! стоишь ли ты этих кровавых слез?

Белинской подходит.

Белинской. Владимир! *(В сторону.)* Мне должно его умаслить, уговорить; а то он черт знает чего наделать рад! Наташа правду говорит: он только в первые минуты бешенства опасен! *(Громко.)* Владимир!

Владимир *(не оборачиваясь)*. Что?

Белинской. Ты на меня сердит?

Владимир. Нет.

Белинской. О! я вижу, что ты сердит; но разве не она сама выбирала?

Владимир *(все не оборачиваясь)*. Разумеется.

Белинской. Время тебя вылечит.

Владимир. Не знаю. *(Голос его дрожит.)*

Белинской. Арбенин! Я вижу по всему: ты ужасно на меня сердит. Поверь, я тебя знаю очень хорошо; я проник все движенья твоего сердца и даже иногда скорее объясняю твои поступки, чем свои собственные.

Владнмнр. *Ты* зиаешь меня? ты говорншь это? *(Со смехом.)* Еслн так, то Дмитрнй Васнлнч Белннской первейший глупец или первейший злодей в свете!

Белннской. Скорей первое, чем последнее!

Владимнр. Поздравляю.

Белннской. Ну посудн сам: разве я не нмел одинакового права с тобой на ее руку? Ты, братец, эгонст! Верь мне: твоя печаль одно оскорбленное самолюбне!..

Владнмнр. Мне, вернть? тебе?

Белинской. Разве я употребнл во зло твою доверенность? разве я открыл какую-нибудь нз твонх тайн? Загорскнна прежде любнла тебя,— положнм; а теперь моя очередь. Зачем ты тогда на ней не женился!..

Владнмнр. Я советую оставнть меня: не надейся на мое хладнокровне!.. Я хотел, готов был тебе отомстить, упнться твоей кровью, кровью... слышншь лн? — н я тебе прощаю н нн в чем не вню, только оставь меня. Я не могу отвечать на твон нскреннне ласки!.. *(Смеется дико.)* Теперь я свободен!.. Никто... никто... ровно, положнтельно никто не дорожнт мною на земле... Слышишь? это ты сделал! Не пугайся, не раскаивайся, что за важность? я лншннй! Ты искусный, осторожный, умный человек! заметнл, что дружба меия изнежила, что надежда избаловала — н одннм ударом отнял все! Белннской! кажется, у меня теперь ннчего уж нет завндного!

Белниской. Ты не прощаешь мне: эта холодность, эта язвительная улыбка...

Владнмнр. О! ты слншком хорошо обо мне думал: с иекоторых пор я тебе ннчем не обязан... мон долгн тебе заплочены, денежные и другие...

Белннской. Итак, ты у меня совершенно отнял свое сердце? Ужели мы снова не можем сойтись, еслн я докажу...

Владимнр. На что?

Белиской. Я заклннаю тебя.

Владимир *(в сторону)*. Какая ннзость! И она может, и я мог его любить!..

Белннской. Именем ее прошу тебя.

Владнмнр. Полно, полно! разве можно что-ннбудь еще у меия отнять?

Белниской *(сквозь зубы)*. Непреклоныий! *(Ему.)* Послушай: простн мне; теперь перемеинть иельзя... но вперед, даю тебе честное слово...

Владимир. Довольно и одного раза!

Белинской. Одумайся! Со временем...

Владимир *(в сторону)*. Со временем, со временем! Всемогущий! как ты позволил ей пожертвовать моей любовью для такого подлеца!

Белинской. И ты даже не хочешь выслушать опытного друга, который тебе желает добра!

Владимир *(вне себя)*. Боже!

Белинской. Так! я не должен тебя оставлять; это моя обязанность, и ты сам будешь после благодарен... преступление было бы не удержать безумца на краю пропасти. *(Берет его за руку.)* Пойдем к ней! Наташа смягчит твою горесть; ты мне сказывал, что взор ее может усмирять твою душевную бурю... Пойдем к ней!

Хочет его увлечь; Владимир неподвижен с минуту, потом вырывает буйно руку и бежит вон.

Остановись, остановись!..

Молчание.

Он ушел! Я исполнил желание моей невесты, а судьба исполнила мое! Но почему я не мог дышать свободно в его присутствии? Ведь я прав, и все в этом согласны. Арбенин — ребенок, который, испугавшись розги, бросается в реку? Что за глупая ревность! он ненавидит меня — и за то, что я больше его нравлюсь. Жалко, что столько способностей ума подавлено бессмысленной страстью! И как не уметь себе приказать?

Княжна Софья входит.

Княжна Софья. Где Арбенин?

Белинской. Ушел... не слышит и не видит; как бешеный бросился в дверь...

Княжна Софья. И вы его не удержали? И он все любит Наташу?

Белинской. Больше, чем когда-нибудь.

Княжна Софья *(побледнев, упадает в кресла)*. Итак, все напрасно!..

Белинской. Что с вами? Человек! эй, спирту, воды!

Княжна Софья. Оставьте меня!

СЦЕНА XIII

12 мая.

(Эпилог)

В доме графа N. Много гостей; вечер; подают чай.

1 Гость. Слышали ли вы, граф, новость? Завтра свадьба в вашем приходе. Любопытны ли посмотреть?

Граф. Свадьба? А чья, например?

1 Гость. Загорскина выходит замуж за Белинского.

1 Дама. Вы знаете жениха?

2 Гость. Знаю-с.

1 Дама. Он богат?

2 Гость. Имеет состояние, следовательно, и долги!

1 Дама. Хорош собой?

2 Гость. Молодец. Только слишком занимается своим лицом.

1 Дама. Стало быть, занимается хорошим.

2 Дама. А невеста?

2 Гость. Недурна. Une fiqure piquante![1]

1 Дама *(к другой)*. Ma chère! я слышала, она кокетка до невозможности.

2 Гость. Она не одному Адамову внуку вскружила голову.

3 Гость. Да! Бедный Арбенин! вы знаете: он сошел с ума!

Многие. Как сошел с ума? Молодой Арбенин? мы не слыхали!

3 Гость. Как же, от любви к Загорскиной! Мне рассказывали про жалкое состояние Арбенина. Ему все кажется, что его куда-то тащат. Он прицепляется ко всему, как будто противится неизвестной силе; плачет и смеется в одно время; зарыдает — и вдруг захохочет. Иногда он узнает окружающих, всех, кроме отца; и все его ищет; иногда начинает укорять его в каком-то убийстве.

2 Гость. Я б желал знать, откуда у помешанных берутся подобные мысли?

1 Гость. Я слыхал, что он был величайший негодяй. Удивительно, что почти всегда честные отцы имеют дурных сыновей.

4 Гость. Да, Павел Григорич человек почтенный во всех отношениях.

---

[1] Пикантное лицо! *(фр.)*.

3 Гость (*полунасмешливо*). Он хотел сына своего отдать в сумасшедший дом; но ему отсоветовали; и в самом деле, пожалуй, приписали бы это к скупости!

2 Дама. И Загорскину не мучит совесть?

3 Гость. Про то знает ее духовник.

1 Гость. Неужели нельзя вылечить Арбенина? Может быть, тут есть какие-нибудь физические причины. Странно! с ума сойти от любви!

3 Гость. Если это странно вам, то я желал бы, чтоб одна из этих дам взяла на себя труд доказать вам противное!

1 Гость. Но я говорю про Арбенина, он, который часто в обществе казался так весел, так беззаботен, как будто сердце его было — мыльный пузырь!..

3 Гость. Вы, конечно, не ученик Лафатера? Впрочем, если он и показывался иногда веселым, то это была только личина. Как видно из его бумаг и поступков, он имел характер пылкий, душу беспокойную, и какая-то глубокая печаль от самого детства его терзала. Бог знает, отчего она произошла! Его сердце созрело прежде ума; он узнал дурную сторону света, когда еще не мог остеречься от его нападений, ни равнодушно переносить их. Его насмешки не дышали веселостию; в них видна была горькая досада против всего человечества! Правда, были минуты, когда он предавался всей доброте своей. Обида, малейшая, приводила его в бешенство, особливо когда трогала самолюбие. У него нашли множество тетрадей, где отпечаталось все его сердце; там стихи и проза, есть глубокие мысли и огненные чувства! Я уверен, что если б страсти не разрушили его так скоро, то он мог бы сделаться одним из лучших наших писателей. В его опытах виден гений!

2 Дама. По мне, так сумасшедшие очень счастливы: ни об чем не заботятся, не думают, не грустят, ничего не желают, не боятся.

3 Гость. А почему вы это знаете! они только не могут помнить и пересказывать своих чувств: от этого их муки еще ужаснее. У них душа не лишается природных способностей, но органы, которые выражали ощущения души, ослабевают, приходят в расстройство от слишком сильного напряжения. В их голове всегдашний хаос; одна только полусветлая мысль неподвижна, вокруг нее вертятся все другие и в совершенном беспорядке. Это происходит от мгновенного потрясения всех нерв,

всего физического состава, которое, верно, нелегко для человека. Разве бледные щеки, впалые, мутные глаза — признаки счастья? Посмотрите очень близко на картину, и вы ничего не различите, краски сольются перед глазами вашими: так точно люди, которые слишком близко взглянули на жизнь, ничего более не могут в ней разобрать, а если они еще сохраняют в себе что-нибудь от сей жизни, то это одна смутная память о прошедшем. Чувство настоящего и надежда для них не существуют. Такое состояние люди называют *сумасшествием* — и смеются над его жертвами.

Между тем многие разошлись.

2 Гость *(другому)*. А я зеваю!

4 Гость *(тихо)*. К чему это ораторство? Познания свои, что ли, он хочет показать?

5 Гость *(он молодой человек лет 19. Подходит к 3-му гостю.)*. Сделайте милость, нельзя ли вам достать мне что-нибудь из сочинений Арбенина?

3 Гость. С удовольствием, если можно будет.

Входит слуга и подает билет графу, который кончил играть.

Слуга. От Павла Григорича Арбенина! *(Уходит.)*

Все в изумлении.

Многие *(меж собой)*. Что это значит?..

3 Гость. С черною каймой... приглашение на похороны.

Граф. А вот увидим! *(Надевает очки и читает вслух.)* «Павел Григорьевич Арбенин с душевным прискорбием извещает о кончине сына своего Владимира Павловича Арбенина, последовавшей сего мая 11-го дня пополудни, покорнейше просит пожаловать на вынос тела в собственный дом, мая 13-го дня, пополуночи в 10 часу, отпевание в приходской церкви... etc.».

3 Гость *(про себя)*. Каково! похороны в один день с свадьбой Загорскиной.

Некоторые. Боже мой! какая жалость!

2 Дама. Бедный отец!

5 Гость. Бедный молодой человек! он мог бы еще вылечиться!

3 Дама *(к 3-му гостю)*. Не правда ли, какая жалость?

3 Гость *(в сторону)*. Теперь жалеют! К погибшим люди справедливы! Но что в этом сожаленье? Одна слеза дружбы стоит всех восклицаний толпы! Но такая слеза едва ли упадет на могилу Арбенина; он оставил угрызения совести в сердцах, где поселить желал любовь!

Одна старуха. Вот, чай, пышные будут похороны: ведь единственный сын!

3 Гость *(одному из гостей)*. Мне кажется, что старухи любят говорить о погребениях для того только, чтобы приучиться к мысли: «Скоро и нас потащат в тесную могилу!»

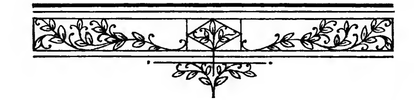
1 Гость. Забудем мертвых: бог с ними!

3 Гость. Если все так станут думать, то горе великим людям!

1 Гость. Я надеюсь, ваш Арбенин не великий человек... он был... *Странный человек!* вот и все!

3-й гость пожимает плечами и отходит прочь.

КОНЕЦ



МАСКАРАД

Драма в 4-х действиях, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Арбенин, Евгений Александрович.
Нина, жена его.
Князь Звездич.
Баронесса Штраль.
Казарин, Афанасий Павлович.
Шприх, Адам Петрович.
Маска.
Чиновник.
Игроки.
Гости.
Слуги и служанки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Игроки, князь Звездич, Казарин и Шприх. За столом мечут банк и понтируют... Кругом стоят.

1-й понтер

Иван Ильич, позвольте мне поставить.

Банкомет

Извольте.

1-й понтер

Сто рублей.

Банкомет

Идет.

2-й понтер

Ну, добрый путь.

3-й понтер

Вам надо счастие поправить,
А семпелями плохо...

4-й понтер

Надо гнуть.

3-й понтер

Пусти.

2-й понтер

На всё?.. нет, жжется!

4-й понтер

Послушай, милый друг, кто нынече не гнется,
Ни до чего тот не добьется.

3-й понтер
(тихо первому)

Смотри во все глаза.

Князь Звездич

Ва-банк.

2-й понтер

Эй, князь,
Гнев только портит кровь,— играйте не сердясь.

Князь

На этот раз оставьте хоть советы.

Банкомет

Убита.

Князь

Черт возьми.

Банкомет

Позвольте получить.

2-й понтер
(насмешливо)

Я вижу, вы в пылу, готовы всё спустить.
Что стоят ваши эполеты?

Князь

Я с честью их достал,— и вам их не купить.

2-й понтер
(сквозь зубы, уходя)

Скромней бы надо быть
С таким несчастием и в ваши леты.

Князь, выпив стакан лимонаду, садится к стороне и задумывается.

Шприх
(подходит с участием)

Не нужно ль денег, князь... я тотчас помогу.
Проценты вздорные... а ждать сто лет могу.

Князь холодно кланяется и отворачивается. Шприх с неудовольствием уходит.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин и прочие.

Арбенин входит, кланяется, подходя к столу, потом делает некоторые знаки и отходит с Казариным.

Арбенин

Ну что, уж ты не мечешь?.. а, Казарин?

Казарин

Смотрю, брат, на других.
А ты, любезнейший, женат, богат,— стал барин.
И позабыл товарищей своих!

Арбенин

Да, я давно уж не был с вами.

Казарин

Делами занят все?

Арбенин

Любовью... не делами.

Казарин

С женой по балам.

Арбенин

Нет.

Казарин

Играешь?

Арбенин

Нет... утих!
Но здесь есть новые. Кто этот франтик?

Казарин

Шприх!
Адам Петрович!.. Я вас познакомлю разом.

Шприх подходит и клаияется

Вот здесь приятель мой, рекомендую вам,
Арбенин.

Шприх

Я вас знаю.

Арбенин

Помнится, что нам
Встречаться не случалось.

Шприх

По рассказам.
И столько я о вас слыхал того-сего,
Что познакомиться давным-давно желаю.

Арбенин

Про вас я не слыхал, к несчастью, ничего.
Но многое от вас, конечно, я узнаю.

Раскланиваются опять. Шприх, скорчив кислую мину, уходит.

Он мне не нравится... Видал я много рож,
А этакой не выдумать нарочно;
Улыбка злобная, глаза... стеклярус точно,
Взглянуть — не человек,— а с чертом не похож.

Казарин

Эх, братец мой — что вид наружный?
Пусть будет хоть сам черт!.. да человек он нужный,
Лишь адресуйся — одолжит.
Какой он нации, сказать не знаю смело:
На всех языках говорит,
Верней всего, что жид.
Со всеми он знаком, везде ему есть дело,

Все помнит, знает все, в заботе целый век,
Был бит не раз, с безбожником — безбожник,
С святошей — езуит, меж нами — злой картежник,
А с честными людьми — пречестный человек.
Короче, ты его полюбишь, я уверен.

Арбенин

Портрет хорош,— оригинал-то скверен!
Ну, а вон тот высокий и в усах,
И нарумяненный вдобавок?
Конечно, житель модных лавок,
Любезник отставной и был в чужих краях?
Конечно, он герой не в деле
И мастерски стреляет в цель?

Казарин

Почти... он из полка был выгнан за дуэль
Или за то, что не был на дуэли.
Боялся быть убийцей — да и мать
К тому ж строга,— потом, лет через пять,
Был вызван он опять
И тут дрался уж в самом деле.

Арбенин

А этот маленький каков?
Растрепанный, с улыбкой откровенной,
С крестом и табакеркою?..

Казарин

Трущов...
О, малый он неоцененный:
Семь лет он в Грузии служил,
Иль послан был с каким-то генералом,
Из-за угла кого-то там хватил,
Пять лет сидел он под началом
И крест на шею получил.

Арбенин

Да вы разборчивы на новые знакомства!

Игроки
(кричат)

Казарин, Афанасий Павлович, сюда!

Казарин

Иду.
(С притворным участием.)
Пример ужасный вероломства!
Ха, ха, ха, ха!

1-й понтер

Скорей.

Казарин

Какая там беда?

Живой разговор между игроками, потом успокаиваются. Арбенин замечает князя Звездича и подходит.

Арбенин

Князь, как вы здесь? ужель не в первый раз?

Князь
(недовольно)

Я то же самое хотел спросить у вас.

Арбенин

Я ваш ответ предупрежду, пожалуй:
Я здесь давно знаком; и часто здесь, бывало,
Смотрел с волнением немым,
Как колесо вертелось счастья.
Один был вознесен, другой раздавлен им,
Я не завидовал, но и не знал участья:
Видал я много юношей, надежд
И чувства полных, счастливых невежд
В науке жизни... пламенных душою,
Которых прежде цель была одна любовь...

Они погибли быстро предо мною,
И вот мне суждено увидеть это вновь.

Князь
(с чувством берет его за руку)

Я проигрался.

Арбенин

Вижу. Что ж? топиться!..

Князь

О! я в отчаянье.

Арбенин

Два средства только есть:
Дать клятву за игру вовеки не садиться
Или опять сейчас же сесть.
Но чтобы здесь выигрывать решиться,
Вам надо кинуть все: родных, друзей и честь,
Вам надо испытать, ощупать беспристрастно
Свои способности и душу: по частям
Их разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицах чуть знакомых вам
Все побужденья мысли; годы
Употребить на упражненье рук,
Все презирать: закон людей, закон природы.
День думать, ночь играть, от мук не знать свободы,
И чтоб никто не понял ваших мук.
Не трепетать, когда близ вас искусством равный,
Удачи каждый миг постыдный ждать конец
И не краснеть, когда вам скажут явно:
«Подлец!»

Молчание. Князь едва его слушал и был в волнении.

Князь

Не знаю, как мне быть, что делать?

Арбенин

Что хотите.

Князь

Быть может, счастие...

Арбенин

О, счастия здесь нет!

Князь

Я всё ведь проиграл!.. Ах, дайте мне совет.

Арбенин

Советов не даю.

Князь

Ну, сяду...

Арбенин
(вдруг берет его за руку)

Погодите.
Я сяду вместо вас. Вы молоды,— я был
Неопытен когда-то и моложе,
Как вы, заносчив, опрометчив тоже,
И если б... *(останавливается)* кто-нибудь меня
остановил...
То...
(Смотрит на него пристально.)
(Переменив тон.)
Дайте мне на счастье руку смело,
А остальное уж не ваше дело!
(Подходит к столу; ему дают место.)
Не откажите инвалиду;
Хочу я испытать, что скажет мне судьба
И даст ли нынешним поклонникам в обиду
Она старинного раба!

Казарин

Не вытерпел... зажглося ретивое.
(Тихо.)

Ну, не ударься в грязь лицом
И докажи им, что такое
Возиться с прежним игроком.

Игроки

Извольте, вам и книги в руки,— вы хозяин,
Мы гости.

1-й понтер
(на ухо второму)

Берегись — имей теперь глаза!..
Не по нутру мне этот Ванька Каин,
И притузит он моего туза.

Игра начинается; все толпятся вокруг стола, иногда разные возгласы, в продолжение следующего разговора многие мрачно отходят от стола. Шприх отводит на авансцену Казарина.

Шприх
(лукаво)

Столпились в кучку все, кажись, нашла гроза.

Казарин

Задаст он им на месяц страху!

Шприх

Видно,
Что мастер.

Казарин

Был.

Шприх

Был? А теперь...

Казарин

Теперь?
Женился и богат, стал человек солидный,
Глядит ягненочком,— а право, тот же зверь...

Мне скажут: можно отучиться,
Натуру победить. Дурак, кто говорит;
Пусть ангелом и притворится,
Да черт-то все в душе сидит.
И ты, мой друг,
(ударив по плечу)
хоть перед ним ребенок,
А и в тебе сидит чертенок.

Два игрока в живом разговоре подходят.

1-й игрок

Я говорил тебе.

2-й игрок

Что делать, брат,
Нашла коса на камень, видно.
Я ль не хитрил,— нет, всех как на подряд.
Подумать стыдно...

Казарин
(подходит)

Что, господа, иль не под силу? а?

1-й игрок

Арбенин ваш мастак.

Казарин

И, что вы, господа!

Волнение у стола между игроками.

3-й понтер

Да этак он загнет, пожалуй, тысяч на сто.

4-й понтер
(в сторону)

Обрежется...

5-й понтер

Посмотрим.

Арбенин
(встает)

Баста.

Берет золото и отходит, другие остаются у стола; Казарин и Шприх также у стола. Арбенин молча берет за руку князя и отдает ему деньги; Арбенин бледен.

Князь

Ах, никогда мне это не забыть...
Вы жизнь мою спасли...

Арбенин

И деньги ваши тоже.
(Горько.)
А право, трудно разрешить,
Которое из этих двух дороже.

Князь

Большую жертву вы мне сделали.

Арбенин

Ничуть.
Я рад был случаю, чтоб кровь привесть в волненье,
Тревогою опять наполнить ум и грудь;
Я сел играть — как вы пошли бы на сраженье.

Князь

Но проиграться вы могли.

Арбенин

Я... нет!.. те дни блаженные прошли.
Я вижу все насквозь... все тонкости их знаю,
И вот зачем я нынче не играю.

Князь

Вы избегаете признательность мою.

Арбенин

По чести вам сказать, ее я не терплю.
Ни в чем и никому я не был в жизнь обязан,
И если я кому платил добром,
То все не потому, что был к нему привязан;
А — просто — видел пользу в том.

Князь

Я вам не верю.

Арбенин

Кто велит вам верить!
Я к этому привык с давнишних пор.
И если бы не лень, то стал бы лицемерить...
Но кончим этот разговор...
(Помолчав.)
Рассеяться б и вам и мне не худо.
Ведь нынче праздники и, верно, маскерад
У Энгельгардта...

Князь

Да.

Арбенин

Поедемте?

Князь

Я рад.

Арбенин
(в сторону)

В толпе я отдохну.

Князь

Там женщины есть... чудо...
И даже там бывают, говорят...

Арбенин

Пусть говорят, а нам какое дело?
Под маской все чины равны,
У маски ни души, ни званья нет,— есть тело.
И если маскою черты утаены,
То маску с чувств снимают смело.

Уходят.

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Те же, кроме Арбенина и князя Звездича.

1-й игрок

Забастовал он кстати... с ним беда...

2-й игрок

Хотя б опомниться он дал, по крайней мере.

Слуга
(входит)

Готово ужинать...

Хозяин

Пойдемте, господа,
Шампанское утешит вас в потере.

Уходят.

Шприх
(один)

С Арбениным сойтиться я хочу...
И даром ужинать желаю.
(Приставив палец ко лбу.)

Отужинаю здесь... кой-что еще узнаю
И в маскерад за ними полечу.
(Уходит и рассуждает сам с собою.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Маскерад.

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Маски, Арбенин, потом князь Звездич. Толпа проходит взад и вперед по сцене; налево канапе.

Арбенин
(входит)

Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестреет и жужжит толпа передо мной...
Но сердце холодно, и спит воображенье:
Они все чужды мне, и я им всем чужой!

Князь подходит. Зевая.

Вот нынешнее поколенье.
И то ль я был в его лета, как погляжу?
Что, князь?.. не набрели еще на приключенье?

Князь

Как быть, а целый час хожу!

Арбенин

А! вы желаете, чтоб счастье вас ловило.
Затея новая... пустить бы надо в свет.

Князь

Всё маски глупые...

Арбенин

Да маски глупой нет:
Молчит... таинственна, заговорит... так мило

Вы можете придать ее словам
Улыбку, взор, какие вам угодно...
Вот, например, взгляните там —
Как выступает благородно
Высокая турчанка... как полна,
Как дышит грудь ее и страстно и свободно!
Вы знаете ли, кто она?
Быть может, гордая графиня иль княжна,
Диана в обществе... Венера в маскераде,
И также может быть, что эта же краса
К вам завтра вечером придет на полчаса.
В обоих случаях вы, право, не внакладе.
(Уходит.)

ВЫХОД ВТОРОЙ

Князь и женская маска.

Одно домино подходит и останавливается. Князь стоит в задумчивости.

Князь

Всё так,— рассказывать легко...
Однако же я все еще зеваю...
Но вот идет одна... дай господи!

Одна маска отделяется и, ударив его по плечу:

Маска

Я знаю...
Тебя!

Князь

И, видно, очень коротко.

Маска

О чем ты размышлял,— и это мне известно.

Князь

А в этом случае ты счастливей меня.
(Заглядывает под маску.)

Но если ие ошибся я,
То ротик у нее прелестный.

Маска

Я иравлюся тебе, тем хуже.

Князь

Для кого?

Маска

Для одиого из иас.

Князь

Не вижу отчего?..
Ты предсказанием меня не испугаешь,
И я хоть очень не хитер,
Но узиаю, кто ты...

Маска

Так, стало быть, ты знаешь,
Чем кончится иаш разговор?..

Князь

Поговорим и разойдемся.

Маска

Право?

Князь

Налево ты, а я направо...

Маска

Но ежели я здесь, нарочно с целью той —
Чтоб видеться и говорить с тобой;
Но если я скажу, что через час ты будешь

Мне клясться, что вовек меия не позабудешь,
Что будешь рад отдать мне жизнь свою в тот миг,
Когда я улечу, как призрак, без названья,
Чтоб услыхать из уст моих
Одно лишь слово: до свиданья!..

Киязь

Ты маска умиая, а тратишь много слов!
Коль знаешь ты меня, скажи, кто я таков?

Маска

Ты! бесхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый человек;
В тебе одном весь отразился век,
Век нынешний, блестящий, но иичтожиый.
Наполнить хочешь жизнь, а бегаешь страстей.
Все хочешь ты иметь, а жертвовать не знаешь;
Людей без гордости и сердца презираешь,
А сам игрушка тех людей.
О! знаю я тебя...

Князь

Мне это очень лестно.

Маска

Ты сделал миого зла.

Киязь

Невольно, может быть.

Маска

Кто знает! Только мне известно,
Что женщиие тебя не надобно любить.

Киязь

Я не ищу любви.

Маска

Искать ты не умеешь.

Князь

Скорей устал искать.

Маска

Но если пред тобой
Она появится и скажет вдруг: ты мой!
Ужель бесчувственным остаться ты посмеешь?

Князь

Но кто ж она?.. конечно, идеал.

Маска

Нет, женщина... а дальше что за дело.

Князь

Но покажи ее, пусть явится мне смело.

Маска

Ты хочешь многого — обдумай, что сказал!

Некоторое молчание.

Она не требует ни вздохов, ни признанья,
Ни слез, ни просьб, ни пламенных речей...
. . . .

Но клятву дай оставить все старанья
Разведать — кто она... и обо всем
Молчать...

Князь

Клянусь землей и небесами
И честию моей.

Маска

Смотри ж, теперь пойдем!
И помни, шуток нет меж нами...
(Уходят под руки.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Арбенин и две маски.
Арбенин тащит за руку мужскую маску.

Арбенин

Вы мне вещей наговорили
Таких, сударь, которых честь
Не позволяет перенесть...
Вы знаете ль, кто я?

Маска

Я знаю, кто вы были.

Арбенин

Снимите маску — и сейчас!
Вы поступаете бесчестно.

Маска

К чему! мое лицо вам так же неизвестно,
Как маска,— и я сам вас вижу в первый раз.

Арбенин

Не верю! Что-то слишком вы меня боитесь,
Сердиться стыдно мне. Вы трус; подите прочь.

Маска

Прощайте же, но берегитесь.
Несчастье с вами будет в эту ночь.
(Исчезает в толпе.)

Арбенин

Постой... пропал... кто ж он? Вот дал мне бог заботу.
Трусливый враг какой-нибудь,
А им ведь у меня нет счету,
Ха, ха, ха, ха! прощай, приятель, добрый путь...

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Шприх и Арбенин.

Шприх является.

На канапе сидят две женские маски, кто-то подходит и интригует, берет за руку... одна вырывается и уходит, браслет спадает с руки.

Шприх

Кого вы так безжалостно тащили,
Евгений Александрыч?..

Арбенин

Так, шутил
С приятелем.

Шприх

Конечно, подшутили
Вы не на шутку с ним. Он шел и вас бранил.

Арбенин

Кому?

Шприх

Какой-то маске.

Арбенин

Слух завидный
У вас.

Шприх

Я слышу все и обо всем молчу
И не в свои дела не суюсь...

Арбенин

Это видно.
Так, стало быть, не знаете... ну как не стыдно!
Об этом...

Ш п р и х

Об чем это-с?

А р б е н и н

Да нет, я так, шучу...

Ш п р и х

Скажите!..

А р б е н и н

Говорят, у вас жена красотка...

Ш п р и х

Ну-с, что ж?

А р б е н и н
(переменив тон)

А ездит к вам тот смуглый и в усах?
(Насвистывает песню и уходит.)

Ш п р и х
(один)

Чтоб у тебя засохла глотка...
Смеешься надо мной... так будешь сам в рогах.
(Теряется в толпе.)

ВЫХОД ПЯТЫЙ

1-я м а с к а, о д н а.

1-я м а с к а входит быстро в волнении и падает на канапе.

1-я м а с к а

Ах!.. я едва дышу... он все бежал за мною,
Что, если бы он сóрвал маску... нет,
Он не узнал меня... да и какой судьбою
Подозревать, что женщина, которой свет
Дивится с завистью, в пылу самозабвенья
К нему на шею кинется, моля
Дать ей два сладкие мгновенья,
Не требуя любви — но только сожаленья,
И дерзко скажет — я твоя!..
Он этой тайны вечно не узнает...
Пускай... я не хочу... но он желает

На память у меня какой-нибудь предмет,
  Кольцо... что делать... риск ужасный!
    (Видит на земле браслет и поднимает.)
Вот счастье. Боже мой — потерянный браслет
С эмалью, золотой... отдам ему, прекрасно...
Пусть ищет с ним меня.

ВЫХОД ШЕСТОЙ

1-я маска и князь Звездич.

Князь с лорнетом торопливо продирается.

Князь

Так точно... вот она.
Меж тысячи других теперь ее узнаю.
  (Садится на канапе и берет ее за руку.)
О! ты не убежишь.

Маска

Я вас не убегаю,
Чего хотите вы?

Князь

Вас видеть.

Маска

Мысль смешна!
Я перед вами...

Князь

Это шутка злая!
Но цель твоя шутить, а цель моя другая...
И если мне небесные черты
  Сейчас же не откроешь ты —
То я сорву коварную личину;
Я силою...

Маска

Поймите же мужчину!..
Вы недовольны... мало вам того,
Что я люблю вас... нет! вам хочется всего;
Вам надо честь мою на поруганье,
Чтоб, встретившись со мной на бале, на гулянье,

Могли бы вы со смехом рассказать
Друзьям смешное приключенье
И, разрешая их сомненья,
Примолвить: вот она... и пальцем указать.

Князь

Я вспомню голос твой.

Маска

Пожалуй,— вот уж чудо!
Сто женщин говорят все голосом таким;
Вас пристыдят — лишь адресуйтесь к ним,
И это было бы не худо!

Князь

Но счастие мое неполно.

Маска

А как знать...
Вы, может быть, должны судьбу благословлять
За то, что маску не хочу я снять.
Быть может, я стара, дурна... какую мину
Вы сделали бы мне.

Князь

Ты хочешь испугать,
Но, зная прелестей твоих лишь половину,
Как остальных не отгадать.

Маска
(хочет идти)

Прощай навеки!..

Князь

О! еще мгновенье!
Ты ничего на память не оставишь? Нет
В тебе к безумцу сожаленья?

Маска
(отойдя два шага)

Вы правы, жаль мне вас — возьмите мой браслет.
(Бросает браслет на пол, пока он его поднимает, она скрывается в толпе.)

ВЫХОД СЕДЬМОЙ

Князь, потом Арбенин.

Князь
(Он ищет ее глазами напрасно.)

Я в дураках... есть от чего рассудка
Лишиться...
(Увидев Арбенина.)
А!

Арбенин
(идет задумчив)

Кто этот злой пророк...
Он должен знать меня... и вряд ли это шутка.

Князь
(подходя)

Мне в пользу послужил ваш давешний урок.

Арбенин

Душевно радуюсь.

Князь

Но счастье налетело
Само собой.

Арбенин

Да, счастье — вечно так.

Князь

Лишь только я схватил и думал: кончил дело,
Как вдруг...
(дует на ладонь)
Теперь себя могу уверить смело,
Что если все не сон, так я большой дурак.

Арбенин

Не знаю ничего и потому не спорю.

Князь

Да вы всё шутите, помочь нельзя ли горю?
Я все вам расскажу.
(Несколько слов на ухо.)

Как я был удивлен!
Плутовка вырвалась — и вот
(показывает браслет)
как будто сон.
Конец прежалобный.

Арбенин
(улыбаясь)

А начали не худо!..
Но покажите-ка... браслет довольно мил,
И где-то я видал такой же... погодите.
Да нет, не может быть... забыл.

Князь

Где отыскать ее...

Арбенин

Любую подцепите;
Здесь много их — искать недалеко!

Князь

Но если не она?

Арбенин

А может быть, легко,
Но что же за беда?.. Вообразите...

Князь

Нет, я ее сыщу на дне морском, браслет
Поможет мне.

Арбенин

Ну, сделаем два тура,—
Но ежели она не вовсе дура,
То здесь ее давно простыл и след.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Евгений Арбенин входит; слуга.

Арбенин

Ну, вот и вечер кончен — как я рад.
Пора хотя на миг забыться,

Весь этот пестрый сброд — весь этот маскерад
  Еще в уме моем кружится.
И что же я там делал, не смешно ль!..
  Давал любовнику советы,
Догадки поверял, сличал браслеты...
И за других мечтал, как делают поэты...
  Ей-богу, мне такая роль
          Уж не под леты!
          (Слуге:)
Что, барыня приехала домой?

Слуга

Нет-с.

Арбенин

А когда же будет?

Слуга

Обещалась
В двенадцатом часу.

Арбенин

Теперь уж час второй,—
Не ночевать же там она осталась!

Слуга

Не знаю-с.

Арбенин

Будто бы? Иди — свечу
Поставь на стол, как будет нужно, я вскричу.

Слуга уходит; он садится в кресла.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин
(один)

Бог справедлив! и я теперь едва ли
  Не осужден нести печали
  За все грехи минувших дней.
Бывало, так меня чужие жены ждали,
  Теперь я жду жены своей...
В кругу обманщиц милых я напрасно
  И глупо юность погубил;

Любим был часто пламенно и страстно,
И ни одну из них я не любил.
Романа не начав, я знал уже развязку,
  И для других сердец твердил
  Слова любви, как няня сказку.
И тяжко стало мне, и скучно жить!
И кто-то подал мне тогда совет лукавый
Жениться... чтоб иметь святое право
Уж ровно никого на свете не любить;
И я нашел жену, покорное созданье,
Она была прекрасна и нежна,
  Как агнец божий на закланье,
Мной к алтарю она приведена...
И вдруг во мне забытый звук проснулся:
  Я в душу мертвую свою
Взглянул... и увидал, что я ее люблю;
  И, стыдно молвить... ужаснулся!..
  Опять мечты, опять любовь
В пустой груди бушуют на просторе;
Изломанный челнок, я снова брошен в море:
  Вернусь ли к пристани я вновь?

(Задумывается.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Арбенин и Нина.

Нина входит на цыпочках и целует его в лоб сзади.

Арбенин

Ах, здравствуй, Нина... наконец!
Давно пора.

Нина

Неужели так поздно?

Арбенин

Я жду тебя уж целый час.

Нина

Серьезно?
Ах, как ты мил!

Арбенин

А думаешь... глупец?..
Он ждет себе... а я...

Нина

Ах, мой творец!..
Да ты всегда не в духе, смотришь грозно,
И на тебя ничем не угодишь.
Скучаешь ты со мною розно,
А встретимся, ворчишь!..
Скажи мне просто: Нина,
Кинь свет, я буду жить с тобой
И для тебя; зачем другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франт, затянутый в корсете,
С утра до вечера тебя встречает в свете,
А я лишь час какой-нибудь на дню
Могу сказать тебе два слова?
Скажи мне это... я готова,
В деревне молодость свою я схороню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу.
Скажи лишь просто мне, как другу... Но к чему
Меня воображение умчало...
Положим, ты меня и любишь, но так мало,
Что даже не ревнуешь ни к кому!

Арбенин

(улыбаясь)

Как быть? Я жить привык беспечно,
И ревновать смешно...

Нина

Конечно.

Арбенин

Ты сердишься?

Нина

Нет, я благодарю.

Арбенин

Ты опечалилась.

Нина

Я только говорю,
Что ты меня не любишь.

Арбенин

Нина?

Нина

Что вы?

Арбенин

Послушай... нас одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, может быть;
Не мне и не тебе судить.
(Привлекает к себе на колени и целует.)
Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастия и зла.
Иди любой дорогой.
Надейся и мечтай — вдали надежды много,
А в прошлом жизнь твоя бела!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мне — и любишь, верю я,
Но безотчетно, чувствами играя,
И резвясь, как дитя.
Но я люблю иначе: я все видел,
Все перечувствовал, все понял, все узнал,
Любил я часто, чаще ненавидел,
И более всего страдал!
Сначала все хотел, потом все презирал я,
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать проклятья,
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастия земли...
Так годы многие прошли.
О днях, отравленных волненьем
Порочной юности моей,
С каким глубоким отвращеньем
Я мыслю на груди твоей.
Так, прежде я тебе цены не знал, несчастный!
Но скоро черствая кора
С моей души слетела, мир прекрасный

Монм глазам открылся не напрасно,
И я воскрес для жнзин и добра.
Но нногда опять какой-то дух враждебный
Меия уноснт в бурю прежних дней,
Стирает с памяти моей
Твой светлый взор н голос твой волшебный.
В борьбе с собой, под грузом тяжких дум,
Я молчалнв, суров, угрюм.
Боюся осквернить тебя прнкосиовеиьем,
Боюсь, чтобы тебя не нспугал нн стон,
Ни звук, исторгнутый мученьем,
Тогда ты говоришь: меня не любит он!

Она ласково смотрит на него и проводит рукой по волосам.

Нииа

Ты страиный человек!.. когда красноречнво
Ты про любовь свою рассказываешь мне,
И голова твоя в огне,
И мысль твоя в глазах сняет жнво,
Тогда всему я верю без труда;
Но часто...

Арбенин

Часто?

Нииа

Нет, ио иногда!..

Арбенин

Я сердцем слишком стар, ты слишком молода,
Но чувствовать могли б мы ровно.
И помнится, в твои года
Всему я вернл безусловно.

Нина

Опять ты недоволен... Боже мой!

Арбеннн

О нет... я счастлив, счастлнв... я жестокой,
Безумный клеветинк; далеко,
Далеко от толпы завистлнвой и злой,
Я счастлив... я с тобой!
Оставим прежнее! забвеиье
Тяжелой, черной старине!

Я вижу, что творец тебя в вознагражденье
С своих небес послал ко мне.
(Целует ее руки и вдруг на одной не видит браслета, останавливается и бледнеет.)

Нина

Ты побледнел, дрожишь... о, боже!

Арбенин
(вскакивает)

Я? ничего! где твой другой браслет?

Нина

Потерян.

Арбенин

А! потерян.

Нина

Что же?
Беды великой в этом нет.
Он двадцати пяти рублей, конечно, не дороже.

Арбенин
(про себя)

Потерян... Отчего я этим так смущен,
Какое странное мне шепчет подозренье!
Ужель то было только сон,
А это пробужденье!..

Нина

Тебя понять я, право, не могу.

Арбенин

(пронзительно на нее смотрит, сложив руки).
Браслет потерян?

Нина
(обидясь)

Нет, я лгу!

Арбенин
(про себя)

Но сходство, сходство!

Нина

Верно, уронила
В карете я его, — велите обыскать;
Конечно б, я его не смела взять,
Когда б вообразила...

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и слуга.

Арбенин
(звонит, слуга входит)
(Слуге.)

Карету обыщи ты вдоль и поперек —
Потерян там браслет... Избави бог
Тебе вернуться без него!
(Ей.)
О чести,
О счастии моем тут речь идет.

Слуга уходит.

(После паузы, ей.)
Но если он и там браслета не найдет?

Нина

Так, стало быть, в другом он месте.

Арбенин

В другом? и где — ты знаешь?

Нина

В первый раз
Так скупы вы и так суровы;
И чтоб скорей утешить вас,
Я завтра ж закажу, такой же точно, новый.

Слуга входит.

Арбенин

Ну что?.. скорее отвечай...

Слуга

Я перешарил всю карету-с.

Арбенин

И не нашел там!

Слуга

Нету-с.

Арбенин

Я это знал... ступай.
(Значительный взгляд на нее.)

Слуга

Конечно, в маскераде он потерян.

Арбенин

А!.. в маскераде!. так вы были там?

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Прежние, кроме слуги.

Арбенин
(слуге)

Иди.

(Ей.)

Что стоило бы вам
Сказать об этом прежде. Я уверен,
Что мне тогда иметь позволили бы честь
Вас проводить туда и вас домой отвезть.
Я б вам не помешал ни строгим наблюденьем,
Ни пошлой нежностью своей...
С кем были вы?

Нина

Спросите у людей;
Они вам скажут всё, и даже с прибавленьем.
Они по пунктам объяснят:
Кто был там, с кем я говорила,
Кому браслет на память подарила.
И вы узнаете все лучше во сто крат,
Чем если б съездили вы сами в маскерад.

(Смеется.)

Смешно, смешно, ей-богу!
Не стыдно ли, не грех
Из пустяков поднять тревогу.

Арбенин

Дай бог, чтоб это был не твой последний смех!

Нина

О, если ваши продолжатся бредни,
То это, верно, не последний.

Арбенин

Кто знает, может быть...
Послушай, Нина!.. я смешон, конечно,
Тем, что люблю тебя так сильно, бесконечно,
Как только может человек любить.
И что за диво? у других на свете
Надежд и целей миллион,
У одного богатство есть в предмете,
Другой в науки погружен,
Тот добивается чинов, крестов — иль славы,
Тот любит общество, забавы,
Тот странствует, тому игра волнует кровь...
Я странствовал, играл, был ветрен и трудился,
Постиг друзей, коварную любовь,
Чинов я не хотел, а славы не добился.
Богат и без гроша был скукою томим.
Везде я видел зло и, гордый, перед ним
Нигде не преклонился.
Все, что осталось мне от жизни, это ты:
Созданье слабое, но ангел красоты:
Твоя любовь, улыбка, взор, дыханье...
Я человек: пока они мои,
Без них нет у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманут... если я
Обманут... если на груди моей змея
Так много дней была согрета,— если точно
Я правду отгадал... и, лаской усыплен,
С другим осмеян был заочно!
Послушай, Нина... я рожден
С душой кипучею, как лава,
Покуда не растопится, тверда
Она, как камень... но плоха забава
С ее потоком встретиться! тогда,
Тогда не ожидай прощенья —
Закона я на месть свою не призову,

Но сам, без слез н сожаленья,
Две иашн жизнн разорву!
(Хочет взять ее за руку: она отскакивает в сторону.)

Ниа

Не подходн... о, как ты страшен!

Арбеннн

Неужели?..
Я страшеи? нет, ты шутишь, я смешон!
Да смейтесь, смейтесь же... зачем, достигнув цели,
Бледиеть н трепетать? скорее, где же он,
Любовник пламеиный, нгрушка маскерада;
Пускай потешится, придет.
Вы дали мие вкусить почти все муки ада —
И этой лишь иедостает.

Нина

Так вот какое подозренье!
И этому всему виной одии браслет;
Поверьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмеет весь свет!

Арбенин

Да! смейтесь иадо миой, вы, все глупцы земные,
Беспечиые, но жалкие мужья,
Которых иекогда обмаиывал н я,
Которые меж тем живете, как святые
В раю... увы!.. ио ты, мой рай,
Небесиый н земной... прощай!..
Прощай, я знаю все.
(Ей.)
Прочь от меня, гиена!
И думал я, глупец, что, троиута, с тоской,
С раскаяиьем во всем передо миой
Оиа откроется... упавшн на колена?
Да, я б смягчился, если б увндал
Одиу слезу... одиу... иет! смех был мие ответом.

Нииа

Не знаю, кто меня оклеветал,
Но я прощаю вам; я ие виовиа в этом;
Жалею, хоть помочь вам не могу,
И чтоб утешить вас, коиечио, ие солгу.

Арбенин

О, замолчи... прошу тебя... довольно...

Нина

Но слушай... я невинна... пусть
Меня накажет бог,— послушай...

Арбенин

Наизусть
Я знаю все, что скажешь ты.

Нина

Мне больно
Твои упреки слушать... Я люблю
Тебя, Евгений.

Арбенин

Ну, по чести,
Признанье в пору...

Нина

Выслушай, молю;
О боже, но чего ж ты хочешь?

Арбенин

Мести!

Нина

Кому ж ты хочешь мстить?

Арбенин

О, час придет,
И право, мне вы надивитесь.

Нина

Не мне ль... что ж медлишь ты?

Арбенин

Геройство к вам нейдет.

Нина
(с презреньем)

Кому ж?

Арбенин

Вы за кого боитесь?

Ниа

Ужели много ждет меня таких минут?
О, перестань... ты ревиостью своею
Меия убьешь... Я не умею
Просить, и ты иеумолим... но я и тут
Тебе прощаю.

Арбенин

Лишиий труд!

Ниа

Однако есть и бог... он ие простит.

Арбенин

Жалею!

Она в слезах уходит.

(Один.)

Вот женщиниа!.. о, знаю я давно
Вас всех, все ваши ласки и упреки,
Но жалкое позианье мне дано.
И дорого плачу я за уроки!..
И то сказать, за что меня любить?
За то ль, что у меия и вид и голос грозиый!..
(Подходит к двери жены и слушает.)
Что делает оиа: смеется, может быть!..
Нет, плачет.
(Уходя.)
Жаль, что поздно!

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Баронесса сидит на креслах в усталости. Бросает книгу.

Баронесса

Подумаешь: зачем живем мы? для того ли,
Чтоб вечно угождать на чуждый ирав
И рабствовать всегда! Жорж Занд почти что прав!

Что ныне женщина? созданье без воли,
Игрушка для страстей иль прихотей других!
Имея свет судьей и без защиты в свете,
Она должна таить весь пламень чувств своих
Иль удушить их в полном цвете:
Что женщина? Ее от юности самой
В продажу выгодам, как жертву, убирают,
Вииять в любви к себе одной,
Любить других не позволяют.
В груди ее порой бушует страсть,
Боязнь, рассудок, мысли гонит;
И если как-нибудь, забывши света власть,
Она покров с нее уронит,
Предастся чувствам всей душой —
Тогда прости и счастье и покой!
Свет тут... он тайны знать не хочет! он по виду,
По платью встретит честность и порок,—
Но не снесет приличиям обиду,
И в наказаньях жесток!..

(Хочет читать.)

Нет, не могу читать... меня смутило
Все это размышленье, я боюсь
Его как недруга... и, вспомнив то, что было,
Сама себе еще дивлюсь.

Входит **Нина.**

ВЫХОД ВТОРОЙ

Нина

Катаюсь я в санях, и мне пришла идея
К тебе заехать, mon amour [1].

Баронесса

C'est une idée charmante, vous en avez toujours [2].

Садятся.

Ты что-то прежнего бледнее
Сегодня, несмотря на ветер и мороз,
И красные глаза — конечно, не от слез?

---

[1] моя любовь *(фр.)*.
[2] Мысль превосходная, как и всегда у вас *(фр.)*.

Нина

Я дурно ночь спала и нынче нездорова.

Баронесса

Твой доктор нехорош — возьми другого.

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Входит князь Звездич.

Баронесса
(холодно.)

Ах, князь!

Князь

Я был вчера у вас
С известием, что наш пикник расстроен.

Баронесса

Прошу садиться, князь.

Князь

Я спорил лишь сейчас,
Что огорчитесь вы,— но вид ваш так спокоен.

Баронесса

Мне, право, жаль.

Князь

А я так очень рад,
Пикников двадцать я отдам за маскерад.

Нина

Вчера вы были в маскераде?

Князь

Был.

Баронесса

А в каком наряде?

Нина

Там было много...

Киязь

Да; и там
Под маской я узнал иных из наших дам.
Коиечно, вы охотницы рядиться.
(Смеется.)

Баронесса
(горячо)

Я объявить вам, князь, должна,
Что эта клевета инмало не смешиа.
Как женщиие порядочиой решиться
Отправиться туда, где всякнй сброд,
Где всякий ветреннк обнднт, осмеет;
Рискнуть быть узнанной,— вам иадобно
стыдиться,
Отречься от подобных слов.

Князь

Отречься не могу; стыднться же — готов.

Входит чиновник.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние н чиновник.

Баронесса

Откуда вы?

Чиновинк

Сейчас лишь из правлеиья,
О деле вашем я пришел поговорить.

Баронесса

Его решилн?

Чиновник

Нет, но скоро!.. Может быть,
Я помешал...

Баронесса

Ничуть.
(Отходит к окну и говорит.)

Князь
(в сторону)

Вот время объясненья!
(Нине.)

Я в магазине нынче видел вас.

Нина

В каком же?

Князь

В английском.

Нина

Давно ль?

Князь

Сейчас.

Нина

Мне удивительно, что вас я не узнала.

Князь

Вы были заняты...

Нина
(скоро)

Браслет я прибирала
(вынимает из ридикюля)
Вот к этому.

Князь

Премиленький браслет.
Но где ж другой?

Нина

Потерян!

Князь

В самом деле?..

Нина

Что ж странного?

Князь

И не секрет,
Когда?

Нина

Третьего дни, вчера, на той неделе.
Зачем вам знать когда.

Князь

Я мысль свою имел,
Довольно странную, быть может.
(В сторону.)
Смущается она — вопрос ее тревожит!
Ох, эти скромницы!
(Ей.)
Я предложить хотел
Свои услуги вам... он может отыскаться.

Нина

Пожалуйста... но где?

Князь

А где ж потерян он?

Нина

Не помню.

Князь

Как-нибудь на бале?

Нина

Может статься.

Князь

Или кому-нибудь на память подарен?

Нина

Откуда вывели такое заключенье?
И подарю его кому ж?
Не мужу ль?

Князь

Будто в свете только муж —
Приятельниц у вас толпа, в том нет сомненья.
Ну пусть потерян он,— а тот,
Который вам его найдет,—
Получит ли от вас какое награжденье?

Нина
(улыбаясь)

Смотря.

Князь

Но если он
Вас любит, если в вас потерянный свой сон
Он отыскал — и за улыбку вашу, слово
Не пожалеет ничего земного!
Но если сами вы когда-нибудь
Ему решились намекнуть
О будущем блаженстве — если сами,
Не узнаны, под маскою, его
Ласкали вы любви словами...
О! но поймите же.

Нина

Из этого всего
Я то лишь поняла, что слишком вы забылись...
И нынче в первый и последний раз
Не говорить со мной прошу покорно вас.

Князь

О боже! я мечтал... ужель вы рассердились?
(Про себя.)
Ты отвертелася! добро... но будет час,
И я своей достигну цели.

Нина отходит к баронессе. Чиновник раскланивается и уходит.

Нина

Adieu, ma chère [1],— до завтра, мне пора.

---

[1] Прощай, дорогая (*фр.*).

Баронесса

Да подожди, mon ange[1], с тобой мы не успели
Сказать двух слов.

Целуются.

Нина
(уходя)

Я завтра жду тебя с утра.
(Уходит.)

Баронесса

Мне день покажется длинней недели.

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Прежние, кроме Нины и чиновника.

Князь
(в сторону)

Я отомщу тебе! вот скромница нашлась,
Пожалуй, я дурак — пожалуй, отречется,
Но я узнал браслет.

Баронесса

Задумалися, князь?

Князь

Да, многое раздумать мне придется.

Баронесса

Как кажется, ваш разговор
Был оживлен,— о чем был спор?

Князь

Я утверждал, что встретил в маскераде.

Баронесса

Кого?

[1] мой ангел *(фр.)*.

Киязь

Ее.

Баронесса

Как, Нину?

Князь

Да!..

Я доказал ей.

Баронесса

Без стыда,
Я вижу, вы в глаза людей злословить ради.

Князь

Из странности решаюсь иногда.

Баронесса

Так пощадите хоть заочно!
К тому же доказательств нет.

Князь

Нет... только мне вчера был дан браслет.
И у нее такой же точно.

Баронесса

Вот доказательство... логический ответ!
Такие же есть в каждом магазине!

Киязь

Я ныне все изъездил их
И тут уверился, что только два такнх.

После молчания.

Баронесса

Я завтра ж дам совет полезный Нине:
Не доверяться болтунам.

Князь

А мне совет какой?

Баронесса

А вам?
Смелее продолжать с успехом начатое
И дорожить побольше честью дам.

Князь

За два совета вам я благодарен вдвое.
(Уходит.)

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Баронесса

Как честью женщины так ветрено шутить?
Откройся я ему, со мной бы было то же!
Итак, прощайте, князь, не мне вас выводить
Из заблужденья: о нет, избави боже.
Одно лишь странно мне, как я найти могла
Ее браслет,— так! Нина там была —
И вот разгадка всей шарады...
Не знаю отчего, но я его люблю,
Быть может, так, от скуки, от досады,
От ревности... томлюся и горю,
И нету мне ни в чем отрады!
Мне будто слышится и смех толпы пустой,
И шепот злобных сожалений!
Нет, я себя спасу... хотя б на счет другой,
От этого стыда,— хотя б ценой мучений
Пришлося выкупить проступок новый мой!..
(Задумывается.)
Какая цепь ужасных предприятий.

ВЫХОД СЕДЬМОЙ

Баронесса и Шприх.
Шприх входит, раскланивается.

Баронесса

Ах, Шприх, ты вечно кстати.

Шприх

Помилуйте — я был бы очень рад,
Когда бы мог вам быть полезен —
Покойный ваш супруг...

Баронесса

Всегда ль ты так любезен!

Шприх

Блаженной памяти барон...

Баронесса

Тому назад
Лет пять, я помню.

Шприх

Занял тысяч...

Баронесса

Знаю,
Но я тебе проценты за пять лет
Отдам сегодня же.

Шприх

Мне-с нужды в деньгах нет,
Помилуйте-с, я так, случайно вспоминаю.

Баронесса

Скажи, что нового?

Шприх

У графа одного
Наслушался — сейчас лишь вышел,
Историй в свете тьма.

Баронесса

А *ничего*
Про князя Звездича с Арбениной не слышал?

Шприх
(в недоумении)

Нет... слышал... как же... нет —

Об этом говорил и замолчал уж свет...
(В сторону.)
А что, бишь, я не помню, вот ужасно!..

Баронесса

О, если это так уж гласно,
То нечего и говорить.

Шприх

Но я б желал узнать, как вы об этом
Изволите судить.

Баронесса

Онн осуждены уж светом;
А впрочем, я б могла нх подарить советом —
Сказала бы ему: что женщины ценят
Настойчнвость в мужчнне,
Хотят, чтоб он сквозь тысячу преград
К своей стремился героине.
А ей бы пожелала я
Поменьше строгости н скромностн поболе!
Прощайте, мосье Шприх, обедать ждет меня
Сестра — а то б осталась с вамн доле.
(Уходя. В сторону.)
Теперь я спасена — полезный мне урок.

ВЫХОД ОСЬМОЙ

Шпрнх
(один.)

Не беспокойтеся: я понял ваш намек
И не дождуся повторенья!
Какая быстрота ума, соображенья!
Тут есть ннтрига... да, вмешаюсь в эту связь —
Мне благодарен будет князь.
Я попаду к нему в агенты...
Потом сюда с рапортом прилечу,
И уж авось тогда хоть получу
Я пятилетние проценты.

СЦЕНА ВТОРАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Кабинет Арбеннна.
Арбенин однн, потом слуга.

Арбенин

Все ясно ревности — а доказательств нет!
Боюсь ошибки — а терпеть нет силы —
Оставить так, забыть минутный бред?
Такая жизнь страшней могилы!
Есть люди, я видал,— с душой остылой,
Они блаженствуют и мирно спят в грозу —
То жизнь завидная!

Слуга
(входит)

Ждет человек внизу.
Принес он барыне записку от княгини.

Арбенин

Да от какой?

Слуга

Не разобрал-с.

Арбенин

Записка? к Нине!..
(Идет; слуга остается.)

ВЫХОД ВТОРОЙ

Афанасий Павлович Казарин и слуга.

Слуга

Сейчас лишь барин вышел-с, подождите
Немного-с.

Казарин

Хорошо.

Слуга

Я тотчас доложу-с.
(Уходит.)

Казарин

Ждать я готов хоть год, когда хотите,
Мосье Арбенин, и дождусь.
Дела мои преплохи, так, что грустно!
Товарищ нужен мне искусный,
Недурно, если он к тому ж
Великодушен часто, кстати
Имеет тысячи три душ
И покровительство у знати.
Арбенина втянуть опять бы надо мне
В игру; он будет верен старине,
Приятеля он поддержать сумеет
И пред детьми не оробеет.
А эта молодежь
Мне просто — нож!
Толкуй им, как угодно,
Не знают ни завесть, ни в пору перестать,
Ни кстати честность показать,
Ни передернуть благородно!
Взгляните-ка, из стариков
Как многие игрой достигли до чинов,
Из грязи
Вошли со знатью в связи,
А все ведь отчего? — умели сохранять
Приличие во всем, блюсти свои законы,
Держались правил... глядь!..
При них и честь и миллионы!..

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Казарин и Шприх.
Входит Шприх.

Шприх

Ах! Афанасий Павлович,— вот чудо.
Ах, как я рад, не думал встретить вас.

Казарин

Я также. Ты с визитом?

Шприх

Да-с,

А вы?

Казарин

Я также!

Шприх

Право? А не худо,
Что мы сошлись,— о деле об одном
Поговорить мне нужно б с вами.

Казарин

Бывало, ты все занят был делами,
А делом в первый раз.

Шприх

Bon mot[1] вам нипочем,
А, право, нужное.

Казарин

Мне также очень нужно
С тобой поговорить.

Шприх

Итак, мы сладим дружно.

Казарин

Не знаю... говори!

Шприх

Позвольте лишь спросить:
Вы слышали ль, что ваш приятель
Арбенин...
(Делает пальцами изображение рогов.)

---

[1] Острота *(фр.)*.

Казарин

Что?.. не может быть.
Ты точно знаешь...

Шприх

Мой создатель!
Я сам улаживал — тому лишь пять минут;
Кому же знать?

Казарин

Бес вечно тут как тут.

Шприх

Вот видите: жена его намедни,
Не помню я, на бале, у обедни
Иль в маскераде встретилась с одним
Князьком — ему она довольно показалась,
И очень скоро князь стал счастлив и любим.
Но вдруг красотка перед ним
От прежнего чуть-чуть не отклепалась.
Взбесился князь — и полетел везде
Рассказывать — того смотри, что быть беде!
Меня просили сладить это дело...
Я принялся — и разом все поспело;
Князь обещал молчать... записку навалял,
Покорный ваш слуга слегка ее поправил
И к месту тот же час доставил.

Казарин

Смотри, чтоб муж тебе ушей не оборвал.

Шприх

В таких ли я делах бывал,
А обходилось без дуэли...

Казарин

И даже не был бит?

Шприх

У вас все шутка, смех...
А я всегда скажу, что жизнию без цели
Не должно рисковать.

Казарин

И в самом деле!
Такую жизнь, бесценную для всех,
Без пользы подвергать великий грех.

Шприх

Но это в сторону — ведь я об важном с вами
Хотел поговорить.

Казарин

Что ж это?

Шприх

Анекдот!
А дело вот в чем.

Казарин

Пропадай с делами,
Арбенин, кажется, идет.

Шприх

Нет никого — мне привезли недавно
От графа Врути пять борзых собак.

Казарин

Твой анекдот, ей-богу, презабавный.

Шприх

Ваш брат охотник, вот купить бы славно!

Казарин

Итак, Арбенин — как дурак...

Шприх

Послушайте.

Казарин

Попал впросак,
Обманут и осмеян явно!
Женитесь после этого.

Шприх

Ваш брат
Находке этой был бы рад.

Казарин

В женитьбе верность, счастие,— всё враки!
Эй, не женися, Шприх.

Шприх

Да я давно женат.
Послушайте, одна особенно вот клад.

Казарин

Жена?

Шприх

Собака.

Казарин

Вот дались собаки!
Послушай, мой любезный друг,
Не знаю как жену — что бог даст, неизвестно,
А ты собак не скоро сбудешь с рук.

Арбенин входит с письмом, они стояли налево у бюро, и он их не видал.

Задумчив и с письмом; узнать бы интересно.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и Арбенин.

Арбенин
(не замечая их)

О, благодарность!.. и давно ли я
Спас честь его и будущность, не зная
Почти, кто он таков,— и что же — о! змея!
Неслыханная низость!.. он, играя,
Как вор вторгается в мой дом,
Покрыл меня позором и стыдом!..
И я глазам не верил, забывая
Весь горький опыт многих дней.
Я, как дитя, не знающий людей,
Не смел подозревать такого преступленья.
Я думал: вся вина ее... не знает он,
Кто эта женщина... как странный сон,
Забудет он свое ночное приключенье!
Он не забыл, он стал искать и отыскал,
И тут — не мог остановиться...
Вот благодарность!.. много я видал
На свете, а пришлось еще дивиться.
(Перечитывает письмо.)
«Я вас нашел, но не хотели вы
Признаться». Скромность кстати чрезвычайно.
«Вы правы... что́ страшней молвы?
Подслушать нас могли б случайно.
Так не презренье, но страх
Прочел я в ваших пламенных глазах.
Вы тайны любите — и это будет тайной!
Но я скорей умру, чем откажусь от вас».

Шприх

Письмо! так, так, оно — пропало все как раз.

Арбенин

Ого! искусный соблазнитель — право,
Мне хочется послать ему ответ кровавой.
(Казарину.)
А, ты был здесь?

Казарин

Я жду уж целый час.

Шприх
(в сторону)

Отправлюсь к баронессе, пусть хлопочет
И рассыпается, как хочет.
(Приближается к двери.)

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Прежние, кроме Шприха.
Шприх уходит незамечен.

Казарин

Мы с Шприхом... где же Шприх?
Пропал.
(В сторону.)
Письмо! так вот что, понимаю!
(Ему.)
Ты в размышленье...

Арбенин

Да, я размышляю.

Казарин

О бренности надежд и благ земных?

Арбенин

Почти! о благодарности.

Казарин

Есть мненья
Различные на этот счет,
Но что б ни думал этот или тот,
А все предмет достоин размышленья.

Арбенин

Твое же мнение?

Казарин

Я думаю, мой друг,
Что благодарность — вещь, которая тем боле
Зависит от цены услуг,
Что не всегда добро бывает в нашей воле!
Вот, например, вчера опять
Мне Слукин проиграл почти что тысяч пять,
И я, ей-богу, очень благодарен,
Да вот как: пью ли, ем иль сплю,
Все думаю об нем.

Арбенин

Ты шутишь все, Казарин.

Казарин

Послушай, я тебя люблю
И буду говорить серьезно;
Но сделай милость, брат, оставь ты вид свой
грозный,
И я открою пред тобой
Все таинства премудрости земной.
Мое ты хочешь слышать мненье
О благодарности... изволь: возьми терпенье.
Что ни толкуй Волтер или Декарт —
Мир для меня — колода карт,
Жизнь — банк; рок мечет, я играю,
И правила игры я к людям применяю.
И вот теперь пример,
Для поясненья этих правил,
Пусть разом тысячу я на туза поставил:
Так, по предчувствию,— я в картах суевер!
Положим, что случайно, без обману
Он выиграл — я очень рад;
Но все никак туза благодарить не стану
И молча загребу свой клад,
И буду гнуть да гнуть, покуда не устану;
А там итоги свел
И карту смятую — под стол!
Теперь — но ты не слушаешь, мой милый?

Арбеннн
(в размышлении)

Повсюду зло — везде обман,
И я намедии, я, как истукан,
Безмолвио слушал, как все это было!

Казарии
(в сторону)

Задумался.
(Ему.)
Теперь мы перейдем
К другому казусу н дело разберем;
Но постепенио, чтоб не сбнться.
Положим, например, в игру нли разврат
Ты б захотел опять пуститься,
И тут приятель твой случится
И скажет: «Эй, остерегися, брат».
И прочие премудрые советы,
Которые ие стоят ничего.
И ты случайио, так, послушаешь его;
Ему поклон и многн леты;
И если он тебя от пьянства удержал,
То иапои его сейчас без замедленья
И в карты обыграй в обмеи за наставленье.
А от игры он спас... так ты ступай на бал,
Влюбись в его жену... нль можешь не влюбнться,
Но обольсти ее, чтоб с мужем расплатиться.
В обоих случаях ты будешь прав, дружок,
И только что отдашь уроком за урок.

Арбеиин

Ты славиый моралист!
(В сторону.)
Так это всем известно...
А, князь... За ваш урок я заплачу вам честно.

Казарин
(не обращая внимания)

Последний пункт осталось объясиить:
Ты любишь жеищииу... ты жертвуешь ей честью,
Богатством, дружбою н жизнью, может быть;

Ты окружил ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это сделал все из страсти
И самолюбия, отчасти,—
Чтоб ею обладать, пожертвовал ты всё,
А не для счастия ее.
Да,— пораздумай-ка об этом хладнокровно
И скажешь сам, что в мире все условно.

Арбенин
(расстроенно)

Да, да, ты прав: что́ женщине в любви?
Победы новые ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли —
Смешон ей вид и голос твой плачевный,
Ты прав — глупец, кто в женщине одной
Мечтал найти свой рай земной.

Казарин

Ты рассуждаешь очень здраво,
Хотя женат и счастлив.

Арбенин

Право?

Казарин

А разве нет?

Арбенин

О! счастлив... да...

Казарин

Я очень рад,
Однако ж все мне жаль, что ты женат!

Арбенин

А что же?

Казарин

Так... я вспоминаю
Про прежнее... когда с тобой
Кутили мы, в чью голову,— не знаю,
Хоть оба мы ребята с головой!..
Вот было время... Утром отдых, нега,
Воспоминания приятного ночлега...
Потом обед, вино — Рауля честь...
В граненых кубках пенится и блещет,
Беседа шумная, острот не перечесть.
Потом в театр — душа трепещет
При мысли, как с тобой вдвоем из-за кулис
Выманивали мы танцовщиц и актрис...
Не правда ли, что древле
Все было лучше и дешевле?
Вот пьеса кончилась... и мы летим стрелой
К приятелю... взошли... игра уж в самой силе;
На картах золото насыпано горой;
Тот весь горит... другой
Бледнее, чем мертвец в могиле.
Садимся мы... и загорелся бой!..
Тут, тут сквозь душу переходит
Страстей и ощущений тьма,
И часто мысль гигантская заводит
Пружину пылкого ума...
И если победишь противника уменьем,
Судьбу заставишь пасть к ногам твоим
с смиреньем —
Тогда и сам Наполеон
Тебе покажется и жалок и смешон.

Арбенин отворачивается.

Арбенин

О! кто мне возвратит... вас, буйные надежды,
Вас, нестерпимые, но пламенные дни!
За вас отдам я счастие невежды,
Беспечность и покой — не для меня они!..
Мне ль быть супругом и отцом семейства,
Мне ль, мне ль, который испытал
Все сладости порока и злодейства,
И перед их лицом ни разу не дрожал?

Прочь, добродетель: я тебя не знаю,
Я был обманут и тобой,
И краткий наш союз отныне разрываю —
Прощай — прощай!..
(Падает на стул и закрывает лицо.)

Казарин

Теперь он мой!..

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната у князя.
Дверь в другую растворена. Он в другой спит на диване.

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Иван, потом Арбенин.
Слуга смотрит на часы.

Иван

Седьмой уж час почти в исходе,
А в восемь приказал себя он разбудить.
Он спит по-русски, не по моде,
И я успею в лавочку сходить.
Дверь на замок запру... оно вернее.
Да... чу... по лестнице идут.
Скажу, что дома нет... и с рук долой скорее.

Арбенин входит.

Арбенин

Князь дома?

Слуга

Дома нет-с.

Арбенин

Неправда.

Слуга

Пять минут
Тому назад уехал.

Арбенин
(прислушивается)

Лжешь! он тут
(показывает на кабинет)
И, верно, сладко спит,— прислушайся, как дышит.
(В сторону.)
Но скоро перестанет.

Слуга
(в сторону)

Он все слышит...
(Ему.)
Себя будить мне князь не приказал.

Арбенин

Он любит спать... тем лучше; приведется
И вечно спать.
(Слуге.)
Я, кажется, сказал,
Что буду ждать, покуда он проснется!..

Слуга уходит.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин
(один)

Удобный миг настал!.. теперь иль никогда.
Теперь я все свершу, без страха и труда.
Я докажу, что в нашем поколенье
Есть хоть одна душа, в которой оскорбленье,
Запав, приносит плод... О! я не их слуга,
Мне поздно перед ними гнуться...
Когда б, крича, пред них я вызвал бы врага,
Они б смеялися... теперь не засмеются!
О нет, я не таков... позора целый час
На голове своей не потерплю я даром.
(Растворяет дверь.)
Он спит!.. что́ видит он во сне в последний раз?
(Страшно улыбаясь.)
Я думаю, что он умрет ударом —

Он свесил голову... я крови помогу...
И всё на счет благой природы!
(Входит в комнату.)
(Минуты две, и выходит бледен.)
Не могу.

Молчание.

Да, это свыше сил и воли!..
Я изменил себе, я задрожал,
Впервые во всю жизнь... давно ли
Я трус?.. трус... кто это сказал...
Я сам, и это правда... стыдно, стыдно,
Беги, красней, презренный человек.
Тебя, как и других, к земле прижал наш век,
Ты пред собой лишь хвастался, как видно;
О! жалко... право, жалко... изнемог
И ты под гнетом просвещенья!
Любить... ты не умел... а мщенья
Хотел... пришел и — и не мог!

Молчание.

(Садится.)
Я слишком залетел высоко,
Верней избрать я должен путь...
И замысел иной глубоко
Запал в мою измученную грудь.
Так, так, он будет жить... убийство уж не в моде.
Убийц на площадях казнят.
Так!.. в образованном я родился народе;
Язык и золото... вот наш кинжал и яд!
(Берет чернил и записку пишет — берет шляпу.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Арбенин и баронесса.
Идет к двери, сталкивается с дамой в вуале.

Дама в вуале

Ах!.. все погибло...

Арбенин

Это что?

Дама
(вырываясь)

Пустите!

Арбенин

Нет, это не притворный крик
Продажной добродетели.
(Ей строго.)
Молчите!
Ни слова, или сей же миг...
Какое подозренье!.. отверните
Ваш вуаль, пока мы здесь одне.

Дама

Я не туда зашла, ошиблась.

Арбенин

Да, немного
Ошиблись, кажется и мне,
Но временем, не местом.

Дама

Ради бога,
Пустите, я не знаю вас.

Арбенин

Смущенье странно... вы должны открыться.
Он спит теперь... и может встать сейчас!
Все знаю я... но убедиться
Хочу...

Дама

Все знаете!..

Он откидывает вуаль и отступает в удивлении, потом приходит в себя.

Арбенин

Благодарю, творец,
Что ты позволил мне хоть нынче ошибиться!

Баронесса

О! что я сделала? теперь всему коиец.

Арбеиин

Отчаянье теперь иекстати —
Невесело, согласен, в час такой,
Наместо пламенных объятий,
С холодной встретиться рукой...
И то минутный страх... а нет беды большой:
Я скромен, рад молчать — благодарите бога,
Что это я, а ие другой...
Не то была бы в городе тревога.

Баронесса

Ах! ои проснулся, говорит.

Арбеиии

В бреду...
Но успокойтесь, я сейчас пойду.
Лишь объясните мне, какою властью
Вот этот купидон — вас вдруг околдовал?
Зачем, когда ои сам бесчувствен, как металл,
Все женщины к нему пылают страстью?
Зачем ие ои у ваших иог с тоской,
С моленьем, клятвами, слезами?
А... вы... вы здесь одии... вы женщина с душой,
Забывши стыд, пришли ему предаться сами...
Зачем другая женщина, ничем
Не хуже вас, ему отдать готова
Все: счастье, жизнь, любовь... за взгляд один, за слово?
Зачем... о, я глупец!
(В бешенстве.)
Зачем, зачем?

Баронесса
(решительно)

Я пояла, об чем вы говорите... Зиаю,
Что вы пришли...

Арбенин

Как! — кто ж вам рассказал!..
(Опомнившись.)
А что вы знаете?..

Баронесса

О, я вас умоляю,
Простите мне...

Арбенин

Я вас не обвинял,
Напротив, радуюсь приятельскому счастью.

Баронесса

Ослеплена была я страстью;
Во всем виновна я, но слушайте...

Арбенин

К чему?
Мне, право, все равно... я враг морали строгой.

Баронесса

Но если бы не я, то не бывать письму,
Ни...

Арбенин

А! уж это слишком много!..
Письмо!.. Какое?.. а! так это вы тогда!
Вы их свели... учили их... давно ли
Взялись вы за такие роли?
Чтó вас понудило?.. сюда
Приводите вы ваших жертв невинных,
Иль молодежь приходит к вам?
Да,— признаюсь!.. вы клад в гостиных,
И я уж не дивлюсь разврату наших дам!..

Баронесса

О! боже мой...

Арбенин

Я говорю без лести...
А сколько платят вам все этн господа?

Баронесса
(упадает в кресла)

Но вы бесчеловечны.

Арбенин

Да,
Ошибся, виноват, вы служите из чести!
(Хочет идти.)

Баронесса

О, я лншусь ума... постойте! он идет,
Не слушает... о, я умру...

Арбеннн

Что ж! продолжайте,
Вас это к славе поведет...
Теперь меня не бойтесь, н прощайте...
Но боже сохрани нам встретиться вперед...
Вы взяли у меня все, все на свете.
Я стану вас преследовать всегда,
Везде... на улице, в уедненье, в свете;
И если мы столкнемся... то беда!
Я б вас убил... но смерть была б награда,
Которую сберечь я должен для другой.
Вы вндите, я добр... взамен терзанний ада,
Вам оставляю рай земной.
(Уходит.)

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Баронесса, одна.

Баронесса
(вслед ему)

Послушайте — клянусь... то был обман... она
Невннна... н браслет!.. все я... все я одна...

Ушел, не слышит, что мне делать! Всюду
Отчаянье... нет нужды... я хочу
Его спасти, во что бы то ни стало,— буду
Просить и унижаться; обличу
Себя в обмане, преступленье!
Он встал... идет... решуся, о мученье!..

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Баронесса и князь.

Князь
(в другой комнате)

Иван! кто там... я слышал голоса!
Какой народ! нельзя уснуть и полчаса!
(Входит.)
Ба, это что за посещенье!
Красавица! я очень рад.
(Узнает и отскакивает.)
Ах, баронесса! нет... невероятно.

Баронесса

Что отскочили вы назад?
(Слабым голосом.)
Вы удивляетесь?

Князь
(смущенно)

Конечно, мне приятно...
Но счастия такого я не ждал.

Баронесса

И было б странно, если б ожидали.

Князь

О чем я думал? О, когда б я знал...

Баронесса

Вы всё бы знать могли и ничего не знали.

Киязь

Свою вину загладить я готов;
С покорностью приму какое иаказаиье
Хотнте... я был слеп и ием; мое незианье
Проступок... и теперь ие иахожу я слов...
(Берет ее за руку.)
Но вашн руки... лед! в лице у вас страданье!
Ужель сомнительиы для вас слова мон?

Баронесса

Вы ошнбаетесь!.. не требовать любви
И ие выпрашнвать прнзнанья
Решилась я приехать к вам.
Забыть и стыд и страх, все свойственное иам.
Нет, то обязаиность святая:
Былая жнзнь моя прошла,
И жнзиь уж ждет меня иная;
Но я была причниой зла,
И, свет навекн покндая,
Теперь все прежиее загладить я пришла!
Я перенесть свой стыд готова,
Я не спасла себя... спасу другого.

Киязь

Что это зиачит?

Баронесса

Не мешайте мне!
Мие миого стонло усилнй,
Чтоб говорнть решиться... вы одне,
Не ведая того, прнчиной былн
Монх страдаинй... несмотря иа то
Я вас должна спасти... зачем? за что?
Не знаю, вы не заслужили
Всех этнх жертв... вы не могли любнть,
Понять меня... н даже, может быть,
Я б этого и не желала...
Но слушайте!.. сегодня я узиала,
Как? это все равно... что вы
К жеие Арбеннна вчера неосторожно
Пнсали... по словам молвы,
Оиа вас любит — это ложно, ложно!

Не верьте — ради неба... эта мысль одна...
Нас всех погубит — всех! *Она*
Не знает ничего... но муж... читал... ужасен
В любви и ненависти он —
Он был уж здесь... он вас убьет... он приучен
К злодейству... вы так молоды.

Князь

Ваш страх напрасен!..
Арбенин в свете жил,— и слишком он умен,
Чтобы решиться на огласку;
И сделать, наконец, без цели и нужды,
В пустой комедии — кровавую развязку.
А рассердился он,— и в этом нет беды.
Возьмут Лепажа пистолеты,
Отмерят тридцать два шага —
И, право, эти эполеты
Я заслужил не бегством от врага.

Баронесса

Но если ваша жизнь кому-нибудь дороже,
Чем вам... и связь у ней есть с жизнию другой,
Но если вас убьют — убьют!..— о боже!
И я всему виной.

Князь

Вы?

Баронесса

Пощадите.

Князь
(подумав)

Я обязан драться;
Я виноват пред ним — его я тронул честь,
Хотя не знал того; но оправдаться
Нет средства.

Баронесса

Средство есть.

Князь

Солгать? не это ли? другое мне найдите,
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчас же пойду.

Баронесса

Минуту!.. не ходите
И слушайте меня.
(Берет его за руку.)
Вы все обмануты!.. та маска
(облокачивается на стол, упадая)
это я!..

Князь

Как вы? о, провиденье!
Молчание.
Но Шприх!.. он говорил... он виноват во всем...

Баронесса
(опомнясь и отходя)

Минутное то было заблужденье,
Безумство странное — теперь я каюсь в нем!
Оно прошло — забудьте обо всем.
Отдайте ей браслет,— он был найден случайно
Какой-то чудною судьбой;
И обещайте мне, что это тайной
Останется... мне будет бог судьей.
Вас он простит... меня простить не в вашей воле!
Я удаляюсь... думаю, что боле
Мы не увидимся.
(Подойдя к двери, видит, что он хочет броситься за ней.)
Не следуйте за мной.
(Уходит.)

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Князь, один.

Князь

(После долгого размышления)
Я, право, думать что́ не знаю
И только мог понять из этого всего,

Что случай счастливый, как школьник, пропускаю,
Не сделав ничего.
(Подходит к столу.)
Ну вот еще: записка... от кого?
Арбенин... прочитаю!

«Любезный князь!.. приезжай сегодня к N. вечером; там будет много... и мы весело проведем время... я не хотел разбудить тебя, а то ты бы дремал целый вечер — прощай. Жду непременно; твой искренний

Евгений Арбенин».

Ну, право, глаз особый нужен,
Чтоб в этом увидать картель.
Где слыхано, чтоб звать на ужин
Пред тем, чтоб вызвать на дуэль?

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната у N.

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Казарин, хозяин и Арбенин, садятся играть.

Казарин

Так в самом деле ты причуды все оставил,
Которыми гордится свет,
И в прежний путь шаги свои направил!..
Мысль превосходная... ты должен быть поэт,
И, сверх того, по всем приметам, гений,
Теснит тебя домашний круг,
Дай руку, милый друг,
Ты наш.

Арбенин

Я ваш! былого нет и тени.

Казарин

Приятно видеть, ей-же-ей,
Как люди умные на вещи смотрят ныне;
Приличия для них ужасней цепей...
Не правда ль, что со мной ты будешь в половине?

Хозяин

А князя надо пощипать слегка.

Казарин

Да... да.

(В сторону.)

Забавна будет стычка.

Хозяин

Посмотрим.— Транспорт!..

Слышен шум.

Арбенин

Это он.

Казарин

Рука

Твоя дрожит?..

Арбенин

О ничего! — отвычка!

Князь входит.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Прежние и князь.

Хозяин

Ах, князь! я очень рад — прошу-ка без чинов;
Снимите саблю и садитесь,
У нас ужасный бой.

Князь

О! я смотреть готов.

Арбенин

А всё играть с тех пор еще боитесь?

Князь

Нет, с вами, право, не боюсь.
(В сторону.)
По светским правилам, я мужу угождаю,
А за женою волочусь...
Лишь выиграть бы там,— а здесь пусть проиграю!..
(Садится.)

Арбенин

Я нынче был у вас.

Князь

Записку я читал
И, видите, послушен.

Арбенин

На пороге
Мне кто-то встретился в смущенье и тревоге.

Князь

И вы узнали?

Арбенин
(смеясь)

Кажется, узнал!
Князь, обольститель вы опасный,
Все понял я, все отгадал...

Князь
(в сторону)

Он ничего не понял — это ясно.
(Отходит и кладет саблю.)

Арбенин

Я не хотел бы, чтоб жена моя
Вам приглянулась.

Князь
(рассеянно)

Почему же?

Арбенин

Так,— добродетелью, которой ищут в муже
Любовники,— не обладаю я.
(В сторону.)
Он не смущается ничем... о, я разрушу
Твой сладкий мир, глупец, и яду подолью.
И если бы ты мог на карту бросить душу,
То я против твоей — поставил бы свою.

Играют. Арбенин мечет.

Казарин

Я ставлю пятьдесят рублей.

Князь

Я тоже.

Арбенин

Я расскажу вам анекдот,
Который слышал я, как был моложе;
Он нынче у меня из головы нейдет
Вот видите: один какой-то барин,
Женатый человек — твоя взяла, Казарин.
Женатый человек, на верность положась
Своей жене, дремал в забвенье сладком,—
Внимательны вы что-то слишком, князь
И проиграетесь порядком.
Муж добрый был любим, шел мирно день за днем
И к довершенью благ, беспечному супругу
Был дан приятель... важную услугу
Ему он оказал когда-то — и притом
Нашел, казалось, честь и совесть в нем.
И что ж? мне неизвестно,
Какой судьбой,— но муж узнал,
Что благородный друг, должник уж слишком честный,
Жене его свои услуги предлагал.

Князь

Что ж сделал муж?

Арбенин
(будто не слыхал вопроса)

Князь, вы игру забылн.
Вы гнете не глядя.
(Взглянув на него пристально.)
А любопытно вам
Узнать, что сделал муж?.. придрался к пустякам
И дал пощечину... вы как бы поступилн,
Князь?

Князь

Я бы сделал то же. Ну, а там
Стрелялись?

Арбенин

Нет.

Казарин

Рубилнсь?

Арбенин

Нет, нет.

Казарин

Так помирились?

Арбеннн
(горько улыбаясь)

О нет.

Князь

Так что же сделал он?

Арбенин

Остался отомщен
И обольстителя с пощечиной оставнл.

Князь
(смеется)

Да это вовсе протнв правил.

Арбенин

В каком указе есть
Закон иль правило на ненависть и месть?

Играют. Молчание.

Взяла... взяла.
(Вставая.)
Постойте, карту эту
Вы подменили.

Князь

Я! послушайте...

Арбенин

Конец
Игре... приличий тут уж нету.
Вы
(задыхаясь)
шулер и подлец.

Князь

Я? я?

Арбенин

Подлец, и я вас здесь отмечу,
Чтоб каждый почитал обидой с вами встречу.
(Бросает ему карты в лицо. Князь так поражен, что не знает, что делать.)
(Понизив голос.)
Теперь мы квиты.

Казарин

Что с тобой?
(Хозяину.)
Он помешался в самом лучшем месте.
Тот горячился уж, спустил бы тысяч двести.

Князь
(опомнясь вскакивает)

Сейчас, за мной, за мной —
Кровь! ваша кровь лишь смоет оскорбленье!

Арбенин

Стреляться? с вами? мне? вы в заблужденье.

Князь

Вы трус.
(Хочет броситься на него.)

Арбенин
(грозно)

Пускай! но подступать
Вам не советую — ни даже здесь остаться!
Я трус — да вам не испугать
И труса.

Князь

О, я вас заставлю драться!
Я расскажу везде, поступок ваш каков,
Что вы,— не я подлец...

Арбенин

На это я готов.

Князь
(подходя ближе)

Я расскажу, что с вашею женою —
О, берегитесь!.. вспомните браслет...

Арбенин

За это вы наказаны уж мною...

Князь

О, бешенство... да где я? целый свет
Против меня,— я вас убью!..

Арбенин

И в этом
Вы властны,— даже я вас подарю советом
Скорей меня убить... а то, пожалуй, в вас
Остынет храбрость через час.

Князь

О, где ты, честь моя!.. отдайте это слово,
Отдайте мне его — и я у ваших ног,
Да в вас нет ничего святого,
Вы человек иль демон?

Арбенин

Я? — игрок!

Князь
(упадая и закрывая лицо)

Честь, честь моя!..

Арбенин

Да, честь не возвратится.
Преграда рушена между добром и злом,
И от тебя весь свет с презреньем отвратится.
Отныне ты пойдешь отверженца путем,
Кровавых слез познаешь сладость,
И счастье ближних будет в тягость
Твоей душе, и мыслить об одном
Ты будешь день и ночь, и постепенно чувства
Любви, прекрасного погаснут и умрут,
И счастья не отдаст тебе ничье искусство!
Все шумные друзья как листья отпадут
От сгнившей ветви; и, краснея,
Закрыв лицо, в толпе ты будешь проходить,—
И будет больше стыд тебя томить,
Чем преступление — злодея!
Теперь прощай...
(Уходя.)
желаю долго жить.
(Уходит.)

КОНЕЦ ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Бал.

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Хозяйка

Я бароиессу жду, не зиаю:
Приедет ли — мне, право, было б жаль
За вас.

1-й гость

Я вас не поиимаю.

2-й гость

Вы ждете баронессу Штраль?
Она уехала!..

Многие

Куда? зачем — давно ли?

2-й гость

В деревню, нынче утром.

Дама

Боже мой!..
Каким же случаем? ужель из доброй воли?

2-й гость

Фантазия! — романы!.. хоть рукой
Махни!

Расходятся, другая группа мужчин.

3-й гость

Вы зиаете, киязь Звездич проигрался.

4-й гость

Напротив, выиграл — да, видно, ие путем,
И получил пощечину.

5-й гость

Стрелялся?

4-й гость

Нет, не хотел.

3-й гость

Каким же подлецом
Он показал себя!..

5-й гость

Отныне незнаком
Я больше с ним.

6-й гость

И я! — какой поступок скверный.

4-й гость

Он будет здесь?

3-й гость

Нет, не решится, верно.

4-й гость

Вот он.

Князь подходит, ему едва кланяются. Все отходят, кроме 5-го и 6-го гостя. Потом и они отходят. Нина садится на диване.

Князь

Теперь мы с ней от всех удалены,
Не будет случая другого.
(Ей.)
Я должен вам сказать два слова,
И выслушать вы их должны.

Нина

Должна?

Князь

Для вашего же счастья.

Нина

Какое странное участье.

Князь

Да, странно, потому, что вы виной
Моей погибели... но мне вас жаль: я вижу,
Что поражен я тою же рукой,
Которая убьет вас; не унижу
Себя ничтожной местью никогда,—
Но слушайте и будьте осторожны:
Ваш муж злодей, бездушный и безбожный,
И я предчувствую, что вам грозит беда.
Прощайте же навек, злодей не обнаружен,
И наказать его теперь я не могу,—
  Но день придет,— я подожду...
Возьмите ваш браслет, он больше мне не нужен.

Арбенин смотрит на них издали.

Нина

Князь, вы сошли с ума,— на вас
Теперь сердиться было б стыдно.

Князь

Прощайте навсегда — прошу в последний раз...

Нина

Куда ж вы едете, далеко очень, видно;
Конечно, не в луну?

Князь

Нет, ближе: на Кавказ *(уходя)*.

Хозяйка
(иным)

Почти все съехались, и здесь нам будет тесно,
  Прошу вас в залу, господа!
  Mesdames, пожалуйте туда.

Уходят.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин
(один, про себя)

Я сомневался? я? а это всем известно;
Намеки колкие со всех сторон
Преследуют меня... я жалок им, смешон!
И где плоды моих усилий?
И где та власть, с которою порой
Казнил толпу я словом, остротой?..
Две женщины ее убили!
Одна из них... О, я ее люблю,
Люблю — и так неистово обманут...
Нет, людям я ее не уступлю...
И нас судить они не станут...
Я сам свершу свой страшный суд...
Я казнь ей отыщу — моя ж пусть будет тут
(Показывает на сердце.)
Она умрет, жить вместе с нею доле
Я не могу... Жить розно?
(Как бы испугавшись себя.)
Решено:
Она умрет — я прежней твердой воле
Не изменю! Ей, видно, суждено
Во цвете лет погибнуть, быть любимой
Таким, как я, злодеем, и любить
Другого... это ясно!.. как же можно жить
Ей после этого!.. ты, бог незримый,
Но бог всевидящий,— возьми ее, возьми;
Как свой залог тебе ее вручаю —
Прости ее, благослови —
Но я не бог, и не прощаю!..

Слышны звуки музыки.

(Ходит по комнате, вдруг останавливается.)
Тому назад лет десять я вступал
Еще на поприще разврата:
Раз, в ночь одну, я все до капли проиграл,—
Тогда я знал уж цену злата,
Но цену жизни я не знал;
Я был в отчаянье — ушел и яду
Купил — и возвратился вновь
К игорному столу — в груди кипела кровь.
В одной руке держал я лимонаду

Стакан — в другой четверку пик:
Последний рубль в кармане дожидался
С заветным порошком — риск, право, был велик,
Но счастье вынесло — и в час я отыгрался!
  С тех пор хранил я этот порошок,
  Среди волнений жизни трудной,
Как талисман таинственный и чудный,
Хранил на черный день, и день тот недалек.
(Уходит быстро.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Хозяйка, Нина, несколько дам и кавалеров. Во время последних строк входят.

Хозяйка

Не худо бы немного отдохнуть.

Дама
(другой)

  Так жарко здесь, что я растаю.

Петков

Настасья Павловна споет нам что-нибудь.

Нина

Романсов новых, право, я не знаю.
А старые наскучили самой.

Дама

Ах, в самом деле, спой же, Нина, спой.

Хозяйка

Ты так мила, что, верно, не заставишь
Себя просить напрасно целый час.

Нина
(садясь за пианино)

Но слушать со вниманьем мой приказ,
  Хоть этим наказаньем вас

Авось исправишь!

(Поет.)

Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазам твоим,
Мне видеть и понять не больно,
Что ты несчастлива с другим.

*

Незримый червь незримо гложет
Жизнь беззащитную твою,
И что ж? я рад, что он не может
Тебя любить, как я люблю.

*

Но если счастие случайно
Блеснет в лучах твоих очей,
Тогда я мучусь горько, тайно,
И целый ад в груди моей.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и Арбенин.

В конце 3-го куплета муж входит и облокачивается на фортепиано. Она, увидев, останавливается.

Арбенин

Что ж, продолжайте.

Нина

Я конец совсем
Забыла.

Арбенин

Если вам угодно,
То я напомню.

Нина

(в смущении)

Нет, зачем?

(В сторону, хозяйке.)

Мне нездоровится.

(Встает.)

Гость
(другому)

Во всякой песни модной
Всегда слова такие есть,
Которых женщина не может произнесть.

2-й гость

К тому же слишком прям н наш язык прнродный
И к женским прнхотям доселе не привык.

3-й гость

Вы правы; как дикарь, свободе лишь послушный,
Не гнется гордый наш язык,
Зато уж мы как гнемся добродушно.

Подают мороженое. Гости расходятся к другому концу залы и по одному уходят в другие комнаты, так что наконец Арбенин и Нина остаются вдвоем. Неизвестный показывается в глубине театра.

Нина
(хозяйке)

Там жарко, отдохнуть я сяду в стороне!
(Мужу.)
Мой ангел, принесн мороженого мне.

Арбенин вздрагивает и идет за мороженым; возвращается и всыпает яд.

Арбеннн
(в сторону)

Смерть, помоги!

Нина
(ему)

Мне что-то грустно, скучно.
Конечно, ждет меня беда.

Арбенин
(в сторону)

Предчувствиям я верю иногда.
(Подавая.)
Возьмн, от скуки вот лекарство.

Нина

Да, это прохладнт *(ест)*.

Арбенин

О, как не прохладить?

Нина

Здесь ныне скучно.

Арбенин

Как же быть?
Чтоб не скучать с людьми — то надо приучить
Себя смотреть на глупость и коварство!
Вот все, на чем вертится свет!

Нина

Ты прав! ужасно!..

Арбенин

Да, ужасно!

Нина

Душ непорочных нету...

Арбенин

Нет.
Я думал, что нашел одну, и то напрасно.

Нина

Что говоришь ты?

Арбенин

Я сказал,
Что в свете лишь одну такую отыскал я.
...Тебя

Нина

Ты бледен.

Арбенин

Много танцевал.

Нина

Опомнись, mon ami! [1] ты с места не вставал.

Арбенин

Так, верно, потому, что мало танцевал я!

Нина
(отдает пустое блюдечко)

Возьми, поставь на стол.

Арбенин
(берет)

Всё, всё!
Ни капли не оставить мне! жестоко!
(В размышлении.)
Шаг сделан роковой, назад идти далеко,
Но пусть никто не гибнет за нее.
(Бросает блюдечко об землю и разбивает.)

Нина

Как ты неловок.

Арбенин

Ничего, я болен;
Поедем поскорей домой.

Нина

Поедем, но скажи мне, милый мой:
Ты нынче пасмурен! ты мною недоволен?

Арбенин

Нет, нынче я доволен был тобой.

Уходят.

---

[1] мой друг! *(фр.)*.

Неизвестный
(оставшись один)

Я чуть не сжалился,— и было тут мгновенье,
Когда хотел я броситься вперед...
(Задумывается.)
Нет, пусть свершается судьбы определенье,
А действовать потом настанет мой черед.
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Спальня Арбенина.
Входит Нина, за ней служанка.

Служанка

Сударыня, вы что-то бледны стали.

Нина
(снимая серьги)

Я нездорова.

Служанка

Вы устали.

Нина
(в сторону)

Мой муж меня пугает, отчего,
Не знаю! он молчит, и странен взгляд его.
(Служанке.)
Мне что-то душно: верно, от корсета —
Скажи, к лицу была сегодня я одета?
(Идет к зеркалу.)
Ты права, я бледна, как смерть бледна;
Но в Петербурге кто не бледен, право?
Одна лишь старая княжна,
И то — румяны! свет лукавый!
(Снимает букли и завертывает косу.)
Брось где-нибудь и дай мне шаль.
(Садится в кресла.)

Как новый вальс хорош! в каком-то упоенье
Кружнлась я быстрей — н чудное стремленье
Меня н мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалося; не то, чтобы печаль,
Не то, чтоб радость — Саша, дай мне кннжку.
Как этот князь мне надоел опять —
А право, жаль безумного мальчишку!
Что говорнл он тут... злодей и наказать...
Кавказ... беда... вот бред.

Служанка

Прнкажете убрать?
(Показывая на наряды.)

Ннна

Оставь.
(Погружается в задумчивость.)

Арбеини показывается в дверях.

Служанка

Прнкажете ндти?

Арбеннн
(служанке тихо)

Ступай.

Служанка ие уходит.

Идн же.

Уходит. Ои запирает дверь.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбеиин и Нииа.

Арбенин

Она тебе уж больше не нужна.

Нина

Ты здесь?

Арбеннн

Я здесь!

Нина

Я, кажется, больна,
И голова в огне — поди сюда поближе,
Дай руку — чувствуешь, как вся горит она?
Зачем я там мороженое ела,
Я, верно, простудилася тогда —
Не правда ли?

Арбенин
(рассеянно)

Мороженое? да...

Нина

Мой милый! я с тобой поговорить хотела!..
Ты изменился с некоторых пор,
Уж прежних ласк я от тебя не вижу,
Отрывист голос твой, и холоден твой взор.
И все за маскерад — о, я их ненавижу;
Я заклялася в них не ездить никогда.

Арбенин
(в сторону)

Не мудрено! теперь без них уж можно!

Нина

Что значит поступить хоть раз неосторожно.

Арбенин

Неосторожно! о!

Нина

И в этом вся беда.

Арбенин

Обдумать все заране надо было.

Нина

О, если бы я нрав заране знала твой,
То, верно б, не была твоей женой;
Терзать тебя, страдать самой —
Как это весело и мило!

Арбенин

И то: к чему тебе моя любовь!

Нина

Какая тут любовь? на что мне жизнь такая?

Арбенин
(садится возле нее)

Ты права! что такое жизнь? жизнь вещь пустая.
Покуда в сердце быстро льется кровь,
Всё в мире нам и радость и отрада.
Пройдут года желаний и страстей,
И все вокруг темней, темней!
Что жизнь? давно известная шарада
Для упражнения детей;
Где первое — рожденье! где второе —
Ужасный ряд забот и мук тайных ран,
Где смерть — последнее, а целое — обман!

Нина

(показывает на грудь)
Здесь что-то жжет.

Арбенин
(продолжая)

Пройдет! пустое!
Молчи и слушай: я сказал,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго ль!.. жизнь как бал —
Кружишься — весело, кругом все светло, ясно...
Вернулся лишь домой, наряд измятый снял —
И все забыл, и только что устал.
Но в юных летах лучше с ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
С ее бездушной пустотой;
Мгновенно в мир перелететь другой,
Покуда ум былым еще не тяготится;
Покуда с смертью легка еще борьба —
Но это счастие не всем дает судьба.

Нина

О нет, я жить хочу.

Арбеиин

К чему?

Нина

Евгений,

Я мучусь, я больиа.

Арбенин

А мало ли мучеиий,
Которые сильией, ужасиее твоих.

Нииа

Пошли за доктором.

Арбеиин

Жизнь — вечиость, смерть —
лишь миг!

Нина

Но я — я жить хочу!

Арбенин

И сколько утешений
Там мучеников ждет.

Нииа
(в испуге)

Но я молю:
Пошли за доктором скорее.

Арбеиин
(встает, холодно)

Не пошлю.

Нина
(после молчания)

Конечно, шутишь ты — но так шутить безбожно:
  Я умереть могу — пошли скорей.

Арбенин

Что ж? разве умереть вам невозможно
  Без доктора?

Нина

Но ты злодей,
Евгений — я жена твоя.

Арбенин

Да! знаю — знаю!

Нина

О, сжалься! пламень разлился
В моей груди, я умираю.

Арбенин

Так скоро? Нет еще.
(Смотрит на часы.)
Осталось полчаса.

Нина

О, ты меня не любишь!

Арбенин

А за что же
Тебя любить — за то ль, что целый ад
Мне в грудь ты бросила? о нет, я рад, я рад
  Твоим страданьям; боже, боже!
И ты, ты смеешь требовать любви!
А мало я любил тебя, скажи?
А этой нежности ты знала ль цену?
А много ли хотел я от любви твоей?
Улыбку нежную, приветный взгляд очей —
И что ж нашел: коварство и измену.
  Возможно ли! меня продать!

Меня за поцелуй глупца... меня, который
По слову первому был душу рад отдать,
  Мне изменить? мне? и так скоро!..

Нина

О, если бы вину свою сама
Я знала,— то...

Арбенин

Молчи, иль я сойду с ума!
Когда же эти муки перестанут!

Нина

  Браслет мой — князь нашел,— потом
  Каким-нибудь клеветником
Ты был обманут.

Арбенин

Так, я был обманут!
Довольно, я ошибся!.. возмечтал,
Что я могу быть счастлив... думал снова
Любить и веровать... но час судьбы настал,
  И все прошло как бред больного!
Быть может, я б успел небесные мечты
Осуществить, предавшися надежде,
И в сердце б оживил все, что цвело в нем прежде,—
  Ты не хотела, ты!
  Плачь! плачь — но что такое, Нина,
  Что слезы женские? вода!
    Я ж плакал! я, мужчина!
От злобы, ревности, мученья и стыда
    Я плакал — да!
А ты не знаешь, что такое значит,
  Когда мужчина — плачет!
О! в этот миг к нему не подходи:
Смерть у него в руках — и ад в его груди.

Нина
(в слезах упадает на колени и поднимает руки к небу)

  Творец небесный, пощади!
Не слышит он, но ты все слышишь — ты все знаешь,
И ты меня, всесильный, оправдаешь!

Арбенин

Остановись — хоть перед ним не лги!

Нина

Нет, я не лгу — я не нарушу
Его святыни ложною мольбой,
Ему я предаю страдальческую душу;
Он, твой судья, защитник будет мой.

Арбенин
(который в это время ходит по комнате, сложив руки)

Теперь молиться время, Нина:
Ты умереть должна чрез несколько минут —
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и нас рассудит только божий суд.

Нина

Как? умереть! теперь, сейчас — нет, быть не может.

Арбенин
(смеясь)

Я знал заранее, что это вас встревожит.

Нина

Смерть, смерть! он прав — в груди огонь — весь ад...

Арбенин

Да, я тебе на бале подал яд.

Молчание.

Нина

Не верю, невозможно — нет, ты надо мною
(бросается к нему)
Смеешься... ты не изверг... нет! в душе твоей
Есть искра доброты... с холодностью такою,
Меня ты не погубишь в цвете дней —
Не отворачивайся так, Евгений,
Не продолжай моих мучений,
Спаси меня, рассей мой страх...

Взгляни сюда...
(Смотрит ему прямо в глаза и отскакивает.)
О! смерть в твоих глазах.
(Упадает на стул и закрывает глаза.)

Он подходит и целует ее.

Арбенин

Да, ты умрешь — и я останусь тут
Один, один... года пройдут,
Умру — и буду все один! Ужасно!
Но ты! не бойся: мир прекрасный
Тебе откроется, и ангелы возьмут
Тебя в небесный свой приют.
(Плачет.)
Да, я тебя люблю, люблю... я все забвенью,
Что было, предал, есть граница мщенью,
И вот она: смотри, убийца твой
Здесь, как дитя, рыдает над тобой...

Молчание.

Нина
(вырывается и вскакивает)

Сюда, сюда... на помощь!.. умираю —
Яд, яд — не слышат... понимаю,
Ты осторожен... никого... нейдут...
Но помни! есть небесный суд,
И я тебя, убийца, проклинаю.
(Не добежав до двери, упадает без чувств.)

Арбенин
(горько смеясь)

Проклятие! что пользы проклинать?
Я проклят богом.
(Подходит.)
Бедное созданье,
Ей не по силам наказанье...
(Стоит сложа руки.)
Бледна!
(Содрогается.)
Но все черты спокойны, не видать
В них ни раскаянья, ни угрызений...
Ужель?

Нина
(слабо)

Прощай, Евгений!
Я умираю, но невинна... ты злодей...

Арбенин

Нет, нет — не говори, тебе уж не поможет
Ни ложь, ни хитрость... говори скорей:
Я был обманут... так шутить не может
Сам ад любовию моей!
Молчишь? о! месть тебя достойна...
Но это не поможет, ты умрешь...
И будет для людей все тайно — будь спокойна!..

Нина

Теперь мне все равно... я все ж
Невинна перед богом.
(Умирает.)

Арбенин
(подходит к ней и быстро отворачивается)

Ложь!
(Упадает в кресла.)

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Арбенин
(сидит у стола на диване)

Я ослабел в борьбе с собой
Среди мучительных усилий...
И чувства наконец вкусили
Какой-то тягостный, обманчивый покой!..
Лишь иногда невольною заботой

Душа тревожится в холодном этом сне,
И сердце ноет, будто ждет чего-то.
Не все ли кончено — ужели на земле
Страданье новое вкусить осталось мне!..
Вздор!.. дни пройдут — придет забвенье,
Под тягостью годов умрет воображенье;
И должен же покой когда-нибудь
Вновь поселиться в эту грудь!..
(Задумывается, вдруг поднимает голову.)
Я ошибался!.. нет, неумолимо
Воспоминание!.. как живо вижу я
Ее мольбы, тоску. О! мимо, мимо
Ты, пробужденная змея.
(Упадает головою на руки.)

ВЫХОД ВТОРОЙ

Казарин
(тихо)

Арбенин здесь? печален и вздыхает.
Посмотрим, как-то он комедию сыграет.
(Ему.)
Я, милый друг, спешил к тебе,
Узнавши о твоем несчастье.
Как быть — угодно так судьбе.
У всякого свои напасти.

Молчание.

Да полно, брат, личину ты сними,
Не опускай так важно взоры.
Ведь это хорошо с людьми,
Для публики,— а мы с тобой актеры.
Скажи-ка, брат... Да как ты бледен стал,
Подумаешь, что ночь всю в карты проиграл.
О, старый плут — да мы разговориться
Успеем после... Вот твоя родня:
Покойнице идут, конечно, поклониться.
Прощай же, до другого дня.
(Уходит.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Родственники приходят.

Дама
(племяннице)

Уж видно, есть над ним господнее проклятье;
Дурной был муж, дурной был сын.
Напомни мне заехать в магазин
Купить материи на траурное платье.
Хоть нынче нет доходов никаких,
А разоряюсь для родных.

Племянница

Ma tante![1] какая же причина
Тому, что умерла кузина?

Дама

А та, сударыня, что глуп ваш модный свет.
Уж доживете вы до бед.

Уходят.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Выходят из комнаты покойницы доктор и старик.

Старик

При вас она скончалась?

Доктор

Не успели:
Меня найти... я говорил всегда:
С мороженым и балами беда.

Старик

Покров богат — парчу вы рассмотрели?
У брата моего прошедшею весной
На гробе был точь-в-точь такой.
(Уходит.)

[1] Тетушка! *(фр.)*.

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Доктор
(подходит к Арбенину и берет его за руку)

Вам надо отдохнуть.

Арбенин
(вздрагивает)

А!..
(В сторону.)
Сердце сжалось!

Доктор

Вы слишком предались печали эту ночь.
Усните.

Арбенин

Постараюсь.

Доктор

Уж помочь
Нельзя ничем; но вам осталось
Беречь себя.

Арбенин

Ого! я невредим.
Каким страданиям земным
На жертву грудь моя ни предавалась,
А я все жив... я счастия желал,
И в виде ангела мне бог его послал;
Мое преступное дыханье
В нем осквернило божество,
И вот оно, прекрасное созданье,—
Смотрите — холодно, мертво.
Раз в жизни человека мне чужого,
Рискуя честию, от гибели я спас,
А он, смеясь, шутя, не говоря ни слова,
Он отнял у меня все, все — и через час.
(Уходит.)

Доктор

Он болен не шутя — и я не сомневаюсь,
Что в этой голове мучений было тьма;
  Но если он сойдет с ума,
  То я за жизнь его ручаюсь.
(Уходя сталкивается с двумя.)

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Входят: Неизвестный и князь.

Неизвестный

Позвольте вас спросить — Арбенина нельзя ль
Нам видеть.

Доктор

Право, утверждать не смею,
Жена его вчера скончалась.

Неизвестный

Очень жаль.

Доктор

И он так огорчен.

Неизвестный

Я и об нем жалею.
Однако ж дома он?

Доктор

Он? дома! — да.

Неизвестный

Я дело до него преважное имею.

Доктор

Вы из друзей его, конечно, господа?

Неизвестный

Покамест нет — но мы пришли сюда,
  Чтоб подружиться понемногу.

Доктор

Он болен не шутя.

Князь
(испугавшись)

Лежит
Без памяти?

Доктор

Нет, ходит, говорит.
И есть еще надежда.

Князь

Слава богу!

Доктор уходит.

ВЫХОД СЕДЬМОЙ

Князь

О, наконец!

Неизвестный

Лицо у вас в огне.
Вы тверды ли в своем решенье?

Князь

А вы ручаетесь ли мне,
Что справедливо ваше подозренье?

Неизвестный

Послушайте — у нас обоих цель одна.
Его мы ненавидим оба;
Но вы его души не знаете — мрачна
И глубока, как двери гроба;
Чему хоть раз отворится она,
То в ней погребено навеки. Подозренья
Ей стоят доказательств — ни прощенья,
Ни жалости не знает он,—
Когда обижен — мщенье! мщенье!
Вот цель его тогда и вот его закон.

Да, эта смерть скора не без причины.
Я знал: вы с ним враги — и услужить вам рад.
Вы драться станете — я два шага назад,
И буду зрителем картины.

Князь

Но как узнали вы, что день тому назад
Я был обижен им?

Неизвестный

Я рассказать бы рад,
Да это вам наскучит,
К тому ж — весь город говорит.

Князь

Мысль нестерпимая!

Неизвестный

Она вас слишком мучит.

Князь

О, вы не знали, что такое стыд.

Неизвестный

Стыд? — нет — и опыт вас забыть о нем научит.

Князь

Но кто вы?

Неизвестный

Имя нужно вам?
Я ваш сообщник, ревностно и дружно
За вашу честь вступился сам.
А знать вам более не нужно.
Но, чу! идут... походка тяжела
И медленна. Он! — точно — удалитесь
На миг — есть с ним у нас дела.
И вы в свидетели теперь нам не годитесь.

Князь отходит в сторону.

ВЫХОД ОСЬМОЙ

Арбенин со свечой.

Арбенин

Смерть! смерть! о, это слово здесь
Везде,— я им проникнут весь,
Оно меня преследует; безмолвно
Смотрел я целый час на труп ее немой.
И сердце было полно, полно
Невыразимою тоской.
В чертах спокойствие и детская беспечность.
Улыбка вечная тихонько расцвела,
Когда пред ней открылась вечность,
И там свою судьбу душа ее прочла.
Ужель я ошибался? — невозможно
Мне ошибиться — кто докажет мне
Ее невинность — ложно! ложно!
Где доказательства — есть у меня оне!
Я не поверил ей — кому же стану верить.
Да, я был страстный муж — но был судья
Холодный — кто же разуверить
Меня осмелится?

Неизвестный

Осмелюсь — я!

Арбенин

(сначала пугается и, отойдя, подносит к лицу свечу)

А кто же вы?

Неизвестный

Не мудрено, Евгений,
Ты не узнал меня — а были мы друзья.

Арбенин

Но кто вы?

Неизвестный

Я твой добрый гений.
Да, непримеченный, везде я был с тобой;
Всегда с другим лицом, всегда в другом наряде —
Знал все твои дела и мысль твою порой —
Остерегал тебя недавно в маскераде.

Арбеинн
(вздрогнув)

Пророков не люблю — и выйти вас
Прошу иемедлеино. Я говорю серьезио.

Нензвестный

Всё так — но, несмотря иа голос грозный
И на решительный прнказ,
Я не уйду. Да, внжу, внжу ясио,
Ты не узнал меия. Я ие из тех людей,
Которых может мнг опасный
Отвлечь от цели миогих дней.
Я цель свою достнг — и здесь иа месте лягу.
Умру — ио уж назад не сделаю нн шагу.

Арбеннн

Я сам таков — и этнм, сверх того,
Не хвастаюсь.
(Садится.)
Я слушаю.

Нензвестный
(в сторону)

Доселе
Мон слова не тронули его!
Иль я ошибся в самом деле!..
Посмотрнм далее.
(Ему.)
Семь лет тому назад
Ты узнавал меня, Арбеннн. Я был молод,
Неопытеи, и пылок, н богат.
Но ты — в твоей грудн уж крылся этот холод,
То адское презреиье ко всему,
Которым ты горднлся всюду!
Не знаю, прнпнсать его к уму
Иль к обстоятельствам — я разбирать ие буду
Твоей душн — ее поймет лншь бог,
Который сотворнть однн такую мог.

Арбеннн

Дебют хорош.

Нензвестный

Коиец не будет хуже.

Раз ты меня уговорил,— увлек
К себе... Мой кошелек
Был полон — и к тому же
Я верил счастью. Сел играть с тобой
И проиграл,— отец мой был скупой
И строгий человек. И чтоб не подвергаться
Упрекам — я решился отыграться.
Но ты, хоть молод, ты меня держал
В когтях,— и я все снова проиграл.
Я предался отчаянью — тут были,
Ты помнишь, может быть,
И слезы и мольбы... В тебе же возбудили
Они лишь смех. О! лучше бы пронзить
Меня кинжалом. Но в то время
Ты не смотрел еще пророчески вперед.
И только нынче злое семя
Произвело достойный плод.

Арбенин хочет вскочнть, но задумывается.

И я покинул все с того мгновенья,
Все: женщин и любовь, блаженство юных лет,
Мечтанья нежные и сладкие волненья,
И в свете мне открылся новый свет,
Мир новых, странных ощущений,
Мир обществом отверженных людей,
Самолюбивых дум, и ледяных страстей,
И увлекательных мучений.
Я увидал, что деньги — царь земли,
И поклонился им.— Года прошли,
Все скоро унеслось: богатство и здоровье;
Навеки предо мной закрылась счастья дверь!
Я заключил с судьбой последнее условье —
И вот стал тем, что я теперь.
А! ты дрожишь,— ты понимаешь
И цель мою — и то, что я сказал.
Ну,— повтори еще, что ты меня не знаешь.

Арбенин

Прочь — я узнал тебя — узнал!..

Неизвестный

Прочь! разве это все — ты надо мной смеялся,
И я повеселиться рад.

Недавно до меня случайно слух домчался,
Что счастлив ты, женился и богат,
И горько стало мне — и сердце зароптало,
И, долго думал я: за что ж
Он счастлив — и шептало
Мне чувство внятное: иди, иди, встревожь!
И стал я следовать, мешаяся с толпой,
Без устали, всегда повсюду за тобой,
Все узнавал — и наконец
Пришел трудам моим конец.
Послушай — я узнал — и — и открою
Тебе я истину одну...
(Протяжно.)
Послушай: ты... убил свою жену!..

Арбенин отскакивает. Князь подходит.

Арбенин

Убил? — я? — Князь! О! что такое...

Неизвестный
(отступая)

Я все сказал, он скажет остальное.

Арбенин
(приходя в бешенство)

А! заговор... прекрасно... я у вас
В руках... вам помешать кто смеет?
Никто... вы здесь цари... я смирен: я сейчас
У ваших ног... душа моя робеет
От взглядов ваших... я глупец, дитя
И против ваших слов ответа не имею.
Я мигом побежден, обманут я шутя
И под топор нагну спокойно шею;
А вы не разочли, что есть еще во мне
Присутствие ума, и опытность, и сила?
Вы думали, что все взяла ее могила?
Что я не заплачу вам всем по старине?
Так вот как я унижен в вашем мненье
Коварным лепетом молвы!
Да, сцена хорошо придумана — но вы
Не отгадали заключенье.
А этот мальчик — так и он со мной
Бороться вздумал. Мало было
Одной пощечины — нет, хочется другой,

Вы всё получите, мой милый.
Вам жизнь наскучила! не странно — жизнь глупца,
Жизнь площадного волокиты.
Утешьтесь же теперь — вы будете убиты,
Умрете — с именем и смертью подлеца.

Князь

Увидим — но скорей.

Арбенин

Идем, идем.

Князь

Теперь я счастлив.

Неизвестный
(останавливая)

Да — а главное забыли.

Князь
(останавливая Арбенина)

Постойте — вы должны узнать — что обвинили
Меня напрасно... что ни в чем
Не виновата ваша жертва — оскорбили
Меня вы вовремя... я только обо всем
Хотел сказать вам — но пойдем.

Арбенин

Что? что?

Неизвестный

Твоя жена невинна — слишком строго
Ты обошелся.

Арбенин
(хохочет)

Да у вас в запасе шуток много!

Князь

Нет, нет — я не шучу, клянусь творцом.
Браслет случайною судьбою
Попался баронессе и потом
Был отдан мне ее рукою.

Я ошибался сам — но вашею женою
Любовь моя отвергнута была.
Когда б я знал, что от одной ошибки
Произойдет так много зла,
То, верно б, не искал ни взора, ни улыбки,
И баронесса — этим вот письмом
Вам открывается во всем.
Читайте же скорей — мне дороги мгновенья...

Арбенин взглядывает на письмо и читает.

Неизвестный
(подняв глаза к небу, лицемерно)

Казнит злодея провиденье!
Невинная погибла — жаль!
Но здесь ждала ее печаль,
А в небесах спасенье!
Ах, я ее видал — ее глаза
Всю чистоту души изображали ясно.
Кто б думать мог, что этот цвет прекрасный
Сомнет минутная гроза.
Что ты замолк, несчастный?
Рви волосы — терзайся — и кричи —
Ужасно! — о, ужасно!

Арбенин
(бросается на них)

Я задушу вас, палачи!
(Вдруг слабеет и падает на кресла.)

Князь
(толкая грубо)

Раскаянье вам не поможет.
Ждут пистолеты — спор наш не решен.
Молчит, не слушает, ужели он
Рассудок потерял...

Неизвестный

Быть может...

Князь

Вы помешали мне.

Неизвестный

Мы целим розно.
Я отомстил, для вас, я думаю, уж поздно!

Арбенин
(встает с диким взглядом)

О, что сказали вы?.. Нет сил, нет сил,
Я так был оскорблен, я так уверен был...
Прости, прости меня, о боже — мне прощенье.
(Хохочет.)
А слезы, жалобы, моленья?
А ты простил?
(Становится на колени.)
Ну, вот и я упал пред вами на колена:
Скажи же — не правда ли — измена,
Коварство очевидны... я хочу, велю,
Чтоб вы ее сейчас же обвинили.
Она невинна? разве вы тут были?
Смотрели в душу вы мою?
Как я теперь прошу, так и она молила.
Ошибка — я ошибся — что ж!
Она мне то же говорила,
Но я сказал, что это *ложь.*
(Встает.)
Я это ей сказал.

Молчание.

Вот что я вам открою:
Не я ее убийца.
(Взглядывает пристально на Неизвестного.)
Ты, скорей
Признайся, говори смелей,
Будь откровенен хоть со мною.
О милый друг, зачем ты был жесток?
Ведь я ее любил, я б небесам и раю
Одной слезы ее,— когда бы мог,
Не уступил — но я тебе прощаю!
(Упадает на грудь ему и плачет.)

Неизвестный
(отталкивая его грубо)

Приди в себя — опомнись...
(Князю.)

Уведем
Его отсюда... он опомнится, конечно,
На воздухе...
(Берет его за руку.)
Арбенин!

Арбенин

Вечно
Мы не увидимся... прощай... Идем... идем...
Сюда... сюда...
(Вырываясь, бросается в дверь, где гроб ее.)

Князь

Остановите!..

Неизвестный

И этот гордый ум сегодня изнемог!

Арбенин
(возвращаясь с диким стоном)

Здесь, посмотрите! посмотрите!..
(Прибегая на середину сцены.)
Я говорил тебе, что ты жесток!

Падает на землю и сидит полулежа с неподвижными глазами. Князь и Неизвестный стоят над ним.

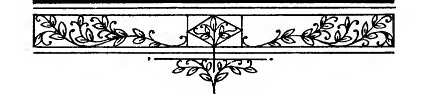
Неизвестный

Давно хотел я полной мести,
И вот вполне я отомщен!

Князь

Он без ума... счастлив... а я? навек лишен
Спокойствия и чести!

КОНЕЦ



ДВА БРАТА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дмитрий Петрович в креслах; Юрий возле него на стуле, Александр в стороне стоит у стола и перебирает бумаги.

Дмитрий Петрович. Я думал, Юрий, что тебя совсем ко мие ие отпустят. Призиаюсь, умереть, ие видавши тебя, было бы грустио — я стар, слаб — миого жил, иногда слишком весело, иногда слишком печально... и теперь чувствую, что скоро бог призовет меия к себе — даже нынче, когда мне объявили о твоем приезде, то старость напомиила о себе... Не знаю, как переиес я эту последиюю радость.

Юрий. Я нахожу, батюшка, что вы вовсе ие так слабы, как говорите.

Дмитрий Петрович. А что мудреиого?.. Александр, скажи-ка, уже ие в самом ли деле я помолодел с тех пор, как он приехал.

Александр. Точио — вы иикогда со мною ие были так веселы, как теперь с братом.

Дмитрий Петрович. Не пеняй, брат, не пеияй — ведь я с тобой всегда, а его сколько лет ие видал. *(Целует его.)* Ты, Юрий, точио портрет твоей покойной матери.

Александр. Да вот уж четыре года как брат не был дома... И сам ои много переменился, и здесь в Москве всё, кроме иас, перемеиилось... Я думаю, ои ие узнает княгиию Веру.

Юрий. Какая княгиня?..

Дмитрнй Петровнч. Разве не знаешь!.. Вернинька Загорскина вышла за князя Лнговского! Твоя прежняя московская страсть.

Юрий. А! так она вышла замуж, н за князя?

Дмитрий Петровнч. Как же, три тысячн душ н человек пречестный, предобрый, они у нас нанимают бельэтаж, н сегодня я их звал обедать.

Юрий. Князь! и три тысячи душ! А есть ли у него своя в придачу?

Дмнтрий Петровнч. Он человек пречестный н жену обожает, старается ей угоднть во всем, только пожелай она чего, на другой же день явнтся у ней на столе... Все ее родные говорят, что она счастлнва как нельзя более.

Александр. Батюшка, что прнкажете делать с этими бумагами?

Дмитрий Петровнч. После — до бумаг лн мне теперь.

Юрнй. Прнзнаюсь... я думал прежде, что сердце ее не продажно... теперь вижу, что оно стоило несколько сот тысяч дохода.

Дмитрий Петровнч. Ох, вы, молодые люди! а ведь сам чувствуешь, что она поступнла бы безрассудно, еслн б надеялась на ребяческую твою склонность.

Юрнй. А! она сделалась рассудительна.

Александр *(в некотором волнении)*. Батюшка! поверенный ждет... нужно.

Дмитрий Петровнч. А теперь, когда она вышла замуж... твое самолюбие тронуто, тебе досадно, что она счастлива,— это дурно.

Юрнй. Она не может быть счастлнва.

Александр *(прерывая)*. Батюшка... позвольте... очень нужное дело; *(в сторону)* неужелн этот разговор ннкогда не кончится!

Дмнтрнй Петровнч. Я сказал тебе, что после... ты вечно с деламн, ведь вндншь, что я говорю серьезно. Нет, Юрнй, это нехорошо... впрочем, ты сам увндншь, как она любнт мужа.

Юрий. Не может быть.

Дмитрий Петровнч. Все ее родные говорят, и она сама.

Юрнй. А я говорю вам, батюшка, что я понаслышке уж нмею понятне о том, что такое князь... Она любнть его не может.

Александр. Она его любит — страстно.

Дмитрий Петрович. Ну, братец, ты об этом судить не можешь. *(Юрию.)* Он так холоден, так рассудителен, что, право, я часто желал бы лучше, чтоб он был вспыльчив и ветрен... Вот уж можно держать пари, что никогда не влюбится... и не наделает глупостей.

Александр. Я осторожен, батюшка, берегу других и себя.

Дмитрий Петрович. У него всегда готово оправдание — а тебе, Юрий, я должен дать совет и прошу тебя иметь на этот раз хоть ко мне полную доверенность. Я стар, опытен и понимаю молодость. Я с целию завел этот разговор, выслушай: она теперь счастлива, я в этом уверен, но она молода, она тебя любила прежде, и, во всяком случае, ваша встреча произведет в ней некоторое волнение; если ты не покажешь никакого желания возвратиться к прежнему, если ты будешь обращаться с нею, как с женщиной, которую бы ты встретил два раза на бале... то, поверь, в скором времени вы оба привыкнете к мысли, что между вами не должно уже быть ничего общего; но слушай, Юрий, я прошу тебя, не покушайся никогда разрушить их супружеское счастие: это удовольствие низкое, оно отзывается чем-то похожим на зависть... Большая слава обольстить бедную слабую женщину! Обещай мне вести себя благоразумно.

Юрий. Я обещаю не делать первого шага.

Дмитрий Петрович. Юрий!

Юрий. Я не обещаю никогда больше, нежели могу исполнить.

Дмитрий Петрович. Я прошу тебя!.. ты знаешь, как я дружен с ее семейством.

Слуга *(входит)*. Князь Лиговский с княгинею.

Александр *(в сторону)*. Решительная минута.

Юрий. Батюшка, вы будете мною довольны.

Входят княгиня и князь. Княгиня и Юрий медленно раскланялись, наблюдая друг друга.

Князь. Дмитрий Петрович! честь имею вас поздравить с приездом Юрия Дмитрича — я думаю, вы очень рады.

Дмитрий Петрович. Благодарю вас, князь, от всей души... когда вы будете отцом, тогда и сами вполне меня поймете.

Князь *(с улыбкою)*. Я надеюсь, что это будет скоро.

Вера отворачивается, потом.

Вера. Monsieur Радин! рекомендую вам моего мужа — прошу его полюбить.

Юрий. Я буду стараться, княгиня.

Князь. А я надеюсь, что мы сойдемся; я, как говорят военные, в полном смысле добрый малый.

Юрий. Увидав вас, князь, я это тотчас угадал. *(В сторону.)* Ее хладнокровие меня бесит.

Дмитрий Петрович. Княгиня, милости просим, князь.

Садятся.

Вера. Как вы находите, monsieur Радин, я постарела?

Юрий. В счастии не стареются, княгиня,— вы не постарели нисколько, хотя переменились.

Дмитрий Петрович. Довольны ль вы, князь, вашей квартирой?

Князь. Очень, прекрасные комнаты, только довольно странное расположение, столько дверей, закоулков и лестниц в задней половине, что я в первый день чуть не заплутался... Я, вы знаете, только вчера переехал и теперь все занимаюсь уборкой комнат.

Вера. Ах, вообразите, как мой Пьер мил!.. Сегодня я просыпаюсь и вдруг вижу у себя на туалете целую модную лавку... что ж вышло: это все он мне подарил на новоселье.

Юрий. Княгиня! это показывает, как дорого князь ценит вашу любовь.

Князь. О, помилуйте! мне так приятно ее тешить... за каждую ее ласку я готов дать десять тысяч.

Александр *(в сторону)*. За такую ласку я уж отдал спокойствие — теперь отдам жизнь.

Князь. Что вы так задумчивы, Александр Дмитриевич,— вчера у нас вы были гораздо веселее.

Вера. Он всегда печален, когда другие веселы.

Александр. Если вам угодно, я буду весел...

Вера. Пожалуйста — это любопытно посмотреть.

Александр. Что ж, извольте: не рассказать ли, как толстая жена откупщика потеряла башмак в Собрании, это очень смешно, но вы так добры, что вам будет жалко. Рассказать, как князь Иван бит три часа тол-

ковал мне об устройстве новой водяной мельницы и сам махал руками наподобие ветряной; вы сами видели эту картину и не смеялись; повторить, что рассказывает он про своего дядю, как тот на двадцатом году от роду получил пощечину, семьдесят два года все искал своего неприятеля, на девяносто втором нашел, замахнулся... и от натуги умер — это смешно, только когда он сам рассказывает; наконец, говорить мне свои глупости — вы к ним уж слишком привыкли, и они мне самому надоели больше, чем кому-нибудь.

Вера. Вы сегодня расположены к злости.

Александр. Право! Ну так оправдаю вашу догадку и расскажу, как наша соседка плакала, когда дочь отказала жениху с миллионом, потому что он только раз в неделю бреет бороду.

Юрий. Вот уж это было бы вовсе не смешно — и я бы на ее месте слег в постелю... миллион, да тут не нужно ни лица, ни ума, ни души, ни имени — господин миллион — тут все.

Дмитрий Петрович. Полно, Юрий, это слишком по-петербургски.

Юрий. Батюшка! везде так думают — и в Петербурге так говорят, но поверьте мне, женщина, отказавшая миллиону, поздно или рано раскается, и горько раскается. Сколько прелестей в миллионе! наряды, подарки, вся утонченность роскоши, извинение всех слабостей, недостатков, уважение, любовь, дружба... вы скажете: это будет все один обман; но и без того мы вечно обмануты, так лучше быть обмануту с миллионом.

Дмитрий Петрович. Я не полагаю, чтоб многие так думали.

Юрий. Я знаю людей, которые поступают по этим правилам.

Вера *(в сторону)*. Он меня мучит. *(Громко.)* Пьер, ты хотел показать Дмитрию Петровичу, как убраны наши комнаты, и об чем-то с ним переговорить.

Князь. Ах, точно—я имею до вас маленькую просьбу — насчет условия.

Дмитрий Петрович. К вашим услугам, князь.

Уходят. Александр приближается к Вере и Юрию, с минуту молчание.

Юрий *(насмешливо)*. Да, княгиня, миллион вещь ужасная. *(Уходит.)*

Она погружена в задумчивость.

Александр *(берет ее за руку)*. Вера—твой муж... все ушли, мы одни, вот уж сутки, как я жду этой минуты, я видел по твоему лицу, что ты хочешь мне что-то сказать — о, я читаю в глазах твоих, Вера *(она отворачивается)*, ты отворачиваешься; конечно, у тебя на душе какая-нибудь новая, мучительная тайна,— скорей, скорей, влей ее в мою душу... Там много ей подобных, и она с ними уживется. Какое-нибудь сомненье? что ж? ты знаешь, как искусно я умею разрешать все сомнения.

Вера. О! я помню.

Александр. Ты помнишь, сколько мне стоило труда уничтожить твой единственный предрассудок, и как потом ты мне была благодарна — потому что я люблю тебя, Вера, люблю больше, <чем> ты можешь вообразить, люблю как человек, который в первый раз любим и счастлив.

Вера. Да, я слишком все это хорошо помню.

Александр. Что это? упрек! раскаянье?.. и отчего же именно теперь, после двух лет!.. о! я не хочу угадывать, нет, это минута неудовольствия, ты чем-нибудь огорчена... и, зная, как я тебя люблю, ты изливаешь на меня свою досаду... хорошо, Вера, хорошо, продолжай— это тебя успокоит — я с радостью перенесу твои упреки, лишь бы они были доказательством твоей любви.

Вера *(оборачивается)*. Я имею до вас одну просьбу!..

Александр *(отступает шаг назад)*. Просьбу? вы?.. а! это уж еще что-то новое... это холодное вы, после стольких клятв и уверений, после стольких доказательств искренней нежности... похоже на проклятие. Посмотрим, сударыня... прикажите... вы знаете, что моя жизнь принадлежит вам, зачем же тут слово: просьба? Нет жертвы, которой бы я не принес вашей минутной прихоти.

Вера. О, я не требую никакой жертвы!..

Александр. Тем хуже, Вера,—большою жертвой я бы мог доказать тебе свою любовь.

Вера *(в сторону)*. Любовь — это несносно.

Александр. Вижу, я начинаю докучать тебе — не мудрено. Я глупец, зачем не употреблял я хитрости, чтоб удержать твое сердце, когда хитростью приобрел его!.. но что делать? я желал хоть один раз попробовать любви искренней, открытой...

Молчание.

Говорите, что вам угодно.

Вера. Я хотела вас просить, чтоб вы — сказали вашему брату!

Александр. Брату?

Вера (*скоро*). Да, скажите ему, что он меня чрезвычайно обидел, намекая на богатство мужа моего, — вы сами знаете, оттого ли я за него вышла... это было безумие, ошибка... скажите ему, просите его, чтоб он, ради прежней нашей дружбы, не огорчал меня более... если это для вас не жертва, то прошу вас сказать ему...

Молчание.

Александр. Хорошо, Вера, я скажу... но это, вопреки тебе, будет служить доказательством моей нежности более всего на свете.

Вера (*протягивая руку*). О мой друг, как я тебе благодарна.

Александр. Нет, ради бога лучше не благодари. (*Уходит, в сторону.*) Конечно, я ничего ему не скажу!..

Вера (*одна*). С нынешнего дня я чувствую, что я погибла!.. я не владею собою, какой-то злой дух располагает моими поступками, моими словами.

Князь (*высунувшись из двери*). Веринька, Веринька! venez ici[1] — посмотри, какой чудесный трельяж у Дмитрия Петровича — завтра же куплю тебе такой же точно.

Вера (*как бы проснувшись, встает*). О боже! и всю жизнь слышать этот голос!..

КОНЕЦ 1 АКТА

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В комнатах князя Лиговского. Князь и Вера.

Князь. Вера! посмотри, как переделали твой бриллиантовый фермуар.

Вера. Очень мило — но тут есть новые камни.

Князь. Это любезность бриллиантщика.

[1] иди сюда (*фр.*).

Вера. А! понимаю... ты ие хочешь моей благодарностн... ты с каждым днем делаешься милее...

Князь. Я рад, что угоднл тебе.

Вера *(в сторону).* Угодил! — право, другой подумает, что ои мой управнтель.

Киязь. Мне очень поиравился второй сыи Дмитрия Петровича,— не знаю, как тебе.

Вера. Я его давио зиаю.

Князь. Он веселого ирава.

Вера. Слншком веселого.

Князь. Признаюсь, я сам таков и люблю посмеяться, и, право, ты, иаконец, надоешь мне своей задумчивостью — ведь Юрнй Дмитрич иедурен. Мне выражение лнца его очеиь иравится.

Вера. Какая-то иасмешливая улыбка — я боюсь говорить с ним.

Князь. Какое предубеждение — иапротив, у него в улыбке-то нменно есть что-то доброе, простое... я его раз вндел, а уж полюбнл... а ты?

Слуга *(входит).* Юрий Дмитрич Радии.

Юрнй *(входит).* Князь, я почел обязанностию засвидетельствовать вам мое почтенне...

Киязь. Мы с женой постараемся превратить эту обязанность в удовольствие! прошу садиться — а вы легкн иа помнне — мы с женой сейчас лншь об вас говорилн... и я ее выведу на свежую воду. Вообразите, она утверждает, что у вас в лнце есть что-то ядовитое, злое...

Юрнй. Может быть, киягиня права. Несчастне делает злым.

Князь. Ха! ха! ха! Каким у вас быть иесчастиям — вы так молоды.

Юрнй. Киязь! вы уднвляетесь, потому что слишком счастливы самн.

Князь. Слишком! о да, это в самом деле колкость— я иачннаю вернть жене.

Юрнй. Верьте, прошу вас, верьте — киягиня никогда еще никого не обманывала.

Вера *(быстро прерывает его).* Скажите— вы прямо к нам нли былн уж где-нибудь?

Юрий. Я сегодня сделал несколько визитов... и однн очень нитересиый... я был так взволноваи, что сердце и теперь у меня еще бьется, как молоток...

Вера. Взволнованы?..

Князь. Верио, встреча с персоной, которую в ста-

рину обожали,— это вечная история военной молодежи, приезжающей в отпуск.

Юрий. Вы правы — я видел девушку, в которую был прежде влюблен до безумия.

Вера *(рассеянно)*. А теперь?

Юрий. Извините, это моя тайна, остальное, если угодно, расскажу...

Князь. Пожалуйста — писаных романов я не терплю, а до настоящих страстный охотник.

Юрий. Я очень рад. Мне хочется также при комнибудь облегчить душу. Вот видите, княгиня. Года три с половиною тому назад я был очень коротко знаком с одним семейством, жившим в Москве; лучше сказать, я был принят в нем как родной. Девушка, о которой хочу говорить, принадлежит к этому семейству; она была умна, мила до чрезвычайности; красоты ее не описываю, потому что в этом случае описание сделалось бы портретом; имя же ее для меня трудно произнесть.

Князь. Верно, очень романтическое?

Юрий. Не знаю — но от нее осталось мне одно только имя, которое в минуты тоски привык я произносить как молитву; оно моя собственность. Я его храню как образ благословения матери, как татарин хранит талисман с могилы пророка.

Вера. Вы очень красноречивы.

Юрий. Тем лучше. Но слушайте: с самого начала нашего знакомства я не чувствовал к ней ничего особенного, кроме дружбы... говорить с ней, сделать ей удовольствие было мне приятно — и только. Ее характер мне нравился: в нем видел я какую-то пылкость, твердость и благородство, редко заметные в наших женщинах, одним словом, что-то первобытное, допотопное, что-то увлекающее — частые встречи, частые прогулки, невольно яркий взгляд, случайное пожатие руки — много ли надо, чтоб разбудить таившуюся искру?.. Во мне она вспыхнула; я был увлечен этой девушкой, я был околдован ею, вокруг нее был какой-то волшебный очерк, вступив за его границу, я уже не принадлежал себе; она вырвала у меня признание, она разогрела во мне любовь, я предался ей как судьбе, она не требовала ни обещаний, ни клятв, когда я держал ее в своих объятиях и сыпал поцелуи на ее огненное плечо; но сама клялась любить меня вечно — мы расстались — она была без чувств, все приписывали то припадку болезни — я один знал причину — я уехал с

твердым намерением возвратиться скоро. Она была моя — я был в ней уверен, как в самом себе. Прошло три года разлуки, мучительные, пустые три года, я далеко подвинулся дорогой жизни, но драгоценное чувство следовало за мною. Случалось мне возле других женщин забыться на мгновенье. Но после первой вспышки я тотчас замечал разницу, убийственную для них — ни одна меня не привязала — и вот, наконец, я вернулся на родину.

Князь. Завязка романа очень обыкновенна.

Юрий. Для вас, князь, и развязка покажется обыкновенна... я ее нашел замужем, я проглотил свое бешенство из гордости... но один бог видел, что происходило здесь.

Князь. Что ж? Нельзя было ей ждать вас вечно.

Юрий. Я ничего не требовал — обещания ее были произвольны.

Князь. Ветреность, молодость, неопытность — ее надо простить.

Юрий. Князь, я не думал обвинять ее... но мне больно.

Княгиня *(дрожащим голосом)*. Извините — но, может быть, она нашла человека еще достойнее вас.

Юрий. Он стар и глуп.

Князь. Ну так очень богат и знатен.

Юрий. Да.

Князь. Помилуйте — да это нынче главное! ее поступок совершенно в духе века.

Юрий *(подумав)*. С этим не спорю.

Князь. На вашем месте я бы теперь за ней поволочился — если ее муж таков, как вы говорите, то, вероятно, она вас еще любит.

Вера *(быстро)*. Не может быть.

Юрий *(пристально взглянул на нее)*. Извините, княгиня, теперь я уверен, что она меня еще любит. *(Хочет идти.)*

Князь. Куда вы?

Юрий. Куда-нибудь.

Князь. Поедемте вместе на Кузнецкий. *(Два слова на ухо.)*

Юрий. Извольте, куда хотите.

Выходят.

Князь. Прощай, Веринька. *(Идет и в дверях встре-*

чает Александра.) Извините, Александр Дмитрич,— а вот жена целое утро дома. *(Уходит.)*

Александр входит медленно, смотрит то на них, то на Веру. Вера, опрокинув голову на спинку стула, закрыла лицо руками.

Александр *(про себя)*. Он был здесь, она в отчаянье — *(глухо)* я погиб.

Вера *(открыв глаза)*. А! опять передо мною.

Александр. Опять и всегда, как жертва, на которую ты можешь излить свою досаду, как друг, которому ты можешь вверить печаль, как раб, которому ты можешь приказать умереть за тебя.

Вера. О, поди, оставь меня... ты живой упрек, живое раскаянье — я хотела молиться — теперь не могу молиться.

Александр. Если б я умел молиться, Вера, то призвал бы на твою голову благодать бога вечного — но ты знаешь! я умею только любить.

Вера. Я ничего не знаю... уйди, ради неба уйди.

Александр. Ты меня не любишь.

Вера. Я тебя ненавижу.

Александр. Хорошо! это немножко легче равнодушия — за что же меня ненавидеть... за что? Говори, за что!..

Вера. О, ты нынче недогадлив... ты не понимаешь, что после проступка может оставаться в сердце женщины искра добродетели; ты не понимаешь, как ужасно чувствовать возможность быть непорочной... и не сметь об этом думать, не сметь дать себе этого имени...

Александр. Да, понимаю! Несносно для самолюбия.

Вера. Если б не ты, не твое адское искусство, если б не твои ядовитые речи... я бы могла еще требовать уважения мужа и, по крайней мере, смело смотреть ему в глаза...

Александр. И смело любить другого...

Вера *(испугавшись)*. Нет, неправда, неправда, такая мысль не приходила мне в голову.

Александр. К чему запираться? — я не муж твой, Вера, не имею никаких прав с тех пор, как потерял любовь твою... и что ж мне удивляться!.. я третий, которому ты изменяешь,— со временем будет и двадцатый! Если ты почитаешь себя преступной, то преступления твои не любовь ко мне — а замужество; союз

неровный, противный законам природы и нравственности. Признайся же мне, Вера: ты снова любишь моего брата?..

Вера. Нет, нет.

Александр. Если хочешь, то я уступлю тебя брату, стану издали, украдкой, смотреть на ваши свежие ласки... и стану думать про себя: так точно и я был счастлив... очень недавно...

Вера. Да ты мучитель... палач... и я должна терпеть!..

Александр. Я палач? — я, самый снисходительный из любовников?.. я, готовый быть твоим безмолвным поверенным — плати только мне по одной ласковой улыбке в день?.. многие платят дороже, Вера!

Вера. О, лучше убей меня.

Александр. Дитя, разве я похож на убийцу!

Вера. Ты хуже!

Александр. Да!.. такова была моя участь со дня рождения... все читали на моем лице какие-то признаки дурных свойств, которых не было... но их предполагали — и они родились. Я был скромен, меня бранили за лукавство — я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло — никто меня не ласкал — все оскорбляли — я стал злопамятен. Я был угрюм — брат весел и открытен — я чувствовал себя выше его — меня ставили ниже — я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир — меня никто не любил — и я выучился ненавидеть... Моя бесцветная молодость протекла в борьбе с судьбой и светом. Лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубину сердца... они там и умерли; я стал честолюбив, служил долго... меня обходили; я пустился в большой свет, сделался искусен в науке жизни — а видел, как другие, без искусства счастливы: в груди моей возникло отчаянье,— не то, которое лечат дулом пистолета, но то отчаянье, которому нет лекарства ни в здешней, ни в будущей жизни; наконец, я сделал последнее усилие,— я решился узнать хоть раз, что значит быть любимым... и для этого избрал тебя!..

Вера (*смотрит на него пристально*). О боже!.. И ты надо мной не сжалился.

Александр. Бог меня послал к тебе, как необходимое в жизни несчастье. Но для меня ты была ангелом-спасителем. Когда я увидал возможность обладать твоей любовью, то для меня не стало препятствий; всей си-

лой неутомимой волн, всей силою отчаяиья я уцепился за эту райскую мысль... Все средства былн хороши, я, кажется, сделал бы самую неслыханную ннзость, чтоб достигнуть моей цели... но вспомни, вспомни, Вера, что я погнбал... Нет, я не обманул, не обольстил тебя... нет, было написано в книге судьбы, что я не совсем еще погибну!.. Да, ты меня любила, Вера! Никто на свете меня не разуверит — никто не вырвет у меня нз души воспоминанний о моем единственном блаженстве! О, как оно было полно, восхитительно, необъятио... видишь, видишь слезы... не изобретено еще муки, которая бы вырвала такую каплю нз глаз моих... а теперь плачу, как ребеиок, плачу... когда вспомннл, что был один раз в жизни счастлив. *(Упадает на колени и хватает ее руки.)* О, позволь, позволь мие, по крайней мере, плакать.

Вера. Послушай, Александр, послушай... что же мне делать?.. мне жаль, ио я ие люблю тебя, не могу, не могу больше любнть,— я всегда ошибалась — мы ие создаиы друг для друга... что же мне делать!..

Александр встает.

Послушай, забудь, оставь меня... илн нет, я уеду, далеко, далеко... ие обращай на меня вннмания,— я не аигел, я слабая, безумиая жеищииа... Я тебя не поиимаю... я тебя боюсь! презирай меня, еслн тебе от этого будет легче, ио оставь, ие мучь...

Александр. Хорошо, хорошо, Вера... я тебя оставлю — ты меня не увидишь... но я, моя мысль, мой взор, мой слух будут вечио с тобой,— когда ты будешь весела и довольиа, то я об себе не напомию, но в мииуты печали я буду тебе являться, и ты утешишься, видя, что есть на свете человек, который иесчастиее тебя!..

Вера. Но зачем же, зачем... попробуй полюбить другую — я зиаю много женщнн, которым ты нравишься, а меия оставь жить как судьбе угодно!.. что может быть между иами общего — без любви... я тебя прощаю!.. прощаю от всего сердца.

Александр. Какое велнкодушне!..

Вера. Обещаюсь забыть все мучеиия, которым ты был причиной.

Александр. И ты думаешь обмаиуть меня! н ты думаешь, что я ие лучше тебя самой чнтаю в глубине души твоей? меня обмаиуть? да знаешь лн, что это почти иевозможио... ты выбрала минуту слабостн — ты думала,

что слезы помешают мне видеть всю тонкость твоего намерения! Я знаю, что ты хочешь избавиться от моего надзора, как от любви моей, чтоб на свободе отдать мое место другому — эта мысль еще не развилась в уме твоем, ты говоришь по какому-то невольному побуждению... но я вижу эту мысль во всей ее ужасной наготе... и этого не будет... нет, что хоть раз мне принадлежало, то не должно радовать другого... а этот другой — мой брат Юрий. Слышишь ли, я и это знаю.

Вера *(с гордостью)*. Такое подозрение слишком обидно... с сей минуты мы чужды друг другу... прощайте, я вас не знаю — позволяю вам мстить всеми возможными, даже низкими средствами.

Александр. Как, неужели и ты, и ты не нашла в душе моей ничего благородного...

Вера. Не знаю.

Александр. О!..

Вера. Оставьте, оставьте меня... еще одна минута, и я умру. *(Упадает на кресла.)*

Александр. Я иду... только он никогда не будет твоим — никогда... *(Подойдя к двери, оборачивается.)* Слышишь ли, никогда.

КОНЕЦ 2 АКТА

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дмитрий Петрович входит. Александр его ведет под руку и сажает.

Александр. Вы нынче что-то необыкновенно слабы, батюшка.

Дмитрий Петрович. Старость, брат, старость — пора убираться... да ты что-то мне хотел сказать.

Александр. Да, точно... есть одно дело, об котором я непременно должен с вами поговорить.

Дмитрий Петрович. Это, верно, насчет процентов в Опекунский совет... да не знаю, есть ли у меня деньги.

Александр. В этом случае деньги не помогут, батюшка.

Дмитрий Петрович. Что же такое...

Александр. Это касается брата...

Дмитрий Петрович. Что?.. что такое с Юринькой случилось?

Александр. Не пугайтесь, он здоров и весел.

Дмитрий Петрович. Не проигрался ли он?

Александр. О нет!

Дмитрий Петрович. Послушай... если ты мне скажешь про него что-нибудь дурное, так объявляю заране... я не поверю... я знаю, ты его не любишь!

Александр. Итак, я ничего не могу сказать... а вы одни могли бы удержать его.

Дмитрий Петрович. Ты во всех предполагаешь дурное.

Александр. Я молчу, батюшка.

Дмитрий Петрович. Видно, я правду говорю, коли ты не смеешь и защищаться!..

Александр. Я чувствую, что человеку не дано силы противиться судьбе своей!

Дмитрий Петрович. Ты меня выведешь из терпения... ну, скажи, что ли, скорее, что ты еще открыл,— в чем предостерегать!..

Александр. Юрий влюблен в княгиню Веру.

Дмитрий Петрович. Да, я сам подозреваю, что он не совсем ее забыл... а она?

Александр. Она — его любит страстно — о, я это знаю... я имею доказательства... я вам клянусь честью... спасите хоть ее. Еще два, три дни... и она не будет в силах ни в чем противиться... вы до этого не допустите брата.

Дмитрий Петрович. Да, да,— это нехорошо... но Юрий не захочет, не решится.

Александр. А минута страсти, самозабвения?.. одна минута?

Дмитрий Петрович. Это нехорошо... ты прав... благодарю, что сказал... да что же делать? поговорить разве Юрию...

Александр. О, это хуже всего... он уже слишком далеко зашел... надо, чтоб князь уехал... потом брату кончится отпуск... и они никогда, по крайней мере долго не увидятся...

Дмитрий Петрович. Бедная женщина!..

Александр. О, если б вы видели, как она страдает в борьбе с собою... но я ее знаю... еще несколько дней... и она погибнет!..

Дмитрий Петрович. Я хвалю тебя, Александр!.. ты всегда был строгих правил, хотя не очень чувствителен... но как же быть?

Александр. Предупредить князя! — сказать ему просто!..

Дмитрий Петрович. Рассорить его с женой?..

Александр. Он благоразумный и добрый человек... скажите ему только, что Юрий влюблен в княгиню... это ваш долг, долг отца и честного человека... объясните ему, что вы нимало не подозреваете его жены... но что, живя в одном доме, ее репутация может пострадать — брат может проболтаться, похвастаться двусмысленным образом — из самолюбия... мало ли!.. одним словом, князь должен уехать...

Слуга *(входит)*. Князь Лиговский.

Дмитрий Петрович. Надо подумать... как же так опрометчиво поступать — надо бы подумать.

Александр. Минуты дороги... вы видите, сама судьба его вам посылает.

Входит князь.

Князь. А я сейчас с Кузнецкого моста, покупал всё жене наряды к празднику... Столько хлопот, что ужасть... Вот эти молодые люди не знают, что такое жениться.

Дмитрий Петрович. Приятно со стороны смотреть, как вы любите вашу супругу, князь.

Князь. Я жену очень люблю — однако, видите, я со всем тем муж благоразумный,— хочу, чтоб меня слушались, и в случае нужды имею твердость — о, я очень тверд! Как вы нынче в своем здоровье?

Дмитрий Петрович. Благодарю... я нынче что-то слаб... и к тому же расстроен... ох, дети, дети!

Князь. Расстроены... помилуйте, вы, кажется, так счастливы детьми.

Дмитрий Петрович. Это правда... но иногда и самые лучшие дети делают глупости.

Князь. Да помилуйте!.. вы несправедливы. Какие же глупости... но извините, это слишком нескромно...

Дмитрий Петрович. Ничего, князь, напротив... это дело даже больше касается до вас, нежели до меня.

Александр делает знак отцу и уходит.

Князь. До меня?..

Дмитрий Петрович. Мой долг повелевает мне сказать... но я не знаю, как решиться.

Князь. Разве это что-нибудь...

Дмитрий Петрович. Вот видите, я не знаю, как вы примете.

Князь. Да разве?..

Дмитрий Петрович. Успокойтесь — это еще не опасно.

Князь. Слава богу... так еще не опасно — уф!..

Дмитрий Петрович. Мой сын Юрий...

Князь. Юрий Дмитрич? он со мной никаких не имел сношений!..

Дмитрий Петрович. Я не говорю, чтоб он имел сношение с вами — или с кем-нибудь из вашего дома — но ваша жена... еще до замужества... ее красота, любезность!..

Князь. Вот видите, Дмитрий Петрович... я этих достоинств еще сам в ней хорошенько не рассмотрел... не потому говорю так, что она моя жена,— но ведь я не поэт! о, вовсе не поэт!.. Я женился потому, что надо было жениться,— женился на ней потому, что она показалась мне доброго и тихого нрава, люблю ее потому, что надобно любить жену, чтоб быть счастливу!.. я вас прервал, пожалуйста, продолжайте!

Дмитрий Петрович. Это не так легко, князь.

Князь. Прошу вас, для меня себя не принуждайте.

Дмитрий Петрович. Одним словом, мой сын Юрий был влюблен в вашу супругу до ее замужества и, кажется, был несколько ей приятен.

Князь. О, я уверен, что теперь эта страсть прошла.

Дмитрий Петрович. К сожалению, не прошла! со стороны моего сына.

Князь. Тем хуже для него.

Дмитрий Петрович. Я боялся, чтоб это и вам было неприятно! — по долгу честного человека решился вас предупредить на всякий случай...

Князь. Лишь бы жена была мне верна — больше я и знать не хочу!

Дмитрий Петрович. Я не сомневаюсь в добродетели княгини.

Князь. И я также.

Дмитрий Петрович *(со вздохом)*. Вы очень счастливы...

Князь. Не спорю-с. *(Вдруг, как бы вспомнив что-то, хватает себя за голову и вскакивает.)* О, я дурак, о, я пошлая дурачина... о, глупая ослиная голова!.. вы правы — а я дубина!.. теперь вспомнил... о, пошлая недогадливость!.. теперь понимаю... понимаю... этот анекдот!.. все было на мой счет сказано... а я, сумасшедший,— ему же советую волочиться за моей женой — а ее смущение... ведь надо было мне жениться — в сорок два года!.. с моим добрым, простосердечным нравом — жениться!..

Дмитрий Петрович. Успокойтесь — прошу вас, все еще поправить можно.

Князь. Нет, никогда не успокоюсь. *(Садится.)*

Дмитрий Петрович. Я вам это сказал по долгу честного человека... и потому, что знаю сына: он легко может наделать глупостей — и невинным образом в свете компрометировать княгиню,— притом она молода — может завлечься невольно... скажут, что, живя в одном доме...

Князь. Вы правы — посудите теперь! ну не несчастнейший ли я человек в мире.

Дмитрий Петрович. Утешьтесь... я очень понимаю ваше положение — но что же делать.

Князь. Что делать? вот видите, я человек решительный — завтра же уеду из Москвы в деревню — нынче же велю все готовить.

Дмитрий Петрович. Это самое лучшее средство — самое верное — тихо, без шуму...

Князь. Да, тихо, без шуму!.. уехать из Москвы, зимой, накануне праздников — вот женщины! о женщины!.. Прощайте, Дмитрий Петрович, прощайте — о, вы увидите, что я человек решительный!

Дмитрий Петрович. Не взыщите, я говорил от сердца, князь,— по-стариковски,— притом я всегда был строгих правил... *(Хочет встать.)*

Князь. Не беспокойтесь — вы истинный мой друг,— прощайте... о, я человек решительный!.. *(Уходит.)*

Дмитрий Петрович. Ну, слава богу, с плеч долой — все уладил — ох дети, дети...

Юрий входит и хохочет во все горло.

Юрий. Вообразите, ха-ха-ха-ха... нет, я век этого не забуду... Князь, ха! ха! ха! я подаю ему руку и говорю: здравствуйте, князь... что нового... а он — ха! ха! ха — скорчил кошачью мину и руку положил в карман: ничего-с — к несчастью, все старое... потом шаг назад и стал в позицию... я скорей бежать, чтоб не фыркнуть ему в глаза... не знаете ли, батюшка, отчего такая немилость?

Дмитрий Петрович. А ты хочешь волочиться за женой и чтоб муж тебе в ноги кланялся! кабы в наше время, так ему бы надо тебя не так еще проучить.

Юрий *(серьезно)*. Я волочусь за его женой? Кто ему это сказал?

Дмитрий Петрович. Ну, ведь признайся: ты в нее влюблен?..

Юрий. Он о прежнем ничего не знает и слишком глуп, чтоб теперь догадаться.

Дмитрий Петрович. Долг всякого честного человека был ему сказать!

Юрий. А позвольте: кто ж этот чересчур честный человек?

Дмитрий Петрович. А если б даже я.

Юрий. Вы, батюшка?

Дмитрий Петрович. Да, я не терплю безнравственности, беспутства... в мои лета трудно смотреть на такие вещи и молчать... хороший отец должен удерживать сына от бесчестных поступков — а если сын его не слушает, то мешать ему всеми средствами...

Юрий. А, так вы ему сказали.

Дмитрий Петрович. Да, не прогневайся — и князь завтра же увозит жену в деревню.

Юрий. О! это нестерпимо!

Дмитрий Петрович. Вздор, вздор! что такое за упрямство, будто нет других женщин.

Юрий. Для меня нет других женщин... я хочу, хочу... да знаете ли, батюшка, что это ужасно... кто вам внушил эту адскую мысль!

Дмитрий Петрович. Кто внушил!.. и ты смеешь это говорить отцу, и какому отцу! который тебя любит больше жизни, тобою только и дышит — вот благодарность! разве я так уж стар, так глуп, что не вижу сам, что дурно, что хорошо!.. нет, никогда не допущу тебя сделать дурное дело,— опомнишься, сам будешь благодарен и попросишь прощенья.

Юрий. Никогда!.. прощенья!.. мне еще вас благодарить — за что? Вы мне дали жизнь — и теперь ее отняли — на что мне жизнь?.. я не могу жить без нее. Нет, я вам никогда не извиню этого поступка.

Дмитрий Петрович. Юрий, Юрий,— подумай, что ты говоришь.

Юрий. Я не уступлю — борьба начинается — я рад, очень рад! посмотрим — все против меня — и я против всех!..

Дмитрий Петрович. Сжалься, Юрий, над стариком — ты меня убиваешь.

Юрий. А вы надо мною сжалились — вы пошутили — милая шутка.

Дмитрий Петрович. О, ради бога перестань!

Юрий. Князь завтра едет, а нынче Вера моя. *(Идет к столу.)*

Дмитрий Петрович. Александр! Александр! он убил меня — мне дурно!

Александр вбегает, подымает и ведет его под руку.

Он злодей — он убил меня!..

Юрий *(один)*. Нынче она будет моя — нынче или никогда... они хотят у меня ее вырвать — разве я даром три года думал об ней день и ночь — три года сожалений, надежд, недоспанных ночей, три года мучительных часов тоски глубокой, неизлечимой — и после этого я ее отдам без спору, и в ту самую минуту, когда я на краю блаженства — да как же это возможно! *(Пишет записку и складывает.)* Кажется, так оно удастся. *(Отворяет дверь и кличет.)* Ванюшка!

Входит молодой лакей в военной ливрее.

Послушай! от твоего искусства теперь зависит жизнь моя...

Ванюшка. Вы знаете, сударь, что я вам всеми силами рад служить.

Юрий. Когда ты сделаешь, что я прикажу, то проси чего хочешь.

Ванюшка. Слушаю-с.

Юрий. Если же нет — ты погиб!

Ванюшка. Слушаю-с.

Юрий. Видишь эту записку — через час, никак не позже она должна быть в руках у княгини Лиговской.

Александр показывается в другой двери.

Ванюшка. Помилуйте, сударь, да это самое пустое дело — я познакомился уж с ее горничною,— а у нас в пустой половине такие закоулки, что можно везде пройти днем так же безопасно, как ночью...

Юрий. Я на тебя надеюсь — только смотри не позже как через час. *(Уходит.)*

Ванюшка. Через пять минут, сударь... *(Про себя.)* Мы с барином, видно, не промахи — четыре дни как здесь, а уж дела много сделали. *(Хочет идти.)*

Александр *(подкрался сзади и схватывает его за руку)*. Постой!

Ванюшка *(испуганный)*. Что это вы, барин!

Александр. У тебя вот в этой руке записка...

Ванюшка. Никак нет-с.

Александр *(хочет взять)*. А вот увидим.

Ванюшка. Я закричу-с, ваш братец услышит!

Александр *(в сторону)*. Попробую другой способ! *(Ему.)* Видишь вот этот кошелек, в нем двадцать червонцев — они твои, если ты дашь мне ее прочесть — так, из любопытства.

Ванюшка. Только никому сами не извольте сказывать.

Александр. Я буду молчалив, как могила. *(Высыпает деньги в руки.)*

Ванюшка. А если изорвете, сударь,— так я скажу своему барину.

Александр *(про себя)*. Я умру, а не уступлю ему эту женщину!.. *(Читает.)*

«Ваш муж все знает... я вас люблю больше всего на свете, вы меня любите, в этом я также уверен... Сегодня вечером в 12 часов я должен с вами говорить, будьте в этот час в большой зале пустой части дома; вы спуститесь по круглой лестнице и пройдете через коридор,— если через 2 часа я не получу желаемого ответа, то иду к вашему мужу, заставляю его драться и, надеюсь, убью. В этом клянусь вам честию... ничто его не спасет в случае вашего отказа. Выбирайте».

А! искусно написано!..

Ванюшка. Пожалуйте, сударь, записку, мне пора.

Александр. А если я ее изорву — говори, что ты хочешь за это — все, что попросишь... тысячу — две?..

Ванюшка. И миллиона не надобно-с.

Александр. Я тебя умоляю!..

В а н ю ш к а. Вот видите, сударь,— мне велено ее отнести, и я отнесу; об том, чтоб ее не показывать, ничего не сказано, и я ее вам показал.

А л е к с а н д р *(подумав)*. Хорошо, отнеси ее.

Слуга уходит.

(Про себя.) Я все-таки найду средство им помешать.

КОНЕЦ 3 АКТА

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Большая заброшенная комната. Развалнвшнйся камнн. С левой стороны вндеи корндор, освещенный в окна луной, в коридоре спускается лестннца. Направо две ступенн н дверь, а в середине стеклянная дверь на балкон — лунное освещенне.

А л е к с а н д р *(входит с правой стороны из двери и запирает их ключом. Он в широком плаще)*. Хоть стар замок — а не скоро его сломаешь... и покуда я здесь царь!.. жалкая власть! жалкое удовольствие, украденное из рук судьбы... и горькое, как хлеб нищего,— зато я, по крайней мере, хотя против ее воли, но еще раз прижму ее к груди своей; мой огненный поцелуй, как печать, останется на устах ее — и она будет мучиться этой мыслию; оно так и следует: вместе были счастливы, вместе и страдать! В темноте под этим плащом она не скоро меня узнает! Может быть, даже вероятно, что мне удастся под чужим именем выманить два-три ласковые слова... О! какой ангел внушил мне эту мысль — бог, видимо, хочет вознаградить меня за тридцатилетние муки, за тридцать лет жизни пустой и напрасной. *(Задумывается.)* Да, мне тридцать лет... а что я сделал? зачем жил?.. говорят, что я эгоист; итак, я жил для себя?.. Нет... я во всем себе отказывал, вечно был молчаливой жертвой чужих прихотей, вечно боролся с своими страстями, не искал никаких наслаждений, был сам себе в тягость — даже зла никому умышленно не сделал... итак, я жил для других? также нет... я никому не делал добра, боясь встретить неблагодарность, презирал глупцов, боялся умных, был далек от всех, не заботился ни о ком — один,

всегда один, отверженный, как Каин — бог знает за чье преступление — и потом один раз встретить что-то похожее на любовь — один только раз — и тут видеть, знать, что я обязан этим искусству, случаю, даже, может быть, лишней чашке шоколаду,— наконец, против воли предавшись чудному, сладкому чувству — потерять все — и остаться опять одному с ядовитым сомнением в груди, с сомнением вечным, которому нет границы. *(Ходит взад и вперед.)* Отчего я никогда не могу забыться? Отчего я читаю в душе своей, как в открытой книге? Отчего самые обыкновенные чувства у меня так мертвы? Отчего теперь в самую решительную минуту моей жизни сердце мое неподвижно, ум свеж, голова холодна... я, право, кажется, мог бы теперь с любым глупцом говорить битый час о погоде,— видно, я так создан, видно, недостает какой-нибудь звучной струны в моем сердце... О! лучше бы уж я родился слеп, глух и нем... обо мне бы, по крайней мере, сожалели.

Вера показывается на лестнице.

Это она... так точно — теперь я должен призвать на помощь всю свою твердость.

Вера. Его еще нет... темно, страшно... Боже! как я могла решиться... но что ж делать, я его знаю — он сдержал бы свое обещанье — у меня сердце бьется, как молоток. Шорох, о кто это... Юрий!..

Александр *(берет ее за руку)*. Это я!..

Вера. Довольны ли вы... что может сделать женщина больше... но это дурно, дурно принудить меня таким средством.

Александр. Я также выбрал между жизнью и смертию.

Вера. Решившись вам повиноваться, я решилась также вас забыть...

Александр *(хочет ее обнять)*. О, это женская хитрость.

Вера. Нет... нет — я вам скажу также, что я люблю вас.

Александр. Меня одного?

Вера. Одного, клянусь небом! Я могла заблуждаться, но теперь чувствую, что сердце мое никогда не изменялось.

Александр вздыхает.

Однако, несмотря на это, мы должны расстаться навсегда... мне трудно так же, как и вам, об этом думать — но теперь мы будем благоразумнее, чем в минуту первой разлуки нашей — я уж не могу быть счастлива, но спокойствие для меня еще возможно — оставьте мне хоть это!..

Александр. У меня и этого не останется.

Вера. Верьте мне, женщина благородная может на минуту забыть свой долг, но всегда приходит время, когда она чувствует, что должна возвратиться к нему,— время это для меня настало — никакое искусство, никакие угрозы не поколеблют моей твердости. Юрий! дайте мне руку, обещайте как другу, как женщине, которой постоянной мыслью были вы; обещайте никогда не покушаться оторвать какую бы то ни было женщину от ее обязанностей — это ужасно, Юрий! это иногда хуже убийства.

Александр. О, молю, один прощальный поцелуй.

Вера. Нет, расстанемся друзьями — зачем такое испытание!

Александр. Я буду покорен во всем — только один поцелуй — ты непременно должна — непременно — один — только один — и потом пусть между нами обрушится вечность. *(Увлекает и целует ее — луч месячный упадает на его лицо, и она узнает... вскрикивает громко.)*

Вера. О! опять он, опять!

Александр. Я уже сказал тебе, опять и всегда — никто не займет моего места.

Вера. Это обман неслыханный... пусти, пусти мне руку... я к тебе чувствую отвращение!..

Александр. Знаю, знаю все — но ты не уйдешь отсюда — и ты подумала, что я не останусь верен своей клятве... Да, я здесь, а твой страстный любовник теперь сидит крепко за двумя замками... видишь эту дверь, за нею еще дверь... они обе заперты... он должен сломать замки... может быть, это ему и удастся... но тогда он увидит тебя в моих объятиях...

Вера. Боже мой! боже мой! я должна была знать, что он на все способен!

Александр. Ха! ха! ха! — разве ты этого прежде не знала! разве год тому назад, когда ты в упоении страсти лежала в моих объятиях, когда твои поцелуи горели на губах моих, разве тогда еще я не предварял тебя?

Разве я не говорил: «Вера, ты любишь человека ужасного, который не имеет ничего святого, кроме тебя, и то пока он любим, человека с душой испорченной, который не боится ничего, потому что ничем не дорожит»,—разве я не говорил: берегись, ты будешь раскаиваться... Но ты не верила, ты улыбалась, ты думала, что я шучу,— мне шутить в такие минуты! — ты думала, что я все это говорил, чтоб показаться интересным, удивить тебя, что я, следуя моде, фанфарон порока и эгоизма, ты даже хотела меня уверить, что я почти ангел доброты... потому что тогда кровь волновалась в твоих жилах, тебе нужны были ласки, чьи-нибудь ласки, чья-нибудь нежность, покуда, на время, до появления другого, достойнейшего... Не дрожи, не поднимай глаз к небу... наказание упало тебе оттуда... ты не мученица добродетели, не жертва страсти и обмана... ты просто слабая, ветреная, непостоянная женщина... ты вздумала по прихоти своей располагать судьбою трех человек, одному назначила покорность, другому вздохи и признания, третьему, самому послушному, ты назначила мучения ревности, пытки презрения, муки любви отверженной, обманутой — и этот последний теперь мстит за себя...

Вера *(упадая на колени)*. Не подходи, не подходи...

Александр *(подымая ее за руку)*. Встаньте, не унижайтесь, княгиня, до такой степени... после вашей надменности, это уж слишком смешно... На коленях, и перед кем? Одумайтесь — что это! страх! чего же вы боитесь? времена кинжалов прошли — разве я вам угрожаю?

Вера *(почти без чувств)*. Я не переживу этого.

Александр. Через два года, Вера, назначаю тебе свидание где-нибудь на бале, на лице твоем будет играть улыбка, в волосах будут блистать жемчуг и бриллианты, а в сердце твоем будет пусто и светло...

Слышен стук отломанного замка.

Вера. Это Юрий — он идет сюда.

Александр. Наконец!

Вера хочет убежать.

Постой!.. мне пришла мысль,— зачем оставлять дело незаконченным — я хочу, чтоб он нашел тебя в моих объятиях, чтоб он насладился приятной картиной — это было бы божественно, как ты думаешь!.. *(Обнимает ее.)*

Вера. Мне все равно — делай что хочешь — у меня нет сил противиться.

Александр. Слышишь — вот его шаги... последний замок сейчас разлетится. Бешенство удвоивает его силы.

Молчание.

Нет, я вижу — это уж слишком много для тебя — обморок? — пустое. Я хочу, чтоб ты с ним говорила,— останься здесь, скажи ему, что ты его не любишь,— не любишь нисколько... я отойду в сторону... слышишь ли, отвергни его ласки так же холодно, как мои,— иначе я стану между вами, и тогда горе вам обоим.

Отходит и прячется — дверь с треском отворилась, и входит Юрий.

Юрий. А! меня заперли — это недаром, это с умыслом сделано. Но кто же? брат? — зачем ему... О, если я опоздал... Вера!.. ничего не слышно... Чу! шорох платья... она здесь — здесь, Вера! *(Подходит и видит.)* О, как я счастлив! *(Берет ее за руку.)* Вера, княгиня — простите меня.

Вера *(слабо)*. Вас... я прощаю...

Юрий. Это был миг сумасшествия... но я хотел вас видеть перед тем, чтоб расстаться снова — и, может быть, навсегда... я хотел... о, я сам не знаю чего... да, только вас видеть, только... я надеялся, я полагал — что вы не можете любить вашего мужа, потому что он не стоит вас... я хотел найти вам в уме своем извинение... я даже... мечтал, что вы меня еще любите.

Вера. Вы совершенно ошиблись.

Юрий. Однако вы здесь,— вы не хотели огорчить меня — вы здесь — ваша рука горит в руке моей — женщина не любя не сделает этой жертвы...

Вера. Вы правы, я пожертвовала собой из любви, но не к вам.

Юрий. Вы хотели спасти мужа.

Вера. Да...

Юрий *(обидясь)*. Если так, то прошу от меня его поздравить.

Вера *(после молчания)*. Забудьте меня.

Юрий. Я не ожидал такого приветствия.

Вера. Чего же вы ожидали?

Юрий. В вас нет и тени той женщины, которая некогда любила меня так нежно, которой обязан я лучшими минутами в жизни... отчего ж бы, кажется, им не

воскреснуть — зачем дарить сокровище тому, кто ему не знает цены,— а я, я, так долго живший одной надеждой обладать им, я брошен в сторону, со мной поступают как с игрушкой, то кидают огненный взор, то ледяное слово...

Вера. Лучше бы вы старались не понять ни того, ни другого.

Юрий. Боже, как вы переменились — бывало, вам стоило подумать, и я уж знал эту мысль, пожелать, и я невольно желал того же; бывало, нам почти не нужно было слов для разговора... Теперь, признаюсь, теперь я вас не понимаю.

Вера. О! слава богу.

Юрий. Слава богу... Ужель вы хитростью хотели избавиться от моей любви, обманом испугать меня — этому не бывать... вы теперь в моей власти... я не упущу этого случая... теперь или никогда — вы моя, вы будете моею... Судьба этого хочет...

Вера. Юрий, Юрий! одна минута восторга и веки раскаяния.

Юрий. Я не буду раскаиваться.

Вера. А я?

Юрий. Вы меня любите.

Вера. Я слабая женщина... я имею обязанности... я знаю, что такое раскаянье.

Юрий. Ты об этом забудешь в моих объятиях.

Вера. Пощадите...

Юрий. Не доводи меня до крайности... я за себя не ручаюсь.

Вера. Шорох... нас подслушивают... здесь кто-то есть...

Юрий. Шорох... кто же смеет... *(Осматривается.)*

Вера *(убегает)*. Прощай, Юрий... прощай.

Юрий *(бежит за нею)*. Нет, я вас не пущу... невозможно... я не хочу так расстаться.

В двери хватает ее за руку и упадает на колени; Александр является.

Вера *(указывая пальцем на Александра)*. Уйдите, уйдите! это он... опять он!.. *(Убегает.)*

Юрий *(оборачивается)*. А! — что такое!..

Александр. Свидетель твоих глупостей!..

Юрий. Этого свидетеля можно достойно наградить за труды.

Александр. Его награждение... здесь. *(Указывает на сердце.)*

Юрий. Брат... с этой минуты — я разрываю узы родства и дружбы — ты сделал зло — невозвратимое зло — и я отомщу!..

Александр *(холодно)*. Каким образом?

Юрий. Ты мне заплотишь.

Александр *(улыбаясь)*. С удовольствием — только чем!

Юрий *(в бешенстве)*. Ценою крови...

Александр. В наших жилах течет одна кровь.

Юрий. Подслушивать — так коварно отравлять чужое счастие... знаешь ли, что это дело подлецов...

Александр. А обольщать жену другого...

Юрий. Она меня любит.

Александр. Неправда... разве это видно из ее поступков...

Юрий. Я знаю, что она меня любит... любила меня одного.

Александр. А я знаю кое-что другое.

Юрий. Что ты знаешь? Говори, сейчас говори!..

Александр. Я знаю, что в твоем отсутствии она имела любовника.

Юрий. Клевета, низкая клевета!

Александр. Я тебе покажу письма...

Юрий. Кто же он?.. назови его мне...

Александр *(подумав)*. Изволь, я тебе его назову.

Юрий. Сейчас — сию минуту.

Александр. Завтра... когда она уедет. *(Уходит.)*

Юрий *(задумчиво)*. Что, если он говорит правду!..

КОНЕЦ 4 АКТА

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната князя. Он сидит. Перед ним управитель с бумагами.

Управитель. Ваше сиятельство, честь имею рабски донести, что все в подмосковной готово для принятия вашего сиятельства — и дом отоплен — и обоз должен сегодня туда приехать.

Князь. Хорошо... ты останешься здесь и сдашь квартиру... нынче, часа через два мы едем — вели укладывать карету...

Управитель. Слушаю-с — да что ваше сиятельство изволили так на Москву прогневаться...

Князь. Не твое дело рассуждать — дурачина.

Управитель. Слушаю-с, ваше сиятельство.

Вера входит.

Княгиня изволила пожаловать.

Князь. Пошел вон.

Управитель уходит.

(Жене.) Я очень рад, сударыня, что вы пришли — сделали мне эту честь, очень рад, в восторге... я должен с вами поговорить — сделайте милость, садитесь.

Вера. Что вам угодно?

Князь. Если б вы всегда мне делали этот вопрос, то было б лучше.

Вера. Вы этого не требовали...

Князь. Тогда было другое, тогда я был ваш покорный слуга, ваш прислужник, ваша постельная собачка,— только вы не умели ценить этого, сударыня... чего я не делал?.. надобны бриллианты — и бриллианты являются; бал? — и бал готов; коляски, кареты, шали, шляпы — я для вас разорялся, сударыня.

Вера. Я всегда была благодарна.

Князь. И из благодарности сами хотели мне подарить головной убор, в новом вкусе.

Вера хочет встать.

Сидите — останьтесь... я ваш муж и теперь попробую приказать — одним словом, мы нынче едем в подмосковную — а как только будет можно, то оттуда в симбирскую деревню...

Вера. Я пришла вас просить не откладывать отъезда.

Князь. Сами просите!.. вот новость!.. знаете ли, что это очень хитро — тут что-нибудь кроется... и я, право, из любопытства в состоянии остаться.

Вера. Нет, вы этого не сделаете — это невозможно... Мы должны ехать — сегодня же, сейчас... я вас умоляю.

Князь (*про себя*). Хоть убей — не понимаю! (*Ей.*) Я хочу знать, сударыня, отчего вы желаете ехать так скоро...

Вера. Я не могу вам этого объяснить...

Князь. Не можете — и не надо, я сам догадываюсь... вы желаете доказать мне, что вы добродетельная супруга, которая избегает своего любовника, а мне, сударыня, известно, что вы любите сами Юрия Дмитрича — мне известно...

Вера. Нет, нет — я его не люблю... но боюсь...

Князь. Полюбить его?

Вера. Женское сердце так слабо...

Князь. И так обманчиво. Вы моя жена, сударыня, и не должны любить никого, кроме меня...

Вера. Я всегда старалась не подать вам повода думать...

Князь. Теперь я буду стараться... запру вас в степной деревне, и там извольте себе вздыхать, глядя на пруд, сад, поле и прочие сельские красоты, а подобных франтиков за версту от дому буду встречать плетьми и собаками... ваша любовь мне не нужна, сударыня,— я, слава богу, не так глуп, но ваша честь—моя честь! О, я отныне буду ее стеречь неусыпно.

Вера. Я решилась искупить вину свою — беспредельной покорностью.

Князь. Образумиться надо было немного раньше.

Вера. Конечно, это было не в моей власти.

Князь. Что же! — судьба, во всем виновата судьба! Вот модные романы — вот свободные женщины — философия — черт ее возьми, сударыня. Вы слишком учены для меня, от этого все зло!.. Отныне не дам вам ни одной книги в руки — извольте заниматься хозяйством.

Вера. Я сказала, что буду покорна во всем, только прошу одного ради бога — никогда не напоминайте мне о прошедшем... я буду вашею рабою, каждая минута моей жизни будет принадлежать вам... только не упрекайте меня...

Князь. Вот мило, вот хорошо!.. нет, сударыня, отныне делаю все вам напротив, вы хотите обедать — я велю подавать завтрак, хотите ехать — я сижу дома, хотите сидеть дома — везу вас на бал... я вам отплачу, вы узнаете, что значит кокетничать, может быть, верно, больше... с петербургскими франтиками, имея такого мужа, как я! (*Уходит.*)

Вера. И вот мне раскрылась целая жизнь страданий — но я решилась терпеть и буду терпеть до конца!

Входит слуга.

Слуга. Князь приказал вам доложить, ваше сиятельство, что извольте, дескать, одеваться — возок закладывают.

Вера. Скажи, что я иду. *(Уходит.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комнаты у Дмитрия Петровича. Дмитрия Петровича иесут иа креслах. Александр входит.

Дмитрий Петрович. Так, так,— остановитесь здесь — я хочу, чтоб светлый луч солнца озарил мои последние минуты—в той комнате темно, страшно, как во гробе,— здесь тепло — здесь, может быть, снова жизнь проснется во мне... Дети... Юрий — где вы... ушли — никого.

Александр. Я возле вас, батюшка!

Дмитрий Петрович. Друг мой, я умираю — я заметил, как доктор нынче покачал головой и уехал, не сказав ни слова. Ты говорил с доктором?

Александр. Нет, батюшка.

Дмитрий Петрович. Ты боялся спросить... ты был всегда добрый сын — не правда ли, ты любил меня... Где Юрий?..

Александр. Его здесь нет.

Уходят за Юрием по зиаку Александра.

Дмитрий Петрович. Ради неба — позовите его — моего милого Юрия... я умираю... хочу его благословить... он, верно, не знает, что я так дурен, верно, ты не сказал ему.

Александр. Я боялся его огорчить.

Дмитрий Петрович. Так, стало быть, я в самом деле так близок к смерти.

Александр *(отвернясь)*. Не знаю, батюшка...

Дмитрий Петрович. О! ты камень — когда ты будешь умирать, то узнаешь, как тяжело не встречать утешения.

Александр. О, конечно, я тогда это узнаю!

Дмитрий Петрович. Тебе не жаль меня — ты даже не просишь моего благословения.

Юрий входит в волнении.

Александр. Батюшка — вот пришел брат...

Юрий *(подходит. Про себя.)*. Боже мой! как он переменился со вчерашнего дня...

Александр *(Юрию)*. Он умирает... и ты убил его...

Юрий *(закрыв лицо)*. О! говорить это... и в такую минуту!..

Дмитрий Петрович. Юрий!

Юрий. Я у ваших ног. *(Стоя на коленях подле него.)*

Дмитрий Петрович. Я тебе прощаю — и благословляю отцовским благословением.

Александр *(отходя к окну)*. А мне простить нечего, надо мной нельзя показать великодушия... и потому нет благословения! *(Стоит у окна.)*

Юрий *(встает)*. Батюшка, я перед вами злодей — я недостоин.

Дмитрий Петрович. Полно, полно — пылкость, ребячество — я это понимаю, но мне было больно...

Федосей *(за столом — Юрию)*. Уговорите его, барин, лечь в постель, ему так сидеть трудно — посмотрите, лишается чувств, ослабевает.

Юрий. Погоди — надо дать успокоиться.

Дмитрий Петрович *(слабо)*. Я ничего не вижу — здесь ли ты, Юрий,— свет бежит от глаз моих... пошлите за священником.

Юрий. Он без чувств, руки холодны.

Федосей *(Юрию)*. Вот уж дней с пять, сударь, как с ними это часто бывает.

Юрий. Боже, сколько мучений!.. здесь умирающий отец... там...

Александр *(хватает брата за руку и тащит к окошку)*. Посмотри... посмотри — вот она выходит на крыльцо. Даже сюда не смотрит — бледна!.. но что за диво — ночь, проведенная без сна! — садится — улыбается мужу, а тот и не замечает... посмотри... еще раз выглянула в окно и опустилась в карету!.. Вера! Вера! — чего ищут глаза твои.

Слышен стук кареты.

Юрий. Все кончено.

Александр. Вздыхай — терзайся — воображай ее слезы и мысли, что вы никогда не увидитесь, воображай, какая ужасная борьба происходила в душе ее, когда она решилась противиться твоей страсти!.. О великий, святой пример добродетели... чистая душа... Ха! ха! ха!.. это был страх, страх — она знала, что я тут, за дверью.

Юрий. Замолчи, замолчи — видишь, здесь умирающий отец.

Александр. Что мне теперь отец, целый мир — я потерял все, последнее средство погибло, последнее чувство умерло — на что мне жизнь... хочешь взять ее? Возьми и хорошо сделаешь — вознаградишь себя за то, чего ты лишился. О, я тебе наскажу таких вещей, от которых и у тебя засохнет сердце, и у тебя в душе родится сомнение и ненависть... Глупец, глупец! ты думал, что когда раз понравился семнадцатилетней девушке, то она твоя навеки, что она не может любить другого, видевши раз такое совершенство, как ты... а я тебе скажу теперь, подтвержу клятвою, что знаю человека, для которого она забыла мужа, долг, закон, честь, даже самолюбие, человека, для которого она была готова отдать жизнь, служить ему рабой, человека, который тысячу раз должен бы был задушить ее в своих объятиях — если б отгадал будущее...

Юрий. Наконец, ты должен мне сказать, кто он? Я вырву у тебя из горла это проклятое имя.

Дмитрий Петрович *(слабо)*. Федосей — что они делают — позови их, я хочу проститься.

Федосей. Отвернитесь, батюшка, не смотрите.

Юрий. А, ты молчишь!—так я тебя принужу! *(Хватает на столе саблю.)*

Дмитрий Петрович. Дети, дети... убийство — остановите их — брат на брата! Господи, возьми меня скорей... *(Упадает.)*

Федосей. Помогите — холоден... *(Упадает на колена и целует руку старика.)*

Александр *(вырывает саблю и бросает на пол)*. Дитя, и ты думаешь, что силой, страхом из меня можно что-нибудь выпытать, ты грозишь смертью, кому? брату... что, если б я позволил тебе убить себя... но я не так жесток — я сам скажу все... твой соперник, счастливый соперник — я!..

Юрий. Ты?

Александр. Теперь продолжай верить женщинам, верь любви, верь добродетели — твой ангел лежал здесь, на этой груди, следы твоих поцелуев выжжены моими, я выжал из сердца Веры все, что в нем было похожего на добродетель, и на твою долю не осталось ничего.

Юрий, закрыв лицо руками.

Дмитрий Петрович (*умирая*). Дети... Юрий... Юрий...

Юрий. Мое имя... отец... он умирает. (*Бросается к нему.*)

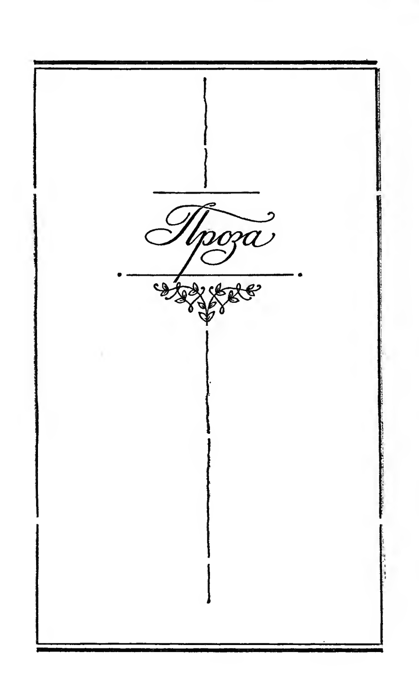
Федосей. Скончался!..

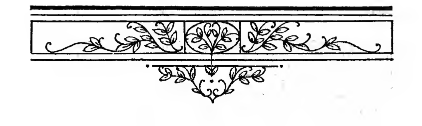
Юрий. Не может быть... (*Хватает руку.*) О!

Юрий упадает без чувств на пол. Александр стоит над ним и качает головою.

Александр. Слабая душа... и этого не мог перенести...

КОНЕЦ


Проза



<ВАДИМ>

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

День угасал; лиловые облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи, которые отражались на черепицах башен и ярких главах монастыря. Звонили к вечерне; монахи и служки ходили взад и вперед по каменным плитам, ведущим от кельи архимандрита в храм; длинные, черные мантии с шорохом обметали пыль вслед за ними: и они толкали богомольцев с таким важным видом, как будто бы это была их главная должность. Под дымной пеленою ладана трепещущий огонь свечей казался тусклым и красным; богомольцы теснились вокруг сырых столбов, и глухой, торжественный шорох толпы, повторяемый сводами, показывал, что служба еще не началась.

У ворот монастырских была другая картина. Несколько нищих и увечных ожидали милости богомольцев; они спорили, бранились, делили медные деньги, которые звенели в больших посконных мешках; это были люди, отвергнутые природой и обществом (только в этом случае общество согласно бывает с природой); это были люди, погибшие от недостатка или излишества надежд, олицетворенные упреки провиденью; созданья, лишенные права требовать сожаления, потому что они не имели ни одной добродетели, и не имеющие ни одной добродетели, потому что никогда не встречали сожаленья.

Их одежды были изображения их душ: черные, изорванные. Лучи заката останавливались на головах, плечах и согнутых костистых коленах; углубления в лицах

казались чернее обыкновенного; у каждого на челе было написано вечными буквами *нищета!* — хотя бы малейший знак, малейший остаток гордости отделился в глазах или в улыбке!

В толпе нищих был один — он не вмешивался в разговор их и неподвижно смотрел на расписанные святые врата; он был горбат и кривоног; но члены его казались крепкими и привыкшими к трудам этого позорного состояния; лицо его было длинно, смугло; прямой нос, курчавые волосы; широкий лоб его был желт как лоб ученого, мрачен как облако, покрывающее солнце в день бури; синяя жила пересекала его неправильные морщины; губы, тонкие, бледные, были растягиваемы и сжимаемы каким-то судорожным движением, и в глазах блистала целая будущность; его товарищи не знали, кто он таков; но сила души обнаруживается везде: они боялись его голоса и взгляда; они уважали в нем какой-то величайший порок, а не безграничное несчастие, демона — но не человека: он был безобразен, отвратителен, но не это пугало их; в его глазах было столько огня и ума, столько неземного, что они, не смея верить их выражению, уважали в незнакомце чудесного обманщика. Ему казалось не больше двадцати восьми лет; на лице его постоянно отражалась насмешка, горькая, бесконечная; волшебный круг, заключавший вселенную; его душа еще не жила по-настоящему, но собирала все свои силы, чтобы переполнить жизнь и прежде времени вырваться в вечность; нищий стоял сложа руки и рассматривал дьявола, изображенного поблекшими красками на святых вратах, и внутренно сожалел об нем; он думал: «Если б я был черт, то не мучил бы людей, а презирал бы их; сто́ят ли они, чтоб их соблазнял изгнанник рая, соперник бога!.. другое дело человек; чтоб кончить презрением, он должен начать с ненависти!»

И глаза его блистали под беспокойными бровями, и худые щеки покрывались красными пятнами, все было согласно в чертах нищего: одна страсть владела его сердцем или лучше — он владел одною страстью, но зато совершенно!

— Христа ради, барин,— погорелым, калекам, слепому... Христа ради копеечку! — раздался крик его товарищей; он вздрогнул, обернулся — и в этот миг решилась его участь. Что же увидал он? — русского дворянина, Бориса Петровича Палицына. Не больше.

ГЛАВА II

Представьте себе мужчину лет пятидесяти, высокого, еще здорового, но с седыми волосами и потухшим взором, одетого в синее полукафтанье с анненским крестом в петлице; ноги его, запрятанные в огромные сапоги, производили неприятный звук, ступая на пыльные камни; он шел, с важностью размахивая руками, и наморщивал высокий лоб всякий раз, как докучливые нищие обступали его; двое слуг следовали за ним с подобострастием. Палицын положил серебряный рубль в кружку монастырскую и, оттолкнув нищих, воскликнул:

— Прочь, вы! — лентяи. Экие молодцы — а просят Христа ради; что вы не работаете? — дай бог, чтоб пришло время, когда этих бродяг без стыда будут морить с голоду. Вот вам рубль на всю братию. Только чур не перекусайтесь за него.

Между тем горбатый нищий молча приблизился и устремил яркие черные глаза на великодушного господина; этот взор был остановившаяся молния, и человек, подверженный его таинственному влиянию, должен был содрогнуться и не мог отвечать ему тем же, как будто свинцовая печать тяготела на его веках; если магнетизм существует, то взгляд нищего был сильнейший магнетизм.

Когда старый господин удалился от толпы, он поспешил догнать его.

Палицын обернулся.

— Что тебе надобно?

— Очень мало! — я хочу работы...

С язвительной усмешкой посмотрел старик на нищего, на его горб и безобразные ноги... но бедняк нимало не смутился и остался хладнокровен, как Сократ, когда жена вылила кувшин воды на его голову,— но это не было хладнокровие мудреца — нищий был скорее похож на дуэлиста, который уверен в меткости руки своей.

— Если ты, барин, думаешь, что я не могу перенесть труда, то я тебя успокою на этот счет.— Он поднял большой камень и начал им играть как мячиком; Палицын изумился.

— Хочешь ли быть моим слугою?

Нищий в одну минуту принял вид смирения и с жаром поцеловал руку своего нового покровителя... из вольного он согласился быть рабом — ужели даром? —

и какая странная мысль принять имя раба за два месяца до Пугачева.

— Клянусь головою отца моего, что исполню свою обязанность! — воскликнул нищий, и адская радость вспыхнула на бледном лице.

— Твое имя?

— Вадим!

— Прелестное имя для такого урода!

Слуги подхватили шутку барина и захохотали; нищий взглянул на них с презрением, и неуместная веселость утихла; подлые души завидуют всему, даже обидам, которые показывают некоторое внимание со стороны их начальника.

— Следуй за мной!..— сказал Палицын, и все оставили монастырь. Часто Вадим оборачивался! на полусветлом небосклоне рисовались зубчатые стены, башни и церковь, плоскими черными городами, без всяких оттенок; но в этом зрелище было что <-то> величественное, заставляющее душу погружаться в себя, и думать о вечности, и думать о величии земном и небесном, и тогда рождаются мысли мрачные и чудесные, как одинокий монастырь, неподвижный памятник слабости некоторых людей, которые не понимали, что где скрывается добродетель, там может скрываться и преступление.

ГЛАВА III

Поздно, поздно вечером приехал Борис Петрович домой; собаки встретили его громким лаем, и только по светящимся окнам можно было узнать строение; ветер, шумя, качал ветелки, насаженные вокруг господского двора, и когда топот конский раздался, то слуги вышли с фонарями навстречу, улыбаясь и внутренно проклиная барина, для которого они покинули свои теплые постели, а может быть, что-нибудь получше. Палицын взошел в дом; в зале было темно; оконницы дрожали от ветра и сильного дождя; в гостиной стояла свеча; эта комната была совершенно отделана во вкусе 18-го века: разноцветные обои, три круглые стола; перед каждым небольшое канапе; глухая стена, находящаяся между двумя высокими печьми, на которых стояли безобразные статуйки, была вся измалевана; на ней изображался завядшими красками торжественный въезд Петра I в Моск-

ву после Полтавы: эту картину можио бы иазвать рисованной программой.

Перед ореховым гладким столом сидела толстая женщииа, зевая по стороиам, добрая жеищииа!.. жиреть, зевать, браиить служанок, приказчика, старосту, мужа, когда он в духе... какая завидиая жизиь! и все это продолжается сорок лет, и продолжится еще столько же... и будут оплакивать ее коичину... и будут помнить ее, и хвалить ее аигельский ирав, и жалеть... чудо что за жизиь! особливо как сравиишь с иею иаши бури, поглощающие целые годы, и что еще ужасиее — обрывающие чувства человека, как листы с дерева, одно за другим.

На скамейке, у иог <Натальи> Сергевиы (так я иазову жену Палицына), сидела молодая девушка, ее воспитаииица. Это был аигел, изгианиый из рая за то, что слишком сожалел о человечестве. Сальиая свеча, горящая на столе, озаряла ее иевииный открытый лоб и одиу щеку, иа которой, пристально вглядываясь, можио было бы различить мелкий золотой пушок; остальная часть лица ее была покрыта густой теиью; и только когда она поднимала большие глаза свои, то иногда две искры света отделялись в темноте; это лицо было одно из тех, какие мы видим во сие редко, а наяву почти никогда. Ее грудь тихо колебалась, порой оиа нагибала голову, всматриваясь в свою работу, и длиниые космы волос вырывались из-за ушей и падали иа глаза; тогда выходила иа свет белая рука с продолговатыми пальцами; одна такая рука могла бы быть целою картииой!

Борис Петрович взошел; обе встали.

— Я привез иового холопа,— сказал ои.— Клад! иищий, который захотел работать! — он не должеи быть слишком боек — это видио по лицу,— но зато будет послушеи!.. вот ты увидишь сама,— эй! Вадимка! живо.

Взошел безобразный иищий. Госпожа осмотрела его без вниманиия, как кpaдеиый товар...

— Какой урод! — воскликиула оиа. Но Вадим не слыхал — его душа была в глазах.

Долго супруг разговаривал с супругой о жатве, льне и хозяйствеиных делах; и вовсе забыли о нищем; ои целый битый час простоял в дверях; куда смотрел ои? что думал? — он открыл иовую струиу в душе своей и новую цель своему существованию. Целый час ои простоял; никто ие заметил; <Наталья> Сергевиа ушла

в свою комнату, и тогда Палицын подошел к ее воспитаннице.

— Как тебе нравится мой новый холоп?

— Урод! — отвечала Ольга, и вдруг ей послышалось что-то похожее на скрежет зубов.— Охота привозить таких пугал,— продолжала она,— нам, бедным пленным птичкам, и без них худо!..

— Оттого худо, что ты не хочешь согласиться,— возразил Борис Петрович и намеревался ее обнять.

Ольга покраснела и оттолкнула его руку; это движение было слишком благородно для женщины обыкновенной.

— Плутовка! если бы ты знала, как ты прекрасна: разве у стариков нет сердца, разве нет в нем уголка, где кровь кипит и клокочет? а было бы тебе хорошо! если бы — выслушай... у меня есть золотые серьги с крупным жемчугом, персидские платки, у меня есть деньги, деньги, деньги...

— У вас нет стыда! — отвечала Ольга; Палицын посмотрел на нее — и вспыхнул; но, услыхав шорох в другой комнате, погрозившись, ушел.

— Боже!..— это восклицание невольно вырвалось из ее груди; это была молитва и упрек.

Безобразный нищий все еще стоял в дверях, сложа руки, нем и недвижим — на его ресницах блеснула слеза: может быть, первая слеза — и слеза отчаяния!.. Такие слезы истощают душу, отнимают несколько лет жизни, могут потопить в одну минуту миллион сладких надежд! они для одного человека — что был Наполеон для вселенной: в десять лет он подвинул нас целым веком вперед.

— Знаешь ли ты своих родителей, Ольга? — сказал Вадим.

— Странный вопрос! — отвечала она.

— Знаешь ли ты их? — повторил он таким голосом, который заставил ее содрогнуться; она посмотрела ему пристально в глаза, как будто припоминая нечто давно, давно прошедшее.

— Я сирота; мой отец меня оставил, когда я была ребенком, и отправился бог знает куда — верно, очень далеко, потому что он не возвращался.— Чело Вадима омрачилось, и горькая язвительная улыбка придала чертам его, слабо озаренным догорающей свечой, что-то демонское.

— Хочешь ли знать куда?

— Хочу!..— и влажные глаза ее ярко заблистали.

— Подумай, я для тебя человек чужой — может быть, я шучу, насмехаюсь!.. подумай: есть тайны, на дне которых яд, тайны, которые неразрывно связывают две участи; есть люди, заражающие своим дыханием счастье других; все, что их любит и ненавидит, обречено погибели... берегись того и другого — узнав мою тайну, ты отдашь судьбу свою в руки опасного человека: он не сумеет лелеять цветок этот, он изомнет его...

— Хочу знать непременно...— воскликнула неопытная девушка.

Она посмотрела вокруг — нищего уже не было в комнате.

ГЛАВА IV

Прошло двое суток — Вадим еще не объявлял своей тайны... Ужели он только хотел подстрекнуть женское любопытство? если так, то он вполне достиг своей цели. Под разными предлогами, пренебрегая гнев госпожи своей, Ольга отлучалась от скучной работы и старалась встретить где-нибудь в отдаленной пустой комнате Вадима; и странно! она почти всегда находила его там, где думала найти,— и тогда просьбы, ласки, все хитрости были употребляемы, чтобы выманить желанную тайну,— однако он был непреклонен: умел отвести разговор на другой предмет, занимал ее разными рассказами — но тайны не было; она дивилась его уму, его бурному нраву, начинала проникать в его сумрачную душу и заметила, что этот человек рожден не для рабства,— и это заставило ее иметь к нему доверенность; немудрено: власть разлучает гордые души, а неволя соединяет их.

Однажды она взяла его за руку.

— Не правда ли, я очень безобразен! — воскликнул Вадим. Она пустила его руку.— Да,—продолжал он.— Я это знаю сам. Небо не хотело, чтоб меня кто-нибудь любил на свете, потому что оно создало меня для ненависти; завтра ты все узнаешь: на что мне беречь тебя? О, если б... не укоряй за долгое молчанье. Быть может, настанет время и ты подумаешь: зачем этот человек не родился немым, слепым и глухим, если он мог родиться кривобоким и горбатым?..

Поведение Вадима с прочими слугами было непонятно, потому что его цели никто не знал; я объясню его сколько можно следующим разговором; на крыльце дома сидело двое слуг, один старый, другой лет двадцати; вот слова их:

— Заметь, Федька, что кто из грязи вышел, тот лезет в золото! — как этот Вадимка загордился — эдакой урод — мне никогда никакого уважения не делает — когда сам приказчик меня всегда отличает,— да и к барину как умеет он подольститься: словно щенок! Экой век стал нехристиянской.

— Не скажу, дядя Ипат!.. он всегда со мной ласков — парень лихой; с ним держи ухо востро; тотчас на удочку подцепит — вот, например, вчера...

— Что вчера?

— Я тебе расскажу эту штуку, дядя... слушай... вчера барин разгневался на Олешку Шушерина и приказал ему влепить двадцать пять палок; повели Олешку на конюшню — сам приказчик и стал его бить; двадцать пять раз ударил, да и говорит: «Это за барина — а вот за меня»,— и занес руку; Вадим все это время стоял поодаль, в углу: брови его сходились и расходились. В один миг он подскочил к приказчику и сшиб его на землю одним ударом. На губах его клубилась пена от бешенства, он хотел что-то вымолвить — и не мог.

— Жаль! — возразил старик,— не доживет этот человек до седых волос.— Он жалел от души, как мог, как обыкновенно жалеют старики о юношах, умирающих преждевременно, во цвете жизни, которых смерть забирает вместо их, как буря чаще ломает тонкие высокие дерева и щадит пни столетние.

Зачем Вадим старался приобрести любовь и доверенность молодых слуг? — на это отвечаю: происшествия, мною описываемые, случились за два месяца до бунта пугачевского.

Умы предчувствовали переворот и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь <его> могла смыть эти постыдные летописи. Люди, когда страдают, обыкновенно покорны; но если раз им удалось сбросить ношу свою, то ягненок превращается в тигра; притесненный делается притеснителем и платит сторицею — и тогда горе побежденным!..

Русский народ, этот сторукий исполин, скорее перенесет жестокость и надменность своего повелителя, чем слабость его; он желает быть наказываем — но справедливо, он согласен служить — но хочет гордиться своим рабством, хочет поднимать голову, чтоб смотреть на своего господина, и простит в нем скорее излишество пороков, чем недостаток добродетелей! В 18 столетии дворянство, потеряв уже прежнюю неограниченную власть свою и способы ее поддерживать,— не умело переменить поведения: вот одна из тайных причин, породивших пугачевский год!

ГЛАВА V

Но обратимся к нашему рассказу.

Дом Бориса Петровича стоял на берегу Суры, на высокой горе, кончающейся к реке обрывом глинистого цвета; кругом двора и вдоль по берегу построены избы дымные, черные, наклоненные, вытягивающиеся в две линии по краям дороги, как нищие, кланяющиеся прохожим; по ту сторону реки видны в отдалении березовые рощи и еще далее лесистые холмы с чернеющимися елями, налево низкий берег, усыпанный кустарником, тянется гладкою покатостью — и далеко, далеко синеют холмы, как волны. Вечернее солнце порою играло на тесовой крыше и в стеклах золотыми переливами, раскрашенные резные ставни, колеблемые ветром, стучали и скрып <ели>, качаясь на ржавых петлях. Вокруг старинного дома обходит деревянная резной работы голдарейка, служащая вместо балкона; здесь, сидя за работой, Ольга часто забывала свое шитье и наблюдала синие странствующие воды и барки с белыми парусами и разноцветными флюгерями. Там люди вольны, счастливы! каждый день видят новый берег — и новые надежды! Песни крестьян, идущих с сенокоса, отдаленный колокольчик часто развлекали ее внимание — кто едет, купец? барин? почта? — но на что ей!.. не все ли равно... и все-таки не худо бы узнать.

Какая занимательная, полная жизнь, не правда ли?

Теперь она попала из одной крайности в другую: теперь, завернувшись в черную бархатную шубейку, обшитую заячьим мехом, она, трепеща, отворяет дверь на голдарейку. Чего тебе бояться, неопытная девушка: Борис Петрович уехал в город, его жена в монастырь, слу-

шать поучения монахов и новости из уст богомолок, не менее ею уважаемых.

Кто идет ей навстречу? Это Вадим. Она вздрогнула; она побледнела, потому что настала роковая минута.

— Что с тобою,— сказал он.

— Ничего...

— А! понимаю! — он закусил губы,— ты меня испугалась...

— Зачем мне бояться тебя,— отвечала гордо Ольга.

— Тем лучше! — продолжал он,—...это уже много значит — так я тебе не страшен! не отвратителен... о мой создатель! вот великое блаженство! право, мне кажется это первое...— он остановился...

— Послушай, что, если душа моя хуже моей наружности? но разве я виноват... я ничего не просил у людей, кроме хлеба,— они прибавили к нему презрение и насмешки... я имел небо, землю и себя, я был богат всеми чувствами... видел солнце и был доволен... но постепенно все исчезло: одна мысль, одно открытие, одна капля яда — берегись этой мысли, Ольга...

— Для чего мы здесь,— спросила она с нетерпением.

— Я здесь для того, чтобы тебя видеть.

— А я совсем не для того...

— Опять, опять! — воскликнул Вадим.— Послушай, если хочешь чего-нибудь добиться от меня, то не намекай о моем безобразии: я завистлив, я зол, я все, что ты хочешь... но пощади меня.— Он закрыл лицо обеими руками. Ей стало жалко: этот человек, одаренный величайшим самолюбием, просил у нее, слабой девушки, у нее, еще более, чем он, беззащитной, сожаления — или нет... меньше... он просил, чтоб она его не оскорбляла.

Такие речи иногда трогают женское сердце.

Она прервала неприятное молчание:

— Ты говорил, Вадим, что знаешь, где мой отец?..

Он задумался:

— Обещай никогда не укорять меня за то, что я тебе открыл свою тайну.

— Никогда.

— Слушай же: твой отец был дворянин — богат — счастлив — и, подобно многим, кончил жизнь на соломе... ты вздрогнула... но это еще ничего!..

— О, если это ничего — то не продолжай.

— Нет, слушай: у него был добрый сосед, его друг

и приятель, занимавший первое место за столом его, товарищ на охоте, ласкавший детей его,— сосед искренний, простосердечный, который всегда стоял с ним рядом в церкви, снабжал его деньгами в случае нужды, ручался за него своею головою — что ж... разве этого не довольно для погибели человека? — погоди... не бледней... дай руку: огонь, текущий в моих жилах, перельется в тебя... слушай далее: однажды на охоте собака отца твоего обскакала собаку его друга; он посмеялся над ним: с этой минуты началась непримиримая вражда — пять лет спустя твой отец уж не смеялся. Горе тому, кто наказал смех этот слезами! Друг твоего отца открыл старинную тяжбу о землях, и выиграл ее, и отнял у него все имение; я видел отца твоего перед кончиной; его седая голова, неподвижная, сухая, подобная белому камню, остановила на мне пронзительный взор, где горела последняя искра жизни и ненависти... и мне она осталась в наследство; а его проклятие живо, живо и каждый год пускает новые отрасли, и каждый год все более окружает своею тенью семейство злодея... я не знаю, каким образом все это сделалось... но кто, ты думаешь, кто этот нежный друг? — как, небо!.. в продолжение семнадцати лет ни один язык не шепнул ей: этот хлеб куплен ценою крови — твоей — его крови! — и без меня, существа бедного, у которого вместо души есть одно только ненасытимое чувство мщения, без уродливого нищего, это невинное сердце билось бы для него одною благодарностью.

— Вадим, что сказал ты?

— Благодарность! — продолжал он с горьким смехом.— Благодарность! Слово, изобретенное для того, чтоб обманывать честных людей!.. слово, превращенное в чувство! — о премудрость небесная!.. как легко тебе из ничего сделать святейшее чувство!.. нет, лучше издохнуть с голода и жажды в какой-нибудь пустыне, чем быть орудием безумца и лизать руку, кидающую мне остатки пира... о, благодарность!

И он ходил взад и вперед скорыми шагами, сжав крестом руки,— и, казалось, забыл, что не сказал имени коварного злодея... и, казалось, не замечал в лице несчастной девушки страх неизвестности и ожидания... он был весь погребен сам в себе, в могиле, откуда также никто не выходит... в живой могиле, где также есть червь, грызущий вечно и вечно ненасытный.

Безобразные черты Ваднма чудесно ожнвнлнсь, гений блнстал на челе его,— и глаза если б остановнлнсь в эту мннуту на человеке, то произвелн бы действне глаз василнска: но они былн обращены вверх!..

— Я отгадала! — воскликнула молодая девушка, подойдя с твердостию к Ваднму...— я поняла тебя!.. это Борис Петрович...

Она в самом деле отгадала: великне душн имеют особенное преимущество поннмать друг друга; они читают в сердце подобных себе, как в книге, им давно знакомой; у ннх есть прнметы, им одним известные и темные для толпы; одно слово в устах нх нногда целая повесть, целая страсть со всеми ее оттенкамн.

Палнцын был тот самый ложный друг, погубнвший отца юной Ольгн и взявшнй к себе дочь, ребенка трех лет, чтобы принудить к молчанню некоторых дворян, осуждавших его поступок; он воспитал ее как рабу и хвалился своею благотворнтельностию; десять лет тому назад он играл ее кудрями, забавлялся ее ребячествамн н теперь в мыслях готовнл ее для постыдных удовольствнй. Это было также мщенне в своем роде... кто бы подумал!.. столько страданнй за то, что одна собака обогнала другую... как ничтожны людн! как верить общему мнению! Палицын слыл честнейшим человеком во всем околотке — н точно! он погубнл только одно семейство.

Я сказал, что великне душн понимают друг друга, потому-то Вадим смотрел на нее без удивления, но с тайным восторгом.

Она схватила его за руку н повлекла в комнату, где хрустальная лампада горела перед образамн, и луч ее сливался с лучом заходящего солнца на золотых окладах, усыпанных жемчугом н каменьями; перед нконой богоматерн упала Ольга на колени, спина и плечн ее отделяемы были бледнеющнм светом зарн от темных стен, а красноватый блеск дрожащей лампады озарял ее лнцо, вдохновенное, прекрасное, слншком прекрасное для чувств, которые бунтовалн в груди ее; Ваднм не сводил глаз с этого неземного существа, как будто был счастлнв.

Ольга сорвала с шеи богатое ожерелье и бросила его на землю.

— Так уничтожаю последннй остаток прнзнательности... Боже! боже! я невнновна... ты, ты сам дал мне

вольную душу, а он хотел сделать меня рабой, своей рабой!.. невозможно! невозможно женщине любить за такое благодеяние... терпеть, страдать я согласна, но не требуй более; боже! если б ты теперь мне приказал почитать его своим благодетелем — я и тебя перестала бы любить!.. моя жизнь, моя судьба принадлежит тебе, создатель, и кому ты хочешь — но сердце в моей власти!..

Слезы покатились из глаз ее, она склонила голову, рука ее дрожала в руке Вадима...

— Я твой брат! — воскликнул он вне себя.

Она обернулась, встала... как будто не поняла... как будто ужаснулась... Руки ее опустились, как руки умершей, и сомкнутые уста удерживали дыхание.

— Я твой брат! — повторил он дрожащим, страшным голосом.

Она молчала.

Вадим взглянул на нее в последний раз, схватил себя за голову и вышел; и, выходя, остановился у двери... и в продолжение одной минуты он думал раздробить свою голову об косяк... но эта безумная мысль скоро пролетела... он вышел.

— Брат! — сказала Ольга, смотря ему вослед.— Брат!

И без сил она упала на стул.

ГЛАВА VI

Борис Петрович был чрезвычайно доволен своим горбачом (так в доме называли Вадима). Горбач везде почти следовал за ним, на охоту, в поле, на пашню,— исполнял его малейшие желания, предугадывал их. Одним словом, делал все, чем мог приобрести доверенность,— и если ему удавалось, то неизъяснимая радость процветала на этом суровом лице, которое выражало все чувства, все кроме одного, любимого сокровища, хранимого на черный день. Если Борис Петрович хотел наказать кого-нибудь из слуг, то Вадим намекал ему всегда, что есть наказания, которые жесточе, и что вина гораздо больше, нежели Палицын воображал; а когда недосказанный совет его был исполнен, то хитрый советник старался возбудить неудовольствие дворни, взглядом, движениями помогал им осуждать господина; но никогда ничего не говорил такого, что бы могло быть пересказано ко вреду его — к неудовольствию

рабов или помещика. Он был враждебный Гений этого дома...

Однажды, не знаю зачем, Палицын велел его позвать; искали горбача — не нашли. Так это и осталось.

День был жаркий, серебряные облака тяжелели ежечасно; и синие, покрытые туманом, уже показывались на дальнем небосклоне; на берегу реки была развалившаяся баня, врытая в гору и обсаженная высокими кустами кудрявой рябины; около нее валялись груды кирпичей, между коими вырастала высокая трава и желтые цветы на длинных стебельках. Тут сидел Вадим; один, облокотяся на свои колена и поддерживая голову обеими руками; он размышлял; тени рябиновых листьев рисовались на лице его непостоянными арабесками и придавали ему вид таинственный; золотой луч солнца, скользнув мимо соломенной крыши, упадал на его коленку, и Вадим, казалось, любовался воздушной пляской пылинок, которые кружились и подымались к солнцу.

Вчера он открылся Ольге; наконец, он нашел ее, он встретился с сестрой, которую оставил в колыбели; наконец... о! чудна природа; далеко ли от брата до сестры? — а какое различие! эти ангельские черты, эта демонская наружность... Впрочем, разве ангел и демон произошли не от одного начала?..

Однако Вадим заметил в ней семейственную гордость, сходство с его душой, которое обещало ему много... обещало со временем и любовь ее... эта надежда была для него нечто новое; он хотел ею завладеть, он боялся расстаться с нею на одно мгновенне... и вот зачем он удалился в уединенное место, где плеск волны не мог развлечь думы его; он не знал, что есть цветы, которые чем более за ними ухаживают, тем менее отвечают стараниям садовника; он не знал, что, слишком привязавшись к мечте, мы теряем существенность; а в его существенности было одно мщение. Постепенно мысли его становились туманнее; и он полусонный лег на траву — и нечаянно взор его упал на лиловый колокольчик, над которым вились две бабочки: одна серая с черными крапинками, другая испещренная всеми красками радуги; как будто воздушный цветок или рубин с изумрудными крыльями, отделанный в золото и оживленный какою-нибудь волшебницей; оба мотылька старались сесть на лиловый колокольчик и мешали друг другу, и когда один был близко, то ветер относил его прочь; наконец,

разноцветный мотылек остался победителем; уселся н спрятался в лепестках; напрасно другой кружнлся над инм... он был принужден удалиться. У Вадима был прутик в руке; ои ударил по цвету н убнл счастливое насекомое... и с какнм-то восторгом наблюдал его последний трепет!..

И бог знает отчего в эту мниуту ои вспомнил свою молодость, и отца, и дом родной, и высокие качелн, и пруд, обсаженный ветламн... все, все... и отец его представился его воображеиию таков, какнм он возвратился нз Москвы, потеряв свое дело... и прннужденный продать все, что у него осталось, дабы заплатить стряпчим и суду. И потом он вндел его лежащего иа жесткой постели в доме бедиого соседа... казалось, слышал его тяжелое дыхаиие и слова: отомсти, сын мой, нзвергу... чтоб ннкто из его семьн не порадовался краденым куском... н вспомннл Вадим его похороны: необитый гроб, поставлеиный на телеге, качался прн каждом толчке; ои с образом шел вперед... дьячок и священннк сзадн; они пелн дрожащнм голосом... н прохожие снималн шляпы... вот сталн опускать в могнлу, канат заскрыпел, пыль взвнлась...

Кровь кннулась Вадиму в голову, он шепотом повторил роковую клятву н обдумывал исполнеине; он готов был ждать... он готов был все выносить... но сестра! если... о! тогда и она поможет ему... н без трепета он прннял эту мысль; он решнлся завлечь ее в свон замыслы, сделать ее орудием... решился погубить невнннное сердце, которое больше чувствовало, нежелн поннмало... странио! он любнл ее; илн не почитал ли ои неиавнсть добродетелью?..

Вдруг над ним раздался свист арапннка, и он почувствовал снльную боль во всей руке своей; как тнгр вскочил Вадим... перед ннм стоял Борис Петровнч н осыпал его ругательствамн.

Кланяясь, слушал он н с покорным видом последовал за Палнцыным в дом, где слуги встретилн его с насмешлнвымн улыбкамн, которые говорили: прншел н твой черед.

С этнх пор Ваднм ни разу не забывал своей должностн.

ГЛАВА VII

Под вечер приехали гости к Палицыну; Наталья Сергевна разрядилась в фижмы и парчовое платье, распудрилась и разрумянилась; стол в гостиной уставили вареньями, ягодами сушеными и свежими; Геннадий Василич Горинкин, богатый сосед, сидел на почетном месте, и хозяйка поминутно подносила ему тарелки с сластями; он брал из каждой понемножку и важно обтирал себе губы; он был высокого росту, белокур и вообще довольно ловок для деревенского жителя того века; и это потому, быть может, что служил в лейб-кампанцах; двадцати пяти лет вышед в отставку, он женился и нажил себе двух дочерей и одного сына; Борис Петрович занимал его разговорами о хозяйстве, о Москве и проч., бранил новое, хвалил старое, как все старики, ибо вообще если человек сам стал хуже, то всему ему хуже кажется; поздно вечером, истощив разговор, они не знали, что начать, зевали в руку, вертелись на местах, смотрели по сторонам; но заботливый хозяин тотчас нашелся.

— Малой! Египетского,— закричал он, в восторге от своей мысли; принесли две фляги и две большие серебряные кружки; начали пить, потом спорить, хохотать и целоваться; щеки их разгорелись, и воображение, охлажденное годами, закипело.

— Потешить ли тебя, сосед любезный! — воскликнул Палицын.

— А что?

— Да уж то, что твоей милости и в голову не придет; любишь ли ты пляску?.. а у меня есть девочка — чудо... а как пляшет!.. жжет, а не пляшет!.. я не монах, и ты не монах, Васильич...

— Избави Христос...

— И точно так!..

— Ну что же?

— Да уж то!.. мать моя, женушка, Наталья Сергевна, вели Оленьке принарядиться в шелковый святошный сарафан да выйти поплясать; а других пришли петь, да песельников-то нам побольше, знаешь, чтоб лихо...— он захохотал, сам, верно, не зная чему, и начал потирать руки, заранее наслаждаясь успехом своей выдумки; этот человек, обыкновенно довольно угрюмый, теперь был совершенный ребенок.

Наталья Сергевна приказала сбираться песельникам, а сама вышла искать Ольгу.

Где была Ольга?

В темном углу своей комнаты она лежала на сундуке, положив под голову свернутую шубу; она не спала; она еще не опомнилась от вчерашнего вечера, укоряла себя за то, что слишком неласково обошлась с своим братом... но Вадим так ужаснул ее в тот миг! Она думала целый день идти к нему, сказать, что она точно достойна быть его сестрой и не обвиняет за излишнюю ненависть, что оправдывает его поступок и удивляется чудесной смелости его.

Со свечой в руке взошла Наталья Сергевна в маленькую комнату, где лежала Ольга; стены озарились, увешанные платьями и шубами, и тень от толстой госпожи упала на столик, покрытый пестрым платком; в этой комнате протекала половина жизни молодой девушки, прекрасной, пылкой... здесь ей снились часто молодые мужчины, стройные, ласковые, снились большие города с каменными домами и златоглавыми церквями; здесь, когда зимой шумела метелица и снег белыми клоками упадал на тусклое окно и собирался перед ним в высокий сугроб, она любила смотреть, завернутая в теплую шубейку, на белые степи, серое небо и ветлы, обвешанные инеем и колеблемые взад и вперед; и тайные, неизъяснимые желания, какие бывают у девушки в семнадцать лет, волновали кровь ее; и досада заставляла плакать, вырывала иголку из рук.

— Вставай, Ольга! — закричала Наталья Сергевна, сердито толкнув ее.

Ольга вскочила и зажмурилась, встретив свечу прямо перед глазами.

— Что, спала, ленивая...

— У меня голова болит!

— Вздор! девчонка молодая... и смеет голова болеть! просто лень, уж так бы и говорила... а то еще лжет... отвечай: спала, лентяйка?

— Я никогда не лгу.

— Как! еще смеет отвечать, когда я говорю! спорить! ах грубиянка; да не я ли тебя выкормила и воспитала, да не я ли тебя от нищего отца-негодяя взяла на свои руки... неблагодарная! — нет! этот народ никогда не чувствует благодеяний! как волка ни корми, а все в лес глядит... да не смей строить рож, когда я бра-

ню тебя!.. стой прямо и не морщись,— ты забываешь, кто я?

Ольга хотела что-то сказать, но удержалась; презрение изобразилось на лице ее; мрачный пламень, пробужденный в глазах, потерялся в опущенных ресницах; она стояла, опустив руки, с колеблющеюся грудью и обнаженными плечами, и неподвижно внимала обидным изречениям, которые рассердили, испугали бы другую.

— Поди надень шелковый сарафан и выходи плясать... чтоб голова не болела... слышишь... скорей же!.. да не больно финти перед Борисом Петровичем!.. а не то я тебе дам знать!.. ведь вы все ради заманить барскую милость... берегись...

Ольга молчала — но вся вспыхнула... и если б Наталья Сергевна не удалилась, то она не вытерпела бы далее; слезы хотели брызнуть из глаз ее, но женщина иногда умеет остановить слезы... Как! ее подозревают, упрекают? — и в чем! — о! где ее брат! пускай придет он и выслушает ее клятву помогать ему во всем, что дышит местию и разрушением; пускай посвятит он ее в это грозное таинство,— она готова!..

Теперь она будет уметь отвечать Вадиму, теперь глаза ее вынесут его испытывающие взгляды, теперь горькая улыбка не уничтожит ее твердости; эта улыбка имела в себе что-то неземное; она вырывала из души каждое благочестивое помышление, каждое желание, где таилась искра добра, искра любви к человечеству; встретив ее, невозможно было устоять в своем намеренье, какое бы оно ни было; в ней было больше зла, чем люди понимать способны.

Ольгу ждут в гостиной, Борис Петрович сердится; его гость поминутно наливает себе в кружку и затягивает плясовую песню... наконец, она взошла: в малиновом сарафане, с богатой повязкой; ее темная коса упадала между плечьми до половины спины; круглота, белизна ее шеи были удивительны; и маленькая ножка, показываясь по временам, обещала тайные совершенства, которых ищут молодые люди, глядя на женщину как на орудие своих удовольствий; впрочем, маленькая ножка имеет еще другое значение, которое я бы открыл вам, если б не боялся слишком удалиться от своего рассказа.

Она взошла... и встретила пьяные глаза, дерзко разбирающие ее прелести; но она не смутилась; не покрас-

нела; тусклая бледность ее лица изобличала совершенное отсутствие беспокойства, совершенную преданность судьбе; в этот миг она жила половиною своей жизни; она походила на испорченный орган, который не играет ни начало, ни конец прекрасной песни.

Хор затянул плясовую.

— Начинай же, Оленька! — закричал Палицын,— не стыдись!..

Она вздрогнула; ей пришло на мысль, что она будет плясать перед убийцею отца своего; эта мысль как молния ворвалась в ее душу и озарила там следы минувшего; и все обиды, все несправедливости, унижения рабства, одним словом — жизнь ее встала перед ней, как остов из гроба своего; и она почувствовала его упрек...

Если б можно было изобразить страдание этого нежного существа, то трудно бы вы поверили, что она не лишилась рассудка!.. потому что ее ресницы были сухи и сжатые дрожащие губы не пропустили ни одного вздоха. «Что же! красотка моя, начинай!.. небось — ты так хороша сегодня!..» — кричали оба помещика; что за лестное поощрение! не правда ли?

Ольга окинула взором всю комнату, надеясь уловить хотя одно сожаление... неуместная надежда; подлая покорность, глупая улыбка встретили ее со всех сторон — рабы не сожалели об ней,— они завидовали! «Пускай завидуют,— подумала Ольга,— это будет им наказание».

Она начала плясать.

Движения Ольги были плавны, небрежны; даже можно было заметить в них некоторую принужденность, ей несвойственную, но скоро она забылась; и тогда душевная буря вылилась наружу; как поэт, в минуту вдохновенного страданья бросая божественные стихи на бумагу, не чувствует, не помнит их, так и она не знала, что делала, не заботилась о приличии своих движений, и потому-то они обворожили всех зрителей; это было не искусство — но страсть.

И вдруг она остановилась, опомнилась, опустила пылающие глаза, голова ее кружилась; все предметы прыгали перед нею, громкие напевы слились для нее в один звук, нестройный, но решительный, в один звук воспоминания...

Она посмотрела вокруг, ужаснулась, махнула рукой и выбежала.

Борнс Петровнч встал и, качаясь на ногах, последовал за нею; раскаленные щекн его обнаружнвали преступное желание, и с дрожащнх губ срывалнсь несвязные слова, но слншком ясные для окружающих.

Дверь в комнату Ольгн была затворена; он дернул, н крючок расскочнлся; она стояла на коленях, закрыв лнцо руками н положнв голову на кровать; она не слыхала, как он взошел, потому что пронзнесла следующне слова: «Отец мой! не внни меня...»

— Теперь ты не вывернешься! — вosклнкнул, захотавшн, Борнс Петровнч,— я человек добрый — н ты человек добрый; следовательно...

Она вскочнла н, устремнв на него мутный взор, казалось не поннмала этнх слов; он взял ее за руку; она хотела вырваться — не могла; сев на постель, он прнтянул ее <к> себе и начал целовать в шею н грудь; у нее не было снл защнщаться; отвернув лнцо, она предавалась его буйным ласкам, и еще несколько минут — она бы погибла.

Но вдруг раздался шум и вбежала хозяйка; между достойными супругамн начался крнк, спор... однако Наталье Сергевне благодаря винным парам удалось вывестн мужа; долго еще слышен был хриплый бас его и пронзнтельный дишкант Натальи Сергевны; наконец, все утихло — н Ольга тогда только уверилась, что все ее оставили.

Она слышала, как стучало ее нспуганное сердце, и чувствовала странную боль в шее; бедная девушка! немного повыше круглого плеча ее виднелось красное пятно, оставленное губамн пьяного старнка... Сколько прелестей было нзмято его могнльными рукамн! сколько ненавнсти роднлось от его поцелуев!.. встал месяц; скользя вдоль стены, его луч пробрался в тесную комнату, н крестообразные рамы окна отделнлнсь на бледном полу... и этот луч упал на лнцо Ольгн — но ннчего не прнбавнл к ее бледностн, н красное пятно не могло утонуть в его снянье... в это время на стенных часах в прнемной пробило однннадцать.

ГЛАВА VIII

Где скрывался Ваднм весь этот вечер? — на темном чердаке, простертый на соломе, лицом кверху, сложнв рукн, он уноснлся мыслню в вечность,— ему снилось

наяву давно желанное блаженство: свобода; он был дух, отчужденный от всего живущего, дух всемогущий, не желающий, не сожалеющий ни об чем, завладевший прошедшим и будущим, которое представлялось ему пестрой картиной, где он находил много смешного и ничего жалкого. Его душа расширялась, хотела бы вырваться, обнять всю природу и потом сокрушить ее,— если это было желание безумца, то по крайней мере великого безумца; что такое величайшее добро и зло? — два конца незримой цепи, которые сходятся, удаляясь друг от друга.

Чудные звуки разрушили мечтания Вадима: то были отрывистые звуки плясовой песни, смешанные с порывами северного ветра; Вадим привстал; луна ударяла прямо в слуховое окно, и свет ее, захватывая несколько измятых соломинок, упадал на противную стену, так что Вадим легко мог рассмотреть на ней все скважины, каждый клочок моха, высунувшийся между брусьями; долго он не сводил глаз с этой стены, долго внимал звукам отдаленной песни... наконец, они умолкли, облако набежало на полный месяц... Вадим упал на постель свою; и безотчетное страдание овладело им; он ломал руки, вздыхал, скрежетал зубами... неизвестный огонь бежал по его жилам, череп готов был треснуть... о! давно ли ему было довольно одной ненависти!..

Маленькая дверь скрыпнула и отворилась, ему послышался легкий шум шагов.

— Брат! — сказал кто-то очень тихо.

Вадим затрепетал. Между тем облако пробежало, и луна озарила одно плечо и половину лица Ольги; она стояла близ него на коленях.

— Все понимаю,— воскликнул он, прочитавши в ее взоре ужасное беспокойство.

— Точно? — отвечала Ольга изменившимся голосом,— точно? Я пришла тебя обрадовать, друг мой!..

«Друг мой!» — впервые существо земное так называло Вадима; он не мог разом обнять все это блаженство; как безумный схватил он себя за голову, чтобы увериться в том, что это не обман сновидения; улыбка остановилась на устах его — и душа его, обогащенная целым чувством, сделалась подобна временщику, который, получив миллион и не умея употребить его, прячет в железный сундук и стережет свое сокровище до конца жизни.

Эти два слова так сильио врезались в его душу, что несколько дией спустя, когда ои говорил с самим собою, то ие мог удержаться, чтоб ие сказать: «Друг мой...»

Если мне скажут, что нельзя любить сестру так пылко, вот мой ответ: любовь — везде любовь, то есть самозабвение, сумасшествие, назовите как вам угодно; и человек, который неиавидит все и любит единое существо в мире, кто бы оно ни было, мать, сестра или дочь, его любовь сильней всех ваших произвольиых страстей. Его любовь сама по себе в крови чужда всякого тщеславия... но если к ней примешается воображение, то горе несчастному! — по какой-то чудиой противуположности, самое святое чувство, наконец, делается так велико, что сердце человека уместить в себе его не может и должно погибнуть, разорваться или одним ударом сокрушить кумир свой; ио часто самолюбие берет перевес, и божество падает перед смертным.

— Брат! слушай,— продолжала Ольга,— я все обдумала и решилась сделать первый шаг иа пути, по которому ни тебе, ни мие ие возвратиться. Все равно... оии все ведут к смерти; ио я ие позволю низкому, бездушиому человеку почитать меня за свою игрушку... ты или я сама должна это сделать; сегодия я переиесла обиду, за которую хочу, должиа отомстить... брат! ие отвергай моей клятвы... если ты ее отвергиешь, то берегись... я сказала, что не перенесу этого... ты будешь добр для меня; ты примешь мою иеиависть, как дитя мое; станешь лелеять его, пока оио вырастет и созреет и смоет мой позор страдаиьями и кровью... да, позор... ои, убийца, обнимал, целовал меия... хотел... ие правда ли, ты готовишь ему ужасиую казиь?..

Вадим дико захохотал и, стараясь умолкиуть, укусил нижиюю губу свою так крепко, что кровь потекла; он похож был в это мгиовеиье иа вампира, глядящего иа издыхающую жертву.

— Кляиусь этим богом, который создал нас иесчастными, клянусь его святыми таииствами, его крестом спасительным — во всем, во всем тебе повиноваться,— я зиаю, Вадим, твой удар ие будет слаб и иеверен, если я сделаюсь орудием руки твоей! о! ты великий человек!

— Да — теперь, потому что ты меня любишь!..

Оиа иичего ие отвечала.

— Успокойся, опомнись,— сказал Вадим...— ты меня еще не знаешь, но я тебе открою мои мысли, разверну все мое существование, и ты его поймешь. Перед тобой я могу обнажить странную душу мою: ты не слабый челнок, не способный переплыть это море; волны и бури его тебя не испугают; ты рождена посреди этой стихии; ты не утонешь в ее бесконечности!..

Помню, как после смерти отца я покидал тебя, ребенка в колыбели, тебя, не знавшую ни добра, ни зла, ни заботы — а в моей груди уже бродила страсть пагубная, неусыпная; ты протянула ко мне свои ручонки, улыбалась: будто просила о защите... а я не имел своего куска хлеба.

Меня взяли в монастырь — из сострадания — кормили, потому что я был не собака и нельзя было меня утопить; в стенах обители я провел мои лучшие годы; в душных стенах, оглушаемый звоном колоколов, пеньем людей, одетых в черное платье и потому думающих быть ближе к небесам, притесняемый за то, что я обижен природой.... что я безобразен. Они заставляли меня благодарить бога за мое безобразие, будто бы он хотел этим средством удалить меня от шумного мира, от грехов... Молиться!.. у меня в сердце были одни проклятия! часто вечером, когда розовые лучи заходящего солнца играли на главах церкви и медных колоколах, я выходил из святых врат и с холма, где стояла развалившаяся часовня, любовался на тюрьму свою; она издали была прекрасна! Облака призывали мое воображение к себе на воздушные крылья, но насмешливый голос шептал мне: ты способен обнять своею мыслию все сотворенное; ты мог бы силою души разрушить естественный порядок и восстановить новый, для того-то я тебя не выпущу отсюда; довольно тебе знать, что ты можешь это сделать!..

Никто в монастыре не искал моей дружбы, моего сообщества; я был один, всегда один; когда я плакал — смеялись, потому что люди не могут сожалеть о том, что хуже или лучше их; все монахи, которых я знал, были обыкновенные, полудобрые существа, глупые от рожденья или от старости, не способные ни к чему, кроме соблюдения постов... Я желал возненавидеть человечество — и поневоле стал презирать его; душа ссыхалась; ей нужна была свобода, степь, открытое небо... ужасно сидеть в белой клетке из кирпичей и судить о зиме

и весне по узкой тропинке, ведущей нз келий в церковь; не видать ясное солнце иначе как сквозь длинное решетчатое окно и не сметь говорить о том, чего нет в такой-то книге...

Можно прийтн в отчаянье!

Однажды, Ольга, я заметнл безногого нищего, который, не вмешиваясь в споры товарищей, сидел на земле у святых ворот и только постукивал камнем о камень, и когда вылетала искра, то чудная радость покрывала незначащее его лицо. Я подошел к нему и сказал:

— Ты очень благоразумен, любезный, тем, что не мешаешься в их ссору.

— Я без ног,— отвечал он с недовольным видом; это меня поразило: я ошибся! — однако продолжал свои вопросы:

— Что был ты прежде, купец или крестьянин?

— Нищий! — отвечал он,— рожден нищим и умру нищим; только разница в том, что я рожден с ногами, а умру безногий!

— Отчего же?

— Отчего! — тут он призадумался; потом продолжал равнодушно: — Я был проводником одного слепого; нас было много; когда слепой умер, то я стал лишним. Мне переломали руки и ноги, чтоб я не даром кормился и был полезен; теперь меня возят на тележке — и дают деньги.

— Знал ли ты своих родителей? — спросил я поспешно.

— Как же!

— А кто были они?

— Нищие! — тут он улыбнулся; не знаю, что было в его улыбке, насмешка над судьбой или надо мною, потому что я слушал его с видом полной доверенности.

«Итак, есть состояние, в котором безобразие не порок»,— подумал я. На другой день бежал из монастыря и сделался нищим.

Вадим остановился.

— Понимаю тебя! — воскликнула Ольга и пожала ему руку.

— Я это знал!.. разве ты не сестра мне? — возразил Вадим.

— Послушай, верно, само небо хочет, чтобы мы отомстили за бедного отца; как оно согласило все обстоятельства, как оно привело тебя к цели...

— Небо или ад... а может быть, и не они; твердое намерение человека повелевает природе и случаю; хотя с тех пор, как я сделался нищим, какой-то бешеный демон поселился в меня, но он не имел влияния на поступки мои; он только терзал меня; воскрешал умершие надежды, жажду любви, он странствовал со мною рядом по берегу мрачной пропасти, показывая мне целый рай в отдалении; но чтоб достигнуть рая, надобно было перешагнуть через бездну. Я не решился; кому завещать мое мщение? кому его уступить?

Долго я бродил без крова и пристанища, преданный зимним метелям, как южная птица, отставшая от подруг своих, долго жить — было целью моей жизни.

Но судьба мне послала человека, который случайно открыл мне, что ты воспитываешься у Палицына, что он богат, доволен, счастлив — это меня взорвало!.. я не хотел, чтоб он был счастлив,— и не будет отныне: в этот дом я принес с собою моего демона; его дыхание чума для счастливцев, чума... сестра, ты мне простишь... о! я преступник... вижу, и тобой завладел этот злой дух и в тебе поселилась эта болезнь, которая портит жизнь и поддерживает ее. Ты, земной ангел, без меня не потеряла бы свою беспечность... теперь все кончено... от моего прикосновения увяли твои надежды... махни рукой твоему спокойствию... цветы не растут посреди бунтующего моря; где есть демон, там нет бога...

— Как! — воскликнула Ольга,— неужели ты раскаиваешься!.. правда, я женщина — но разве всякая женщина променяет печали и беспокойства на блистательный позор... блистательный! о! быть любовницей старика, злодея моего семейства... ты желал этого, Вадим, не правда ли?

— Нет — я тогда убил бы тебя...

— А теперь кто мешает?

— Теперь? теперь...— он опустил глаза в землю и замолк; глубокое страдание было видно в следующих словах,— теперь, убить тебя! теперь, когда у меня есть слезы, когда я могу плакать на твоих коленах... плакать! о! это величайшее наслаждение для того, чей смех мучительнее всякой пытки!.. нет, я еще не так дурен, как ты

полагаешь; человек, для которого видеть тебя есть блаженство, не может быть совершенным злодеем.

— Меня убить — значит сделаться моим благодетелем,— отвечала Ольга, улыбаясь, после нескольких минут глубокого молчания.

— А кто скажет: он хорошо поступил, когда мое имя сделается на земле проклятием?

— Я удивляюсь тебе, друг мой!..

— Не хочу! люби меня.

Она закрыла лицо обеими руками.

ГЛАВА IX

Кто из вас бывал на берегах светлой <Суры>? кто из вас смотрелся в ее волны, бедные воспоминаньями, богатые природным, собственным блеском! — читатель! не они ли были свидетелями твоего счастия или кровавой гибели твоих прадедов!.. но нет!.. волна, окропленная слезами твоего восторга или их кровью, теперь далеко в море, странствует без цели и надежды или в минуту гнева расшиблась об утес гранитный! Она потеряла дорогой следы страстей человеческих, она смеется над переменами столетий, протекающих над нею безвредно, как женщина над пустыми вздохами глупых любовников; она не боится ни ада, ни рая, вольна жить и умереть, когда ей угодно; сделавшись могилой какого-нибудь несчастного сердца, она не теряет своей прелести, живого, беспокойного своего нрава; и в ее погребальном ропоте больше утешений, нежели жалости. Если можно завидовать чему-нибудь, то это синим, холодным волнам, подвластным одному закону природы, который для нас не годится с тех пор, как мы выдумали свои законы.

Вадим стоял под густою липой, и упоительный запах разливался вокруг его головы, и чувства, окаменевшие от сильного напряжения души, растаяли постепенно, и, отвергнутый людьми был готов кинуться в объятия природы; она одна могла бы утолить его пламенную жажду и, дав ему другую душу или новую наружность, поправить свою жестокую ошибку. Вадим с непонятным спокойствием рассматривал речные травы и густой хмель, который яркими, зелеными кудрями висел с глинистого берега. Вдали одетые туманом курганы, может быть могилы татарских наездников, подымались, выходили из

полосатой пашни; еловые, березовые рощи казались опрокинутыми в воде; и мрачный цвет первых приятно отделялся желтоватой зеленью и белыми корнями последних; летнее солнце с улыбкой золотило эту простую картину.

В шуме родной реки есть что-то схожее с колыбельной песнью, с рассказами старой няни; Вадим это чувствовал, и память его невольно переселилась в прошедшее, как в дом, который некогда был нашим и где теперь мы должны пировать под именем гостя; на дне этого удовольствия шевелится неизъяснимая грусть, как ядовитый крокодил в глубине чистого, прозрачного американского колодца.

Вдруг раздался в отдалении звон дорожного колокольчика, приносимый ветром... Вадим вздрогнул, не зная сам тому причины; он обернулся в ту сторону, где деревянный мост показывался между кустов и где дорога, желтея, терялась за холмами; там серая пыль клубилась вслед за простою кибиткой... «Не к нам ли? — подумал Вадим.— Но этого не может быть! кому?» — его тревожил колокольчик, и непонятное предчувствие как свинец упало на его душу. Он побрел вдоль по реке и старался рассеяться... но не мог: проклятый колокольчик его преследовал...

Что делалось в барском доме? Там также слышали колокольчик, но этот милый звук не произвел никакого неприятного влияния; Наталья Сергевна подбежала к окну, а Борис Петрович, который не говорил с женой со вчерашнего вечера, кинулся к другому. Они ждали сына в отпуск — верно, это он!..

В тот век почты были очень дурны или, лучше сказать, они не существовали совсем; родные посылали ходока к детям, посвященным царской службе... но часто они не возвращались, пользуясь свободой; таким образом однажды мать сосватала невесту для сына, давно убитого на войне. Долго ждала красавица своего суженого; наконец, вышла замуж за другого; на первую ночь свадьбы явился призрак первого жениха и лег с новобрачными в постель; «она моя»,— говорил он, и слова его были ветер, гуляющий в пустом черепе; он прижал невесту к груди своей, где на месте сердца у него была кровавая рана; призвали попа со крестом и святой водою, и выгнали опоздавшего гостя; и, выходя, он заплакал, но вместо слез песок посыпался из открытых

глаз его. Ровно через сорок дней невеста умерла чахоткою, а супруга ее нигде не могли сыскать.

Таково предание народное; обратимся к повести нашей. Борис Петрович и жена его три года не получали известия от своего Юриньки!.. Месяц тому назад он с богомольцем, которого встретил на дороге, прислал письмо, извещая о скором прибытии... это он!..

Колокольчик звенел все громче и громче... вот близко топот, крик ямщика, шум колес... кибитка въехала в ворота... вся дворня столпилась... это он... в военном мундире... выскочил — и кинулся на шею матери... отец стоял поодаль и плакал... это был их единственный сын!

Впрочем, такие вещи не описываются...

Вечером Вадим возвратился в дом... увидал кибитку, поймал некоторые отрывистые речи... и догадался; с досадой смотрел он на веселую толпу и думал о будущем, рассчитывал дни, сквозь зубы бормотал какие-то упреки... и потом, обратившись к дому... сказал:

— Так точно! слух этот не лжив... через несколько недель здесь будет кровь, и больше; почему они не заплотят за долголетнее веселье одним днем страдания, когда другие, после бесчисленных мук, не получают ни одной минуты счастья!.. для чего *они* любимцы неба, а не я! — о создатель, если бы ты меня любил — как сына, нет — как приемыша... половина моей благодарности перевесила бы все их молитвы... но ты меня проклял в час рождения... и я прокляну твое владычество в час моей кончины...

Неподвижен стоял Вадим возле рогожной кибитки; толпа пестрела кругом; старухи, дети, все теснилось, кричало, смеялось.

— Куда какой красавчик молодой наш барин! — воскликнул кто-то... Вадим покраснел... и с этой минуты имя Юрия Палицына стало ему ненавистным...

Что делать! он не мог вырваться из демонской своей стихии.

ГЛАВА X

Смерклось; подали свеч; поставили на стол разные закуски и медный самовар; Борис Петрович был в восхищении, жена его не знала, как угостить милого приезжего; дверь в гостиную, до половины растворенная, пропускала яркую полосу света в соседнюю комнату, где по

стенам чернели высокие шкафы, наполненные домашней посудой: в этой комнате, у дверей, на цыпочках стояла Ольга и смотрела на Юрия,— и больше нежели пустое любопытство понудило ее к этому — Юрий был так хорош!.. — именно таковые лица нравятся женщинам: что-то доброе и вместе буйное, пылкость без упрямства, веселость без насмешки; он не был напудрен по обычаю того века; длинные русые волосы вились вокруг шеи; и голубые глаза не отражали свет, но, казалось, изливали его на все, что им встречалось.

Он говорил о столице, о великой Екатерине, которую народ называл матушкой и которая каждому гвардейскому солдату дозволяла целовать свою руку... он говорил об ней, и щеки его горели, и голос его возвышался невольно. Потом он рассказывал о городских весельствах, о красавицах, разряженных в дымные кружева и волнистые, бархатные платья...

Ольга слушала, и что-то похожее на зависть встревожило ее. «Если б обо мне так говорили, если б и на мне блистали кружева и дорогие камни... о, я была бы счастливей!..» — всякой восемнадцатилетней девушке на ее месте эти мысли пришли бы в голову. Наряды необходимы счастью женщины, как цветы весне.

И Ольга боялась, чтоб он не обернулся к дверям и не заметил ее любопытства; маленькая гордость дышала в этом опасении...

Однако ж как уйти?.. Юрий говорит так приятно. В звуках его голоса так ясно выражались благородные чувства, что если б даже невозможно было разобрать слов его, то — ей казалось... она поняла бы смысл разговора!..

Нельзя сомневаться, что есть люди, имеющие этот дар, но им воспользоваться может только существо избранное, существо, которого душа создана по образцу их души, которого судьба должна зависеть от их судьбы... и тогда эти два созданья, уже знакомые прежде рождения своего, читают свою участь в голосе друг друга, в глазах, в улыбке... и не могут обмануться... и горе им, если они не вполне доверяются этому святому таинственному влечению... оно существует, должно существовать вопреки всем умствованиям людей ничтожных, иначе душа брошена в наше тело для того только, чтоб оно питалось и двигалось,— что такое были бы все цели, все труды человечества, без любви? И разве нет иногда это-

го всемогущего сочувствия между народом и царем? Возьмите Наполеона и его войско! долго ли они прожили друг без друга?

О, как Ольга была прекрасна в эту первую минуту самопознания, сколько жизни, невинной, обещающей жизни было в стесненном дыханье этой полной груди, где билось сердце, обещанное мукам и созданное для райского блаженства!..

Надобно было камню упасть в гладкий источник.

Она обернулась...

Полоса яркого света, прокрадываясь в эту комнату, упадала на губы, скривленные ужасной, оскорбительной улыбкой,— все кругом покрывала темнота, но этого было ей довольно, чтобы тотчас узнать брата... на синих его губах сосредоточилась вся жизнь Вадима, и, как нарочно, они одни были освещены...

Он приблизился: от него веяло холодом.

— Поздравляю, Ольга...

— С чем?

— Не правда ли... как хорош собою молодой твой господин!..

— И твой! — обидевшись, возразила Ольга.

— Нимало... я добровольно стал слугою... я не обязан им сохранением жизни, воспитанием... но ты!.. о, посмотри на него, что за ловкость, что за румянец...

Она вздохнула.

— И эта прекрасная голова упадет под рукою казни...— продолжал шепотом Вадим,— эти мягкие, шелковые кудри, напитанные кровью, разовьются... ты помнишь клятву... не слишком ли ты поторопилась... о мой отец! мой отец!.. скоро настанет минута, когда беспокойный дух твой, плавая над их телами, благословит детей твоих,— скоро, скоро...

— Скоро!..

— Я вижу твое восхищение! — холодно возразил ей брат,— скоро! мы довольно ждали... но зато не напрасно!.. Бог потрясает целый народ для нашего мщения; я тебе расскажу... слушай и благодари: на Дону родился дерзкий безумец, который выдает себя за государя... народ, радуясь тому, что их государь носит бороду, говорит как мужик, обратился к нему... дворяне гибнут, надобно же игрушку для народа... без этого и праздник не праздник!.. вино без крови для них стало слабо. Ты дрожишь от радости, Ольга...

Она молча поникла головою и удалилась. У нее в сердце уж не было мщения; теперь, теперь вполне постигла она весь ужас обещанья своего; хотела молиться... ни одна молитва не предстала ей ангелом-утешителем: каждая сделалась укоризною, звуком напрасного раскаянья... «Какой красавец сын моего злодея»,— думала Ольга; и эта простая мысль всю ночь являлась ей с разных сторон, под разными видами; она не могла прогнать других, только покрыла их полусветлой пеленою,— но пропасть, одетая утренним туманом, хотя не так черна, зато кажется вдвое обширнее бедному путнику.

Между тем Вадим остался у дверей гостиной, устремляя тусклый взор на семейственную картину, оживленную радостью свидания... и в его душе была радость, но это был огонь пожара возле тихого луча месяца.

Долго стоял он тут и любовался красотою молодого Палицына — и так забылся, что не слыхал, как Борис Петрович в первый раз закричал: «Эй, малой... Вадимка!» Опомнясь, он взошел; с сожалением посмотрел на него Юрий, но Вадим не смел поднять на него глаз, боясь, чтобы в них не изобразились слишком явно его чувства...

— Как тебе нравится мой горбач!..— сказал Борис Петрович,— преуморительный...

— Каждый человек, батюшка,— отвечал Юрий,— имеет недостатки... он не виноват, что изувечен природой!.. Если ты будешь хорошо мне служить,— продолжал он, обратясь к мрачному Вадиму,— то будь уверен в моей милости!.. теперь ступай...

— Пошел вон,— воскликнул отец, потому что Вадим не трогался с места: он был смущен добротою юноши, благосклонным выражением лица его; и зависть возвратилась в его душу только тогда, как он подошел к дверям, но возвратилась, усиленная мгновенным отсутствием.

Перешагнув через порог, он заметил на стене свою безобразную тень; мучительное чувство... как бешеный он выбежал из дома и пустился в поле; поутру явился он на дворе, таща за собою огромного волка... блуждая по лесам, он убил этого зверя длинным ножом, который неотлучно хранился у него за пазухой... вся дворня окружила Вадима, даже господа вышли подивиться его

отважности... Наконец и он насладился минутой торжества!

— Ты будешь моим стремяниым! — сказал Борис Петрович.

ГЛАВА XI

Борис Петрович отправился в отъезжее поле с новым своим стремянным и большою свитою, состоящей из собак и слуг низшего разряда. Даже в старости Палицын любил охоту страстно и спешил, когда только мог, углубляться в непроходимые леса, жилища медведей, которые были его главными врагами.

Что делать Юрию? — в деревне, в глуши? — следовать ли за отцом! — нет, он не находит удовольствия в войне с животными; он остался дома, бродит по комнатам, ищет рассеянья, обрывает клочки раскрашенных обоев; чудные занятия для души и тела; но что-то мелькнуло за углом... женское платье; он идет в ту сторону и вступает в небольшую комнату, освещенную полуденным солнцем; ее воздух имел в себе что-то особенное, роскошное; он, казалось, был оживлен присутствием юной пламенной девушки.

Кто часто бывал в комнате женщины, им любимой, тот, верно, поймет меня... он испытал влияние этого очарованного воздуха, который породнился с божеством его, который каждую ночь принимает в себя дыхание свежей девственной груди,— этот уголок, украшенный одной постелью, не променял бы он за весь рай Магомета...

— А, это ты, Ольга!—сказал, засмеявшись, молодой Палицын.— Вообрази, я думал, что гонюсь за тенью,— и как обманут!..

— Вас огорчает эта ошибка? о, если так, я могу вас утешить, стану с вами говорить как тень, то есть очень мало... и потом...

— Ради бога, не мало, любезная Ольга! — я готов тебя слушать целый день; не можешь вообразить, какая тоска завладела мной; брожу везде... не с кем слова молвить... матушка хозяйничает... ради неба, говори, говори мне... брани меня... только не избегай!..

— Как скоро вы забыли московских красавиц; думайте об них, это вас займет.

— Думать об них — и говорить с тобою? Ольга, это нейдет вместе!..

— А что я могу сказать вам, степная, простая девушка? что я видела, что слышала? — я не хочу быть вашим лекарством от скуки; всякое лекарство, со всей своей пользой, очень неприятно.

— Ты не в духе сегодня,— воскликнул Юрий, взяв ее за руку и принудив сесть.— Ты сердишься на меня или на матушку... если тебя кто-нибудь обидел, скажи мне; клянусь честию, этому человеку худо будет...

— Не надо мне вашей защиты, вашего мщения... оставьте мою руку!.. вы хотите забавляться? призовите других, более покорных, чем я, более способных настроивать свое сердце и лицо по вашему приказу... мне грустно, скучно... да сверх того я не раба ваша... и так...

— Ольга, послушай, если хочешь упрекать... о! прости мне; разве мое поведение обнаружило такие мысли? разве я поступал с Ольгой как с рабой? — ты бедна, сирота, но умна, прекрасна; в моих словах нет лести; они идут прямо от души; чуждые лукавства, мои мысли открыты перед тобою, ты себе же повредишь, если захочешь убегать моего разговора, моего присутствия; тогда-то я тебя не оставлю в покое; сжалься... я здесь один среди получеловеков, и вдруг в пустыне явился мне ангел и хочет, чтоб я к нему не приближался, не смотрел на него, не внимал ему? — боже мой! — в минуту огненной жажды видеть перед собою благотворную влагу, которая, приближаясь к губам, засыхает.

— Прекрасны ваши слова, Юрий Борисович, я не спорю, все это очень ново для меня... со всем тем я прошу вас оставить девушку, несчастную с самой колыбели и потому нимало не расположенную забавлять вас... поверьте слову: гибель вокруг меня...

— Сто раз готов я погибнуть у ног твоих!..

— Вы меня не поняли... я кажусь вам странною теперь,— быть может... но...

— Ты мила по-своему...

— Что за похвалы!..— с насмешливым видом воскликнула Ольга.

— Не сердись!..— возразил Юрий; и улыбаясь, он склонился к ней; потом взял в руки ее длинную темную косу, упадавшую на левое плечо, и прижал ее к губам своим; холод пробежал по его членам, как от прикосновения могучего талисмана; он взглянул на нее присталь-

но, и иа этот раз уднвительиая решимость блистала в его взоре; она ие смутнлась — ио испугалась.

— Перестаиьте,— сказала Ольга с важностью,— мие надо быть одиой.

Напрасио он старался угадать в глазах ее иамеренье кокеткн — помучнть; ему не удалось!..

— Ты довольиа будешь мною! — сказал ои, медленио выходя из комиаты.

Такне разговоры, занимательиые только для иих, повторялись довольно часто — и содержанне и заключенне почти всегда было одно и то же; и если б они читали этн разговоры в каком-иибудь ромаие 19-го века, то заснули бы от скуки, но в блажеином 18 и в год, опнсываемый мною, каждая жизнь была ромаи; теперь жизнь молодых людей более мысль, чем действие; героев иет, а наблюдателей чересчур много, и оии похожи на сладострастного старика, который, вспоминая прежиие шалости н присутствуя иа буйных пирах, хочет пробудить погаснувшне силы. Этот галваиизм кидает величайший стыд на человечество; оио приблизилось к коичиие своей; пускай... но зачем прнкрывать седины детскими гремушками? зачем привскакивать на смертиом одре, чтобы упасть и скончаться <иа> полу?

Но возвратимся к иашей повести и поторопимся окоичить главу.

Ольга стараиием утаить свою любовь еще больше ее обнаруживала; Юрнй был опытен, часто любил, чаще был любим и, выучеи прнвычкой, читал в ее глазах больше, чем оиа осмеливалась читать в собственной душе. Оиа думала об *нем* и боялась думать о любви своей; ужас обинмал ее сердце, когда оиа осмеливалась вопрошать его, потому что прошедшее и будущее тогда являлись встревожениому вооображению Ольги; таков был ужас Макбета, когда, готовый сесть иа королевский престол, при шумных звуках пира, он увндал на нем окровавленную теиь Баикуо... но этот ужас ие умеиьшил его честолюбия, которое превратилось в болезнеиный бред; то же самое случилось с любовью Ольги.

Юрий не мог любить так нежно, как оиа; ои все перечувствовал, и прелесть иовизиы ие украшала его страсти; но в книге судьбы его было иаписаио, что волшебная цепь скует до гроба его существоваиие с участью этой женщины.

Когда ои не был с иею вместе, то скука н спокойствие не оставляли его; ио приближаясь к ней, он вступал в очарованный круг, где не узнавал себя, н благословлял свой плеи, и верил, что инкогда не любнл сильней теперешнего, что до сих пор не понимал определення красоты; пожалейте об ием.

ГЛАВА XII

Таинствеиные ответы Ольги, иногда ее прнтворная холодиость все более н более воспламеняли Юрия; он прнписывал такое поведенне то гордостн, то лукавству; но чаще, по недоверчнвости, свойственной всем почти любовникам, сомиевался в ее любвн... однажды после долгой душевной борьбы ои решился вытребовать у нее полиого прнзнанья... нли получить совершеиный отказ!

«Какое ребячество!» — скажете вы; но в том-то н прелесть любвн; она превращает нас в детей, дарнт золотые сны как игрушки; н разбивать этн игрушкн в мниуту досады доставляет немало удовольствня; особлнво когда мы иадеемся получить другие.

С мрачным лнцом ои взошел в комнату Ольгн; молча сел возле иее и взял ее за руку. Она не протнвнлась; не отвела глаз от шнтья своего, ие покраснела... не вздрогнула; оиа все обдумала, все... и не нашла спасення; она безропотно предалась своей участн, задернула будущее чериым покрывалом и решнлась любнть... потому что не могла решнться на другое.

— Ольга! — сказал Юрий иеверным голосом,— я люблю тебя.

— Знаю,— отвечала она.

— Знаю! знаю! только-то! и я больше от тебя не услышу!

— Чего же вам больше!.. я слушаю, молчу...

— О, разумеется, этого слншком много! — я не достонн даже прнблнзнться к тебе... я бы должен был любоваться тобою, как солнцем н звездамн; ты прекрасна! кто спорит, но разве это дает право не нметь сердца?

— Я у бога ин того, ни другого ие просила... еслн мое обращеине вам не нравится, то оставьте меня; мы дурно сделалн, что узналн друг друга; но все на свете может поправнться...

— Как легко, сделав человека несчастным, сказать ему: будь счастлив! — все иа свете может поправиться!..

Ольга, слушай, в последний раз говорю тебе: я люблю больше, чем ты можешь вообразить; это огонь... огонь... о, пойми меня... у меня нет слов... я люблю тебя! если ты не понимаешь этого, то все остальное напрасно... отвечай: чего ты от меня требуешь? каких жертв?..

— Забыть меня! — воскликнула Ольга с удивительною твердостию.

— Нет! никогда... я совершу невозможное, чтоб обладать тобою, но забыть... нет власти...

Он замолчал; ходил взад и вперед по комнате, потом остановился у окна, закрыл лицо руками. Так прошло несколько минут. Наконец, он обернулся и сказал:

— Я ошибался, признаюсь в том откровенно,— я ошибался... ах! это была минута — но райская минута, это был сон — но сон божественный; теперь, теперь все прошло... уничтожаю навеки все ложные надежды, уничтожаю одним дуновением все картины воображения моего; прочь от меня вера в любовь и счастье; Ольга, прощай — ты меня обманывала,— обман, всегда обман; не все ли равно, глаза или язык? чего желала ты? не знаю... может быть... о, возьми мое презрение себе в наследство... я умер для тебя.

И он сделал шаг, чтобы выйти, кидая на нее взор, свинцовый, отчаянный взор, один из тех, перед которыми, кажется, стены должны бы были рушиться; горькое негодованье дышало в последних словах Юрия; она не могла вынести долее, вскочила и, рыдая, упала к е<го> ногам. В восторге поднял он ее, прижал к груди своей и долго не мог выговорить двух слов; против его сердца билось другое, нежное, молодое, любящее со всем усердием первой любви. Они сели, смотрели в глаза друг другу, не плакали, не улыбались, не говорили,—это был хаос всех чувств земных и небесных, вихорь, упоение неопределенное, какое не всякий испытал и никто изъяснить не может. Неконченные речи в беспорядке отрывались от их трепещущих губ, и каждое слово стоило поэмы...— само по себе незначащее, но одушевленное звуком голоса, невольным телодвижением — каждое слово было целое блаженство!

— Я люблю, люблю, люблю,— говорил Юрий...— я буду повторять это слово так громко, так часто, что ангелы услышат — и позавидуют...

— Пускай же ангелы — только не люди!..

— Отчего же, мой ангел!..

— Тогда, может быть, они тебя отнимут у бедной Ольги...

— Ты прекрасиа! что за пустой страх?.. ты моя — моя...

— Не раба! иадеюсь!

— Больше, сокровище!

— О мой милый... целуй, целуй меня... я ие хочу быть сокровищем скупого... пускай мне утрожают адские муки... надобно же заплатить судьбе... я счастлива! ие правда ли?

— Ты счастлива! позволь мне обнять тебя — крепче, крепче...

— Почему же иет! отдав тебе душу, могу ли отказать в чем-иибудь.

— Эти волосы... прочь их! Вот так... чтоб твой поцелуй и мой слились в одии...

— Боже, боже... теперь умереть... о! зачем ие теперь?

ГЛАВА XIII

— Друг мой, Ольга, есть бог иа небесах,— есть на земле счастье...

— Дай бог тебе счастье, если ты веришь им обоим! — отвечала она, и рука ее играла густыми кудрями беспечиого юиоши; их лодка скользила иеприметно вдоль по реке, оставляя белый змеистый след за собою между темиыми волиами; весла, будто крылья черной птицы, махали по обеим сторонам их лодки; они оба сидели рядом, и по веслу было в руке каждого; студеная влага с легким шумом всплескивала, порою озаряясь фосфорическим блеском, и потом уступала, оставляя быстрые круги, которые постепенно исчезали в темноте; иа западе была еще красная черта, граиица дня и ночи; зарница, как алмаз, отделялась иа сием своде, и свежая роса уж падала иа опустелый берег <Суры>; мирные плаватели, посреди усыпленной природы, не думая о будущем, шутили меж собою; иногда Юрий каким-нибудь движением заставлял колебаться лодку, чтоб рассердить, испугать свою подругу, но оиа умела отомстить за это иевиниое коварство, иеприметно гребла в противную сторону, так что все его усилия делались тщетны, и челнок остаиавливался, вертелся... смех, ласки, детские опасеиия, все так отзывалось чистотой души, что если б демои захотел искушать их, то не выбрал бы эту

мниуту; Ольга не считала свою любовь преступленнем; она зиала, хотя всяческн старалась усыпить эту мысль, знала, что близок ужасный, кровавый деиь... н... иебо должно было заплатить ей за будущее — в иастоящем; оиа имела сильную душу, которая ие заботилась о неизбежном и по крайней мере хотела жить — пока жизнь светла; как она благодарила судьбу за то, что брат ее был далеко; одии взор этого непоиятиого, грозиого существа оледеиил бы все ее блажеиство; где взял он эту власть?..

— Будет лн конец иашей любвн! — сказал Юрнй, перестав грести и положнв к ией на плечо голову,— иет, нет!.. она продолжится в вечность, она переживет иашу земиую жизнь, н еслн б иаши душн ие были бессмертиы, то она сделала бы их бессмертиыми; кляиусь тебе, ты одна замеиншь мне все другне воспомииаиья — дай руку... эта мнлая рука; оиа так бела, что светнт в темиоте... смотрн, береги же мой перстеиь, Ольга! ты ие слушаешь? ие веришь моим клятвам?

Вместо ответа она запела вполголоса следующую песню:

Воет ветер,
Светнт месяц:
Девушка плачет —
Мнлый в чужбнну скачет;
Нн дева, ни ветер
Не замолкнут:
Месяц погаснет,
Мнлый изменнт!

— Прочь эту песню,— воскликнул Юрий,— кто тебя ее выучнл.

— Никто, сама.

— Не верю. Разве ты во мие сомневаешься!..

— Нет; одиако ты слншком обещаешь — мы скоро расстанемся... а там... там...

— О, если только это пугает тебя, то знай... я скоро ие поеду... я пробуду здесь еще трн месяца...

— Три месяца! боже! — оиа содрогнулась; ее сердце облилось холодом.

— А потом,— сказал Юрий, стараясь ее утешнть и ие понимая значения этого «боже»,— потом съезжу в полк, возьму отставку и возвращусь опять к тебе... тогда ты будешь моею, вопреки всем иичтожиым предрассудкам. Если даже мой отец захочет разлучнть нас, еслн...

о нет! — он дал мне жизнь, а ты меня даришь миллионом жизней в каждой улыбке.

— Три месяца, три месяца — и несколько дней,— повторяла, не слушая, Ольга... ее ум остановился на этой пагубной, неизменной мысли.

Они причалили к берегу... уж было очень темно; деревенская церковь с своей странной колокольней рисовалась на полусветлом небосклоне запада, подобно тени великана; и попеременно озаряемые окна дома одни были видны сквозь редкий ветельник.

Они шли под руку, молча, вдоль по узкой тропинке, и, поровнявшись с разрушенной баней, вдруг услышали грубые голоса. «Посмотрим, что такое»,— шепнул Юрий. Она машинально остановилась.

— Да скоро ли? — спросил первый голос.

— На днях; уж в округе начинается кутерьма. Да будет ли у вас готово? — сказал другой.

— Все будет — уж это наше дело... одни только не смеем; и до вашего прихода будем молчать... воля твоя.

— Ну, пожалуй.

— Да правда ли, что будут соль и хлеб давать даром?..

— Не ведаю — только будет больно хорошо... а вино будет даром, из барских погребов...— тут несколько слов Юрий не расслушал.

— Да Вадим был у нас,— сказал первый голос.

При этом имени Ольга с необыкновенной силой увлекла за собой Палицына.

— Куда ты? — сказал он с удивлением,— что с тобою?..

— Скорей! скорей! — больше она не могла выговорить.

«Это должны быть воры!» — подумал Юрий и перестал дивиться ее испугу.

Пришедши домой, Ольга удалилась немедленно в свою комнату и заперлась.

Наталья Сергевна встретила сына и с улыбкой намекнула о его ночной прогулке; что за радость этой доброй женщине; теперь муж ее, верно, не решится погрешить против сына и жены в одно время. «Впрочем,— думала она,— молодым людям простительно шалить; а как седому старику таким вещам прийти в голову — знает царь небесный!..»

— Мы поедем завтра в монастырь, Юрьюшка,— сказала она вошедшему сыну,— Борис Петрович еще долго пропорскает... куда я рада, что ты не в него!..

И точно; предпочитая своей Наталье Сергевне медведей и собак, почтенный помещик не слишком льстил ее самолюбию, хотя у женщин 18 столетия оно не было так взыскательно, как у наших столичных красавиц.

Но век иной, иные нравы!

ГЛАВА XIV

В восьми верстах от деревни Палицына, у глубокого оврага, размытого дождями, окруженная лесом, была деревушка, бедная и мирная; построенная на холме, она господствовала, так сказать, над окрестностями; ее серый дым был виден издалека, и солнце утра золотило ее соломенные крыши, прежде нежели верхи многих лип и дубов. Здесь отдыхал в полдень Борис Петрович с толпою собак, лошадей и слуг; травля была неудачная, две лисы ушли от борзых и один волк отбился; в тороках у стремянного висело только два зайца... и три гончие собаки еще не возвращались из лесу на звук рогов и протяжный крик ловчего, который, лишив себя обеда из усердия, трусил по островам с тщетными надеждами,— Борис Петрович с горя побил двух охотников, выпил полграфина водки и лег спать в избе; на дворе все было живо и беспокойно; собаки, разделенные по сворам, лакали в длинных корытах, лошади валялись на соломе, а бедные всадники поминутно находились принужденными оставлять котел с кашей, чтоб нагайками подымать их. День был ясен и свеж; северный ветер гнал отрывистые тучки по голубым сводам неба, и вершины лесов шумели, подобно водопаду, качаясь взад и вперед.

Между тем слуги, расположась под навесом, шепотом сообщали друг другу разные известия о самозванце, о близких бунтах, о казни многих дворян — и тайно или явно почти каждый радовался... Это были люди, привыкшие жить в поле, гоняться за зверьми и неспособные к мирным чувствам, к сожалению и большой приверженности; вино, буйство, охота — их единственные занятия, не могли внушить им много набожных мыслей; и если между ними и был один верный, честный слуга, то из осторожности молчал или удалялся. Однажды дошли

как-то эти слухи до Бориса Петровича. «Вздор,— сказал он,— как это может быть?..» Такая беспечность погубила многих наших прадедов; они не могли вообразить, что народ осмелится требовать их крови: так они привыкли к русскому послушанию и верности!

— Ты помнишь, недавно, когда барин тебя посылал на три дни в город,— здесь нам рассказывали, что какой-то удалец, которого казаки величают Красной шапкой, все ставит вверх дном, что он кум сатане и сват дьяволу, ха-ха-ха! что будто сам батюшка хотел с ним посоветоваться! Видно, хват,— так говорил Вадиму старый ловчий по прозванию Атуев, закручивая длинные рыжие усы.

— Я его знаю,— отвечал Вадим с улыбкой,— и вы его скоро увидите! — В этих словах было столько уверенности, столько убедительной твердости, что поневоле старый ловчий вздрогнул: «Ты черт или Гуммель»,— сказал Фильд, когда в первый раз услыхал этого славного артиста; Атуев не сказал, но подумал почти то же самое.

— Когда? — воскликнули многие; и между тем глаза их недоверчиво устремлены были на горбача, который, с минуту помолчав, встал, оседлал свою лошадь, надел рог и выехал со двора.

Удивленная толпа смотрела ему вслед, и по частому топоту они догадались, что Вадим пустился вскачь.

Куда? Зачем? — если б рассказывать все их мнения, то мне был бы нужен талант Вальтера Скотта и терпение его читателей.

Густым лесом ехал Вадим; направо и налево расстилались кусты ореховые и кленовые, меж ними возвышались иногда высокие полусухие дубы, с змеистыми сучьями, странные, темные — и в отдалении синели холмы, усыпанные сверху донизу лесом, пересекаемые оврагами, где покрытые мохом болота обманчивой, яркой зеленью манили неосторожного путника. Вадим ехал скоро, и глубокая, единственная дума, подобно коршуну Прометея, пробуждала и терзала его сердце; вдруг звучная, вольная песня привлекла его внимание; он остановился, прислушался... песня была дика и годилась для шума листьев и ветра пустыни; вот она:

Моя мать родная
Кручинушка злая:

Мой отец родной
Назывался судьбой;
Мои братья, хоть люди,
Не хотят к этой груди
Прижаться,
Им стыдно со мною,
С бедным сиротою,
Обняться.

Но мне богом дана
Молодая жена,
Вольность-волюшка,
Воля милая,
Несравненная,
Неизменная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья;

А моя мать — степь широкая,
А мой отец — небо далекое,
А братья мои в лесах
Березы да сосны;

Скачу ли я на коне,
Степь отвечает мне,
Брожу ли поздней порой,
Небо светит луной;
Мои братья в жаркий день,
Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами.
А вольность мне гнездо свила,
Как мир, необъятное!

Так пел казак, шагом выезжая на гору по узкой дороге, беззаботно бросив повода и сложа руки. Конь привычный не требовал понуждения; и молодой казак на свободе предавался мечтам своим. Его голос был чист и полон, его сердце казалось таким же.

Не песня, но вид казака сильно подействовал на Вадима; он ударил себя в лоб рукой, как обыкновенно делают, когда является неожиданная мысль.

— Стой,— сказал он, устремив мрачный взор на подъехавшего казака; не знаю, что больше подействовало на последнего, голос или взор? но казак остановился и хотел ухватиться за саблю.

— Не нужно! — продолжал Вадим,— поезжай скажи Белбородке, что послезавтра я его жду к себе в гости; нынешню[ю] весну. Палицын поставил на дворе новые качели... к двум веревкам не долго прибавить третью... итак, послезавтра... скажи, что Красная шапка ему кланяется. Ступай.

При имени Красной шапки казак почтительно съехал с дороги и дал место Вадиму, который гордо и вместе ласково кивнул головой, ударил нагайкой лошадь... и ускакал.

Надобно иметь слишком великую или слишком ничтожную мелкую душу, чтоб так играть жизнью и смертию!.. одним словом Вадим убил семейство! и что же он такое? — вчера нищий, сегодня раб, а завтра бунтовщик незаметный в пьяной, окровавленной толпе! Не сам ли он создал свое могущество? какая слава, если б он избрал другое поприще, если б то, что сделал для своей личной мести, если б это терпение, геройское терпение, эту скорость мысли, эту решительность обратил в пользу какого-нибудь народа, угнетенного чуждым завоевателем... какая слава! если б, например, он родился в Греции, когда турки угнетали потомков Леонида... а теперь?.. имея в виду одну цель — смерть трех человек, из коих один только виновен, теперь он со всем своим гением должен потонуть в пучине неизвестности... ужели он родился только для их казни!.. разобрав эти мысли, он так мал сделался в собственных глазах, что готов был бы в один миг уничтожить плоды многих лет; и презрение к самому себе, горькое презрение обвилось как змея вокруг его сердца и вокруг вселенной, потому что для Вадима все заключалось в его сердце!

Теряясь в таких мыслях, он сбился с дороги и (был ли то случай) неприметно подъехал к тому самому монастырю, где в первый раз, прикрытый нищенским рубищем, пламенный обожатель собственной страсти, он предложил свои услуги Борису Петровичу... о, тот вечер неизгладимо остался в его памяти, со всеми своими красками земными и небесными, как пестрый мотылек, утонувший в янтаре. И теперь опять он здесь, теперь, когда, видя близкий конец своего ужасного предприятия, он едва может перенесть тягость одной насмешки самолюбия. Спрашиваю: случай ли привел его сюда!..

Звонили ко всенощной, и протяжный дрожащий вой колокола раздавался в окрестности; солнце было низко, и одна половина стены ярко озарялась розовым блеском заката; народ из соседних деревень, в нарядных одеждах, толпился у святых врат, и Вадим издали узнал длинные дроги Палицына, покрытые узорчатым ковром; кто же здесь? верно, Наталья Сергевна; он привязал

свою лошадь к толстой березе и пошел в монастырь; сердце его билось болезненным ожиданием, но скоро перестало — один любопытный взгляд толпы, одно насмешливое слово! и человек делается снова демон!..

Тихо Вадим приближался к церкви; сквозь длинные окна сияли многочисленные свечи, и на тусклых стеклах мелькали колеблющиеся тени богомольцев; но на дворе монастырском все было тихо; в тени, окруженные высокою полынью и рябиновыми кустами, белели памятники усопших с надписями и крестами; свежая роса упадала на них, и вечерние мошки жужжали кругом; у колодца стоял павлин, распуша радужный хвост, неподвижен, как новый памятник; не знаю, с какой целью, но эта птица находится почти во всех монастырях!

По обеим сторонам крыльца церковного сидели нищие, прежние его товарищи... они его не узнали или не смели узнать... но Вадим почувствовал неизъяснимое сострадание к этим существам, которые, подобно червям, ползают у ног богатства, которые, без родных и отечества, кажется, созданы только для того, чтобы упражнять в чувствительности проходящих!.. но люди ко всему привыкают, и если подумаешь, то ужаснешься; как знать? может быть, чувства святейшие одна привычка, и если б зло было так же редко, как добро, а последнее — наоборот, то наши преступления считались бы величайшими подвигами добродетели человеческой!

Вадим, сказал я, почувствовал сострадание к нищим и остановился, чтобы дать им что-нибудь; вынув несколько грошей, он каждому бросал по одному: они благодарили нараспев, давно затверженными словами и даже не подняв глаз, чтобы рассмотреть подателя милостыни... это равнодушие напомнило Вадиму, где он и с кем; он хотел идти далее, но костистая рука вдруг остановила его за плечо; «Постой, постой, кормилец!» — пропищал хриплый женский голос сзади его, и рука нищенки все крепче сжимала свою добычу; он обернулся — и отвратительное зрелище представилось его глазам: старушка, низенькая, сухая, с большим брюхом, так сказать, повисла на нем; ее засученные рукава обнажали две руки, похожие на грабли, и полусиний сарафан, составленный из тысячи гадких лохмотьев, висел криво и косо на этом подвижном скелете; выражение ее лица поражало ум какой-то неизъясни-

мой низостью, какой-то гнилостью, свойственной мертвецам, долго стоявшим на воздухе, вздернутый нос, огромный рот, из которого вырывался голос резкий и странный, еще ничего не значили в сравнении с глазами нищенки! вообразите два серые кружка, прыгающие в узких щелях, обведенных красными каймами; ни ресниц, ни бровей!.. и при всем этом взгляд, тяготеющий на поверхности души; производящий во всех чувствах болезненное сжимание!.. Вадим не был суевер, но волосы у него встали дыбом. Он в один миг прочел в ее чертах целую повесть разврата и преступлений, но не встретил ничего похожего на раскаянье; не мудрено, если он отгадал правду: есть существа, которые на высшей степени несчастия так умеют обрубить, обточить свою бедственную душу, что она теряет все способности, кроме первой и последней: жить!

— Ты позабыл меня, дорогой, позабыл — дай копеечку,— не для бога, для черта... дай копеечку... али позабыл меня! не гордись, что ты холоп барской... чай, недавно валялся вместе...

Вадим вырвался из ее рук.

— Проклят! проклят, проклят! — кричала в бешенстве старуха,— чтобы тебе сгнить живому, чтобы черви твой язык подточили, чтоб вороны глаза проклевали, чтоб тебе ходить спотыкаться, пить захлебнуться... горбатый, урод, холоп... проклят, проклят!..

И снова она уцепилась за полу Вадима; он обернулся и с досады так сильно толкнул ее в грудь, что она упала навзничь на каменное крыльцо; голова ее стукнула как что-то пустое, и ноги протянулись; она ни слова не сказала больше, по крайней мере Вадим не слыхал, потому что он поспешно взошел в церковь, где толпа слушала с благоговением всенощную,— эти самые люди готовились проливать кровь завтра, ныне! и они, крестясь и кланяясь в землю, поталкивали друг друга, если замечали возле себя дворянина, и готовы были растерзать его на месте; но еще не смели; еще ни один казак не привозил кровавых приказаний в окружные деревни.

Вадим продрался сквозь толпу до самого клироса и, став на амвон, окинул взором всю церковь. Прямой, высокий вызолоченный иконостас был уставлен образами в пять рядов, и огромные паникадила, висящие среди церкви, бросали сквозь дым ладана таинственные лучи

на блестящую резьбу и усыпанные жемчугом оклады; задняя часть храма была в глубокой темноте; одна лампада, как запоздалая звезда, не могла рассеять вокруг тяготеющие тени; у стены едва можно было различить бледное лицо старого схимника, лицо, которое вы приняли бы за восковое, если б голова порою не наклонялась и не шевелились губы; черная мантия и клобук увеличивали его бледность, и руки, сложенные на груди крестом, подобились тем двум костям, которые обыкновенно рисуются под Адамовой головой.

Поближе, между столбами и против царских дверей пестрела толпа. Перед Вадимом было волнующееся море голов, и он с возвышения свободно мог рассматривать каждую; тут мелькали уродливые лица, как странные китайские тени, которые поражали слиянием скотского с человеческим, уродливые черты, которых отвратительность определить невозможно было, но при взгляде на них рождались горькие мысли: тут являлись старые головы, исчерченные морщинами, красные, хранящие столько смешанных следов страстей унизительных и благородных, что сообразить их было бы трудней, чем исчислить; и между ними кое-где сиял молодой взор, и показывались щеки, полные, раскрашенные здоровьем, как цветы между серыми камнями.

Имея эту картину пред глазами, вы без труда могли бы разобрать каждую часть ее; но целое произвело бы на вас впечатление смутное, неизъяснимое; и после, вспоминая, вы не сумели бы ясно представить себе ни одного из тех образов, которые поразили ваше воображение, подали вам какую-нибудь новую мысль и, оставив ее, сами потонули в тумане.

Вадим для рассеянья старался угадывать внутреннее состояние каждого богомольца по его наружности, но ему не удалось; он потерял принятый порядок, и скоро все слилось перед его глазами в пестрое собранье лохмотьев, в кучу носов, глаз, бород; и озаренные общим светом, они, казалось, принадлежали одному, живому, вечно движущемуся существу; одним словом это была толпа; нечто смешное и вместе жалкое!

Бродячий взгляд Вадима искал где-нибудь остановиться, но картина была слишком разнообразна, и к тому же все мысли его, сосредоточенные на один предмет, не отражали впечатлений внешних; одно мучительно-сладкое чувство ненависти, достигнув высшей своей

степени, загородило весь мир, и душа поневоле смотрела сквозь этот черный занавес.

Направо, между царскими и боковыми дверьми, был нерукотворенный образ спасителя удивительной величины; позолоченный оклад, искусно выделанный, сиял как жар, и множество свечей, расставленных на висящем паникадиле, кидали красноватые лучи на возвышающиеся части мелкой резьбы или на круглые складки одежды; перед самым образом стояла железная кружка,— это была милость у ног спасителя,— и над ней внизу образа было написано крупными, выпуклыми буквами: *«Приидите ко мне вси труждающиеся, и аз успокою вы!»*

Многие приближались к образу и, приложившись, после земного поклона кидали в кружку медные деньги, которые, упадая, отдавали глухой звук.

Раз госпожа и крестьянка с грудным младенцем на руках подошли вместе; но первая с надменным видом оттолкнула последнюю, и ушибленный ребенок громко закричал; «Не мудрено, что завтра,— подумал Вадим,— эта богатая женщина будет издыхать на виселице, тогда как бедная, хлопая в ладоши, станет указывать на нее детям своим». И отвернувшись, он хотел идти прочь.

Но третья женщина приблизилась к святой иконе,— и — он знал эту женщину!..

Ее кровь — была его кровь, ее жизнь — была ему в тысячу раз дороже собственной жизни, но ее счастье— не было его счастьем, потому что она любила другого, прекрасного юношу, а он, безобразный, хромой, горбатый, не умел заслужить даже братской нежности, он, который любил ее одну в целом божьем мире, ее одну, который за первое непритворное, искреннее «люблю» — с восторгом бросил бы к ее ногам все, что имел, свое сокровище, свой кумир — свою ненависть!.. Теперь было поздно.

Он знал, твердо был уверен, что ее сердце отдано... и навеки. Итак, она для него погибла... и со всем тем, чем более страдал, тем меньше мог расстаться с своей любовью... потому что эта любовь была последняя божественная часть его души, и, угасив ее, он не мог бы остаться человеком.

Не заметив брата, Ольга тихо стала перед образом, бледна и прекрасна; она была одета в черную бархатную шубейку, как в тот роковой вечер, когда Вадим ей

открыл свою тайну; большие глаза ее были устремлены на лик спасителя, это была ее единственная молитва, и если б бог был человек, то подобные глаза никогда не молились бы напрасно.

Перекрестясь, она приложилась; яркая риза на минуту потускнела от девственного дыхания.

И когда Ольга вторично подняла взор, то в нем заметна была перемена, довольно странная; удивительный блеск заменил прежнюю томность; это были слезы... одна из них не удержалась на густой реснице, блеснула, как алмаз, и упала.

Конечно, новая надежда вытеснила из ее сердца эти слезы, и Ольга обернулась, чтоб удалиться... и перед ней стоял Вадим; его огненный взгляд в одну минуту высушил слезы, каждая жила ее сердца вздрогнула, дыханье остановилось.

Горе, горе ему! она пришла сюда с верою в душе, а возвратилась с отчаяньем; (все это время дьячок читал козлиным голосом посланье апостола Павла, и кругом, ничего не заметив, толпа зевала в немом бездействии... что такое две страсти в целом море равнодушия?).

С горькой, горькой улыбкой Вадим вторично прочел под образом спасителя известный стих: *«Приидите ко мне вси труждающиеся, и аз успокою вы!» Что делать! — он верил в бога — но также и в дьявола!*

И выходя из храма, он еще раз взглянул на сестру; возле нее стоял Юрий, небрежно чертя на песке разные узоры своей шпагой; и она, прислонясь к стене, не сводила с него очей, исполненных неизъяснимой муки... можно было подумать, что через минуту ей суждено с ним расстаться навсегда.

Но разве несколько дней не короче минуты, когда смерть зовет и любовь потеряла надежду.

— Итак, она точно его любит! — шептал Вадим, неподвижно остановясь в дверях. Одна его рука была за пазухой, а ногти его по какому-то судорожному движению так глубоко врезались в тело, что когда он вынул руку, то пальцы были в крови... он как безумный посмотрел на них, молча стряхнул кровавые капли на землю и вышел.

На крыльце шумела куча нищих и богомольцев; они составляли кружок, и посреди их на холодных каменных плитах лежала, протянувшись, мертвая старуха.

— Какой-то проходящий толкнул ее... мы думали, что он шутит... она упала, да и окочурилась... черт ее знал! вольно ж было не закричать! — так говорил один нищий; другие повторяли его слова с шумом, оправдываясь в том, что не подали ей помощь, и плачевным голосом защищали свою невинность.

Вадим слышал... но не вспомнил, что *он* толкнул старуху.

— Итак, она его любит! — бормотал он сквозь зубы, садясь на нетерпеливого коня,— итак, она его любит!

Вадим имел несчастную душу, над которой иногда единая мысль могла приобрести неограниченную власть. Он должен бы был родиться всемогущим или вовсе не родиться.

ГЛАВА XV

Между тем перед вратами монастырскими собиралась буйная толпа народа; кое-где показывались казацкие шапки, блистали копья и ружья; часто от общего ропота отделялись грозные речи, дышащие мятежом и убийством, часто раздавались отрывистые песни и пьяный хохот, которые не предвещали ничего доброго, потому что веселость толпы в такую минуту — поцелуй Иуды! Что-то ужасное созревало под этой веселостию, подстрекаемой своеволием, возбужденной новыми пришельцами, уже привыкшими к кровавым зрелищам и грабежу свободному...

И все это происходило в виду церкви, где еще блистали свечи и раздавалось молитвенное пение.

Скоро и в церкви пробежал зловещий шепот; понемногу мужики стали из нее выбираться, один от нетерпения, другие из любопытства, а иные — так, потому что сосед сказал: пойдем, потому что... как не посмотреть, что там делается?

Народ, столпившийся перед монастырем, был из ближней деревни, лежащей под горой; беспрестанно приходили новые помощники, беспрестанно частные возгласы сливались более и более в один общий гул, в один продолжительный, величественный рев, подобный беспрерывному грому в душную летнюю ночь... картина была ужасная, отвратительная... но взор хладнокровного наблюдателя мог бы ею насытиться вполне; тут он

понял бы, что такое народ; камень, висящий на полугоре, который может быть сдвинут усилием ребенка, но, несмотря на то, сокрушает все, что ни встретит в своем безотчетном стремлении... тут он увидал бы, как мелкие самолюбивые страсти получают вес и силу оттого, что становятся общими; как народ, невежественный и не чувствующий себя, хочет увериться в истине своей минутной, поддельной власти, угрожая всему, что прежде он уважал или чего боялся, подобно ребенку, который говорит неблагопристойности, желая доказать этим, что он взрослый мужчина!

Вокруг яркого огня, разведенного прямо против ворот монастырских, больше всех кричали и коверкались нищие. Их радость была исступление; озаренные трепетным, багровым отблеском огня, они составляли первый план картины; за ними все было мрачнее и неопределительнее, люди двигались, как резкие, грубые тени; казалось, неизвестный живописец назначил этим нищим, этим отвратительным лохмотьям прилично место; казалось, он выставил их на свет как главную мысль, главную черту характера своей картины...

Они были душа этого огромного тела, потому что нищета — душа порока и преступлений; теперь настал час их торжества; теперь они могли в свою очередь насмеяться над богатством, теперь они превратили свои лохмотья в царские одежды и кровью смывали с них пятна грязи; это был пурпур в своем роде; чем менее они надеялись повелевать, тем ужаснее было их царствование; надобно же вознаградить целую жизнь страданий хотя одной минутой торжества; нанести хотя один удар тому, чье каждое слово было — обида, один — но смертельный.

Когда служба в монастыре отошла и приезжие богомольцы, толкаясь, кучею повалили на крыльцо, то шум на время замолк, и потом вдруг пробежал зловещий ропот по толпе мятежной, как ропот листьев, пробужденных внезапным вихрем. И неизвестная рука, неизвестный голос подал знак, не условный, но понятный всем, но для всех повелительный; это был бедный ребенок одиннадцати лет не более, который заграждая путь какой-то толстой барыне, получил от нее удар в затылок и, громко заплакав, упал на землю... этого было довольно: толпа зашевелилась, зажужжала, двинулась, как будто она до сих пор ожидала только эту причину, этот

незначащий предлог, чтобы наложить руки на свои жертвы, чтоб совершенно обнаружить свою ненависть! Народ, еще неопытный в таких волнениях, похож на актера, который, являясь впервые на сцену, так смущен новостию своего положения, что забывает начало роли, как бы твердо ее ни знал он; надобно непременно, чтоб суфлер, этот услужливый Протей, подсказал ему первое слово, и тогда можно надеяться, что он не запнется на дороге.

Между тем Юрий и Ольга, которые вышли из монастыря несколько прежде Натальи Сергевны, не захотев ее дожидаться у экипажа и желая воспользоваться душистой прохладой вечера, шли рука об руку по пыльной дороге; чувствуя теплоту девственного тела так близко от своего сердца, внимая шороху платья, Юрий невольно забылся, он обвил круглый стан Ольги одной рукою и другой отодвинул большой бумажный платок, покрывавший ее голову и плечи, напечатлел жаркий поцелуй на ее круглой шее; она запылала, крепче прижалась к нему и ускорила шаги, не говоря ни слова... в это время они находились на перекрестке двух дорог, возле большой засохшей от старости ветлы, коей черные сучья резко рисовались на полусветлом небосклоне, еще хранящем последний отблеск запада.

Вдруг Ольга остановилась; странные звуки, подобные крикам отчаяния и воплю бешенства, поразили слух ее: они постепенно возрастали.

— Что-то ужасное происходит у монастыря,— воскликнула Ольга,— моя душа предчувствует... О Юрий! Юрий!.. если б ты знал, мы гибнем... ты заметил ли зловещий шепот народа при выходе из церкви и заметил ли эти дикие лица нищих, которые радовались и веселились... о, это дурной знак: святые плачут, когда демоны смеются.

Юрий, мрачный, в нерешимости, бежать ли ему на помощь к матери или остаться здесь, стоял, вперив глаза на монастырь, коего нижние части были ярко освещены огнями; вдруг глаза его сверкнули; он кинулся к дереву; в одну минуту вскарабкался до половины и вскоре с помощью толстых сучьев взобрался почти на самый верх.

— Что видишь ты <?> — спросила трепетная Ольга.

Он не отвечал; была минута, в которую он так сильно вздрогнул, что Ольга вскрикнула, думая, что он со-

рвется; но рука Юрия как бы машинально впилась в бесчувственное дерево; наконец, он слез, молча сел на траву близ дороги и закрыл лицо руками.

— Что видел ты? — говорила девушка,— отчего твои руки так холодны и лицо так влажно?..

— Это роса,— отвечал Юрий, отирая хладный пот с чела и вставая с земли.— Все кончено... напрасно — я бессилен против этой толпы. Она погибла — о провидение,— что мне делать, что мне делать, отвечай мне, творец всемогущий! — воскликнул он, ломая руки и скрежеща зубами.

Ночь делалась темнее и темнее; и Ольга, ухватясь за своего друга, с ужасом кидала взоры на дальний монастырь, внимая гулу и воплям, разносимым по полю возрастающим ветром; вдруг шум колес и топот лошадиный послышались по дороге; они постепенно приближались, и вскоре подъехал к нашим странникам мужик в пустой телеге; он ехал рысью, правил стоя и пел какую-то нескладную песню. Поровнявшись с Юрием, он приостановил свою буланую лошадь.

— Что, боярин,— сказал он насмешливо, поглаживая рыжую бороду,— аль там не пирогами кормят; что ты больно поторопился домой-то... да еще пешечком, сем-ка довезу!..

Юрий, не отвечая ни слова, схватил лошадь под уздцы.

— Что ты, что ты, боярин! — закричал грубо мужик,— уж не впрямь ли хочешь со мною съездить!.. эк всполошился! — продолжал он, ударив лошадь кнутом и присвистнув; добрый конь рванулся... но Юрий, коего силы удвоило отчаяние, так крепко вцепился в узду, что лошадь принуждена была кинуться в сторону; между тем колесо телеги сильно ударилось о камень, и она едва не опрокинулась; мужик, потерявший равновесие, упал, но не выпустил вожжи; он уж занес ногу, чтоб опять вскочить в телегу, когда неожиданный удар по голове поверг его на землю и сильная рука вырвала вожжи... «Разбой!» — заревел мужик, опомнившись и стараясь приподняться; но Юрий уже успел схватить Ольгу, посадить ее в телегу, повернуть лошадь и ударить ее изо всей мочи; она кинулась со всех ног; мужик еще раз успел хриплым голосом закричать: «Разбой!» Колесо переехало ему через грудь, и он замолк, вероятно навеки.

Ужасна была эта ночь,— толпа шумела почти до рассвета, и кровавые потешные огни встретили первый луч восходящего светила; множество нищих, обезображенных кровью, вином и грязью, валялось на поляне, иные из них уж собирались кучками и расходились; в многих местах опаленная трава и черный пепел показывали место угасшего костра; на некоторых деревьях висели трупы... два или три, не более... Один из них по всем приметам был некогда женщиной, но, обезображенный, он едва походил на бренные остатки человека; и даже ближайшие родственники не могли бы в нем узнать добрую <Наталью> Сергевну.

ГЛАВА XVI

Я попрошу своего или своих любезных читателей перенестись воображением в ту малую лесную деревеньку, где Борис Петрович со своей охотой основал главную свою квартиру, находя ее центром своих операционных пунктов, накануне травля была удачная; поздно наш старый охотник возвратился на ночлег, досадуя на то, что его стремянный, Вадим, уехав бог знает зачем, не возвратился. В избе, где он ночевал, была одна хозяйка, вдова, солдатка лет тридцати, довольно белая, здоровая, большая, русая, черноглазая, полногрудая, опрятная,— и потому вы легко отгадаете, что старый наш прелюбодей, несмотря на серебристую оттенку волос своих и на рождающиеся признаки будущей подагры, не смотрел на нее философическим взглядом, а старался всячески выиграть ее благосклонность, что и удалось ему довольно скоро и без больших убытков и хлопот. Уж давно лучина была погашена; уж петух, хлопая крыльями, сбирался в первый раз пропеть свою сиповатую арию; уж кони, сытые по горло, изредка только жевали остатки хрупкого овса, и в избе на полатях, рядом с полногрудой хозяйкою, Борис Петрович храпел непомилованно; вероятно, утомленный трудами дня, и (вероятнее) упоенный сладкой водочкой и поцелуями полногрудой хозяйки, и успокоенный чистой и непорочной совестью, он еще долго бы продолжал храпеть и переворачиваться со стороны на сторону, если б вдруг среди глубокой тишины сильная, неведомая рука не ударила три раза в ворота так, что они затрещали. Собаки жалобно залаяли, и хозяйка, вздрогнув, проснулась, пе-

рекрестилась и, протирая кулаками опухшие глаза и разбирая растрепанные волосы, молвила: «Господи, боже мой! да кто это там!.. наше место свято!.. да что это как стучат». Она слезла и подошла к окну; отворила его: ночной ветер пахнул ей на открытую потную грудь, и она, с досадой высунув голову на улицу, повторила свои вопросы; в самом деле, буланая лошадь в хомуте и шлее стояла у ворот и возле нее человек, незнакомый ей, но с виду не старый и не крестьянин.

— Отопри проворнее!..— закричал он громовым голосом.

— Экой скорый! — пробормотала солдатка, захлопнув окно,— подождешь, не замерзнешь!.. не спится, видно, тебе, так бродишь по лесу, как леший проклятый...— Она надела шубу, вышла, разбудила работника, и тот, наконец, отпер скрипучую калитку, браня приезжего; но сей последний едва лишь ворвался на двор и узнал от работника, что Борис Петрович тут, как опрометью бросился в избу.

— Батюшка! — сказал Юрий, которого вы, вероятно, узнали, приметно изменившимся голосом и в потемках ощупывая предметы,— проснитесь! где вы!.. проснитесь!.. дело идет о жизни и смерти!.. Послушай,— продолжал он шепотом, обратясь к полусонной хозяйке и внезапно схватив ее за горло,— где мой отец? что вы с ним сделали?..

— Помилуй, барин, что ты, рехнулся, што ли... я закричу... да пусти, пусти меня, окаянный... да разве не слышишь, как он на полатях-то храпит...— И задыхаясь, она старалась вырваться из рук Юрия...

— Что за шум! кто там развозился! Петрушка, Терешка, Фотька!.. ей вы...— закричал Борис Петрович, пробужденный шумом и холодным ветром, который рвался в полурастворенные двери, свистя и завывая, подобно лютому зверю.

— Батюшка! — говорил Юрий, пустив обрадованную женщину,— сойдите скорее... жизнь и смерть, говорю я вам!.. сойдите, ради неба или ада...

— Да что ты за человек,— бормотал Борис Петрович, сползая с печи...

— Я! ваш сын... Юрий...

— Юрий... что это значит... объясни... зачем ты здесь... и в это время!..

Он в испуге схватил сына за руки и смотрел ему в глаза, стараясь убедиться, что это он, что это не лукавый призрак.

— Батюшка! мы погибли! народ бунтует! да! и у нас... я видел, когда проскакал, на улице села и вокруг церкви толпились кучи народа... и некоторые восклицания, долетевшие до меня, показывают, что они ждут если не самого Пугачева... то казаков его... спасайтесь!..

— А <Наталья> Сергевна!.. а вещи мои...

— Матушка... не говорите об ней...

— Она...

— Спасайтесь! — сказал мрачно Юрий, крепко обняв отца своего; горячая слеза брызнула из глаз юноши и упала, как искра, на щеку старика и обожгла ее...

— О!..— завопил он.— Кто б мог подумать! поверить!.. кто ожидал, что эта туча доберется и до нас, грешных! о господи! господи!.. куда мне деваться!.. все против нас... бог и люди.. и кто мог отгадать, что этот Пугачев будет губить кого же? — русское дворянство! — простой казак!.. боже мой! святые отцы!

— Нет ли у вас с собою кого-нибудь, на чью верность вы можете надеяться! — сказал быстро Юрий.

— Нет! нет! никого нет!..

— Фотька Атуев?..

— Я его сегодня прибил до полусмерти, каналью!

— Терешка!..

— Он давно желал бы мне нож в бок за жену свою... разбойники, антихристы!.. о, спаси меня! сын мой...

— Мы погибли! — молвил Юрий, сложив руки и подняв глаза к небу.— Один бог может сохранить нас!.. молитесь ему, если можете...

Борис Петрович упал на колена; и слезы рекой полились из глаз его; малодушный старик! он ожидал, что целый хор ангелов спустится к нему на луче месяца и унесет его на серебряных крыльях за тридевять земель.

Но не ангел, а бедная солдатка с состраданием подошла к нему и молвила: «Я спасу тебя».

В важные эпохи жизни иногда в самом обыкновенном человеке разгорается искра геройства, неизвестно доселе тлевшая в груди его, и тогда он свершает дела, о коих до сего ему не случалось и грезить, которым да-

же после он сам едва верует. Есть простая пословица: «Москва сгорела от копеешной свечки!»

Между тем хозяйка молча подала знак рукою, чтоб они оба за нею следовали, и вышла; на цыпочках они миновали темные сени, где спал стремянный Палицына, и осторожно спустились на двор по четырем скрыпучим и скользким ступеням; на дворе все было тихо: собаки на сворах лежали под навесом, и изредка лишь фыркали сытые кони или охотник произносил во сне бессвязные слова, поворачиваясь на соломе под теплым полушубком. Когда они миновали анбар и подошли к задним воротам, соединявшим двор с обширным огородом, усеянным капустой, коноплями, редькой и подсолнечниками и оканчивающимся тесным гумном, где только две клади, как будки, стоя по углам, казалось, сторожили высокий и пустой овин, возвышающийся посередине, то раздался чей-то голос, вероятно одного из пробудившихся псарей.

— Кто там? — спросил он.

— Разве не видишь, что хозяева,— отвечала солдатка; заметив, что псарь приближался к ней переваливаясь, как бы стараясь поддержать свою голову в равновесии с прочими частями тела, она указала своим спутникам большой куст репейника, за который они тотчас кинулись, и хладнокровно остановилась у ворот.

— А разве красавицам пристало гулять по ночам? — сказал, почесывая бока, пьяный псарь и тяжелой своей лапой с громким смехом ударил ее по плечу!..

— И, батюшка! что я за красавица! с нашей работки-то не больно разжиреешь!..

— Уж не ломайся, знаем мы!.. экая гладкая! у барина, видно, губа не дура... эк ты прижила себе старого черта!.. да небось! несдобровать ему, высчитаем мы ему наши слезки... дай срок! батюшка Пугачев ему рыло-то обтешет... пусть себе не верит... а ты, моя молодка... за это поцелуй меня.

Он хотел обнять ее, но она увернулась, и наш проворный рыцарь спьяну наткнулся на оглоблю телеги... спотыкнулся, упал, проворчал несколько ругательств, и заснул он или нет — не знаю, по крайней мере не поднялся на ноги и остался в сладком самозабвении.

Легко вообразить, с каким нетерпением отец и сын ожидали конца этой неприятной сцены... наконец, они вышли в огород и удвоили шаги. Сильно бились сердца

их, стесненные непонятным предчувствием; они шли, удерживая дыхание, скользя по росистой траве, продираясь между коноплей и вязких гряд, зацепляя поминутно ногами или за кирпич, или за хворост; вороньи пугалы казались им людьми, и каждый раз, когда полевая крыса кидалась из-под ног их, они вздрагивали, Борис Петрович хватался за рукоятку охотничьего ножа, а Юрий за шпагу... но, к счастию, все их страхи были напрасны, и они благополучно приближились к темному овину; хозяйка вошла туда, за нею Борис Петрович и Юрий; она подвела их к одному темному углу, где находилось два сусека, один из них с хлебом, а другой до половины наваленный соломой.

— Полезай сюда, барин,— сказала солдатка, указывая на второй,— да заройся хорошенько с головой в солому, и кто бы ни приходил, что бы тут ни делали... не вылезай без меня; а я, коли жива буду, тебя не выдам; что б ни было, а этого греха не возьму на свою душу!..

Когда Борис Петрович влез, то Юрий, вместо того чтоб следовать его примеру, взглянул на небо и сказал твердым голосом:

— Прощайте, батюшка, будьте живы... ваше благословение! может быть, мы больше не увидимся.— Он повернулся и быстро пустился назад по той же дороге; взойдя на двор, он, не будучи никем замечен, отвязал лучшую лошадь, вскочил на нее и пустился снова через огород, проскакал гумно, махнул рукою удивленной хозяйке, которая еще стояла у дверей овина, и, перескочив через ветхий, обвалившийся забор, скрылся в поле, как молния; несколько минут можно было различить мерный топот скачущего коня... он постепенно становился тише и тише и, наконец, совершенно слился с шепотом листьев дубравы.

«Куда этот верченый пустился! — подумала удивленная хозяйка,— видно, голова крепка на плечах, а то кто бы ему велел таскаться,— ну, не дай бог, наткнется на казаков — и поминай как звали буйнова мóлодца,— ох! ох! ох! больно меня раздумье берет!.. спрятала-то я старого, спрятала, а как станут меня бить да мучить... ну, уж коли на то пошла, так берегись, баба!.. не давши слова — держись, а давши — крепись... только бы он сам не оплошал!»

ГЛАВА XVII

В эту же ночь, богатую событиями, Вадим, выехав из монастыря, пустился блуждать по лесу, но конь, устав продираться сквозь колючий кустарник, сам вывез его на дорогу в село Палицына.

Задумавшись ехал мрачный горбач, сложа руки на груди и повеся голову; его охотничья плеть моталась на передней луке казацкого седла, и добрый степной конь его, горячий, щекотливый от природы, понемногу стал прибавлять ходу, сбился на рысь, потом, чувствуя, что повода висят покойно на его мохнатой шее, зафыркал, прыгнул и ударился скакать... Вадим опомнился, схватил поводья и так сильно осадил коня, что тот сразу присел на хвост, замотал головою, сделал еще два скачка вбок и остановился: теплый пар поднялся от хребта его, и пена, стекая по стальным удилам, клоками падала на землю.

— Куда торопишься? чему обрадовался, лихой товарищ? — сказал Вадим...— но тебя ждет покой и теплое стойло; ты не любишь, ты не понимаешь ненависти; ты не получил от благих небес этой чудной способности: находить блаженство в самых диких страданиях... о, если б я мог вырвать из души своей эту страсть, вырвать с корнем, вот так! — и он, наклонясь, вырвал из земли высокий стебель полыни.— Но нет! — продолжал он...— одной капли яда довольно, чтоб отравить чашу, полную чистейшей влаги, и надо ее выплеснуть всю, чтобы вылить яд...— Он продолжал свой путь, но не шагом; неведомая сила влечет его; неутомимый конь летит, рассекает упорный воздух; волосы Вадима развеваются, два раза шапка чуть-чуть не слетела с головы; он придерживает ее рукою... и только изредка поталкивает ногами скакуна своего; вот уж и село... церковь... кругом огни... мужики толпятся на улице в праздничных кафтанах... кричат, поют песни... то вдруг замолкнут, то вдруг сильней и громче пробежит говор по пьяной толпе... Вадим привязывает коня к забору и неприметно вмешивается в толпу... Эти огни, эти песни — все дышало тогда какой-то насильственной веселостью, принимало вид языческого праздества, и даже в песнях часто повторяемые имена «диди» и «ладо» могли бы ввести в это заблуждение неопытного чужестранца.

— Ну! Вадимка! — сказал один толстый мужик с редкой бородою и огромной лысиной...— как слышно! скоро ли ваш батюшка-то пожалует.

— Завтра — в обед,— отвечал Вадим, стараясь отделаться.

— Ой ли? — подхватил другой,— так, стало быть, не нонче, а завтра... так... так!.. а что, как слышно?.. чай, много с ним рати военной... чай, казаков-то видимо-невидимо... а что, у него серебряный кафтан-то?

— Ах ты дурак, дурак, забубенная башка...— сказал третий, покачивая головой,— эко диво серебряный... чай, не только кафтан, да и сапоги-то золотые...

— Да кто ему подносить станет хлеб с солью? — чай, всё старики...

— Вестимо... Послушай, брат Вадим,— продолжал четвертый, огромный детина, черномазый, с налитыми кровью глазами,— где ваш барин-то!.. не удрал бы он... а жаль бы было упустить... уж я бы его попотчевал... он и в могилу бы у меня с оскомною лег...

«Нет, нет! — подумал Вадим, удаляясь от них,— это моя жертва... никто не наложит руки на него, кроме меня. Никто не услышит последнего его вопля, никто не напечатлеет в своей памяти последнего его взгляда, последнего судорожного движения, кроме меня... Он мой — я купил его у небес и ада; я заплатил за него кровавыми слезами; ужасными днями, в течение коих мысленно я пожирал все возможные чувства, чтоб под конец у меня в груди не осталось ни одного, кроме злобы и мщения... о! я не таков, чтобы равнодушно выпустить из рук свою добычу и уступить ее вам... подлые рабы!..»

Он быстрыми шагами спустился в овраг, где протекал небольшой гремучий ручей, который, прыгая через камни и пробираясь между сухими вербами, с журчанием терялся в густых камышах и безмолвно сливался с <Сурою>. Тут все было тихо и пусто; на противной стороне возвышался позади небольшого сада господский дом с многочисленными службами... он был темен... ни в одном окне не мелькала свечка, как будто все его жители отправились в дальнюю дорогу... Вадим перебрался по доскам через ручей и подошел к ветхой бане, находящейся на полугоре и окруженной густыми рябиновыми кустами... ему показалось, что он заметил слабый свет сквозь замок двери; он остановился и на

цыпочках подкрался к окиу, плотно закрытому ставнем...

В баие слышались иевиятиые голоса, и Вадим, припав под окиом в густую траву, начал прилежно вслушиваться; его сердце, закалеиное противу всех земиых несчастий, в эту миииуту сильно забилось, как орел в железиой клетке при виде кровавой пищи... Вадим удивился, как удивился бы другой, если б среди зимией иочи ударил гром... он крепко прижал руку к груди своей и прошептал: «Спи, безумиое! спи... твоя пора прошла или еще не иастала! но к чему теперь! разве есть близко тебя существо, которое ты иеиавидишь?.. говори?..» — н ои,— задержав дыхаиие, снова приложнл ухо к окиу — и услышал:

1 голос. Прощай, мой друг... навсегда...

2 голос. Мне тебя покииуть? Нет, если б на этом пороге было иаписаио судьбою: *смерть* — то я перескочил бы... обнял тебя... и умер...

1 голос. Но я в безопасности!.. я существо ничтожиое; я останусь иезамечеиа средн общего волиения...

2 голос. Нет, невозможно... долг зовет меня к отцу... я спасу его н вернусь... мнр без тебя? что такое!.. храм без божества... зачем мие бежать от опасиости... разве провидеиие ие настнгнет меня везде, еслн я должен погибиуть!..

1 голос. Жестокий! так ты ие хочешь... послушай! ради бога... беги...

2 голос. Нет!.. прощай... через несколько часов я сиова буду с тобою.

Голоса замолкли, и слышно было, как дверь баии скрыпнула, отворяясь, н как опять захлопнулась, н Ваднм видел, как кто-то, подобио призраку, мелькиул в овраге, потом на горе, перескочил через плетеиь, перерезывающий овраг, н скрылся в ночном тумаие.

Ваднм встал, подошел к дверн н твердою рукою толкиул ее; защелка внутри сорвалась, и роковая дверь со скрыпом распахнулась, кто-то вскрикнул... и все замолкло снова... Вадим взошел, торжествеино запер за собою дверь и остановился... на полу стоял фоиарь... и возле него сидела, прнклоннв бледиую голову к дубовой скамье... Ольга!..

Убийственная мысль как молния озарила ум бедиого горбача; он отгадал в одио мгиовение, кто был этот второй голос, о ком так иежно заботилась сестра его,

как будто в нем одном были все надежды, вся любовь ее сердца...

Неподвижно сидела Ольга, на лице ее была печать безмолвного отчаяния, и глаза изливали какой-то однообразный, холодный луч, и сжатые губки казались растянуты постоянной улыбкой, но в этой улыбке дышал упрек провидению... Фонарь стоял у ног ее, и догорающий пламень огарка сквозь зеленые стекла слабо озарял нижние части лица бедной девушки; ее грудь была прикрыта черной душегрейкой, которая по временам приподымалась, и длинная полуразвитая коса упадала на правое плечо ее.

Вадим стоял перед ней, как Мефистофель перед погибшей Маргаритой, с язвительным выражением очей, как раскаяние перед душою грешника; сложа руки, он ожидал, чтоб она к нему обернулась, но она осталась в прежнем положении, хотя молвила прерывающимся голосом:

— Чего ты от меня еще хочешь...

— Еще? а что же я прежде от тебя требовал? каких жертв?.. говори, Ольга? разве я силою заставил тебя произнести клятву... ты помнишь!.. разве я виноват, что роковая минута настала прежде, чем находишь это удобным?..

— О... ты хищный зверь, а не человек!..

— Ольга... твой отец был мой отец!

— Не верю, не могу верить... чтобы он, в жилище святых, желал погибели этого семейства, желал сделать нас преступными... нет! ты не брат мой!.. прочь — я ненавижу... презираю тебя...

— Ненавидишь: так... а презирать не можешь...

— Презираю...

— Ты боишься меня...— он дико засмеялся и подошел ближе.

— Вадим... ради отца нашего... удались... от тебя веет смертным холодом...

— Нет, Ольга... я останусь здесь целую ночь...

— Боже! — прошептала, вздрогнув, несчастная девушка, сердце сжалось... и смутное подозрение пробудилось в нем; она встала; ноги ее подгибались... она хотела сделать шаг и упала на колени...

— Послушай! — сказал Вадим, приподняв сестру; посадив ее на лавку, он взял ее влажную руку и, стараясь смягчить голос, продолжал: — Послушай! было

время, когда я думал твоей любовью освятить мою душу... были минуты, когда, глядя на тебя, на твои иебесные очи, я хотел разом разрушить свой ужасный замысел, когда я иадеялся забыть иа груди твоей все прошедшее как волшебиую сказку... Но ты не захотела, ты обманула меня — тебя плеиил прекрасный юиоша... и безобразный горбач остался один... один... как черная тучка, забытая на ясном небе, на которую ни люди, ии солице не хотят и взглянуть... да, ты этого ие можешь поиять... ты прекрасна, ты аигел, тебя не любить — иевозможно... я это зиаю... о, да посмотри иа меня; иеужели для меня иет ни одного взгляда, ии одной улыбки... все ему! все ему!.. да зиаешь ли, что ои должен быть доволен и десятою долею твоей нежиости, что ои ие отдаст, как я, за одно твое слово всю свою будущность... о, да это иевозможио тебе постигнуть... если б я зиал, что иа моем сердце написаио, как я тебя люблю, то я вырвал бы его сию миииуту из груди и бросил бы к тебе иа колена... о, одно слово, Ольга, чтоб я ие проклял тебя... умирая...

— Проклинай! — ответствовала она холодио.

Вадим, иеподвижиый, подобный одиому из тех безобразных кумиров, кои доныие иногда в степи заволжской иа холме поражают нас удивлеиием, стоял перед ней, ломая себе руки, и глаза его, полузакрытые густыми бровями, выражали непобедимое страдаиие... все было тихо, лишь ветер, по временам пробегая по крыше бани, взрывал гнилую солому и гудел в пустой трубе... Вадим продолжал:

— Еще несколько слов, Ольга... и я тебя оставлю. Это мое последиее усилие... если ты теперь не сжалишься, то зиай — между нами иет более ииканих связей родства... я освобождаю тебя от всех клятв, мне не иужно женской помощи; я безумец был, когда хотел поверить слабой девушке бич небесиого правосудия... но довольио! довольно. Послушай: если б бедиая собака, иссохшая, полуживая от голода и жажды, с визгом приползла к иогам твоим, а у тебя бы был кусок хлеба, один кусок хлеба... отвечай, что бы ты сделала?..

— Сердце ие кусок хлеба, оно ие в моей власти...

— А! ие в твоей власти!.. А! но разве я это у тебя спрашивал?..

— Ты хотел ответа... я отвечала.

— В тебе нет жалости!

— А в тебе есть жалость?

— Так ты его очень, очень любишь?

— Больше всего на свете...

— А!.. больше всего на свете... Но это напрасно!..

— Да, я его люблю — люблю, и никакая власть не разлучит нас.

— Ошибаешься,— воскликнул с горьким хохотом горбач...— он непременно должен умереть... и очень скоро!

— Я умру вместе с ним...

— О нет! ты не умрешь... не надейся!..

— Я надеюсь на бога... он возьмет нас вместе к себе или спасет его, несмотря на всю твою злобу...

— Не говори мне про бога!.. он меня не знает; он не захочет у меня вырвать обреченную жертву — ему все равно... и не думаешь ли ты смягчить его слезами и просьбами?.. Ха, ха, ха!.. Ольга, Ольга,—прощай, я иду от тебя... но помни последние слова мои: они сто́ят всех пророчеств... я говорю тебе: он погибнет, ты к мертвому праху прилепила сердце твое... его имя вычеркнуто уже этой рукою из списка живущих... да! — продолжал он после минутного молчания,— и если хочешь, я в доказательство принесу тебе его голову.

Он отвернулся, хотел, по-видимому, что-то прибавить, но голос замер на посиневших губах его, он закрыл лицо руками и выбежал... быть может, желая утаить смущение или невольные слезы или стремясь с сильнейшим порывом бешенства исполнить немедленно свое ужасное обещание...

Ольга осталась почти без чувств, в забытьи. Она едва видела, как брат ее скрылся, едва слышала удар захлопнувшейся двери...

ГЛАВА XVIII

До сих пор в густых лесах Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губернии, некогда непроходимых, кроме для медведей, волков и самых бесстрашных их гонителей, любопытный может видеть пещеры, подземные ходы, изрытые нашими предками, кои в них искали некогда убежище от набегов татар, крымцев и впоследствии от киргизов и башкир, угрожавших мирным деревням даже в царствование императрицы Елизаветы Петровны; последний набег был

в 1769 году; но тогда, встретив уже войска около сих мест, башкиры принуждены были удалиться, не дойдя несколько верст до Саратова и не причинив значительного вреда. Случалось даже, что целые деревни были уведены в плен и рассеяны. Во времена, нами описываемые, эти пещеры не были еще, как теперь, завалены сухими листьями и хворостом; и одна из них находилась не в большом расстоянии от деревни Палицына. Народ дал ей прозвание Чертова логовища, и суеверные предания населили ее страшными кикиморами и рогатыми лешими.

Чтобы из села Палицына кратчайшим путем достигнуть этой уединенной пещеры, должно бы было переплыть реку и версты две идти болотистой долиной, усеянной кочками, ветловыми кустами и покрытой высоким камышом; только некоторые из окрестных жителей умели по разным приметам пробираться через это опасное место, где коварная зелень мхов обманывает неопытного путника и высокий тростник скрывает ямы и тину; болото оканчивается холмом, через который прежде вела тропинка и, спустясь с него, поворачивала по косогору в густой и мрачный лес; на опушке столетние липы, как стражи, казалось, простирали огромные ветви, чтоб заслонить дорогу; казалось, на узорах их сморщенной коры был написан адскими буквами этот известный стих Данта: *«Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!»*[1] Тут тропинка снова постепенно ползла на отлогую длинную гору, извиваясь между дерев как змея, исчезая по временам под сухими хрупкими листьями и хворостом. Наконец, лес начинал редеть, сквозь забор темных дерев начинало проглядывать голубое небо, и вдруг открывалась круглая луговина, обведенная лесом как волшебным очерком, блистающая светлою зеленью и пестрыми высокими цветами, как островок среди угрюмого моря — на ней во время осени всегда являлся высокий стог сена, воздвигнутый трудолюбием какого-нибудь бедного мужика; грозно-молчаливо смотрели на нее друг из-за друга ели и березы, будто завидуя ее свежести, будто намереваясь толпой подвинуться вперед и злобно растоптать ее бархатную мураву. От сей луговины еще три версты до Чертого логовища, но тропинки уже нет нигде... и должно идти все на восток, стараясь как можно

[1] «Оставь надежду всякий сюда входящий!» *(ит.)*

менее отклоняться от сего направления. Лес не так высок, но колючие кусты, хмель и другие растения переплетают неразрывною сеткою корни дерев, так что за три сажени нельзя почти различить стоящего человека; иногда встречаются глубокие ямы, гнезда бурею вырванных дерев, коих гнилые колоды, обросшие зеленью и плющом, с своими обнаженными сучьями, как крепостные рогатки, преграждают путь; под ними, выкопав себе широкое логовище, лежит зимой косматый медведь и сосет неистощимую лапу; дремучие ели как черный полог наклоняются над ним и убаюкивают его своим непонятным шепотом. Пройдя таким образом немного более двух верст, слышится что-то похожее на шум падающих вод, хотя человек, не привыкший к степной жизни, воспитанный на булеварах, не различил бы этот дальний ропот от говора листьев; тогда, кинув глаза в ту сторону, откуда ветер принес сии новые звуки, можно заметить крутой и глубокий овраг; его берег обсажен наклонившимися березами, коих белые нагие корни, обмытые дождями весенними, висят над бездной длинными хвостами; глинистый скат оврага покрыт камнями и обвалившимися глыбами земли, увлекшими за собою различные кусты, которые беспечно принялись на новой почве; на дне оврага, если подойти к самому краю и наклониться, придерживаясь за надежные дерева, можно различить небольшой родник, но чрезвычайно быстро катящийся, покрывающийся по временам пеною, которая, белее пуха лебяжьего, останавливается клубами у берегов, держится несколько минут и, вновь увлечена стремлением, исчезает в камнях и рассыпается об них радужными брызгами. На самом краю сего оврага снова начинается едва приметная дорожка, будто выходящая из земли; она ведет между кустов вдоль по берегу рытвины и наконец, сделав еще несколько извилин, исчезает в глубокой яме, как уж в своей норе; но тут открывается маленькая поляна, уставленная несколькими высокими дубами; посередине возвышаются три кургана, образующие правильный треугольник; покрытые дерном и сухими листьями, они похожи с первого взгляда на могилы каких-нибудь древних татарских князей или наездников, но, взойдя в середину между них, мнение наблюдателя переменяется при виде отверстий, ведущих под каждый курган, который служит как бы сводом для темной подземной галереи; отверстия так малы,

что едва на коленах может вползтн человек, ио когда сделаешь так иесколько шагов, то пещера начиниает расширяться все более и более, и, иакоиец, трн человека могут ндтн рядом без труда, ие задевая почтн локтем до стены; все три хода ведут, по-видимому, в разные стороны сиачала довольио круто спускаясь винз, потом по горнзоитальиой линин, но галерея, обращенная к оврагу, имеет особеиное устройство: иесколько сажен она идет отлогим скатом, потом вдруг поворачивает иаправо, н горе любопытиому, который иеосторожио пустнтся по этому иовому иаправлению; оиа оканчивается обрывом или, лучше сказать, поворачивает вертикально вниз: должно иадеяться иа твердость иог своих, чтоб спрыгиуть туда; как нн говорн — две сажеин ие шутка; но тут оканчиваются все искусствеиные препятствня; она ндет назад, параллельио верхней своей части и в одной с нею вертикальиой плоскости, потом склоняется налево и впадает в широкую круглую залу, куда также примыкают две другне; эта зала устлаиа камнями, имеет в стеиах своих четыре впаднны в внде нншей (niches); посередние одии четвероугольный столб поддерживает глнняиый свод ее, довольно нскусно образованный; возле столба заметиа яма, быть может служившая некогда вместо печи иесчастным изгиаиникам, которых судьба заставляла скрываться в сих подземиых переходах; среди глубокого безмолвия этой залы слышио иногда журчанне воды: то светлый, холодный, но малеиький ключ, который, выходя нз отверстия, сделанного, вероятно с иамереинем, в стене, пробирается вдоль по ией н иаконец, скрываясь в другом отверстии, обложениом камнями, исчезает; иемолчиый ропот беспокойных струй ожнвляет это мрачиое жилище иочн, как песии узника оживляют безмолвие темницы; все эти признакн доказывают, что иашн предки моглн бы н намеревалнсь выдержать здесь продолжительную осаду. Впрочем, камии и земля — все поросло мохом, при свете фоиаря можно различить в стене норы земляиых крыс н другнх скромных зверьков, любителей мрака и неизвестиости; нндe свод начал обсыпаться, и от прежией правильности и симметрии почти ие осталось никакнх следов.

Борис Петрович зиал это место, ибо раза два нз любопытства, будучи на охоте, ои подъезжал к нему, хотя ии разу ие осмелился проиикиуть в виутреииость мрачных переходов; когда он опомиился от страха, то Черто-

во логовище, несмотря на это адское прозвание, представилось его мысли как единственное безопасное убежище... ибо остаться здесь, в старом овине, так близко от спящих палачей своих, было бы безрассудно... но как туда пробраться?

Я должен вам признаться, милые слушатели, что Борис Петрович боялся смерти!.. чувство, равно свойственное человеку и собаке, вообще всем животным... но дело в том, что смерть Борису Петровичу казалась ужаснее, чем она кажется другим животным, ибо в эти минуты тревожная душа его, обнимая все минувшее, была подобна преступнику, осужденному испанской инквизицией упасть в колючие объятия мадонны долорозы (madona dolorosa), этого искаженного, богохульного, страшного изображения святейшей святыни... О! я вам отвечаю, что Борис Петрович больше испугался, чем неопытный должник, который в первый раз, обшаривая пустые карманы, слышит за дверьми шаги и кашель чахоточного кредитора; бог знает что прочел Палицын на замаранных листках своей совести, бог знает какие образы теснились в его воспоминаниях,— слово смерть, одно это слово, так ужаснуло его, что от одной этой кровавой мысли он раза три едва не обеспамятел, но его спасло именно отдаление всякой помощи: упав в обморок, он также боялся умереть. Смерть! смерть со всех сторон являлась мутным его очам, то грозная, высокая с распростертыми руками, как виселица, то неожиданная, внезапная, как измена, как удар грома небесного... она была снаружи, внутри его, везде, везде... она дробилась вдруг на тысячу разных видов, она насмешливо прыгала по влажным его членам, подымала его седые волосы, стучала его зубами друг об друга... наконец, Борис Петрович хотел прогнать эту нестерпимую мысль... и чем же? молитвой!.. но напрасно!.. уста его шептали затверженные слова, но на каждое из них у души один был отзыв, один ответ: смерть!.. Он старался придумать способ к бегству, средство, какое бы оно ни было... самое отчаянное казалось ему лучшим; так прошел час, прошел другой... эти два удара молотка времени сильно отозвались в его сердце; каждый свист неугомонного ветра заставлял его вздрогнуть, малейший шорох в соломе, произведенный торопливостию большой крысы или другого столь же мирного животного, казался ему топотом злодеев... он страдал, же-

стоко страдал! И то сказать: каждому свой черед; счастие — женщина: коли полюбит вдруг сначала, так разлюбит под конец; Борис Петрович также иногда вспоминал о своей толстой подруге... и волос его вставал дыбом: он понял молчание сына при ее имени, он объяснил себе его трепет... в его памяти пробегали картины прежнего счастья, не омраченного раскаянием и страхом, они пролетали, как легкое дуновение, как листы, сорванные вихрем с березы, мелькая мимо нас, обманывают взор золотым и багряным блеском и упадают... очарованы их волшебными красками, увлечены невероятною мечтой, мы поднимаем их, рассматриваем... и не находим ни красок, ни блеска: это простые, гнилые, мертвые листы!..

Между тем дело подходило к рассвету, и Палицын более и более утверждался в своем намерении: спрятаться в мрачную пещеру, описанную нами; но кто ему будет носить пищу?.. где друзья? слуги? где рабы, низкие, послушные мановению руки, движению бровей? — никого! решительно никого!.. он плакал от бешенства!.. К тому же: кто его туда проводит? как выйдет он из этого душного овина, покуда его охотники не удалились?.. и не будет ли уже поздно, когда они удалятся...

На рассвете ему послышался лай, топот конский, крик, брань и по временам призывный звон рогов; это продолжалось с полчаса; наконец, все умолкло; прошло еще полчаса; вдруг он слышит над собою женский голос:

— Барин! барин!.. вставай... да отвечай же? не спишь ли ты?..

Вы можете вообразить, что он не спал, но молчание его происходило оттого, что сначала он не узнал этот голос, а потом хотя узнал, но оледенелый язык его не повиновался; он тихо приподнялся на ноги, как воскресший Лазарь из гроба, и вылез из сусека.

— Это ты, хозяйка! — пролепетал он невнятно.

— Я, я! да не бось... они все уехали; поискали тебя немножко, да и махнули рукой: туда-ста ему и дорога... говорят...

— Хозяйка! — прервал Палицын,— уж светает: послушай: я придумал, куда мне спрятаться... ты знаешь... отсюда недалеко есть место... говорят, недоброе... да это все равно; ты знаешь Чертово логовище!..

Хозяйка в ужасе три раза перекрестилась и посмотрела пристально на Палицына.

— Ох! кормилец!.. беда! сатанинское это гнездо...

— Нет другого! — возразил он в отчаянии.

— Оно бы есть! да больно близко твоей деревни... и то правда, барин, ты хорошо придумал... что начала, то кончу; уж мне грех тебя оставить; вот тебе мужицкое платье: скинь-ка свой балахон... а я тебе дам сына в проводники... он малый глупенек, да зато не болтлив и уж против материнского слова не пойдет...

Покуда Борис Петрович переодевался в смурый кафтан и обвязывал запачканные онучи вокруг ног своих, солдатка подошла к дверям овина, махнула рукой, явился малый лет семнадцати, глупой наружности, с рыжими волосами, но складом и ростом богатырь... он шел за матерью, которая шептала ему что-то на ухо; почесывая затылок и кивая головой, он зевал беспощадно и только по временам отвечал: «Хорошо, мачка». Когда они приблизились к Палицыну, то он уже был готов. «С богом!» — прошептала им вслед хозяйка... они вышли в поле чрез задние ворота; Борис Петрович боялся говорить, Петруха не умел и не любил; это случайное сходство было очень кстати.

Оставим их на узкой лесной тропинке, пробирающихся к грозному Чертову логовищу, обоих дрожащих как лист: один — опасаясь погони, другой — боясь духов и привидений... оставим их и посмотрим, куда девался Юрий, покинув своего чадолюбивого родителя.

ГЛАВА XIX

Юрий, выскакав на дорогу, ведущую в село Палицыно, приостановил усталую лошадь и поехал рысью; тысячу предприятий и еще более опасений теснилось в уме его; но спасти Ольгу или по крайней мере погибнуть возле нее было первым чувством, господствующею мыслию его; любовь, сначала очень обыкновенная, даже не заслуживавшая имя страсти, от нечаянного стечения обстоятельств возросла в его груди до необычайности; как в тени огромного дуба прячутся все окружающие его скромные кустарники, так все другие чувства склонялись перед этой новой властью, исчезали в его потоке.

По гладкой, но узкой дороге ехал Юрий, его шпага, ударяясь об бока лошади, неприметно возбуждала ее благородное рвение... По обеим сторонам дороги начинали желтеть молодые нивы; как молодой народ, они волновались от легчайшего дуновения ветра; далее за ними тянулися налево холмы, покрытые кудрявым кустарником, а направо возвышался густой, старый, непроницаемый лес: казалось, мрак черными своими очами выглядывал из-под каждой ветви; казалось, возле каждого дерева стоял рогатый, кривоногий леший... все молчало кругом; иногда долетал до путника нашего жалобный вой волков, иногда отвратительный крик филина, этого ночного сторожа, этого члена лесной полиции, который, засев в свою будку, гнилое дупло, окликает прохожих лучше всякого часового... Но вдруг Юрий услышал другие звуки; это был конский топот, который неимоверно быстро приближался; Юрий хотел было своротить с дороги, следуя какому-то инстинкту... но гордость превозмогла; он остановился, вынул из кармана небольшой пистолет, взятый им из дому на всякий случай, осмотрел кремень, взвел курок и приготовился к храброму отпору; скоро он заметил за собою, но еще очень далеко, белеющую пыль, и, наконец, показался всадник, который мчался к нему во все лопатки.

Подскакав на расстояние пятидесяти шагов, незнакомец начал удерживать ретивого коня.

— Стой! — закричал Юрий,— не приближайся!.. или я размозжу тебе голову. Кто ты таков?

— Или ты не узнал меня, барин,— отвечал хриплый голос.— Неужели ты хочешь убить верного своего раба?

— Как, это ты, Федосей? — воскликнул удивленный юноша, приближаясь к нему и стараясь различить его черты; — но зачем ты здесь? — продолжал он строго...— мне не нужно спутников... я знаю свою дорогу... разве я звал тебя?.. говори...

— Эх, барин! барин!.. ты грешишь! я видел, как ты приезжал... и тотчас сел на лошадь и поскакал за тобой следом, чтоб совесть меня после не укоряла... я все знаю, батюшка! времена тяжкие... да уж Федосей тебя не оставит; где ты, там и я сложу свою головушку; бог велел мне служить тебе, барин; он меня спросит на том свете: служил ли ты верой и правдой господам своим... а кабы я тебя оставил, что бы мне пришлось отвечать...

Много нынче злодеев, дурной стал народ, да я не из них, Юрий Борисович... прикажи только, отец родной, и в воду и в огонь кинусь для тебя... уж таково дело холопское; ты меня поил и кормил до сей поры, теперь пришла моя очередь... сгибну, а господ не выдам.

Юрий был растроган; он ударил его по плечу и сказал:

— Если ты говоришь правду, Федосей, то бог наградит тебя и семью твою... но ты знаешь, что я теперь не имею этой власти...

— Да куда ты едешь, барин... один-одинехонек...

— Федосей, я исполнил долг свой, известил отца об опасности, помог ему скрыться... и еду...— Юрий призадумался и наконец, отворотясь, молвил отрывисто: — Я хочу видеться с Ольгой...

«Вот что! — подумал Федосей, поглаживая усы.— Время думать об девках, когда петля на шее!» — Эй, барин! — молвил он, осмелившись,— брось ее!.. что теперь за свиданья... опасно показаться в селе... пожалуй, на грех мастера нет... ох! кабы ты знал, что болтает народ.

— Я хочу ее видеть... возьму ее с собой... и только тогда буду заботиться об опасности... я хочу, я должен ее видеть...

— Плохо! — пробормотал Федосей...

Молча они ехали рядом несколько времени, ни тот, ни другой не умея или не желая возобновить разговора... В такие часы, когда решается судьба наша, мы не тратим лишних слов, потому что дорожим каждым мгновением, потому что все земные страсти кипят в уме, и одного взгляда довольно, чтоб заставить понять себя...

— Барин,— воскликнул вдруг Федосей...— посмотрика... кажись, наши гумна виднеются... так... так. Остановись-ка, барин... послушай, мне пришло на мысль вот что: ты мне скажи только, где найти Ольгу — я пойду и приведу ее... а ты подожди меня здесь, у забора, с лошадьми... сделай милость, барин... не кидайся ты в петлю добровольно — бережение бог бережет... а ведь ей нечего бояться, она не дворянка...

Это предложение поразило Юрия, он почувствовал некоторый стыд. «Как! — думал он,— и я для нее побоюсь пожертвовать этой глупой жизнью...» — но ско-

ро, с помощью некоторых услужлнвых софизмов, он успокоил свою гордость, победнл стыд иеуместиый и, увы! — согласился, слез с коня н махнул рукою Федосею на прощанье.

Я желал бы представнть Юрия нстииным героем, но что ж мне делать, еслн он был таков же, как вы н я... протнв правды слов нет; я уж прежде сказал, что только в глазах Ольги он почерпал ненстовый пламень, бурные желання, гордую волю, что вне этого волшебного круга он был человек, как н другой,— просто добрый, умиый юиоша. Что делать?

Когда Федосей нсчез за плетнем, окружавшим гумно, то Юрнй прнвязал к сухой ветле усталых коней и прилег на сырую землю; напрасно он думал, что хладный ветер и влажность высокой травы, проникнув в его жилы, охладит кровь, успоконт волнующуюся грудь... все прнзракн, все иевероятностн, порождаемые сомненнем ожидання, кружнлнсь вокруг него в несвязиой пляске и невольно завлекалн воображенне все далее н далее, как иногда блудящнй огоиек, обмаичнвый фонарь какого-инбудь зловредного гения, заводит путннка к самому краю пропастн...

Юрнй, чтоб оторвать свою мысль от грозных картнн будущего, обратнл ее иа прошедшее — так врачи в отчаянных случаях употребляют отчаяиные средства — но всегда ли онн удаются?

И перед ннм начал развнваться длинный свнток воспоминанні, н ои в изумленни подумал: ужелн нх так миого? отчего только теперь онн все вдруг, как на празднк, являются ко мне?.. и он начал перебнрать нх одио по одному, как девушка ннога, гадая, перебнрает листки цветка, и в каждом ои находнл нли упрек, или сожаленне, н он мог по особенному пренмуществу, дающемуся почти всем в этн минуты снльного беспокойства и страдания, нсчислить все чувства, разбросаниые, растерянные нм на дороге жнзни: но, увы! этн чувства не прниесли плода; одни, как семена притчн, былн поклеваны хнщиымн птицами, другне потоптаны страннкамн, нные упали иа камень и сгинлн от дождей бесполезно.

Он сначала мыслеино вндел себя еще ребенком, белокурым, кудрявым, резвым, шаловливым мальчиком, любнмцем-баловнем родителей, грозой слуг н особеино служаиок; ои видел себя невнннным воспнтаннком при-

роды, играющим на коленях няни, трепещущим при слове: бука,— он невольно улыбался, думая о том, как недавно прошли эти годы и как невозвратно они погибли...

Но вот настал возраст первых страстей, первых желаний... его отдают воспитываться к старой и богатой бабке. Анютка, простая дворовая девочка, привлекла его внимание; о, сколько ласк, сколько слов, взглядов, вздохов, обещаний — какие детские надежды, какие детские опасения! Как смешны и страшны, как беспечны и таинственны были эти первые свидания в темном коридоре, в темной беседке, обсаженной густолиственной рябиной, в березовой роще у грязного ручья, в соломенном шалаше полесовщика!.. о, как сладки были эти первые, сначала непорочные, чистые и под конец преступные поцелуи; как разгорались глаза Анюты, как трепетали ее едва образовавшиеся перси, когда горячая рука Юрия смело обхватывала неперетянутый стан ее, едва прикрытый посконным клетчатым платьем, когда уста его впивались в ее грудь, опаленную солнечным зноем.

Но ему говорят, что пора служить... он спрашивает, зачем! — ему грозно отвечают, что пятнадцати лет его отец был сержантом гвардии, что ему уже шестнадцать. Итак... итак... заложили бричку, посадили с ним дядьку, дали двадцать рублей на дорогу и большое письмо к какому-то правнучетному дядюшке... ударил бич, колокольчик зазвенел... прости воля, и рощи, и поля, прости счастие, прости Анюта!.. садясь в бричку, Юрий встретил ее глаза неподвижные, полные слезами; она из-за дверей долго на него смотрела... он не мог решиться подойти, поцеловать в последний раз ее бледные щечки, он как вихорь промчался мимо нее, вырвал свою руку из холодных рук Анюты, которая мечтала хоть на минуту остановить его... «О! какой зверской холодности она припишет мой поступок, как смело она может теперь презирать меня!» — думал он тогда... Но что же! он ее увидел шесть лет спустя... увы! она сделалась дюжей толстой бабою, он видел, как она колотила слюнявых ребят, мела избу, бранила пьяного мужа самыми отвратительными речами... очарование разлетелось, как дым; настоящее отравило прелесть минувшего; с этих пор он не мог вообразить Анюту иначе, как рядом с этой отвратительной женщиной, он должен был из-

гладить из своей памяти как умершую эту живую, черноглазую, чернобровую девочку... и принес эту жертву своему самолюбию, почти безо всякого сожаления.

Между тем заботы службы, новые лица, новые мысли победили в сердце Юрия первую любовь, изгладили в его сердце первое впечатление... слава! вот его кумир! — война! вот его наслаждение... поход! в Турцию... о, как он упитает кровью неверных свою острую шпагу, как гордо он станет попирать разрубленные низверженные чалмы поклонников Корана!.. как счастлив он будет, когда сам Суворов ударит его по плечу и молвит: «Молодец! хват... лучше меня! помилуй бог!» О, Суворов, верно, ему скажет что-нибудь в этом роде, когда он первый взлетит, сквозь огонь и град пуль турецких, на окровавленный вал и, колеблясь, истекая кровью от глубокой, хотя бездельной раны, водрузит в чуждую землю первое знамя с двуглавым орлом! — о, какие поздравления, какие объятия после битвы...

Но войска перешли через границу русскую, пылают села неверных на берегу Дуная, который, подмывая берега свои, широкой зеленой волной катится через дикие поляны... О, как жадно вдыхал Юрий этот теплый ароматный воздух, как страстно он кидался в шумную стычку, с каким наслаждением погружал свою шпагу во внутренность безобразного турка, который, выворотив глаза, с судорожным движением кусал и грыз холодное железо!.. Но кто эта пленница, которую так бережливо скрывает он в шатре своем от взоров товарищей, любопытных и нескромных? Кто она!.. О, это тайна! тайна, которую знает лишь он да бог, если богу есть какое-нибудь дело до сердца человеческого!..

Он нашел ее полуживую, под пылающими угольями разрушенной хижины; неизъяснимая жалость зашевелилась в глубине души его, и он поднял Зару, и с этих пор она жила в его палатке, незрима и прекрасна как ангел; в ее чертах все дышало небесной гармонией, ее движения говорили, ее глаза ослепляли волшебным блеском, ее беленькая ножка, исчерченная лиловыми жилками, была восхитительна как фарфоровая игрушка, ее смугловатая твердая грудь воздымалась от малейшего вздоха... страсть блистала во всем: в слезах, в улыбке, в самой неподвижности — судя по ее наружности, она не могла быть существом обыкновенным; она была

или божество, или демон, ее душа была или чиста и ясна, как веселый луч солнца, отраженный слезою умиления, или черна, как эти очи, как эти волосы, рассыпающиеся, подобно водопаду, по круглым бархатным плечам... так думал Юрий и предался прекрасной мусульманке, предался и телом и душою, не удостоив будущего ни единым вопросом.

Прошли две недели... и он еще не был утомлен сладострастием, не был пресыщен поцелуями... о друзья мои, это не шутка: две недели!..

Однажды... как живо теперь в его памяти представляется эта грозная ночь!.. Юрий спал на мягком ковре в своей палатке; походная лампада догорала в углу, и по временам неверный блеск пробегал по полосатым стенам шатра, освещая серебряную отделку пистолетов и сабель, отбитых у врага и живописно развешанных над ложем юноши; Юрий спал... но вдруг, как ужаленный скорпионом, пробудился: на него были устремлены два черные глаза и светлый кинжал!.. ад и проклятие!.. еще вчера он ненасытно лобзал эти очи, еще вчера за эту маленькую ручку он бы отдал все свое имущество!.. в одно мгновение вырвал он у Зары смертоносное орудие и кинул далеко от себя, но турчанка не испугалась, не смутилась... она тихо отошла, сложила руки, склонила голову на грудь, готовая принять заслуженную казнь, готовая слушать безмолвно все упреки, все обиды... о, в ней точно кипела южная кровь!..

— Неблагодарная, змея! — воскликнул Юрий,— говори, разве смертью платят у вас за жизнь? разве на все мои ласки ты не знала другого ответа, как удар кинжала?.. боже, создатель! такая наружность и такая душа! о, если все твои ангелы похожи на нее, то какая разница между адом и раем?.. нет! Зара, нет! это не может быть... отвечай смело: я обманулся, это сон! я болен, я безумец... говори: чего ты хочешь?

— Я хочу свободы! — отвечала Зара.

— Свободы!.. а! я тебе наскучил... ты вспомнила о своих минаретах, о своей хижине, но они сгорели... с той поры моя палатка сделалась твоей отчизной... но ты хочешь свободы... ступай, Зара... божий мир велик. Найди себе дом, друзей... ты видишь: и без моей смерти можно получить свободу...

Молча Зара вышла; он долго следовал за нею взором и мечтою; луна озаряла ее длинное покрывало, ко-

торое, как белый туман, обвивалось вокруг ее гибкого стана; она, как призрак, неслышно скользила по траве... вот скрылась вдали за палаткой, вот мелькнула и снова скрылась... прощай, Зара! прощай, роза Гулистана! прощай навеки!

На другой день рано утром, бледный, с мутным взором, беспокойный, как хищный зверь, рыскал Юрий по лагерю... все было спокойно, солнце только что начинало разгораться и проникать одежду... вдруг в одном шатре Юрий слышит ропот поцелуев, вздохи, стон любви, смех и снова поцелуи; он прислушивается — он видит щель в разорванном полотне, непреодолимая сила приковала его к этой щели... его взоры погружаются во внутренность подозрительного шатра... боже правый! он узнает свою Зару в объятиях артиллерийского поручика!

Он не был мстителен; не злоба, но глубокая печаль проникла в его душу... он много, много плакал, хотел умереть — и не умер, решился забыть Зару... и, друзья мои! — забыл ее!..

Наконец, кончилась война, знамена русские, пошумев над берегами Дуная, свернулись; возвратясь на родину, Юрий решился мстить изменой всем женщинам вместо одной — чрезвычайно покойная и умная выдумка!.. Не одна тридцатилетняя вдова рыдала у ног его, не одна богатая барыня сыпала золотом, чтоб получить одну его улыбку... в столице, на пышных праздниках, Юрий с злобною радостью старался ссорить своих красавиц, и потом, когда он замечал, что одна из них начинала изнемогать под бременем насмешек, он подходил, склонялся к ней с этой небрежной ловкостью самодовольного юноши, говорил, улыбался... и все ее соперницы бледнели... о, как Юрий забавлялся сею тайной, но убийственной войною! но что ему осталось от всего этого? — воспоминания? — да, но какие? горькие, обманчивые, подобно плодам, растущим на берегах Мертвого моря, которые, блистая румяной корою, таят под нею пепел, сухой горячий пепел! и ныне сердце Юрия всякий раз при мысли об Ольге, как трескучий факел, окропленный водою, с усилием и болью разгоралось; неровно, порывисто оно билось в груди его, как ягненок под ножом жертвоприносителя. Он смутно чувствовал, что это его последняя страсть, узел, который судьба, не умея расплесть, перерубит, подобно Александру.

ГЛАВА XX

Федосей, не быв никем замечен, пробрался через гумна и, наконец, спустился в знакомый нам овражек, перелез через плетень и приблизился к бане; но что же? в эту решительную минуту внезапный туман покрыл его мысли, казалось, незримая рука отталкивала его от низенькой двери, и вместе с этим он не имел силы удалиться, как боязливая птица, очарованная магнетическим взором змеи! С минуту он оставался неподвижим, но вдруг опомнился, толкнул дверь — и взошел... Но, переступая через порог, он оглянулся — и ему показалось, что черная тень мелькнула за рябиновым кустом; он не успел различить ее формы; но тайное предчувствие говорило ему, что или злой дух, или злой человек. Когда Федосей, пройдя через сени, вступил в баню, то остановился, пораженный смутным сожалением; его дикое и грубое сердце сжалось при виде таких прелестей и такого страдания: на полу сидела, или лучше сказать лежала, Ольга, приклонив голову на нижнюю ступень полка́ и поддерживая ее правой рукою; ее небесные очи, полузакрытые длинными шелковыми ресницами, были неподвижны, как очи мертвой, полны этой мрачной и таинственной поэзии, которую так нестройно, так обильно изливают взоры безумных; можно было тотчас заметить, что с давних пор ни одна алмазная слеза не прокатилась под этими атласными веками, окруженными легкой коричневатой тенью: все ее слезы превратились в яд, который неумолимо грыз ее сердце; ржавчина грызет железо — а сердце восемнадцатилетней девушки так мягко, так нежно, так чисто, что каждое дыхание досады туманит его как стекло, каждое прикосновение судьбы оставляет на нем глубокие следы, как бедный пешеход оставляет свой след на золотистом дне ручья; ручей — это надежда; покуда она светла и жива, то в несколько мгновений следы изглажены; но если однажды надежда испарилась, вода утекла... то кому нужда до этих ничтожных следов, до этих незримых ран, покрытых одеждою приличий.

Холодна, равнодушна лежала Ольга на сыром полу и даже не пошевелилась, не приподняла взоров, когда взошел Федосей; фонарь с умирающей своей свечою стоял на лавке, и дрожащий луч, прорываясь сквозь грязные зеленые стекла, увеличивал бледность ее лица;

бледные губы казались зеленоватыми; полураспущенная коса бросала зеленоватую тень на круглое, гладкое плечо, которое, освободясь из плена, призывало поцелуй; душегрейка, смятая под нею, не прикрывала более высокой, роскошной груди; два мягкие шара, белые и хладные как снег, почти совсем обнаженные, не волновались, как прежде: взор мужчины беспрепятственно покоился на них, и ни малейшая краска не пробегала ни по шее, ни по ланитам: женщина, только потеряв надежду, может потерять стыд, это непонятное, врожденное чувство, это невольное сознание женщины в неприкосновенности, в святости своих тайных прелестей.

Спрятав ноги под длинное платье, лежала Ольга, и в недоумении перед нею стоял уполномоченный посланник Юрия; наконец, он нетерпеливо дернул ее за рукав:

— Вставай, вставай — время дорого!..

— Ты опять здесь! — простонала она, не приподнимая головы.

— Какой черт! опять... да ты меня не узнала, што ли! вставай, время дорого!.. Юрий Борисыч ждет за гумнами... неравно без меня что с <ним> случится...

— О, не называй его! ты хочешь меня обмануть... эта какая-нибудь адская западня... о Вадим! дай мне по крайней мере умереть в покое... тебе судьба за меня отплотит!

— Что ты, матушка, бредишь? помилуй! какой тут Вадим? — я Федосей — чай, меня не забыла... да вставай... барин остался один... а время опасное...

Как пробужденная от сна, вскочила Ольга, не веруя глазам своим; с минуту пристально вглядывалась в лицо седого ловчего и, наконец, воскликнула с внезапным восторгом.

— Так он меня не забыл? так он меня любит? любит! он хочет бежать со мною, далеко, далеко...— и она прыгала, и едва не целовала шершавые руки охотника, и смеялась, и плакала...— Нет,— продолжала она, немного успокоившись,— нет! бог не потерпит, чтоб люди нас разлучили, нет, он мой, мой на земле и в могиле, везде мой, я купила его слезами кровавыми, мольбами, тоскою,— он создан для меня,— нет, он не мог забыть свои клятвы, свои ласки...

— Я этого ничего не знаю,— прервал хладнокровно Федосей,— уж вы там с барином согласитесь, как хоти-

те, купить или не купить, а я знаю только то, что нам пора... если уж не поздно!..

— Но куда, как?

— Уж это мое дело!.. провал поберн! разве не вернишь?

— Федосей, если ты обманываешь!

— Оборони боже! что я за бусурман; да скорее! Юрий Борисович ждет нас за гумнами, на дороге, чай, глазыньки проглядел!..

— Я готова!

Федосей, подав ей знак молчать, приблизился к двери, отворил ее до половины и высунул голову с намерением осмотреть, все ли кругом пусто и тихо; довольный своим обзором, он, покашляв, проворчал что-то про себя и уж готовился совершенно расхлопнуть дверь, как вдруг он охнул, схватил рукой за шею, вытянулся и в судорогах упал на землю; что-то мокрое брызнуло на руки и на грудь Ольги. Она затряслась всем телом, хотела кричать — не могла... Перед нею Федосей плавал в крови своей, грыз землю и скреб ее ногтями; а над ним с топором в руке на самом пороге стоял некто еще ужаснее, чем умирающий: он стоял неподвижно, смотрел на Ольгу глазами коршуна и указывал пальцем на окровавленную землю; он торжествовал, как Геркулес, победивший змея: улыбка, ядовито-сладкая улыбка набегала на его красные губы: в ней дышала то гордость, то презрение, то сожаление — да, сожаленье палача, который не из собственной воли, но по повелению высшей власти наносит смертный удар.

— Ты видишь! — сказал, наконец, Вадим с глухим смехом,— я сдержал свое обещание!.. Это он! не бойся взглянуть на искаженные черты некогда молодого светлого лица; это он! тот самый, чья голова покоилась на груди твоей, кто на губах твоих замирал в упоении, кто за один твой нежный взгляд оставил долг, отца и мать, для кого и ты бы их покинула, если б имела... это он! бедный, глупый юноша! который так гордился своим дворянским происхождением, который с таким самодовольствием носил свой зеленый раззолоченный мундир, который, окруженный лестию, сыпал деньги своим льстецам, не требуя даже благодарности, которому стоило только мигнуть, чтоб женщина кинулась в его объятия,— да! что же он теперь!.. окровавленный прах! бездушный чурбан, не чувствующий даже обиды...— и Ва-

дим толкнул ногою охладевший труп и продолжал: — Как отвратителен теперь он должен быть... посмотри, Ольга! я не хочу смягчать душу этим зрелищем; посмотри, как хороши его закатившиеся белые глаза... Творец небесный! и кто же все это сделал? кто превратил прекрасное создание бога в глыбу грязи?.. кто напитал эти кудри багряным напитком? кто разбрызгал по стене этот белый, чистый мозг... кто? я, я! — ха, ха, ха! ха! презренный нищий, бессильный раб, безобразный горбач!.. да, да! — неужели это так удивительно?.. Я говорил тебе, Ольга: не люби его!.. ты не послушалась, ты, как обыкновенная женщина, прельстилась на золото, красоту и пышные обещания... ты мне не поверила: он обещал тебе счастие — мечту, а я обещал месть — и верную месть; ты выбрала первое; ты смела помыслить, что люди могут противиться судьбе; будто бы я уж так давно отвергнут богом, что он захочет мне отказать в первом, последнем, единственном удовольствии!.. Я твой брат, Ольга, брат! господин, повелитель, царь твой. Нас только двое на свете из всего семейства; мой путь должен быть твоим; напрасно ты мечтала разорвать слабой рукой то, что связала природа: где бушует моя ненависть, там не цвесть любви твоей...— Он на минуту замолк, его волосы стояли дыбом, глаза разгорались как уголья, и рука, простертая к Ольге, дрожала на воздухе; он поставил ногу на грудь мертвецу так крепко, что слышно было, как захрустели кости, и, приняв торжественный вид жреца, произнес: — Свершилось первое мое желание! он пал; вот он — убийца моих надежд, вот он — губитель моего первого блаженства; ненавижу тебя и в могиле, и берегись, если мы когда-нибудь встретимся на том свете! а ты, Ольга,— ты ступай куда хочешь; между нами все счеты кончены; я тебе заплатил,— живи, умри — мне все равно. Прощай, сестра,— прощай и ты, бедный юноша!

И Вадим, пожав плечами, приподнял голову мертвого за волосы, обернул ее к фонарю — взглянул на позеленевшее лицо — вздрогнул — взглянул еще ближе и пристальней — вдруг закричал — и отскочил как бешеный; голова, выпущенная из рук, ударилась о землю, как камень; это было мгновение — но в сем мгновении заключалась целая ужасная драма. Вадим, обманутый в последней надежде, потерялся; он не мог держаться на ногах, бледный, страшный, он присел на скамью —

и как вы думаете, что он делал? — плакал!..— да, плакал, как ребенок, горькими слезами!

Он сидел и рыдал, не обращая внимания ни на сестру, ни на мертвого: бог один знает, что тогда происходило в груди горбача, потому что, закрыв лицо руками, он не произнес ни одного слова более... он, казалось, понял, что теперь боролся уже не с людьми, но с провидением, и смутно предчувствовал, что если даже останется победителем, то слишком дорого купит победу; но непоколебимая железная воля составляла все существо его, она не знала ни преград, ни остановок, стремясь к своей цели. Так неугомонная волна день и ночь без устали хлещет и лижет гранитный берег: то старается вспрыгнуть на него, то снизу подмыть и опрокинуть; долго она трудится напрасно, каждый раз отброшена в дальнее море... но ничто ее не может успокоить: и вот проходят годы, и подмытая скала срывается с берега и с гулом погружается в бездну, и радостные волны пляшут и шумят над ее могилой.

И в самом деле, что может противустоять твердой воле человека? воля заключает в себе всю душу; хотеть — значит ненавидеть, любить, сожалеть, радоваться,— жить, одним словом; воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь, отпечаток божества, творческая власть, которая из ничего созидает чудеса... о, если б волю можно было разложить на цифры и выразить в углах и градусах, как всемогущи и всезнающи были бы мы!..

Не знаю, сколько часов сидел в забытьи Вадим, но когда он поднял голову, то не нашел возле себя сестры; свежий ветер утра, прорываясь в дверь, шевелил платьем убитого, и по временам казалось, что он потрясал головой, так высоко взвевались рыжие волосы на челе его, увлажненном густой, полузапекшейся кровью. Вадим холодно взглянул на Федосея, покачал головой с сожалением, перешагнул через протянутые ноги и пошел скорыми шагами вдоль по оврагу. Восток белел приметно, и розовый блеск змеей обрисовывал нижние части большого серого облака, который, имея вид коршуна с растянутыми крылами, держащего змею в когтях своих, покрывал всю восточную часть небосклона; фантастически отделялись предметы на дальнем небосклоне, и высокие сосны и березы окрестных лесов чернели,

как часовые на рубеже земли; природа была тиха и торжественна, и холмы начинали озаряться сквозь белый туман, как иногда озаряется лицо невесты сквозь брачное покрывало, все было свято и чисто — а в груди Вадима какая буря!

ГЛАВА XXI

Было около двух часов пополудни; солнце медленно катилось по жарким небесам, и гибкие верхи дерев едва колебались, перешептываясь друг с другом; в густом лесу изредка попевали странствующие птицы, изредка вещая кукушка повторяла свой унылый напев, мерный, как бой часов в сырой готической зале. На мураве, под огромным дубом, окруженные часто сплетенным кустарником, сидели два человека: мужчина и женщина; их руки были исцарапаны колючими ветвями, и платья изорваны в долгом странствии сквозь чащу; усталость и печаль изображались на их лицах, молодых, прекрасных.

Молодая женщина, скинув обувь, измокшую от росы, обтирала концом большого платка розовую, маленькую ножку, едва разрисованную лиловыми тонкими жилками, украшенную нежными прозрачными ноготками,— она по временам поднимала голову, отряхнув волосы, ниспадающие на лицо, и улыбалась своему спутнику, который, облокотясь на руку, кидал рассеянные взгляды то на нее, то на небо, то в чащу леса; по временам он наморщивал брови, когда мрачная мысль прокрадывалась в уме его, по временам неожиданная влажность покрывала его голубые глаза, и если в это время они встречали радужную улыбку подруги, то быстро опускались, как будто бы пораженные ярким лучом солнца.

— Ты задумчив! — сказала она.— Но отчего? — опасность прошла; я с тобою... ничто не противится нашей любви... Небо ясно, бог милостив... зачем грустить, Юрий!.. это правда, мы скитаемся по лесу, как дикие звери, но зато, как они, свободны. Пустыня будет нашим отечеством, Юрий, а лесные птицы нашими наставниками: посмотри, как они счастливы в своих открытых, тесных гнездах.

— Да,— отвечал Юрий...— счастливы!.. и я возле тебя счастлив!.. но твои шутки иногда для меня мучительны!..

— Разве лучше, если я буду плакать?..

— Ольга, ты мой ангел-утешитель!.. о, если б ты знала, какие грозные предчувствия теснятся в душе моей!.. и как было не отгадать, что это случится, когда самые ужасные слухи так нагло разливались в народе?.. Отчего они тогда казались нам невероятны?.. а теперь! — русские дворяне гибнут и скрываются в лесах от простого казака, подлого самозванца, и толпы кровожадных разбойников!.. все, которые доселе готовы были целовать наши подошвы, теперь поднялись на нас... о змеи! змеи! если б я знал, я бы раздавил вас... и вдруг, в одну ночь все погибло... мать... отец... имущество, родная кровля... все отнято... здесь ждет голод, холод, жизнь нищего — а там виселица, пытки, позор... боже! что мы сделали?—о, казни меня сам, но зачем поручить орудье казни этой грязной подлой толпе рабов?..

— Юрий, успокойся... видишь, я равнодушно смотрю на потерю всего, кроме твоей нежности... я видела кровь, видела ужасные вещи, слышала слова, которых бы ангелы испугались... но на груди твоей все забыто; когда мы переплывали реку на коне и ты держал меня в своих объятиях так крепко, так страстно, я не позавидовала бы ни царице, ни райскому херувиму... я не чувствовала усталости, следуя за тобой сквозь колючий кустарник, перелезая поминутно через опрокинутые рогатые пни... это правда, у меня нет ни отца, ни матери...— При сих словах, произнесенных без умысла, она побледнела и замолкла, как будто сама испугалась их... Юрий обхватил ее мягкий стан, приклонил к себе и поцеловал ее в шею: девственные груди облились румянцем и заволновались, стараясь вырваться из-под упрямой одежды... о, сколько сладострастия дышало в ее полураскрытых пурпуровых устах! он жадно прилепился к ним, лихорадочная дрожь пробежала по его телу, томный вздох вырвался из груди...

— Ты права! — говорил он,— чего мне желать теперь? пускай придут убийцы... я был счастлив!.. чего же более для меня? — я видал смерть близко на ратном поле и не боялся... и теперь не испугаюсь: я мужчина, я тверд душой и телом и до конца не потеряю надежды спастись вместе с тобою... но если надобно умереть, я умру, не вздрогнув, не простонав... клянусь, никто под небесами не скажет, что твой друг склонил колена перед низкими палачами!..

В таких разговорах пролетел час: оии встали и пошли на восток, углубляясь в лес более и более... вот подошли к оврагу, и Юрий заметил изломаииые ветви и следы человека иа сухих и гнилых листах, коими усеяиа была земля.

— Пойдем по этому следу, Ольга,— сказал он, подумав иемиого,— ои приведет иас куда-иибудь; быть может, к месту спасеиия. Чего бояться! пойдем... умереть с голоду хуже, а если бог сохранил иас доселе, то это зиачит, что ои хочет быть иашим спасителем и далее... перекрестись, и пойдем.

Несколько времеии они шли, прилежио разбирая следы, местами засыпаииые свежими листьями и забросаиные сухим валежииком; иакоиец, после долгих и утомительиых разыскаиий, оии выбрались иа небольшую поляиу, на которой между несколькими деревами возвышались три иам уже зиакомые кургаиа...

— Что это зиачит,— воскликиул Юрий, заметив череиеющиеся выходы пещер.

— Постой, постой, Юрий... так точио... благодари провидеиие — мы спасеиы...

— Но что такое? я не понимаю тебя!

— Я слышала много рассказов про эти пещеры, Юрий. Под этими кургаиами таятся глубокие подземиые ходы, куда только самые смелые охотиики прокрадывались... но иам чего бояться!.. это место безопаснее самого крепкого терема.

— В самом деле,— отвечал Юрий, осматривая место,— если все эти рассказы справедливы, то мы спасены; остается только зиать, ие прячется ли в иих дикий медведь... или другой иегостеприимный пустыииик.

Подойдя к одиому из отверстий Чертова логовища, Юрию показалось, что слышит запах дыма, ои всуиул туда голову; точио! но что это зиачит? уж не заията ли их квартира? Ои сообщил свое замечание Ольге: оиа испугалась, схватила его за руку н, как будто в этой пещере скрывалось грозиое чудовище, с трепетом воскликнула:

— Пойдем отсюда — пойдем... ие медли ии мииуты...

— Идти... ио куда же? — ты забыла, что у нас, кроме синего неба и темиого леса, нет ни кровли, ни пристаиища... и чего бояться... это явно, что в пещере есть жители... кто оии таковы?.. что нам за дело... если оии разбойиики, то им нечего с нас взять, если изгнанники,

подобно нам, то еще менее причин к боязни... К тому же в теперешние времена злодеи и убийцы не боятся смотреть на красное солнце, не стыдятся показывать свои лица в народе...

— Но я боюсь, Юрий, твои убеждения ничтожны, я боюсь,— и она, как пугливое дитя, уцепилась за его руку и, устремив на него умоляющий взгляд, то улыбалась, то готова была заплакать.

— Ты ребенок! стыдись...

— Я не знаю ни стыда, ничего... ради любви моей, не ходи в пещеру — пойдем далее... это западня... как там темно, как страшно...

— Послушай... если мы пойдем далее, то, не зная окрестностей, забредем бог знает куда и попадемся в руки казаков; тогда я неизбежно погиб — разве ты хочешь моей смерти!..

— Юрий... и ты смеешь делать такие вопросы!..

— Итак, пусти меня... или лучше пойдем вместе в это подземелье, и пусть будет, что суждено!..

С сими словами, вынув шпагу, он на коленах вполз в одно из отверстий, держа перед собой смертоносное оружие, и, ощупью подвигаясь вперед, дошел до того места, где можно было идти прямо; сырой воздух могилы проник в его члены, отдаленный ропот начал поражать его слух, постепенно увеличиваясь; порою дым валил ему навстречу, и вскоре перед собою, хотя в отдалении, он различил слабый свет огня, который то вспыхивал, то замирал. Сердце его забилось ожиданием; он начал подвигаться тише, стараясь произвесть как можно менее шуму и готовясь к отчаянному сопротивлению в случае неожиданного нападения хозяев этого мрачного жилища; даже если бы то были существа бесплотные, духи зла и обмана!..

Когда Юрий взошел в круглую залу, неровно освещенную трескучим огоньком, разложенным у подошвы четвероугольного столба, то сначала он ничего не мог различить; пожирая несколько сухих смолистых ветвей, огонь ярко вспыхивал, бросая красные искры вокруг себя; и дым слоями расстилался по всему подземелью; Юрий остановился на минуту, чтоб хорошенько осмотреться, и когда глаза привыкли немного к этой смрадной и туманной атмосфере, то он заметил в одной из впадины стены что-то похожее на лицо человека, который, прижавшись к земле, казалось, не обращал на него вни-

мания; Юрий решился подойти поближе и, приготовившись к защите, закричал громовым голосом:

— Кто здесь?.. вставай! что ты за человек?.. друг или недруг!.. отвечай сию минуту или будет худо!..

Неизвестный приподнялся, вздрогнул, потер глаза и, схватив огромную дубину, лежавшую у ног его, размахнулся, не отвечая ни слова; окруженный дымом, который, как известно, имеет свойство увеличивать предметы, и озаренный неровным светом огня, житель пещеры казался, вероятно, несравненно страшнее и огромнее, нежели был в самом деле.

Юрий, видя неравенство борьбы и не надеясь отразить удар дубины тонкой стальной шпагой, отскочил проворно назад. Дубина упала на огонь: красные уголья и дымные головешки с треском полетели во все стороны.

— Остановись,— сказал Юрий,— или я тебя пронжу насквозь.

Незнакомец, как будто пораженный его голосом, остановился, начал всматриваться и произнес довольно невнятно:

— Кто ты?

В эту минуту яркий луч догорающего огня озарил лицо Юрия; незнакомец, не дождавшись ответа, кинулся к нему и заревел хриплым голосом:

— Сын мой, сын мой!..

Они упали друг другу в объятия; они плакали от радости и от горя; и волчица прыгает и воет и мотает пушистым хвостом, когда найдет потерянного волчонка; а Борис Петрович был человек, как вам это известно, то есть животное, которое ничем не хуже волка; по крайней мере так утверждают натуралисты и философы... а эти господа знают природу человека столь же твердо, как мы, грешные, наши утренние и вечерние молитвы; сравнение чрезвычайно справедливое!..

Между тем отец и сын со слезами обнимали, целовали друг друга и не замечали, что недалеко от них стояло существо, им совершенно чуждое, существо забытое, но прекрасное, нежное — женщина с огненной душой, с душой чистой и светлой, как алмаз; не замечали они, что каждая их ласка или слеза были для нее убийственней, чем яд и кинжал; она также плакала, но одна — одна — как плачет изгнанный херувим, взирая на блаженство своих братьев сквозь решетку райской двери.

Когда Борис Петрович рассказал сыну, каким образом с помощью бедной и гостеприимной солдатки он был отведен в это уединенное убежище, то прибавил:

— Я решился здесь оставаться, пока все не утихнет, войска разобьют бунтовщиков в пух и прах, это необходимо... но что можем мы сделать вдвоем, без оружия, без друзей... окруженные рабами, которые рады отдать все, чтоб посмотреть, как труп их прежнего господина мотается на виселице... ад и проклятие! кто бы ожидал!..

— Помилуйте, батюшка! невозможно, что до вас не доходили слухи, разлитые так изобильно в нашем глупом народе!

— Слухи! слухи! а кто им верил? напасть божия на нас, грешных, да и только!.. Живи теперь, как красный зверь, в зимней берлоге, и не смей носа высунуть... сиди, не пей, не ешь, пока чужой мальчишка, очень ненадежный, не принесет тебе куска хлеба... вот он сказал, что будет сегодня поутру, а все нет, как нет!.. чай, солнце уж закатилось, Юрий?.. а Юрий?

Юрий не слыхал, не слушал; он держал белую руку Ольги в руках своих, поцелуями осушал слезы, висящие на ее ресницах... но напрасно он старался ее успокоить, обнадежить; она отвернулась от него, не отвечала, не шевелилась; как восковая кукла, неподвижно прислонившись к стене, она старалась вдохнуть в себя ее холодную влажность; отчего это с нею сделалось?.. как объяснить сердце молодой девушки: миллион чувствований теснится, кипит в ее душе; и нередко лицо и глаза отражают их, как зеркало отражает буквы письма — наоборот!

— Здравствуй, Оленька,— сказал Борис Петрович, подойдя к ним...— Ты в пору зачванилась, не поклонилась мне, не поздоровалась... правда, я теперь, как ты сама, без крова, без имущества.

— Разве я тогда была с вами ласковее,— отвечала она отрывисто.

— А разве нет? — ох! много воды утекло с тех пор, как мы с тобой в последний раз поцеловались... ты переменилась, побледнела... а все еще красавица, хоть куда!

Он слегка ударил ее по плечу и хотел взять за подбородок, но Юрий, покраснев, схватил его за руку... опомнясь в ту же минуту, он тихо отвел руку отца и,

отойдя с ним немного в сторону, сказал глухим, но внятным голосом:

— Если хотите быть моим отцом, иметь во мне покорного сына, то вообразите себе, что эта девушка такая неприкосновенная святыня, на которой самое ваше дыхание оставит вечные пятна. Вы меня поняли... простите меня: моя кровь кипит при одной мысли — я не меряю слова на аршин приличий... вы согласились на мое предложение; в противном случае... все, все забыто! уважение имеет границы, а любовь — никаких!

ГЛАВА XXII

Что же делал Вадим? О, Вадим не любил праздности! С восходом солнца он отправился искать сестру на барском дворе, в деревне, в саду — везде, где только мог предположить, что она проходила или спряталась,— неудача за неудачей!.. Досадуя на себя, он задумчиво пошел по дороге, ведущей в лес мимо крестьянских гумен; поровнявшись с ними и случайно подняв глаза, он видит буланую лошадь, в шлее и хомуте, привязанную к забору; он приближается... и замечает, что трава измята у подошвы забора! и вдруг взор его упал на что-то пестрое, похожее на кушак, повисший между цепких репейников... точно! это кушак!.. точно! он узнал, узнал! это цветной шелковый кушак его Ольги! какой внезапный луч истины озарил ум печального горбача! она бежала: это ясно — но с кем? — с кем!.. разве нужно спрашивать... о, при одной мысли о нем, при одном имени Юрия вся кровь Вадима превращается в желчь! «Нечего делать! — думал горбач, скрежеща зубами,— тебе удалось меня поддеть, ты из рук моих вырвал добычу, ты посмеялся над уродливым нищим, дерзкий безумец,— но будет и на нашей улице... праздник!..» Он вскочил на лошадь и ударами принудил измученного коня скакать по дороге в селение... в его голове уже развились новые планы, новые замыслы гибели и разрушения.

На широкой и единственной улице деревни толпился народ в праздничных кафтанах, с буйными криками веселья и злобы, вокруг тридцати казаков, которые, держа коней в поводу, гордо принимали подарки мужиков и тянули ковшами густую брагу, передавая друг другу ведро, в которое староста по временам подливал

хмельиого иапитка. Девки и молодки в красных и синих кумачиых сарафаиах, по четыре и более, держа друг друга за руки, ходили взад и вперед по улице, ухмыляясь и запевая веселые песии; а молодые парии, следуя за иими, перешептывались и порою громко отпускали лихие шутки иасчет дородиости и румяица красавиц. Виио и брага приметно распоряжали их словами и мыслями; оии приметно позволяли себе больше вольиостей, чем обыкиовеино, и жеищииы были приметио сиисходительией; ио оставим буйную молодежь и послушаем, об чем говорили воииствеииые пришельцы с седобородыми старшинами? — отгадать ие трудио!.. оии требовали выдачи господ; а крестьяне утверждали и клялись, что господа скрылись, бежали; увы! к иесчастию, казаки были об них слишком хорошего мнеиия! оии ие хотели даже слышать этого, и урядник уже поднимал свою толстую плеть иад головою старосты, и его товарищи уже произиосили слово пытка; между тем иекоторые из них отправились иа барский двор и вскоре возвратились, таща приказчика иа аркаие.

Урядник, по прозваиию Орлеико, мужчина в полиом зиачении сего слова, высокий, крепкий сложением, усастый, с черною бородкой и румяиыми щеками, кинул презрительиый взгляд на блeдиого приказчика, который, произиося несвязиые слова и возгласы, стоял перед иим на колеиах, с руками, связанными на спиие; коиец веревки был в руке одиого маленького рябого казака, который, злобно улыбаясь, поминутно ее подергивал.

— Что это за птица, Грицко́! — сказал урядник малеиькому казаку,— что эта за кликуша?.. отчего ревет, как вол?.. уж не ои ли здешний господин?..

— А бис его зиает! — отвечал Грицко.— Говорит, шчо приказчик... ведь от этих москалей без плетки толку не добьешься... я его иашел под лавкой в кухне и иасилу выкурил оттуда головешкой!..

Улыбка показалась на устах урядиика, когда ои заметил опалеиные волосы и брови иесчастиого плеииика, который, ие спуская с иего глаз и перестав кричать, казалось, старался иа лице казака прочесть свой приговор.

— Так ты приказчик? — спросил Орленко, обратясь к нему грозио.

Несчастиый задрожал, хотел что-то вымолвить и заикиулся.

— Что ж ты молчишь, собачий сын! я тебе этим кинжалом расцеплю зубы!..

— Виноват! я приказчик!..

— А! так ты виноват! — сказал Орленко, наморщив брови и желая над ним позабавиться,— в чем же ты виноват? сейчас признавайся... а не то, видишь! — он пальцем указал на свои пистолеты...

— Батюшка!.. нет, я ни в чем не виноват! ваше ж благородие! помилуй!

— Ты у меня запираться!..

— Виноват! — опять заревел приказчик...— сжальтесь! Я от страху не знаю, что говорю... я приказчик... если б я знал, где господа, так я бы сам их выдал нашему батюшке!.. я бы сам полюбовался на их виселицу... я бы сам их сжег на костре, сам бы своими руками с них кожу содрал с живых!..

— Будто бы! точно ли?..

— Да убей меня бог! если я бы хоть один волосок за них отдал, злодеев!..

— Ну, а скажи-ка! отчего у тебя борода обрита?..

— Борода! — да так... а что, родимый?..

— Эй, ребята! я замечаю, что это плут большой руки!..

— Ваше превосходительство! — сказал приказчик, привстав с большею уверенностью,— извольте спросить у всех мирян, любил ли я господ своих...

— Эй, вы! правду он говорит?

Мужики переминались, почесывали затылок, кашляли.

— Видишь, молчат! — сказал насмешливо Орленко...— да я подозреваю... уж не сам ли ты Палицын!.. борода-то мне подозрительна!.. эй, мужички!.. как вы думаете? ха, ха, ха!

Увы, народ молчал.

Приказчик бросил отчаянный взгляд кругом — но, не встретив нигде сожаления, прикусил губу и, не зная, что делать, закричал:

— Ах вы нехристи, бусурманы... что вы молчите, разве я не приказчик, Матвей Соколов, разве в первый раз вы меня видите... что это вы морочите честных людей. Ах вы канальи... разве забыли, как я вас порол... или еще хочется?

Лукавые мужики покашливали; наконец, один из них, покачав головой, молвил:

— Пороть-то ты нас, брат, порол... грешно сказать, лучшего мы от тебя ничего не видали... да теперь-то ты нас этим, любезный, не настращаешь!.. всему свое время, выше лба уши не растут... а теперь, не хочешь ли теперь на себе примерить!..

— Что же! ты его признаешь за барина своего? — спросил Орленко...

— Барин-то он не совсем барин,— сказал мужик,— да яблоко от яблони недалеко падает; куды поп, туда и попова собака...

— Что ж я буду с ним делать!..

— А что хочешь, кормилец! нам все равно!.. как присудишь!..— заговорило несколько голосов.

Приказчик упал в ноги урядннку и заревел:

— Смилуйся, отец родной, золотой ты мой, серебряный, что я тебе сделал... неужто наш батюшка велит губить верных слуг своих.

— А на что ему таких трусов, таких баб, как ты! вашей братьею только улицы мостить. Эй, мужички, возьмите его себе... я вам его дарю на живот и на смерть! делайте из него что хотите...

В одно мгновение мужики его окружили с шумом и проклятьями; слова смерть, виселица отделялись по временам от общего говора, как в бурю отделяются удары грома от шума листьев и визга пронзительных ветров; все глаза налились кровью, все кулаки сжались... все сердца забились одним желанием мести; сколько обид припомнил каждый! сколько способов придумал каждый заплатить за них сторицею...

Вдруг толпа раздалась, расхлынулась, как некогда море, тронутое жезлом Моисея... и человек уродливой наружности, небольшого роста, запыленный, весь в поту, с изорванными одеждами, явился перед казаками... Когда урядник его увидал, то снял шапку и поклонился, как старому знакомому, но Вадим, ибо это был он, не заметив его, обратился к мужикам и сказал:

— Отойдите подальше, мне надо поговорить о важном деле с этими молодцами...

Мужики посмотрели друг на друга и, не заметив ни на чьем лице желания противиться этому неожиданному приказу и побежденные решительным видом страшного горбача, отодвинулись, разошлись и в нескольких шагах собрались снова в кучку.

Тогда Вадим обернулся к уряднику.

— Здравствуй, Орленко,— сказал он отрывисто,— зверя я сследил, а поймать ваше дело...

— Уж ты молодец. Красная шапка... знаем мы тебя...— с этими словами Орленко ударил его по плечу...

Едва приметная тень неудовольствия пробежала по лицу Вадима, но обиженная гордость повиновалась необходимости... как быть! этим ли еще одним он пожертвовал для своей грозной цели?..

— Если хотите, я вас наведу на след Палицына: пожива будет, за это отвечаю,— только с условием... и черт даром не трудится...

— Только укажи след,— сказал, улыбаясь, Орленко,— а уж за наградой дело не станет; сколько бы денег на нем ни нашли,— вот тебе крест,— десятую долю тебе!..

— Денег!.. нет, я не хочу денег...

— Чего ж ты хочешь... крови!..

— Да, крови! — с диким хохотом отвечал горбач.

— Что ж, и за этим дело не станет...

— О, я вас знаю! вы сами захотите потешиться его смертью... а что мне толку в этом? что я буду стоять и смотреть!.. нет, отдайте мне его тело и душу, чтоб я мог в один час двадцать раз их разлучить и соединить снова; чтоб я насытился его мученьями, один, слышите ли, один, чтоб иичье сердце, ничьи глаза не разделяли со мною этого блаженства... о, я не дурак... я вам не игрушка... слышите ли...

Некоторые казаки были поражены его ужасными словами и мрачным выражением этого лица, на котором так недавно стали отражаться его чувства во всей полноте своей!.. другие, перемигиваясь, смеялись над странными его телодвижениями.

— Ах ты урод,— сказал урядник,— ну кто бы ожидал от тебя такую прыть! ха! ха! ха!

Вадим побледнел, бросил на казака тот взгляд, который был его главным оружием, топнул ногою, заскрежетал, отвернулся, чтоб не могли прочитать его бешенства в багровых ланитах. Все смотрели на него с изумлением.

— Коня! —закричал он вдруг, будто пробудившись от сна.— Дайте мне коня... я вас проведу, ребята, мы потешимся вместе... вам вся честь и слава — мне же...— он вскочил на коня, предложенного ему одним из казаков, и, махнув рукою прочим, пустился рысью по доро-

ге; мигом вся ватага повскакала на коней, раздался топот, пыль взвилась, и след простыл...

С отчаянием в груди смотрел связанный приказчик на удаляющуюся толпу казаков, умоляя взглядом неумолимых палачей своих; с дреколием теснились они около несчастной жертвы и холодно рассуждали о том, повесить его, или засечь, или уморить с голоду в холодном анбаре; последнее средство показалось самым удобным, и его с торжеством, хохотом и песнями отвели к пустому анбару, выстроенному на самом краю оврага, втолкнули в узкую дверь и заперли на замок. Потом народ рассыпался частью по избам, частью по улице; все сии происшествия заняли гораздо более времени, нежели нам нужно было, чтоб описать их, и уж солнце начинало приближаться к западу, когда волнение в деревне утихло; девки и бабы собрались на завалинках и запели праздничные песни!.. вскоре стада с топотом, пылью и блеянием, возвращаясь с паствы, рассыпались по улице, и ребятишки с обычным криком стали гоняться за отсталыми овцами... и никто бы не отгадал, что час или два тому назад на этом самом месте произнесен смертный приговор целому дворянскому семейству!..

ГЛАВА XXIII

Вадим ехал перед казаками по дороге, ведущей в ту небольшую деревеньку, где накануне ночевал Борис Петрович. Он безмолвствовал; он мечтал о сестре, о родной кровле... он прощался с этими мечтами — навеки!

Казалось, его задумчивость, как облако, тяготела над веселыми казаками: они также молчали; иногда вырывалось шутливое замечание, за ним появлялись три-четыре улыбки — и только! вдруг один из казаков закричал:

— Стой, братцы! — кто это нам едет навстречу? слышите топот... видите пыль, там за изволоком!.. уж не наши ли это из села Красного!.. то-то, я думаю, была пожива,— не то, что мы,— чай, пальчики у них облизать, так сыт будешь... Э!.. да посмотрите... ведь точно, видно, они!.. ах разбойники, черти их душу возьми... эк сколько телег за собой везут, целый обоз!..

И точно, толпа, надвигающаяся к ним навстречу, более походила на караван, нежели на отряд вольных жителей Урала. Впереди ехало человек пятьдесят казаков, предводительствуемых одним старым, седым наездником, на серой борзой лошади. За ними шло человек десять мужиков с связанными назад руками, с поникшими головами, без шапок, в одних рубашках; потом следовало несколько телег, нагруженных поклажею, вином, вещами, деньгами, и, наконец, две кибитки, покрытые рогожей, так что нельзя было, не приподняв оную, рассмотреть, что в них находилось; несколько верховых казаков окружало сии кибитки; когда Орленко с своими казаками приблизился к ним сажен на пятьдесят, то, велев спутникам остановиться и подождать, приударил коня нагайкой и подскакал к каравану.

— Здравствуй, молодец! — сказал ему седой наездник с приветливой улыбкой,— откуда и куда путь держишь?

— А мы из села Красного, разбивали панский двор... и везем этих собак к Белбородке!.. он им совьет пеньковое ожерелье,— не будут в другой раз бунтовать...

— Я отгадал, старый, что ты, верно, в Красном пировал... да, кажется, и теперь не с пустыми руками!

— Да, нельзя пожаловаться на судьбу!.. бочки три вина везем к Белбородке!..

— К Белбородке!.. все ему! а зачем!.. у него и без нас много! эх, молодцы, кабы вместо того, чем везти туда, мы его роспили за здравье родной земли!.. что бы вам моих казачков не попотчевать? у них горло засохло, как Уральская степь... ведь мы с утра только по чарке браги выпили, а теперь едем искать Палицына, и бог знает, когда с вами опять увидимся...

Старый обратился к своим и молвил:

— Эй! ребята! как вы думаете? ведь нам до вечера не добраться к месту!.. аль сделать привал... своих обделять не надо... мы попируем, отдохнем — а там, что будет, то будет: утро вечера мудренее!..

— Стой,— раздалось по всему каравану.

Стой! — скрыпучие колесы замолкли, пыль улеглась; казаки Орленки смешались с своими земляками и, окружив телеги, с завистью слушали рассказы последних про богатые добычи и про упрямых господ села Красного, которые осмелились оружием защищать свою собст-

венность; между тем некоторые отправились к роще, возле которой пробегал небольшой ручей, чтоб выбрать место, удобное для привала; вслед за ними скоро тронулись туда телеги и кибитки, и, наконец, остальные казаки, ведя в поводу лошадей своих...

Когда Вадим заметил, что его помощники вовсе не расположены следовать за ним без отдыха для отыскания неверной добычи, особенно имея перед глазами две миловидные бочки вина, то, подъехав к Орленке, он взял его за руку и молвил:

— Итак сегодня нет надежды!

— Да, брат... навряд, да признаюсь, мне самому надоело гоняться за этими крысами!.. сколько уж я их перевешал, право, и счет потерял; скорее сочту волосы в хвосте моего коня!..

Вадим круто повернул в сторону, отъехал прочь, слез, привязал коня к толстой березе и сел на землю; прислонясь к березе, сложа руки на груди, он смотрел на приготовления казаков, на их беззаботную веселость; вдруг его взор упал на одну из кибиток: рогожа была откинута, и он увидел... о, если б вы знали, что он увидал? во-первых, из нее показалась седая, лысая, желтая, исчерченная морщинами, угрюмая голова старика лет шестидесяти или более; его взгляд был мрачен, но благороден, исполнен этой холодной гордости, которая иногда родится с нами, но чаще дается воспитанием, образуется от продолжительной привычки повелевать себе подобными. Одежда старика была изорвана и местами запятнана кровью — да, кровью.. потому что он не хотел молча отдать наследие своих предков пошлым разбойникам, не хотел видеть бесчестие детей своих, не подняв меча за право собственности... но рок изменил!.. он уже перешагнул две ступени к гибели: сопротивление, плен,— теперь осталась третья — виселица!..

И Вадим пристально, с участием всматривался в эти черты, отлитые в какую-то особенную форму величия и благородства, исчерченные когтями времени и страданий, старинных страданий, слившихся с его жизнью, как сливаются две однородные жидкости; но последние, самые жестокие удары судьбы не оставили никакого следа на челе старика; его большие серые глаза, осененные тяжелыми веками, медленно, строго пробегали картину, развернутую перед ними случайно; ни близость смерти, ни досада, ни ненависть, ничто не могло, казалось, оту-

манить этого спокойного, всепроникающего взгляда; но вот он обратил их в внутренность кибитки,— и что же, две крупные слезы, засверкав, невольно выбежали на седые ресницы и чуть-чуть не упали на поднявшуюся грудь его; Вадим стал всматриваться с большим вниманием.

Вот показалась из-за рогожи другая голова, женская, розовая, фантастическая головка, достойная кисти Рафаэля, с детской полусонной, полупечальной, полурадостной, невыразимой улыбкой на устах; она прилегла на плечо старика так беспечно и доверчиво, как ложится капля росы небесной на листок, иссушенный полднем, измятый грозою и стопами прохожего, и с первого взгляда можно было отгадать, что это отец и дочь, ибо в их взаимных ласках дышала одна печаль близкой разлуки, без малейших оттенок страсти, святая печаль, попечительное сожаление отца, опасения балованной, любимой дочери.

Тяжко было Вадиму смотреть на них, он вскочил и пошел к другой кибитке: она была совершенно раскрыта, и в ней были две девушки, две старшие дочери несчастного боярина; первая сидела и поддерживала голову сестры, которая лежала у ней на коленах; их волосы были растрепаны, перси обнажены, одежды изорваны... толпа веселых казаков осыпала их обидными похвалами, обидными насмешками... они, однако, не смели подойти к старику: его строгий, пронзительный взор поражал их дикие сердца непонятным страхом.

Между тем казаки разложили у берега речки несколько ярких огней и расположились вокруг; прикатили первую бочку,— началась пирушка... Сначала веселый говор пробежал по толпе, смех, песни, шутки, рассказы — все сливалось в одну нестройную, неполную музыку, но скоро шум начал возрастать, возрастать, как грозное крещендо оркестра; хор сделался согласнее, сильнее, выразительнее; о, какие песни, какие речи, какие взоры, лица, телодвижения, буйные, вольные! Какие разноцветные группы! яркое пламя костров согласно с догорающим западом озаряло картину пира, когда Вадим решился подойти к ним, замешаться в их веселие.

— За здравие пана Белбородки! — говорил один, выпивая разом полный ковшик.— Он первый выдумал этот золотой поход!..

— Черт его побери! — отвечал другой, покачиваясь,— славный малый!.. пьет как бочка, дерется как зверь... и умнее монаха!..

— Ребята!.. у кого из вас не замечен нынешний день на теле зарубкою, тот поди ко мне, я сослужу ему службу!..

— Ах ты хвастун, лях проклятый!.. ты во все время сидел с винтовкой за анбаром... ха! ха! ха!..

— А ты, рыжий, где спрятался, признайся, когда старик-то заперся в светелке да начал отстреливаться...

— Я, а где бишь! да я тут же был, с вами! да кто же, если не я, подстрелил того длинного молодца, что с топором высунулся из окна.

— Да это было прежде... ну, а если ты был тут, то скажи, что сделал старый боярин, когда наш Грицко удалый повалил его сына?..

— Что? ничего!..

— Так врешь! — он положил его поперек окна, и, прислонив к нему ружье, выстрелил в десятского... вот повалил-то! как сноп! уж я целил, целил в его меньшую дочь... ведь разбойница! стоит за простенком себе да заряжает ружья... по крайней мере две другие лежали без памяти у себя на постелях...

— А много ваших легло?..

— Да человек десяток есть!.. зато уж мы, как ворвались в дом, всех покрошили, кроме господ... да этим суждено умереть немолодецкой смертью...

— Чего же вы ждете?.. осины есть... веревки есть...

— Да власти нет... старшина велит вести их к Белбородке!..

— Эх, кабы я был старшина!..

Тут ковш еще раз пропутешествовал по рукам и сухой вернулся к своему источнику!.. умы заклокотали сильнее, и лица разгорелись кровавым заревом.

— Кто вам мешает их убить! разве боитесь своих старшин? — сказал Вадим с коварной улыбкой.

Это была искра, брошенная на кучу пороха!..

— Кто мешает! — заревели пьяные казаки.— Кто смеет нам мешать! мы делаем что хотим, мы не рабы, черт возьми!.. убить, да, убить! отомстим за наших братьев... пойдемте, ребята...— и толпа с воем ринулась к кибиткам; несчастный старик спал на груди своей дочери; он вскочил... высунулся... и все понял!..

— Чего вы хотите! — сказал он твердым голосом.

— А! старый ворон! старый филин!.. мы тебя выучим воздушной пляске... пожалуй-ка сюда... да выходи же,— сказал один, подтверждая приказание ударом плетью...

Старик медленно вышел из кибитки, дочь выпрыгнула вслед за ним, уцепилась обеими руками за его платье.

«Не бойся! — шепнул он ей, обняв одной рукою,— не бойся... если бог ие захочет, оии ничего ие могут нам сделать, если же...» — он отвернулся... о, как изобразить выражение лица бедной девушки!.. сколько прелестей, сколько отчаяния!..

— Разнимите их! — закричал один кривой исполин, приготавливая петлю.— Что они лижутся!..

Их хотели растащить... но девушка в бешенстве укусила жестокую руку...

— Перестань! — сказал отец твердым голосом,— ты этим не поможешь, если мне суждено погибнуть от злодейских рук, без покаяния, как бусурману...

— Не может быть! не может быть, батюшка... ты не умрешь!

— Отчего же, дочь! не может быть?.. и Христос умер!.. молись...

Она отрывисто качнула головой и заплакала...

Боже! какие слезы!..

Несмотря на это, их растащили; но вдруг она вскрикнула и упала; отец кинулся к ией, с удивительной силой оттолкнул двух казаков, прижал руку к ее сердцу... она была мертва, бледна, холодна, как сырая земля, на которой лежало ее молодое, непорочное тело.

— Теперь пойдемте! — сказал старик; его глаза заблистали мрачиым пламеием... он махиул рукою... ему надели на шею петлю, перекинули коиец веревки через толстый сук, и... раздался громкий хохот, потом вдруг молчание, молчание смерти!..

Но увы! еще не кончились его муки; пьяные безумцы прежде времени пустили конец веревки, который взвился кверху; мучеиик сорвался, ударился оземь,— и нога его хрустнула... ои застонал и повалился возле трупа своей дочери.

— Убийцы! — прохрипел он...— вот вам мое проклятье! проклятье!..

— Заткни ему горло! — сказал Орленко... это было сожалеиье...

Два ножа в минуту воткнулись в горло старика, и он умолк.

Когда казаки, захотев увериться в его кончине, стали приподнимать его за руки, то заметили, что в последних судорогах он крепко ухватил ногу своей дочери, впился в нее костяными пальцами, которые замерли на нежном теле... О, это было ужасно... они смеялись!..

Божественная, милая девушка! и ты погибла, погибла без возврата... один удар — и свежий цветок склонил голову!.. твое слабое сердце, как нить истлевшая, разорвалось... Ни одно рыдание, ни одно слово мира и любви не усладило отлета души твоей, резвой, чистой, как радужный мотылек, невинной, как первый вздох младенца... грозные лица окружали твое сырое смертное ложе, проклятие было твоим надгробным словом!.. какая будущность! какое прошедшее! и все в один миг разлетелось; так иногда вечером облака дымные, багряные, лиловые гурьбой собираются на западе, свиваются в столпы огненные, сплетаются в фантастические хороводы, и замок с башнями и зубцами, чудный, как мечта поэта, растет на голубом пространстве... но дунул северный ветер... и разлетелись облака и упадают росою на бесчувственную землю!.. Мир с тобою, дева красоты, да ангел твой хранитель споет над твоим прахом песнь мира, любви и прощанья...

А между тем Вадим стоял неподвижно, смотрел на нее и на старика так же равнодушно и любопытно, как бы мы смотрели на какой-нибудь физический опыт! он, чье неуместное слово было всему виною...

Погодите, это легко объяснить вам.

Во-первых, он хотел узнать, какое чувство волнует душу при виде такой казни, при виде самых ужасных мук человеческих,— и нашел, что душу ничего не волнует.

Во-вторых, он хотел узнать, до какой степени может дойти непоколебимость человека... и нашел, что есть испытания, которых перенесть никто не в силах... это ему подало надежду увидать слезы, раскаяние Палицына — увидать его у ног своих, грызущего землю в бешенстве, целующего его руки от страха... надежда усладительная, нет никакого сомнения.

Уж было темно; огни догорали, толпа постепенно умолкала, и многие уж спали беззаботно... Луна, всплывая на синее небо, осеребрила струи виющейся речки и

тумаиную отдаленность; черные облака медлеино проходнли мимо иее, как ночной сторож ходнт взад н вперед мнмо пылающего маяка...

Вадим сндел на своем прежием месте, под толстой березой, сложа руки н угрюмо глядя на небо. К нему подошел Орленко.

— Посмотрн, как весело! отчего ты одии сердит, задумчив, горбач? — сказал он, ударнв его по плечу.

— Ты видншь это облако, которое, как медвежья косматая шуба, висит над месяцем?.. — отвечал Вадим, прнподняв голову с презрительной усмешкой.

— Внжу!

— Ну, а как ты думаешь, что тантся в глубнне его?..

— Что?.. по-моему, гром и молния — вншь, как насупилось...

— И ты спрашнваешь, зачем я угрюм н молчалив?..

Орлеико, не поияв горбача, пожал плечами и отошел прочь...

ГЛАВА XXIV

Теперь оставим пирующую и сонную ватагу казаков и перенесемся в знакомую нам деревеньку, в нзбу бедной солдатки; дело подходило к рассвету, луна спокойно озаряла соломенные кровлн дворов, и все казалось погруженным в глубокнй мнрный сон; только в нзбе солдатки светилась тусклая лучина и по временам раздавался резкий грубый голос солдаткн, коему отвечал другой, черезвычайно жалобиый и плакснвый,— н это покажется черезвычайио обыкиовеиным, когда я скажу, что солдатка била своего сыиа! Я бы с велнкнм удовольствием пропустил эту неприятную, пошлую сцену, если б оиа не служнла необходимым изъясиеиием всего следующего; а так как я предполагаю в своих читателях должиую степень любопытства, то ие почитаю за необходимость долее нзвиняться.

— Ах ты лентяй! чтоб тебе сдохиуть... собачий сын!..—говорила мать, таская за волосы своего детища.

— Матушки, батюшки! помнлуй!.. золотая, серебряная... не буду! — ревел длнный балбес, утнрая глаза кулаками...— я вчера вишь поиес им хлеба да квасу в кувшнне... вот, слышь, мачка, я шел... шел... да меия леший и обошел... а я устал, да и лег спать в кусты,

мачка... вот, когда я проснулся... мне больно есть захотелось... я все и съел...

— Ах ты разбойник... экого болвана вырастила, запорю тебя до смерти...— И удары снова градом посыпались ему на голову.— Чай, он, мой голубчик,— продолжала солдатка,— там либо с голоду помер, либо вышел да попался в руки душегубам... а ты, нечесаная голова, и не подумал об этом!.. да знаешь ли, что за это тебя черти на том свете живого зажарят... вот родила я какого негодяя на свою голову... уж кабы знала, не видать бы твоему отцу от меня ни к.....а! — И снова тяжкие кулаки ее застучали о спину и зубы несчастного, который, прижавшись к печи, закрывал голову руками и только по временам испускал стоны, почти нечеловеческие.

И за дело! бедные изгнанники по милости негодяя более суток оставались без пищи, и отчаяние уже начинало вкрадываться в их души!.. и в самом деле, как выйти, где искать помощи, когда по всем признакам последние покровители их покинули на произвол судьбы?

Между тем, пока солдатка била своего пария, кто-то перелез через частокол, ощупью пробрался через двор, заставленный дровнями и колодами, и взошел в темные сени неверными шагами; усталость говорила во всех его движениях; он прислонился к стене и тяжело вздохнул; потом тихо пошел к двери избы, приложил к ней ухо и, узнав голос солдатки, отворил дверь — и взошел; догорающая лучина слабо озарила его бледное, исхудавшее лицо... не говоря ни слова, он в изнеможении присел на скамью и закрыл лицо руками...

Хозяйка вскрикнула при виде незваного гостя, но вскоре, вероятно узнав его и опасаясь свидетелей, поспешно притворила дверь и подошла к нему с видом простодушного участия.

— Что с тобою, мой кормилец!.. ах, матерь божия!.. да как ты зашел сюда... слава богу! я думала, что тебя злодеи-то давным-давно извели!..

— Случайно я нашел батюшку в Чертовом логовище,— отвечал он слабым голосом...— ты его спасла! благодарю... я пришел за хлебом.

— Ах я проклятая! ах я безумная! — а вы там, чай, родимые, голодали, голодали... нет, я себе этого не прощу... а ты, болван неотесанный,— закричала она, обра-

тясь к сыну,— все это по твоей милости! собачий сын...— И снова удары посыпались на бедняка.

— Дай мне чего-нибудь! — сказал Юрий...

Эти слова напомнили ей дело более важное! она вынула из печи хлеба, поставила перед ним горшок снятого молока, и он с жадностью кинулся на предлагаемую пищу... в эту минуту он забыл все: долг, любовь отца, Ольгу, все, что не касалось до этого благодатного молока и хлеба. Если б в эту минуту закричали ему на ухо, что сам грозный Пугачев в тридцати шагах, то несчастный еще подумал бы: оставить ли этот неоцененный ужин и спастись — или утолить голод и погибнуть!.. у него не было уже ни ума, ни сердца — он имел один только желудок!

Пока он ел и отдыхал, прошел час, драгоценный час; восток белел неприметно; и уже дальние края туманных облаков начинали одеваться в утреннюю свою парчовую одежду, когда Юрий, обремененный ношею съестных припасов, собирался выйти из гостеприимной хаты; вдруг раздался на улице конский топот, и кто-то проскакал мимо окон; Юрий побледнел, уронил мешок и значительно взглянул на остолбеневшую хозяйку... она подбежала к окну, всплеснула руками, и простодушное загорелое лицо ее изобразило ужас.

— Делать нечего! — сказал Юрий, призвав на помощь всю свою твердость...— не правда ли! я погиб. Говори скорее, потому что я не люблю неизвестности!..

Но хозяйка не отвечала; она приподняла половицу возле печи и указала на отверстие пальцем; Юрий понял сей выразительный знак и поспешно спустился в небольшой холодный погреб, уставленный домашней утварью.

— Что бы ты ни слыхал, что бы в избе ни творили со мной, барин, не выходи отсюда прежде двух ден, боже тебя сохрани, здесь есть молоко, квас и хлеб, на два дни станет! — И тяжелая доска, как гробовая крышка, хлопнула над его головою.

Хозяйка, чтоб не возбудить подозрений, стала возиться у печи, как будто ни в чем не бывало.

Скоро дверь распахнулась с треском, и вошли казаки, предводительствуемые Вадимом.

— Здесь был Борис Петрович Палицын с охотниками,— спросил Вадим у солдатки,— где они?..

— На заре, чем свет, уехали, кормилец!

— Лжешь; охотники уехали — а он здесь!..

— И, помилуйте, отцы родные, да что мне его прятать! ведь он, чай, не мой барин...

— В том-то и сила, что не твой! — подхватил Орленко... и, ударив ее плетью, продолжал: — Ну, живо поворачивайся, укажи, где он у тебя сидит... а не то...

— Делайте со мною что угодно,— сказала хозяйка, повесив голову,— а я знать не знаю, вот вам Христос и святая богородица!.. ищите, батюшки, а коли не найдете, не пеняйте на меня, грешную.

Несколько казаков по знаку атамана отправились на двор за поисками и через четверть часа возвратились, объявив, что ничего не нашли!..

Орленко недоверчиво посмотрел на Вадима, который, прислонясь к печи и приставив палец ко лбу, казался погружен в глубокое размышление; наконец, как будто пробудившись, он сказал почти про себя:

— Он здесь, непременно здесь!..

— Отчего же ты в том уверен? — сказал Орленко.

— Отчего! боже мой! отчего? я вам говорю, что он здесь, я это чувствую... я отдаю вам свою голову, если его здесь нет!..

— Хорош подарок,— заметил кто-то сзади.

— Но какие доказательства! и как его найти? — спросил Орленко...

Грицко осмелился подать голос и советовал употребить пытку над хозяйкой.

При грозном слове *пытка* она приметно побледнела, но ни тени нерешимости или страха не показалось на лице ее, оживленном, быть может, новыми для нее, но не менее того благородными чувствами.

— Пытать так пытать,— подхватили казаки и обступили хозяйку; она неподвижно стояла перед ними, и только иногда губы ее шептали неслышно какую-то молитву. К каждой ее руке привязали толстую веревку и, перекинув концы их через брус, поддерживающий полати, стали понемногу их натягивать; пятки ее отделились от полу, и скоро она едва могла прикасаться до земли концами пальцев. Тогда палачи остановились и с улыбкою взглянули на ее надувшиеся на руках жилы и на покрасневшее от боли лицо.

— Что, разбойница,— сказал Орленко...— теперь скажешь ли, где у тебя спрятан Палицын?

Глубокий вздох был ему ответом.

Он подтвердил свой вопрос ударом иагайки.

— Хоть зарежьте, не зиаю,— отвечала несчастная женщина.

— Тащи выше! — было приказаиие Орленки, и в две минуты она подиялась от земли иа аршин... глаза ее иалились кровью, стисиув зубы, оиа старалась удерживать невольиые крики... палачи опять остановились, и Вадим сделал знак Орленке, который его тотчас поиял. Солдатку разули; под ногами ее разложили кучку горящих угольев, от жару и боли в иогах ее иачались судороги,— и она громко застоиала, моля о пощаде.

— Ага, так, иакоиец, разжала зубы, проклятая...: небось как начнем жарить, так ие только язык, сами пятки заговорят... иу, отвечай же скорее, где он?

— Да, где ои? — повторил горбач.

— Ох!.. ох! батюшки... голубчики... дайте дух перевести... опустите на землю...

— Нет, прежде скажи, а потом пустим...

— Воля ваша... ие могу слова вымолвить... ох!.. ох, господи... спаси... батюшки...

— Спустите ее,— сказал Орленко.

Когда иоги невиииой жертвы коснулись до земли, когда грудь ее вздохиула свободио, то казак повторил прежние свои вопросы...

— Он убежал! — сказала оиа...— в ту же ночь... вон по той тропиике, что идет по оврагу... больше, вот вам Христос, я иичего ие знаю.

В эту минуту два казака ввели в избу рыжего, замаслеииого болваиа, ее сыиа. Оиа бросила ему взгляд, который всякий бы поиял, кроме его.

— Кто ты таков? — спросил Орленко.

— *Петруха,*— отвечал пареиь...

— Да, дурачиша, кто ты таков?

— А почем я зиаю... говорят, что мачкии сын...

— Хорош! — сказал, захохотав, Орлеико...— да где вы его нашли?..

— Зарылся в соломе по уши около анбара; мы идем, аи, глядь, две иоги торчат из соломы... вот мы его оттуда за иоги... уж тащили.. тащили... словио лодку с отмели...

— Послушай, Орленко,— прервал Вадим,— мы от этого дурака можем больше узиать, чем от упрямой ведьмы, его матери!..

Казак кивнул головой в зиак согласия.

— Только его надо вывести, иначе она нам помешает.

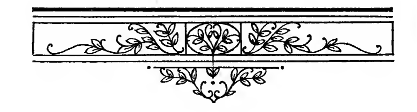
— И то правда — выведи-ка его на двор,— сказал Орленко,— а эту чертовку мы запрем здесь...

Услышав это, хозяйка вспыхнула, глаза ее засверкали...

— Послушай, Петруха,— закричала она звонким голосом,— если скажешь хоть единое словцо, я тебя прокляну, сгоню со двора, заморю, убью!..

Он затрепетал при звуках знакомого ему голоса; онемение, произведенное в нем присутствием стольких незнакомых лиц, еще удвоилось; он боялся матери больше, чем всех казаков на свете, ибо привык ее бояться; сопроводив свои угрозы значительным движением руки, она впала в задумчивость и казалась спокойною.

Прошло около десяти ужасных минут; вдруг раздались на дворе удары плети, ругательства казаков и крик несчастного. Ее материнское сердце сжалось, но вскоре мысль, что он не вытерпит мучений до конца и выскажет ее тайну, овладела всем ее существом; она и молилась, и плакала, и бегала по избе в нерешимости, что ей делать, даже было мгновенье, когда она почти покушалась на предательство... но вот сперва утихли крики, потом удары... потом брань... и, наконец, она увидала из окна, как казаки выходили один за одним за ворота, и на улице, собравшись в кружок, стали советоваться между собою. Лица их были пасмурны, омрачены обманутой надеждой; рыжий Петруха, избитый, полуживой, остался на дворе; он, охая и стоная, лежал на земле; мать, содрогаясь, подошла к нему, но в глазах ее сияла какая-то высокая, неизъяснимая радость: он не высказал, не выдал своей тайны душегубцам.



КНЯГИНЯ ЛИГОВСКАЯ

Роман

ГЛАВА I

Поди! — поди! раздался крик!
Пушкин

В 1833 году, декабря 21-го дня в 4 часа пополудни по Вознесенской улице, как обыкновенно, валила толпа народу, и между прочим шел один молодой чиновник; заметьте день и час, потому что в этот день и в этот час случилось событие, от которого тянется цепь различных приключений, постигших всех моих героев и героинь, историю которых я обещался передать потомству, если потомство станет читать романы. Итак, по Вознесенской шел один молодой чиновник, и шел он из департамента, утомленный однообразной работой и мечтая о награде и вкусном обеде — ибо все чиновники мечтают! На нем был картуз неопределенной формы и синяя ваточная шинель с старым бобровым воротником; черты лица его различить было трудно: причиною тому козырек, воротник и сумерки; казалось, он не торопился домой, а наслаждался чистым воздухом морозного вечера, разливавшего сквозь зимнюю мглу розовые лучи свои по кровлям домов, соблазнительным блистаньем магазинов и кондитерских; порою подняв глаза кверху с истинно поэтическим умиленьем, сталкивался он с какой-нибудь розовой шляпкой и, смутившись, извинялся; коварная розовая шляпка сердилась, потом заглядывала ему под картуз и, пройдя несколько шагов, оборачивалась, как будто ожидая вторичного извинения; напрасно! молодой чиновник был совершенно недогадлив!.. но еще чаще он

останавливался, чтоб поглазеть сквозь цельные окна магазина или кондитерской, блистающей чудными огнями и великолепной позолотою; долго, пристально, с завистью разглядывал различные предметы — и, опомнившись, с глубоким вздохом и стоическою твердостью продолжал свой путь; самые же ужасные мучители его были извозчики,— и он ненавидел извозчиков; «Барин! куда изволите? прикажете подавать? подавать-с!» Это была пытка Тантала, и он в душе глубоко ненавидел извозчиков.

Спускаясь с Вознесенского моста и собираясь поворотить направо по канаве, вдруг слышит он крик: «Берегись, поди!..» Прямо на него летел гнедой рысак; из-за кучера мелькал белый султан и развевался воротник серой шинели. Едва он успел поднять глаза, уж одна оглобля была против его груди, и пар, вылетавший клубами из ноздрей бегуна, обдал ему лицо; машинально он ухватился руками за оглоблю и в тот же миг сильным порывом лошади был отброшен несколько шагов в сторону на тротуар... раздалось кругом: «Задавил, задавил»,— извозчики погнались за нарушителем порядка, но белый султан только мелькнул у них перед глазами и был таков.

Когда чиновник очнулся, боли он нигде не чувствовал, но колена у него тряслись еще от страха; он встал, облокотился на перилы канавы, стараясь прийти в себя; горькие думы овладели его сердцем, и с этой минуты перенес он всю ненависть, к какой его душа только была способна, с извозчиков на гнедых рысаков и белые султаны.

Между тем белый султан и гнедой рысак пронеслись вдоль по каналу, поворотили на Невский, с Невского на Караванную, оттуда на Симионовский мост, потом направо по Фонтанке и тут остановились у богатого подъезда, с навесом и стеклянными дверьми, с медной блестящею обделкой.

— Ну, сударь,— сказал кучер, широкоплечий мужик с окладистой рыжей бородой,— Васька нынче показал себя!

Надобно заметить, что у кучеров любимая их лошадь называется всегда Ваською, даже вопреки желанию господ, наделяющих ее громкими именами Ахилла, Гектора... она все-таки будет для кучера не Ахел и не Нектор, а Васька.

Офицер слез, потрепал дымящегося рысака по крутой шее, улыбнулся ему признательно и взошел на блестящую лестницу; об раздавленном чиновнике не было и помину... Теперь, когда он снял шинель, закиданную снегом, и взошел в свой кабинет, мы свободно можем пойти за ним и описать его наружность — к несчастию, вовсе не привлекательную; он был небольшого роста, широк в плечах и вообще нескладен; казался сильного сложения, неспособного к чувствительности и раздражению; походка его была несколько осторожна для кавалериста, жесты его были отрывисты, хотя часто они выказывали лень и беззаботное равнодушие, которое теперь в моде и в духе века — если это не плеоназм. Но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человека; видно было, что он следовал не всеобщей моде, а сжимал свои чувства и мысли из недоверчивости или из гордости. Звуки его голоса были то густы, то резки, смотря по влиянию текущей минуты; когда он хотел говорить приятно, то начинал запинаться и вдруг оканчивал едкой шуткой, чтоб скрыть собственное смущение,— и в свете утверждали, что язык его зол и опасен... ибо свет не терпит в кругу своем ничего сильного, потрясающего, ничего, что бы могло обличить характер и волю: свету нужны французские водевили и русская покорность чуждому мнению.

Лицо его смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для Лафатера и его последователей: они прочли бы на нем глубокие следы прошедшего и чудные обещания будущности... толпа же говорила, что в его улыбке, в его странно блестящих глазах есть что-то...

В заключение портрета скажу, что он назывался Григорий Александрович Печорин, а между родными просто Жорж, на французский лад, и что притом ему было двадцать три года, и что у родителей его было три тысячи душ в Саратовской, Воронежской и Калужской губерниях,— последнее я прибавляю, чтоб немного скрасить его наружность во мнении строгих читателей! виноват, забыл включить, что Жорж был единственный сын, не считая сестры, шестнадцатилетней девочки, которая была очень недурна собою, и, по словам маменьки (папеньки уж не было на свете), не нуждалась в приданом и могла занять высокую степень в обществе с помощию

божией, и хорошенького личика, и блестящего воспитания.

Григорий Александрович, войдя в свой кабинет, повалился в широкие кресла; лакей взошел и доложил ему, что, дескать, барыня изволила уехать обедать в гости, а сестра изволила уж откушать... «Я обедать не буду,— был ответ,— я завтракал!..»

Потом взошел мальчик лет тринадцати в красной казачьей куртке, быстроглазый, беленький и с виду большой плут, и подал, не говоря ни слова, визитную карточку: Печорин небрежно положил ее на стол и спросил, кто принес.

— Сюда нынче приезжали молодая барыня с мужем,— отвечал Федька,— и велели эту карточку подать Татьяне Петровне (так называлась мать Печорина).

— Что ж ты принес ее ко мне?

— Да я думал, что это все равно-с!.. может быть, вам угодно прочесть?

— То есть тебе хочется узнать, что тут написано.

— Да-с,— эти господа никогда еще у нас не были.

— Я тебя слишком избаловал,— сказал Печорин строгим голосом,— набей мне трубку.

Но это визитная карточка, видно, имела свойство возбуждать любопытство... Долго Жорж не решался переменить удобного положения на широких креслах и протянуть руку к столу... притом в комнате не было свеч — она озарялась красноватым пламенем камина, а велеть подать огню и расстроить очаровательный эффект каминного освещения ему также не хотелось. Но любопытство превозмогло, он встал, взял карточку и с каким-то непонятным волнением ожидания поднес ее к решетке камина; на ней было напечатано готическими буквами: «князь Степан Степаныч Лиговской, с княгинею». Он побледнел, вздрогнул, глаза его сверкнули, и карточка полетела в камин. Минуты три он ходил взад и вперед по комнате, делая разные странные движения рукою, разные восклицания,— то улыбаясь, то хмуря брови; наконец, он остановился, схватил щипцы и бросился вытаскивать карточку из огня: увы! одна ее половина превратилась в прах, а другая свернулась, почернела — и на ней едва только можно было разобрать «Степан Степ...»

Печорин положил эти бренные остатки на стол, сел опять в свои кресла и закрыл лицо руками,— и хотя

я очеиь хорошо читаю побуждения души иа физиоиомиях, но по этой имеиио причине ие могу никак рассказать вам его мыслей. В таком положении сидел он четверть часа, и вдруг ему послышался шорох, подобный легким шагам, шуму платья или движению листа бумаги... хотя он ие верил привидениям... ио вздрогнул, быстро подиял голову — и увидел перед собою в сумраке что-то белое и, казалось, воздушное... с мииуту он ие знал, иа что подумать, так далеко были его мысли... если не от мира, то по крайней мере от этой комнаты...

— Кто это? — спросил он.

— Я! — отвечал принужденный контральто — и раздался звонкий женский хохот.

— Варенька! какая ты шалунья.

— А ты спал!.. ужасно весело!..

— Я бы желал спать. Оно покойнее!..

— Это стыд! отчего иам иа балах, в обществах так скучио!.. вы все ищете спокойствия, какие любезиые молодые люди...

— А позвольте спросить,— возразил Жорж, зевая,— из каких благ мы обязаны забавлять вас...

— Оттого, что мы дамы.

— Поздравляю. Но ведь иам без вас не скучио...

— Я почему знаю!.. и что мы станем говорить между собою.

— Моды, новости... разве мало? поверяйте друг другу ваши тайны...

— Какие тайиы? у меня иет тайн... все молодые люди так несносны...

— Большая часть их не привыкли к женскому обществу.

— Пускай привыкают — они и этого ие хотят попробовать!..

Жорж важно встал и поклонился с иасмешливой улыбкой:

— Варвара Александровна, я замечаю, что вы идете большими шагами в храм просвещения.

Варенька покраснела и надула розовые губки... а брат ее преспокойно опять опустился в свои кресла. Между тем подали свеч, и пока Варенька сердится и стучит пальчиком в окно, я опишу вам комиату, в которой мы находимся. Она была вместе и кабинет и гостиная и соединялась коридором с другой частью дома; светло-голубые французские обои покрывали ее стены...

лоснящиеся дубовые двери с модными ручками и дубовые рамы окон показывали в хозяине человека порядочного. Драпировка над окнами была в китайском вкусе, а вечером, или когда солнце ударяло в стеклы, опускались пунцовые шторы,— противуположность резкая с цветом горницы, но показывающая какую-то любовь к странному, оригинальному. Против окна стоял письменный стол, покрытый кипою картинок, бумаг, книг, разных видов чернильниц и модных мелочей; по одну его сторону стоял высокий трельяж, увитый непроницаемою сеткой зеленого плюща, по другую — кресла, на которых теперь сидел Жорж... На полу под ним разостлан был широкий ковер, разрисованный пестрыми арабесками; другой персидский ковер висел на стене, находящейся против окон, и на нем развешаны были пистолеты, два турецкие ружья, черкесские шашки и кинжалы, подарки сослуживцев, погулявших когда-то за Балканом... на мраморном камине стояли три алебастровые карикатурки Паганини, Иванова и Россини... остальные стены были голые, кругом и вдоль по ним стояли широкие диваны, обитые шерстяным штофом пунцового цвета; одна-единственная картина привлекала взоры, она висела над дверьми, ведущими в спальню; она изображала неизвестное мужское лицо, писанное неизвестным русским художником, человеком, не знавшим своего гения и которому никто об нем не позаботился намекнуть. Картина эта была фантазия, глубокая, мрачная. Лицо это было написано прямо, безо всякого искусственного наклонения или оборота, свет падал сверху, платье было набросано грубо, темно и безотчетливо,— казалось, вся мысль художника сосредоточилась в глазах и улыбке... Голова была больше натуральной величины, волосы гладко упадали по обеим сторонам лба, который кругло́ и сильно выдавался и, казалось, имел в устройстве своем что-то необыкновенное. Глаза, устремленные вперед, блистали тем страшным блеском, которым иногда блещут живые глаза сквозь прорези черной маски; испытующий и укоризненный луч их, казалось, следовал за вами во все углы комнаты, и улыбка, растягивая узкие и сжатые губы, была более презрительная, чем насмешливая; всякий раз, когда Жорж смотрел на эту голову, он видел в ней новое выраженье; она сделалась его собеседником в минуты одиночества и мечтания — и он, как партизан Байрона, назвал ее

портретом Лары. Товарищи, которым он ее с восторгом показывал, называли ее порядочной картинкой.

Между тем, покуда я описывал кабинет, Варенька постепенно придвигалась к столу, потом подошла ближе к брату и села против него на стул; в ее голубых глазах незаметно было ни даже искры минутного гнева, но она не знала, чем возобновить разговор. Ей попалась под руки полусгоревшая визитная карточка.

— Что это такое? «Степан Степ...» А! это, верно, у нас нынче был князь Лиговской!.. как бы я желала видеть Верочку! замужем,— она была такая добрая... я вчера слышала, что они приехали из Москвы!.. кто же сжег эту карточку... Ее бы надо подать маменьке!

— Кажется, я,— отвечал Жорж,— раскуривал трубку!..

— Прекрасно! я бы желала, чтоб Верочка это узнала... ей было бы очень приятно!.. Так-то, сударь, ваше сердце изменчиво!.. я ей скажу, скажу — непременно!.. впрочем, нет!.. теперь ей, должно быть, все равно!.. она ведь замужем!..

— Ты судишь очень здраво для твоих лет!..— отвечал ей брат и зевнул, не зная, что прибавить...

— Для моих лет! что я за ребенок! маменька говорит, что девушка в семнадцать лет так же благоразумна, как мужчина в двадцать пять.

— Ты очень хорошо делаешь, что слушаешься маменьки.

Эта фраза, по-видимому похожая на похвалу, показалась насмешкой; таким образом согласие опять расстроилось, и они замолчали... Мальчик взошел и принес записку: приглашение на бал к барону Р***.

— Какая тоска! — воскликнул Жорж.— Надо ехать.

— Там будет mademoiselle Negouroff!..— возразила ироническим тоном Варенька.— Она еще вчера об тебе спрашивала!.. какие у нее глаза! прелесть!..

— Как уголь, в горниле раскаленный!..

— Однако сознайся, что глаза чудесные!

— Когда хвалят глаза, то это значит, что остальное никуда не годится.

— Смейся!.. а сам неравнодушен..:

— Положим.

— Я и это расскажу Верочке!..

— Давно ли ты уверяла, что я для нее — все равно!..

— Поверьте, я лучше этого говорю по-русски — я не монастырка.

— О! совсем нет! очень далеко...

Она покраснела и ушла.

Но я вас должен предупредить, что это был на них черный день... они обыкновенно жили очень дружно, и особенно Жорж любил сестру самой нежною братскою любовью.

Последний намек на mademoiselle Negouroff (так будем мы ее называть впоследствии) заставил Печорина задуматься; наконец, неожиданная мысль прилетела к нему свыше, он придвинул чернильницу, вынул лист почтовой бумаги и стал что-то писать; покуда он писал, самодовольная улыбка часто появлялась на лице его, глаза искрились — одним словом, ему было очень весело, как человеку, который выдумал что-нибудь необыкновенное. Кончив писать, он положил бумагу в конверт и надписал: «Милостивой гос. Елизавете Львовне Негуровой в собственные руки»; потом кликнул Федьку и велел ему отнесть на городскую почту — да чтоб никто из людей не видал. Маленький Меркурий, гордясь великой доверенностию господина, стрелой помчался в лавочку, а Печорин велел закладывать сани и через полчаса уехал в театр; однако в этой поездке ему не удалось задавить ни одного чиновника.

ГЛАВА II

Давали Фенеллу (четвертое представление). В узкой лазейке, ведущей к кассе, толпилась непроходимая куча народу... Печорин, который не имел еще билета и был нетерпелив, адресовался к одному театральному служителю, продающему афиши. За пятнадцать рублей достал он кресло во втором ряду с левой стороны — и с краю: важное преимущество для тех, которые берегут свои ноги и ходят пить чай к Фениксу. Когда Печорин вошел, увертюра еще не начиналась и в ложи не все еще съехались, между прочим, прямо над ним в бельэтаже была пустая ложа, возле пустой ложи сидели Негуровы, отец, мать и дочь; дочка была бы недурна, если б бледность, худоба и старость, почти общий недостаток петербургских девушек, не затмевали блеска двух огромных глаз и не разрушивали гармонию между чертами до-

вольно правильными и остроумным выражением. Она поклонилась Печорину довольно ласково и просияла улыбкой.

«Видно, еще письмо не дошло по адресу!» — подумал он и стал наводить лорнет на другие ложи; в них он узнал множество бальных знакомых, с которыми иногда кланялся, иногда нет: смотря по тому, замечали его или нет; он не оскорблялся равнодушием света к нему, потому что оценил свет в настоящую его цену; он знал, что заставить говорить об себе легко, но знал также, что свет два раза сряду не занимается одним и тем же лицом: ему нужны новые кумиры, новые моды, новые романы... ветераны светской славы, как и все другие ветераны, самые жалкие созданья... В коротком обществе, где умный, разнообразный разговор заменяет танцы (рауты в сторону), где говорить можно обо всем, не боясь цензуры тетушек и не встречая чересчур строгих и неприступных дев,— в таком кругу он мог бы блистать и даже нравиться, потому что ум и душа, показываясь наружу, придают чертам жизнь, игру и заставляют забыть их недостатки; но таких обществ у нас в России мало, в Петербурге еще меньше, вопреки тому, что его называют совершенно европейским городом и владыкой хорошего тона. Замечу мимоходом, что хороший тон царствует только там, где вы не услышите ничего лишнего, но увы! друзья мои! зато как мало вы там и услышите.

На балах Печорин с своею невыгодной наружностью терялся в толпе зрителей, был или печален, или слишком зол, потому что самолюбие его страдало. Танцуя редко, он мог разговаривать только с теми дамами, которые сидели весь вечер у стенки — а с этими-то именно он никогда не знакомился... У него прежде было занятие — сатира,— стоя вне круга мазурки, он разбирал танцующих, и его колкие замечания очень скоро расходились по зале и потом по городу; но раз как-то он подслушал в мазурке разговор одного длинного дипломата с какою-то княжною... Дипломат под своим именем так и печатал все его остроты, а княжна из одного приличия не хохотала во все горло; Печорин вспомнил, что когда он говорил то же самое и гораздо лучше одной из бальных нимф дня три тому назад, она только пожала плечами и не взяла на себя даже труд понять его; с этой минуты он стал больше танцевать и реже

говорить умно; и даже ему показалось, что его начали принимать с большим удовольствием. Одним словом, он начал постигать, что *по коренным законам общества в танцующем кавалере ума не полагается!*

Загремела увертюра; все было полно, одна ложа рядом с ложей Негуровых оставалась пуста и часто привлекала любопытные взоры Печорина; это ему казалось странно — и он желал бы очень, наконец, увидать людей, которые пропустили увертюру Фенеллы.

Занавес взвился,— и в эту минуту застучали стулья в пустой ложе; Печорин поднял голову, но мог видеть только пунцовый берет и круглую белую божественную ручку с божественным лорнетом, небрежно упавшую на малиновый бархат ложи; несколько раз он пробовал следить за движениями неизвестной, чтоб разглядеть хоть глаз, хоть щечку; напрасно,— раз он так закинул голову назад, что мог бы видеть лоб и глаза... но как назло ему огромная двойная трубка закрыла всю верхнюю часть ее лица. У него заболела шея, он рассердился и дал себе слово не смотреть больше на эту проклятую ложу. Первый акт кончился, Печорин встал и пошел с некоторыми из товарищей к Фениксу, стараясь даже нечаянно не взглянуть на ненавистную ложу.

Феникс — ресторация весьма примечательная по своему топографическому положению в отношении к задним подъездам Александринского театра. Бывало, когда неуклюжие рыдваны, влекомые парою хромых кляч, теснились возле узких дверей театра и юные нимфы, окутанные грубыми казенными платками, прыгали на скрыпучие подножки, толпа усатых волокит, вооруженных блестящими лорнетами и еще ярче блистающими взорами, толпились на крыльце твоем, о Феникс! но скоро промчались эти буйные дни: и там, где мелькали прежде черные и белые султаны, там ныне чинно прогуливаются треугольные шляпы без султанов; великий пример переворотов судьбы человеческой.

Печорин взошел к Фениксу с одним преображенским и другим конноартиллерийским офицером. Он велел подать чаю и сел с ними подле стола; народу было много всякого; за тем же столом, где сидел Печорин, сидел также какой-то молодой человек во фраке, не совсем отлично одетый и куривший собственные пахитосы к великому соблазну трактирных служителей. Этот молодой человек был высокого роста, блондин и удивн-

тельно хорош собою; большие томные голубые глаза, правильный нос, похожий на нос Аполлона Бельведерского, греческий овал лица и прелестные волосы, завитые природою, должны были обратить на него внимание каждого; одни губы его, слишком тонкие и бледные в сравнении с живостию красок, разлитых по щекам, мне бы не понравились; по медным пуговицам с гербами на его фраке можно было отгадать, что он чиновник, как все молодые люди во фраках в Петербурге. Он сидел задумавшись и, казалось, не слушал разговора офицеров, которые шутили, смеялись и рассказывали анекдоты, запивая дым трубки скверным чаем. Между прочим, стали говорить о лошадях: один артиллерийский поручик хвастался своим рысаком; начался спор; Печорин à propos[1] рассказал, как он сегодня у Вознесенского моста задавил какого-то франта и умчался от погони... Костюм франта в измятом картузе был описан, его несчастное положение на тротуаре также. Смеялись. Когда Печорин кончил, молодой человек во фраке встал и, протянув руку, чтоб взять шляпу со стола, сдернул на пол поднос с чайником и чашками; движение было явно умышленное; все глаза на него обратились; но взгляд Печорина был дерзче и вопросительнее других; кровь кинулась в лицо неизвестному господину, он стоял неподвижен и не извинялся — молчание продолжалось с минуту — сделался кружок, и все предугадывали *историю*. Вдруг Печорин опять сел и громко кликнул служителя: «Что стоит посуда?» — ему сказали цену втрое дороже.

— Этот чиновник так был неловок, что разбил ее,— продолжал Жорж холодно,— вот деньги,— он бросил деньги на стол и прибавил: — Скажи ему, что теперь он может отсюда уйти свободно.

Служитель при всех доложил с почтением чиновнику, что он все получил, и просил на водку!.. Но тот, ничего не отвечая, скрылся: толпа хохотала ему вослед; офицеры смеялись еще больше... и хвалили товарища, который так славно отделал противника, не запутавшись между тем в *историю*. О! история у нас вещь ужасная; благородно или низко вы поступили, правы или нет, могли избежать или не могли, но ваше имя замешано в историю... все равно, вы теряете все: расположение общест-

[1] между прочим *(фр.)*.

ва, карьеру, уважение друзей... попасться в историю! ужаснее этого ничего не может быть, как бы эта история ни кончилась! Частная известность уж есть острый нож для общества, вы заставили об себе говорить два дня. Страдайте ж двадцать лет за это. Суд общего мнения, везде ошибочный, происходит, однако, у нас совсем на других основаниях, чем в остальной Европе; в Англии, например, банкрутство—бесчестие неизгладимое,— достаточная причина для самоубийства. Развратная шалость в Германии закрывает навсегда двери хорошего общества (о Франции я не говорю: в одном Париже больше разных общих мнений, чем в целом свете) — а у нас?.. объявленный взяточник принимается везде очень хорошо: его оправдывают фразою: и! кто этого не делает!.. Трус обласкан везде, потому что он смирный малый, а замешанный в историю! — о! ему нет пощады: маменьки говорят об нем: «Бог его знает, какой он человек»,— и папеньки прибавляют: «Мерзавец!..»

Офицеры без новой тревоги допили свой чай и пошли; Печорин вышел после всех; на крыльце кто-то его остановил за руку, примолвив:

— Я имею с вами поговорить!

По трепету руки он отгадал, что это его давешний противник; нечего делать: не миновать истории.

— Извольте говорить, отвечал он небрежно,— только не здесь, на морозе.

— Пойдемте в коридор театра! — возразил чиновник. Они пошли молча.

Второй акт уже начался, коридоры и широкие лестницы были пусты; на площадке одной уединенной лестницы, едва освещенной далекой лампой, они остановились, и Печорин, сложив руки на груди, прислонясь к железным перилам и прищурив глаза, окинул взором противника с ног до головы и сказал:

— Я вас слушаю!..

— Милостивый государь,— голос чиновника дрожал от ярости, жилы на лбу его надулись, и губы побледнели,— милостивый государь!.. вы меня обидели! вы меня оскорбили смертельно.

— Это для меня не секрет,— отвечал Жорж,— и вы могли бы объясниться при всех,— я вам отвечал бы то же, что теперь отвечу... когда ж вам угодно стреляться? нынче? завтра?.. я думаю, что угадал ваше намерение; по крайней мере разбитие чашек не было случайностью:

вы хотели с чего-нибудь иачать... и иачали очень остроумно,— прибавил ои, насмешлнво поклоиившнсь...

— Милостнвый государь! — отвечал он, задыхаясь,— вы едва меня сегодня не задавилн, да, меня, который перед вамн... и этим хвастаетесь, вам весело! а по какому праву? потому что у вас есть рысак, белый султан? золотые эполеты? Разве я ие такой же дворяннн, как вы? Я беден! да, я бедеи! хожу пешком — коиечио, после этого я не человек, ие только дворянин! А! вам это весело!.. вы думали, что я буду слушать смиренно дерзостн, потому что у меия нет денег, которые бы я мог бросить на стол!.. Нет, ннкогда! ннкогда, иикогда я вам этого не прощу!..

В эту мииуту пламеневшее лицо его было прекрасно, как буря; Печорин смотрел иа него с холодным любопытством и, иаконец, сказал:

— Ваши рассуждения немножко длинны — назначьте час — н разойдемтесь: вы так кричите, что разбудите всех лакеев.— И точио, иекоторые из иих, спавшие на барских салопах в коридоре первого яруса, иачали поднимать головы...

— Какое дело мне до них! пускай весь мир меня слушает!..

— Я не этого миеиия... Если угодио, завтра в восемь часов я вас жду с секундантом.

Печорнн сказал свой адрес...

— Драться! я вас поннмаю! насмерть драться!.. и вы думаете, что я буду достаточно возиагражден, когда всажу вам в сердце свинцовый шарнк!.. Прекрасное утешение!.. иет, я б желал, чтоб вы жили вечно и чтоб я мог вечно мстнть вам. Драться! нет! тут успех слишком неверен...

— В таком случае ступайте домой, выпейте стакан воды и ложитесь спать,— возразнл Печорнн, пожав плечамн,— и хотел идти.

— Нет, постойте,— сказал чиновник, прндя иесколько в себя,— и выслушайте меня!.. вы думаете, что я трус? как будто храбрость не может существовать без вывески шпор или эполетов?.. Поверьте, что я меньше дорожу жизиью и будущностью, чем вы! Моя жизнь горька, будущиостн у меия нет... я беден, так беден, что хожу в стулья; я не могу раз в год бросить пять рублей для своего удовольствия, я жнву жалованьем, без друзей, без родных — у меня одна мать, старушка... я все

для нее: я ее провидеине и подпора... она для меия: и друзья и семейство; с тех пор как живу, я еще ннкого ие любнл, кроме ее: потеряв меия, сударь, она либо умрет от печали, лнбо умрет с голоду...— Он остаиовился, глаза его налилнсь слезами и кровью...— И вы думали, что я с вами буду драться?..

— Чего ж, иакоиец, вы от меня хотнте? — сказал Печорнн нетерпелнво.

— Я хотел вас заставить раскаяться.

— Вы, кажется, забыли, что ие я начал ссору.

— А разве задавнть человека ничего — шутка — потеха!

— Я вам обещаюсь высечь моего кучера...

— О, вы меия выведете из терпения!..

— Что ж? мы тогда будем стреляться!..

Чиновннк не отвечал, он закрыл лицо руками, грудь его волновалась, в его отрывнстых словах проглядывало отчаянне, казалось, ои рыдал, н, иаконец, он воскликнул: «Нет, не могу, не погублю ее!..» — н убежал.

Печорнн с сожалением посмотрел ему вослед н пошел в кресла: второй акт Фенеллы уж подходил к концу... Артнллерист и преображеиец, сндевшие с другого края, не заметилн его отсутствия.

ГЛАВА III

Почтенные читатели, вы все видели сто раз Фенеллу, вы все с громом вызывали Новицкую и Голланда,— н поэтому я перескочу через остальные три акта н подыму свой заиавес в ту самую минуту, как опустится занавес Александрннского театра; замечу только, что Печорнн мало заинмался пьесою, был рассеян и забыл даже об ннтересной ложе, на которую он дал себе слово ие смотреть.

Шумною и довольиою толпою зрителн спускалнсь по извнлнстым лестнннцам к подъезду... вннзу раздавался крик жандармов н лакеев; дамы, закутавшись н прнжавшись к стенам и заслоияемые медвежьими шубами мужей и папеиек от дерзких взоров молодежи, дрожали от холоду — н улыбались зиакомым. Офнцеры и штатские франты с лорнетами ходнлн взад н вперед, стучалн одни саблямн н шпорамн, другие калошамн. Дамы высокого тона составлялн особую группу на ннжних ступеиях парадной лестницы, смеялнсь, говорнлн громко

и наводили золотые лорнетки на дам без тона, обыкновенных русских дворянок,— и одни другим тайно завидовали: необыкновенные красоте обыкновенных, обыкновенные, увы! гордости и блеску необыкновенных.

У тех и у других были свои кавалеры; у первых почтительные и важные, у вторых услужливые и порой неловкие!.. в середине же теснился кружок людей, не светских, не знакомых ни с теми, ни с другими,— кружок зрителей. Купцы и простой народ проходили другими дверями. Это была миньятюрная картина всего петербургского общества.

Печорин, закутанный в шинель и надвинув на глаза шляпу, старался продраться к дверям. Он поровнялся с Лизаветою Николавной Негуровой; на выразительную улыбку отвечал сухим поклоном и хотел продолжать свой путь, но был задержан следующим вопросом.

— Отчего вы так серьезны, monsieur George?[1] вы недовольны спектаклем?

— Напротив, я во все горло вызывал Голланда!..

— Не правда ли, что Новицкая очень мила!..

— Ваша правда.

— Вы от нее в восторге?

— Я очень редко бываю в восторге.

— Вы этим никого не ободряете! — сказала она с досадою и стараясь иронически улыбнуться.

— Я не знаю никого, кто бы нуждался в моем ободрении!..— отвечал Печорин небрежно.— И притом восторг есть что-то такое детское...

— Ваши мысли и слова удивительно подвержены перемене... давно ли...

— Право...

Печорин не слушал, его глаза старались проникнуть пеструю стену шуб, салопов, шляп... ему показалось, что там, за колонною, мелькнуло лицо ему знакомое, особенно знакомое... в эту минуту жандарм крикнул и долговязый лакей повторил за ним: «Карета князя Лиговскòва!..» С отчаянными усилиями расталкивая толпу, Печорин бросился к дверям... перед ним человека за четыре мелькнул розовый салоп, шаркнули ботинки... лакей подсадил розовый салоп в блестящий купе, потом вскарабкалась в него медвежья шуба,— дверцы хлопнули,— «на Морскую! пошел!..» Интересную карету за-

[1] господин Жорж *(фр.)*.

менила другая, может быть не менее интересная — только не для Печорина. Он стоял как вкопанный!.. мучительная мысль сверлила его мозг: эта ложа, на которую он дал себе слово не смотреть... Княгиня сидела в ней, ее розовая ручка покоилась на малиновом бархате; ее глаза, может быть, часто покоились на нем, а он даже и не подумал обернуться, магнетическая сила взгляда любимой женщины не подействовала на его бычачьи нервы — о, бешенство! он себе этого никогда не простит! Раздосадованный, он пошел по тротуару, отыскал свои сани, разбудил толчком кучера, который лежал свернувшись, покрытый медвежьею полостью, и отправился домой. А мы обратимся к Лизавете Николавне Негуровой и последуем за нею.

Когда она села в карету, то отец ее начал длинную диссертацию насчет молодых людей нынешнего века.

— Вот, например, Печорин,— говорил он,— нет того, чтоб искать во мне или в Катеньке (Катенька его жена, пятидесяти пяти лет), нет, и смотреть не хочет!.. как бывало в наше время: влюбится молодой человек, старается угодить родителям, всей родне... а не то, чтоб все по углам с дочкой перешептываться да глазки делать... что это нынче, страм смотреть!.. и девушки не те стали... бывало, слово лишнее услышат — покраснеют, да и баста, уж от них не добьешься ответа... а ты, матушка, двадцати пяти лет девка, так на шею и вешаешься... замуж захотелось!..

Лизавета Николавна хотела отвечать, слезы навернулись у нее на глазах... и она не могла произнести ни слова; Катерина Ивановна за нее заступилась!..

— Уж ты всегда на нее нападаешь... понапрасну!.. Что ж делать, когда молодые люди не женятся... надо самой не упускать случая!.. Печорин жених богатый... хорошей фамилии — чем не муж? ведь не век же сидеть дома... слава богу — что мне ее наряды-то стоят... а ты свое: замуж хочешь, замуж хочешь?.. да кабы замуж не выходили, так что бы было...— и прочее.

Эти разговоры повторялись в том или другом виде всякий раз, когда мать, отец и дочь оставались втроем... дочь молчала, а что происходило в ее сердце в эти минуты, один бог знает.

Приехали домой. Катерина Ивановна с ворчливым супругом отправились в свою комнату, а дочка в свою. Родители ее принадлежали и к старому и к новому ве-

ку; прежние понятия, полузабытые, полустертые новыми впечатлениями жизни петербургской, влиянием общества, в котором Николай Петрович по чину своему должен был находиться, проявлялись только в минуты досады или во время спора; они казались ему сильнейшими аргументами, ибо он помнил их грозное действие на собственный ум, во дни его молодости; Катерина Ивановна была дама не глупая, по словам чиновников, служивших в канцелярии ее мужа; женщина хитрая и лукавая во мнении других старух; добрая, доверчивая и слепая маменька для бальной молодежи... истинного ее характера я еще не разгадал; описывая, я только буду стараться соединить и выразить вместе все три вышесказанные мнения... и если выдет портрет похож, то обещаюсь идти пешком в Невский монастырь — слушать певчих!..

Лизавета же Николавна... о! знак восклицания... погодите!.. теперь она взошла в свою спальну и кликнула горничную Марфушу — толстую, рябую девищу!.. дурной знак!.. я бы не желал, чтоб у моей жены или невесты была толстая и рябая горничная!.. терпеть не могу толстых и рябых горничных, с головой, вымазанной чухонским маслом или приглаженной квасом, от которого волосы слипаются и рыжеют, с руками шероховатыми, как вчерашний решетиый хлеб, с сонными глазами, с ногами, хлопающими в башмаках без ленточек, тяжелой походкой и (что всего хуже) четвероугольной талией, облепленной пестрым домашним платьем, которое внизу уже, чем вверху. Такая горничная, сидя за работой в задней комнате порядочного дома, подобна крокодилу на дне светлого американского колодца... такая горничная, как сальное пятно, проглядывающее сквозь свежие узоры перекрашенного платья, приводит ум в печальное сомнение насчет домашнего образа жизни господ... о, любезные друзья, не дай бог вам влюбиться в девушку, у которой такая горничная, если вы разделяете мои мнения,— то очарование ваше погибло навеки.

Лизавета Николавна велела горничной снять с себя чулки и башмаки и расшнуровать корсет, а сама, сев на постель, сбросила небрежно головной убор на туалет, черные ее волосы упали на плеча; но я не продолжаю описания: никому не интересно любоваться поблекшими прелестями, худощавой ножкой, жилистой шеею и сух-

ми плечами, на которых обозначались красные рубцы от узкого платья, всякий, вероятио, на подобные вещи довольно насмотрелся. Лизавета Нниколавна легла в постель, поставила возле себя на столик свечу и раскрыла какой-то французский роман; Марфуша вышла... тишина воцарилась в комнате... книга выпала из рук печальной девушки, она вздохнула и предалась размышлениям.

Конечно, ни одна отцветшая красавица не поверяла мне дум и чувств, волновавших ее грудь после длинного бала или вечеринки, когда в одинокой своей комнате она припоминала все свое прошедшее, пересчитывала все любовные объяснения, которые некогда выслушала с притворной холодностью, притворной улыбкой или с истинным наслаждением и которые не имели для нее других следствий, кроме лишних десяти строк в альбоме или мстительной эпиграммы отвергнутого обожателя, брошенной мимоходом позади ее стула во время длинной мазурки. Но я догадываюсь, что эти размышления должны быть тяжелы, несносны для самолюбия и сердца — если оное налицо имеется, ибо натуральная история нынче обогатилась новым классом очень милых и красивых существ — именно классом женщин без сердца.

Чтоб легче угадать, об чем Лизавета Николавна изволила думать, я принужден, к моему великому сожалению, рассказать вам некоторые частности ее жизни... тем более что для объяснения следующих происшествий это необходимо.

Она родилась в Петербурге и никогда не выезжала из Петербурга — правда, один раз на два месяца в Ревель на воды... но вы сами знаете, что Ревель не Россия, и потому направление ее петербургского воспитания не получало никакого изменения; у нас в России несколько вывелись из моды французские мадамы, а в Петербурге их вовсе не держат... Англичанку нанимать ее родители были не в силах... англичанки дороги — немку взять было также неловко: бог знает какая попадется: здесь так много всяких... Елизавета Николавна осталась вовсе без мадамы — по-французски она выучилась от маменьки, а больше от гостей, потому что с самого детства она проводила дни свои в гостиной, сидя возле маменьки и слушая всякую всячину... Когда ей исполнилось тринадцать лет, взяли учителя по билетам: в год она кончила курс французского языка...

и началось ее светское воспитание. В комнате ее стоял рояль, но никто не слыхал, чтоб она играла... танцевать она выучилась на детских балах... романы она начала читать как только перестала учить склады... и читала их удивительно скоро... Между тем отец ее получил порядочное наследство, вслед за ним хорошее место — и стал жить открытее... Пятнадцати лет ее стали вывозить, выдавая за семнадцатилетнюю, и до двадцати пяти лет условный этот возраст не изменялся... Семнадцать лет точка замерзания; они растягиваются сколько угодно, как резиновые помочи. Лизавета Николаевна была недурна и очень интересна: бледность и худоба интересны... потому что француженки бледны, а англичанки худощавы... надобно заметить, что прелесть бледности и худобы существуют только в дамском воображении и что здешние мужчины только из угождения потакают их мнению, чтоб чем-нибудь отклонить упреки в невежливости и так называемой «казармности».

При первом вступлении Лизаветы Николавны на паркет гостиных у нее нашлись поклонники. Это все были люди, всегда аплодирующие новому водевилю, скачущие слушать новую певицу, читающие только новые книги. Их заменили другие: эти волочились за нею, чтоб возбудить ревность в остывающей любовнице или чтоб кольнуть самолюбие жестокой красоты,— после этих явился третий род обожателей: люди, которые влюблялись от нечего делать, чтоб приятно провести вечер, ибо Лизавета Николавна приобрела навык светского разговора и была очень любезна, несколько насмешлива, несколько мечтательна... Некоторые из этих волокит влюбились не на шутку и требовали ее руки: но ей хотелось попробовать лестную роль непреклонной... и к тому же они все были прескучные: им отказали... один с отчаяния долго был болен, другие скоро утешились... между тем время шло; она сделалась опытной и бойкой девою: смотрела на всех в лорнет, обращалась очень смело, не краснела от двусмысленной речи или взора — и вокруг нее стали увиваться розовые юноши, пробующие свои силы в словесной перестрелке и посвящавшие ей первые свои опыты страстного красноречия — увы, на этих было еще меньше надежды, чем на всех прежних; она с досадою и вместе тайным удовольствием убивала их надежды, останавливала едкой насмешкой разливы красноречия — и вскоре они увери-

лись, что она непобедимая и чудная женщина; вздыхающий рой разлетелся в разные стороны... и, наконец, для Лизаветы Николавны наступил период самый мучительный и опасный сердцу отцветающей женщины...

Она была в тех летах, когда еще волочиться за нею было не совестно, а влюбиться в нее стало трудно; в тех летах, когда какой-нибудь ветреный или беспечный франт не почитает уже за грех уверять шутя в глубокой страсти, чтобы после так, для смеху, скомпрометировать девушку в глазах подруг ее, думая этим придать себе более весу... уверить всех, что она от него без памяти и стараться показать, что он ее жалеет, что он не знает, как от нее отделаться... говорить ей нежности шепотом, а вслух колкости... бедная, предчувствуя, что это ее последний обожатель, без любви, из одного самолюбия старается удержать шалуна как можно долее у ног своих... напрасно: она более и более запутывается,— и наконец... увы... за этим периодом остаются только мечты о муже, каком-нибудь муже... одни мечты.

Лизавета Николавна вступила в этот период, но последний удар нанес ей не беспечный шалун и не бездушный франт; вот как это случилось.

Полтора года тому назад Печорин был еще в свете человек довольно новый: ему надобно было, чтоб поддержать себя, приобрести то, что некоторые называют светскою известностию, то есть прослыть человеком, который может делать зло, когда ему вздумается; несколько времени он напрасно искал себе пьедестала, вставши на который, он бы мог заставить толпу взглянуть на себя; сделаться любовником известной красавицы было бы слишком трудно для начинающего, а скомпрометировать девушку молодую и невинную он бы не решился, и потому он избрал своим орудием Лизавету Николавну, которая не была ни то, ни другое. Как быть? в нашем бедном обществе фраза: он погубил столько-то репутаций — значит почти: он выиграл столько-то сражений.

Лизавета Николавна и он были давно знакомы. Они кланялись. Составив план свой, Печорин отправился на один бал, где должен был с нею встретиться. Он наблюдал за нею пристально и заметил, что никто ее не пригласил на мазурку: знак был подан музыкантам начинать, кавалеры шумели стульями, устанавливая их в кружок. Лизавета Николавна отправилась в уборную,

чтобы скрыть свою досаду: Печорин дожидался ее у дверей. Когда она возвращалась в залу, начиналась уже вторая фигура: Печорин торопливо подошел к ней.

— Где вы скрывались,— сказал он, я искал вас везде — приготовил даже стулья: так я сильно надеялся, что вы мне не откажете.

— Как вы самоуверенны.

И неожиданное удовольствие вспыхнуло в ее глазах.

— Однако ж вы меня не накажете слишком строго за эту самоуверенность?

Она не отвечала и последовала за ним.

Разговор их продолжался во время всего танца, блистая шутками, эпиграммами, касаясь до всего, даже любовной метафизики. Печорин не щадил ни одной из ее молодых и свежих соперниц. За ужином он сел возле нее, разговор подвигался все далее и далее, так что, наконец, он чуть-чуть ей не сказал, что обожает ее до безумия (разумеется, двусмысленным образом). Огромный шаг был сделан, и он возвратился домой довольный своим вечером.

Несколько недель сряду после этого они встречались на разных вечерах; разумеется, он неутомимо искал этих встреч, а она по крайней мере их не избегала. Одним словом, он пошел по следам древних волокит и действовал по форме, классически. Скоро все стали замечать их постоянное влечение друг к другу, как явление новое и совершенно оригинальное в нашем холодном обществе. Печорин избегал нескромных вопросов, но зато действовал весьма открыто. Лизавета Николавна была также этим очень довольна, потому что надеялась завлечь его дальше и дальше и потом, как говорили наши матушки, женить его на себе. Ее родители, не имея еще об нем никакого мнения, так, безо всяких видов пригласили, однако же, его посещать свой дом, чтоб узнать его короче. Многие уже стали над ним подсмеивать как над будущим женихом, добрые приятели стали уговаривать его, отклонять от безрассудного поступка, который ему не входил и в голову. Из этого всего он заключил, что минута решительного кризиса наступила.

Был блестящий бал у барона ***. Печорин, по обыкновению, танцевал первую кадриль с Елизаветою Николавною.

— Как хороша сегодня меньшая Р.,— заметила Елизавета Николаевна.

Печорин навел лорнет на молодую красавицу, долго смотрел молча и, наконец, отвечал:

— Да, она прекрасна. С каким вкусом перевиты эти пунцовые цветы в ее густых, русых локонах; я непременно дал себе слово танцевать с нею сегодня, именно потому что она вам нравится; не правда ли, я очень догадлив, когда хочу вам сделать удовольствие.

— О, без сомнения, вы очень любезны,— отвечала она, вспыхнув.

В эту минуту музыка остановилась, первая кадриль кончилась, и Печорин очень вежливо раскланялся. Остальную часть вечера он или танцевал с Р..., или стоял возле ее стула, старался говорить как можно больше и казаться как можно довольнее, хотя, между нами, девица Р** была очень проста и почти его не слушала; но так как он говорил очень много, то она заключила, что Печорин — кавалер очень любезный. После мазурки она подошла к Елизавете Николаевне, и та ее спросила с ироническою улыбкою:

— Как вам кажется ваш постоянный нынешний кавалер?

— Il est très aimable[1],— отвечала Р.

Это был жестокий удар для Елизаветы Николаевны, которая почувствовала, что лишается своего последнего кавалера, ибо остальные молодые люди, видя, что Печорин занимается ею исключительно, совершенно ее оставили.

И точно, с этого дня Печорин стал с нею рассеяннее, холоднее, явно старался ей делать те мелкие неприятности, которые замечаются всеми и за которые между тем невозможно требовать удовлетворения. Говоря с другими девушками, он выражался об ней с оскорбительным сожалением, тогда как она, напротив, вследствие плохого расчета, желая кольнуть его самолюбие, поверяла своим подругам под печатью строжайшей тайны свою чистейшую, искреннейшую любовь. Но напрасно, он только наслаждался излишним торжеством, а она, уверяя других, мало-помалу сама уверилась, что его точно любит. Родители ее, более проницательные в качестве беспристрастных зрителей, стали ее укорять,

[1] Он очень любезен (*фр.*).

говоря: «Вот, матушка, целый год пропустила даром, отказала жениху с двадцатью тысячами доходу, правда, что он стар и в параличе, да что нынешние молодые люди! Хорош твой Печорин, мы заранее знали, что он на тебе не женится, да и мать не позволит ему жениться! что ж вышло? он же над тобой и насмехается».

Разумеется, подобные слова не успокоят ни уязвленного самолюбия, ни обманутого сердца. Лизавета Николавна чувствовала их истину, но эта истина была уже для нее не нова. Кто долго преследовал какую-нибудь цель, много для нее пожертвовал, тому трудно от нее отступиться, а если к этой цели примыкают последние надежды увядающей молодости, то невозможно. В таком положении мы оставили Лизавету Николавну, приехавшую из театра, лежащую на постеле с книжкою в руках — и с мыслями, бродящими в минувшем и в будущем.

Наскучив пробегать глазами десять раз одну и ту же страницу, она нетерпеливо бросила книгу на столик и вдруг приметила письмо с адресом на ее имя и с штемпелем городской почты.

Какое-то внутреннее чувство шептало ей не распечатывать таинственный конверт, но любопытство превозмогло, конверт сорван дрожащими руками, свеча придвинута, и глаза ее жадно пробегают первые строки. Письмо было написано приметно искаженным почерком, как будто боялись, что самые буквы изменят тайне. Вместо подписи имени внизу рисовалась какая-то египетская каракула, очень похожая на пятна, видимые в луне, которым многие простолюдины придают какое-то символическое значение. Вот письмо от слова до слова:

«Милостивая государыня!

Вы меня не знаете, я вас знаю: мы встречаемся часто, история вашей жизни так же мне знакома, как моя записная книжка, а вы моего имени никогда не слыхали. Я принимаю в вас участие именно потому, что вы никогда на меня не обращали внимания, и притом я нынче очень доволен собою и намерен сделать доброе дело. Мне известно, что Печорин вам нравится, что вы всячески думаете снова возжечь в нем чувства, которые ему никогда не снились, он с вами пошутил — он недостоин вас: он любит другую, все ваши старания послу-

жат только к вашей гибели, свет и так указывает на вас пальцами, скоро он совсем от вас отворотится. Никакая личная выгода не заставила меня подавать вам такие неосторожные и смелые советы. И чтобы вы более убедились в моем бескорыстии, то я клянусь вам, что вы никогда не узнаете моего имени.

Вследствие чего остаюсь

ваш покорнейший слуга!

Каракула»

От такого письма с другою сделалась бы истерика, но удар, поразив Лизавету Николавну в глубину сердца, не подействовал на ее нервы, она только побледнела, торопливо сожгла письмо и сдула на пол легкий его пепел.

Потом она погасила свечу и обернулась к стене; казалось, она плакала, но так тихо, так тихо, что если б вы стояли у ее изголовья, то подумали бы, что она спит покойно и безмятежно.

На другой день она встала бледнее обыкновенного, в десять часов вышла в гостиную, разливала сама чай, по обыкновению. Когда убрали со стола, отец ее уехал к должности, мать села за работу, она пошла в свою комнату; проходя через залу, ей встретился лакей.

— Куда ты идешь? — спросила она.

— Доложить-с.

— О ком?

— Вот тот-с... офицер... Господин Печорин...

— Где он?

— У крыльца остановился.

Лизавета Николавна покраснела, потом снова побледнела и... потом отрывисто сказала лакею:

— Скажи ему, что дома никого нет. И когда он еще приедет,— прибавила она, как бы с трудом выговаривая последнюю фразу,— то не принимать!

Лакей поклонился и ушел, а она опрометью бросилась в свою комнату.

ГЛАВА IV

Получив такой решительный отказ, Печорин, как вы сами можете догадаться, не удивился; он приготовился к такой развязке и даже желал ее. Он отправился на Морскую, сани его быстро скользили по сыпучему снегу;

утро было туманное и обещало близкую оттепель. Многие жители Петербурга, проведшие детство в другом климате, подвержены странному влиянию здешнего неба. Какое-то печальное равнодушие, подобное тому, с каким наше северное солнце отворачивается от неблагодарной здешней земли, закрадывается в душу, приводит в оцепенение все жизненные органы. В эту минуту сердце не способно к энтузиазму, ум к размышлению. В подобном расположении находился Печорин. Неожиданный успех увенчал его легкомысленное предприятие, и он даже не обрадовался. Чрез несколько минут он должен был увидеться с женщиною, которая была постоянною его мечтою в продолжение нескольких лет, с которою он был связан прошедшим, для которой был готов отдать свою будущность — и сердце его не трепетало от нетерпения, страха, надежды. Какое-то болезненное замирание, какая-то мутность и неподвижность мыслей, которые подобны тяжелым облакам, осаждали ум его, предвещали одни близкую бурю душевную. Вспоминая прежнюю пылкость, он внутренно досадовал на теперешнее свое спокойствие.

Вот сани его остановились перед одним домом; он вышел и взялся за ручку двери, но прежде чем он отворил ее, минувшее, как сон, проскользнуло в его воображении и различные чувства внезапно, шумно пробудились в душе его. Он сам испугался громкого биения сердца своего, как пугаются сонные жители города при звуке ночного набата. Какие были его намерения, опасения и надежды, известно только богу, но, по-видимому, он готов был сделать решительный шаг, дать новое направление своей жизни. Наконец, дверь отворилась, и он медленно взошел по широкой лестнице. На вопрос швейцара, кого ему угодно, он отвечал вопросом, дома ли княгиня Вера Дмитревна.

— Князь Степан Степанович у себя-с.

— А княгиня? — повторил нетерпеливо Печорин.

— Княгиня также-с.

Печорин сказал швейцару свою фамилию, и тот пошел доложить.

Сквозь полураскрытую в залу дверь Печорин бросил любопытный взгляд, стараясь сколько-нибудь по убранству комнат угадать хотя слабый оттенок семейной жизни хозяев, но увы! в столице все залы схожи между собою, как все улыбки и все приветствия. Одни только

кабинет иногда может разоблачить домашние тайны, но кабинет так же непроницаем для посторонних посетителей, как сердце; однако же краткий разговор с швейцаром позволил догадаться Печорину, что главное лицо в доме был князь. «Странно,— подумал он.— Она вышла замуж за старого, неприятного и обыкновенного человека, вероятно для того, чтоб делать свою волю, и что же,— если я отгадал правду, если она добровольно переменила одно рабство на другое, то какая же у нее была цель? Какая причина?.. но нет, любить она его не может, за это я ручаюсь головой».

В эту минуту швейцар взошел и торжественно произнес:

— Пожалуйте, князь в гостиной.

Медленными шагами Печорин прошел через зал, взор его затуманился, кровь прилила к сердцу. Он чувствовал, что побледнел, когда перешел через порог гостиной. Молодая женщина в утреннем атласном капоте и блондовом чепце сидела небрежно на диване; возле нее на креслах в мундирном фраке сидел какой-то толстый, лысый господин с огромными глазами, налитыми кровью, и бесконечно широкой улыбкой; у окна стоял другой в сюртуке, довольно сухощавый, с волосами, обстриженными под гребенку, с обвислыми щеками и довольно неблагородным выражением лица, он просматривал газеты и даже не обернулся, когда взошел молодой офицер. Это был сам князь Степан Степанович.

Молодая женщина поспешно встала, обратясь к Печорину с каким-то очень неясным приветствием, потом подошла к князю и сказала ему:

— Mon ami[1], вот господин Печорин, он старинный знакомый нашего семейства... Monsieur Печорин, рекомендую вам моего мужа.

Князь бросил газеты на окно, раскланялся, хотел что-то сказать, но из уст его вышли только отрывистые слова:

— Конечно... мне очень приятно... семейство жены моей... что вы так любезны... я поставил себе за долг... ваша матушка такая почтенная дама — я имел честь быть вчерась у нее с женой.

— Матушка с сестрой хотела сама быть у вас сегодни, но она немного нездорова и поручила мне засвидетельствовать вам свое почтение.

[1] Мой друг *(фр.)*.

Печорин сам не знал, что говорил. Опомнившись и думая, что он сказал глупость, он принял какой-то холодный принужденный вид. Княгине показалось, вероятно, что этой фразой он хотел объяснить свой визит, как будто бы невольный. Выражение лица ее также сделалось так же принужденно. Она подозревала намеренье упрекнуть, щеки ее готовы были вспыхнуть, но она быстро отвернулась, сказала что-то толстому господину, тот захохотал и громко произнес: «О да!» Потом она пригласила Печорина сесть, заняла сама прежнее место, а князь взял опять в руки свои газеты.

Княгиня Вера Дмитревна была женщина двадцати двух лет, среднего женского роста, блондинка с черными глазами, что придавало лицу ее какую-то оригинальную прелесть и таким образом резко отличая ее от других женщин, уничтожало сравнения, которые, может быть, были бы не в ее пользу. Она была не красавица, хотя черты ее были довольно правильны. Овал лица совершенно аттический и прозрачность кожи необыкновенна. Беспрерывная изменчивость ее физиономии, повидимому несообразная с чертами несколько резкими, мешала ей нравиться всем и нравиться во всякое время, но зато человек, привыкший следить эти мгновенные перемены, мог бы открыть в них редкую пылкость души и постоянную раздражительность нерв, обещающую столько наслаждений догадливому любовнику. Ее стан был гибок, движения медленны, походка ровная. Видя ее в первый раз, вы бы сказали, если вы опытный наблюдатель, что это женщина с характером твердым, решительным, холодным, верующая в собственное убеждение, готовая принесть счастие в жертву правилам, но не молве. Увидавши же ее в минуту страсти и волнения, вы сказали бы совсем другое — или, скорее, не знали бы вовсе, что сказать.

Несколько минут Печорин и она сидели друг против друга в молчании, затруднительном для обоих. Толстый господин, который был по какому-то случаю барон, воспользовался этим промежутком времени, чтоб объяснить подробно свои родственные связи с прусским посланником. Княгиня разными вопросами очень ловко заставляла барона еще более растягивать речь свою; Жорж, пристально устремив глаза на Веру Дмитревну, старался, но тщетно, угадать ее тайные мысли; он видел ясно, что она не в своей тарелке, озабочена, взволнована.

Ее глаза то тускнели, то блистали, губы то улыбались, то сжимались; щеки краснели и бледнели попеременно; но какая причина этому беспокойству?.. может быть, домашняя сцена, до него случившаяся, потому что князь явно был не в духе, может быть, радость и смущение воскресающей или только вновь пробуждающейся любви к нему, может быть, неприятное чувство при встрече с человеком, который знал некоторые тайны ее жизни и сердца, который имел право и, может быть, готов был ее упрекнуть...

Печорин, не привыкший толковать женские взгляды и чувства в свою пользу, остановился на последнем предположении... из гордости он решился показать, что, подобно ей, забыл прошедшее и радуется ее счастью... Но невольно в его словах звучало оскорбленное самолюбие; когда он заговорил, то княгиня вдруг отвернулась от барона... и тот остался с отверстым ртом, готовясь произнести самое важное и убедительнейшее заключение своих доказательств.

— Княгиня,— сказал Жорж...— извините, я еще не поздравил вас... с княжеским титулом!.. поверьте, однако, что я с этим намерением спешил иметь честь вас увидеть... но когда взошел сюда, то происшедшая в вас перемена так меня поразила, что признаюсь... забыл долг вежливости.

— Я постарела, не правда ли,— отвечала Вера, наклонив головку к правому плечу.

— О! вы шутите! разве в счастии стареют... напротив, вы пополнели, вы...

— Конечно, я очень счастлива,— прервала его княгиня.

— Это молва всеобщая: многие молодые девушки вам завидуют... впрочем, вы так благоразумны, что не могли не сделать такого достойного выбора... весь свет восхищается любезностию, умом и талантами вашего супруга... (барон сделал утвердительный знак головой),— княгиня чуть-чуть не улыбнулась, потом вдруг досада изобразилась на ее лице.

— Я вам отплачу комплиментом за комплимент, monsieur Печорин, вы также переменились к лучшему.

— Как быть? время всесильно... даже наши одежды, подобно нам самим, подвержены чудным изменениям — вы теперь носите блондовый чепчик, я вместо фрака московского недоросля или студентского сюртука ношу

мундир с эполетами... Вероятно, от этого я имею счастие вам нравиться больше, чем прежде... вы теперь так привыкли к блеску!

Княгиня хотела отмстить за эпиграмму.

— Прекрасно! — воскликнула она,— вы отгадали... а точно, нам, бедным москвитянкам, гвардейский мундир истинная диковинка! — Она насмешливо улыбнулась, барон захохотал, и Печорин на него взбесился.

— У вас такой усердный союзник, княгиня,— сказал он,— что я должен признаться побежденным. Я уверен, что барон при данном знаке готов меня сокрушить всей своей тяжестью.

Барон плохо понимал по-русски, хотя родился в России; он захохотал пуще прежнего, думая, что это комплимент, относящийся к нему вместе с Верою Дмитревной. Печорин пожал плечами; и разговор снова остановился. К счастию, князь подошел, преважно держа в руке газеты.

— Вот это до тебя касается,— сказал он жене,— новый магазин на днях открыт на Невском. Я покажу вам,— сказал он, обращаясь к гостям,— петербургский гостинец, который я вчера купил жене: все говорят, что серьги самые модные, а жена говорит, что нет, как будут по вашему вкусу?

Он пошел в другую комнату и принес сафьянную коробочку. Часто повторяемое князем слово жена както грубо и неприятно отзывалось в ушах Печорина; он с первого слова узнал в князе человека недалекого, а теперь убедился, что он даже человек не светский. Серьги переходили из рук в руки, барон произнес над ними несколько протяжных восклицаний, Печорин после него стал машинально их рассматривать.

— А как вы думаете,—спросил князь <Степан> Степаныч, спрятавшись в галстух и одной рукой вытаскивая накрахмаленный воротничок,— сколько я за них заплатил, отгадайте!

Серьги по большей мере стоили восемьдесят рублей, а были заплочены семьдесят пять. Печорин нарочно сказал сто пятьдесят. Это озадачило князя. Он ничего не отвечал, стыдясь сказать правду, и сел на канапе, очень немилостиво поглядывая на Печорина. Разговор сделался общим размеком городских новостей, московских известий: князь, несколько развеселившись, объявил

очень откровенно, что если б не тяжебное дело, то никак бы не оставил Москвы и Английского клуба, прибавляя, что здешний Английский клуб ничто перед московским. Наконец, Печорин встал, раскланялся и дошел уже до двери, как вдруг княгиня вскочила с своего места и убедительно просила его не позабыть поцеловать за нее милую Вареньку сто раз, тысячу раз. Печорину хотелось ей заметить, что он не может передавать словесных поцелуев, но ему было не до шутки, и он очень важно опять поклонился. Княгиня улыбнулась ему той ничего не выражающей улыбкою, которая разливается на устах танцовщицы, оканчивающей пируэт.

С горьким предчувствием он вышел из комнаты: пройдя залу, обернулся, княгиня стояла в дверях, неподвижно смотрела ему вослед; заметив его движение, она исчезла.

«Странно,— подумал Печорин, садясь в сани,— было время, когда я читал на лице ее все движенья мысли так же безошибочно, как собственную рукопись, а теперь я ее не понимаю, совершенно не понимаю».

ГЛАВА V

До девятнадцатилетнего возраста Печорин жил в Москве. С детских лет он таскался из одного пансиона в другой и, наконец, увенчал свои странствования вступлением в университет, согласно воле своей премудрой маменьки. Он получил такую охоту к перемене мест, что если бы жил в Германии, то сделался бы странствующим студентом. Но скажите ради бога, какая есть возможность в России сделаться бродягой повелителю трех тысяч душ и племяннику двадцати тысяч московских тетушек! Итак, все его путешествия ограничивались поездками с толпою таких же негодяев, как он, в Петровский, в Сокольники и Марьину рощу. Можете вообразить, что они не брали с собою тетрадей и книг, чтоб не казаться педантами. Приятели Печорина, которых число было, впрочем, не очень велико, были всё молодые люди, которые встречались с ним в обществе, ибо и в то время студенты были почти единственными кавалерами московских красавиц, вздыхавших невольно по эполетам и аксельбантам, не догадываясь, что в наш век эти блестящие вывески утратили свое прежнее значение.

Печорин с товарищн являлся также иа всех гуляньях. Держась под руки, оии прохаживались между вереннцами карет к велнкому соблазиу квартальиых. Встретив одного из этих молодых людей, можио было, закрывши глаза, держать пари, что сейчас явятся и остальиые. В Москве, где прозвания еще в моде, прозвали их la bande joyeuse [1].

Приближалось для Печорнна время экзамена: он в продолжеиие года почтн не ходил на лекции н иамеревался теперь пожертвовать несколько ночей иауке и одинм прыжком догиать товарнщей; вдруг явилось обстоятельство, которое помешало ему исполннть это геройское намерение. У матери Печорина Татьяны Петровиы бывали детские вечера для малеиькой дочери; иа эти вечера съезжались и взрослые барышин н переспелые девы, жадные до всяких возможиых вечеров. Дети ложилнсь спать в десять часов, их сменялн иа паркете большие. На эти вечера являлись часто отец и дочь Р — вы. Оии были старннные зиакомые Татьяны Петровиы и даже несколько ей сроднн. Дочь этого господииа Р * изывалась тогда просто Верочка. Жорж, привыкиув вндеться с нею часто, ие находил в ней ничего особениого, оиа же избегала его разговора. Раз собралась большая компаиня ехать в Снмонов моиастырь ко всенощиой молиться, слушать певчих и гулять. Это было весною; уселнсь в длиниые линии, запряжеииые каждая в шесть лошадей, н тронулнсь с Арбата веселым караваном. Солнце склоиялось к Воробьевым горам, и вечер был в самом деле прекрасеи.

По какому-то случаю Жоржу прншлось сидеть рядом с Верочкою, он этим был сначала недоволен: ее семнадцатилетняя свежесть и скромиость казалнсь ему вериыми признаками холодиости и чересчур приторной сердечиой невнниостн; кто из иас в девятиадцать лет не бросался очертя голову вослед отцветающей кокетке, которых слова н взгляды полны обещаинй и души которых подобны выкрашеиным гробам притчн. Наружиость их — блеск очаровательиый, внутрн смерть н прах.

Выехав уже за город, когда раствореиный воздух вечера освежнл веселых путешествеиннков, Жорж разговорился с своей соседкою. Разговор ее был прост, жив и довольио свободен. Оиа была несколько мечтательиа,

[1] веселая шайка *(фр.)*.

но не старалась этого выказывать, напротив — стыдилась этого, как слабости. Суждения Жоржа в то время были резки, полны противуречий, хотя оригинальны, как вообще суждения молодых людей, воспитанных в Москве и привыкших без принуждения постороннего развивать свои мысли.

Наконец, приехали в монастырь. До всенощной ходили осматривать стены, кладбище; лазили на площадку западной башни, ту самую, откуда в древние времена наши предки следили движения, и последний Новик открыл так поздно имя свое, и судьбу свою, и свое изгнанническое имя. Жорж не отставал от Верочки, потому что неловко было бы уйти, не кончив разговора, а разговор был такого рода, что мог продолжиться до бесконечности. Он и продолжался все время всенощной, исключая тех минут, когда дивный хор монахов и голос отца Виктора погружал их в безмолвное умиление. Но зато после этих минут разгоряченное воображение и чувства, взволнованные звуками, давали новую пищу для мыслей и слов. После всенощной опять гуляли и возвратились в город тем же порядком, очень поздно. Жорж весь следующий день думал об этом вечере, потом поехал к Р — вым, чтоб поговорить об нем и передать свои впечатления той, с которой он их разделял. Визиты делались чаще и продолжительнее, по короткости обоих домов они не могли обратить на себя никакого подозрения, так прошел целый месяц, и они убедились оба, что влюблены друг в друга до безумия. В их лета, когда страсть есть наслаждение, без примеси забот, страха и раскаяния, очень легко убедиться во всем.

У Жоржа была богатая тетушка, которая в той же степени была родня и Р — вым. Тетушка пригласила оба семейства погостить к себе в Подмосковную недели на две, дом у нее был огромный, сады большие,— одним словом, все удобства. Частые прогулки сблизили еще более Жоржа с Верочкой; несмотря на толпу мадамов и детей тетушки, они как-то всегда находили средство быть вдвоем: средство, впрочем, очень легкое, если обоим этого хочется.

Между тем в университете шел экзамен. Жорж туда не явился; разумеется, он не получил аттестата, но о будущем он не заботился и уверил мать, что экзамен отложен еще на три недели и что он все знает. Вечер-

ние прогулки имели необходимым следствием объяснение, потом клятвы в верности; наконец, когда двухнедельный срок кончился, надобно было возвращаться в Москву. Накануне рокового дня (это было вечером) они стояли вдвоем на балконе — какой-то невидимый демон сблизил их уста и руки в безмолвное пожатие, в безмолвный поцелуй!.. Они испугались самих себя: и хотя Жорж рано с помощью товарищей вступил на соблазнительное поприще разврата... но честь невинной девушки была еще для него святыней. На другой день, садясь в экипажи, они раскланялись по-прежнему очень учтиво, но Верочка покраснела, и глаза ее блистали.

Обман Жоржа открылся, как скоро приехали в Москву, отчаяние Татьяны Петровны было ужасно, брань ее неистощима. Жорж с покорностью и молча выслушал все как стоик; но гроза невидимая сбиралась над ним. В комитете дядюшек и тетушек было положено, что его надобно отправить в Петербург и отдать в Юнкерскую школу: другого спасения они для него не видали — там, говорили они, его прошколят и выучат дисциплине.

В это время открылась Польская кампания, вся молодежь спешила определяться в полки; вступать в школу было для Жоржа невыгодно, потому что юнкера второго класса не должны были идти в поход. Он почти на коленях выпросил у матери позволения вступить в Н... гусарский полк, стоявший недалеко от Москвы. После многого плаканья и оханья получил он ее благословение, но самое трудное оставалось ему еще сделать: надобно было объявить об этом Верочке. Он был так еще невинен душою, что боялся убить ее неожиданным известием. Однако ж она выслушала его молча и устремила на него укоризненный взгляд, не веря, чтоб какие бы то ни было обстоятельства могли его заставить разлучиться с нею: клятва и обещания ее успокоили.

Чрез несколько дней Жорж приехал к Р — вым, чтоб окончательно проститься. Верочка была очень бледна, он посидел недолго в гостиной, когда же вышел, то она, пробежав чрез другие двери, встретила его в зале. Она сама схватила его за руку, крепко ее сжала и произнесла неверным голосом: «Я никогда не буду принадлежать другому». Бедная, она дрожала всем телом. Эти ощущения были для нее так новы, она так боялась потерять друга, она так была уверена в собственном сердце. Напечатлев жаркий поцелуй на холодном девственном

челе ее, Жорж посадил ее на стул, опрометью сбежал с лестницы и поскакал домой. Вечером пришел лакей от Р. к Татьяне Петровне просить склянку с какими-то каплями и спирту, потому что, дескать, барышня очень нездорова и раза три была без памяти. Это был ужасный удар для Жоржа, он целую ночь не спал, чем свет сел в дорожную коляску и отправился в свой полк.

До сих пор, любезные читатели, вы видели, что любовь моих героев не выходила из общих правил всех романов и всякой начинающейся любви. Но зато впоследствии — о! впоследствии вы увидите и услышите чудные вещи.

Печорин в продолжение кампании отличался, как отличается всякий русский офицер, дрался храбро, как всякий русский солдат, любезничал с многими панами, но минуты последнего расставанья и милый образ Верочки постоянно тревожили его воображение. Чудное дело! Он уехал с твердым намерением ее забыть, а вышло наоборот (что почти всегда и выходит в таких случаях). Впрочем, Печорин имел самый несчастный нрав: впечатления, сначала легкие, постепенно врезывались в его ум все глубже и глубже, так что впоследствии эта любовь приобрела над его сердцем право давности, священнейшее из всех прав человечества.

После взятия Варшавы он был переведен в гвардию, мать его с сестрою переехали жить в Петербург, Варенька привезла ему поклон от своей милой Верочки, как она ее называла,— ничего больше, как поклон. Печорина это огорчило — он тогда еще не понимал женщин. Тайная досада была одна из причин, по которым он стал волочиться за Лизаветой Николавной; слухи об этом, вероятно, дошли до Верочки. Через полтора года он узнал, что она вышла замуж; через два года приехала в Петербург уже не Верочка, а княгиня Лиговская и князь Степан Степ<аныч>.

Тут, кажется, мы остановились в предыдущей главе.

ГЛАВА VI

Дни через три после того, как Печорин был у князя, Татьяна Петровна пригласила несколько человек знакомых и родных отобедать. Степан Степаныч с супругою был, разумеется, в числе.

Печорин сидел в своем кабинете и хотел уже одеваться, чтоб выйти в гостиную, когда взошел к нему артиллерийский офицер.

— А, Браницкий,— воскликнул Печорин,— я очень рад, что ты так кстати заехал, ты непременно будешь у нас обедать. Вообрази, у нас ныне полон дом молодых девушек, и я один отдан им на жертву; ты всех их знаешь, сделай одолжение — останься обедать!

— Ты так убедительно просишь,— отвечал Браницкий,— как будто предчувствуешь отказ.

— Нет, ты не смеешь отказаться,— сказал Печорин; он кликнул человека и велел отпустить сани Браницкого домой.

Дальнейший разговор их я не передаю, потому что он был бессвязен и пуст, как разговоры всех молодых людей, которым нечего делать. И в самом деле, скажите, об чем могут говорить молодые люди? запас новостей скоро истощается, в политику благоразумие мешает пускаться, об службе и так слишком много толкуют на службе, а женщины в наш варварский век утратили вполовину прежнее всеобщее свое влияние. Влюбиться кажется уже стыдно, говорить об этом смешно.

Когда несколько гостей съехалось, Печорин и Браницкий вошли в гостиную. Там на трех столах играли в вист. Покуда маменьки считали козыри, дочки, усевшись вкруг небольшого столика, разговаривали о последнем бале, о новых модах. Офицеры подошли к ним, Браницкий искусно оживил непринужденной болтовней их небольшой кружок, Печорин был рассеян. Он давно замечал, что Браницкий ухаживал за его сестрой и, не входя в рассмотрение дальнейших следствий, не тревожил приятеля наблюдением, а сестру нескромными вопросами. Вареньке казалось очень приятно, что такой ловкий молодой человек приметно отличает ее от других, ее, которая даже еще не выезжает.

Мало-помалу гости съезжались. Князь Лиговской и княгиня приехали одни из последних. Варенька бросилась навстречу своей старой приятельнице, княгиня поцеловала ее с видом покровительства. Вскоре сели за стол.

Столовая была роскошно убранная комната, увешанная картинами в огромных золотых рамах: их темная и старинная живопись находилась в резкой противуположности с украшениями комнаты, легкими, как все,

что в новейшем вкусе. Действующие лица этих картин — одни полунагие, другие живописно завернутые в греческие мантии или одетые в испанские костюмы — в широкополых шляпах с перьями, с прорезными рукавами, пышными манжетами. Брошенные на этот холст рукою художника в самые блестящие минуты их мифологической или феодальной жизни, казалось, строго смотрели на действующих лиц этой комнаты, озаренных сотнею свеч, не помышляющих о будущем, еще менее о прошедшем, съехавшихся на пышный обед, не столько для того, чтобы насладиться дарами роскоши, но одни — чтоб удовлетворить тщеславию ума, тщеславию богатства, другие — из любопытства, из приличий для каких-либо других сокровенных целей. В одежде этих людей, так чинно сидевших вокруг длинного стола, уставленного серебром и фарфором, так же как в их понятиях, были перемешаны все века. В одеждах их встречались глубочайшая древность с самой последней выдумкой парижской модистки, греческие прически, увитые гирляндами из поддельных цветов, готические серьги, еврейские тюрбаны, далее волосы, вздернутые кверху à la chinoise[1], букли à la Sévigné[2], пышные платья наподобие фижм, рукава, чрезвычайно широкие или чрезвычайно узкие. У мужчин прически à la jeune France[3], à la russe[4], à la moyen âge[5], à la Titus[6], гладкие подбородки, усы, испаньолки, бакенбарды и даже бороды; кстати было бы тут привести стих Пушкина «Какая смесь одежд и лиц!». Понятия же этого общества были такая путаница, которую я не берусь объяснить.

Печорину пришлось сидеть наискось противу княгини Веры Дмитревны, сосед его по левую руку был какой-то рыжий господин, увешанный крестами, который ездил к ним в дом только на званые обеды, по правую же сторону Печорина сидела дама лет тридцати, чрезвычайно свежая и моложавая, в малиновом токе, с перьями, и с гордым видом, потому что она слыла неприступною добродетелью. Из этого мы видим, что Печорин как хозяин избрал самое дурное место за столом.

[1] по-китайски *(фр.)*.
[2] как у госпожи Севинье *(фр.)*.
[3] во вкусе молодой Франции *(фр.)*.
[4] по-русски *(фр.)*.
[5] по-средневековому *(фр.)*.
[6] как у Тита *(фр.)*.

Возле Веры Дмитревны сидела по одну сторону старушка, разряженная как кукла, с седыми бровями и черными пуклями, по другую — дипломат, длинный и бледный, причесанный à la russe и говоривший по-русски хуже всякого француза. После второго блюда разговор начал оживляться.

— Так как вы недавно в Петербурге,— говорил дипломат княгине,— то, вероятно, не успели еще вкусить и постигнуть все прелести здешней жизни. Эти здания, которые с первого взгляда вас только удивляют как все великое, со временем сделаются для вас бесценны, когда вы вспомните, что здесь развилось и выросло наше просвещение, и когда увидите, что оно в них уживается легко и приятно. Всякий русский должен любить Петербург: здесь все, что есть лучшего русской молодежи, как бы нарочно собралось, чтоб подать дружескую руку Европе. Москва только великолепный памятник, пышная и безмолвная гробница минувшего, здесь жизнь, здесь наши надежды...

Так высокопарно и мудрено говорил худощавый дипломат, который имел претензию быть великим патриотом. Княгиня улыбнулась и отвечала рассеянно:

— Может быть, со временем я полюблю и Петербург, но мы, женщины, так легко предаемся привычкам сердца и так мало думаем, к сожалению, о всеобщем просвещении, о славе государства! Я люблю Москву; с воспоминанием об ней связана память о таком счастливом времени! А здесь, здесь все так холодно, так мертво... О, это не мое мнение... это мнение здешних жителей. Говорят, что, въехавши раз в петербургскую заставу, люди меняются совершенно.

Эти слова она сказала, улыбаясь дипломату и взглянув на Печорина.

Дипломат взбеленился.

— Какие ужасные клеветы про наш милый город,— воскликнул он,— а все это старая сплетница Москва, которая из зависти клевещет на молодую свою соперницу.

При слове «старая сплетница» разряженная старушка затрясла головой и чуть-чуть не подавилась спаржею.

— Чтоб решить наш спор,— продолжал дипломат,— выберемте посредника, княгиня: вот хоть Григория Александровича, он очень прилежно слушал наш разговор. Как вы думаете об этом? Monsieur Печорин, ска-

жите по совести и ие принесите меня в жертву учтивостн. Вы одобряете мой выбор, княгиия?

— Вы выбралн судью довольно строгого,— отвечала она.

— Как быть, наш брат всегда наблюдает свои выгоды,— возразил дипломат с самодовольиой улыбкою.— Monsieur Печорнн, нзвольте же решнть.

— Мие очеиь жаль,— сказал Печорин,— что вы ошиблнсь в своем выборе. Из всего вашего спора я слышал только то, что сказала кињгиия.

Лицо дипломата вытяиулось.

— Однако ж,— сказал ои,— Москве или Петербургу отдадите вы преимущество?

— Москва моя родина,— отвечал Печории, стараясь отделаться.

— Однако ж — которая...— дипломат иастаивал с упорством.

— Я думаю,— прервал его Печорни,— что ии здання, ии просвещеиие, ии старниа не нмеют влияиия иа счастне н веселость. А меияются люди за петербургской заставой н за московским шлагбаумом потому, что, если б людн ие меиялись, было бы очеиь скучно.

-- После такого решеиия, княгиня,— сказал дипломат,— я уступаю свое днпломатнческое зваиие господииу Печорниу. Он увериулся от решительиого ответа, как Талейраи нлн Меттерих.

— Григорий Александрович,— возразила княгиия,— ие увлекается страстью нли прнстрастием, он следует одному холодиому рассудку.

— Это правда,— отвечал Печории,— я теперь стал взвешивать слова свои н рассчитывать поступкн, следуя примеру других. Когда я увлекался чувством и воображеиием, иадо миою смеялись и пользовались моим простосердечием, ио кто же в своей жизии ие делал глупостей! И кто ие раскаивался! Теперь по чести я готов пожертвовать самою чистейшею, самою воздушиой любовью для трех тысяч душ с виiокуреиным заводом и для какого-иибудь графского герба иа дверцах кареты! Надобио пользоваться случаем, такие вещи ие падают с неба! Не правда ли?! — Этот иеожидаиный вопрос был сделан даме в малииовом берете.

Молчаливая добродетель пробудилась при этом иеожидаином вопросе, и страусовые перья заколыхались иа берете. Оиа ие могла тотчас ответить, потому что ее

невинные зубки жевали кусок рябчика с самым добродетельным старанием: все с терпением молча ожидали ее ответа. Наконец, она открыла уста и важно молвила:

— Ко мне ли ваш вопрос относится?

— Если вы позволите,— отвечал Печорин.

— Не хотите ли вы разделить со мною вашу роль посредника и судьи?

— Я б желал вам передать ее совсем.

— Ах, избавьте!

В эту минуту ей подали какое-то жирное блюдо, она положила себе на тарелку и продолжала:

— Вот адресуйтесь к княгине, она, я думаю, гораздо лучше может судить о любви и об графском или о княжеском титуле.

— Я бы желал слышать ваше мнение,— сказал Печорин,— и решился победить вашу скромность упрямством.

— Вы не первые, и вам это не удастся,— сказала она с презрительной улыбкой.— Притом я не имею никакого мнения о любви.

— Помилуйте! в ваши лета не иметь никакого мнения о таком важном предмете для всякой женщины.

Добродетель обиделась.

— То есть я слишком стара,— воскликнула она, покраснев.

— Напротив, я хотел сказать, что вы еще так молоды...

— Слава богу, я уж не ребенок... вы оправдались очень неудачно.

— Что делать! — я вижу, что увеличил единицею несметное число несчастных, которые вам напрасно стараются понравиться...

Она от него отвернулась, а он чуть не засмеялся вслух.

— Кто эта дама? — шепотом спросил у него рыжий господин с крестами.

— Баронесса Штраль,— отвечал Печорин.

— Аа! — сделал рыжий господин.

— Вы, конечно, об ней много слыхали?

— Нет-с, ничего формально.

— Она уморила двух мужей,— продолжал Печорин,— теперь за третьим, который, верно, ее переживет.

— Ого! — сказал рыжий господин и продолжал уписывать соус, унизанный трюфелями.

Таким образом, разговор прекратился, но дипломат взял на себя труд возобновить его.

— Если вы любите искусства,— сказал он, обращаясь к княгине,— то я могу вам сказать весьма приятную новость: картина Брюллова «Последний день Помпеи» едет в Петербург. Про нее кричала вся Италия, французы ее разбранили. Теперь любопытно знать, куда склонится русская публика, на сторону истинного вкуса или на сторону моды.

Княгиня ничего не отвечала, она была в рассеянности — глаза ее бродили без цели вдоль по стенам комнаты, и слово «картина» только заставило их остановиться на изображении какой-то испанской сцены, висевшем противу нее. Это была старинная картина, довольно посредственная, но получившая ценность оттого, что краски ее полинияли и лак растрескался. На ней были изображены три фигуры: старый и седой мужчина, сидя на бархатных креслах, обнимал одною рукою молодую женщину, в другой держал он бокал с вином, он приближал свои румяные губы к нежной щеке этой женщины и проливал вино ей на платье. Она, как бы нехотя повинуясь его грубым ласкам, перегнувшись через ручку кресел и облокотясь на его плечо, отворачивалась в сторону, прижимая палец к устам и устремив глаза на полуотворенную дверь, из-за которой во мраке сверкали два яркие глаза и кинжал.

Княгиня несколько минут со вниманием смотрела на эту картину и, наконец, попросила дипломата объяснить ее содержание.

Дипломат вынул из-за галстуха лорнет, прищурился, наводил его в разных направлениях на темный холст и заключил тем, что это должна быть копия с Рембранта или Мюрилла.

— Впрочем,— прибавил он,— хозяин ее должен лучше знать, что она изображает.

— Я не хочу вторично затруднять Григория Александровича разрешениями вопросов,— сказала Вера Дмитревна и опять устремила глаза на картину.

— Сюжет ее очень прост,— сказал Печорин, не дождаясь, чтобы его просили,— здесь изображена женщина, которая оставила и обманула любовника для того, чтобы удобнее обманывать богатого и глупого старика. В эту минуту она, кажется, что-то у него выпрашивает и удерживает бешенство любовника ложными обеща-

ниями. Когда она выманит искусственным поцелуем все что ей хочется, она сама откроет дверь и будет хладнокровною свидетельницею убийства.

— Ах, это ужасно! — воскликнула княгиня.

— Может быть, я ошибаюсь, дав такой смысл этому изображению,— продолжал Печорин,— мое истолкование совершенно произвольное.

— Неужели вы думаете, что подобное коварство может существовать в сердце женщины?

— Княгиня,— отвечал Печорин сухо,— я прежде имел глупость думать, что можно понимать женское сердце. Последние случаи моей жизни меня убедили в противном, и поэтому я не могу решительно ответить на ваш вопрос.

Княгиня покраснела, дипломат обратил на нее испытующий взор и стал что-то чертить вилкою на дне своей тарелки. Дама в малиновом берете была как на иголках, слыша такие ужасы, и старалась отодвинуть свой стул от Печорина, а рыжий господин с крестами значительно улыбнулся и проглотил три трюфели разом.

Остальное время обеда дипломат и Печорин молчали, княгиня завела разговор с старушкою, добродетель горячо об чем-то спорила с своей соседкой с правой стороны, рыжий господин ел.

За десертом, когда подали шампанское, Печорин, подняв бокал, оборотился к княгине:

— Так как я не имел счастия быть на вашей свадьбе, то позвольте поздравить вас теперь.

Она посмотрела на него с удивлением и ничего не отвечала. Тайное страдание изображалось на ее лице, столь изменчивом, рука ее, державшая стакан с водою, дрожала... Печорин все это видел, и нечто похожее на раскаяние закралось в грудь его: за что он ее мучил? с какою целью? какую пользу могло ему принесть это мелочное мщение?.. он себе в этом не мог дать подробного отчета.

Вскоре стулья зашумели; встали изо стола и пошли в приемные комнаты... Лакеи на серебряных подносах стали разносить кофе. Некоторые мужчины, не игравшие в вист,— и в их числе князь Степан Степаныч,— пошли в кабинет Печорина курить трубки, а княгиня под предлогом, что у нее развились локоны, удалилась в комнату Вареньки.

Она притворила за собою двери, бросилась в широкие кресла; неизъяснимое чувство стеснило ее грудь, слезы набежали на ресницы, стали капать чаще и чаще на ее разгоревшиеся ланиты, и она плакала, горько плакала, покуда ей не пришло в мысль, что с красными глазами неловко будет показаться в гостиную. Тогда она встала, подошла к зеркалу, осушила глаза, натерла виски одеколоном и духами, которые в цветных и граненых скляночках стояли на туалете. По временам она еще всхлипывала, и грудь ее подымалась высоко, но это были последние волны, забытые на гладком море пролетевшим ураганом.

Об чем же она плакала? — спрашиваете вы, и я вас спрошу, об чем женщины не плачут: слезы их оружие нападательное и оборонительное. Досада, радость, бессильная ненависть, бессильная любовь имеют у них одно выражение: Вера Дмитревна сама не могла дать отчета, какое из этих чувств было главною причиною ее слез. Слова Печорина глубоко ее оскорбили, но странно, она его за это не возненавидела. Может быть, если б в его упреке проглядывало сожаление о минувшем, желание ей снова нравиться, она бы сумела отвечать ему колкой насмешкой и равнодушием, но, казалось, в нем было оскорблено одно самолюбие, а не сердце, самая слабая часть мужчины, подобная пятке Ахиллеса, и по этой причине оно в этом сражении оставалось вне ее выстрелов. Казалось, Печорин гордо вызывал на бой ее ненависть, чтобы увериться, так же ли она будет недолговременна, как любовь ее,— и он достиг своей цели. Ее чувства взволновались, ее мысли смутились, первое впечатление было сильное, а от первого впечатления зависело все остальное: он это знал и знал также, что самая ненависть ближе к любви, нежели равнодушие.

Княгиня уже собиралась возвратиться в гостиную, как вдруг дверь легонько скрыпнула и взошла Варенька.

— Я тебя искала, chère amie [1],— воскликнула она,— ты, кажется, нездорова...

Вера Дмитревна томно улыбнулась и сказала:

— У меня болит голова, там так жарко...

[1] милый друг *(фр.)*.

— Я за столом часто на тебя взглядывала,— продолжала Варенька,— ты все время молчала, мне досадно было, что я не села возле тебя, тогда, может быть, тебе не было так скучно.

— Мне вовсе не было скучно,— отвечала княгиня, горько улыбнувшись,— Григорий Александрович был очень любезен.

— Послушай, мой ангел, я не хочу, чтоб ты называла брата Григорий Александрович: Григорий Александрович — это так важно, точно вы будто вчерась токмо познакомились. Отчего не называть его просто Жорж, как прежде, он такой добрый.

— О, я этого последнего достоинства в нем ныне не заметила, он мне ныне наговаривал таких вещей, которые б другая ему никогда не простила.

Вера Дмитревна почувствовала, что проговорилась, но успокоилась тем, что Варенька ветреная девочка, не обратит внимания на ее последние слова или скоро позабудет их. Вера Дмитревна, к несчастию ее, была одна из тех женщин, которые обыкновенно осторожнее и скромнее других, но в минуты страсти проговариваются.

Поправя свои локоны перед зеркалом, она взяла под руку Вареньку, и обе возвратились в гостиную, а мы пойдем в кабинет Печорина, где собралось несколько молодых людей и где князь Степан Степаныч с цигаркою в зубах тщетно старался вмешиваться в их разговор. Он не знал ни одной петербургской актрисы, не знал ключа ни одной городской интриги и, как приезжий из другого города, не мог рассказать ни одной интересной новости. Женившись на молодой женщине, он старался казаться молодым назло подставным зубам и некоторым морщинам. В продолжение всей своей молодости этот человек не пристрастился ни к чему: ни к женщинам, ни к вину, ни к картам, ни к почестям, и со всем тем, в угодность товарищей и друзей, напивался очень часто, влюблялся раза три из угождения в женщин, которые хотели ему нравиться, проиграл однажды тридцать тысяч, когда была мода проигрываться, убил свое здоровье на службе потому, что начальникам это было приятно. Будучи эгоист в высшей степени, он, однако, слыл всегда добрым малым, готовым на всякие услуги, женился же он потому, что всем родным этого хотелось. Теперь он сидел против камина, куря сигарку, и допивая кофе,

и внимательно слушая разговор двух молодых людей, стоявших против него. Один из них был артиллерийский офицер Браницкий, другой статский. Этот последний был одно из характеристических лиц петербургского общества.

Он был порядочного роста и так худ, что английского покроя фрак висел на плечах его как на вешалке. Жесткий атласный галстух подпирал его угловатый подбородок. Рот его, лишенный губ, походил на отверстие, прорезанное перочинным ножичком в картонной маске, щеки его, впалые и смугловатые, местами были испещрены мелкими ямочками, следами разрушительной оспы. Нос его был прямой, одинаковой толщины во всей своей длине, а нижняя оконечность как бы отрублена, глаза, серые и маленькие, имели дерзкое выражение, брови были густы, лоб узок и высок, волосы черны и острижены под гребенку, из-за галстуха его выглядывала борода à la St.-Simonienne[1].

Он был со всеми знаком, служил где-то, ездил по поручениям, возвращаясь — получал чины, бывал всегда в среднем обществе и говорил про связи свои с знатью, волочился за богатыми невестами, подавал множество проектов, продавал разные акции, предлагал всем подписки на разные книги, знаком был со всеми литераторами и журналистами, приписывал себе многие безымянные статьи в журналах, издал брошюру, которую никто не читал, был, по его словам, завален кучею дел и целое утро проводил на Невском проспекте. Чтоб докончить портрет, скажу, что фамилия его была малороссийская, хотя вместо Горшенко он называл себя Горшенков.

— Что вы ко мне никогда не заедете? — говорил ему Браницкий.

— Поверите ли, я так занят,— отвечал Горшенко,— вот завтра сам должен докладывать министру; потом надобно ехать в комитет, работы тьма, не знаешь, как отделаться, еще надобно писать статью в журнал, потом надобно обедать у князя N., всякий день где-нибудь на бале, вот хоть нынче у графини Ф. Так и быть, уж пожертвую этой зимой, а летом опять запрусь в свой кабинет, окружу себя бумагами и буду ездить только к старым приятелям.

---

[1] как у сен-симонистов *(фр.)*.

Браницкий улыбнулся и, насвистывая арию из Фенеллы, удалился.

Князь, который был мысленно занят своим делом, подумал, что ему не худо будет познакомиться с человеком, который всех знает и докладывает сам министру.

Он завел с ним разговор о политике, о службе, потом о своем деле, которое состояло в тяжбе с казною о двадцати тысячах десятинах лесу. Наконец, князь спросил у Горшенки, не знает ли он одного чиновника Красинского, у которого в столе разбираются его дела.

— Да-да,— отвечал Горшенко,— знаю, видал, но он ничего не может сделать, адресуйтесь к людям, которые более имеют весу, я знаю эти дела, мне часто их навязывали, но я всегда отказывался.

Такой ответ поставил в тупик князя Степана Степаныча. Ему показалось, что перед ним в лице Горшенки стоит весь комитет министров.

— Да,— сказал он,— ныне эти вещи стали ужасно затруднительны.

Печорин, слышавший разговор и узнав от князя, в каком департаменте его дело, обещался отыскать Красинского и привести его к князю.

Степан Степаныч, в восторге от его любезности, пожал ему руку и пригласил его заезжать к себе всякий раз, когда ему нечего будет делать.

ГЛАВА VII

На другой день Печорин был на службе, провел ночь в дежурной комнате и сменился в двенадцать часов утра. Покуда он переоделся, прошел еще час. Когда он приехал в департамент, где служил чиновник Красинский, то ему сказали, что этот чиновник куда-то ушел; Печорину дали его адрес, и он отправился к Обухову мосту. Остановясь у ворот одного огромного дома, он вызвал дворника и спросил, здесь ли живет чиновник Красинский.

— Пожалуйте в сорок девятый нумер,— был ответ.

— А где вход?

— Со двора-с.

Сорок девятый нумер, и вход со двора! — этих ужасных слов не может понять человек, который не провел по крайней мере половины жизни в отыскании разных

чиновников, сорок девятый нумер есть число мрачное и таинственное, подобное числу 666 в Апокалипсисе. Вы пробираетесь сначала через узкий и угловатый двор, по глубокому снегу или по жидкой грязи; высокие пирамиды дров грозят ежеминутно подавить вас своим падением, тяжелый запах, едкий, отвратительный, отравляет ваше дыхание, собаки ворчат при вашем появлении, бледные лица, хранящие на себе ужасные следы нищеты или распутства, выглядывают сквозь узкие окна нижнего этажа. Наконец, после многих расспросов, вы находите желанную дверь, темную и узкую, как дверь в чистилище; поскользнувшись на пороге, вы летите две ступени вниз и попадаете ногами в лужу, образовавшуюся на каменном помосте, потом неверною рукой ощупываете лестницу и начинаете взбираться наверх. Взойдя на первый этаж и остановившись на четвероугольной площадке, вы увидите несколько дверей кругом себя, но, увы, ни на одной нет нумера; начинаете стучать или звонить, и обыкновенно выходит кухарка с сальной свечой, а из-за нее раздается брань или плач детей.

— Кого вам угодно?

— Сорок девятый нумер.

— Здесь эдаких нет-с.

— Кто ж здесь живет?

Ответ бывает обыкновенно или какое-нибудь варварское имя, или «Какое вам дело, ступайте выше». Дверь захлопывается. Во всех других дверях та же сцена повторяется в разных видах; чем выше вы взбираетесь, тем хуже. Софист наблюдатель мог бы заключить из этого, что человек, приближаясь к небу, уподобляется растению, которое на вершинах гор теряет цвет и силу.

Помучившись около часу, вы, наконец, находите желанный сорок девятый нумер или другой столько же таинственный, и то, если дворник не был пьян и понял ваш вопрос, если не два чиновника с одинаковым именем в этом доме, если вы не попали на другую лестницу, и т. д. Печорин претерпел все эти мучения и, наконец, вскарабкавшись на четвертый этаж, постучал в дверь; вышла кухарка, он сделал обычный вопрос, ему отвечали: «Здесь». Он взошел, снял шинель в кухне и хотел идти далее, как вдруг кухарка остановила его, сказав, что господин Красинский не воротился еще из департамента. «Я подожду»,— отвечал он и взошел.

Кухарка следовала за ним и разглядывала его с видом удивления. Белый султан и красивый кавалерийский мундир были, по-видимому, явление необыкновенное на четвертом этаже. При входе Печорина в гостиную, если можно так назвать четыреугольную комнату, украшенную единственным столом, покрытым клеенкою, перед которым стоял старый диван и три стула, низенькая и опрятная старушка встала с своего места и повторила вопрос кухарки.

— Я ищу господина Красинского, может быть я ошибся...

— Это мой сын,— отвечала старушка,— он скоро будет.

— Если вы мне позволите подождать,— продолжал Печорин.

— Сделайте одолжение,— прервала его старушка и торопливо придвинула стул.

Печорин сел. Окинув взором комнату и все в ней находящееся, ему стало как-то неловко; если б судьба неожиданно бросила его во дворец персидского шаха, он бы скорей нашелся, нежели теперь.

Старушке с первого взгляда можно было дать лет шестьдесят, хотя она в самом деле была моложе; но ранние печали сгорбили ее стан, иссушили кожу, которая сделалась похожа цветом на старый пергамент. Синеватые жилы рисовались по ее прозрачным рукам, лицо ее было сморщено, в одних ее маленьких глазах, казалось, сосредоточились все ее жизненные силы, в них светила необыкновенная доброжелательность и невозмутимое спокойствие. Печорин, не зная, как начать разговор, стал перелистывать книгу, лежавшую на столе; он думал вовсе не о книге, но странное заглавие привлекло его внимание: «Легчайший способ быть всегда богатым и счастливым», сочинение Н. П., Москва, в тип. И. Глазунова, цена 25 копеек. Улыбка появилась на лице Печорина; эта книжка, как пустой лотерейный билет, была резкое изображение мечтаний обманутых, надежд несбыточных, тщетных усилий представить себе в лучшем виде печальную существенность. Старушка заметила его улыбку и сказала:

— Я просила сына моего, прочитав объявление в газетах, чтоб он мне достал эту книжку, да в ней ничего нет.

— Я думаю,— возразил Печорин,— что никакая книга не может выучить быть счастливым. О, если б счастие была наука! дело другое!

— Разумеется,— возразила старуха,— утопающий за щепку хватается, мы не всегда были в таком положении, как теперь. Муж мой был польский дворянин, служил в русской службе, вследствие долгой тяжбы он потерял большую часть своего имения, а остатки разграблены были в последнюю войну, однако же я надеюсь, скоро все поправится. Мой сын,— продолжала она с некоторою гордостию,— имеет теперь очень хорошее место и хорошее жалованье.

После минутного молчанья она спросила:

— Вы, конечно, к моему сыну по какому-нибудь делу? Может быть, вам скучно будет дожидаться, так не угодно ли сказать мне, я ему передам.

— Мне препоручил,— отвечал Печорин,— князь Лиговской попросить вашего сына, чтобы он сделал одолжение, заехал к нему; у князя есть тяжба, которая теперь должна рассматриваться в столе у господина Красинского. Я вас попрошу передать ему адрес князя. Вы меня очень одолжите, если уговорите вашего сына к нему заехать хоть завтра вечером, я там буду.

Написав адрес, Печорин раскланялся и подошел к двери. В эту минуту дверь отворилась, и он вдруг столкнулся с человеком высокого роста; они взглянули друг на друга, глаза их встретились, и каждый сделал шаг назад. Враждебные чувства изобразились на обоих лицах, удивление сковало их уста; наконец, Печорин, чтобы выйти из этого странного положения, сказал почти шепотом:

— Милостивый государь, вспомните, что я не знал, что вы господин Красинский, иначе бы я не имел счастия встретиться с вами здесь. Ваша матушка объяснит вам причину моего посещения.

Они разошлись — не поклонившись. Печорин уехал. Эта случайная игра судьбы сильно его потревожила, потому что он в Красинском узнал того самого чиновника, которого несколько дней назад едва не задавил и с которым имел в театре историю.

Между тем Красинский, не менее пораженный этою встречей, сел против своей матери на кресла, опустил голову на руку и глубоко задумался. Когда мать передала ему препоручения Печорина, стараясь объяснить,

как выгодно было бы взяться за дело князя, и стала удивляться тому, что Печорин не объяснился сам, тогда Красинский вдруг вскочил с своего места, светлая мысль озарила лицо его, и воскликнул, ударив рукою по столу: «Да, я пойду к этому князю!» Потом он стал ходить по комнате мерными шагами, делая иногда бессвязные восклицания. Старушка, по-видимому привыкшая к таким странным выходкам, смотрела на него без удивления. Наконец, он опять сел, вздохнул и посмотрел на мать с таким видом, чтоб только начать разговор; она его угадала.

— Ну что, Станислав,— сказала она,— скоро ль тебе выйдет награждение? у нас денег осталось мало.

— Не знаю,— отвечал он отрывисто.

— Ты, верно, не сумел угодить начальнику отделения,— продолжала она,— ну что за беда, что он твоими руками жар загребает; придет и твое время; а покамест, если не будешь искать в людях, и бог тебя не взыщет.

Горькое чувство изобразилось на прекрасном лице Станислава,— он отвечал глухим голосом:

— Матушка, вы хотите, чтобы я пожертвовал для вас даже характером; пожалуй, после всех жертв, которые я принес вам,— это будет капля воды в море.

Она подняла к нему глаза, полные слез, и молчание снова воцарилось. Станислав стал перелистывать книгу и вдруг сказал, не отрывая глаз от параграфа, где безымянный сочинитель доказывал, что дружба есть ключ истинного счастия:

— Знаете ли, матушка, кто этот офицер, который был сегодня у нас?

— Не знаю, а что?

— Мой смертельный враг,— отвечал он.

Лицо старушки побледнело сколько могло побледнеть, она всплеснула руками и воскликнула:

— Боже мой, чего же он от тебя хочет?

— Вероятно, он мне не желает зла, но зато я имею сильную причину его ненавидеть. Разве, когда он сидел здесь против вас, блистая золотыми эполетами, поглаживая белый султан, разве вы не чувствовали, не догадались с первого взгляда, что я должен непременно его ненавидеть? О, поверьте, мы еще не раз с ним встретимся на дороге жизни и встретимся не так холодно, как ныне. Да, я пойду к этому князю,— какое-то тайное

предчувствие шепчет мне, чтобы я повиновался указаниям судьбы.

Напрасны были все старания испуганной матери узнать причину такой глубокой ненависти; Станислав не хотел рассказывать, как будто боялся, что причина ей покажется слишком ничтожна. Как все люди страстные и упорные, увлекаемые одной постоянной мыслию, он больше всех препятствий старался избегать убеждений рассудка, могущих отвлечь его от предположенной цели.

На другой день он оделся как можно лучше. Целое утро он прилежно, может быть в первый раз от роду, рассматривал с ног до головы департаментских франтиков, чтоб выучиться повязывать галстух и запомнить, сколько пуговиц у жилета надобно застегнуть; и пожертвовал четвертак Фаге, который бессовестно взбил его мягкие и волнистые кудри в жесткий и неуклюжий хохол; а когда пробило семь часов вечера, Красинский отправился на Морскую, полный смутных надежд и опасений!..

ГЛАВА VIII

У князя Лиговского были гости кое-кто из родных, когда Красинский взошел в лакейскую.

— Князь принимает? — спросил он, нерешительно взглядывая то на того, то на другого лакея.

— Мы не здешние,— отвечал один из них, даже не приподнявшись с барской шубы.

— Нельзя ли, любезный, вызвать швейцара?..

— Он, верно, сейчас сам выйдет,— был ответ,— а нам нельзя!

Наконец, явился швейцар.

— Князь Лиговской дома?

— Пожалуйте-с.

— Доложи, что пришел Красинский... он меня знает!

Швейцар отправился в гостиную и, подойдя к князю Степан Степанычу, сказал ему тихо:

— Господин Красинский... приехал-с — он говорит, что вы изволите его знать.

— Какой Красинский? что ты врешь? — воскликнул князь, важно прищурясь.

Печорин, прислушавшись в чем дело, поспешил на помощь сконфуженному швейцару.

— Это тот самый чиновник,— сказал он,— у которого ваше дело... я к нему нынче заезжал.

— А! очень обязан,— отвечал Степан Степ<аныч>.

Он пошел в кабинет и велел просить туда чиновника.

Мы не будем слушать их скучных толков о запутанном деле и остаемся в гостиной; две старушки, какой-то камергер и молодой человек обыкновенной наружности играли в вист; княгиня Вера и другая молодая дама сидели на канапе возле камина, слушая Печорина, который, придвинув свои кресла к камину, где сверкали остатки каменных угольев, рассказывал им одно из своих похождений во время Польской кампании. Когда Степан Степ<аныч> ушел, он занял праздное место, чтобы находиться ближе к княгине.

— Итак, вам велели отправиться со взводом... в эту деревню,— сказала молодая дама, которую Вера называла кузиною, продолжая прерванный разговор.

— И я, как разумеется, отправился, хотя ночь была темная и дождливая,— сказал Печорин,— мне велено было отобрать у пана оружие, если найдется... а его самого отправить в главную квартиру... я только что был произведен в корнеты, и это была первая моя откомандировка. К рассвету мы увидали перед собою деревню с каменным господским домом, у околицы мои гусары поймали мужика и притащили ко мне. Показания его об имени пана и о числе жителей были согласны с моею инструкцией.

— А —есть ли у вашего пана жена или дочери? — спросил я.

— Есть, пане капитане.

— А как их зовут, графиню, жену вашего Острожского?

— Графиня Рожа.

«Должно быть, красавица»,— подумал я, наморщась.

— Ну, а дочки ее такие же рожи, как их маменька?

— Нет, пане капитане, старшая называется Амалия и меньшая Эвелина.

«Это еще ничего не доказывает»,— подумал я. Графиня Рожа меня мучила, я продолжал расспросы:

— А что, сама графиня Рожа старуха?

— Ни, пане, ей всего тридцать три года.

— Какое несчастье!

Мы въехали в деревню и скоро остановились у ворот замка. Я велел людям слезть и в сопровождении унтер-офицера вошел в дом. Все было пусто. Пройдя несколько комнат, я был встречен самим графом, дрожащим и бледным как полотно. Я объявил ему мое поручение; разумеется, он уверял, что у него нет оружий, отдал мне ключи от всех своих кладовых и, между прочим, предложил завтракать. После второй рюмки хереса граф стал просить позволения представить мне свою супругу и дочерей.

— Помилуйте,— отвечал я,— что за церемония.— Я, признаться, боялся, чтобы эта Рожа не испортила моего аппетита, но граф настаивал и, по-видимому, сильно надеялся на могущественное влияние своей Рожи. Я еще отнекивался, как вдруг дверь отворилась и взошла женщина высокая, стройная, в черном платье. Вообразите себе польку и красавицу польку в ту минуту, как она хочет обворожить русского офицера. Это была сама графиня Розалия, или Роза, по-простонародному Рожа.

Эта случайная игра слов показалась очень забавна двум дамам. Они смеялись.

— Я предчувствую, вы влюбились в эту Рожу,— воскликнула, наконец, молодая дама, которую княгиня Вера называла кузиной.

— Это бы случилось,— отвечал Печорин,— если б я уже не любил другую.

— Ого! постоянство,— сказала молодая дама.— Знаете, что этой добродетелью не хвастаются?

— Во мне это не добродетель, а хроническая болезнь.

— Вы, однако же, вылечились?

— По крайней мере лечусь,— отвечал Печорин.

Княгиня на него быстро взглянула, на лице ее изобразилось что-то похожее на удивление и радость. Потом вдруг она сделалась печальна. Этот быстрый переход чувств не ускользнул от внимания Печорина, он переменил разговор, анекдот остался неоконченным и скоро был забыт среди веселой и непринужденной беседы; наконец, подали чай, и взошел князь, а за ним Красинский, князь отрекомендовал его жене и просил садиться. Взоры маленького кружка обратились на него, и молчание воцарилось. Если б князь был петербургский житель, он

бы задал ему завтрак в пятьсот рублей. Если имел в нем нужду, даже пригласил бы его к себе на бал или на шумный раут потолкаться между разного рода гостями, но ни за что в мире не ввел бы в свою гостиную запросто человека постороннего и никаким образом не принадлежащего к высшему кругу; но князь воспитывался в Москве, а Москва такая гостеприимная старушка. Княгиня из вежливости обратилась к Красинскому с некоторыми вопросами, он отвечал просто и коротко.

— Мы очень благодарны,— сказала она, наконец,— господину Печорину за то, что он доставил нам случай с вами познакомиться.

При этих словах Печорин и Красинский невольно взглянули друг на друга, и последний отвечал скоро:

— Я еще более вас должен быть благодарен господину Печорину за эту неоцененную услугу.

По губам Печорина пробежала улыбка, которая могла бы выразиться следующей фразой: «Ого, наш чиновник пускается в комплименты»; понял ли Красинский эту улыбку, или же сам испугался своей смелости,— потому что, вероятно, это был его первый комплимент, сказанный женщине, так высоко поставленной над ним обществом,— не знаю, но он покраснел и продолжал неуверенным голосом:

— Поверьте, княгиня, что я никогда не забуду приятных минут, которые позволили вы мне провесть в вашем обществе; прошу вас не сумневаться: я исполню все, что будет зависеть от меня... и к тому же ваше дело только запутано, но совершенно правое...

— Скажите,— спросила его княгиня с тем участием, которое так похоже на обыкновенную вежливость, когда не знают, что сказать незнакомому человеку,— скажите: вы, я думаю, ужасно замучены делами... я воображаю эту скуку: с утра до вечера писать и прочитывать длинные и бессвязные бумаги... это нестерпимо; поверите ли, что мой муж каждый день в продолжение года толкует и объясняет мне наше дело — а я до сих пор ничего еще не понимаю.

«Какой любезный и занимательный супруг»,— подумал Печорин.

— Да и зачем вам, княгиня! — сказал Красинский,— ваш удел — забавы, роскошь, а наш — труд и заботы; оно так и следует; если б не мы, кто бы стал трудиться.

Наконец, и этот разговор истощился: Красинский встал, раскланялся... Когда он ушел, то кузина княгини заметила, что он вовсе не так неловок, как бы можно ожидать от чиновника, и что он говорит вовсе не дурно. Княгиня прибавила: «Et savez-vous, ma chère, qu'il est très bien...»[1] Печорин при этих словах стал превозносить до невозможности его ловкость и красоту: он уверял, что никогда не видывал таких темно-голубых глаз ни у одного чиновника на свете, и уверял, что Красинский, судя по его глубоким замечаниям, непременно будет великим государственным человеком, если не останется вечно титулярным советником... «Я непременно узнаю,— прибавил он очень серьезно,— есть ли у него университетский аттестат!..»

Ему удалось рассмешить двух дам и обратить разговор на другие предметы; несмотря на то, выражение княгини глубоко врезалось в его памяти: оно показалось ему упреком, хотя случайным, но тем не менее язвительным. Он прежде сам восхищался благородной красотою лица Красинского, но когда женщина, увлекавшая все его думы и надежды, обратила особенное внимание на эту красоту... он понял, что она невольно сделала сравнение для него убийственное, и ему почти показалось, что он вторично потерял ее навеки. И с этой минуты в свою очередь возненавидел Красинского. Грустно, а надо признаться, что самая чистейшая любовь наполовину перемешана с самолюбием.

Увлекаясь сам наружной красотою и обладая умом резким и проницательным, Печорин умел смотреть на себя с беспристрастием и, как обыкновенно люди с пылким воображением, преувеличивал свои недостатки. Убедясь по собственному опыту, как трудно влюбиться в одни душевные качества, он сделался недоверчив и приучился объяснять внимание или ласки женщин — расчетом или случайностью; то, что казалось бы другому доказательством нежнейшей любви,— пренебрегал он часто, как приметы обманчивые, слова, сказанные без намерения, взгляды, улыбки, брошенные на ветер, первому, кто захочет их поймать; другой бы упал духом и уступил соперникам поле сражения... но трудность борьбы увлекает упорный характер, и Печорин дал себе честное слово остаться победителем: следуя системе

[1] А знаете ли, дорогая, он очень мил *(фр.)*.

своей и вооружась несносным наружным хладнокровием и терпением, он мог бы разрушить лукавые увертки самой искусной кокетки... Он знал аксиому, что поздно или рано слабые характеры покоряются сильным и непреклонным, следуя какому-то закону природы, доселе необъясненному; можно было наверное сказать, что он достигнет своей цели... если страсть, всемогущая страсть не разрушит, как буря, одним порывом высокие подмостки его рассудка и старание... но это *если,* это ужасное *если* почти похоже на «если» Архимеда, который обещался приподнять земной шар, если ему дадут точку упора.

Толпа разных мыслей осаждала ум Печорина, так что под конец вечера он сделался рассеян и молчалив, князь Степан Степаныч рассказывал длинную историю, почерпнутую из семейных преданий; дамы украдкою зевали.

— Отчего вы сделались так печальны? — спросила, наконец, у Печорина кузина Веры Дмитревны.

— Причину даже совестно объявить,— отвечал Печорин...

— Однако ж!..

— Зависть!

— Кому ж вы завидуете?.. например...

— Не мне ли? — сказал князь, тонко улыбаясь и не воображая важности этого вопроса; Печорину тотчас пришло в мысль, что княгиня рассказала мужу прежнюю их любовь, покаялась в ней, как в детском заблуждении; если так, то все было кончено между ними, и Печорин неприметно мог сделаться предметом насмешки для супругов или жертвою коварного заговора; я удивляюсь, как это подозрение не потревожило его прежде, но уверяю вас, что оно пришло ему в голову именно теперь; он обещал себе постараться узнать, исповедовалась ли Вера своему мужу, и между тем отвечал:

— Нет, князь; не вам, хотя бы я мог и всякий должен вам завидовать... но признаюсь, я бы желал иметь счастливый дар этого Красинского — нравиться всем с первого взгляда...

— Поверьте,— отвечала княгиня,— кто скоро нравится, об том скоро и забывают.

— Боже мой! что на свете не забывается?.. и если считать ни во что минутный успех, то где же счастие?..

Добиваешься прочной любви, прочной славы, прочного богатства... глядишь... смерть, болезнь, пожар, потоп, война, мир, соперник, перемена общего мнения — и все труды пропали!.. а забвенье? забвенье равно неумолимо к минутам и столетиям. Если б меня спросили, чего я хочу: минуту полного блаженства или годы двусмысленного счастия... я бы скорей решился сосредоточить все свои чувства и страсти на одно божественное мгновенье и потом страдать сколько угодно, чем мало-помалу растягивать их и размещать по нумерам в промежутках скуки или печали.

— Я во всем с вами согласна, кроме того, что все на свете забывается,— есть вещи, которых забыть невозможно... особенно горести,— сказала княгиня.

Ее милое лицо приняло какой-то полухолодный, полугрустный вид, и что-то похожее на слезу пробежало, блистая, вдоль по длинным ее ресницам, как капля дождя, забытая бурей на листке березы, трепеща перекатывается по его краям, покуда новый порыв ветра не умчит ее — бог знает куда.

Печорин с удивлением взглянул на нее... но увы! он не мог ничем объяснить этот странный припадок грусти! он так давно разлучен был с нею; и с тех пор он не знал ни одной подробности ее жизни... даже очень вероятно, что чувства Веры в эту минуту относились вовсе не к нему? мало ли могло быть у нее обожателей после его отъезда в армию; может быть, и ей изменил который-нибудь из них; как знать!..

Кто объяснит, кто растолкует
Очей двусмысленный язык...

Когда он встал, чтоб уезжать, княгиня его спросила, будет ли он послезавтра на бале у баронессы Р..., ее родственницы... «Мне досадно, что баронесса так убедительно нас звала,— прибавила она,— я почти вовсе не знаю здешнего круга и уверена, что мне там будет скучно...»

Печорин отвечал, что он еще не зван...

«Теперь я понимаю,— подумал он, садясь в сани,— ей хочется иметь на этом бале знакомого кавалера... Дай бог, чтоб меня не звали: там, верно, будет Лиза Негурова... Ах! боже мой, да, кажется, они с Верой давнишние знакомые... О! но если она осмелится...» Тут са-

ни его остановились, и мысли также. Взойдя к себе в кабинет, он нашел на столе пригласительный билет от баронессы.

ГЛАВА IX

Баронесса Р** была русская, но замужем за курляндским бароном, который каким-то образом сделался ужасно богат; она жила на Мильонной в самом центре высшего круга. С одиннадцатого часа вечера кареты, одна за одной, стали подъезжать к ярко освещенному ее подъезду: по обеим сторонам крыльца теснились на тротуаре прохожие, остановленные любопытством и опасностию быть раздавленными. В числе их был Красинский: прижавшись к стене, он с завистью смотрел на разных господ со звездами и крестами, которых длинные лакеи осторожно вытаскивали из кареты, на молодых людей, небрежно выскакивавших из саней на гранитные ступени, и множество мыслей теснилось в голове его. «Чем я хуже их? — думал он,— эти лица, бледные, истощенные, искривленные мелкими страстями, ужели нравятся женщинам, которые имеют право и возможность выбирать? Деньги, деньги и одни деньги, на что им красота, ум и сердце? О, я буду богат непременно, во что бы то ни стало, и тогда заставлю это общество отдать мне должную справедливость».

Бедный, невинный чиновник! он не знал, что для этого общества, кроме кучи золота, нужно имя, украшенное историческими воспоминаниями (какие бы они ни были), имя, столько уже знакомое лакейским, чтоб швейцар его не исковеркал и чтобы в случае, когда его произнесут, какая-нибудь важная дама, законодательница и судия гостиных, спросила бы — который это? — не родня ли он князю В. или графу К. Итак, Красинский стоял у подъезда, закутанный в шинель. Вот подъехала карета; из нее вышла дама: при блеске фонарей бриллианты ярко сверкали между ее локонами, за нею вылез из кареты мужчина в медвежьей шубе. Это были князь Лиговской с княгиней; Красинский поспешно высунулся из толпы зевак, снял шляпу и почтительно поклонился, как знакомым, но увы! его не заметили или не узнали, что еще вероятнее. И в самом деле, женщине, видевшей его один только раз и готовой предстать на грозный суд лучшего общества, и пожилому мужу, следующему на

бал за хорошенькою женою, право, не до толпы любопытных зевак, мерзнущих у подъезда, но Красинский приписал гордости и умышленному небрежению вещь чрезмерно простую н случайную, и с этой минуты тайная неприязнь к княгине зародилась в его подозрительном сердце. «Хорошо,— подумал он, удаляясь,— будет и на нашей улице праздник»,— жалкая поговорка мелочной ненависти.

Между тем в зале уже гремела музыка, и бал начинал оживляться; тут было все, что есть лучшего в Петербурге: два посланника, с их заморскою свитою, составленною из людей, говорящих очень хорошо по-французски (что, впрочем, вовсе не удивительно) и поэтому возбуждавших глубокое участие в наших красавицах; несколько генералов и государственных людей; одии английский лорд, путешествующий из экономии и поэтому не почитающий за нужное ни говорить, ни смотреть, зато его супруга, благородная леди, принадлежавшая к классу blue stockings[1] и некогда грозная гонительница Байрона, говорила за четверых и смотрела в четыре глаза, еслн считать стеклы двойного лорнета, в которых было не менее выразительности, чем в ее собственных глазах; тут было пять или шесть наших доморощенных дипломатов, путешествовавших на свой счет не далее Ревеля и утверждавших резко, что Россия государство совершенно европейское и что они знают ее вдоль и поперек, потому что бывали несколько раз в Царском Селе и даже в Парголове. Они гордо посматривали из-за накрахмаленных галстухов на военную молодежь, по-видимому так беспечно и необдуманно преданную удовольствию: они были уверены, что эти люди, затянутые в вышитый золотом мундир, не способны ни к чему, кроме машинальных занятий службы. Тут могли бы вы также встретить несколько молодых и розовых юношей, военных с тупеями, штатских, причесанных à la russe, скромных подобно наперсникам класснческой трагедии, недавно представленных высшему обществу каким-нибудь знатным родственником: не успев познакомиться с большею частию дам и страшась, приглашая незнакомую на кадриль или мазурку, встретить один из тех ледяных ужасных взглядов, от которых переворачивается сердце, как у больного при виде чер-

[1] «сниих чулок» *(англ.)*.

ной микстуры, они робкою толпою зрителей окружали блестящие кадрили и ели мороженое, ужасно ели мороженое. Исключительно танцующие кавалеры могли разделиться на два разряда: одни добросовестно не жалели ни ног, ни языка, танцевали без устали, садились на край стула, обратившись лицом к своей даме, улыбались и кидали значительные взгляды при каждом слове, короче — исполняли свою обязанность как нельзя лучше; другие, люди средних лет, чиновные, заслуженные ветераны общества, с важною осанкой и гордым выражением лица, скользили небрежно по паркету, как бы из милости или снисхождения к хозяйке, и говорили только с дамою своего vis-à-vis[1], когда встречались с нею, делая фигуру.

Но зато дамы... о! дамы были истинным украшением этого бала, как и всех возможных балов!.. сколько блестящих глаз и бриллиантов, сколько розовых уст и розовых лент... чудеса природы и чудеса модной лавки... волшебные маленькие ножки и чудно узкие башмаки, беломраморные плечи и лучшие французские белилы, звучные фразы, заимствованные из модного романа, бриллианты, взятые напрокат из лавки...— я не знаю, но в моих понятиях женщина на бале составляет с своим нарядом нечто целое, нераздельное, особенное; женщина на бале совсем не то, что женщина в своем кабинете; судить о душе и уме женщины, протанцевав с нею мазурку, все равно что судить о мнении и чувствах журналиста, прочитав одну его статью.

У двери, ведущей из залы в гостиную, сидели две зрелые девы, вооруженные лорнетами и разговаривающие с двумя или тремя молодыми людьми — не танцующими. Одна из них была Лизавета Николаевна. Пунцовое платье придавало ее бледным чертам немного более жизни, и вообще она была к лицу одета. В надежде на это преимущество она довольно холодно отвечала на вежливый поклон Печорина, когда тот подошел к ней. (Надобно заметить между прочим, что дама дурно одетая обыкновенно гораздо любезнее и снисходительнее,— это, впрочем, вовсе не значит, что они должны дурно одеваться.) Печорин стал возле Елизаветы Николаевны, ожидая, чтобы она начала разговор, и рассеянно смотрел на танцующих. Так прошло несколько минут, и, на-

[1] визави (напротив стоящего) *(фр.)*.

конец, она принуждена была сорвать с своих уст печать молчания.

— Отчего вы не танцуете? — спросила она его.

— Я всегда и везде следую вашему примеру.

— Разве с нынешнего дня.

— Что ж, лучше поздно, чем никогда. Не правда ли?

— Иногда бывает слишком поздно.

— Боже мой! какое трагическое выражение!

Лизавета Николавна чуть-чуть не оскорбилась, но старалась улыбнуться и отвечала:

— Я с некоторых пор перестала удивляться вашему поведению. Для других бы оно показалось очень дерзко, для меня очень натурально. О, я вас теперь очень хорошо знаю!

— А нельзя ль узнать, кто так искусно объяснил вам мой характер?

— О, это тайна,— сказала она, взглянув на него пристально и прижав к губам своей веер.

Он наклонился и с притворной нежностью шепнул ей на ухо:

— Одну тайну вашего сердца вы мне давно уже повернли, ужели другая важнее первой?

Она покраснела при всей своей неспособности краснеть, но не от стыда, не от воспоминания, не от досады, невольное удовольствие, тайная надежда завлечь снова непостоянного поклонника, выйти замуж или хотя отомстить со временем по-своему, по-женски, промелькнули в ее душе. Женщины никогда не отказываются от таких надежд, когда представляется какая-нибудь возможность достигнуть цели, и от таких удовольствий, когда цель достигнута.

Приняв тотчас серьозный, печальный вид, она отвечала с расстановкою:

— Вы мне напоминаете вещи, об которых я хочу забыть.

— Но еще не забыли? — сказал он с нежностию.

— О, не продолжайте, я ничему не поверю более, вы мне дали такой урок...

— Я?

В этом *я* было больше удивления, чем в пяти восклицательных знаках, поставленных рядом. Потом Печорин задумался.

— Да,— сказал он,— теперь я начинаю понимать: кто-нибудь меня оклеветал перед вами, у меня столько врагов и особенно друзей, теперь понимаю, отчего намедни, когда я заезжал к вам, это было поутру, и я знаю, что у вас были гости, но меня не приняли, о, конечно, я сам не буду искать вторично такого оскорбления.

— Но вы не знаете, что этому причиною,— сказала поспешно Елизавета Николавна,— я получила письмо от неизвестного, в котором...

— В котором меня хвалят и толкуют мои поступки в самую лучшую сторону,— отвечал, горько улыбаясь, Печорин.— О, я догадываюсь, кто мне оказал эту услугу, однако ж прошу вас, верьте, верьте всему, что там написано, как вы верили до сей минуты.

Он засмеялся и хотел отойти прочь.

— Но если я не верю? — воскликнула, испугавшись, Елизавета Николавна.

— Напрасно, всегда выгоднее верить дурному, чем хорошему... один против двадцати, что...— Он не кончил фразы, глаза его устремились на другую дверь залы, где произошло небольшое движение; глаза Елизаветы Николавны боязливо обратились в ту же сторону.

Сквозь толпу приближалась к гостиной княгиня Лиговская и за нею князь Степан Степ<аныч>.

Она была одета со вкусом, только строгие законодатели моды могли бы заметить с важностью, что на ней было слишком много бриллиантов. Она медленно подвигалась сквозь толпу, небрежно раздавшуюся перед нею. Ни одно приветствие не удерживало ее на пути, и сто любопытных глаз, озиравших с головы до ног незнакомую красавицу, вызвали краску на нежные щеки ее, глаза покрылись какою-то электрической влагой, грудь неровно подымалась, и можно было догадаться по выраженью лица, что настала минута для нее мучительная. Она была похожа на неизвестного оратора, всходящего в первый раз по ступеням кафедры... от этого бала зависел успех ее в модном свете... некстати пришитый бант, не на месте приколотый цветок мог навсегда разрушить ее будущность... И в самом деле, может ли женщина надеяться на успех, может ли она нравиться нашим франтам, если с первого взгляда скажут:

elle a l'air bourgeois...[1] — это выражение, так некстати вкравшееся в наше чисто дворянское общество, имеет, однако же, ужасную власть над умами и отнимает все права у красоты и любезности.

Вкус, батюшка, отменная манера.

Когда княгиня поровнялась с Печориным, то едва отвечала легким наклонением головы и мимолетной улыбкой на его поклон; глаза ее беспокойно бегали кругом, стараясь открыть хоть еще одно знакомое лицо... и упали на Лизавету Николавну... узнав друг друга, соперницы очень ласково обменялись приветствиями... Потом кто-то еще высунулся из толпы мужчин и с радостным видом стал спрашивать княгиню Веру, когда она из Москвы... и прочее. Она постепенно делалась приветливей, так что можно почти держать пари, что если б она встретила здесь девяносто девять знакомых, то девяносто девятый остался бы в счастливом убеждении, что одним взглядом победил ее сердце.

Только что княгиня и князь прошли в гостиную, Лизавета Николавна тотчас обратилась к Печорину, чтоб возобновить прерванный разговор,— но он был так бледен, так неподвижен, что ей стало страшно.

— Появление этой дамы,— сказала она, наконец, ему,— сделало на вас очень странное впечатление!.. вы давно ее знаете?

— С детства! — отвечал Печорин.

— Я также ее когда-то знала... за кем она замужем?

Печорин сказал.

— Как! неужели этот господин, который за нею шел так смиренно, ее муж?.. Если б я их встретила на улице, то приняла бы его за лакея. Я думаю, она делает из него все что хочет.

— По крайней мере все, что можно из него сделать!..

— Однако она счастлива...

— Разве вы не заметили, сколько на ней бриллиантов?

— Богатство не есть счастие!..

— Все-таки оно ближе к нему, нежели бедность: нет ничего безвкуснее, как быть довольну своей судьбою в скромной хижине... за чашкою гречневой каши.

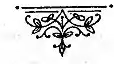
---

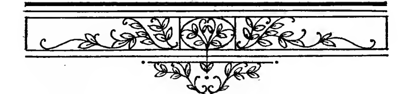
[1] у нее вид мещанки (*фр.*).

— Кто ж вам говорит о бедности? везде надо уметь выбирать середину...

— Я вам желаю мужа, который бы так думал.

Он отошел. Кадрили кончались — музыка замолкла: в широкой зале раздавался смешанный говор тонких и толстых голосов, шарканье сапогов и башмачков; составились группы. Дамы пошли в другие комнаты подышать свежим воздухом, пересказать друг другу свои замечания, немногие кавалеры за ними последовали, не замечая, что они лишние и что от них стараются отделаться; княгиния пришла в залу и села возле Негуровой. Они возобновили старое знакомство, и между ними завязался незначительный разговор.





<«Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ВАМ»>

Я хочу рассказать вам историю женщины, которую вы все видали и которую никто из вас не знал. Вы ее встречали ежедневно на бале, в театре, на гулянье, у нее в кабинете. Теперь она уже сошла со сцены большого света; ей тридцать лет, и она схоронила себя в деревне; но когда ей было только двадцать, весь Петербург шумно занимался ею в продолжение целой зимы. Об этом совершенно забыли, и слава богу! потому что иначе я бы не мог печатать своей повести. В обществе про нее было в то время много разногласных толков. Старушки говорили об ней, что она прехитрая и прелукавая, приятельницы — что она преглупенькая, соперницы — что она предобрая, молодые женщины — что она кокетка, а раздушенные старики значительно улыбались при ее имени и ничего не говорили. Еще прибавлю странность. Иные жалели, что такой правильной и свежей красоте недостает физиономии, тогда как другие утверждали, что хотя она вовсе не хороша, но неизъяснимая прелесть выраженья в ее лице заменяет все прочие недостатки. Притом муж ее, пятидесятилетний мужчина, имел графский титул и сомнительно-огромное состоянье. Всего этого, кажется, довольно, чтобы доставить молодой женщине ту соблазнительную, мимолетную славу, за которой они все так жадно гоняются и за которую некоторые из них так дорого платят.

Подробности моего рассказа покажутся не очень нравственными, но ручаюсь вам, что в нем будет заключаться глубокий, нравственный смысл, который не ускользнет ни от кого, разве от восемнадцатилетних барышень — да им моей книги не дадут; а если она им и попадется случайно, то умоляю их, после этих строк закрыть ее и не класть на ночь под подушку, потому

что от этого находят дурные сны. Молодые же дамы, прочитав эти правдивые страницы, верно отдадут справедливость моим описаниям и замечаниям, вспомнив нечто подобное в своей жизни; но они, конечно, этого никому не скажут, тогда как многие молодые франты станут уверять, что такие приключения были с ними на днях, тогда как с большею частию из них ничего такого случиться даже не может. Все почти жалуются у нас на однообразие светской жизни, а забывают, что надо бегать за приключениями, чтоб они встретились; а для того, чтобы за ними гоняться, надо быть взволнованну сильной страстью или иметь один из тех беспокойно-любопытных характеров, которые готовы сто раз пожертвовать жизнию, только бы достать ключ самой незамысловатой, по-видимому, загадки; но на дне одной есть уж, верно, другая, потому что все для нас в мире тайна, и тот, кто думает отгадать чужое сердце или знать все подробности жизни своего лучшего друга, горько ошибается. Во всяком сердце, во всякой жизни пробежало чувство, промелькнуло событие, которых никто никому не откроет, а они-то самые важные и есть, они-то обыкновенно дают тайное направление чувствам и поступкам.

В нашем равнодушном веке любопытных и страстных людей немного; но около десяти лет тому назад случился один такой чудак в Петербурге, и судьба, как нарочно, поставила его перед непонятной женщиной, которой историю я хочу вам рассказать.

Александру Сергеевичу Арбенину было тридцать лет — возраст силы и зрелости для мужчины, если только молодость его прошла не слишком бурливо и не слишком спокойно. Известно, что в природе противоположные причины часто производят одинакие действия: лошадь равно падает на ноги от застоя и от излишней езды.

Вот какова была молодость Арбенина!

Начнем сначала.

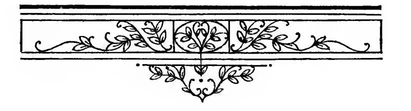
Он родился в Москве. Скоро после появления его на этот свет его мать разъехалась с его отцом по неизвестным причинам. Сообразив все городские толки, можно было сделать только одно верное заключение, а именно, что Сергей Васильевич разъехался с своей супругой.

Саша остался на руках отца. Когда ему минуло год, его посадили с кормилицей и няней в карету и отвезли

в симбирскую деревню. Сергей Васильевич вскоре сам туда приехал и поселился на житье. Деревня эта находилась на берегу Волги. От барского дома по скату горы до самой реки расстилался фруктовый сад. С балкона видны были дымящиеся села луговой стороны, синеющие степи и желтые нивы. Весной, во время разлива, река превращалась в море, усеянное лесистыми островами; по ней мелькали белые паруса барок, и вечером раздавались песни бурлаков. Барский дом был похож на все барские дома: деревянный, с мезонином, выкрашенный желтой краской, а двор обстроен был одноэтажными длинными флигелями, сараями, конюшнями и обведен валом, на котором качались и сохли жидкие ветлы; среди двора красовались качели; по воскресеньям дворня толпилась вокруг их, и порой две горничные садились на полусгнившую доску, висящую меж двух сомнительных веревок, и двое из самых любезных лакеев, взявшись каждый за конец толстого каната, взбрасывали скромную чету под облака; мальчишки били в ладоши, когда пугливые девы начинали визжать,— и всем было очень весело. Надо заметить, что качели среди барского двора — признак отеческого правления, а между тем вот как хорошо судят о нас иностранцы: в путевых записках одного француза я недавно читал, что у нас против господского дома обыкновенно торчит виселица. Француз замечал остроумно, что это, должно быть, злоупотребление, ибо смертная казнь в России уничтожена. Бедные качели!..

Мужики Арбенина большею частью занимались рыбной ловлей. Во время бури жены и дочери рыбаков выбегали с плачем на берег; в жаркие летние дни толпы крестьянских девок купались в студеных струях Волги; их русые косы мелькали над пенистой влагой; их громкий смех раздавался далеко. Зимой горничные девушки приходили шить и вязать в детскую, во-первых, потому что няне Саши было поручено женское хозяйство, а во-вторых, чтоб потешать маленького барчонка. Саше было с ними очень весело. Они его ласкали и целовали наперерыв, рассказывали ему сказки про волжских разбойников, и его воображение наполнялось чудесами дикой храбрости, и картинами мрачными, и понятиями противуобщественными. Он разлюбил игрушки и начал мечтать. Шести лет уже он заглядывался на закат, усеянный румяными облаками, и непонятно-сладостное

чувство уж волновало его душу, когда полный месяц светил в окно на его детскую кроватку. Ему хотелось, чтоб кто-нибудь его приласкал, поцеловал, приголубил, но у старой няньки руки были такие жесткие! Отец им вовсе не занимался, хозяйничал и ездил на охоту. Саша был преизбалованный, пресвоевольный ребенок. Он семи лет умел уже прикрикнуть на непослушного лакея. Приняв гордый вид, он умел с презреньем улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тем природная всем склонность к разрушению развивалась в нем необыкновенно. В саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие цветы, усыпая ими дорожки. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радовался, когда брошенный им камень сбивал с ног бедную курицу. Бог знает какое направление принял бы его характер, если б не пришла на помощь корь, болезнь, опасная в его возрасте. Его спасли от смерти, но тяжелый недуг оставил его в совершенном расслаблении: он не мог ходить, не мог приподнять ложки. Целые три года оставался он в самом жалком положении; и если б он не получил от природы железного телосложения, то, верно бы, отправился на тот свет. Болезнь эта имела важные следствия и странное влияние на ум и характер Саши: он выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, он начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой. Недаром учат детей, что с огнем играть не должно. Но увы! никто и не подозревал в Саше этого скрытого огня, а между тем он обхватил все существо бедного ребенка. В продолжение мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он уже привыкал побеждать страданья тела, увлекаясь грезами души. Он воображал себя волжским разбойником, среди синих и студеных волн, в тени дремучих лесов, в шуме битв, в ночных наездах, при звуке песен, под свистом волжской бури. Вероятно, что раннее развитие умственных способностей немало помешало его выздоровлению.



АШИК-КЕРИБ

Турецкая сказка

Давно тому назад, в городе Тифлизе, жил один богатый турок; много аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери; хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиза. Был также в Тифлизе бедный Ашик-Кериб; пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца и дара песен; играя на саазе (балалайка турецкая) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых; на одной свадьбе он увидал Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить ее руку — и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником, и, наконец, заснул; в это время шла мимо Магуль-Мегери с своими подругами; и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечник), отстала и подошла к нему: «Что ты спишь под виноградником,— запела она,— вставай, безумный, твоя газель идет мимо»; он проснулся — девушка порхнула прочь, как птичка; Магуль-Мегери слышала ее песню и стала ее бранить. «Если б ты знала,— отвечала та,— кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб».— «Веди меня к нему»,— сказала Магуль-Мегери; и они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать. «Как мне не грустить,— отвечал Ашик-Кериб,— я тебя люблю,— и ты никогда не будешь моею».— «Проси мою руку у отца моего,— гово-

рила она,— и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоем достанет».— «Хорошо,— отвечал он,— положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан; нет, милая Магуль-Мегери, я положил зарок на свою душу: обещаюсь семь лет странствовать по свету и нажить себе богатство либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь моею». Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она сделается женою Куршуд-бека, который давно уж за нее сватается.

Пришел Ашик-Кериб к своей матери, взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, оперся на посох страннический и вышел из города Тифлиза. И вот догоняет его всадник,— он смотрит — это Куршуд-бек. «Добрый путь,— кричал ему бек,— куда бы ты ни шел, странник, я твой товарищ»; не рад был Ашик своему товарищу, но нечего делать; долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни броду. «Плыви вперед,— сказал Куршуд-бек,— я за тобою последую». Ашик сбросил верхнее платье и поплыл; переправившись, глядь назад — о горе! о всемогущий аллах! Куршуд-бек, взяв его одежды, ускакал обратно в Тифлиз, только пыль вилась за ним змеею по гладкому полю. Прискакав в Тифлиз, несет бек платье Ашик-Кериба к его старой матери. «Твой сын утонул в глубокой реке,— говорит он,— вот его одежда». В невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сына и стала обливать их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к нареченной невестке своей, Магуль-Мегери. «Мой сын утонул,— сказала она ей,— Куршуд-бек привез его одежды; ты свободна». Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: «Не верь, это все выдумки Куршуд-бека; прежде истечения семи лет никто не будет моим мужем»,— она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба.

Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню; добрые люди одели его и накормили; он за то пел им чудные песни; таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город; и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он, наконец, в Халаф; по

обыкновению, взошел в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песельников; многих к нему приводили — ни один ему не понравился; его чауши измучились, бегая по городу; вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос; они туда. «Иди с нами к великому паше,— закричали они,— или ты отвечаешь нам головою».— «Я человек вольный, странник из города Тифлиза,— говорит Ашик-Кериб,— хочу пойду, хочу нет; пою когда придется, и ваш паша мне не начальник». Однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше. «Пой»,— сказал паша, и он запел. И в этой песне он славил свою дорогую Магуль-Мегери; и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба. Посыпалось к нему серебро и золото, заблистали на нем богатые одежды; счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат; забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, только срок истекал, последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться; в это время отправляется один купец с керваном из Тифлиза с сорока верблюдами и восемьюдесятью невольниками; призывает она купца к себе и дает ему золотое блюдо. «Возьми ты это блюдо,— говорит она,— и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и вдобавок вес его золотом». Отправился купец, везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф. Объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай — и видит золотое блюдо в лавке тифлизского купца. «Это мое»,— сказал он, схватив его рукою. «Точно твое,— сказал купец,— я узнал тебя, Ашик-Кериб; ступай же скорее в Тифлиз, твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выйдет за другого». В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только три дни до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собою суму с золотыми монетами и поскакал, не жалея коня; наконец, измученный бегун упал бездыханный на Арзинган-горе,

что между Арзиньяном и Арзерумом. Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиза два месяца езды, а оставалось только два дни. «Аллах всемогущий,— воскликнул он,— если ты уж мне не помогаешь, то мне нечего на земле делать»,— и хочет он броситься с высокого утеса; вдруг видит внизу человека на белом коне и слышит громкий голос: «Оглан, что ты хочешь делать?» — «Хочу умереть»,— отвечал Ашик. «Слезай же сюда, если так, я тебя убью». Ашик спустился кое-как с утеса. «Ступай за мною»,— сказал грозно всадник. «Как я могу за тобою следовать,— отвечал Ашик,— твой конь летит, как ветер, а я отягощен сумою».— «Правда; повесь же суму свою на седло мое и следуй». Отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать. «Что ж ты отстаешь?» — спросил всадник. «Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен».— «Правда, садись же сзади на коня моего и говори всю правду, куда тебе нужно ехать».— «Хоть бы в Арзерум поспеть нонче»,— отвечал Ашик. «Закрой же глаза»; он закрыл. «Теперь открой». Смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзрума. «Виноват, Ага,— сказал Ашик,— я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Карс».— «То-то же,— отвечал всадник,— я предупредил тебя, чтобы ты говорил мне сущую правду; закрой же опять глаза,— теперь открой». Ашик себе не верит — то, что это Карс. Он упал на колени и сказал: «Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб, но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня; мне по настоящему надо в Тифлиз».— «Экой ты, неверный,— сказал сердито всадник,— но, нечего делать, прощаю тебе: закрой же глаза. Теперь открой»,— прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиза. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: «Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлиз, мне никто не поверит; дай мне какое-нибудь доказательство».— «Наклонись,— сказал тот, улыбнувшись,— и возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху; и тогда если не станут верить истине слов твоих, то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза — и она

увидит». Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову, всадник и конь исчезли; тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилиаз (св. Георгий).

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой; стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: «Ана, ана (мать), отвори: я божий гость, я холоден и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына, впусти меня». Слабый голос старухи отвечал ему: «Для ночлега путников есть дома богатых и сильных, есть теперь в городе свадьбы — ступай туда; там можешь провести ночь в удовольствии».— «Ана,— отвечал он,— я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сына впусти меня». Тогда сестра его говорит матери: «Мать, я встану и отворю ему двери».— «Негодная,— отвечала старуха,— ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слез потеряла зрение». Но дочь, не внимая ее упрекам, встала, отперла двери и впустила Ашик-Кериба: сказав обычиое приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться: и видит он — на стене висит в пыльном чехле его сладкозвучный сааз. И стал он спрашивать у матери: «Что висит у тебя на стене?» — «Любопытный ты гость,— отвечала она,— будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом».— «Я уж сказал тебе,— возразил он,— что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене?» — «Это сааз, сааз»,— отвечала старуха сердито, не веря ему. «А что значит сааз?» — «Сааз то значит, что на ней играют и поют песни». И просит Ашик-Кериб, чтоб она позволила сестре снять сааз и показать ему. «Нельзя,— отвечала старуха,— это сааз моего несчастного сына, вот уже семь лет он висит на стене и ничья живая рука до него не дотрогивалась». Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему; тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: «О! всемогущий аллах! если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней». И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: «Я бедный Кериб (нищий) — и слова мои бедны; но великий Хадерилияз помог мне спуститься с крутого утеса, хотя я беден и бедны слова

мои. Узнай меня, мать, своего странника». После этого мать его зарыдала и спрашивает его: «Как тебя зовут?» — *«Рашид»* (храбрый),— отвечал он. «Раз говори, другой раз слушай, Рашид,— сказала она,— своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, а вот уж семь лет я ослепла от слез; скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придет?» — И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила, и спустя несколько времени просит он: «Позволь мне, матушка, взять сааз и идти, я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и все, что получу, принесу сюда и разделю с вами»,— «Не позволю,— отвечала старуха,— с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходил из дому». Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны,— «а если хоть одна струна порвется,— продолжал Ашик,— то отвечаю моим имуществом». Старуха ощупала его сумы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его; проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чапрой (занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил: «Селям алейкюм: вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню».— «Почему же нет,— сказал Куршуд-бек.— Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба: спой же что-нибудь, Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота».

Тогда Куршуд-бек спросил его: «А как тебя зовут, путник?» — «Шинды Гёрурсез (скоро узнаете)».— Что это за имя,— воскликнул тот со смехом.— Я первый раз такое слышу!» — «Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь бог ей дал: им отвечали — шинды-гёрурсез (скоро узнаете). И вот поэто-

му, когда я родился, мне дали это имя».— После этого он взял сааз и начал петь:

«В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в день».

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: «Ты лжешь; как можно из Халафа приехать сюда в день?»

«За что ж ты меня хочешь убить,— сказал Ашик,— певцов обыкновенно со всех четырех сторон собирают в одно место; и я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте».

«Пускай продолжает»,— сказал жених, и Ашик-Кериб запел снова:

«Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня, он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору: Маулям (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери».

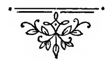
Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую. «Так-то ты сдержала свою клятву,— сказали ее подруги,— стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека».— «Вы не узнали, а я узнала милый мне голос»,— отвечала Магуль-Мегери; и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула, бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, примолвив: «Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует».

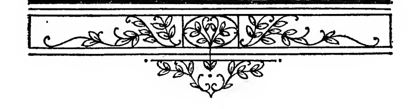
Придя в чувства, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чапру.

«Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб,— сказал жених,— но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое великое пространство?» — «В доказательство истины,— отвечал Ашик,— сабля моя перерубит камень, если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоска; но лучше всего приведите мне слепую, которая бы семь лет уж не видала свету божьего, и я возвращу ей зрение». Сестра Ашик-Кериба, стояв-

шая у двери и услышав такую речь, побежала к матери. «Матушка! — закричала она,— это точно брат и точно твой сын Ашик-Кериб»,— и, взяв ее под руку, привела старуху на пир свадебный. Тогда Ашик взял комок земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, примолвя: «Знайте все люди, как могущ и велик Хадрилиаз»,— и мать его прозрела. После этого никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему: «Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу: сестра моя не хуже твоей прежней невесты, я богат: у ней будет не менее серебра и золота; итак, возьми ее за себя — и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери».





ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана. Она еще не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более острое, почти невидимое и тем не менее смертельное, которое, под одеждою лести, наносит неотразимый и верный удар. Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной, нежнейшей дружбы.

Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уж сотворена, что все в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрека в покушении на оскорбление личности!

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж бог знает!

ЧАСТЬ I

I
БЭЛА

Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них, к счастию для вас, потеряна, а чемодан с остальными вещами, к счастию для меня, остался цел.

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину. Осетин-извозчик неутомимо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы,

исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею.

Подъехав к подошве Койшаурской горы, мы остановились возле духана. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; поблизости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был нанять быков, чтоб втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица,— а эта гора имеет около двух верст длины.

Нечего делать, я нанял шесть быков и нескольких осетин. Один из них взвалил себе на плечи мой чемодан, другие стали помогать быкам почти одним криком.

За моею тележкою четверка быков тащила другую, как ни в чем не бывало, несмотря на то, что она была доверху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шел ее хозяин, покуривая из маленькой кабардинской трубочки, обделанной в серебро. На нем был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду. Я подошел к нему и поклонился; он молча отвечал мне на поклон и пустил огромный клуб дыма.

— Мы с вами попутчики, кажется?

Он молча опять поклонился.

— Вы, верно, едете в Ставрополь?

— Так-с точно... с казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащат шутя, а мою, пустую, шесть скотов едва подвигают с помощью этих осетин?

Он лукаво улыбнулся и значительно взглянул на меня.

— Вы, верно, недавно на Кавказе?

— С год,— отвечал я.

Он улыбнулся вторично.

— А что ж?

— Да так-с! Ужасные бестии эти азиаты! Вы думаете, они помогают, что кричат? А черт их разберет, что они кричат? Быки-то их понимают; запрягите хоть двадцать, так коли они крикнут по-своему, быки всё ни

с места... Ужасные плуты! А что с них возьмешь?.. Любят деньги драть с проезжающих... Избаловали мошенников! Увидите, они еще с вас возьмут на водку. Уж я их знаю, меня не проведут!

— А вы давно здесь служите?

— Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче [1],— отвечал он, приосанившись.— Когда он приехал на Линию, я был подпоручиком,— прибавил он,— и при нем получил два чина за дела против горцев.

— А теперь вы?..

— Теперь считаюсь в третьем линейном батальоне. А вы, смею спросить?..

Я сказал ему.

Разговор этим кончился, и мы продолжали молча идти друг подле друга. На вершине горы нашли мы снег. Солнце закатилось, и ночь последовала за днем без промежутка, как это обыкновенно бывает на юге; но благодаря отливу снегов мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла в гору, хотя уже не так круто. Я велел положить чемодан свой в тележку, заменить быков лошадьми и в последний раз оглянулся вниз на долину; но густой туман, нахлынувший волнами из ущелий, покрывал ее совершенно, и ни единый звук не долетал уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабс-капитан так грозно на них прикрикнул, что они вмиг разбежались.

— Ведь этакой народ! — сказал он,— и хлеба порусски назвать не умеет, а выучил: «Офицер, дай на водку!» Уж татары по мне лучше: те хоть непьющие...

До станции оставалось еще с версту. Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его полетом. Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, еще сохранявшем последний отблеск зари. На темном небе начинали мелькать звезды, и странно, мне показалось, что они гораздо выше, чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни; кой-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна

[1] Ермолове. *(Прим. М. Ю. Лермонтова.)*

природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякивание русского колокольчика.

— Завтра будет славная погода! — сказал я.

Штабс-капитан не отвечал ни слова и указал мне пальцем на высокую гору, поднимавшуюся прямо против нас.

— Что ж это? — спросил я.

— Гуд-гора.

— Ну так что ж?

— Посмотрите, как курится.

И в самом деле, Гуд-гора курилась; по бокам ее ползали легкие струйки облаков, а на вершине лежала черная туча, такая черная, что на темном небе она казалась пятном.

Уж мы различали почтовую станцию, кровли окружающих ее саклей, и перед нами мелькали приветные огоньки, когда пахну́л сырой, холодный ветер, ущелье загудело и пошел мелкий дождь. Едва успел я накинуть бурку, как повалил снег. Я с благоговением посмотрел на штабс-капитана...

— Нам придется здесь ночевать,— сказал он с досадою,— в такую метель через горы не переедешь. Что? были ль обвалы на Крестовой? — спросил он извозчика.

— Не было, господин,— отвечал осетин-извозчик,— а висит много, много.

За неимением комнаты для проезжающих на станции, нам отвели ночлег в дымной сакле. Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чая, ибо со мной был чугунный чайник — единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу.

Сакля была прилеплена одним боком к скале; три скользкие, мокрые ступени вели к ее двери. Ощупью вошел я и наткнулся на корову (хлев у этих людей заменяет лакейскую). Я не знал, куда деваться: тут блеют овцы, там ворчит собака. К счастью, в стороне блеснул тусклый свет и помог мне найти другое отверстие наподобие двери. Тут открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. Посередине трещал огонек, разложенный на земле, и дым, выталкиваемый обратно ветром из отверстия в крыше, расстилался вокруг такой густой пеленою, что я долго не мог осмотреться; у огня сидели две старухи, множество детей и один худощавый грузин, все в лохмотьях. Нечего

было делать, мы приютились у огня, закурили трубки, и скоро чайник зашипел приветливо.

— Жалкие люди! — сказал я штабс-капитану, указывая на наших грязных хозяев, которые молча на нас смотрели в каком-то остолбенении.

— Преглупый народ! — отвечал он.— Поверите ли? ничего не умеют, не способны ни к какому образованию! Уж по крайней мере наши кабардинцы или чеченцы хотя разбойники, голыши, зато отчаянные башки, а у этих и к оружию никакой охоты нет: порядочного кинжала ни на одном не увидишь. Уж подлинно осетины!

— А вы долго были в Чечне?

— Да, я лет десять стоял там в крепости с ротою, у Каменного Брода,— знаете?

— Слыхал.

— Вот, батюшка, надоели нам эти головорезы; нынче, слава богу, смирнее; а бывало, на сто шагов отойдешь за вал, уж где-нибудь косматый дьявол сидит и караулит: чуть зазевался, того и гляди — либо аркан на шее, либо пуля в затылке. А молодцы!..

— А, чай, много с вами бывало приключений? — сказал я, подстрекаемый любопытством.

— Как не бывать! бывало...

Тут он начал щипать левый ус, повесил голову и призадумался. Мне страх хотелось вытянуть из него какую-нибудь историйку — желание, свойственное всем путешествующим и записывающим людям. Между тем чай поспел; я вытащил из чемодана два походные стаканчика, налил и поставил один перед ним. Он отхлебнул и сказал как будто про себя: «Да, бывало!» Это восклицание подало мне большие надежды. Я знаю, старые кавказцы любят поговорить, порассказать; им так редко это удается: другой лет пять стоит где-нибудь в захолустье с ротой, и целые пять лет ему никто не скажет «здравствуйте» (потому что фельдфебель говорит «здравия желаю»). А поболтать было бы о чем: кругом народ дикий, любопытный; каждый день опасность, случаи бывают чудные, и тут поневоле пожалеешь о том, что у нас так мало записывают.

— Не хотите ли подбавить рому? — сказал я моему собеседнику,— у меня есть белый из Тифлиса; теперь холодно.

— Нет-с, благодарствуйте, не пью.

— Что так?

— Да так. Я дал себе заклятье. Когда я был еще подпоручиком, раз, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сделалась тревога; вот мы и вышли перед фрунт нàвеселе, да уж и досталось нам, как Алексей Петрович узнал: не дай господи, как он рассердился! чуть-чуть не отдал под суд. Оно и точно: другой раз целый год живешь, никого не видишь, да как тут еще водка — пропадший человек!

Услышав это, я почти потерял надежду.

— Да вот хоть черкесы,— продолжал он,— как напьются бузы на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка. Я раз насилу ноги унес, а еще у мирнòва князя был в гостях.

— Как же это случилось?

— Вот (он набил трубку, затянулся и начал рассказывать), вот изволите видеть, я тогда стоял в крепости за Тереком с ротой — этому скоро пять лет. Раз, осенью, пришел транспорт с провиантом; в транспорте был офицер, молодой человек лет двадцати пяти. Он явился ко мне в полной форме и объявил, что ему велено остаться у меня в крепости. Он был такой тоненький, беленький, на нем мундир был такой новенький, что я тотчас догадался, что он на Кавказе у нас недавно. «Вы, верно,— спросил я его,— переведены сюда из России?» — «Точно так, господин штабс-капитан»,— отвечал он. Я взял его за руку и сказал: «Очень рад, очень рад. Вам будет немножко скучно... ну, да мы с вами будем жить по-приятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максим Максимыч, и, пожалуйста,— к чему эта полная форма? приходите ко мне всегда в фуражке». Ему отвели квартиру, и он поселился в крепости.

— А как его звали? — спросил я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорьем Александровичем *Печориным*. Славный был малый, смею вас уверить; только немножко странен. Ведь, например, в дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут, устанут — а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнёт, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана один на один; бывало, по целым часам слова не добьешься, зато уж иногда как начнет рассказывать, так животики надорвешь со смеха... Да-с, с большими был

странностями, и, должно быть, богатый человек: сколько у него было разных дорогих вещиц!..

— А долго он с вами жил? — спросил я опять.

— Да с год. Ну да уж зато памятен мне этот год; наделал он мне хлопот, не тем будь помянут! Ведь есть, право, этакие люди, у которых на роду написано, что с ними должны случаться разные необыкновенные вещи!

— Необыкновенные? — воскликнул я с видом любопытства, подливая ему чая.

— А вот я вам расскажу. Верст шесть от крепости жил один мирно́й князь. Сынишка его, мальчик лет пятнадцати, повадился к нам ездить: всякий день, бывало, то за тем, то за другим. И уж точно, избаловали мы его с Григорьем Александровичем. А уж какой был головорез, проворный на что хочешь: шапку ли поднять на всем скаку, из ружья ли стрелять. Одно было в нем нехорошо: ужасно падок был на деньги. Раз, для смеха, Григорий Александрович обещался ему дать червонец, коли он ему украдет лучшего козла из отцовского стада; и что ж вы думаете? на другую же ночь притащил его за рога. А бывало, мы его вздумаем дразнить, так глаза кровью и нальются, и сейчас за кинжал. «Эй, Азамат, не сносить тебе головы,— говорил я ему,— яман[1] будет твоя башка!»

Раз приезжает сам старый князь звать нас на свадьбу: он отдавал старшую дочь замуж, а мы были с ним кунаки: так нельзя же, знаете, отказаться, хоть он и татарин. Отправились. В ауле множество собак встретило нас громким лаем. Женщины, увидя нас, прятались; те, которых мы могли рассмотреть в лицо, были далеко не красавицы. «Я имел гораздо лучшее мнение о черкешенках»,— сказал мне Григорий Александрович. «Погодите!» — отвечал я, усмехаясь. У меня было свое на уме.

У князя в сакле собралось уже множество народа. У азиатов, знаете, обычай всех встречных и поперечных приглашать на свадьбу. Нас приняли со всеми почестями и повели в кунацкую. Я, однако ж, не позабыл подметить, где поставили наших лошадей, знаете, для непредвидимого случая.

— Как же у них празднуют свадьбу? — спросил я штабс-капитана.

— Да обыкновенно. Сначала мулла прочитает им

[1] плохо *(тюрк.)*.

что-то из Корана; потом дарят молодых и всех их родственников; едят, пьют бузу; потом начинается джигитовка, и всегда один какой-нибудь оборвыш, засаленный, на скверной, хромой лошаденке, ломается, паясничает, смешит честную компанию; потом, когда смеркнется, в кунацкой начинается, по-нашему сказать, бал. Бедный старичишка бренчит на трехструнной... забыл, как по-ихнему... ну, да вроде нашей балалайки. Девки и молодые ребята становятся в две шеренги, одна против другой, хлопают в ладоши и поют. Вот выходит одна девка и один мужчина на середину и начинают говорить друг другу стихи нараспев, что попало, а остальные подхватывают хором. Мы с Печориным сидели на почетном месте, и вот к нему подошла меньшая дочь хозяина, девушка лет шестнадцати, и пропела ему... как бы сказать?.. вроде комплимента.

— А что ж такое она пропела, не помните ли?

— Да, кажется, вот так: «Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройнее их, и галуны на нем золотые. Он как тополь между ними; только не расти, не цвести ему в нашем саду». Печорин встал, поклонился ей, приложил руку ко лбу и сердцу и просил меня отвечать ей, я хорошо знаю по-ихнему и перевел его ответ.

Когда она от нас отошла, тогда я шепнул Григорью Александровичу: «Ну что, какова?» — «Прелесть! — отвечал он.— А как ее зовут?» — «Ее зовут Бэлою»,— отвечал я.

И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали к вам в душу. Печорин в задумчивости не сводил с нее глаз, и она частенько исподлобья на него посматривала. Только не один Печорин любовался хорошенькой княжной: из угла комнаты на нее смотрели другие два глаза, неподвижные, огненные. Я стал вглядываться и узнал моего старого знакомца Казбича. Он, знаете, был не то, чтоб мирнóй, не то, чтоб немирнóй. Подозрений на него было много, хоть он ни в какой шалости не был замечен. Бывало, он проводил к нам в крепость баранов и продавал дешево, только никогда не торговался: что запросит, давай,— хоть зарежь, не уступит. Говорили про него, что он любит таскаться за Кубань с абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья:

маленький, сухой, широкоплечий... А уж ловок-то, ловок-то был, как бес! Бешмет всегда изорванный, в заплатках, а оружие в серебре. А лошадь его славилась в целой Кабарде,— и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаром ему завидовали все наездники и не раз пытались ее украсть, только не удавалось. Как теперь гляжу на эту лошадь: вороная как смоль, ноги — струнки, и глаза не хуже, чем у Бэлы; а какая сила! скачи хоть на пятьдесят верст; а уж выезжена — как собака бегает за хозяином, голос даже его знала! Бывало, он ее никогда и не привязывает. Уж такая разбойничья лошадь!..

В этот вечер Казбич был угрюмее, чем когда-нибудь, и я заметил, что у него под бешметом надета кольчуга. «Недаром на нем эта кольчуга,— подумал я,— уж он, верно, что-нибудь замышляет».

Душно стало в сакле, и я вышел на воздух освежиться. Ночь уж ложилась на горы, и туман начинал бродить по ущельям.

Мне вздумалось завернуть под навес, где стояли наши лошади, посмотреть, есть ли у них корм, и притом осторожность никогда не мешает: у меня же была лошадь славная, и уж не один кабардинец на нее умильно поглядывал, приговаривая: *«Якши тхе, чек якши!»* [1]

Пробираюсь вдоль забора и вдруг слышу голоса; один голос я тотчас узнал: это был повеса Азамат, сын нашего хозяина; другой говорил реже и тише. «О чем они тут толкуют? — подумал я,— уж не о моей ли лошадке?» Вот присел я у забора и стал прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шум песен и говор голосов, вылетая из сакли, заглушали любопытный для меня разговор.

— Славная у тебя лошадь! — говорил Азамат,— если б я был хозяин в доме и имел табун в триста кобыл, то отдал бы половину за твоего скакуна, Казбич!

«А! Казбич!» — подумал я и вспомнил кольчугу.

— Да,— отвечал Казбич после некоторого молчания,— в целой Кабарде не найдешь такой. Раз,— это было за Тереком,— я ездил с абреками отбивать русские табуны; нам не посчастливилось, и мы рассыпались кто куда. За мной неслись четыре казака; уж я слышал за собою крик гяуров, и передо мною был густой лес. При-

[1] Хороша, очень хороша! *(тюрк.)*

лег я на седло, поручил себя аллаху и в первый раз в жизни оскорбил коня ударом плети. Как птица нырнул он между ветвями; острые колючки рвали мою одежду, сухие сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгал через пни, разрывал кусты грудью. Лучше было бы мне его бросить у опушки и скрыться в лесу пешком, да жаль было с ним расстаться,— и пророк вознаградил меня. Несколько пуль провизжало над моей головою; я уже слышал, как спешившиеся казаки бежали по следам... Вдруг передо мною рытвина глубокая; скакун мой призадумался — и прыгнул. Задние его копыта оборвались с противного берега, и он повис на передних ногах. Я бросил поводья и полетел в овраг; это спасло моего коня: он выскочил. Казаки всё это видели, только ни один не спустился меня искать: они, верно, думали, что я убился до смерти, и я слышал, как они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; пополз я по густой траве вдоль по оврагу,— смотрю: лес кончился, несколько казаков выезжает из него на поляну, и вот выскакивает прямо к ним мой Карагёз; все кинулись за ним с криком; долго, долго они за ним гонялись, особенно один раза два чуть-чуть не накинул ему на шею аркана; я задрожал, опустил глаза и начал молиться. Через несколько мгновений поднимаю их — и вижу: мой Карагёз летит, развевая хвост, вольный как ветер, а гяуры далеко один за другим тянутся по степи на измученных конях. Валлах! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидел в своем овраге. Вдруг, что ж ты думаешь, Азамат? во мраке слышу, бегает по берегу оврага конь, фыркает, ржет и бьет копытами о землю; я узнал голос моего Карагёза: это был он, мой товарищ!.. С тех пор мы не разлучались.

И слышно было, как он трепал рукою по гладкой шее своего скакуна, давая ему разные нежные названья.

— Если б у меня был табун в тысячу кобыл,— сказал Азамат,— то отдал бы тебе его весь за твоего Карагёза.

— *Йок*[1], не хочу,— отвечал равнодушно Казбич.

— Послушай, Казбич,— говорил, ласкаясь к нему, Азамат,— ты добрый человек, ты храбрый джигит, а мой отец боится русских и не пускает меня в горы; отдай мне свою лошадь, и я сделаю все, что ты хочешь, украду

[1] Нет (*тюрк.*).

для тебя у отца лучшую его винтовку или шашку, что только пожелаешь,— а шашка его настоящая гурда: приложи лезвием к руке, сама в тело вопьется; а кольчуга — такая, как твоя, нипочем.

Казбич молчал.

— В первый раз, как я увидел твоего коня,— продолжал Азамат,— когда он под тобой крутился и прыгал, раздувая ноздри, и кремни брызгами летели из-под копыт его, в моей душе сделалось что-то непонятное, и с тех пор все мне опостылело: на лучших скакунов моего отца смотрел я с презрением, стыдно было мне на них показаться, и тоска овладела мной; и, тоскуя, просиживал я на утесе целые дни, и ежеминутно мыслям моим являлся вороно́й скакун твой с своей стройной поступью, с своим гладким, прямым, как стрела, хребтом; он смотрел мне в глаза своими бойкими глазами, как будто хотел слово вымолвить. Я умру, Казбич, если ты мне не продашь его! — сказал Азамат дрожащим голосом.

Мне послышалось, что он заплакал: а надо вам сказать, что Азамат был преупрямый мальчишка, и ничем, бывало, у него слез не выбьешь, даже когда он был и помоложе.

В ответ на его слезы послышалось что-то вроде смеха.

— Послушай! — сказал твердым голосом Азамат,— видишь, я на все решаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Как она пляшет! как поет! а вышивает золотом — чудо! Не бывало такой жены и у турецкого падишаха... Хочешь? дождись меня завтра ночью там в ущелье, где бежит поток: я пойду с нею мимо в соседний аул,— и она твоя. Неужели не сто́ит Бэла твоего скакуна?

Долго, долго молчал Казбич; наконец вместо ответа он затянул старинную песню вполголоса: [1]

Много красавиц в аулах у нас,
Звезды сияют во мраке их глаз.
Сладко любить их, завидная доля;
Но веселей молодецкая воля.
Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены:
Он и от вихря в степи не отстанет,
Он не изменит, он не обманет.

---

[1] Я прошу прощения у читателей в том, что переложил в стихи песню Казбича, переданную мне, разумеется, прозой; но привычка — вторая натура. *(Прим. М. Ю. Лермонтова.)*

Напрасно упрашивал его Азамат согласиться, и плакал, и льстил ему, и клялся; наконец Казбич нетерпеливо прервал его:

— Поди прочь, безумный мальчишка! Где тебе ездить на моем коне? На первых трех шагах он тебя сбросит, и ты разобьешь себе затылок об камни.

— Меня! — крикнул Азамат в бешенстве, и железо детского кинжала зазвенело об кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь, и он ударился об плетень так, что плетень зашатался. «Будет потеха!» — подумал я, кинулся в конюшню, взнуздал лошадей наших и вывел их на задний двор. Через две минуты уж в сакле был ужасный гвалт. Вот что случилось: Азамат вбежал туда в разорванном бешмете, говоря, что Казбич хотел его зарезать. Все выскочили, схватились за ружья — и пошла потеха! Крик, шум, выстрелы; только Казбич уж был верхом и вертелся среди толпы по улице, как бес, отмахиваясь шашкой.

— Плохое дело в чужом пиру похмелье,— сказал я Григорью Александровичу, поймав его за руку,— не лучше ли нам поскорей убраться?

— Да погодите, чем кончится.

— Да уж, верно, кончится худо; у этих азиатов все так: натянулись бузы, и пошла резня! — Мы сели верхом и ускакали домой.

— А что Казбич? — спросил я нетерпеливо у штабс-капитана.

— Да что этому народу делается! — отвечал он, допивая стакан чая,— ведь ускользнул!

— И не ранен? — спросил я.

— А бог его знает! Живущи, разбойники! Видал я-с иных в деле, например: ведь весь исколот, как решето, штыками, а все махает шашкой.— Штабс-капитан после некоторого молчания продолжал, топнув ногою о землю: — Никогда себе не прощу одного: черт меня дернул, приехав в крепость, пересказать Григорью Александровичу все, что я слышал, сидя за забором; он посмеялся,— такой хитрый! — а сам задумал кое-что.

— А что такое? Расскажите, пожалуйста.

— Ну уж нечего делать! начал рассказывать, так надо продолжать.

Дня через четыре приезжает Азамат в крепость. По обыкновению, он зашел к Григорью Александровичу,

который его всегда кормил лакомствами. Я был тут. Зашел разговор о лошадях, и Печорин начал расхваливать лошадь Казбича: уж такая-то она резвая, красивая, словно серна,— ну, просто, по его словам, этакой и в целом мире нет.

Засверкали глазенки у татарчонка, а Печорин будто не замечает; я заговорю о другом, а он, смотришь, тотчас собьет разговор на лошадь Казбича. Эта история продолжалась всякий раз, как приезжал Азамат. Недели три спустя стал я замечать, что Азамат бледнеет и сохнет, как бывает от любви в романах-с. Что за диво?..

Вот видите, я уж после узнал всю эту штуку: Григорий Александрович до того его задразнил, что хоть в воду. Раз он ему и скажи:

— Вижу, Азамат, что тебе больно понравилась эта лошадь; а не видать тебе ее как своего затылка! Ну, скажи, что бы ты дал тому, кто тебе ее подарил бы?..

— Все, что он захочет,— отвечал Азамат.

— В таком случае я тебе ее достану, только с условием... Поклянись, что ты его исполнишь...

— Клянусь... Клянись и ты!

— Хорошо! Клянусь, ты будешь владеть конем; только за него ты должен отдать мне сестру Бэлу: Карагёз будет ее калымом. Надеюсь, что торг для тебя выгоден.

Азамат молчал.

— Не хочешь? Ну, как хочешь! Я думал, что ты мужчина, а ты еще ребенок: рано тебе ездить верхом...

Азамат вспыхнул.

— А мой отец? — сказал он.

— Разве он никогда не уезжает?

— Правда...

— Согласен?..

— Согласен,— прошептал Азамат, бледный как смерть.— Когда же?

— В первый раз, как Казбич приедет сюда; он обещался пригнать десяток баранов; остальное — мое дело. Смотри же, Азамат!

Вот они и сладили это дело... по правде сказать, нехорошее дело! Я после и говорил это Печорину, да только он мне отвечал, что дикая черкешенка должна быть счастлива, имея такого милого мужа, как он, потому что, по-ихнему, он все-таки ее муж, а что Каз-

бич — разбойник, которого надо было наказать. Сами посудите, что ж я мог отвечать против этого?.. Но в то время я ничего не знал об их заговоре. Вот раз приехал Казбич и спрашивает, не нужно ли баранов и меда; я велел ему привести на другой день.

— Азамат! — сказал Григорий Александрович,— завтра Карагёз в моих руках; если нынче ночью Бэла не будет здесь, то не видать тебе коня...

— Хорошо! — сказал Азамат и поскакал в аул.

Вечером Григорий Александрович вооружился и выехал из крепости: как они сладили это дело, не знаю,— только ночью они оба возвратились, и часовой видел, что поперек седла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой.

— А лошадь? — спросил я у штабс-капитана.

— Сейчас, сейчас. На другой день утром рано приехал Казбич и пригнал десяток баранов на продажу. Привязав лошадь у забора, он вошел ко мне; я попотчевал его чаем, потому что хотя разбойник он, а все-таки был моим кунаком [1].

Стали мы болтать о том, о сем: вдруг, смотрю, Казбич вздрогнул, переменился в лице — и к окну; но окно, к несчастию, выходило на задворье.

— Что с тобой? — спросил я.

— Моя лошадь!.. лошадь!..— сказал он, весь дрожа.

Точно, я услышал топот копыт: «Это, верно, какой-нибудь казак приехал...»

— Нет! Урус яман, яман! — заревел он и опрометью бросился вон, как дикий барс. В два прыжка он был уж на дворе; у ворот крепости часовой загородил ему путь ружьем; он перескочил через ружье и кинулся бежать по дороге... Вдали вилась пыль — Азамат скакал на лихом Карагёзе; на бегу Казбич выхватил из чехла ружье и выстрелил, с минуту он остался неподвижен, пока не убедился, что дал промах; потом завизжал, ударил ружье о камень, разбил его вдребезги, повалился на землю и зарыдал, как ребенок... Вот кругом него собрался народ из крепости — он никого не замечал; постояли, потолковали и пошли назад; я велел возле его положить деньги за баранов — он их не тронул, лежал себе ничком, как мертвый. Поверите ли, он так

[1] Кунак значит — приятель. *(Прим. М. Ю. Лермонтова.)*

пролежал до поздией ночи и целую иочь?.. Только иа другое утро пришел в крепость и стал просить, чтоб ему назвали похитителя. Часовой, который видел, как Азамат отвязал коия и ускакал иа ием, ие почел за иужиое скрывать. При этом имени глаза Казбича засверкали, и он отправился в аул, где жил отец Азамата.

— Что ж отец?

— Да в том-то и штука, что его Казбич ие иашел: ои куда-то уезжал дией на шесть, а то удалось ли бы Азамату увезти сестру?

А когда отец возвратился, то ии дочери, ии сыиа ие было. Такой хитрец: ведь смекнул, что ие сиосить ему головы, если б ои попался. Так с тех пор и пропал: верио, пристал к какой-нибудь шайке абреков, да и сложил буйиую голову за Тереком или за Кубаиью: туда и дорога!..

Призиаюсь, и иа мою долю порядочио досталось. Как я только проведал, что черкешеика у Григорья Александровича, то иадел эполеты, шпагу и пошел к иему.

Ои лежал в первой комнате иа постели, подложив одиу руку под затылок, а другой держа погасшую трубку; дверь во вторую комнату была заперта на замок, и ключа в замке ие было. Я все это тотчас заметил... Я иачал кашлять и постукивать каблуками о порог,— только ои притворялся, будто ие слышит.

— Господии прапорщик! — сказал я как можно строже.— Разве вы не видите, что я к вам пришел?

— Ах, здравствуйте, Максим Максимыч! Не хотите ли трубку? — отвечал он, не приподиимаясь.

— Извииите! Я ие Максим Максимыч: я штабс-капитаи.

— Все равио. Не хотите ли чаю? Если б вы зиали, какая мучит меия забота!

— Я все зиаю,— отвечал я, подошед к кровати.

— Тем лучше: я ие в духе рассказывать.

— Господии прапорщик, вы сделали проступок, за который и я могу отвечать...

— И, полноте! что ж за беда? Ведь у иас давно все пополам.

— Что за шутки? Пожалуйте вашу шпагу!

— Митька, шпагу!..

Митька принес шпагу. Исполиив долг свой, сел я к иему на кровать и сказал:

— Послушай, Григорий Александрович, признайся, что нехорошо.

— Что нехорошо?

— Да то, что ты увез Бэлу... Уж эта мне бестия Азамат!.. Ну, признайся,— сказал я ему.

— Да когда она мне нравится?..

Ну, что прикажете отвечать на это?.. Я стал в тупик. Однако ж после некоторого молчания я ему сказал, что если отец станет ее требовать, то надо будет отдать.

— Вовсе не надо!

— Да он узнает, что она здесь?

— А как он узнает?

Я опять стал в тупик.

— Послушайте, Максим Максимыч! — сказал Печорин, приподнявшись,— ведь вы добрый человек,— а если отдадим дочь этому дикарю, он ее зарежет или продаст. Дело сделано, не надо только охотою портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...

— Да покажите мне ее,— сказал я.

— Она за этой дверью; только я сам нынче напрасно хотел ее видеть: сидит в углу, закутавшись в покрывало, не говорит и не смотрит: пуглива, как дикая серна. Я нанял нашу духанщицу: она знает по-татарски, будет ходить за нею и приучит ее к мысли, что она моя, потому что она никому не будет принадлежать, кроме меня,— прибавил он, ударив кулаком по столу. Я и в этом согласился... Что прикажете делать? Есть люди, с которыми непременно должно соглашаться.

— А что? — спросил я у Максима Максимыча,— в самом ли деле он приучил ее к себе, или она зачахла в неволе, с тоски по родине?

— Помилуйте, отчего же с тоски по родине? Из крепости видны были те же горы, что из аула,— а этим дикарям больше ничего не надобно. Да притом Григорий Александрович каждый день дарил ей что-нибудь: первые дни она молча гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанщице и возбуждали ее красноречие. Ах, подарки! чего не сделает женщина за цветную тряпичку!.. Ну, да это в сторону... Долго бился с нею Григорий Александрович; между тем учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему. Мало-помалу она приучилась на него смотреть, сначала исподлобья, искоса, и все грустила, напевала свои песни вполголоса, так что, бывало, и мне становилось гру-

стно, когда слушал ее из соседней комнаты. Никогда не забуду одной сцены: шел я мимо и заглянул в окно; Бэла сидела на лежанке, повесив голову на грудь, а Григорий Александрович стоял перед нею.

— Послушай, моя пери,— говорил он,— ведь ты знаешь, что рано или поздно ты должна быть моею,— отчего же только мучишь меня? Разве ты любишь какого-нибудь чеченца? Если так, я тебя сейчас отпущу домой.— Она вздрогнула едва приметно и покачала головой.— Или,— продолжал он,— я тебе совершенно ненавистен? — Она вздохнула.— Или твоя вера запрещает полюбить меня? — Она побледнела и молчала.— Поверь мне, аллах для всех племен один и тот же, и если он мне позволяет любить тебя, отчего же запретит тебе платить мне взаимностью? — Она посмотрела ему пристально в лицо, как будто пораженная этой новой мыслию; в глазах ее выразились недоверчивость и желание убедиться. Что за глаза! они так и сверкали, будто два угля.— Послушай, милая, добрая Бэла! — продолжал Печорин,— ты видишь, как я тебя люблю; я все готов отдать, чтоб тебя развеселить: я хочу, чтоб ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру. Скажи, ты будешь веселей?

Она призадумалась, не спуская с него черных глаз своих, потом улыбнулась ласково и кивнула головой в знак согласия. Он взял ее руку и стал ее уговаривать, чтоб она его поцеловала; она слабо защищалась и только повторяла: «Поджалуста, поджалуста, не нада, не нада». Он стал настаивать; она задрожала, заплакала.

— Я твоя пленница,— говорила она,—твоя раба; конечно, ты можешь меня принудить,— и опять слезы.

Григорий Александрович ударил себя в лоб кулаком и выскочил в другую комнату. Я зашел к нему; он сложа руки прохаживался угрюмый взад и вперед.

— Что, батюшка? — сказал я ему.

— Дьявол, а не женщина! — отвечал он,— только я вам даю мое честное слово, что она будет моя...

Я покачал головою.

— Хотите пари? — сказал он,— через неделю!

— Извольте!

Мы ударили по рукам и разошлись.

На другой день он тотчас же отправил нарочного в Кизляр за разными покупками; привезено было множество разных персидских материй, всех не перечесть.

— Как вы думаете, Максим Максимыч! — сказал он мне, показывая подарки,— устоит ли азиатская красавица против такой батареи?

— Вы черкешенок не знаете,— отвечал я,— это совсем не то, что грузинки или закавказские татарки, совсем не то. У них свои правила: они иначе воспитаны.— Григорий Александрович улыбнулся и стал насвистывать марш.

А ведь вышло, что я был прав: подарки подействовали только вполовину; она стала ласковее, доверчивее — да и только; так что он решился на последнее средство. Раз утром он велел оседлать лошадь, оделся по-черкесски, вооружился и вошел к ней. «Бэла! — сказал он,— ты знаешь, как я тебя люблю. Я решился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся: прощай! оставайся полной хозяйкой всего, что я имею; если хочешь, вернись к отцу,— ты свободна. Я виноват перед тобой и должен наказать себя: прощай, я еду — куда? почему я знаю! Авось недолго буду гоняться за пулей или ударом шашки: тогда вспомни обо мне и прости меня».— Он отвернулся и протянул ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только стоя за дверью, я мог в щель рассмотреть ее лицо: и мне стало жаль — такая смертельная бледность покрыла это милое личико! Не слыша ответа, Печорин сделал несколько шагов к двери; он дрожал — и сказать ли вам? я думаю, он в состоянии был исполнить в самом деле то, о чем говорил шутя. Таков уж был человек, бог его знает! Только едва он коснулся двери, как она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Поверите ли? я, стоя за дверью, также заплакал, то есть, знаете, не то чтоб заплакал, а так — глупость!..

Штабс-капитан замолчал.

— Да, признаюсь,— сказал он потом, теребя усы,— мне стало досадно, что никогда ни одна женщина меня так не любила.

— И продолжительно было их счастье? — спросил я.

— Да, она нам призналась, что с того дня, как увидела Печорина, он часто ей грезился во сне и что ни один мужчина никогда не производил на нее такого впечатления. Да, они были счастливы!

— Как это скучно! — воскликнул я невольно. В самом деле, я ожидал трагической развязки, и вдруг так

неожиданно обмануть мои надежды!..— Да неужели,— продолжал я,— отец не догадался, что она у вас в крепости?

— То есть, кажется, он подозревал. Спустя несколько дней узнали мы, что старик убит. Вот как это случилось...

Внимание мое пробудилось снова.

— Надо вам сказать, что Казбич вообразил, будто Азамат с согласия отца украл у него лошадь, по крайней мере я так полагаю. Вот он раз и дождался у дороги, версты три за аулом; старик возвращался из напрасных поисков за дочерью; уздени его отстали,— это было в сумерки,— он ехал задумчиво шагом, как вдруг Казбич, будто кошка, нырнул из-за куста, прыг сзади его на лошадь, ударом кинжала свалил его наземь, схватил поводья — и был таков; некоторые уздени все это видели с пригорка; они бросились догонять, только не догнали.

— Он вознаградил себя за потерю коня и отмстил,— сказал я, чтоб вызвать мнение моего собеседника.

— Конечно, по-ихнему,— сказал штабс-капитан,— он был совершенно прав.

Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно доказывает неимоверную его гибкость и присутствие этого ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения.

Между тем чай был выпит; давно запряженные кони продрогли на снегу; месяц бледнел на западе и готов уж был погрузиться в черные свои тучи, висящие на дальних вершинах, как клочки разодранного занавеса; мы вышли из сакли. Вопреки предсказанию моего спутника, погода прояснилась и обещала нам тихое утро; хороводы звезд чудными узорами сплетались на далеком небосклоне и одна за другою гасли по мере того, как бледноватый отблеск востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутые отлогости гор, покрытые девственными снегами. Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, как змеи, сползали туда по морщинам соседних скал, будто чувствуя и пугаясь приближения дня.

Тихо было все на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы; только изредка набегал прохладный ветер с востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеем. Мы тронулись в путь; с трудом пять худых кляч тащили наши повозки по извилистой дороге на Гуд-гору; мы шли пешком сзади, подкладывая камни под колеса, когда лошади выбивались из сил; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она все поднималась и наконец пропадала в облаке, которое еще с вечера отдыхало на вершине Гуд-горы, как коршун, ожидающий добычу; снег хрустел под ногами нашими; воздух становился так редок, что было больно дышать; кровь поминутно приливала в голову, но со всем тем какое-то отрадное чувство распространилось по всем моим жилам, и мне было как-то весело, что я так высоко над миром: чувство детское, не спорю, но, удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми; все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такою, какой была некогда и, верно, будет когда-нибудь опять. Тот, кому случалось, как мне, бродить по горам пустынным, и долго-долго всматриваться в их причудливые образы, и жадно глотать животворящий воздух, разлитой в их ущельях, тот, конечно, поймет мое желание передать, рассказать, нарисовать эти волшебные картины. Вот наконец мы взобрались на Гуд-гору, остановились и оглянулись: на ней висело серое облако, и его холодное дыхание грозило близкой бурею; но на востоке все было так ясно и золотисто, что мы, то есть я и штабс-капитан, совершенно о нем забыли... Да, и штабс-капитан: в сердцах простых чувство красоты и величия природы сильнее, живее во сто крат, чем в нас, восторженных рассказчиках на словах и на бумаге.

— Вы, я думаю, привыкли к этим великолепным картинам? — сказал я ему.

— Да-с, и к свисту пули можно привыкнуть, то есть привыкнуть скрывать невольное биение сердца.

— Я слышал напротив, что для иных старых воинов эта музыка даже приятна.

— Разумеется, если хотите, оно и приятно; только все же потому, что сердце бьется сильнее. Посмотрите,— прибавил он, указывая на восток,— что за край!

И точно, такую панораму вряд ли где еще удастся

мне видеть: под нами лежала Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя серебряными нитями; голубоватый туман скользил по ней, убегая в соседние теснины от теплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы похожие одна на другую,— и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что кажется, тут бы и остаться жить навеки; солнце чуть показалось из-за темно-синей горы, которую только привычный глаз мог бы различить от грозовой тучи; но над солнцем была кровавая полоса, на которую мой товарищ обратил особенное внимание. «Я говорил вам,— воскликнул он,— что нынче будет погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанет нас на Крестовой. Трогайтесь!» — закричал он ямщикам.

Подложили цепи под колеса вместо тормозов, чтоб они не раскатывались, взяли лошадей под уздцы и начали спускаться; направо был утес, налево пропасть такая, что целая деревушка осетин, живущих на дне ее, казалась гнездом ласточки; я содрогнулся, подумав, что часто здесь, в глухую ночь, по этой дороге, где две повозки не могут разъехаться, какой-нибудь курьер раз десять в год проезжает, не вылезая из своего тряского экипажа. Один из наших извозчиков был русский ярославский мужик, другой осетин: осетин вел коренную под уздцы со всеми возможными предосторожностями, отпрягши заранее уносных,— а наш беспечный русак даже не слез с облучка! Когда я ему заметил, что он мог бы побеспокоиться в пользу хотя моего чемодана, за которым я вовсе не желал лазить в эту бездну, он отвечал мне: «И, барин! Бог даст, не хуже их доедем: ведь нам не впервые»,— и он был прав: мы точно могли бы не доехать, однако ж все-таки доехали, и если б все люди побольше рассуждали, то убедились бы, что жизнь не стоит того, чтоб об ней так много заботиться...

Но, может быть, вы хотите знать окончание истории Бэлы? Во-первых, я пишу не повесть, а путевые записки; следовательно, не могу заставить штабс-капитана рассказывать прежде, нежели он начал рассказывать в самом деле. Итак, погодите или, если хотите, переверните несколько страниц, только я вам этого не советую, потому что переезд через Крестовую гору (или, как называет ее ученый Гамба, le Mont St.-Christophe)

достоин вашего любопытства. Итак, мы спускались с Гуд-горы в Чертову долину... Вот романтическое название! Вы уже видите гнездо злого духа между неприступными утесами,— не тут-то было: название Чертовой долины происходит от слова «черта», а не «черт», ибо здесь когда-то была граница Грузии. Эта долина была завалена снеговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратов, Тамбов и прочие *милые* места нашего отечества.

— Вот и Крестовая! — сказал мне штабс-капитан, когда мы съехали в Чертову долину, указывая на холм, покрытый пеленою снега; на его вершине чернелся каменный крест, и мимо его вела едва-едва заметная дорога, по которой проезжают только тогда, когда боковая завалена снегом: наши извозчики объявили, что обвалов еще не было, и, сберегая лошадей, повезли нас кругом. При повороте встретили мы человек пять осетин; они предложили нам свои услуги и, уцепясь за колеса, с криком принялись тащить и поддерживать наши тележки. И точно, дорога опасная: направо висели над нашими головами груды снега, готовые, кажется, при первом порыве ветра оборваться в ущелье; узкая дорога частию была покрыта снегом, который в иных местах проваливался под ногами, в других превращался в лед от действия солнечных лучей и ночных морозов, так что с трудом мы сами пробирались; лошади падали; налево зияла глубокая расселина, где катился поток, то скрываясь под ледяной корою, то с пеною прыгая по черным камням. В два часа едва могли бы обогнуть Крестовую гору — две версты в два часа! Между тем тучи спустились, повалил град, снег; ветер, врываясь в ущелья, ревел, свистал, как Соловей-разбойник, и скоро каменный крест скрылся в тумане, которого волны, одна другой гуще и теснее, набегали с востока... Кстати, об этом кресте существует странное, но всеобщее предание, будто его поставил император Петр I, проезжая через Кавказ; но, во-первых, Петр был только в Дагестане, и, во-вторых, на кресте написано крупными буквами, что он поставлен по приказанию г. Ермолова, а именно в 1824 году. Но предание, несмотря на надпись, так укоренилось, что, право, не знаешь, чему верить, тем более что мы не привыкли верить надписям.

Нам должно было спускаться еще верст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу, чтоб достигнуть

станции Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудела сильнее и сильнее, точно наша родимая, северная; только ее дикие напевы были печальнее, заунывнее. «И ты, изгнанница,— думал я,— плачешь о своих широких, раздольных степях! Там есть где развернуть холодные крылья, а здесь тебе душно и тесно, как орлу, который с криком бьется о решетку железной своей клетки».

— Плохо! — говорил штабс-капитан,— посмотрите, кругом ничего не видно, только туман да снег; того и гляди, что свалимся в пропасть или засядем в трущобу, а там пониже, чай, Байдара так разыгралась, что и не переедешь. Уж эта мне Азия! что люди, что речки — никак нельзя положиться!

Извозчики с криком и бранью колотили лошадей, которые фыркали, упирались и не хотели ни за что в свете тронуться с места, несмотря на красноречие кнутов.

— Ваше благородие,— сказал наконец один,— ведь мы нынче до Коби не доедем; не прикажете ли, покамест можно, своротить налево? Вон там что-то на косогоре чернеется — верно, сакли: там всегда-с проезжающие останавливаются в погоду; они говорят, что проведут, если дадите на водку,— прибавил он, указывая на осетина.

— Знаю, братец, знаю без тебя! — сказал штабс-капитан,— уж эти бестии! рады придраться, чтоб сорвать на водку.

— Признайтесь, однако,— сказал я,— что без них нам было бы хуже.

— Все так, все так,— пробормотал он,— уж эти мне проводники! чутьем слышат, где можно попользоваться, будто без них и нельзя найти дороги.

Вот мы свернули налево и кое-как, после многих хлопот, добрались до скудного приюта, состоявшего из двух саклей, сложенных из плит и булыжника и обведенных такою же стеною; оборванные хозяева приняли нас радушно. Я после узнал, что правительство им платит и кормит их с условием, чтоб они принимали путешественников, застигнутых бурею.

— Все к лучшему! — сказал я, присев у огня,— теперь вы мне доскажете вашу историю про Бэлу; я уверен, что этим не кончилось.

— А почему ж вы так уверены? — отвечал мне штабс-капитан, примигивая с хитрой улыбкою.

— Оттого, что это не в порядке вещей: что началось необыкновенным образом, то должно так же и кончиться.

— Ведь вы угадали...

— Очень рад.

— Хорошо вам радоваться, а мне так, право, грустно, как вспомню. Славная была девочка эта Бэла! Я к ней наконец так привык, как к дочери, и она меня любила. Надо вам сказать, что у меня нет семейства: об отце и матери я лет двенадцать уж не имею известия, а запастись женой не догадался раньше,— так теперь уж, знаете, и не к лицу; я и рад был, что нашел кого баловать. Она, бывало, нам поет песни иль пляшет лезгинку... А уж как плясала! Видал я наших губернских барышень, а раз был-с и в Москве в Благородном собрании, лет двадцать тому назад,— только куда им! совсем не то!.. Григорий Александрович наряжал ее, как куколку, холил и лелеял; и она у нас так похорошела, что чудо; с лица и с рук сошел загар, румянец разыгрался на щеках... Уж какая, бывало, веселая, и все надо мной, проказница, подшучивала... Бог ей прости!..

— А что, когда вы ей объявили о смерти отца?

— Мы долго от нее это скрывали, пока она не привыкла к своему положению; а когда сказали, так она дня два поплакала, а потом забыла.

Месяца четыре все шло как нельзя лучше. Григорий Александрович, я уж, кажется, говорил, страстно любил охоту: бывало, так его в лес и подмывает за кабанами или козами,— а тут хоть бы вышел за крепостной вал. Вот, однако же, смотрю, он стал снова задумываться, ходит по комнате, загнув руки назад; потом раз, не сказав никому, отправился стрелять,— целое утро пропадал; раз и другой, все чаще и чаще... «Нехорошо,— подумал я,— верно, между ними черная кошка проскочила!»

Одно утро захожу к ним — как теперь перед глазами: Бэла сидела на кровати в черном шелковом бешмете, бледненькая, такая печальная, что я испугался.

— А где Печорин? — спросил я.

— На охоте.

— Сегодня ушел? — Она молчала, как будто ей трудно было выговорить.

— Нет, еще вчера,— наконец сказала она, тяжело вздохнув.

— Уж не случилось ли с ним чего?

— Я вчера целый день думала, думала,— отвечала она сквозь слезы,— придумывала разные несчастия: то казалось мне, что его ранил дикий кабан, то чеченец утащил в горы... А нынче мне уж кажется, что он меня не любит.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать! — Она заплакала, потом с гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если он меня не любит, то кто ему мешает отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это так будет продолжаться, то я сама уйду: я не раба его — я княжеская дочь!..

Я стал ее уговаривать.

— Послушай, Бэла, ведь нельзя же ему век сидеть здесь, как пришитому к твоей юбке: он человек молодой, любит погоняться за дичью,— походит, да и придет; а если ты будешь грустить, то скорей ему наскучишь.

— Правда, правда! — отвечала она,— я буду весела.— И с хохотом схватила свой бубен, начала петь, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно; она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

Что было с нею мне делать? Я, знаете, никогда с женщинами не обращался; думал, думал, чем ее утешить, и ничего не придумал; несколько времени мы оба молчали... Пренеприятное положение-с!

Наконец я ей сказал: «Хочешь, пойдем прогуляться на вал? погода славная!» Это было в сентябре; и точно, день был чудесный, светлый и не жаркий; все горы видны были как на блюдечке. Мы пошли, походили по крепостному валу взад и вперед, молча; наконец она села на дерн, и я сел возле нее. Ну, право, вспомнить смешно: я бегал за нею, точно какая-нибудь нянька.

Крепость наша стояла на высоком месте, и вид был с вала прекрасный: с одной стороны широкая поляна, изрытая несколькими балками[1], оканчивалась лесом,

[1] овраги. *(Прим. М. Ю. Лермонтова.)*

который тянулся до самого хребта гор; кое-где на ней дымились аулы, ходили табуны; с другой — бежала мелкая речка, и к ней примыкал частый кустарник, покрывавший кремнистые возвышенности, которые соединялись с главной цепью Кавказа. Мы сидели на углу бастиона, так что в обе стороны могли видеть все. Вот смотрю: из леса выезжает кто-то на серой лошади, все ближе и ближе, и, наконец, остановился по ту сторону речки, саженях во сте от нас, и начал кружить лошадь свою как бешеный. Что за притча!..

— Посмотри-ка, Бэла,— сказал я,— у тебя глаза молодые, что это за джигит: кого это он приехал тешить?..

Она взглянула и вскрикнула:

— Это Казбич!

— Ах он разбойник! смеяться, что ли, приехал над нами? — Всматриваюсь, точно Казбич: его смуглая рожа, оборванный, грязный как всегда.

— Это лошадь отца моего,— сказала Бэла, схватив меня за руку; она дрожала, как лист, и глаза ее сверкали. «Ага! — подумал я,— и в тебе, душенька, не молчит разбойничья кровь!»

— Подойди-ка сюда,— сказал я часовому,— осмотри ружье да ссади мне этого молодца,— получишь рубль серебром.

— Слушаю, ваше высокоблагородие; только он не стоит на месте...

— Прикажи! — сказал я, смеясь...

— Эй, любезный! — закричал часовой, махая ему рукой,— подожди маленько, что ты крутишься, как волчок?

Казбич остановился в самом деле и стал вслушиваться: верно, думал, что с ним заводят переговоры,— как не так!.. Мой гренадер приложился... бац!.. мимо,— только что порох на полке вспыхнул; Казбич толкнул лошадь, и она дала скачок в сторону. Он привстал на стременах, крикнул что-то по-своему, погрозил нагайкой — и был таков.

— Как тебе не стыдно! — сказал я часовому.

— Ваше высокоблагородие! умирать отправился,— отвечал он,— такой проклятый народ, сразу не убьешь.

Четверть часа спустя Печорин вернулся с охоты; Бэла бросилась ему на шею, и ни одной жалобы, ни одного упрека за долгое отсутствие... Даже я уж на него рассердился.

— Помилуйте,— говорил я,— ведь вот сейчас тут был за речкою Казбич, и мы по нем стреляли; ну, долго ли вам на него наткнуться? Эти горцы народ мстительный: вы думаете, что он не догадывается, что вы частию помогли Азамату? А я бьюсь об заклад, что нынче он узнал Бэлу. Я знаю, что год тому назад она ему больно нравилась,— он мне сам говорил,— и если б надеялся собрать порядочный калым, то, верно бы, посватался...

Тут Печорин задумался. «Да,— отвечал он,— надо быть осторожнее... Бэла, с нынешнего дня ты не должна более ходить на крепостной вал».

Вечером я имел с ним длинное объяснение: мне было досадно, что он переменился к этой бедной девочке; кроме того, что он половину дня проводил на охоте, его обращение стало холодно, ласкал он ее редко, и она заметно начинала сохнуть, личико ее вытянулось, большие глаза потускнели. Бывало, спросишь ее: «О чем ты вздохнула, Бэла? ты печальна?» — «Нет!» — «Тебе чего-нибудь хочется?» — «Нет!» — «Ты тоскуешь по родным?» —«У меня нет родных». Случалось по целым дням, кроме «да» да «нет», от нее ничего больше не добьешься.

Вот об этом-то я и стал ему говорить. «Послушайте, Максим Максимыч,— отвечал он,— у меня несчастный характер: воспитание ли меня сделало таким, бог ли так меня создал, не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастия других, то и сам не менее несчастлив; разумеется, это им плохое утешение — только дело в том, что это так. В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и, разумеется, удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет, и скоро общество мне также надоело; влюблялся в светских красавиц и был любим,— но их любовь только раздражала мое воображение и самолюбие, а сердце осталось пусто... Я стал читать, учиться — науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько, потому что самые счастливые люди — невежды, а слава — удача, и чтоб добиться ее, надо только быть ловким. Тогда мне стало скучно... Вскоре перевели меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни. Я надеялся, что скука не живет под чеченскими

пулями,— напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал больше внимания на комаров,— и мне стало скучнее прежнего, потому что я потерял почти последнюю надежду. Когда я увидел Бэлу в своем доме, когда в первый раз, держа ее на коленях, целовал ее черные локоны, я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни; невежество и простосердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодарен за несколько минут довольно сладких, я за нее отдам жизнь,— только мне с нею скучно... Глупец я или злодей, не знаю; но то верно, что я также очень достоин сожаления, может быть, больше, нежели она: во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное; мне все мало: к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день ото дня; мне осталось одно средство: путешествовать. Как только будет можно, отправлюсь — только не в Европу, избави боже! — поеду в Америку, в Аравию, в Индию,— авось где-нибудь умру на дороге! По крайней мере я уверен, что это последнее утешение не скоро истощится, с помощью бурь и дурных дорог». Так он говорил долго, и его слова врезались у меня в памяти, потому что в первый раз я слышал такие вещи от двадцатипятилетнего человека, и, бог даст, в последний... Что за диво! Скажите-ка, пожалуйста,— продолжал штабс-капитан, обращаясь ко мне,— вы вот, кажется, бывали в столице, и недавно: неужто тамошняя молодежь вся такова?

Я отвечал, что много есть людей, говорящих то же самое; что есть, вероятно, и такие, которые говорят правду; что, впрочем, разочарование, как все моды, начав с высших слоев общества, спустилось к низшим, которые его донашивают, и что нынче те, которые больше всех и в самом деле скучают, стараются скрыть это несчастие, как порок. Штабс-капитан не понял этих тонкостей, покачал головою и улыбнулся лукаво:

— А всё, чай, французы ввели моду скучать?

— Нет, англичане.

— А-га, вот что!..— отвечал он,— да ведь они всегда были отъявленные пьяницы!

Я невольно вспомнил об одной московской барыне, которая утверждала, что Байрон был больше ничего как пьяница. Впрочем, замечание штабс-капитана было извинительнее: чтоб воздерживаться от вина, он, конечно, старался уверять себя, что все в мире несчастия происходят от пьянства.

Между тем он продолжал свой рассказ таким образом:

— Казбич не являлся снова. Только не знаю почему, я не мог выбить из головы мысль, что он недаром приезжал и затевает что-нибудь худое.

Вот раз уговаривает меня Печорин ехать с ним на кабана; я долго отнекивался: ну, что мне был за диковинка кабан! Однако ж утащил-таки он меня с собою. Мы взяли человек пять солдат и уехали рано утром. До десяти часов шныряли по камышам и по лесу,— нет зверя. «Эй, не воротиться ли? — говорил я,— к чему упрямиться? Уж, видно, такой задался несчастный день!» Только Григорий Александрович, несмотря на зной и усталость, не хотел воротиться без добычи, таков уж был человек: что́ задумает, подавай; видно, в детстве был маменькой избалован... Наконец в полдень отыскали проклятого кабана: паф! паф!.. не тут-то было: ушел в камыши... такой уж был несчастный день! Вот мы, отдохнув маленько, отправились домой.

Мы ехали рядом, молча, распустив поводья, и были уж почти у самой крепости: только кустарник закрывал ее от нас. Вдруг выстрел... Мы взглянули друг на друга: нас поразило одинаковое подозрение... Опрометью поскакали мы на выстрел,— смотрим: на валу солдаты собрались в кучку и указывают в поле, а там летит стремглав всадник и держит что-то белое на седле. Григорий Александрович взвизгнул не хуже любого чеченца; ружье из чехла — и туда; я за ним.

К счастию, по причине неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались из-под седла, и с каждым мгновением мы были все ближе и ближе... И наконец я узнал Казбича, только не мог разобрать, что такое он держал перед собою. Я тогда поравнялся с Печориным и кричу ему: «Это Казбич!..» Он посмотрел на меня, кивнул головою и ударил коня плетью.

Вот наконец мы были уж от него на ружейный выстрел; измучена ли была у Казбича лошадь или хуже наших, только, несмотря на все его старания, она не

больно подавалась вперед. Я думаю, в эту минуту он вспомнил своего Карагёза...

Смотрю: Печорин на скаку приложился из ружья... «Не стреляйте! — кричу я ему,— берегите заряд; мы и так его догоним». Уж эта молодежь! вечно некстати горячится... Но выстрел раздался, и пуля перебила заднюю ногу лошади; она сгоряча сделала еще прыжков десять, споткнулась и упала на колени. Казбич соскочил, и тогда мы увидели, что он держал на руках своих женщину, окутанную чадрою... Это была Бэла... бедная Бэла! Он что-то нам закричал по-своему и занес над нею кинжал... Медлить было нечего: я выстрелил, в свою очередь, наудачу; верно, пуля попала ему в плечо, потому что вдруг он опустил руку... Когда дым рассеялся, на земле лежала раненая лошадь и возле нее Бэла; а Казбич, бросив ружье, по кустарникам, точно кошка, карабкался на утес; хотелось мне его снять оттуда — да не было заряда готового! Мы соскочили с лошадей и кинулись к Бэле. Бедняжка, она лежала неподвижно, и кровь лилась из раны ручьями... Такой злодей: хоть бы в сердце ударил — ну, так уж и быть, одним разом все бы кончил, а то в спину... самый разбойничий удар! Она была без памяти. Мы изорвали чадру и перевязали рану как можно туже; напрасно Печорин целовал ее холодные губы — ничто не могло привести ее в себя.

Печорин сел верхом; я поднял ее с земли и кое-как посадил к нему на седло; он обхватил ее рукой, и мы поехали назад. После нескольких минут молчания Григорий Александрович сказал мне: «Послушайте, Максим Максимыч, мы этак ее не довезем живую».— «Правда»,— сказал я, и мы пустили лошадей во весь дух. Нас у ворот крепости ожидала толпа народа; осторожно перенесли мы раненую к Печорину и послали за лекарем. Он был хотя пьян, но пришел: осмотрел рану и объявил, что она больше дня жить не может; только он ошибся...

— Выздоровела? — спросил я у штабс-капитана, схватив его за руку и невольно обрадовавшись.

— Нет,— отвечал он,— а ошибся лекарь тем, что она еще два дня прожила.

— Да объясните мне, каким образом ее похитил Казбич?

— А вот как: иесмотря иа запрещение Печориия, она вышла из крепости к речке. Было, знаете, очень жарко; она села иа камень н опустила ноги в воду. Вот Казбич подкрался — цап-царап ее, зажал рот н потащнл в кусты, а там вскочнл на коия, да н тягу! Она между тем успела закрнчать; часовые всполошнлись, выстрелилн, да мнмо, а мы тут и подоспелн.

— Да зачем Казбич ее хотел увезти?

— Помилуйте! да эти черкесы известный воровской народ: что плохо лежнт, не могут не стянуть; другое и ие нужно, а все украдет... уж в этом прошу их извннить! Да притом она ему давно-таки нравилась.

— И Бэла умерла?

— Умерла; только долго мучнлась, н мы уж с нею измучнлись порядком. Около десятн часов вечера она пришла в себя; мы сиделн у постелн; только что она открыла глаза, начала звать Печорнна. «Я здесь, подле тебя, моя джанечка (то есть, по-нашему, душенька)»,— отвечал он, взяв ее за руку. «Я умру!» — сказала она. Мы начали ее утешать, говорилн, что лекарь обещал ее вылечить непремеино; она покачала головой н отвернулась к стене: ей не хотелось умирать!..

Ночью она начала бредить; голова ее горела, по всему телу иногда пробегала дрожь лихорадкн; оиа говорила несвязные речи об отце, брате: ей хотелось в горы, домой... Потом она также говорнла о Печорнне, давала ему разные нежные названия нлн упрекала его в том, что он разлюбнл свою джаиечку...

Он слушал ее молча, опустнв голову на рукн; но только я во все время не заметнл нн одиой слезы на ресиицах его: в самом ли деле ои ие мог плакать нлн владел собою — не знаю; что до меня, то я инчего жальче этого ие видывал.

К утру бред прошел; с час оиа лежала иеподвижная, бледная и в такой слабостн, что едва можно было заметить, что она дышнт; потом ей стало лучше, и она начала говорнть, только как вы думаете, о чем?.. Этакая мысль придет ведь только умнрающему!.. Начала печалнться о том, что она не христнанка, н что на том свете душа ее иикогда не встретнтся с душою Грнгорья Александровича, и что иная женщниа будет в раю его подругой. Мне пришло на мысль окрестить ее перед смертню; я ей это предложил; она посмотрела на меня в иерешимости и долго ие могла слова вымолвить; на-

конец отвечала, что она умрет в той вере, в какой родилась. Так прошел целый день. Как она переменилась в этот день! бледные щеки впали, глаза сделались большие, большие, губы горели. Она чувствовала внутренний жар, как будто в груди у ней лежало раскаленное железо.

Настала другая ночь; мы не смыкали глаз, не отходили от ее постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только что боль начинала утихать, она старалась уверить Григорья Александровича, что ей лучше, уговаривала его идти спать, целовала его руку, не выпускала ее из своих. Перед утром стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбила перевязку, и кровь потекла снова. Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась и начала просить Печорина, чтоб он ее поцеловал. Он стал на колени возле кровати, приподнял ее голову с подушки и прижал свои губы к ее холодеющим губам; она крепко обвила его шею дрожащими руками, будто в этом поцелуе хотела передать ему свою душу... Нет, она хорошо сделала, что умерла: ну, что́ бы с ней сталось, если б Григорий Александрович ее покинул? А это бы случилось, рано или поздно...

Половину следующего дня она была тиха, молчалива и послушна, как ни мучил ее наш лекарь припарками и микстурой. «Помилуйте! — говорил я ему,— ведь вы сами сказали, что она умрет непременно, так зачем тут все ваши препараты?» — «Все-таки лучше, Максим Максимыч,— отвечал он,— чтоб совесть была покойна». Хороша совесть!

После полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна — но на дворе было жарче, чем в комнате; поставили льду около кровати — ничего не помогало. Я знал, что эта невыносимая жажда — признак приближения конца, и сказал это Печорину. «Воды, воды!..» — говорила она хриплым голосом, приподнявшись с постели.

Он сделался бледен как полотно, схватил стакан, налил и подал ей. Я закрыл глаза руками и стал читать молитву, не помню какую... Да, батюшка, видал я много, как люди умирают в гошпиталях и на поле сражения, только это все не то, совсем не то!.. Еще, признаться, меня вот что печалит: она перед смертью ни разу не вспомнила обо мне; а кажется, я ее любил как отец...

ну, да бог ее простит!.. И вправду молвить: что ж я такое, чтоб обо мне вспоминать перед смертью?..

Только что она испила воды, как ей стало легче, а минуты через три она скончалась. Приложили зеркало к губам — гладко!.. Я вывел Печорина вон из комнаты, и мы пошли на крепостной вал; долго мы ходили взад и вперед рядом, не говоря ни слова, загнув руки на спину; его лицо ничего не выражало особенного, и мне стало досадно: я бы на его месте умер с горя. Наконец он сел на землю, в тени, и начал что-то чертить палочкой на песке. Я, знаете, больше для приличия, хотел утешить его, начал говорить; он поднял голову и засмеялся... У меня мороз пробежал по коже от этого смеха... Я пошел заказывать гроб.

Признаться, я частию для развлечения занялся этим. У меня был кусок термаламы, я обил ею гроб и украсил его черкесскими серебряными галунами, которых Григорий Александрович накупил для нее же.

На другой день рано утром мы ее похоронили за крепостью, у речки, возле того места, где она в последний раз сидела; кругом ее могилки теперь разрослись кусты белой акации и бузины. Я хотел было поставить крест, да, знаете, неловко: все-таки она была не христианка...

— А что Печорин? — спросил я.

— Печорин был долго нездоров, исхудал, бедняжка; только никогда с этих пор мы не говорили о Бэле: я видел, что это ему будет неприятно, так зачем же? Месяца три спустя его назначили в е.....й полк, и он уехал в Грузию. Мы с тех пор не встречались, да, помнится, кто-то недавно мне говорил, что он возвратился в Россию, но в приказах по корпусу не было. Впрочем, до нашего брата вести поздно доходят.

Тут он пустился в длинную диссертацию о том, как неприятно узнавать новости годом позже — вероятно, для того, чтоб заглушить печальные воспоминания.

Я не перебивал его и не слушал.

Через час явилась возможность ехать; метель утихла, небо прояснилось, и мы отправились. Дорогой невольно я опять завел разговор о Бэле и о Печорине.

— А не слыхали ли вы, что́ сделалось с Казбичем? — спросил я.

— С Казбичем? А, право, не знаю... Слышал я, что на правом фланге у шапсугов есть какой-то Казбич,

удалец, который в красном бешмете разъезжает шажком под нашими выстрелами и превежливо раскланивается, когда пуля прожужжит близко; да вряд ли это тот самый!..

В Коби мы расстались с Максимом Максимычем; я поехал на почтовых, а он, по причине тяжелой поклажи, не мог за мной следовать. Мы не надеялись никогда более встретиться, однако встретились, и, если хотите, я расскажу: это целая история... Сознайтесь, однако ж, что Максим Максимыч человек достойный уважения?.. Если вы сознаетесь в этом, то я вполне буду вознагражден за свой, может быть, слишком длинный рассказ.

II

МАКСИМ МАКСИМЫЧ

Расставшись с Максимом Максимычем, я живо проскакал Терекское и Дарьяльское ущелья, завтракал в Казбеке, чай пил в Ларсе, а к ужину поспел в Владыкавказ. Избавляю вас от описания гор, от возгласов, которые ничего не выражают, от картин, которые ничего не изображают, особенно для тех, которые там не были, и от статистических замечаний, которых решительно никто читать не станет.

Я остановился в гостинице, где останавливаются все проезжие и где между тем некому велеть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которым она поручена, так глупы или так пьяны, что от них никакого толка нельзя добиться.

Мне объявили, что я должен прожить тут еще три дни, ибо «оказия» из Екатеринограда еще не пришла и, следовательно, отправиться обратно не может. Что за оказия!.. но дурной каламбур не утешение для русского человека, и я, для развлечения, вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле, не воображая, что он будет первым звеном длинной цепи повестей; видите, как иногда маловажный случай имеет жестокие последствия!.. А вы, может быть, не знаете, что такое «оказия»? Это — прикрытие, состоящее из полроты пехоты и пушки, с которым ходят обозы через Кабарду из Владыкавказа в Екатериноград.

Первый день я провел очень скучно; на другой рано утром въезжает на двор повозка... А! Максим Максимыч!.. Мы встретились как старые приятели. Я предло-

жил ему свою комнату. Он не церемонился, даже ударил меня по плечу и скривил рот на манер улыбки. Такой чудак!..

Максим Максимыч имел глубокие сведения в поваренном искусстве: он удивительно хорошо зажарил фазана, удачно полил его огуречным рассолом, и я должен признаться, что без него пришлось бы остаться на сухоядении. Бутылка кахетинского помогла нам забыть о скромном числе блюд, которых было всего одно, и, закурив трубки, мы уселись: я у окна, он у затопленной печи, потому что день был сырой и холодный. Мы молчали. Об чем было нам говорить?.. Он уж рассказал мне об себе все, что было занимательного, а мне было нечего рассказывать. Я смотрел в окно. Множество низеньких домиков, разбросанных по берегу Терека, который разбегается шире и шире, мелькали из-за дерев, а дальше синелись зубчатою стеной горы, и из-за них выглядывал Казбек в своей белой кардинальской шапке. Я с ними мысленно прощался: мне стало их жалко...

Так сидели мы долго. Солнце пряталось за холодные вершины, и беловатый туман начинал расходиться в долинах, когда на улице раздался звон дорожного колокольчика и крик извозчиков. Несколько повозок с грязными армянами въехало на двор гостиницы и за ними пустая дорожная коляска; ее легкий ход, удобное устройство и щегольской вид имели какой-то заграничный отпечаток. За нею шел человек с большими усами, в венгерке, довольно хорошо одетый для лакея; в его звании нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, с которой он вытряхивал золу из трубки и покрикивал на ямщика. Он явно был балованный слуга ленивого барина — нечто вроде русского фигаро.

— Скажи, любезный,— закричал я ему в окно,— что́ это — оказия пришла, что ли?

Он посмотрел довольно дерзко, поправил галстук и отвернулся; шедший возле него армянин, улыбаясь, отвечал за него, что точно пришла оказия и завтра утром отправится обратно.

— Слава богу! — сказал Максим Максимыч, подошедший к окну в это время.— Экая чудная коляска! — прибавил он,— верно, какой-нибудь чиновник едет на следствие в Тифлис. Видно, не знает наших горок! Нет, шутишь, любезный: они не свой брат, растрясут хоть английскую!

— А кто бы это такое был — пойдемте-ка узнать...

Мы вышли в коридор. В конце коридора была отворена дверь в боковую комнату. Лакей с нзвозчиком перетаскнвали в нее чемодаиы.

— Послушай, братец,— спроснл у него штабс-капитаи,— чья эта чудесная коляска?.. а?.. Прекрасная коляска!..— Лакей, не оборачиваясь, бормотал что-то про себя, развязывая чемодаи. Максим Макснмыч рассердился; он тронул иеучтивца по плечу и сказал: — Я тебе говорю, любезный...

— Чья коляска?.. моего господина...

— А кто твой господни?

— Печорин...

— Что ты? что ты? Печорин?.. Ах, боже мой!.. да не служил ли он иа Кавказе?..— воскликнул Макснм Максимыч, дернув меня за рукав. У него в глазах сверкала радость.

— Служил, кажется,— да я у ннх недавно.

— Ну так!.. так!.. Григорий Александрович?.. Так ведь его зовут?.. Мы с твонм барнном были прнятелн,— прнбавнл он, ударнв дружески по плечу лакея, так что заставил его пошатиуться...

— Позвольте, сударь; вы мне мешаете,— сказал тот, нахмурнвшнсь.

— Экой ты, братец!.. Да зиаешь лн? мы с твонм бариином былн друзья закадычные, жили вместе... Да где ж он сам остался?..

Слуга объявнл, что Печорин остался ужннать н иочевать у полковника Н...

— Да не зайдет лн он вечером сюда? — сказал Максим Максимыч,— или ты, любезный, не пойдешь лн к нему за чем-нибудь?.. Колн пойдешь, так скажн, что здесь Макснм Максимыч; так н скажн... уж он знает... Я тебе дам восьмнгривенный на водку...

Лакей сделал презрительиую мнну, слыша такое скромное обещанне, однако уверил Максима Макснмыча, что он нсполнит его порученне.

— Ведь сейчас прнбежнт!..— сказал мие Макснм Макснмыч с торжествующнм видом,— пойду за ворота его дожидаться... Эх! жалко, что я ие знаком с Н...

Максим Максимыч сел за воротамн на скамейку, а я ушел в свою комиату. Признаюсь, я также с некоторым нетерпеннем ждал появления этого Печорнна; хотя, по рассказу штабс-капнтана, я составил себе

о нем не очень выгодное понятие, однако некоторые черты в его характере показались мне замечательными. Через час инвалид принес кипящий самовар и чайник.

— Максим Максимыч, не хотите ли чаю? — закричал я ему в окно.

— Благодарствуйте; что-то не хочется.

— Эй, выпейте! Смотрите, ведь уж поздно, холодно.

— Ничего; благодарствуйте...

— Ну, как угодно! — Я стал пить чай один; минут через десять входит мой старик:

— А ведь вы правы: все лучше выпить чайку,— да я все ждал... Уж человек его давно к нему пошел, да, видно, что-нибудь задержало.

Он наскоро выхлебнул чашку, отказался от второй и ушел опять за ворота в каком-то беспокойстве: явно было, что старика огорчало небрежение Печорина, и тем более, что он мне недавно говорил о своей с ним дружбе и еще час тому назад был уверен, что он прибежит, как только услышит его имя.

Уже было поздно и темно, когда я снова отворил окно и стал звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; он что-то пробормотал сквозь зубы; я повторил приглашение,— он ничего не отвечал.

Я лег на диван, завернувшись в шинель и оставив свечу на лежанке, скоро задремал и проспал бы покойно, если б, уж очень поздно, Максим Максимыч, взойдя в комнату, не разбудил меня. Он бросил трубку на стол, стал ходить по комнате, шевырять в печи, наконец лег, но долго кашлял, плевал, ворочался...

— Не клопы ли вас кусают? — спросил я.

— Да, клопы...— отвечал он, тяжело вздохнув.

На другой день утром я проснулся рано; но Максим Максимыч предупредил меня. Я нашел его у ворот сидящего на скамейке. «Мне надо сходить к коменданту,— сказал он,— так пожалуйста, если Печорин придет, пришлите за мной...»

Я обещался. Он побежал, как будто члены его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Утро было свежее, но прекрасное. Золотые облака громоздились на горах, как новый ряд воздушных гор; перед воротами расстилалась широкая площадь; за нею базар кипел народом, потому что было воскресенье; босые мальчики-осетины, неся за плечами котомки с сотовым медом, вертелись вокруг меня; я их прогнал: мне

было не до них, я начинал разделять беспокойство доброго штабс-капитана.

Не прошло десяти минут, как на конце площади показался тот, которого мы ожидали. Он шел с полковником Н..., который, доведя его до гостиницы, простился с ним и поворотил в крепость. Я тотчас же послал инвалида за Максимом Максимычем.

Навстречу Печорина вышел его лакей и доложил, что сейчас станут закладывать, подал ему ящик с сигарами и, получив несколько приказаний, отправился хлопотать. Его господин, закурив сигару, зевнул раза два и сел на скамью по другую сторону ворот. Теперь я должен нарисовать его портрет.

Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучок его, застегнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое белье, изобличавшее привычки порядочного человека; его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке, и когда он снял одну перчатку, то я был удивлен худобой его бледных пальцев. Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками — верный признак некоторой скрытности характера. Впрочем, это мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях, и я вовсе не хочу вас заставить веровать в них слепо. Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость; он сидел, как сидит Бальзакова тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только по долгом наблюдении, можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства. Несмотря

на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные — признак породы в человеке, так, как черная грива и черный хвост у белой лошади. Чтоб докончить портрет, я скажу, что у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; о глазах я должен сказать еще несколько слов.

Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся! Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей?.. Это признак — или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его — непродолжительный, но проницательный и тяжелый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно спокоен. Все эти замечания пришли мне на ум, может быть, только потому, что я знал некоторые подробности его жизни, и, может быть, на другого вид его произвел бы совершенно различное впечатление; но так как вы об нем не услышите ни от кого, кроме меня, то поневоле должны довольствоваться этим изображением. Скажу в заключение, что он был вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам светским.

Лошади были уже заложены; колокольчик по временам звенел под дугою, и лакей уже два раза подходил к Печорину с докладом, что все готово, а Максим Максимыч еще не являлся. К счастию, Печорин был погружен в задумчивость, глядя на синие зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился в дорогу. Я подошел к нему.

— Если вы захотите еще немного подождать,— сказал я,— то будете иметь удовольствие увидаться с старым приятелем...

— Ах, точно! — быстро отвечал он,— мне вчера говорили: но где же он? — Я обернулся к площади и увидел Максима Максимыча, бегущего что было мочи... Через несколько минут он был уже возле нас; он едва мог дышать; пот градом катился с лица его; мокрые клочки седых волос, вырвавшись из-под шапки, приклеились ко лбу его; колена его дрожали... он хотел

кинуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя с приветливой улыбкой, протянул ему руку. Штабс-капитан на минуту остолбенел, но потом жадно схватил его руку обеими руками: он еще не мог говорить.

— Как я рад, дорогой Максим Максимыч! Ну, как вы поживаете? — сказал Печорин.

— А... ты?.. а вы?..— пробормотал со слезами на глазах старик...— сколько лет... сколько дней... да куда это?..

— Еду в Персию — и дальше...

— Неужто сейчас?.. Да подождите, дражайший!.. Неужто сейчас расстанемся?.. Столько времени не видались...

— Мне пора, Максим Максимыч,— был ответ.

— Боже мой, боже мой! да куда это так спешите?.. Мне столько бы хотелось вам сказать... столько расспросить... Ну что́? в отставке?.. как?.. что поделывали?..

— Скучал! — отвечал Печорин, улыбаясь...

— А помните наше житье-бытье в крепости? Славная страна для охоты!.. Ведь вы были страстный охотник стрелять... А Бэла?..

Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся...

— Да, помню! — сказал он, почти тотчас принужденно зевнув...

Максим Максимыч стал его упрашивать остаться с ним еще часа два.

— Мы славно пообедаем,— говорил он,— у меня есть два фазана; а кахетинское здесь прекрасное... разумеется, не то, что в Грузии, однако лучшего сорта... Мы поговорим... вы мне расскажете про свое житье в Петербурге... А?..

— Право, мне нечего рассказывать, дорогой Максим Максимыч... Однако прощайте, мне пора... я спешу... Благодарю, что не забыли...— прибавил он, взяв его за руку.

Старик нахмурил брови... Он был печален и сердит, хотя старался скрыть это.

— Забыть! — проворчал он,— я-то не забыл ничего... Ну, да бог с вами!.. Не так я думал с вами встретиться...

— Ну полно, полно! — сказал Печорин, обняв его дружески,— неужели я не тот же?.. Что делать?.. всякому своя дорога... Удастся ли еще встретиться,— бог

знает!..— Говоря это, он уже сидел в коляске, и ямщик уже начал подбирать вожжи.

— Постой, постой! — закричал вдруг Максим Максимыч, ухватясь за дверцы коляски,— совсем было забыл... У меня остались ваши бумаги, Григорий Александрыч... я их таскаю с собой... думал найти вас в Грузии, а вот где бог дал свидеться... Что мне с ними делать?..

— Что хотите! — отвечал Печорин.— Прощайте...

— Так вы в Персию?.. а когда вернетесь?..— кричал вслед Максим Максимыч...

Коляска была уж далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли! да и зачем?..

Давно уж не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колес по кремнистой дороге,— а бедный старик еще стоял на том же месте в глубокой задумчивости.

— Да,— сказал он наконец, стараясь принять равнодушный вид, хотя слеза досады по временам сверкала на его ресницах,— конечно, мы были приятели,— ну, да что приятели в нынешнем веке!.. Что ему во мне? Я не богат, не чиновен, да и по летам совсем ему не пара... Вишь, каким он франтом сделался, как побывал опять в Петербурге... Что за коляска!.. сколько поклажи!.. и лакей такой гордый!..— Эти слова были произнесены с иронической улыбкой.— Скажите,—продолжал он, обратясь ко мне,— ну что вы об этом думаете?.. ну, какой бес несет его теперь в Персию?.. Смешно, ей-богу, смешно!.. Да я всегда знал, что он ветреный человек, на которого нельзя надеяться... А, право, жаль, что он дурно кончит... да и нельзя иначе!.. Уж я всегда говорил, что нет проку в том, кто старых друзей забывает!..— Тут он отвернулся, чтоб скрыть свое волнение, и пошел ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматривает колеса, тогда как глаза его поминутно наполнялись слезами.

— Максим Максимыч,— сказал я, подошедши к нему,— а что это за бумаги вам оставил Печорин?

— А бог его знает! какие-то записки...

— Что вы из них сделаете?

— Что? а велю наделать патронов.

— Отдайте их лучше мне.

Он посмотрел на меня с удивлением, проворчал что-

то сквозь зубы и начал рыться в чемодане; вот он вынул одну тетрадку и бросил ее с презрением на землю; потом другая, третья и десятая имели ту же участь: в его досаде было что-то детское; мне стало смешно и жалко...

— Вот они все,— сказал он,— поздравляю вас с находкою...

— И я могу делать с ними все, что хочу?

— Хоть в газетах печатайте. Какое мне дело?.. Что, я разве друг его какой?.. или родственник?.. Правда, мы жили долго под одной кровлей... Да мало ли с кем я не жил?..

Я схватил бумаги и поскорее унес их, боясь, чтоб штабс-капитан не раскаялся. Скоро пришли нам объявить, что через час тронется оказия: я велел закладывать. Штабс-капитан вошел в комнату в то время, когда я уже надевал шапку; он, казалось, не готовился к отъезду; у него был какой-то принужденный, холодный вид.

— А вы, Максим Максимыч, разве не едете?

— Нет-с.

— А что так?

— Да я еще коменданта не видал, а мне надо сдать ему кой-какие казенные вещи...

— Да ведь вы же были у него?

— Был, конечно,— сказал он, заминаясь...— да его дома не было... а я не дождался.

Я понял его: бедный старик, в первый раз от роду, может быть, бросил дела службы для *собственной надобности*, говоря языком бумажным,— и как же он был награжден!

— Очень жаль,— сказал я ему,— очень жаль, Максим Максимыч, что нам до срока надо расстаться.

— Где нам, необразованным старикам, за вами гоняться!.. Вы молодежь светская, гордая: еще пока здесь, под черкесскими пулями, так вы туда-сюда... а после встретишься, так стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужил этих упреков, Максим Максимыч.

— Да я, знаете, так, к слову говорю; а впрочем, желаю вам всякого счастия и веселой дороги.

Мы простились довольно сухо. Добрый Максим Максимыч сделался упрямым, сварливым штабс-капитаном! И отчего? Оттого что Печорин в рассеянности или от

другой причины протянул ему руку, когда тот хотел кинуться ему на шею. Грустно видеть, когда юноша теряет лучшие свои надежды и мечты, когда пред ним отдергивается розовый флер, сквозь который он смотрел на дела и чувства человеческие, хотя есть надежда, что он заменит старые заблуждения новыми, не менее проходящими, но зато не менее сладкими... Но чем их заменить в лета Максима Максимыча? Поневоле сердце очерствеет и душа закроется...

Я уехал один.

ЖУРНАЛ ПЕЧОРИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер. Это известие меня очень обрадовало: оно давало мне право печатать эти записки, и я воспользовался случаем поставить свое имя над чужим произведением. Дай бог, чтоб читатели меня не наказали за такой невинный подлог!

Теперь я должен несколько объяснить причины, побудившие меня предать публике сердечные тайны человека, которого я никогда не знал. Добро бы я был еще его другом: коварная нескромность истинного друга понятна каждому; но я видел его только раз в моей жизни на большой дороге; следовательно, не могу питать к нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь под личиною дружбы, ожидает только смерти или несчастия любимого предмета, чтоб разразиться над его головою градом упреков, советов, насмешек и сожалений.

Перечитывая эти записки, я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки. История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление. Исповедь Руссо имеет уже тот недостаток, что он читал ее своим друзьям.

Итак, одно желание пользы заставило меня напечатать отрывки из журнала, доставшегося мне случайно. Хотя я переменил все собственные имена, но те, о которых в нем говорится, вероятно себя узнают, и, может

быть, они найдут оправдания поступкам, в которых до сей поры обвиняли человека, уже не имеющего отныне ничего общего с здешним миром: мы почти всегда извиняем то, что понимаем.

Я поместил в этой книге только то, что относилось к пребыванию Печорина на Кавказе; в моих руках осталась еще толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам.

Может быть, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? — Мой ответ — заглавие этой книги. «Да это злая ирония!» — скажут они.— Не знаю.

I

ТАМАНЬ

Тамань — самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голода, да еще вдобавок меня хотели утопить. Я приехал на перекладной тележке поздно ночью. Ямщик остановил усталую тройку у ворот единственного каменного дома, что при въезде. Часовой, черноморский казак, услышав звон колокольчика, закричал спросонья диким голосом: «Кто идет?» Вышел урядник и десятник. Я им объяснил, что я офицер, еду в действующий отряд по казенной надобности, и стал требовать казенную квартиру. Десятник нас повел по городу. К которой избе ни подъедем — занята. Было холодно, я три ночи не спал, измучился и начал сердиться. «Веди меня куда-нибудь, разбойник! хоть к черту, только к месту!» — закричал я. «Есть еще одна фатера,— отвечал десятник, почесывая затылок,— только вашему благородию не понравится; там нечисто!» Не поняв точного значения последнего слова, я велел ему идти вперед, и после долгого странствия по грязным переулкам, где по сторонам я видел одни только ветхие заборы, мы подъехали к небольшой хате, на самом берегу моря.

Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища; на дворе, обведенном оградой из булыжника, стояла избочась другая лачужка, менее и древнее первой. Берег обрывом спускался

к морю почти у самых стеи ее, и виизу с беспрерывным ропотом плескались темио-сннне волиы. Луиа тихо смотрела на беспокойиую, ио покориую ей стнхию, и я мог разлнчнть прн свете ее, далеко от берега, два корабля, которых черные сиастн, подобио паутиие, неподвижио рисовались на бледиой черте небосклоиа. «Суда в прнстаии есть,— подумал я,— завтра отправлюсь в Гелеиджик».

При мие исправлял должиость деищика лииейский казак. Велев ему выложить чемодан и отпустить извозчика, я стал звать хозяина — молчат; стучу — молчат... что это? Накоиец из сеией выполз мальчик лет четырнадцатн.

«Где хозяни?» — «Нема».— «Как? совсем нету?» — «Совсим».— «А хозяйка?» — «Побнгла в слободку».— «Кто же мие отопрет дверь?» — сказал я, ударив в иее иогою. Дверь сама отворилась; нз хаты повеяло сыростью. Я засветил сериую спичку и поднес ее к носу мальчнка: оиа озарила два белые глаза. Он был слепой, совершеиио слепой от природы. Ои стоял передо мною неподвижио, и я начал рассматрнвать черты его лица.

Призиаюсь, я имею сильное предубеждеиие протнв всех слепых, кривых, глухих, немых, безногих, безруких, горбатых и проч. Я замечал, что всегда есть какое-то страниое отиошеиие между наружностью человека и его душою: как будто с потерею члеиа душа теряет какое-нибудь чувство.

Итак, я начал рассматривать лнцо слепого; но что прнкажете прочитать иа лнце, у которого иет глаз?.. Долго я глядел иа иего с иевольным сожалеиием, как вдруг едва приметная улыбка пробежала по тоиким губам его, и, не зиаю отчего, оиа произвела на меия самое непрнятиое впечатлеиие. В голове моей родилось подозреиие, что этот слепой не так слеп, как оио кажется; напрасио я старался уверить себя, что бельмы подделать иевозможио, да и с какой целью? Но что делать? я часто склоиеи к предубеждеииям...

«Ты хозяйскнй сыи?» — спросил я его наконец. «Ни».— «Кто же ты?» — «Сирота, убогой».— «А у хозяйки есть дети?» — «Ни; была дочь, да утикла за море с татарином».— «С каким татариюм?» — «А бис его зиает! крымский татарин, лодочиик из Керчи».

Я взошел в хату: две лавкн и стол, да огромиый суидук возле печи составлялн всю ее мебель. На стене

ни одиого образа — дуриой зиак! В разбитое стекло врывался морской ветер. Я вытащил из чемодаиа восковой огарок и, засветив его, стал раскладывать вещи, поставив в угол шашку и ружье, пистолеты положил иа стол, разостлал бурку на лавке, казак свою иа другой; через десять минут он захрапел, но я не мог заснуть: передо мной во мраке все вертелся мальчик с белыми глазами.

Так прошло около часа. Месяц светил в окно, и луч его играл по земляному полу хаты. Вдруг на яркой полосе, пересекающей пол, промелькнула тень. Я привстал и взглянул в окно: кто-то вторично пробежал мимо его и скрылся бог знает куда. Я не мог полагать, чтоб это существо сбежало по отвесу берега; однако иначе ему иекуда было деваться. Я встал, накинул бешмет, опоясал кинжал и тихо-тихо вышел из хаты; иавстречу мие слепой мальчик. Я притаился у забора, и ои верной, но осторожиой поступью прошел мимо меня. Под мышкой он иес какой-то узел, и, повериув к пристани, стал спускаться по узкой и крутой тропинке. «В тот день иемые возопиют и слепые прозрят»,— подумал я, следуя за ним в таком расстоянии, чтоб не терять его из вида.

Между тем луна начала одеваться тучами и иа море подиялся туман; едва сквозь него светился фонарь на корме ближнего корабля; у берега сверкала пена валунов, ежеминутно грозящих его потопить. Я, с трудом спускаясь, пробирался по крутизие, и вот вижу: слепой приостановился, потом повернул инзом направо; он шел так близко от воды, что казалось, сейчас волна его схватит и унесет; но, видно, это была не первая его прогулка, судя по уверенности, с которой ои ступал с камня на камень и избегал рытвин. Наконец он остаиовился, будто прислушиваясь к чему-то, присел иа землю и положил возле себя узел. Я наблюдал за его движениями, спрятавшись за выдавшеюся скалою берега. Спустя несколько минут с противоположной стороны показалась белая фигура; она подошла к слепому и села возле него. Ветер по временам приносил мне их разговор.

— Что, слепой? — сказал женский голос,— буря сильна; Янко не будет.

— Янко не боится бури,— отвечал тот.

— Тумаи густеет,— возразил опять женский голос с выражением печали.

— В тумаие лучше пробраться мимо сторожевых судов,— был ответ.

— А если ои утоиет?

— Ну что ж? в воскресенье ты пойдешь в церковь без новой леиты.

Последовало молчаиие; меия, одиако, поразило одно: слепой говорил со миою малороссийским иаречием, а теперь изъясиялся чисто по-русски.

— Видишь, я прав,— сказал опять слепой, ударив в ладоши,— Яико ие боится ни моря, ии ветров, ии тумаиа, ни береговых сторожей; прислушайся-ка: это ие вода плещет, меия не обмаиешь,— это его длииные весла.

Женщииа вскочила и стала всматриваться в даль с видом беспокойства.

— Ты бредишь, слепой,— сказала она,— я иичего не вижу.

Призиаюсь, сколько я ии старался различить вдалеке что-нибудь иаподобне лодки, ио безуспешио. Так прошло мииут десять; и вот показалась между горами волн чериая точка: оиа то увеличивалась, то уменьшалась. Медлеиио поднимаясь на хребты волн, быстро спускаясь с них, приближалась к берегу лодка. Отважен был пловец, решившийся в такую иочь пуститься через пролив иа расстояиие двадцати верст, и важная должна быть причииа, его к тому побудившая! Думая так, я с иевольным биеиием сердца глядел иа бедную лодку; ио оиа, как утка, ныряла и потом, быстро взмахнув веслами, будто крыльями, выскакивала из пропасти среди брызгов пены; и вот, я думал, оиа ударится с размаха об берег и разлетится вдребезги; ио оиа ловко повериулась боком и вскочила в маленькую бухту иевредима. Из иее вышел человек среднего роста, в татарской бараньей шапке; он махнул рукою, и все трое прииялись вытаскивать что-то из лодки; груз был так велик, что я до сих пор не поинмаю, как оиа ие потоиула. Взяв иа плечн каждый по узлу, оии пустились вдоль по берегу, и скоро я потерял их из виду. Надо было вернуться домой; ио, призиаюсь, все эти страииости меия тревожили, и я иасилу дождался утра.

Казак мой был очень удивлеи, когда, проснувшись, увидал меия совсем одетого; я ему, однако ж, не сказал причииы. Полюбовавшись несколько времени из окна на голубое иебо, усеяииое разорванными облачками,

на дальний берег Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесом, на вершине коего белеется маячная башня, я отправился в крепость Фанагорию, чтоб узнать от коменданта о часе моего отъезда в Геленджик.

Но, увы! комендант ничего не мог сказать мне решительного. Суда, стоящие в пристани, были все — или сторожевые, или купеческие, которые еще даже не начинали нагружаться. «Может быть, дня через три, четыре придет почтовое судно,— сказал комендант,— и тогда — мы увидим». Я вернулся домой угрюм и сердит. Меня в дверях встретил казак мой с испуганным лицом.

— Плохо, ваше благородие! — сказал он мне.

— Да, брат, бог знает когда мы отсюда уедем! — Тут он еще больше встревожился и, наклонясь ко мне, сказал шепотом:

— Здесь нечисто! Я встретил сегодня черноморского урядника; он мне знаком — был прошлого года в отряде; как я ему сказал, где мы остановились, а он мне: «Здесь, брат, нечисто, люди недобрые!..» Да и в самом деле, что это за слепой! ходит везде один, и на базар, за хлебом, и за водой... уж видно, здесь к этому привыкли.

— Да что ж? по крайней мере показалась ли хозяйка?

— Сегодня без вас пришла старуха и с ней дочь.

— Какая дочь? у ней нет дочери.

— А бог ее знает, кто она, коли не дочь; да вон старуха сидит теперь в своей хате.

Я взошел в лачужку. Печь была жарко натоплена, и в ней варился обед, довольно роскошный для бедняков. Старуха на все мои вопросы отвечала, что она глуха, не слышит. Что было с ней делать? Я обратился к слепому, который сидел перед печью и подкладывал в огонь хворост. «Ну-ка, слепой чертенок,— сказал я, взяв его за ухо,— говори, куда ты ночью таскался, с узлом, а?» Вдруг мой слепой заплакал, закричал, заохал: «Куды я ходив?.. никуды не ходив... с узлом? яким узлом?» Старуха на этот раз услышала и стала ворчать: «Вот выдумывают, да еще на убогого! за что вы его? что он вам сделал?» Мне это надоело, и я вышел, твердо решившись достать ключ этой загадки.

Я завернулся в бурку и сел у забора на камень, поглядывая вдаль; предо мной тянулось ночною бурею взволнованное море, и однообразный шум его, подобный ропоту засыпающего города, напомнил мне старые годы, перенес мои мысли на север, в нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаниями, я забылся... Так прошло около часа, может быть, и более... Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух. Точно, это была песня, и женский, свежий голосок,— но откуда?.. Прислушиваюсь — напев странный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь — никого нет кругом; прислушиваюсь снова — звуки как будто падают с неба. Я поднял глаза: на крыше хаты моей стояла девушка в полосатом платье, с распущенными косами, настоящая русалка. Защитив глаза ладонью от лучей солнца, она пристально всматривалась в даль, то смеялась и рассуждала сама с собой, то запевала снова песню.

Я запомнил эту песню от слова до слова:

Как по вольной волюшке —
По зелену морю,
Ходят все кораблики
  Белопарусники.
Промеж тех корабликов
Моя лодочка,
Лодка неснащеная,
  Двухвесельная.
Буря ль разыграется —
Старые кораблики
Приподымут крылышки,
  По морю размечутся.
Стану морю кланяться
  Я низехонько:
«Уж не тронь ты, злое море,
  Мою лодочку:
Везет моя лодочка
Вещи драгоценные,
Правит ею в темну ночь
  Буйная головушка».

Мне невольно пришло на мысль, что ночью я слышал тот же голос; я на минуту задумался, и когда снова посмотрел на крышу, девушки там не было. Вдруг она пробежала мимо меня, напевая что-то другое, и, прищелкивая пальцами, вбежала к старухе, и тут начался между ними спор. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вот вижу, бежит опять вприпрыжку моя

ундина: поравнявшись со мной, она остановилась и пристально посмотрела мне в глаза, как будто удивленная моим присутствием; потом небрежно обернулась и тихо пошла к пристани. Этим не кончилось: целый день она вертелась около моей квартиры; пенье и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лице ее не было никаких признаков безумия; напротив, глаза ее с бойкою проницательностью останавливались на мне, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякий раз они как будто бы ждали вопроса. Но только я начинал говорить, она убегала, коварно улыбаясь.

Решительно, я никогда подобной женщины не видывал. Она была далеко не красавица, но я имею свои предубеждения также и насчет красоты. В ней было много породы... порода в женщинах, как и в лошадях, великое дело; это открытие принадлежит юной Франции. Она, то есть порода, а не юная Франция, большею частью изобличается в поступи, в руках и ногах; особенно нос очень много значит. Правильный нос в России реже маленькой ножки. Моей певунье казалось не более восемнадцати лет. Необыкновенная гибкость ее стана, особенное, ей только свойственное наклонение головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив ее слегка загорелой кожи на шее и плечах и особенно правильный нос — все это было для меня обворожительно. Хотя в ее косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное, хотя в ее улыбке было что-то неопределенное, но такова сила предубеждений: правильный нос свел меня с ума; я вообразил, что нашел Гётеву Миньону, это причудливое создание его немецкого воображения,— и точно, между ими было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни...

Под вечер, остановив ее в дверях, я завел с нею следующий разговор:

«Скажи-ка мне, красавица,— спросил я,— что ты делала сегодня на кровле?» — «А смотрела, откуда ветер дует».— «Зачем тебе?» — «Откуда ветер, оттуда и счастье».— «Что же? разве ты песнею зазывала счастье?» — «Где поется, там и счастливится».— «А как неравно напоешь себе горе?» — «Ну что ж? где не будет лучше, там будет хуже, а от худа до добра опять неда-

леко».— «Кто ж тебя выучил эту песню?» — «Ннкто не выучил; вздумается — запою; кому услыхать, тот услышит; а кому не должно слышать, тот не поймет».— «А как тебя зовут, моя певунья?» — «Кто крестил, тот знает».— «А кто крестил?» — «Почему я знаю».— «Экая скрытная! а вот я кое-что про тебя узнал». (Она не изменилась в лице, не пошевельнула губами, как будто не об ней дело.) «Я узнал, что ты вчера ночью ходила на берег». И тут я очень важно пересказал ей все, что видел, думая смутнть ее — нимало! Она захохотала во все горло. «Много видели, да мало знаете, а что знаете, так держите под замочком».— «А если б я, например, вздумал донести коменданту?» — и тут я сделал очень серьезную, даже строгую мину. Она вдруг прыгнула, запела и скрылась, как птичка, выпугнутая из кустарника. Последнне слова мои были вовсе не у места; я тогда не подозревал их важности, но впоследствни имел случай в инх раскаяться.

Только что смерклось, я велел казаку нагреть чайник по-походному, засветил свечу и сел у стола, покуривая из дорожной трубки. Уж я доканчивал второй стакан чая, как вдруг дверь скрыпнула, легкий шорох платья и шагов послышался за мной; я вздрогнул и обернулся,— то была она, моя ундина! Оиа села против меня тихо и безмолвно и устремила на меня глаза свои, и не знаю почему, но этот взор показался мне чудно-нежен; он мне напомнил один из тех взглядов, которые в старые годы так самовластно нграли моею жизнью. Она, казалось, ждала вопроса, но я молчал, полный невзъяснимого смущения. Лицо ее было покрыто тусклой бледностью, изобличавшей волнение душевное; рука ее без цели бродила по столу, и я заметил в ней легкий трепет; грудь ее то высоко поднималась, то, казалось, она удерживала дыхание. Эта комедия начинала мне надоедать, и я готов был прервать молчание самым прозанческим образом, то есть предложить ей стакан чая, как вдруг она вскочила, обвила руками мою шею, и влажный, огненный поцелуй прозвучал на губах моих. В глазах у меня потемнело, голова закружилась, я сжал ее в моих объятиях со всею силою юношеской страсти, но она, как змея, скользнула между моими рукамн, шепнув мне на ухо: «Нынче ночью, как все уснут, выходи на берег»,— и стрелою выскочила из комнаты. В сенях она опрокинула чайннк и свечу, стояв-

шую на полу. «Экий бес-девка!» — закричал казак, расположившийся на соломе и мечтавший согреться остатками чая. Только тут я опомнился.

Часа через два, когда все на пристани умолкло, я разбудил своего казака. «Если я выстрелю из пистолета,— сказал я ему,— то беги на берег». Он выпучил глаза и машинально отвечал: «Слушаю, ваше благородие». Я заткнул за пояс пистолет и вышел. Она дожидалась меня на краю спуска; ее одежда была более нежели легкая, небольшой платок опоясывал ее гибкий стан.

«Идите за мной!» — сказала она, взяв меня за руку, и мы стали спускаться. Не понимаю, как я не сломил себе шеи; внизу мы повернули направо и пошли по той же дороге, где накануне я следовал за слепым. Месяц еще не вставал, и только две звездочки, как два спасительные маяка, сверкали на темно-синем своде. Тяжелые волны мерно и ровно катились одна за другой, едва приподымая одинокую лодку, причаленную к берегу. «Взойдем в лодку»,— сказала моя спутница; я колебался — я не охотник до сентиментальных прогулок по морю; но отступать было не время. Она прыгнула в лодку, я за ней, и не успел еще опомниться, как заметил, что мы плывем. «Что это значит?» — сказал я сердито. «Это значит,— отвечала она, сажая меня на скамью и обвив мой стан руками,— это значит, что я тебя люблю...» И щека ее прижалась к моей, и я почувствовал на лице моем ее пламенное дыхание. Вдруг что-то шумно упало в воду: я хвать за пояс — пистолета нет. О, тут ужасное подозрение закралось мне в душу, кровь хлынула мне в голову! Оглядываюсь — мы от берега около пятидесяти сажен, а я не умею плавать! Хочу оттолкнуть ее от себя — она как кошка вцепилась в мою одежду, и вдруг сильный толчок едва не сбросил меня в море. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бешенство придавало мне силы, но я скоро заметил, что уступаю моему противнику в ловкости... «Чего ты хочешь?» — закричал я, крепко сжав ее маленькие руки; пальцы ее хрустели, но она не вскрикнула: ее змеиная натура выдержала эту пытку.

«Ты видел,— отвечала она,— ты донесешь!» — и сверхъестественным усилием повалила меня на борт; мы оба по пояс свесились из лодки; ее волосы касались воды; минута была решительная. Я уперся колен-

кою в дно, схватил ее одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросил ее в волны.

Было уже довольно темно; голова ее мелькнула раза два среди морской пены, и больше я ничего не видал...

На дне лодки я нашел половину старого весла и кое-как, после долгих усилий, причалил к пристани. Пробираясь берегом к своей хате, я невольно всматривался в ту сторону, где накануне слепой дожидался ночного пловца; луна уже катилась по небу, и мне показалось, что кто-то в белом сидел на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытством, и прилег в траве над обрывом берега; высунув немного голову, я мог хорошо видеть с утеса все, что внизу делалось, и не очень удивился, а почти обрадовался, узнав мою русалку. Она выжимала морскую пену из длинных волос своих; мокрая рубашка обрисовывала гибкий стан ее и высокую грудь. Скоро показалась вдали лодка, быстро приблизилась она; из нее, как накануне, вышел человек в татарской шапке, но острижен он был по-казацки, и за ременным поясом его торчал большой нож. «Янко,— сказала она,— все пропало!» Потом разговор их продолжался, но так тихо, что я ничего не мог расслушать. «А где же слепой?» — сказал наконец Янко, возвыся голос. «Я его послала»,— был ответ. Через несколько минут явился слепой, таща на спине мешок, который положили в лодку.

— Послушай, слепой! — сказал Янко,— ты береги то место... знаешь? там богатые товары... скажи (имени я не расслышал), что я ему больше не слуга; дела пошли худо, он меня больше не увидит; теперь опасно; поеду искать работы в другом месте, а ему уж такого удальца не найти. Да скажи, кабы он получше платил за труды, так и Янко бы его не покинул; а мне везде дорога, где только ветер дует и море шумит! — После некоторого молчания Янко продолжал: — Она поедет со мною; ей нельзя здесь оставаться; а старухе скажи, что, дескать, пора умирать, зажилась, надо знать и честь. Нас же больше не увидит.

— А я? — сказал слепой жалобным голосом.

— На что мне тебя? — был ответ.

Между тем моя ундина вскочила в лодку и махнула товарищу рукою; он что-то положил слепому в руку, примолвив: «На, купи себе пряников».— «Только?» —

сказал слепой. «Ну, вот тебе еще»,— и упавшая монета зазвенела, ударясь о камень. Слепой ее не поднял. Янко сел в лодку, ветер дул от берега, они подняли маленький парус и быстро понеслись. Долго при свете месяца мелькал белый парус между темных волн; слепой все сидел на берегу, и вот мне послышалось что-то похожее на рыдание: слепой мальчик точно плакал, и долго, долго... Мне стало грустно. И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг *честных контрабандистов?* Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие и, как камень, едва сам не пошел ко дну!

Я возвратился домой. В сенях трещала догоревшая свеча в деревянной тарелке, и казак мой, вопреки приказанию, спал крепким сном, держа ружье обеими руками. Я его оставил в покое, взял свечу и пошел в хату. Увы! моя шкатулка, шашка с серебряной оправой, дагестанский кинжал — подарок приятеля — все исчезло. Тут-то я догадался, какие вещи тащил проклятый слепой. Разбудив казака довольно невежливым толчком, я побранил его, посердился, а делать было нечего! И не смешно ли было бы жаловаться начальству, что слепой мальчик меня обокрал, а восьмнадцатилетняя девушка чуть-чуть не утопила?

Слава богу, поутру явилась возможность ехать, и я оставил Тамань. Что сталось с старухой и с бедным слепым — не знаю. Да и какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру, да еще с подорожной по казенной надобности!..

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(Окончание журнала Печорина)

II

КНЯЖНА МЕРИ

11-го мая.

Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли. Нынче в пять часов утра, когда я открыл окно,

моя комната иаполиилась запахом цветов, растущих в скромном палисадике. Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками. Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту синеет, как «последняя туча рассеянной бури»; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона; на восток смотреть веселее: внизу передо мною пестреет чистенький, новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа,— а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом... Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо синё — чего бы, кажется, больше? зачем тут страсти, желания, сожаления?.. Однако пора. Пойду к Елисаветинскому источнику: там, говорят, утром собирается все водяное общество.

. . . .

Спустясь в середину города, я пошел бульваром, где встретил несколько печальных групп, медленно подымающихся в гору; то были большею частию семейства степных помещиков; об этом можно было тотчас догадаться по истертым, старомодным сюртукам мужей и по изысканным нарядам жен и дочерей; видно, у них вся *водяная* молодежь была уже на перечете, потому что они на меня посмотрели с нежным любопытством: петербургский покрой сюртука ввел их в заблуждение, но, скоро узнав армейские эполеты, они с негодованием отвернулись.

Жены местных властей, так сказать хозяйки вод, были благосклоннее; у них есть лорнеты, они менее обращают внимания на мундир, они привыкли на Кавказе встречать под нумерованной пуговицей пылкое сердце и под белой фуражкой образованный ум. Эти дамы очень милы; и долго милы! Всякий год их обожатели сменяются новыми, и в этом-то, может быть, секрет их неутомимой любезности. Подымаясь по узкой тропинке к Елисаветинскому источнику, я обогнал толпу мужчин, штатских и военных, которые, как я узнал после, составляют особенный класс людей между чающими движения воды. Они пьют — однако не воду, гуляют мало,

волочатся только мимоходом; они играют и жалуются на скуку. Они франты: опуская свой оплетенный стакан в колодезь кислосерной воды, они принимают академические позы; штатские носят светло-голубые галстуки, военные выпускают из-за воротника брыжжи. Они исповедывают глубокое презрение к провинциальным домам и вздыхают о столичных аристократических гостиных, куда их не пускают.

Наконец вот и колодезь... На площадке близ него построен домик с красной кровлею над ванной, а подальше галерея, где гуляют во время дождя. Несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобрав костыли,— бледные, грустные. Несколько дам скорыми шагами ходили взад и вперед по площадке, ожидая действия вод. Между ними были два-три хорошеньких личика. Под виноградными аллеями, покрывающими скат Машука, мелькали порою пестрые шляпки любительниц уединения вдвоем, потому что всегда возле такой шляпки я замечал или военную фуражку, или безобразную круглую шляпу. На крутой скале, где построен павильон, называемый Эоловой Арфой, торчали любители видов и наводили телескоп на Эльборус; между ними были два гувернера с своими воспитанниками, приехавшими лечиться от золотухи.

Я остановился, запыхавшись, на краю горы и, прислонясь к углу домика, стал рассматривать живописную окрестность, как вдруг слышу за собой знакомый голос:

— Печорин! давно ли здесь?

Оборачиваюсь: Грушницкий! Мы обнялись. Я познакомился с ним в действующем отряде. Он был ранен пулей в ногу и поехал на воды с неделю прежде меня.

Грушницкий — юнкер. Он только год в службе, носит, по особенному роду франтовства, толстую солдатскую шинель. У него георгиевский солдатский крестик. Он хорошо сложен, смугл и черноволос; ему на вид можно дать двадцать пять лет, хотя ему едва ли двадцать один год. Он закидывает голову назад, когда говорит, и поминутно крутит усы левой рукой, ибо правою опирается на костыль. Говорит он скоро и вычурно: он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные стра-

дания. Производить эффект — их наслаждение; они нравятся романтическим провинциалкам до безумия. Под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами — иногда тем и другим. В их душе часто много добрых свойств, но ни на грош поэзии. Грушницкого страсть была декламировать: он закидывал вас словами, как скоро разговор выходил из круга обыкновенных понятий; спорить с ним я никогда не мог. Он не отвечает на ваши возражения, он вас не слушает. Только что вы остановитесь, он начинает длинную тираду, по-видимому имеющую какую-то связь с тем, что вы сказали, но которая в самом деле есть только продолжение его собственной речи.

Он довольно остер: эпиграммы его часто забавны, но никогда не бывают метки и злы: он никого не убьет одним словом; он не знает людей и их слабых струн, потому что занимался целую жизнь одним собою. Его цель — сделаться героем романа. Он так часто старался уверить других в том, что он существо, не созданное для мира, обреченное каким-то тайным страданиям, что он сам почти в этом уверился. Оттого-то он так гордо носит свою толстую солдатскую шинель. Я его понял, и он за это меня не любит, хотя мы наружно в самых дружеских отношениях. Грушницкий слывет отличным храбрецом; я его видел в деле: он махает шашкой, кричит и бросается вперед, зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость!..

Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас несдобровать.

Приезд его на Кавказ — также следствие его романтического фанатизма: я уверен, что накануне отъезда из отцовской деревни он говорил с мрачным видом какой-нибудь хорошенькой соседке, что он едет не так, просто, служить, но что ищет смерти, потому что... тут он, верно, закрыл глаза рукою и продолжал так: «Нет, вы (или ты) этого не должны знать! Ваша чистая душа содрогнется! Да и к чему? Что я для вас? Поймете ли вы меня?..» — и так далее.

Он мне сам говорил, что причина, побудившая его вступить в К. полк, останется вечною тайною между им и небесами.

Впрочем, в те минуты, когда сбрасывает трагическую мантию, Грушницкий довольно мил и забавен. Мне лю-

бопытно видеть его с женщинами: тут-то он, я думаю, старается!

Мы встретились старыми приятелями. Я начал его расспрашивать об образе жизни на водах и о примечательных лицах.

— Мы ведем жизнь довольно прозаическую,— сказал он, вздохнув,— пьющие утром воду — вялы, как все больные, а пьющие вино повечеру — несносны, как все здоровые. Женские общества есть; только от них небольшое утешение: они играют в вист, одеваются дурно и ужасно говорят по-французски. Нынешний год из Москвы одна только княгиня Лиговская с дочерью; но я с ними незнаком. Моя солдатская шинель — как печать отвержения. Участие, которое она возбуждает, тяжело, как милостыня.

В эту минуту прошли к колодцу мимо нас две дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная. Их лиц за шляпками я не разглядел, но они одеты были по строгим правилам лучшего вкуса: ничего лишнего. На второй было закрытое платье *gris de perles*[1], легкая шелковая косынка вилась вокруг ее гибкой шеи. Ботинки *couleur puce*[2] стягивали у щиколотки ее сухощавую ножку так мило, что даже не посвященный в таинства красоты непременно бы ахнул, хотя от удивления. Ее легкая, но благородная походка имела в себе что-то девственное, ускользающее от определения, но понятное взору. Когда она прошла мимо нас, от нее повеяло тем неизъяснимым ароматом, которым дышит иногда записка милой женщины.

— Вот княгиня Лиговская,— сказал Грушницкий,— и с нею дочь ее Мери, как она ее называет на английский манер. Они здесь только три дня.

— Однако ты уж знаешь ее имя?

— Да, я случайно слышал,— отвечал он, покраснев,— признаюсь, я не желаю с ними познакомиться. Эта гордая знать смотрит на нас, армейцев, как на диких. И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью?

— Бедная шинель! — сказал я, усмехаясь,— а кто этот господин, который к ним подходит и так услужливо подает им стакан?

---

[1] серо-жемчужного цвета (*фр.*).

[2] красновато-бурого цвета (*фр.*).

— О! это московский франт Раевич! Он игрок: это видно тотчас по золотой огромной цепи, которая извивается по его голубому жилету. А что за толстая трость — точно у Робинзона Крузоэ! Да и борода кстати, и прическа *à la moujik*[1].

— Ты озлоблен против всего рода человеческого.

— И есть за что...

— О! право?

В это время дамы отошли от колодца и поравнялись с нами. Грушницкий успел принять драматическую позу с помощью костыля и громко отвечал мне по-французски:

— Mon cher, je haïs les hommes pour ne pas les mépriser, car autrement la vie serait une farce trop dégoûtante[2].

Хорошенькая княжна обернулась и подарила оратора долгим любопытным взором. Выражение этого взора было очень неопределенно, но не насмешливо, с чем я внутренно от души его поздравил.

— Эта княжна Мери прехорошенькая,— сказал я ему.— У нее такие бархатные глаза — именно бархатные: я тебе советую присвоить это выражение, говоря об ее глазах; нижние и верхние ресницы так длинны, что лучи солнца не отражаются в ее зрачках. Я люблю эти глаза без блеска: они так мягки, они будто бы тебя гладят... Впрочем, кажется, в ее лице только и есть хорошего... А что, у нее зубы белы? Это очень важно! жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу.

— Ты говоришь об хорошенькой женщине, как об английской лошади,— сказал Грушницкий с негодованием.

— Mon cher,— отвечал я ему, стараясь подделаться под его тон,— je méprise les femmes pour ne pas les aimer car autrement la vie serait un mélodrame trop ridicule[3].

Я повернулся и пошел от него прочь. С полчаса гулял я по виноградным аллеям, по известчатым скалам и висящим между них кустарникам. Становилось жарко, и я поспешил домой. Проходя мимо кислосерного источ-

---

[1] по-мужицки *(фр.)*.

[2] Милый мой, я ненавижу людей, чтоб их не презирать, потому что иначе жизнь была бы слишком отвратительным фарсом *(фр.)*.

[3] Милый мой, я презираю женщин, чтобы не любить их, потому что иначе жизнь была бы слишком нелепой мелодрамой *(фр.)*.

иика, я остаиовился у крытой галереи, чтоб вздохнуть под ее тенью, и это доставило мне случай быть свидетелем довольно любопытной сцены. Действующне лица находились вот в каком положенин. Кяягння с московским франтом сидела на лавке в крытой галерее, н оба былн заияты, кажется, серьезиым разговором. Княжна, вероятио допив уж последиий стакан, прохажнвалась задумчнво у колодца. Грушнннцкнй стоял у самого колодца; больше на площадке иикого ие было.

Я подошел блнже и спрятался за угол галереи. В эту минуту Грушннцкий уронил свой стакан на песок н усилнвался нагнуться, чтоб его поднять: больная нога ему мешала. Бедияжка! как ои ухитрялся, опнраясь на костыль, и все напрасно. Выразительное лицо его в самом деле нзображало страдание.

Княжна Мерн видела все это лучше меня.

Легче птчки она к нему подскочила, нагнулась, подняла стакан н подала его с телодвнженнем, исполненным невыразнмой прелестн; потом ужасно покраснела, оглянулась на галерею н, убедившнсь, что ее маменька ннчего не вндала, кажется, тотчас же успоконлась. Когда Грушницкнй открыл рот, чтобы поблагодарить ее, она была уже далеко. Через мнннуту оиа вышла нз галереи с матерью и франтом, но, проходя мнмо Грушннцкого, приняла внд такой чнннный и важный — даже не обернулась, даже не заметила его страстного взгляда, которым он долго ее провожал, пока, спустнвшнсь с горы, она не скрылась за лнпками бульвара... Но вот ее шляпка мелькнула через улицу; она вбежала в ворота одного нз лучшнх домов Пятигорска. За нею прошла княгиня н у ворот раскланялась с Раевичем.

Только тогда бедный страстный юнкер заметнл мое прнсутствне.

— Ты вндел? — сказал ои, крепко пожнмая мне руку,— это просто ангел!

— Отчего? — спроснл я с видом чнстейшего простодушня.

— Разве ты не вндал?

— Нет, видел: она подняла твой стакан. Если б был тут сторож, то он сделал бы то же самое, и еще поспешнее, иадеясь получнть иа водку. Впрочем, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сделал такую ужасную грнмасу, когда ступил на простреленную ногу...

— И ты не был нисколько тронут, глядя на нее в эту минуту, когда душа сияла на лице ее?..

— Нет.

Я лгал; но мне хотелось его побесить. У меня врожденная страсть противоречить; целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных противоречий сердцу или рассудку. Присутствие энтузиаста обдает меня крещенским холодом, и, я думаю, частые сношения с вялым флегматиком сделали бы из меня страстного мечтателя. Признаюсь еще, чувство неприятное, но знакомое пробежало слегка в это мгновение по моему сердцу; это чувство — было зависть; я говорю смело «зависть», потому что привык себе во всем признаваться; и вряд ли найдется молодой человек, который, встретив хорошенькую женщину, приковавшую его праздное внимание и вдруг явно при нем отличившую другого, ей равно незнакомого, вряд ли, говорю, найдется такой молодой человек (разумеется, живший в большом свете и привыкший баловать свое самолюбие), который бы не был этим поражен неприятно.

Молча с Грушницким спустились мы с горы и прошли по бульвару, мимо окон дома, где скрывалась наша красавица. Она сидела у окна. Грушницкий, дернув меня за руку, бросил на нее один из тех мутно-нежных взглядов, которые так мало действуют на женщин. Я навел на нее лорнет и заметил, что она от его взгляда улыбнулась, а что мой дерзкий лорнет рассердил ее не на шутку. И как, в самом деле, смеет кавказский армеец наводить стеклышко на московскую княжну?..

13-го мая.

Нынче поутру зашел ко мне доктор; его имя Вернер, но он русский. Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, который был немец.

Вернер человек замечательный по многим причинам. Он скептик и матерьялист, как все почти медики, а вместе с этим поэт, и не на шутку,— поэт на деле всегда и часто на словах, хотя в жизнь свою не написал двух стихов. Он изучал все живые струны сердца человеческого, как изучают жилы трупа, но никогда не умел он воспользоваться своим знанием; так иногда отличный анатомик не умеет вылечить от лихорадки! Обыкновенно Вернер исподтишка насмехался над своими больными; но я раз видел, как он плакал над уми-

рающим солдатом... Он был беден, мечтал о миллионах, а для денег не сделал бы лишнего шага: он мне раз говорил, что скорее сделает одолжение врагу, чем другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда как ненависть только усилится соразмерно великодушию противника. У него был злой язык: под вывескою его эпиграммы не один добряк прослыл пошлым дураком; его соперники, завистливые водяные медики, распустили слух, будто он рисует карикатуры на своих больных,— больные взбеленились, почти все ему отказали. Его приятели, то есть все истинно порядочные люди, служившие на Кавказе, напрасно старались восстановить его упадший кредит.

Его наружность была из тех, которые с первого взгляда поражают неприятно, но которые нравятся впоследствии, когда глаз выучится читать в неправильных чертах отпечаток души испытанной и высокой. Бывали примеры, что женщины влюблялись в таких людей до безумия и не променяли бы их безобразия на красоту самых свежих и розовых эндимионов; надобно отдать справедливость женщинам: они имеют инстинкт красоты душевной; оттого-то, может быть, люди, подобные Вернеру, так страстно любят женщин.

Вернер был мал ростом, и худ, и слаб, как ребенок; одна нога была у него короче другой, как у Байрона; в сравнении с туловищем голова его казалась огромна: он стриг волосы под гребенку, и неровности его черепа, обнаженные таким образом, поразили бы френолога странным сплетением противоположных наклонностей. Его маленькие черные глаза, всегда беспокойные, старались проникнуть в ваши мысли. В его одежде заметны были вкус и опрятность; его худощавые, жилистые и маленькие руки красовались в светло-желтых перчатках. Его сюртук, галстук и жилет были постоянно черного цвета. Молодежь прозвала его Мефистофелем; он показывал, будто сердился на это прозвание, но в самом деле оно льстило его самолюбию. Мы друг друга скоро поняли и сделались приятелями, потому что я к дружбе не способен: из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается; рабом я быть не могу, а повелевать в этом случае — труд утомительный, потому что надо вместе с этим и обманывать; да притом у меня есть лакеи и деньги! Вот как мы сделались приятелями: я встретил

Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодежи; разговор принял под конец вечера философско-метафизическое направление; толковали об убеждениях: каждый был убежден в разных разностях.

— Что до меня касается, то я убежден только в одном...— сказал доктор.

— В чем это? — спросил я, желая узнать мнение человека, который до сих пор молчал.

— В том,— отвечал он,— что рано или поздно, в одно прекрасное утро я умру.

— Я богаче вас,— сказал я,— у меня, кроме этого, есть еще убеждение — именно то, что я в один прегадкий вечер имел несчастие родиться.

Все нашли, что мы говорим вздор, а, право, из них никто ничего умнее этого не сказал. С этой минуты мы отличили в толпе друг друга. Мы часто сходились вместе и толковали вдвоем об отвлеченных предметах очень серьезно, пока не замечали оба, что мы взаимно друг друга морочим. Тогда, посмотрев значительно друг другу в глаза, как делали римские авгуры, по словам Цицерона, мы начинали хохотать и, нахохотавшись, расходились довольные своим вечером.

Я лежал на диване, устремив глаза в потолок и заложив руки под затылок, когда Вернер взошел в мою комнату. Он сел в кресла, поставил трость в угол, зевнул и объявил, что на дворе становится жарко. Я отвечал, что меня беспокоят мухи,— и мы оба замолчали.

— Заметьте, любезный доктор,— сказал я,— что без дураков было бы на свете очень скучно... Посмотрите, вот нас двое умных людей; мы знаем заранее, что обо всем можно спорить до бесконечности, и потому не спорим; мы знаем почти все сокровенные мысли друг друга; одно слово — для нас целая история; видим зерно каждого нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное нам смешно, смешное грустно, а вообще, по правде, мы ко всему довольно равнодушны, кроме самих себя. Итак, размена чувств и мыслей между нами не может быть: мы знаем один о другом все, что хотим знать, и знать больше не хотим; остается одно средство: рассказывать новости. Скажите же мне какую-нибудь новость.

Утомленный долгою речью, я закрыл глаза и зевнул...

Он отвечал, подумавши:

— В вашей галиматье, однако ж, есть идея.
— Две! — отвечал я.
— Скажите мне одну, я вам скажу другую.
— Хорошо, начинайте! — сказал я, продолжая рассматривать потолок и внутренно улыбаясь.
— Вам хочется знать какие-нибудь подробности насчет кого-нибудь из приехавших на воды, и я уж догадываюсь, о ком вы это заботитесь, потому что об вас там уже спрашивали.
— Доктор! решительно нам нельзя разговаривать: мы читаем в душе друг у друга.
— Теперь другая...
— Другая идея вот: мне хотелось вас заставить рассказать что-нибудь; во-первых, потому, что слушать менее утомительно; во-вторых, нельзя проговориться; в-третьих, можно узнать чужую тайну; в-четвертых, потому, что такие умные люди, как вы, лучше любят слушателей, чем рассказчиков. Теперь к делу: что вам сказала княгиня Лиговская обо мне?
— Вы очень уверены, что это княгиня... а не княжна?..
— Совершенно убежден.
— Почему?
— Потому что княжна спрашивала об Грушницком.
— У вас большой дар соображения. Княжна сказала, что она уверена, что этот молодой человек в солдатской шинели разжалован в солдаты за дуэль...
— Надеюсь, вы ее оставили в этом приятном заблуждении...
— Разумеется.
— Завязка есть! — закричал я в восхищении,— об развязке этой комедии мы похлопочем. Явно судьба заботится о том, чтоб мне не было скучно.
— Я предчувствую,— сказал доктор,— что бедный Грушницкий будет вашей жертвой...
— Дальше, доктор...
— Княгиня сказала, что ваше лицо ей знакомо. Я ей заметил, что, верно, она вас встречала в Петербурге, где-нибудь в свете... я сказал ваше имя... Оно было ей известно. Кажется, ваша история там наделала много шума... Княгиня стала рассказывать о ваших похождениях, прибавляя, вероятно, к светским сплетням свои замечания... Дочка слушала с любопытством. В ее воображении вы сделались героем романа в новом вкусе...

Я не противоречил княгине, хотя знал, что она говорит вздор.

— Достойный друг! — сказал я, протянув ему руку. Доктор пожал ее с чувством и продолжал:

— Если хотите, я вас представлю...

— Помилуйте! — сказал я, всплеснув руками,— разве героев представляют? Они не иначе знакомятся, как спасая от верной смерти свою любезную...

— И вы в самом деле хотите волочиться за княжной?..

— Напротив, совсем напротив!.. Доктор, наконец я торжествую: вы меня не понимаете!.. Это меня, впрочем, огорчает, доктор,— продолжал я после минуты молчания,— я никогда сам не открываю моих тайн, а ужасно люблю, чтоб их отгадывали, потому что таким образом я всегда могу при случае от них отпереться. Однако ж вы мне должны описать маменьку с дочкой. Что они за люди?

— Во-первых, княгиня — женщина сорока пяти лет,— отвечал Вернер,— у ней прекрасный желудок, но кровь испорчена; на щеках красные пятна. Последнюю половину своей жизни она провела в Москве и тут на покое растолстела. Она любит соблазнительные анекдоты и сама говорит иногда неприличные вещи, когда дочери нет в комнате. Она мне объявила, что дочь ее невинна как голубь. Какое мне дело?.. Я хотел ей отвечать, чтоб она была спокойна, что я никому этого не скажу! Княгиня лечится от ревматизма, а дочь бог знает от чего; я велел обеим пить по два стакана в день кислосерной воды и купаться два раза в неделю в разводной ванне. Княгиня, кажется, не привыкла повелевать: она питает уважение к уму и знаниям дочки, которая читала Байрона по-английски и знает алгебру: в Москве, видно, барышни пустились в ученость и хорошо делают, право! Наши мужчины так не любезны вообще, что с ними кокетничать, должно быть, для умной женщины несносно. Княгиня очень любит молодых людей; княжна смотрит на них с некоторым презрением: московская привычка! Они в Москве только и питаются что сорокалетними остряками.

— А вы были в Москве, доктор?

— Да, я имел там некоторую практику.

— Продолжайте.

— Да я, кажется, все сказал... Да! вот еще: княжна,

кажется, любит рассуждать о чувствах, страстях и прочее... она была одну зиму в Петербурге, и он ей не понравился, особенно общество: ее, верно, холодно приняли.

— Вы никого у них не видали сегодня?

— Напротив; был один адъютант, один натянутый гвардеец и какая-то дама из новоприезжих, родственница княгини по муже, очень хорошенькая, но очень, кажется, больная... Не встретили ль вы ее у колодца? — она среднего роста, блондинка, с правильными чертами, цвет лица чахоточный, а на правой щеке черная родинка: ее лицо меня поразило своею выразительностию.

— Родинка! — пробормотал я сквозь зубы.— Неужели?

Доктор посмотрел на меня и сказал торжественно, положив мне руку на сердце:

— Она вам знакома!..— Мое сердце точно билось сильнее обыкновенного.

— Теперь ваша очередь торжествовать! — сказал я,— только я на вас надеюсь: вы мне не измените. Я ее не видал еще, но уверен, узнаю в вашем портрете одну женщину, которую любил в старину... Не говорите ей обо мне ни слова; если она спросит, отнеситесь обо мне дурно.

— Пожалуй! — сказал Вернер, пожав плечами.

Когда он ушел, ужасная грусть стеснила мое сердце. Судьба ли нас свела опять на Кавказе, или она нарочно сюда приехала, зная, что меня встретит?.. и как мы встретимся?.. и потом, она ли это?.. Мои предчувствия меня никогда не обманывали. Нет в мире человека, над которым прошедшее приобретало бы такую власть, как надо мною. Всякое напоминание о минувшей печали или радости болезненно ударяет в мою душу и извлекает из нее все те же звуки... Я глупо создан: ничего не забываю,— ничего!

После обеда часов в шесть я пошел на бульвар: там была толпа; княгиня с княжною сидели на скамье, окруженные молодежью, которая любезничала наперерыв. Я поместился в некотором расстоянии на другой лавке, остановил двух знакомых Д... офицеров и начал им что-то рассказывать; видно, было смешно, потому что они начали хохотать как сумасшедшие. Любопытство привлекло ко мне некоторых из окружавших княжну; мало-помалу и все ее покинули и присоединились к мо-

ему кружку. Я не умолкал: мои анекдоты были умны до глупости, мои насмешки над проходящими мимо оригиналами были злы до неистовства... Я продолжал увеселять публику до захождения солнца. Несколько раз княжна под ручку с матерью проходила мимо меня, сопровождаемая каким-то хромым старичком; несколько раз ее взгляд, упадая на меня, выражал досаду, стараясь выразить равнодушие...

— Что он вам рассказывал? — спросила она у одного из молодых людей, возвратившихся к ней из вежливости,— верно, очень занимательную историю — свои подвиги в сражениях?..— Она сказала это довольно громко и, вероятно, с намерением кольнуть меня. «А-га! — подумал я,— вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то ли еще будет!»

Грушницкий следил за нею, как хищный зверь, и не спускал ее с глаз: бьюсь об заклад, что завтра он будет просить, чтоб его кто-нибудь представил княгине. Она будет очень рада, потому что ей скучно.

16-го мая.

В продолжение двух дней мои дела ужасно подвинулись. Княжна меня решительно ненавидит; мне уже пересказывали две-три эпиграммы на мой счет, довольно колкие, но вместе очень лестные. Ей ужасно странно, что я, который привык к хорошему обществу, который так короток с ее петербургскими кузинами и тетушками, не стараюсь познакомиться с нею. Мы встречаемся каждый день у колодца, на бульваре; я употребляю все свои силы на то, чтоб отвлекать ее обожателей, блестящих адъютантов, бледных москвичей и других,— и мне почти всегда удается. Я всегда ненавидел гостей у себя: теперь у меня каждый день полон дом, обедают, ужинают, играют,— и, увы, мое шампанское торжествует над силою магнетических ее глазок!

Вчера я ее встретил в магазине Челахова; она торговала чудесный персидский ковер. Княжна упрашивала свою маменьку не скупиться: этот ковер так украсил бы ее кабинет!.. Я дал сорок рублей лишних и перекупил его; за это я был вознагражден взглядом, где блистало самое восхитительное бешенство. Около обеда я велел нарочно провести мимо ее окон мою черкесскую лошадь, покрытую этим ковром. Вернер был у них в это время и говорил мне, что эффект этой сцены был самый

драматический. Княжна хочет проповедовать против меня ополчение; я даже заметил, что уж два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякий день у меня обедают.

Грушницкий принял таинственный вид: ходит, закинув руки за спину, и никого не узнает; нога его вдруг выздоровела: он едва хромает. Он нашел случай вступить в разговор с княгиней и сказать какой-то комплимент княжне; она, видно, не очень разборчива, ибо с тех пор отвечает на его поклон самой милой улыбкою.

— Ты решительно не хочешь познакомиться с Лиговскими? — сказал он мне вчера.

— Решительно.

— Помилуй! самый приятный дом на водах! Все здешнее лучшее общество...

— Мой друг, мне и не здешнее ужасно надоело. А ты у них бываешь?

— Нет еще; я говорил раза два с княжной, и более, но знаешь, как-то напрашиваться в дом неловко, хотя здесь это и водится... Другое дело, если бы я носил эполеты...

— Помилуй! да этак ты гораздо интереснее! Ты просто не умеешь пользоваться своим выгодным положением... Да солдатская шинель в глазах всякой чувствительной барышни тебя делает героем и страдальцем.

Грушницкий самодовольно улыбнулся.

— Какой вздор! — сказал он.

— Я уверен,— продолжал я,— что княжна в тебя уж влюблена.

Он покраснел до ушей и надулся.

О самолюбие! ты рычаг, которым Архимед хотел приподнять земной шар!..

— У тебя все шутки! — сказал он, показывая, будто сердится,— во-первых, она меня еще так мало знает...

— Женщины любят только тех, которых не знают.

— Да я вовсе не имею претензии ей нравиться: я просто хочу познакомиться с приятным домом, и было бы очень смешно, если б я имел какие-нибудь надежды... Вот вы, например, другое дело! — вы, победители петербургские: только посмотрите, так женщины тают... А знаешь ли, Печорин, что княжна о тебе говорила?

— Как? она тебе уж говорила обо мне?..

— Не радуйся, однако. Я как-то вступил с нею в разговор у колодца, случайно; третье слово ее было: «Кто этот господин, у которого такой неприятный тяжелый взгляд? он был с вами, тогда...» Она покраснела и не хотела назвать дня, вспомнив свою милую выходку. «Вам не нужно сказывать дня,— отвечал я ей,— он вечно будет мне памятен...» Мой друг, Печорин! я тебя не поздравляю; ты у нее на дурном замечании... А, право, жаль! потому что Мери очень мила!..

Надобно заметить, что Грушницкий из тех людей, которые, говоря о женщине, с которой они едва знакомы, называют ее *моя Мери, моя Sophie,* если она имела счастие им понравиться.

Я принял серьезный вид и отвечал ему:

— Да, она недурна... Только берегись, Грушницкий! Русские барышни большею частью питаются только платоническою любовью, не примешивая к ней мысли о замужестве; а платоническая любовь самая беспокойная. Княжна, кажется, из тех женщин, которые хотят, чтоб их забавляли; если две минуты сряду ей будет возле тебя скучно, ты погиб невозвратно: твое молчание должно возбуждать ее любопытство, твой разговор — никогда не удовлетворять его вполне; ты должен ее тревожить ежеминутно; она десять раз публично для тебя пренебрежет мнением и назовет это жертвой и, чтоб вознаградить себя за это, станет тебя мучить, а потом просто скажет, что она тебя терпеть не может. Если ты над нею не приобретешь власти, то даже ее первый поцелуй не даст тебе права на второй; она с тобой накокетничается вдоволь, а года через два выйдет замуж за урода, из покорности к маменьке, и станет себя уверять, что она несчастна, что она одного только человека и любила, то есть тебя, но что небо не хотело соединить ее с ним, потому что на нем была солдатская шинель, хотя под этой толстой серой шинелью билось сердце страстное и благородное...

Грушницкий ударил по столу кулаком и стал ходить взад и вперед по комнате.

Я внутренно хохотал и даже раза два улыбнулся, но он, к счастию, этого не заметил. Явно, что он влюблен, потому что стал еще доверчивее прежнего; у него даже появилось серебряное кольцо с чернью, здешней работы: оно мне показалось подозрительным... Я стал его рассматривать, и что же?.. мелкими буквами имя *Мери*

было вырезано на внутренней стороне, и рядом — число того дня, когда она подняла знаменитый стакан. Я утаил свое открытие; я не хочу вынуждать у него признаний, я хочу, чтобы он сам выбрал меня в свои поверенные,— и тут-то я буду наслаждаться...

. . . .

Сегодня я встал поздно; прихожу к колодцу — никого уже нет. Становилось жарко; белые мохнатые тучки быстро бежали от снеговых гор, обещая грозу; голова Машука дымилась, как загашенный факел; кругом его вились и ползали, как змеи, серые клочки облаков, задержанные в своем стремлении и будто зацепившиеся за колючий его кустарник. Воздух был напоен электричеством. Я углубился в виноградную аллею, ведущую в грот; мне было грустно. Я думал о той молодой женщине с родинкой на щеке, про которую говорил мне доктор... Зачем она здесь? И она ли? И почему я думаю, что это она? и почему я даже так в этом уверен? Мало ли женщин с родинками на щеках? Размышляя таким образом, я подошел к самому гроту. Смотрю: в прохладной тени его свода, на каменной скамье сидит женщина, в соломенной шляпке, окутанная черной шалью, опустив голову на грудь; шляпка закрывала ее лицо. Я хотел уже вернуться, чтоб не нарушить ее мечтаний, когда она на меня взглянула.

— Вера! — вскрикнул я невольно.

Она вздрогнула и побледнела.

— Я знала, что вы здесь,— сказала она. Я сел возле нее и взял ее за руку. Давно забытый трепет пробежал по моим жилам при звуке этого милого голоса; она посмотрела мне в глаза своими глубокими и спокойными глазами: в них выражалась недоверчивость и что-то похожее на упрек.

— Мы давно не виделись,— сказал я.

— Давно, и переменились оба во многом!

— Стало быть, уж ты меня не любишь?..

— Я замужем!..— сказала она.

— Опять? Однако несколько лет тому назад эта причина также существовала, но между тем...

Она выдернула свою руку из моей, и щеки ее запылали.

— Может быть, ты любишь своего второго мужа?..

Она не отвечала и отвернулась.

— Или он очень ревнив?

Молчание.

— Что ж? Он молод, хорош, особенно, верно, богат, и ты боишься...— Я взглянул на нее и испугался; ее лицо выражало глубокое отчаяние, на глазах сверкали слезы.

— Скажи мне,— наконец прошептала она,— тебе очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидеть. С тех пор как мы знаем друг друга, ты ничего мне не дал, кроме страданий...— Ее голос задрожал, она склонилась ко мне и опустила голову на грудь мою.

«Может быть,— подумал я,— ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда...»

Я ее крепко обнял, и так мы оставались долго. Наконец губы наши сблизились и слились в жаркий, упоительный поцелуй; ее руки были холодны как лед, голова горела. Тут между нами начался один из тех разговоров, которые на бумаге не имеют смысла, которых повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значение звуков заменяет и дополняет значение слов, как в итальянской опере.

Она решительно не хочет, чтоб я познакомился с ее мужем — тем хромым старичком, которого я видел мельком на бульваре: она вышла за него для сына. Он богат и страдает ревматизмами. Я не позволил себе над ним ни одной насмешки: она его уважает, как отца,— и будет обманывать, как мужа... Странная вещь сердце человеческое вообще, и женское в особенности!

Муж Веры, Семен Васильевич Г...в,— дальний родственник княгини Лиговской. Он живет с нею рядом; Вера часто бывает у княгини; я ей дал слово познакомиться с Лиговскими и волочиться за княжной, чтобы отвлечь от нее внимание. Таким образом, мои планы нимало не расстроились, и мне будет весело...

Весело!.. Да, я уже прошел тот период жизни душевной, когда ищут только счастия, когда сердце чувствует необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь,— теперь я только хочу быть любимым, и то очень немногими; даже мне кажется, одной постоянной привязанности мне было бы довольно: жалкая привычка сердца!..

Одно мне всегда было странно: я никогда не делался рабом любимой женщины; напротив, я всегда приобретал над их волей и сердцем непобедимую власть,

вовсе об этом не стараясь. Отчего это? — оттого ли что я никогда ничем очень не дорожу и что они ежеминутно боялись выпустить меня из рук? или это — магнетическое влияние сильного организма? или мне просто не удавалось встретить женщину с упорным характером?

Надо признаться, что я точно не люблю женщин с характером: их ли это дело!..

Правда, теперь вспомнил: один раз, один только раз я любил женщину с твердой волей, которую никогда не мог победить... Мы расстались врагами,— и то, может быть, если б я ее встретил пятью годами позже, мы расстались бы иначе...

Вера больна, очень больна, хотя в этом и не признается; я боюсь, чтобы не было у нее чахотки или той болезни, которую называют fièvre Lente — болезнь не русская вовсе, и ей на нашем языке нет названия.

Гроза застала нас в гроте и удержала лишних полчаса. Она не заставляла меня клясться в верности, не спрашивала, любил ли я других с тех пор, как мы расстались... Она вверилась мне снова с прежней беспечностью,— и я ее не обману: она единственная женщина в мире, которую я не в силах был бы обмануть. Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, может быть, навеки: оба пойдем разными путями до гроба; но воспоминание о ней останется неприкосновенным в душе моей; я ей это повторял всегда, и она мне верит, хотя говорит противное.

Наконец мы расстались; я долго следил за нею взором, пока ее шляпка не скрылась за кустарниками и скалами. Сердце мое болезненно сжалось, как после первого расставания. О, как я обрадовался этому чувству! Уж не молодость ли с своими благотворными бурями хочет вернуться ко мне опять, или это только ее прощальный взгляд, последний подарок — на память?.. А смешно подумать, что на вид я еще мальчик: лицо хотя бледно, но еще свежо; члены гибки и стройны; густые кудри вьются, глаза горят, кровь кипит...

Возвратясь домой, я сел верхом и поскакал в степь; я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра; с жадностью глотаю я благовонный воздух и устремляю взоры в синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметов, которые ежеминутно становятся все яснее и яснее. Какая бы горесть ни лежала на сердце, какое бы беспокойство ни

томило мысль, все в минуту рассеется; на душе станет легко, усталость тела победит тревогу ума. Нет женского взора, которого бы я не забыл при виде кудрявых гор, озаренных южным солнцем, при виде голубого неба или внимая шуму потока, падающего с утеса на утес.

Я думаю, казаки, зевающие на своих *вышках,* видя меня скачущего без нужды и цели, долго мучились этою загадкой, ибо, верно, по одежде приняли меня за черкеса. Мне в самом деле говорили, что в черкесском костюме верхом я больше похож на кабардинца, чем многие кабардинцы. И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди: ни одного галуна лишнего; оружие ценное в простой отделке, мех на шапке не слишком длинный, не слишком короткий; ноговицы и черевики пригнаны со всевозможной точностью; бешмет белый, черкеска темно-бурая. Я долго изучал горскую посадку: ничем нельзя так польстить моему самолюбию, как признавая мое искусство в верховой езде на кавказский лад. Я держу четырех лошадей: одну для себя, трех для приятелей, чтоб не скучно было одному таскаться по полям; они берут моих лошадей с удовольствием и никогда со мной не ездят вместе. Было уже шесть часов пополудни, когда вспомнил я, что пора обедать; лошадь моя была измучена; я выехал на дорогу, ведущую из Пятигорска в немецкую колонию, куда часто водяное общество ездит *en piquenique*[1]. Дорога идет, извиваясь между кустарниками, опускаясь в небольшие овраги, где протекают шумные ручьи под сенью высоких трав; кругом амфитеатром возвышаются синие громады Бешту, Змеиной, Железной и Лысой горы. Спустясь в один из таких оврагов, называемых на здешнем наречии *балками,* я остановился, чтоб напоить лошадь; в это время показалась на дороге шумная и блестящая кавалькада: дамы в черных и голубых амазонках, кавалеры в костюмах, составляющих смесь *черкесского с нижегородским;* впереди ехал Грушницкий с княжною Мери.

Дамы на водах еще верят нападениям черкесов среди белого дня; вероятно, поэтому Грушницкий сверх солдатской шинели повесил шашку и пару пистолетов: он был довольно смешон в этом геройском облачении. Высокий куст закрывал меня от них, но сквозь листья

[1] на пикник *(фр.).*

его я мог видеть все и отгадать по выражениям их лиц, что разговор был сентиментальный. Наконец они приблизились к спуску; Грушницкий взял за повод лошадь княжны, и тогда я услышал конец их разговора:

— И вы целую жизнь хотите остаться на Кавказе? — говорила княжна.

— Что для меня Россия? — отвечал ее кавалер,— страна, где тысячи людей, потому что они богаче меня, будут смотреть на меня с презрением, тогда как здесь — здесь эта толстая шинель не помешала моему знакомству с вами...

— Напротив...— сказала княжна, покраснев.

Лицо Грушницкого изобразило удовольствие. Он продолжал:

— Здесь моя жизнь протечет шумно, незаметно и быстро, под пулями дикарей, и если бы бог мне каждый год посылал один светлый женский взгляд, один, подобный тому...

В это время они поравнялись со мной; я ударил плетью по лошади и выехал из-за куста...

— Mon dieu, un Circassien!..[1] — вскрикнула княжна в ужасе.

Чтоб ее совершенно разуверить, я отвечал по-французски, слегка наклонясь:

— Ne craignez rien, madame,— je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier[2].

Она смутилась,— но отчего? от своей ошибки или оттого, что мой ответ ей показался дерзким? Я желал бы, чтоб последнее мое предположение было справедливо. Грушницкий бросил на меня недовольный взгляд.

Поздно вечером, то есть часов в одиннадцать, я пошел гулять по липовой аллее бульвара. Город спал, только в некоторых окнах мелькали огни. С трех сторон чернели гребни утесов, отрасли Машука, на вершине которого лежало зловещее облачко; месяц подымался на востоке; вдали серебряной бахромой сверкали снеговые горы. Оклики часовых перемежались с шумом горячих ключей, спущенных на ночь. Порою звучный топот коня раздавался по улице, сопровождаемый скрыпом

---

[1] Боже мой, черкес!.. *(фр.)*

[2] Не бойтесь, сударыня,— я не более опасен, чем ваш кавалер *(фр.)*.

нагайской арбы и заунывным татарским припевом. Я сел на скамью и задумался... Я чувствовал необходимость излить свои мысли в дружеском разговоре... но с кем?.. «Что делает теперь Вера?» — думал я... Я бы дорого дал, чтоб в эту минуту пожать ее руку.

Вдруг слышу быстрые и неровные шаги... Верно, Грушницкий... Так и есть!

— Откуда?

— От княгини Лиговской,— сказал он очень важно.— Как Мери поет!..

— Знаешь ли что? — сказал я ему,— я пари держу, что она не знает, что ты юнкер; она думает, что ты разжалованный...

— Может быть! Какое мне дело!..— сказал он рассеянно.

— Нет, я только так это говорю...

— А знаешь ли, что ты нынче ее ужасно рассердил? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу мог ее уверить, что ты так хорошо воспитан и так хорошо знаешь свет, что не мог иметь намерение ее оскорбить; она говорит, что у тебя наглый взгляд, что ты, верно, о себе самого высокого мнения.

— Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?

— Мне жаль, что я не имею еще этого права...

«О-го! — подумал я,— у него, видно, есть уже надежды...»

— Впрочем, для тебя же хуже,— продолжал Грушницкий,— теперь тебе трудно познакомиться с ними,— а жаль! это один из самых приятных домов, какие я только знаю...

Я внутренно улыбнулся.

— Самый приятный дом для меня теперь мой,— сказал я, зевая, и встал, чтоб идти.

— Однако признайся, ты раскаиваешься?..

— Какой вздор! если я захочу, то завтра же буду вечером у княгини...

— Посмотрим...

— Даже, чтоб тебе сделать удовольствие, стану волочиться за княжной...

— Да, если она захочет говорить с тобой...

— Я подожду только той минуты, когда твой разговор ей наскучит... Прощай!..

— А я пойду шататься,— я ни за что теперь не засну... Послушай, пойдем лучше в ресторацию, там игра... мне нужны нынче сильные ощущения...

— Желаю тебе проиграться...

Я пошел домой.

21-го мая.

Прошла почти неделя, а я еще не познакомился с Лиговскими. Жду удобного случая. Грушницкий, как тень, следует за княжной везде; их разговоры бесконечны: когда же он ей наскучит?.. Мать не обращает на это внимания, потому что он *не жених*. Вот логика матерей! Я подметил два, три нежные взгляда,— надо этому положить конец.

Вчера у колодца в первый раз явилась Вера... Она с тех пор, как мы встретились в гроте, не выходила из дома. Мы в одно время опустили стаканы, и, наклонясь, она мне сказала шепотом:

— Ты не хочешь познакомиться с Лиговскими?.. Мы только там можем видеться...

Упрек!.. скучно! Но я его заслужил...

Кстати: завтра бал по подписке в зале ресторации, и я буду танцевать с княжной мазурку.

22-го мая.

Зала ресторации превратилась в залу Благородного собрания. В девять часов все съехались. Княгиня с дочерью явилась из последних; многие дамы посмотрели на нее с завистью и недоброжелательством, потому что княжна Мери одевается со вкусом. Те, которые почитают себя здешними аристократками, утаив зависть, примкнулись к ней. Как быть? Где есть общество женщин, там сейчас явится высший и низший круг. Под окном, в толпе народа, стоял Грушницкий, прижав лицо к стеклу и не спуская глаз с своей богини; она, проходя мимо, едва приметно кивнула ему головой. Он просиял, как солнце... Танцы начались польским; потом заиграли вальс. Шпоры зазвенели, фалды поднялись и закружились.

Я стоял сзади одной толстой дамы, осененной розовыми перьями; пышность ее платья напоминала времена фижм, а пестрота ее негладкой кожи — счастливую эпоху мушек из черной тафты. Самая большая бородавка на ее шее прикрыта была фермуаром. Она говорила своему кавалеру, драгунскому капитану:

— Эта княжна Лиговская пренесносная девчонка! Вообразите, толкнула меня и не извинилась, да еще обернулась и посмотрела на меня в лорнет... C'est impayable!..[1] И чем она гордится? Уж ее надо бы проучить...

— За этим дело не станет! — отвечал услужливый капитан и отправился в другую комнату.

Я тотчас подошел к княжне, приглашая ее вальсировать, пользуясь свободой здешних обычаев, позволяющих танцевать с незнакомыми дамами.

Она едва могла принудить себя не улыбнуться и скрыть свое торжество; ей удалось, однако, довольно скоро принять совершенно равнодушный и даже строгий вид. Она небрежно опустила руку на мое плечо, наклонила слегка головку набок, и мы пустились. Я не знаю талии более сладострастной и гибкой! Ее свежее дыхание касалось моего лица; иногда локон, отделившийся в вихре вальса от своих товарищей, скользил по горящей щеке моей... Я сделал три тура. (Она вальсирует удивительно хорошо.) Она запыхалась, глаза ее помутились, полураскрытые губки едва могли прошептать необходимое: «Merci, monsieur»[2].

После нескольких минут молчания я сказал ей, приняв самый покорный вид:

— Я слышал, княжна, что, будучи вам вовсе не знаком, я имел уже несчастие заслужить вашу немилость... что вы меня нашли дерзким... неужели это правда?

— И вам бы хотелось теперь меня утвердить в этом мнении? — отвечала она с иронической гримаской, которая, впрочем, очень идет к ее подвижной физиономии.

— Если я имел дерзость вас чем-нибудь оскорбить, то позвольте мне иметь еще бо̀льшую дерзость просить у вас прощения... И, право, я бы очень желал доказать вам, что вы насчет меня ошибались...

— Вам это будет довольно трудно...

— Отчего же?..

— Оттого, что вы у нас не бываете, а эти балы, вероятно, не часто будут повторяться.

«Это значит, — подумал я, — что их двери для меня навеки закрыты».

---

[1] Это презабавно!.. *(фр.)*

[2] Благодарю вас, сударь *(фр.)*.

— Знаете, княжна,— сказал я с некоторой досадой,— никогда не должно отвергать кающегося преступника: с отчаяния он может сделаться еще вдвое преступнее... и тогда...

Хохот и шушуканье нас окружающих заставили меня обернуться и прервать мою фразу. В нескольких шагах от меня стояла группа мужчин, и в их числе драгунский капитан, изъявивший враждебные намерения против милой княжны; он особенно был чем-то очень доволен, потирал руки, хохотал и перемигивался с товарищами. Вдруг из среды их отделился господин во фраке с длинными усами и красной рожей и направил неверные шаги свои прямо к княжне: он был пьян. Остановясь против смутившейся княжны и заложив руки за спину, он уставил на нее мутно-серые глаза и произнес хриплым дишкантом:

— Пермете...[1] ну, да что тут!.. просто ангажирую вас на мазурку...

— Что вам угодно? — произнесла она дрожащим голосом, бросая кругом умоляющий взгляд. Увы! ее мать была далеко, и возле никого из знакомых ей кавалеров не было; один адъютант, кажется, все это видел, да спрятался за толпой, чтоб не быть замешану в историю.

— Что же? — сказал пьяный господин, мигнув драгунскому капитану, который ободрял его знаками,— разве вам не угодно?.. Я таки опять имею честь вас ангажировать pour mazure...[2] Вы, может, думаете, что я пьян? Это ничего!.. Гораздо свободнее, могу вас уверить...

Я видел, что она готова упасть в обморок от страха и негодования.

Я подошел к пьяному господину, взял его довольно крепко за руку и, посмотрев ему пристально в глаза, попросил удалиться,— потому, прибавил я, что княжна давно уж обещалась танцевать мазурку со мною.

— Ну, нечего делать!.. в другой раз! — сказал он, засмеявшись, и удалился к своим пристыженным товарищам, которые тотчас увели его в другую комнату.

Я был вознагражден глубоким, чудесным взглядом.

Княжна подошла к своей матери и рассказала ей

[1] Позвольте... (от *фр.* permettez.)
[2] на мазурку... *(фр.)*

все; та отыскала меня в толпе и благодарила. Она объявила мне, что знала мою мать и была дружна с полдюжиной моих тетушек.

— Я не знаю, как случилось, что мы до сих пор с вами незнакомы,— прибавила она,— но признайтесь, вы этому одни виною: вы дичитесь всех так, что ни на что не похоже. Я надеюсь, что воздух моей гостиной разгонит ваш сплин... Не правда ли?

Я сказал ей одну из тех фраз, которые у всякого должны быть заготовлены на подобный случай.

Кадрили тянулись ужасно долго.

Наконец с хор загремела мазурка; мы с княжной уселись.

Я не намекал ни разу ни о пьяном господине, ни о прежнем моем поведении, ни о Грушницком. Впечатление, произведенное на нее неприятною сценою, мало-помалу рассеялось; личико ее расцвело; она шутила очень мило; ее разговор был остер, без притязания на остроту, жив и свободен; ее замечания иногда глубоки... Я дал ей почувствовать очень запутанной фразой, что она мне давно нравится. Она наклонила головку и слегка покраснела.

— Вы странный человек! — сказала она потом, подняв на меня свои бархатные глаза и принужденно засмеявшись.

— Я не хотел с вами знакомиться,— продолжал я,— потому что вас окружает слишком густая толпа поклонников, и я боялся в ней исчезнуть совершенно.

— Вы напрасно боялись! Они все прескучные...

— Все! Неужели все?

Она посмотрела на меня пристально, стараясь будто припомнить что-то, потом опять слегка покраснела и, наконец, произнесла решительно: *все!*

— Даже мой друг Грушницкий?

— А он ваш друг? — сказала она, показывая некоторое сомнение.

— Да.

— Он, конечно, не входит в разряд скучных...

— Но в разряд несчастных,— сказал я, смеясь.

— Конечно! А вам смешно? Я б желала, чтоб вы были на его месте...

— Что ж? я был сам некогда юнкером, и, право, это самое лучшее время моей жизни!

— А разве он юнкер?..— сказала она быстро и потом прибавила: — А я думала...

— Что вы думали?..

— Ничего!.. Кто эта дама?

Тут разговор переменил направление и к этому уж более не возвращался.

Вот мазурка кончилась, и мы распростились — до свидания. Дамы разъехались... Я пошел ужинать и встретил Вернера.

— А-га! — сказал он,— так-то вы! А еще хотели не иначе знакомиться с княжной, как спасши ее от верной смерти.

— Я сделал лучше,— отвечал я ему,— спас ее от обморока на бале!..

— Как это? Расскажите!..

— Нет, отгадайте,— о вы, отгадывающий все на свете!

23-го мая.

Около семи часов вечера я гулял на бульваре. Грушницкий, увидев меня издали, подошел ко мне: какой-то смешной восторг блистал в его глазах. Он крепко пожал мне руку и сказал трагическим голосом:

— Благодарю тебя, Печорин... Ты понимаешь меня?..

— Нет; но, во всяком случае, не стоит благодарности,— отвечал я, не имея точно на совести никакого благодеяния.

— Как? А вчера? ты разве забыл?.. Мери мне все рассказала...

— А что? разве у вас уж нынче все общее? и благодарность?..

— Послушай,— сказал Грушницкий очень важно,— пожалуйста, не подшучивай над моей любовью, если хочешь остаться моим приятелем... Видишь: я ее люблю до безумия... и я думаю, я надеюсь, она также меня любит... У меня есть до тебя просьба: ты будешь нынче у них вечером; обещай мне замечать все: я знаю, ты опытен в этих вещах, ты лучше меня знаешь женщин... Женщины! женщины! кто их поймет? Их улыбки противоречат их взорам, их слова обещают и манят, а звук их голоса отталкивает... То они в минуту постигают и угадывают самую потаенную нашу мысль, то не понимают самых ясных намеков... Вот хоть княжна: вчера

ее глаза пылали страстью, останавливаясь на мне, нынче они тусклы и холодны...

— Это, может быть, следствие действия вод,— отвечал я.

— Ты во всем видишь худую сторону... матерьялист! — прибавил он презрительно.— Впрочем, переменим материю,— и, довольный плохим каламбуром, он развеселился.

В девятом часу мы вместе пошли к княгине.

Проходя мимо окон Веры, я видел ее у окна. Мы кинули друг другу беглый взгляд. Она вскоре после нас вошла в гостиную Лиговских. Княгиня меня ей представила как своей родственнице. Пили чай; гостей было много; разговор был общий. Я старался понравиться княгине, шутил, заставлял ее несколько раз смеяться от души; княжне также не раз хотелось похохотать, но она удерживалась, чтоб не выйти из принятой роли: она находит, что томность к ней идет,— и, может быть, не ошибается. Грушницкий, кажется, очень рад, что моя веселость ее не заражает.

После чая все пошли в залу.

— Довольна ль ты моим послушанием, Вера? — сказал я, проходя мимо ее.

Она мне кинула взгляд, исполненный любви и благодарности. Я привык к этим взглядам; но некогда они составляли мое блаженство. Княгиня усадила дочь за фортепьяно; все просили ее спеть что-нибудь,— я молчал и, пользуясь суматохой, отошел к окну с Верой, которая мне хотела сказать что-то очень важное для нас обоих... Вышло — вздор...

Между тем княжне мое равнодушие было досадно, как я мог догадаться по одному сердитому, блестящему взгляду... О, я удивительно понимаю этот разговор немой, но выразительный, краткий, но сильный!..

Она запела: ее голос недурен, но поет она плохо... впрочем, я не слушал. Зато Грушницкий, облокотясь на рояль против нее, пожирал ее глазами и поминутно говорил вполголоса: «Charmant! délicieux!»[1]

— Послушай,— говорила мне Вера,— я не хочу, чтоб ты знакомился с моим мужем, но ты должен непременно понравиться княгине; тебе это легко: ты можешь все, что захочешь. Мы здесь только будем видеться...

---

[1] Очаровательно! прелестно! *(фр.)*

— Только?..

Она покраснела и продолжала:

— Ты знаешь, что я твоя раба; я никогда не умела тебе противиться... и я буду за это наказана: ты меня разлюбишь! По крайней мере я хочу сберечь свою репутацию... не для себя: ты это знаешь очень хорошо!.. О, я прошу тебя: не мучь меня по-прежнему пустыми сомненьями и притворной холодностью: я, может быть, скоро умру, я чувствую, что слабею со дня на день... и, несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебе... Вы, мужчины, не понимаете наслаждений взора, пожатия руки... а я, клянусь тебе, я, прислушиваясь к твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что самые жаркие поцелуи не могут заменить его.

Между тем княжна Мери перестала петь. Ропот похвал раздался вокруг нее; я подошел к ней после всех и сказал ей что-то насчет ее голоса довольно небрежно.

Она сделала гримаску, выдвинув нижнюю губу, и присела очень насмешливо.

— Мне это тем более лестно,— сказала она,— что вы меня вовсе не слушали; но вы, может быть, не любите музыки?..

— Напротив... после обеда особенно.

— Грушницкий прав, говоря, что у вас самые прозаические вкусы... и я вижу, что вы любите музыку в гастрономическом отношении...

— Вы ошибаетесь опять: я вовсе не гастроном: у меня прескверный желудок. Но музыка после обеда усыпляет, а спать после обеда здорово: следовательно, я люблю музыку в медицинском отношении. Вечером же она, напротив, слишком раздражает мои нервы: мне делается или слишком грустно, или слишком весело. То и другое утомительно, когда нет положительной причины грустить или радоваться, и притом грусть в обществе смешна, а слишком большая веселость неприлична...

Она не дослушала, отошла прочь, села возле Грушницкого, и между ними начался какой-то сентиментальный разговор: кажется, княжна отвечала на его мудрые фразы довольно рассеянно и неудачно, хотя старалась показать, что слушает его со вниманием, потому что он иногда смотрел на нее с удивлением, стараясь угадать причину внутреннего волнения, изображавшегося иногда в ее беспокойном взгляде...

Но я вас отгадал, милая княжна, берегитесь! Вы хотите мне отплатить тою же монетою, кольнуть мое самолюбие,— вам не удастся! и если вы мне объявите войну, то я буду беспощаден.

В продолжение вечера я несколько раз нарочно старался вмешаться в их разговор, но она довольно сухо встречала мои замечания, и я с притворною досадой наконец удалился. Княжна торжествовала; Грушницкий тоже. Торжествуйте, друзья мои, торопитесь... вам недолго торжествовать!.. Как быть? у меня есть предчувствие... Знакомясь с женщиной, я всегда безошибочно отгадывал, будет она меня любить или нет...

Остальную часть вечера я провел возле Веры и досыта наговорился о старине... За что она меня так любит, право, не знаю! Тем более что это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всеми моими мелкими слабостями, дурными страстями... Неужели зло так привлекательно?..

Мы вышли вместе с Грушницким; на улице он взял меня под руку и после долгого молчания сказал:

— Ну, что?

«Ты глуп»,— хотел я ему ответить, но удержался и только пожал плечами.

29-го мая.

Все эти дни я ни разу не отступил от своей системы. Княжне начинает нравиться мой разговор; я рассказал ей некоторые из странных случаев моей жизни, и она начинает видеть во мне человека необыкновенного. Я смеюсь над всем на свете, особенно над чувствами: это начинает ее пугать. Она при мне не смеет пускаться с Грушницким в сентиментальные прения и уже несколько раз отвечала на его выходки насмешливой улыбкой, но я всякий раз, как Грушницкий подходит к ней, принимаю смиренный вид и оставляю их вдвоем; в первый раз была она этому рада или старалась показать; во второй — рассердилась на меня; в третий — на Грушницкого.

— У вас очень мало самолюбия! — сказала она мне вчера.— Отчего вы думаете, что мне веселее с Грушницким?

Я отвечал, что жертвую счастию приятеля своим удовольствием...

— И моим,— прибавила она.

Я пристально посмотрел на нее и принял серьезный вид. Потом целый день не говорил с ней ни слова... Вечером она была задумчива, нынче поутру у колодца еще задумчивее. Когда я подошел к ней, она рассеянно слушала Грушницкого, который, кажется, восхищался природой, но только что завидела меня, она стала хохотать (очень некстати), показывая, будто меня не примечает. Я отошел подальше и украдкой стал наблюдать за ней: она отвернулась от своего собеседника и зевнула два раза... Решительно, Грушницкий ей надоел. Еще два дня не буду с ней говорить.

3-го июня.

Я часто себя спрашиваю, зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь? К чему это женское кокетство? Вера меня любит больше, чем княжна Мери будет любить когда-нибудь; если б она мне казалась непобедимой красавицей, то, может быть, я бы завлекся трудностью предприятия...

Но ничуть не бывало! Следовательно, это не та беспокойная потребность любви, которая нас мучит в первые годы молодости, бросает нас от одной женщины к другой, пока мы найдем такую, которая нас терпеть не может: тут начинается наше постоянство — истинная бесконечная страсть, которую математически можно выразить линией, падающей из точки в пространство; секрет этой бесконечности — только в невозможности достигнуть цели, то есть конца.

Из чего же я хлопочу? Из зависти к Грушницкому? Бедняжка! он вовсе ее не заслуживает. Или это следствие того скверного, но непобедимого чувства, которое заставляет нас уничтожать сладкие заблуждения ближнего, чтоб иметь мелкое удовольствие сказать ему, когда он в отчаянии будет спрашивать, чему он должен верить: «Мой друг, со мною было то же самое, и ты видишь, однако, я обедаю, ужинаю и сплю преспокойно и, надеюсь, сумею умереть без крика и слез!»

А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет! Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, по-

глощающую все, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы. Сам я больше не способен безумствовать под влиянием страсти; честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде, ибо честолюбие есть не что иное, как жажда власти, а первое мое удовольствие — подчинять моей воле все, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха — не есть ли первый признак и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права,— не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастие? Насыщенная гордость. Если б я почитал себя лучше, могущественнее всех на свете, я был бы счастлив; если б все меня любили, я в себе нашел бы бесконечные источники любви. Зло порождает зло; первое страдание дает понятие о удовольствии мучить другого; идея зла не может войти в голову человека без того, чтоб он не захотел приложить ее к действительности: идеи — создания органические, сказал кто-то: их рождение дает уже им форму, и эта форма есть действие; тот, в чьей голове родилось больше идей, тот больше других действует; от этого гений, прикованный к чиновническому столу, должен умереть или сойти с ума, точно так же, как человек с могучим телосложением, при сидячей жизни и скромном поведении, умирает от апоплексического удара.

Страсти не что иное, как идеи при первом своем развитии: они принадлежность юности сердца, и глупец тот, кто думает целую жизнь ими волноваться: многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря. Но это спокойствие часто признак великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувств и мыслей не допускает бешеных порывов: душа, страдая и наслаждаясь, дает во всем себе строгий отчет и убеждается в том, что так должно; она знает, что без гроз постоянный зной солнца ее иссушит; она проникается своей собственной жизнью,— лелеет и наказывает себя, как любимого ребенка. Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие божие.

Перечитывая эту страницу, я замечаю, что далеко отвлекся от своего предмета... Но что за нужда?.. Ведь

этот журнал пишу я для себя, и, следственно, все, что я в него нн брошу, будет со временем для меня драгоценным воспомииаиием.

. . . .

Пришел Грушницкий и бросился мне на шею,— он произведен в офицеры. Мы выпили шампанского. Доктор Вернер взошел вслед за ним.

— Я вас не поздравляю,— сказал ои Грушиицкому.

— Отчего?

— Оттого, что солдатская шинель к вам очеиь идет, н признайтесь, что армейский пехотный мундир, сшитый здесь, на водах, не придаст вам ничего интересного... Видите лн, вы до сих пор были исключением, а теперь подойдете под общее правнло.

— Толкуйте, толкуйте, доктор! вы мне не помешаете радоваться. Он не знает,— прибавил Грушницкнй мне на ухо,— сколько надежд прндали мне эти эполеты... О эполеты, эполеты! ваши звездочкн, путеводительные звездочки... Нет! я теперь совершеиио счастлив.

— Ты идешь с нами гулять к провалу? — спросил я его.

— Я? нн за что не покажусь княжне, пока не готов будет муидир.

— Прнкажешь ей объявнть о твоей радости?..

— Нет, пожалуйста, ие говори... Я хочу ее удивить...

— Скажи мне, однако, как твои дела с нею?

Он смутнлся и задумался: ему хотелось похвастаться, солгать — н было совестно, а вместе с этим было стыдно признаться в истиие.

— Как ты думаешь, любит ли она тебя?

— Любит ли? Помнлуй, Печорин, какие у тебя понятия!.. как можио так скоро?.. Да если даже оиа и любнт, то порядочная женщииа этого ие скажет...

— Хорошо! И, вероятио, по-твоему, порядочный человек должен тоже молчать о своей страстн?..

— Эх, братец! на все есть манера; многое не говорнтся, а отгадывается...

— Это правда... Только любовь, которую мы читаем в глазах, ни к чему женщину не обязывает, тогда как слова... Берегись, Грушницкий, она тебя надувает...

— Она?..— отвечал он, подняв глаза к небу и самодовольно улыбнувшись,— мие жаль тебя, Печорин!..

Ои ушел.

Вечером многочисленное общество отправилось пешком к провалу.

По мнению здешних ученых, этот провал не что иное, как угасший кратер; он находится на отлогости Машука, в версте от города. К нему ведет узкая тропинка между кустарников и скал; взбираясь на гору, я подал руку княжне, и она ее не покидала в продолжение целой прогулки.

Разговор наш начался злословием: я стал перебирать присутствующих и отсутствующих наших знакомых, сначала выказывал смешные, а после дурные их стороны. Желчь моя взволновалась. Я начал шутя — и окончил искренней злостью. Сперва это ее забавляло, а потом испугало.

— Вы опасный человек! — сказала она мне,— я бы лучше желала попасться в лесу под нож убийцы, чем вам на язычок... Я вас прошу не шутя: когда вам вздумается обо мне говорить дурно, возьмите лучше нож и зарежьте меня,— я думаю, это вам не будет очень трудно.

— Разве я похож на убийцу?..

— Вы хуже...

Я задумался на минуту и потом сказал, приняв глубоко тронутый вид:

— Да, такова была моя участь с самого детства! Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали — и они родились. Я был скромен — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм,— другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их,— меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир,— меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекла в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли. Я говорил правду — мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался. И тогда в груди моей родилось отчаяние — не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыб-

кой. Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил,— тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины; но вы теперь во мне разбудили воспоминание о ней, и я вам прочел ее эпитафию. Многим все вообще эпитафии кажутся смешными, но мне нет, особенно когда вспомню о том, что под ними покоится. Впрочем, я не прошу вас разделять мое мнение: если моя выходка вам кажется смешна — пожалуйста, смейтесь: предупреждаю вас, что это меня не огорчит нимало.

В эту минуту я встретил ее глаза: в них бегали слезы; рука ее, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали; ей было жаль меня! Сострадание — чувство, которому покоряются так легко все женщины, впустило свои когти в ее неопытное сердце. Во все время прогулки она была рассеянна, ни с кем не кокетничала,— а это великий признак!

Мы пришли к провалу; дамы оставили своих кавалеров, но она не покидала руки моей. Остроты здешних денди ее не смешили; крутизна обрыва, у которого она стояла, ее не пугала, тогда как другие барышни пищали и закрывали глаза.

На возвратном пути я не возобновлял нашего печального разговора; но на пустые мои вопросы и шутки она отвечала коротко и рассеянно.

— Любили ли вы? — спросил я ее наконец.

Она посмотрела на меня пристально, покачала головой — и опять впала в задумчивость: явно было, что ей хотелось что-то сказать, но она не знала, с чего начать; ее грудь волновалась... Как быть! кисейный рукав слабая защита, и электрическая искра пробежала из моей руки в ее руку; все почти страсти начинаются так, и мы часто себя очень обманываем, думая, что нас женщина любит за наши физические или нравственные достоинства; конечно, они приготовляют, располагают ее сердце к принятию священного огня, а все-таки первое прикосновение решает дело.

— Не правда ли, я была очень любезна сегодня? — сказала мне княжна с принужденной улыбкой, когда мы возвратились с гулянья.

Мы расстались.

Она недовольна собой; она себя обвиияет в холодности... О, это первое, главное торжество! Завтра оиа захочет вознаградить меия. Я все это уж зиаю наизусть — вот что скучно!

4-го июня.

Нынче я видел Веру. Она замучила меня своею ревностью. Княжна вздумала, кажется, ей поверять свои сердечные тайны: надо признаться, удачный выбор!

— Я отгадываю, к чему все это клонится,— говорила мне Вера,— лучше скажи мне просто теперь, что ты ее любишь.

— Но если я ее не люблю?

— То зачем же ее преследовать, тревожить, волновать ее воображение?.. О, я тебя хорошо знаю! Послушай, если ты хочешь, чтоб я тебе верила, то приезжай через неделю в Кисловодск; послезавтра мы переезжаем туда. Княгиня остается здесь дольше. Найми квартиру рядом; мы будем жить в большом доме близ источника, в мезонине; виизу княгиня Лиговская, а рядом есть дом того же хозяиа, который еще не заият... Приедешь?..

Я обещал — и тот же день послал занять эту квартиру.

Грушницкий пришел ко мие в шесть часов вечера и объявил, что завтра будет готов его мундир, как раз к балу.

— Наконец я буду с нею танцевать целый вечер... Вот наговорюсь! — прибавил он.

— Когда же бал?

— Да завтра! Разве не знаешь? Большой праздиик, и здешнее начальство взялось его устроить...

— Пойдем на бульвар...

— Ни за что, в этой гадкой шинели...

— Как, ты ее разлюбил?..

Я ушел один, и, встретив княжну Мери, позвал ее на мазурку. Она казалась удивлена и обрадоваиа.

— Я думала, что вы танцуете только по необходимости, как прошлый раз,— сказала она, очень мило улыбаясь...

Она, кажется, вовсе ие замечает отсутствия Грушиицкого.

— Вы будете завтра приятио удивлеиы,— сказал я ей.

— Чем?..

— Это секрет... на бале вы сами догадаетесь.

Я окончил вечер у княгини; гостей не было, кроме Веры и одного презабавного старичка. Я был в духе, импровизировал разные необыкновенные истории; княжна сидела против меня и слушала мой вздор с таким глубоким, напряженным, даже нежным вниманием, что мне стало совестно. Куда девалась ее живость, ее кокетство, ее капризы, ее дерзкая мина, презрительная улыбка, рассеянный взгляд?..

Вера все это заметила: на ее болезненном лице изображалась глубокая грусть; она сидела в тени у окна, погружаясь в широкие кресла... Мне стало жаль ее...

Тогда я рассказал всю драматическую историю нашего знакомства с нею, нашей любви,— разумеется, прикрыв все это вымышленными именами.

Я так живо изобразил мою нежность, мои беспокойства, восторги; я в таком выгодном свете выставил ее поступки, характер, что она поневоле должна была простить мне мое кокетство с княжной.

Она встала, подсела к нам, оживилась... и мы только в два часа ночи вспомнили, что доктора велят ложиться спать в одиннадцать.

5-го июня.

За полчаса до бала явился ко мне Грушницкий в полном сиянии армейского пехотного мундира. К третьей пуговице пристегнута была бронзовая цепочка, на которой висел двойной лорнет; эполеты неимоверной величины были загнуты кверху в виде крылышек амура; сапоги его скрыпели; в левой руке держал он коричневые лайковые перчатки и фуражку, а правою взбивал ежеминутно в мелкие кудри завитой хохол. Самодовольствие и вместе некоторая неуверенность изображались на его лице; его праздничная наружность, его гордая походка заставили бы меня расхохотаться, если бы это было согласно с моими намерениями.

Он бросил фуражку с перчатками на стол и начал обтягивать фалды и поправляться перед зеркалом; черный огромный платок, навернутый на высочайший подгалстушник, которого щетина поддерживала его подбородок, высовывался на полвершка из-за воротника; ему показалось мало: он вытащил его кверху до ушей; от

этой трудной работы,— ибо воротник мундира был очень узок и беспокоен,— лицо его налилось кровью.

— Ты, говорят, эти дни ужасно волочился за моей княжной? — сказал он довольно небрежно и не глядя на меня.

— Где нам, дуракам, чай пить! — отвечал я ему, повторяя любимую поговорку одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным.

— Скажи-ка, хорошо на мне сидит мундир?.. Ох, проклятый жид!.. как под мышками режет!.. Нет ли у тебя духов?

— Помилуй, чего тебе еще? от тебя и так уж несет розовой помадой...

— Ничего. Дай-ка сюда...

Он налил себе полсклянки за галстук, в носовой платок, на рукава.

— Ты будешь танцевать? — спросил он.

— Не думаю.

— Я боюсь, что мне с княжной придется начинать мазурку,— я не знаю почти ни одной фигуры...

— А ты звал ее на мазурку?

— Нет еще...

— Смотри, чтоб тебя не предупредили...

— В самом деле? — сказал он, ударив себя по лбу.— Прощай... пойду дожидаться ее у подъезда.— Он схватил фуражку и побежал.

Через полчаса и я отправился. На улице было темно и пусто; вокруг Собрания или трактира, как угодно, теснился народ; окна его светились; звуки полковой музыки доносил ко мне вечерний ветер. Я шел медленно; мне было грустно... Неужели, думал я, мое единственное назначение на земле — разрушать чужие надежды? С тех пор как я живу и действую, судьба как-то всегда приводила меня к развязке чужих драм, как будто без меня никто не мог бы ни умереть, ни прийти в отчаяние! Я был необходимое лицо пятого акта; невольно я разыгрывал жалкую роль палача или предателя. Какую цель имела на это судьба?.. Уж не назначен ли я ею в сочинители мещанских трагедий и семейных романов — или в сотрудники поставщику повестей, например, для «Библиотеки для чтения»?.. Почему знать?.. Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить ее, как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками?..

Взойдя в залу, я спрятался в толпе мужчин и начал делать свои наблюдения. Грушницкий стоял возле княжны и что-то говорил с большим жаром; она его рассеянно слушала, смотрела по сторонам, приложив веер к губкам; на лице ее изображалось нетерпение, глаза ее искали кругом кого-то; я тихонько подошел сзади, чтоб подслушать их разговор.

— Вы меня мучите, княжна! — говорил Грушницкий,— вы ужасно переменились с тех пор, как я вас не видал...

— Вы также переменились,— отвечала она, бросив на него быстрый взгляд, в котором он не умел разобрать тайной насмешки.

— Я? я переменился?.. О, никогда! Вы знаете, что это невозможно! Кто видел вас однажды, тот навеки унесет с собою ваш божественный образ.

— Перестаньте...

— Отчего же вы теперь не хотите слушать того, чему еще недавно, и так часто, внимали благосклонно?..

— Потому что я не люблю повторений,— отвечала она, смеясь...

— О, я горько ошибся!.. Я думал, безумный, что по крайней мере эти эполеты дадут мне право надеяться... Нет, лучше бы мне век остаться в этой презренной солдатской шинели, которой, может быть, я был обязан вашим вниманием...

— В самом деле, вам шинель гораздо более к лицу...

В это время я подошел и поклонился княжне; она немножко покраснела и быстро проговорила:

— Не правда ли, мсье Печорин, что серая шинель гораздо больше идет к мсье Грушницкому?..

— Я с вами не согласен,— отвечал я,— в мундире он еще моложавее.

Грушницкий не вынес этого удара: как все мальчики, он имеет претензию быть стариком; он думает, что на его лице глубокие следы страстей заменяют отпечаток лет. Он на меня бросил бешеный взгляд, топнул ногою и отошел прочь.

— А признайтесь,— сказал я княжне,— что хотя он всегда был очень смешон, но еще недавно он вам казался интересен... в серой шинели?..

Она потупила глаза и не отвечала.

Грушницкий целый вечер преследовал княжну, танцевал или с нею, или vis-à-vis; он пожирал ее глазами,

вздыхал и надоедал ей мольбами и упреками. После третьей кадрили она его уж ненавидела.

— Я этого не ожидал от тебя,— сказал он, подойдя ко мне и взяв меня за руку.

— Чего?

— Ты с нею танцуешь мазурку? — спросил он торжественным голосом.— Она мне призналась..

— Ну, так что ж? А разве это секрет?

— Разумеется... Я должен был этого ожидать от девчонки... от кокетки... Уж я отомщу!

— Пеняй на свою шинель или на свои эполеты, а зачем же обвинять ее? Чем она виновата, что ты ей больше не нравишься?..

— Зачем же подавать надежды?

— Зачем же ты надеялся? Желать и добиваться чего-нибудь — понимаю, а кто ж надеется?

— Ты выиграл пари — только не совсем,— сказал он, злобно улыбаясь.

Мазурка началась. Грушницкий выбирал одну только княжну, другие кавалеры поминутно ее выбирали; это явно был заговор против меня; тем лучше: ей хочется говорить со мною, ей мешают,— ей захочется вдвое более.

Я раза два пожал ее руку; во второй раз она ее выдернула, не говоря ни слова.

— Я дурно буду спать эту ночь,— сказала она мне, когда мазурка кончилась.

— Этому виноват Грушницкий.

— О нет! — И лицо ее стало так задумчиво, так грустно, что я дал себе слово в этот вечер непременно поцеловать ее руку.

Стали разъезжаться. Сажая княжну в карету, я быстро прижал ее маленькую ручку к губам своим. Было темно, и никто не мог этого видеть.

Я возвратился в залу очень доволен собою.

За большим столом ужинала молодежь, и между ними Грушницкий. Когда я вошел, все замолчали: видно, говорили обо мне. Многие с прошедшего бала на меня дуются, особенно драгунский капитан, а теперь, кажется, решительно составляется против меня враждебная шайка под командой Грушницкого. У него такой гордый и храбрый вид...

Очень рад; я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда

настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание из хитростей и замыслов,— вот что я называю жизнью.

В продолжение ужина Грушницкий шептался и перемигивался с драгунским капитаном.

6-го Июня.

Нынче поутру Вера уехала с мужем в Кисловодск. Я встретил их карету, когда шел к княгине Лиговской. Она мне кивнула головой: во взгляде ее был упрек.

Кто ж виноват? зачем она не хочет дать мне случай видеться с нею наедине? Любовь, как огонь,— без пищи гаснет. Авось ревность сделает то, чего не могли мои просьбы.

Я сидел у княгини битый час. Мери не вышла,— больна. Вечером на бульваре ее не было. Вновь составившаяся шайка, вооруженная лорнетами, приняла в самом деле грозный вид. Я рад, что княжна больна: они сделали бы ей какую-нибудь дерзость. У Грушницкого растрепанная прическа и отчаянный вид; он, кажется, в самом деле огорчен, особенно самолюбие его оскорблено; но ведь есть же люди, в которых даже отчаяние забавно!..

Возвратясь домой, я заметил, что мне чего-то недостает. *Я не видал ее! Она больна!* Уж не влюбился ли я в самом деле?.. Какой вздор!

7-го июня.

В одиннадцать часов утра,— час, в который княгиня Лиговская обыкновенно потеет в Ермоловской ванне,— я шел мимо ее дома. Княжна сидела задумчиво у окна; увидев меня, вскочила.

Я вошел в переднюю; людей никого не было, и я без доклада, пользуясь свободой здешних нравов, пробрался в гостиную.

Тусклая бледность покрывала милое лицо княжны. Она стояла у фортепьяно, опершись одной рукой на спинку кресел: эта рука чуть-чуть дрожала; я тихо подошел к ней и сказал:

— Вы на меня сердитесь?..

Она подняла на меня томный, глубокий взор и покачала головой; ее губы хотели проговорить что-то — и не

могли; глаза наполнились слезами; она опустилась в кресла и закрыла лицо руками.

— Что с вами? — сказал я, взяв ее за руку.

— Вы меня не уважаете!.. О! оставьте меня!..

Я сделал несколько шагов... Она выпрямилась в креслах, глаза ее засверкали...

Я остановился, взявшись за ручку двери, и сказал:

— Простите меня, княжна! Я поступил как безумец... этого в другой раз не случится: я приму свои меры... Зачем вам знать то, что происходило до сих пор в душе моей? Вы этого никогда не узнаете, и тем лучше для вас. Прощайте.

Уходя, мне кажется, я слышал, что она плакала.

Я до вечера бродил пешком по окрестностям Машука, утомился ужасно и, пришедши домой, бросился на постель в совершенном изнеможении.

Ко мне зашел Вернер.

— Правда ли, — спросил он, — что вы женитесь на княжне Лиговской?

— А что?

— Весь город говорит; все мои больные заняты этой важной новостью, а уж эти больные такой народ: все знают!

«Это штуки Грушницкого!» — подумал я.

— Чтоб вам доказать, доктор, ложность этих слухов, объявляю вам по секрету, что завтра я переезжаю в Кисловодск...

— И княгиня также?..

— Нет, она остается еще на неделю здесь...

— Так вы не женитесь?..

— Доктор, доктор! посмотрите на меня: неужели я похож на жениха или на что-нибудь подобное?

— Я этого не говорю... Но вы знаете, есть случаи...— прибавил он, хитро улыбаясь,— в которых благородный человек обязан жениться, и есть маменьки, которые по крайней мере не предупреждают этих случаев... Итак, я вам советую, как приятель, быть осторожнее. Здесь, на водах, преопасный воздух: сколько я видел прекрасных молодых людей, достойных лучшей участи и уезжавших отсюда прямо под венец... Даже, поверите ли, меня хотели женить! Именно одна уездная маменька, у которой дочь была очень бледна. Я имел несчастие сказать ей, что цвет лица возвратится после свадьбы; тогда она со слезами благодарности предложи-

ла мне руку своей дочери и все свое состояние — пятьдесят душ, кажется. Но я отвечал, что я к этому не способен...

Вернер ушел в полной уверенности, что он меня предостерег.

Из слов его я заметил, что про меня и княжну уж распущены в городе разные дурные слухи: это Грушницкому даром не пройдет!

10-го июня.

Вот уж три дня, как я в Кисловодске. Каждый день вижу Веру у колодца и на гулянье. Утром, просыпаясь, сажусь у окна и навожу лорнет на ее балкон; она давно уж одета и ждет условленного знака; мы встречаемся, будто нечаянно, в саду, который от наших домов спускается к колодцу. Живительный горный воздух возвратил ей цвет лица и силы. Недаром Нарзан называется богатырским ключом. Здешние жители утверждают, что воздух Кисловодска располагает к любви, что здесь бывают развязки всех романов, которые когда-либо начинались у подошвы Машука. И в самом деле, здесь все дышит уединением; здесь все таинственно — и густые сени липовых аллей, склоняющихся над потоком, который с шумом и пеною, падая с плиты на плиту, прорезывает себе путь между зеленеющими горами, и ущелья, полные мглою и молчанием, которых ветви разбегаются отсюда во все стороны, и свежесть ароматического воздуха, отягощенного испарениями высоких южных трав и белой акации, и постоянный, сладостно-усыпительный шум студеных ручьев, которые, встретясь в конце долины, бегут дружно взапуски и наконец кидаются в Подкумок. С этой стороны ущелье шире и превращается в зеленую лощину; по ней вьется пыльная дорога. Всякий раз, как я на нее взгляну, мне все кажется, что едет карета, а из окна кареты выглядывает розовое личико. Уж много карет проехало по этой дороге,— а той все нет. Слободка, которая за крепостью, населилась; в ресторации, построенной на холме, в нескольких шагах от моей квартиры, начинают мелькать вечером огни сквозь двойной ряд тополей; шум и звон стаканов раздаются до поздней ночи.

Нигде так много не пьют кахетинского вина и минеральной воды, как здесь.

Но смешивать два эти ремесла
Есть тьма охотников — я не из их числа.

Грушницкий с своей шайкой бушует каждый день в трактире и со мной почти не кланяется.

Он только вчера приехал, а успел уже поссориться с тремя стариками, которые хотели прежде его сесть в ванну: решительно — несчастия развивают в нем воинственный дух.

11-го июня.

Наконец они приехали. Я сидел у окна, когда услышал стук их кареты: у меня сердце вздрогнуло... Что же это такое? Неужто я влюблен? Я так глупо создан, что этого можно от меня ожидать.

Я у них обедал. Княгиня на меня смотрит очень нежно и не отходит от дочери... плохо! Зато Вера ревнует меня к княжне: добился же я этого благополучия! Чего женщина не сделает, чтоб огорчить соперницу? Я помню, одна меня полюбила за то, что я любил другую. Нет ничего парадоксальнее женского ума: женщин трудно убедить в чем-нибудь, надо их довести до того, чтоб они убедили себя сами; порядок доказательств, которыми они уничтожают свои предубеждения, очень оригинален; чтобы выучиться их диалектике, надо опрокинуть в уме своем все школьные правила логики. Например, способ обыкновенный:

Этот человек любит меня; но я замужем: следовательно, не должна его любить.

Способ женский:

Я не должна его любить, ибо я замужем; но он меня любит,— следовательно...

Тут несколько точек, ибо рассудок уже ничего не говорит, а говорят большею частью: язык, глаза и вслед за ними сердце, если оное имеется.

Что́, если когда-нибудь эти записки попадутся на глаза женщине? «Клевета!» — закричит она с негодованием.

С тех пор как поэты пишут и женщины их читают (за что им глубочайшая благодарность), их столько раз называли ангелами, что они в самом деле, в простоте душевной, поверили этому комплименту, забывая, что те же поэты за деньги величали Нерона полубогом...

Не кстати было бы мне говорить о них с такою злостью,— мне, который, кроме их, на свете ничего не любил,— мне, который всегда готов был им жертвовать спокойствием, честолюбием, жизнию... Но ведь я не

в припадке досады и оскорбленного самолюбия стараюсь сдернуть с ннх то волшебное покрывало, сквозь которое лншь привычный взор проннкает. Нет, все, что я говорю о них, есть только следствне

Ума холодных наблюденнй
И сердца горестных замет.

Женщнны должны бы желать, чтоб все мужчины нх так же хорошо знали, как я, потому что я люблю их во сто раз больше с тех пор, как их не боюсь и постиг их мелкие слабости.

Кстати: Вернер намеднн сравннл женщнн с заколдованным лесом, о котором рассказывает Тасс в своем «Освобожденном Иерусалиме». «Только приступи,— говорил он,— на тебя полетят со всех сторон такие страхи, что боже упаси: долг, гордость, приличие, общее мненне, насмешка, презреиие... Надо только не смотреть, а идти прямо,— мало-помалу чудовища исчезают, и открывается пред тобой тнхая и светлая поляна, средн которой цветет зеленый мирт. Зато беда, если на первых шагах сердце дрогнет и обернешься назад!»

12-го июня.

Сегодняшний вечер был обнлеи происшествиями. Верстах в трех от Кисловодска, в ущелье, где протекает Подкумок, есть скала, называемая *Кольцом;* это—ворота, образованные прнродой; они подымаются иа высоком холме, и заходящее солице сквозь них бросает на мир свой последний пламенный взгляд. Многочисленная кавалькада отправнлась туда посмотреть на закат солнца сквозь каменное окошко. Ннкто из нас, по правде сказать, не думал о солнце. Я ехал возле княжны; возвращаясь домой, надо было переезжать Подкумок вброд. Горные речки, самые мелкие, опасны, особенно тем, что дно нх — совершенный калейдоскоп: каждый день от напора волн оно изменяется; где был вчера камень, там нынче яма. Я взял под уздцы лошадь княжны и свел ее в воду, которая не была выше колен; мы тихонько стали подвнгаться наискось против течення. Известно, что, переезжая быстрые речки, не должно смотреть иа воду, ибо тотчас голова закружится. Я забыл об этом предварнть княжну Мери.

Мы былн уже на средине, в самой быстрине, когда она вдруг на седле покачнулась. «Мне дурно!» — прого-

ворила она слабым голосом... Я быстро наклонился к ней, обвил рукою ее гибкую талию. «Смотрите наверх! — шепнул я ей,— это ничего, только не бойтесь; я с вами».

Ей стало лучше; она хотела освободиться от моей руки, но я еще крепче обвил ее нежный, мягкий стан; моя щека почти касалась ее щеки; от нее веяло пламенем.

— Что вы со мною делаете?.. Боже мой!..

Я не обращал внимания на ее трепет и смущение, и губы мои коснулись ее нежной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала; мы ехали сзади: никто не видал. Когда мы выбрались на берег, то все пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возле нее; видно было, что ее беспокоило мое молчание, но я поклялся не говорить ни слова — из любопытства. Мне хотелось видеть, как она выпутается из этого затруднительного положения.

— Или вы меня презираете, или очень любите! — сказала она наконец голосом, в котором были слезы.— Может быть, вы хотите посмеяться надо мной, возмутить мою душу и потом оставить... Это было бы так подло, так низко, что одно предположение... О нет! не правда ли,— прибавила она голосом нежной доверенности,— не правда ли, во мне нет ничего такого, что бы исключало уважение? Ваш дерзкий поступок... я должна, я должна вам его простить, потому что позволила... Отвечайте, говорите же, я хочу слышать ваш голос!..— В последних словах было такое женское нетерпение, что я невольно улыбнулся; к счастию, начинало смеркаться... Я ничего не отвечал.

— Вы молчите? — продолжала она,— вы, может быть, хотите, чтоб я первая вам сказала, что я вас люблю?..

Я молчал...

— Хотите ли этого? — продолжала она, быстро обратясь ко мне... В решительности ее взора и голоса было что-то страшное...

— Зачем? — отвечал я, пожав плечами.

Она ударила хлыстом свою лошадь и пустилась во весь дух по узкой, опасной дороге; это произошло так скоро, что я едва мог ее догнать, и то, когда уж она присоединилась к остальному обществу. До самого дома она говорила и смеялась поминутно. В ее движениях

было что-то лихорадочиое; на меия ие взглянула ии разу. Все заметили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутреиио радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто иервический припадок: она проведет иочь без сна и будет плакать. Эта мысль мне доставляет необъятиое иаслаждеиие: есть минуты, когда я понимаю Вампира... А еще слыву добрым малым и добиваюсь этого иазваиия!

Слезши с лошадей, дамы вошли к княгине; я был взволноваи и поскакал в горы развеять мысли, толпившиеся в голове моей. Росистый вечер дышал упоительной прохладой. Луиа подымалась из-за темных вершин. Каждый шаг моей нековаиой лошади глухо раздавался в молчании ущелий; у водопада я напоил коня, жадно вдохнул в себя раза два свежий воздух южиой ночи и пустился в обратный путь. Я ехал через слободку. Огии начинали угасать в окнах; часовые иа валу крепости и казаки на окрестных пикетах протяжио перекликались...

В одном из домов слободки, построенном иа краю оврага, заметил я чрезвычайное освещение; по временам раздавался нестройный говор и крики, изобличавшие военную пирушку. Я слез и подкрался к окну; иеплотно притворенный ставеиь позволил мне видеть пирующих и расслушать их слова. Говорили обо мне.

Драгунский капитан, разгоряченный вииом, ударил по столу кулаком, требуя внимания.

— Господа! — сказал он,— это ии на что ие похоже. Печорина надо проучить! Эти петербургские слётки всегда зазиаются, пока их не ударишь по носу! Ои думает, что ои только один и жил в свете, оттого что иосит всегда чистые перчатки и вычищенные сапоги.

— И что за надмениая улыбка! А я увереи между тем, что он трус,— да, трус!

— Я думаю то же,— сказал Грушницкий.— Он любит отшучиваться. Я раз ему таких вещей наговорил, что другой бы меня изрубил иа месте, а Печорин все обратил в смешиую сторону. Я, разумеется, его ие вызвал, потому что это было его дело; да ие хотел и связываться...

— Грушницкий иа него зол за то, что он отбил у него княжну,— сказал кто-то.

— Вот еще что вздумали! Я, правда, немножко волочился за кияжиой, да и тотчас отстал, потому что не

хочу жениться, а компрометировать девушку не в моих правилах.

— Да я вас уверяю, что он первейший трус, то есть Печорин, а не Грушницкий,— о, Грушницкий молодец, и притом он мой истинный друг! — сказал опять драгунский капитан.— Господа! никто здесь его не защищает? Никто? тем лучше! Хотите испытать его храбрость? Это нас позабавит...

— Хотим; только как?

— А вот слушайте: Грушницкий на него особенно сердит — ему первая роль! Он придерется к какой-нибудь глупости и вызовет Печорина на дуэль... Погодите; вот в этом-то и штука... Вызовет на дуэль: хорошо! Все это — вызов, приготовления, условия — будет как можно торжественнее и ужаснее,— я за это берусь; я буду твоим секундантом, мой бедный друг! Хорошо! Только вот где закорючка: в пистолеты мы не положим пуль. Уж я вам отвечаю, что Печорин струсит,— на шести шагах их поставлю, черт возьми! Согласны ли, господа?

— Славно придумано! согласны! почему же нет? — раздалось со всех сторон.

— А ты, Грушницкий?

Я с трепетом ждал ответа Грушницкого; холодная злость овладела мною при мысли, что если б не случай, то я мог бы сделаться посмешищем этих дураков. Если б Грушницкий не согласился, я бросился б ему на шею. Но после некоторого молчания он встал с своего места, протянул руку капитану и сказал очень важно: «Хорошо, я согласен».

Трудно описать восторг всей честной компании.

Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами. Первое было грусть. «За что они все меня ненавидят? — думал я.— За что? Обидел ли я кого-нибудь? Нет. Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство?» И я чувствовал, что ядовитая злость мало-помалу наполняла мою душу. «Берегитесь, господин Грушницкий! — говорил я, прохаживаясь взад и вперед по комнате.— Со мной этак не шутят. Вы дорого можете заплатить за одобрение ваших глупых товарищей. Я вам не игрушка!..»

Я не спал всю ночь. К утру я был желт, как померанец.

Поутру я встретил княжну у колодца.

— Вы больны? — сказала она, пристально посмотрев на меня.

— Я не спал ночь.

— И я также... я вас обвиняла... может быть, напрасно? Но объяснитесь, я могу вам простить все...

— Все ли?..

— Все... только говорите правду... только скорее... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведение; может быть, вы боитесь препятствий со стороны моих родных... это ничего; когда они узнают... (ее голос задрожал) я их упрошу. Или ваше собственное положение... но знайте, что я всем могу пожертвовать для того, которого люблю... О, отвечайте скорее, сжальтесь... Вы меня не презираете, не правда ли?

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди нас с мужем Веры и ничего не видала: но нас могли видеть гуляющие больные, самые любопытные сплетники из всех любопытных, и я быстро освободил свою руку от ее страстного пожатия.

— Я вам скажу всю истину,— отвечал я княжне,— не буду оправдываться, ни объяснять своих поступков; я вас не люблю.

Ее губы слегка побледнели...

— Оставьте меня,— сказала она едва внятно.

Я пожал плечами, повернулся и ушел.

14-го июня.

Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и других?.. Я стал не способен к благородным порывам; я боюсь показаться смешным самому себе. Другой бы на моем месте предложил княжне son coeur et sa fortune[1]; но надо мною слово *жениться* имеет какую-то волшебную власть: как бы страстно я ни любил женщину, если она мне даст только почувствовать, что я должен на ней жѐниться,— прости любовь! мое сердце превращается в камень, и ничто его не разогреет снова. Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продам. Отчего я так дорожу ею? что мне в ней?..

[1] руку и сердце *(фр.)*.

куда я себя готовлю? чего я жду от будущего?.. Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страх, неизъяснимое предчувствие... Ведь есть люди, которые безотчетно боятся пауков, тараканов, мышей... Признаться ли?.. Когда я был еще ребенком, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мне *смерть от злой жены;* это меня тогда глубоко поразило; в душе моей родилось непреодолимое отвращение к женитьбе... Между тем что-то мне говорит, что ее предсказание сбудется; по крайней мере буду стараться, чтоб оно сбылось как можно позже.

15-го июня.

Вчера приехал сюда фокусник *Апфельбаум.* На дверях ресторации явилась длинная афишка, извещающая почтеннейшую публику о том, что вышеименованный удивительный фокусник, акробат, химик и оптик будет иметь честь дать великолепное представление сегодняшнего числа в восемь часов вечера, в зале Благородного собрания (иначе — в ресторации); билеты по два рубля с полтиной.

Все собираются идти смотреть удивительного фокусника; даже княгиня Лиговская, несмотря на то что дочь ее больна, взяла для себя билет.

Нынче после обеда я шел мимо окон Веры; она сидела на балконе одна; к ногам моим упала записка:

«Сегодня в десятом часу вечера приходи ко мне по большой лестнице; муж мой уехал в Пятигорск и завтра утром только вернется. Моих людей и горничных не будет в доме: я им всем раздала билеты, также и людям княгини. Я жду тебя; приходи непременно».

«А-га! — подумал я,— наконец-таки вышло по-моему».

В восемь часов пошел я смотреть фокусника. Публика собралась в исходе девятого; представление началось. В задних рядах стульев узнал я лакеев и горничных Веры и княгини. Все были тут наперечет. Грушницкий сидел в первом ряду с лорнетом. Фокусник обращался к нему всякий раз, как ему нужен был носовой платок, часы, кольцо и прочее.

Грушницкий мне не кланяется уже несколько времени, а нынче раза два посмотрел на меня довольно дерзко. Все это ему припомнится, когда нам придется расплачиваться.

В исходе десятого я встал и вышел.

На дворе было темно, хоть глаз выколи. Тяжелые, холодные тучи лежали на вершинах окрестных гор: лишь изредка умирающий ветер шумел вершинами тополей, окружающих ресторацию; у окон ее толпился народ. Я спустился с горы и, повернув в ворота, прибавил шагу. Вдруг мне показалось, что кто-то идет за мной. Я остановился и осмотрелся. В темноте ничего нельзя было разобрать; однако я из осторожности обошел, будто гуляя, вокруг дома. Проходя мимо окон княжны, я услышал снова шаги за собою; человек, завернутый в шинель, пробежал мимо меня. Это меня встревожило; однако я прокрался к крыльцу и поспешно взбежал на темную лестницу. Дверь отворилась; маленькая ручка схватила мою руку...

— Никто тебя не видал? — сказала шепотом Вера, прижавшись ко мне.

— Никто!

— Теперь ты веришь ли, что я тебя люблю? О, я долго колебалась, долго мучилась... но ты из меня делаешь все, что хочешь.

Ее сердце сильно билось, руки были холодны как лед. Начались упреки, ревности, жалобы,— она требовала от меня, чтоб я ей во всем признался, говоря, что она с покорностью перенесет мою измену, потому что хочет единственно моего счастия. Я этому не совсем верил, но успокоил ее клятвами, обещаниями и прочее.

— Так ты не женишься на Мери? не любишь ее?.. А она думает... знаешь ли, она влюблена в тебя до безумия, бедняжка!..

. . . .
. . . .

Около двух часов пополуночи я отворил окно и, связав две шали, спустился с верхнего балкона на нижний, придерживаясь за колонну. У княжны еще горел огонь. Что-то меня толкнуло к этому окну. Занавес был не совсем задернут, и я мог бросить любопытный взгляд во внутренность комнаты. Мери сидела на своей постели, скрестив на коленях руки; ее густые волосы были собраны под ночным чепчиком, обшитым кружевами; большой пунцовый платок покрывал ее белые плечики, ее маленькие ножки прятались в пестрых персидских туфлях. Она сидела неподвижно, опустив голову на грудь; пред нею на столике была раскрыта книга, но глаза ее, неподвиж-

нные и полные неизъяснимой грусти, казалось, в сотый раз пробегали одну и ту же страницу, тогда как мысли ее были далеко...

В эту минуту кто-то шевельнулся за кустом. Я спрыгнул с балкона на дерн. Невидимая рука схватила меня за плечо.

— Ага! — сказал грубый голос,— попался!.. будешь у меня к княжнам ходить ночью!..

— Держи его крепче! — закричал другой, выскочивший из-за угла.

Это были Грушницкий и драгунский капитан.

— Я ударил последнего по голове кулаком, сшиб его с ног и бросился в кусты. Все тропинки сада, покрывавшего отлогость против наших домов, были мне известны.

— Воры! караул!..— кричали они; раздался ружейный выстрел; дымящийся пыж упал почти к моим ногам.

Через минуту я был уже в своей комнате, разделся и лег. Едва мой лакей запер дверь на замок, как ко мне начали стучаться Грушницкий и капитан.

— Печорин! вы спите? здесь вы?..— закричал капитан.

— Сплю,— отвечал я сердито.

— Вставайте! воры... черкесы.

— У меня насморк,— отвечал я,— боюсь простудиться.

Они ушли. Напрасно я им откликнулся: они б еще с час проискали меня в саду. Тревога между тем сделалась ужасная. Из крепости прискакал казак. Все зашевелилось; стали искать черкесов во всех кустах — и, разумеется, ничего не нашли. Но многие, вероятно, остались в твердом убеждении, что если б гарнизон показал более храбрости и поспешности, то по крайней мере десятка два хищников остались бы на месте.

16-го июня.

Нынче поутру у колодца только и было толков что о ночном нападении черкесов. Выпивши положенное число стаканов нарзана, пройдясь раз десять по длинной липовой аллее, я встретил мужа Веры, который только что приехал из Пятигорска. Он взял меня под руку, и мы пошли в ресторацию завтракать; он ужасно беспокоился о жене. «Как она перепугалась нынче ночью! — говорил он,— ведь надобно ж, чтоб это случилось имен-

но тогда, как я в отсутствии». Мы уселись завтракать возле двери, ведущей в угловую комнату, где находилось человек десять молодежи, в числе которой был и Грушницкий. Судьба вторично доставила мне случай подслушать разговор, который должен был решить его участь. Он меня не видал, и, следственно, я не мог подозревать умысла; но это только увеличивало его вину в моих глазах.

— Да неужели в самом деле это были черкесы? — сказал кто-то,— видел ли их кто-нибудь?

— Я вам расскажу всю историю,— отвечал Грушницкий,— только, пожалуйста, не выдавайте меня; вот как это было: вчерась один человек, которого я вам не назову, приходит ко мне и рассказывает, что видел в десятом часу вечера, как кто-то прокрался в дом к Лиговским. Надо вам заметить, что княгиня была здесь, а княжна дома. Вот мы с ним и отправились под окна, чтоб подстеречь счастливца.

Признаюсь, я испугался, хотя мой собеседник очень был занят своим завтраком: он мог услышать вещи для себя довольно неприятные, если б неравно Грушницкий отгадал истину; но, ослепленный ревностью, он и не подозревал ее.

— Вот видите ли,— продолжал Грушницкий,— мы и отправились, взявши с собой ружье, заряженное холостым патроном, только так, чтоб попугать. До двух часов ждали в саду. Наконец — уж бог знает откуда он явился, только не из окна, потому что оно не отворялось, а должно быть, он вышел в стеклянную дверь, что за колонной,— наконец, говорю я, видим мы, сходит кто-то с балкона... Какова княжна? а? Ну, уж признаюсь, московские барышни! После этого чему же можно верить? Мы хотели его схватить, только он вырвался и, как заяц, бросился в кусты; тут я по нем выстрелил.

Вокруг Грушницкого раздался ропот недоверчивости.

— Вы не верите? — продолжал он,— даю вам честное, благородное слово, что все это сущая правда, и в доказательство я вам, пожалуй, назову этого господина.

— Скажи, скажи, кто ж он! — раздалось со всех сторон.

— Печорин,— отвечал Грушницкий.

В эту минуту он поднял глаза — я стоял в дверях

против него; он ужасно покраснел. Я подошел к нему и сказал медленно и внятно:

— Мне очень жаль, что я взошел после того, как вы уже дали честное слово в подтверждение самой отвратительной клеветы. Мое присутствие избавило бы вас от лишней подлости.

Грушницкий вскочил с своего места и хотел разгорячиться.

— Прошу вас,— продолжал я тем же тоном,— прошу вас сейчас же отказаться от ваших слов; вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтоб равнодушие женщины к вашим блестящим достоинствам заслуживало такое ужасное мщение. Подумайте хорошенько: поддерживая ваше мнение, вы теряете право на имя благородного человека и рискуете жизнью.

Грушницкий стоял передо мною, опустив глаза, в сильном волнении. Но борьба совести с самолюбием была непродолжительна. Драгунский капитан, сидевший возле него, толкнул его локтем; он вздрогнул и быстро отвечал мне, не поднимая глаз:

— Милостивый государь, когда я что говорю, так я это думаю и готов повторить... Я не боюсь ваших угроз и готов на все.

— Последнее вы уж доказали,— отвечал я ему холодно и, взяв под руку драгунского капитана, вышел из комнаты.

— Что вам угодно? — спросил капитан.

— Вы приятель Грушницкого — и, вероятно, будете его секундантом?

Капитан поклонился очень важно.

— Вы отгадали,— отвечал он,— я даже обязан быть его секундантом, потому что обида, нанесенная ему, относится и ко мне: я был с ним вчера ночью,— прибавил он, выпрямляя свой сутуловатый стан.

— А! так это вас ударил я так неловко по голове?..

Он пожелтел, посинел; скрытая злоба изобразилась на лице его.

— Я буду иметь честь прислать к вам нынче моего секунданта,— прибавил я, раскланявшись очень вежливо и показывая вид, будто не обращаю внимания на его бешенство.

На крыльце ресторации я встретил мужа Веры. Кажется, он меня дожидался.

Он схватил мою руку с чувством, похожим на восторг.

— Благородный молодой человек! — сказал он, с слезами на глазах.— Я все слышал. Экой мерзавец! неблагодарный!.. Принимай их после этого в порядочный дом! Слава богу, у меня нет дочерей! Но вас наградит та, для которой вы рискуете жизнью. Будьте уверены в моей скромности до поры до времени,— продолжал он.— Я сам был молод и служил в военной службе: знаю, что в эти дела не должно вмешиваться. Прощайте.

Бедняжка! радуется, что у него нет дочерей...

Я пошел прямо к Вернеру, застал его дома и рассказал ему все—отношения мои к Вере и княжне и разговор, подслушанный мною, из которого я узнал намерение этих господ подурачить меня, заставив стреляться холостыми зарядами. Но теперь дело выходило из границ шутки: они, вероятно, не ожидали такой развязки.

Доктор согласился быть моим секундантом; я дал ему несколько наставлений насчет условий поединка; он должен был настоять на том, чтобы дело обошлось как можно секретнее, потому что хотя я когда угодно готов подвергать себя смерти, но нимало не расположен испортить навсегда свою будущность в здешнем мире.

После этого я пошел домой. Через час доктор вернулся из своей экспедиции.

— Против вас точно есть заговор,— сказал он.— Я нашел у Грушницкого драгунского капитана и еще одного господина, которого фамилии не помню. Я на минуту остановился в передней, чтоб снять галоши. У них был ужасный шум и спор... «Ни за что не соглашусь! — говорил Грушницкий,— он меня оскорбил публично; тогда было совсем другое...» — «Какое тебе дело? — отвечал капитан,— я все беру на себя. Я был секундантом на пяти дуэлях и уж знаю, как это устроить. Я все придумал. Пожалуйста, только мне не мешай. Постращать не худо. А зачем подвергать себя опасности, если можно избавиться?..» В эту минуту я взошел. Они вдруг замолчали. Переговоры наши продолжались довольно долго; наконец мы решили дело вот как: верстах в пяти отсюда есть глухое ущелье; они туда поедут завтра в четыре часа утра, а мы выедем полчаса после их; стреляться будете на шести шагах — этого требовал сам Грушницкий. Убитого — на счет черкесов. Теперь вот какие у меня подозрения: они, то есть секунданты, должно быть, не-

сколько переменили свой прежний план и хотят зарядить пулею один пистолет Грушницкого. Это немножко похоже на убийство, но в военное время, и особенно в азиатской войне, хитрости позволяются; только Грушницкий, кажется, поблагороднее своих товарищей. Как вы думаете? должны ли мы показать им, что догадались?

— Ни за что на свете, доктор! будьте спокойны, я им не поддамся.

— Что же вы хотите делать?

— Это моя тайна.

— Смотрите не попадитесь... ведь на шести шагах!

— Доктор, я вас жду завтра в четыре часа; лошади будут готовы... Прощайте.

Я до вечера просидел дома, запершись в своей комнате. Приходил лакей звать меня к княгине,— я велел сказать, что болен.

. . . .

Два часа ночи... не спится... А надо бы заснуть, чтоб завтра рука не дрожала. Впрочем, на шести шагах промахнуться трудно. А! господин Грушницкий! ваша мистификация вам не удастся... мы поменяемся ролями: теперь мне придется отыскивать на вашем бледном лице признаки тайного страха. Зачем вы сами назначили эти роковые шесть шагов? Вы думаете, что я вам без спора подставлю свой лоб... но мы бросим жребий!.. и тогда... тогда... что, если его счастье перетянет? если моя звезда наконец мне изменит?.. И не мудрено: она так долго служила верно моим прихотям; на небесах не более постоянства, чем на земле.

Что ж? умереть так умереть! потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно. Я — как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что еще нет его кареты. Но карета готова... прощайте!..

Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений — лучший цвет жизни. И с той поры сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упадал на

голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия; я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страданья — и никогда не мог насытиться. Так, томимый голодом в изнеможении засыпает и видит перед собою роскошные кушанья и шипучие вина; он пожирает с восторгом воздушные дары воображения, и ему кажется легче; но только проснулся — мечта исчезает... остается удвоенный голод и отчаяние!

И, может быть, я завтра умру!.. и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитают меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле... Одни скажут: он был добрый малый, другие — мерзавец. И то и другое будет ложно. После этого стоит ли труда жить? а все живешь — из любопытства: ожидаешь чего-то нового... Смешно и досадно!

Вот уже полтора месяца, как я в крепости N; Максим Максимыч ушел на охоту... я один; сижу у окна; серые тучи закрыли горы до подошвы; солнце сквозь туман кажется желтым пятном. Холодно; ветер свищет и колеблет ставни... Скучно! Стану продолжать свой журнал, прерванный столькими странными событиями.

Перечитываю последнюю страницу: смешно! Я думал умереть; это было невозможно: я еще не осушил чаши страданий и теперь чувствую, что мне еще долго жить.

Как же прошедшее ясно и резко отлилось в моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттенка не стерло время!

Я помню, что в продолжение ночи, предшествовавшей поединку, я не спал ни минуты. Писать я не мог долго: тайное беспокойство мною овладело. С час я ходил по комнате; потом сел и открыл роман Вальтера Скотта, лежавший у меня на столе: то были «Шотландские пуритане»; я читал сначала с усилием, потом забылся, увлеченный волшебным вымыслом... Неужели шотландскому барду на том свете не платят за каждую отрадную минуту, которую дарит его книга?..

Наконец рассвело. Нервы мои успокоились. Я посмотрелся в зеркало; тусклая бледность покрывала лицо мое, хранившее следы мучительной бессонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тенью, блистали гордо и неумолимо. Я остался доволен собою.

Велев седлать лошадей, я оделся и сбежал к купальне. Погружаясь в холодный кипяток нарзана, я чувствовал, как телесные и душевные силы мои возвращались. Я вышел из ванны свеж и бодр, как будто собирался на бал. После этого говорите, что душа не зависит от тела!..

Возвратясь, я нашел у себя доктора. На нем были серые рейтузы, архалук и черкесская шапка. Я расхохотался, увидев эту маленькую фигурку под огромной косматой шапкой: у него лицо вовсе не воинственное, а в этот раз оно было еще длиннее обыкновенного.

— Отчего вы так печальны, доктор? — сказал я ему.— Разве вы сто раз не провожали людей на тот свет с величайшим равнодушием? Вообразите, что у меня желчная горячка; я могу выздороветь, могу и умереть; то и другое в порядке вещей; старайтесь смотреть на меня, как на пациента, одержимого болезнью, вам еще неизвестной,— и тогда ваше любопытство возбудится до высшей степени; вы можете над мною сделать теперь несколько важных физиологических наблюдений... Ожидание насильственной смерти не есть ли уже настоящая болезнь?

Эта мысль поразила доктора, и он развеселился.

Мы сели верхом; Вернер уцепился за поводья обеими руками, и мы пустились,— мигом проскакали мимо крепости через слободку и въехали в ущелье, по которому вилась дорога, полузаросшая высокой травой и ежеминутно пересекаемая шумным ручьем, через который нужно было переправляться вброд, к великому отчаянию доктора, потому что лошадь его каждый раз в воде останавливалась.

Я не помню утра более голубого и свежего! Солнце едва выказалось из-за зеленых вершин, и слияние первой теплоты его лучей с умирающей прохладой ночи наводило на все чувства какое-то сладкое томление; в ущелье не проникал еще радостный луч молодого дня; он золотил только верхи утесов, висящих с обеих сторон над нами; густолиственные кусты, растущие в их глубоких трещинах, при малейшем дыхании ветра осыпали

нас серебряным дождем. Я помню — в этот раз, больше чем когда-нибудь прежде, я любил природу. Как любопытно всматривался я в каждую росинку, трепещущую на широком листке виноградном и отражавшую миллионы радужных лучей! как жадно взор мой старался проникнуть в дымную даль! Там путь все становился уже, утесы синее и страшнее, и, наконец, они, казалось, сходились непроницаемой стеной. Мы ехали молча.

— Написали ли вы свое завещание? — вдруг спросил Вернер.

— Нет.

— А если будете убиты?..

— Наследники отыщутся сами.

— Неужели у вас нет друзей, которым бы вы хотели послать свое последнее прости?..

Я покачал головой.

— Неужели нет на свете женщины, которой вы хотели бы оставить что-нибудь на память?..

— Хотите ли, доктор,— отвечал я ему,— чтоб я раскрыл вам мою душу?.. Видите ли, я выжил из тех лет, когда умирают, произнося имя своей любезной и завещая другу клочок напомаженных или ненапомаженных волос. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю об одном себе: иные не делают и этого. Друзья, которые завтра меня забудут или, хуже, взведут на мой счет бог знает какие небылицы; женщины, которые, обнимая другого, будут смеяться надо мною, чтоб не возбудить в нем ревности к усопшему,— бог с ними! Из жизненной бури я вынес только несколько идей — и ни одного чувства. Я давно уж живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, через час простится с вами и миром навеки, а второй... второй?.. Посмотрите, доктор: видите ли вы, на скале направо чернеются три фигуры? Это, кажется, наши противники?..

Мы пустились рысью.

У подошвы скалы в кустах были привязаны три лошади; мы своих привязали тут же, а сами по узкой тропинке взобрались на площадку, где ожидал нас Грушницкий с драгунским капитаном и другим своим секун-

дантом, которого звали Иваном Игнатьевичем; фамилии его я никогда не слыхал.

— Мы давно уж вас ожидаем,— сказал драгунский капитан с иронической улыбкой.

Я вынул часы и показал ему.

Он извинился, говоря, что его часы уходят.

Несколько минут продолжалось затруднительное молчание; наконец доктор прервал его, обратясь к Грушницкому.

— Мне кажется,— сказал он,— что, показав оба готовность драться и заплатив этим долг условиям чести, вы бы могли, господа, объясниться и кончить это дело полюбовно.

— Я готов,— сказал я.

Капитан мигнул Грушницкому, и этот, думая, что я трушу, принял гордый вид, хотя до сей минуты тусклая бледность покрывала его щеки. С тех пор как мы приехали, он в первый раз поднял на меня глаза; но во взгляде его было какое-то беспокойство, изобличавшее внутреннюю борьбу.

— Объясните ваши условия,— сказал он,— и все, что я могу для вас сделать, то будьте уверены...

— Вот мои условия: вы нынче же публично откажетесь от своей клеветы и будете просить у меня извинения...

— Милостивый государь, я удивляюсь, как вы смеете мне предлагать такие вещи?..

— Что ж я вам мог предложить, кроме этого?..

— Мы будем стреляться.

Я пожал плечами.

— Пожалуй; только подумайте, что один из нас непременно будет убит.

— Я желаю, чтобы это были вы...

— А я так уверен в противном...

Он смутился, покраснел, потом принужденно захохотал.

Капитан взял его под руку и отвел в сторону; они долго шептались. Я приехал в довольно миролюбивом расположении духа, но все это начинало меня бесить.

Ко мне подошел доктор.

— Послушайте,— сказал он с явным беспокойством,— вы, верно, забыли про их заговор?.. Я не умею зарядить пистолета, но в этом случае... Вы странный человек! Скажите им, что вы знаете их намерение,

и они не посмеют... Что за охота! подстрелят вас как птицу...

— Пожалуйста, не беспокойтесь, доктор, и погодите... Я все так устрою, что на их стороне не будет никакой выгоды. Дайте им пошептаться...

— Господа, это становится скучно! — сказал я им громко,— драться так драться; вы имели время вчера наговориться...

— Мы готовы,— отвечал капитан.— Становитесь, господа!.. Доктор, извольте отмерить шесть шагов...

— Становитесь! — повторил Иван Игнатьич пискливым голосом.

— Позвольте! — сказал я,— еще одно условие; так как мы будем драться насмерть, то мы обязаны сделать все возможное, чтоб это осталось тайною и чтоб секунданты наши не были в ответственности. Согласны ли вы?..

— Совершенно согласны.

— Итак, вот что я придумал. Видите ли на вершине этой отвесной скалы, направо, узенькую площадку? оттуда до низу будет сажен тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый из нас станет на самом краю площадки; таким образом, даже легкая рана будет смертельна: это должно быть согласно с вашим желанием, потому что вы сами назначили шесть шагов. Тот, кто будет ранен, полетит непременно вниз и разобьется вдребезги; пулю доктор вынет, и тогда можно будет очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачным прыжком. Мы бросим жребий, кому первому стрелять. Объявляю вам в заключение, что иначе я не буду драться.

— Пожалуй! — сказал капитан, посмотрев выразительно на Грушницкого, который кивнул головой в знак согласия. Лицо его ежеминутно менялось. Я его поставил в затруднительное положение. Стреляясь при обыкновенных условиях, он мог целить мне в ногу, легко меня ранить и удовлетворить таким образом свою месть, не отягощая слишком своей совести; но теперь он должен был выстрелить на воздух, или сделаться убийцей, или, наконец, оставить свой подлый замысел и подвергнуться одинаковой со мною опасности. В эту минуту я не желал бы быть на его месте. Он отвел капитана в сторону и стал говорить ему что-то с большим жаром; я видел, как посиневшие губы его дрожали; но капитан

от него отвернулся с презрительной улыбкой. «Ты дурак! — сказал он Грушницкому довольно громко,— ничего не понимаешь! Отправимтесь же, господа!»

Узкая тропинка вела между кустами на крутизну; обломки скал составляли шаткие ступени этой природной лестницы; цепляясь за кусты, мы стали карабкаться. Грушницкий шел впереди, за ним его секунданты, а потом мы с доктором.

— Я вам удивляюсь,— сказал доктор, пожав мне крепко руку.— Дайте пощупать пульс!.. О-го! лихорадочный!.. но на лице ничего не заметно... только глаза у вас блестят ярче обыкновенного.

Вдруг мелкие камни с шумом покатились нам под ноги. Что это? Грушницкий споткнулся; ветка, за которую он уцепился, изломилась, и он скатился бы вниз на спине, если б его секунданты не поддержали.

— Берегитесь! — закричал я ему,— не падайте заранее; это дурная примета. Вспомните Юлия Цезаря!

Вот мы взобрались на вершину выдавшейся скалы; площадка была покрыта мелким песком, будто нарочно для поединка. Кругом, теряясь в золотом тумане утра, теснились вершины гор, как бесчисленное стадо, и Эльборус на юге вставал белою громадой, замыкая цепь льдистых вершин, между которых уж бродили волокнистые облака, набежавшие с востока. Я подошел к краю площадки и посмотрел вниз, голова чуть-чуть у меня не закружилась; там внизу казалось темно и холодно, как в гробе; мшистые зубцы скал, сброшенных грозою и временем, ожидали своей добычи.

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольник. От выдавшегося угла отмерили шесть шагов и решили, что тот, кому придется первому встретить неприятельский огонь, станет на самом углу спиною к пропасти; если он не будет убит, то противники поменяются местами.

Я решился предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушия, и тогда все устроилось бы к лучшему; но самолюбие и слабость характера должны были торжествовать... Я хотел дать себе полное право не щадить его, если бы судьба меня помиловала. Кто не заключал таких условий с своею совестью?

— Бросьте жребий, доктор! — сказал капитан.

Доктор вынул из кармана серебряную монету и поднял ее кверху.

— Решетка! — закричал Грушницкий поспешно, как человек, которого вдруг разбудил дружеский толчок.

— Орел! — сказал я.

Монета взвилась и упала, звеня; все бросились к ней.

— Вы счастливы,— сказал я Грушницкому,— вам стрелять первому! Но помните, что если вы меня не убьете, то я не промахнусь — даю вам честное слово.

Он покраснел; ему было стыдно убить человека безоружного; я глядел на него пристально; с минуту мне казалось, что он бросится к ногам моим, умоляя о прощении; но как признаться в таком подлом умысле?.. Ему оставалось одно средство — выстрелить на воздух; я был уверен, что он выстрелит на воздух! Одно могло этому помешать: мысль, что я потребую вторичного поединка.

— Пора! — шепнул мне доктор, дергая за рукав,— если вы теперь не скажете, что мы знаем их намерения, то все пропало. Посмотрите, он уж заряжает... если вы ничего не скажете, то я сам...

— Ни за что на свете, доктор! — отвечал я, удерживая его за руку,— вы все испортите; вы мне дали слово не мешать... Какое вам дело? Может быть, я хочу быть убит...

Он посмотрел на меня с удивлением.

— О, это другое!.. только на меня на том свете не жалуйтесь...

Капитан между тем зарядил свои пистолеты, подал один Грушницкому, с улыбкою шепнув ему что-то; другой мне.

Я стал на углу площадки, крепко упершись левой ногою в камень и наклонясь немного наперед, чтобы в случае легкой раны не опрокинуться назад.

Грушницкий стал против меня и по данному знаку начал поднимать пистолет. Колени его дрожали. Он целил мне прямо в лоб...

Неизъяснимое бешенство закипело в груди моей.

Вдруг он опустил дуло пистолета и, побледнев как полотно, повернулся к своему секунданту.

— Не могу,— сказал он глухим голосом.

— Трус! — отвечал капитан.

Выстрел раздался. Пуля оцарапала мне колено. Я невольно сделал несколько шагов вперед, чтоб поскорей удалиться от края.

— Ну, брат Грушницкий, жаль, что промахнулся! — сказал капитан,— теперь твоя очередь, становись! Обними меня прежде: мы уж не увидимся! — Они обнялись; капитан едва мог удержаться от смеха.— Не бойся,— прибавил он, хитро взглянув на Грушницкого,— все вздор на свете!.. Натура — дура, судьба — индейка, а жизнь — копейка!

После этой трагической фразы, сказанной с приличною важностью, он отошел на свое место; Иван Игнатьич со слезами обнял также Грушницкого, и вот он остался один против меня. Я до сих пор стараюсь объяснить себе, какого рода чувство кипело тогда в груди моей: то было и досада оскорбленного самолюбия, и презрение, и злоба, рождавшаяся при мысли, что этот человек, теперь с такою уверенностью, с такой спокойной дерзостью на меня глядящий, две минуты тому назад, не подвергая себя никакой опасности, хотел меня убить как собаку, ибо раненный в ногу немного сильнее, я бы непременно свалился с утеса.

Я несколько минут смотрел ему пристально в лицо, стараясь заметить хоть легкий след раскаяния. Но мне показалось, что он удерживал улыбку.

— Я вам советую перед смертью помолиться богу,— сказал я ему тогда.

— Не заботьтесь о моей душе больше, чем о своей собственной. Об одном вас прошу: стреляйте скорее.

— И вы не отказываетесь от своей клеветы? не просите у меня прощения?.. Подумайте хорошенько: не говорит ли вам чего-нибудь совесть?

— Господин Печорин! — закричал драгунский капитан,— вы здесь не для того, чтоб исповедовать, позвольте вам заметить... Кончимте скорее; неравно кто-нибудь проедет по ущелью — и нас увидят.

— Хорошо. Доктор, подойдите ко мне.

Доктор подошел. Бедный доктор! он был бледнее, чем Грушницкий десять минут тому назад.

Следующие слова я произнес нарочно с расстановкой, громко и внятно, как произносят смертный приговор:

— Доктор, эти господа, вероятно, второпях, забыли положить пулю в мой пистолет: прошу вас зарядить его снова,— и хорошенько!

— Не может быть! — кричал капитан,— не может быть! я зарядил оба пистолета; разве что из вашего пуля выкатилась... Это не моя вина! А вы не имеете права переряжать... никакого права... это совершенно против правил; я не позволю...

— Хорошо! — сказал я капитану,— если так, то мы будем с вами стреляться на тех же условиях...

Он замялся.

Грушницкий стоял, опустив голову на грудь, смущенный и мрачный.

— Оставь их! — сказал он наконец капитану, который хотел вырвать пистолет мой из рук доктора...— Ведь ты сам знаешь, что они правы.

Напрасно капитан делал ему разные знаки,— Грушницкий не хотел и смотреть.

Между тем доктор зарядил пистолет и подал мне.

Увидев это, капитан плюнул и топнул ногой.

— Дурак же ты, братец,— сказал он,— пошлый дурак!.. Уж положился на меня, так слушайся во всем... Поделом же тебе! околевай себе, как муха...— Он отвернулся и, отходя, пробормотал: — А все-таки это совершенно противу правил.

— Грушницкий! — сказал я,— еще есть время; откажись от своей клеветы, и я тебе прощу все. Тебе не удалось меня подурачить, и мое самолюбие удовлетворено; вспомни — мы были когда-то друзьями...

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали.

— Стреляйте! — отвечал он,— я себя презираю, а вас ненавижу. Если вы меня не убьете, я вас зарежу ночью из-за угла. Нам на земле вдвоем нет места...

Я выстрелил...

Когда дым рассеялся, Грушницкого на площадке не было. Только прах легким столбом еще вился на краю обрыва.

Все в один голос вскрикнули.

— Finita la comedia! [1] — сказал я доктору.

Он не отвечал и с ужасом отвернулся.

Я пожал плечами и раскланялся с секундантами Грушницкого.

Спускаясь по тропинке вниз, я заметил между расселинами скал окровавленный труп Грушницкого. Я невольно закрыл глаза...

---

[1] Комедия окончена! *(ит.)*

Отвязав лошадь, я шагом пустился домой. У меня на сердце был камень. Солнце казалось мне тускло, лучи его меня не грели.

Не доезжая слободки, я повернул направо по ущелью. Вид человека был бы мне тягостен: я хотел быть один. Бросив поводья и опустив голову на грудь, я ехал долго, наконец очутился в месте, мне вовсе не знакомом; я повернул коня назад и стал отыскивать дорогу; уж солнце садилось, когда я подъехал к Кисловодску, измученный, на измученной лошади.

Лакей мой сказал мне, что заходил Вернер, и подал мне две записки: одну от него, другую... от Веры.

Я распечатал первую, она была следующего содержания:

«Все устроено как можно лучше: тело привезено обезображенное, пуля из груди вынута. Все уверены, что причиною его смерти несчастный случай; только комендант, которому, вероятно, известна ваша ссора, покачал головой, но ничего не сказал. Доказательств против вас нет никаких, и вы можете спать спокойно... если можете... Прощайте...»

Я долго не решался открыть вторую записку... Что могла она мне написать?.. Тяжелое предчувствие волновало мою душу.

Вот оно, это письмо, которого каждое слово неизгладимо врезалось в моей памяти:

«Я пишу к тебе в полной уверенности, что мы никогда более не увидимся. Несколько лет тому назад, расставаясь с тобою, я думала то же самое; но небу было угодно испытать меня вторично; я не вынесла этого испытания, мое слабое сердце покорилось снова знакомому голосу... ты не будешь презирать меня за это, не правда ли? Это письмо будет вместе прощаньем и исповедью: я обязана сказать тебе все, что накопилось на моем сердце с тех пор, как оно тебя любит. Я не стану обвинять тебя — ты поступил со мною, как поступил бы всякий другой мужчина: ты любил меня как собственность, как источник радостей, тревог и печалей, сменявшихся взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна. Я это поняла сначала... Но ты был несчастлив, и я пожертвовала собою, надеясь, что когда-нибудь ты оценишь мою жертву, что когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нежность, не зависящую ни от каких условий. Прошло с тех пор много времени: я проникла во все

тайны души твоей... и убедилась, что то была надежда напрасная. Горько мне было! Но моя любовь срослась с душой моей: она потемнела, но не угасла.

Мы расстаемся навеки; однако ты можешь быть уверен, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя все свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, чтоб ты был лучше их, о нет! но в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоем голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая; никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым; ни в ком зло не бывает так привлекательно; ничей взор не обещает столько блаженства; никто не умеет лучше пользоваться своими преимуществами и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старается уверить себя в противном.

Теперь я должна тебе объяснить причину моего поспешного отъезда; она тебе покажется маловажна, потому что касается до одной меня.

Нынче поутру мой муж вошел ко мне и рассказал про твою ссору с Грушницким. Видно, я очень переменилась в лице, потому что он долго и пристально смотрел мне в глаза; я едва не упала без памяти при мысли, что ты нынче должен драться и что я этому причиной; мне казалось, что я сойду с ума... Но теперь, когда я могу рассуждать, я уверена, что ты останешься жив: невозможно, чтоб ты умер без меня, невозможно! Мой муж долго ходил по комнате; я не знаю, что он мне говорил, не помню, что я ему отвечала... верно, я ему сказала, что я тебя люблю... Помню только, что под конец нашего разговора он оскорбил меня ужасным словом и вышел. Я слышала, как он велел закладывать карету.. Вот уж три часа, как я сижу у окна и жду твоего возврата... Но ты жив, ты не можешь умереть!.. Карета почти готова... Прощай, прощай... Я погибла,— но что за нужда?.. Если б я могла быть уверена, что ты всегда меня будешь помнить,— не говорю уж любить,— нет, только помнить... Прощай; идут... я должна спрятать письмо...

Не правда ли, ты не любишь Мери? ты не женишься на ней? Послушай, ты должен мне принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свете...»

Я как безумный выскочил на крыльцо, прыгнул на своего Черкеса, которого водили по двору, и пустился во весь дух, по дороге в Пятигорск. Я беспощадно погонял измученного коня, который, храпя и весь в пене, мчал меня по каменистой дороге.

Солнце уже спряталось в черной туче, отдыхавшей на гребне западных гор; в ущелье стало темно и сыро. Подкумок, пробираясь по камням, ревел глухо и однообразно. Я скакал, задыхаясь от нетерпенья. Мысль не застать ее уже в Пятигорске молотком ударяла мне в сердце! — одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ее руку... Я молился, проклинал, плакал, смеялся... нет, ничто не выразит моего беспокойства, отчаяния!.. При возможности потерять ее навеки Вера стала для меня дороже всего на свете — дороже жизни, чести, счастья! Бог знает какие странные, какие бешеные замыслы роились в голове моей... И между тем я все скакал, погоняя беспощадно. И вот я стал замечать, что конь мой тяжелее дышит; он раза два уж спотыкнулся на ровном месте... Оставалось пять верст до Ессентуков — казачьей станицы, где я мог пересесть на другую лошадь.

Все было бы спасено, если б у моего коня достало сил еще на десять минут! Но вдруг, поднимаясь из небольшого оврага, при выезде из гор, на крутом повороте, он грянулся о землю. Я проворно соскочил, хочу поднять его, дергаю за повод — напрасно: едва слышный стон вырвался сквозь стиснутые его зубы; через несколько минут он издох; я остался в степи один, потеряв последнюю надежду; попробовал идти пешком — ноги мои подкосились; изнуренный тревогами дня и бессонницей, я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал.

И долго я лежал неподвижно и плакал горько, не стараясь удерживать слез и рыданий; я думал, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровие — исчезли как дым. Душа обессилела, рассудок замолк, и если б в эту минуту кто-нибудь меня увидел, он бы с презрением отвернулся.

Когда ночная роса и горный ветер освежили мою горящую голову и мысли пришли в обычный порядок, то я понял, что гнаться за погибшим счастием бесполезно и безрассудно. Чего мне еще надобно? — ее видеть? — зачем? не все ли кончено между нами? Один горький

прощальный поцелуй не обогатит моих воспоминаний, а после него нам только труднее будет расставаться.

Мне, однако, приятно, что я могу плакать! Впрочем, может быть, этому причиной расстроенные нервы, ночь, проведенная без сна, две минуты против дула пистолета и пустой желудок.

Все к лучшему! это новое страдание, говоря военным слогом, сделало во мне счастливую диверсию. Плакать здорово; и потом, вероятно, если б я не проехался верхом и не был принужден на обратном пути пройти пятнадцать верст, то и эту ночь сон не сомкнул бы глаз моих.

Я возвратился в Кисловодск в пять часов утра, бросился на постель и заснул сном Наполеона после Ватерлоо.

Когда я проснулся, на дворе уж было темно. Я сел у отворенного окна, расстегнул архалук,— и горный ветер освежил грудь мою, еще не успокоенную тяжелым сном усталости. Вдали за рекою, сквозь верхи густых лип, ее осеняющих, мелькали огни в строеньях крепости и слободки. На дворе у нас все было тихо, в доме княгини было темно.

Взошел доктор: лоб у него был нахмурен; он, против обыкновения, не протянул мне руки.

— Откуда вы, доктор?

— От княгини Лиговской; дочь ее больна — расслабление нервов... Да не в этом дело, а вот что: начальство догадывается, и хотя ничего нельзя доказать положительно, однако я вам советую быть осторожнее. Княгиня мне говорила нынче, что она знает, что вы стрелялись за ее дочь. Ей все этот старичок рассказал... как бишь его? Он был свидетелем вашей стычки с Грушницким в ресторации. Я пришел вас предупредить. Прощайте. Может быть, мы больше не увидимся, вас ушлют куда-нибудь.

Он на пороге остановился: ему хотелось пожать мне руку... и если б я показал ему малейшее на это желание, то он бросился бы мне на шею; но я остался холоден, как камень,— и он вышел.

Вот люди! все они таковы: знают заранее все дурные стороны поступка, помогают, советуют, даже одобряют его, видя невозможность другого средства,— а потом умывают руки и отворачиваются с негодованием от того, кто имел смелость взять на себя всю тягость ответ-

ственности. Все они таковы, даже самые добрые, самые умные!..

На другой день утром, получив приказание от высшего начальства отправиться в крепость N., я зашел к княгине проститься.

Она была удивлена, когда на вопрос ее: имею ли я ей сказать что-нибудь особенно важное? — я отвечал, что желаю ей быть счастливой и прочее.

— А мне нужно с вами поговорить очень серьезно.

Я сел молча.

Явно было, что она не знала, с чего начать; лицо ее побагровело, пухлые ее пальцы стучали по столу; наконец она начала так, прерывистым голосом:

— Послушайте, мсье Печорин! я думаю, что вы благородный человек.

Я поклонился.

— Я даже в этом уверена,— продолжала она,— хотя ваше поведение несколько сомнительно; но у вас могут быть причины, которых я не знаю, и их-то вы должны теперь мне поверить. Вы защитили дочь мою от клеветы, стрелялись за нее,— следственно, рисковали жизнью... Не отвечайте, я знаю, что вы в этом не признáетесь, потому что Грушницкий убит (она перекрестилась). Бог ему простит — и, надеюсь, вам также!.. Это до меня не касается, я не смею осуждать вас, потому что дочь моя хотя невинно, но была этому причиной. Она мне все сказала... я думаю, все: вы изъяснились ей в любви... она вам призналась в своей (тут княгиня тяжело вздохнула). Но она больна, и я уверена, что это не простая болезнь! Печаль тайная ее убивает; она не признается, но я уверена, что вы этому причиной... Послушайте: вы, может быть, думаете, что я ищу чинов, огромного богатства,— разуверьтесь! я хочу только счастья дочери. Ваше теперешнее положение незавидно, но оно может поправиться: вы имеете состояние; вас любит дочь моя, она воспитана так, что составит счастие мужа,— я богата, она у меня одна... Говорите, что вас удерживает?.. Видите, я не должна бы была вам всего этого говорить, но я полагаюсь на ваше сердце, на вашу честь; вспомните: у меня одна дочь... одна...

Она заплакала.

— Княгиня,— сказал я,— мне невозможно отвечать вам; позвольте мне поговорить с вашей дочерью наедине...

— Никогда! — воскликнула она, встав со стула в сильном волнении.

— Как хотите,— отвечал я, приготовляясь уйти.

Она задумалась, сделала мне знак рукою, чтоб я подождал, и вышла.

Прошло минут пять; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; как я ни искал в груди моей хоть искры любви к милой Мери, но старания мои были напрасны.

Вот двери отворились, и взошла она. Боже! как переменилась с тех пор, как я не видал ее,— а давно ли?

Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочил, подал ей руку и довел ее до кресел.

Я стоял против нее. Мы долго молчали; ее большие глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали в моих что-нибудь похожее на надежду; ее бледные губы напрасно старались улыбнуться; ее нежные руки, сложенные на коленях, были так худы и прозрачны, что мне стало жаль ее.

— Княжна,— сказал я,— вы знаете, что я над вами смеялся?.. Вы должны презирать меня.

На ее щеках показался болезненный румянец.

Я продолжал:

— Следственно, вы меня любить не можете...

Она отвернулась, облокотилась на стол, закрыла глаза рукою, и мне показалось, что в них блеснули слезы.

— Боже мой! — произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо: еще минута, и я бы упал к ногам ее.

— Итак, вы сами видите,— сказал я сколько мог твердым голосом и с принужденной усмешкою,— вы сами видите, что я не могу на вас жениться, если б вы даже этого теперь хотели, то скоро бы раскаялись. Мой разговор с вашей матушкой принудил меня объясниться с вами так откровенно и так грубо; я надеюсь, что она в заблуждении: вам легко ее разуверить. Вы видите, я играю в ваших глазах самую жалкую и гадкую роль, и даже в этом признаюсь; вот все, что я могу для вас сделать. Какое бы вы дурное мнение обо мне ни имели, я ему покоряюсь... Видите ли, я перед вами низок. Не правда ли, если даже вы меня и любили, то с этой минуты презираете?..

Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали.

— Я вас ненавижу...— сказала она.

Я поблагодарил, поклонился почтительно и вышел.

Через час курьерская тройка мчала меня из Кисловодска. За несколько верст от Ессентуков я узнал близ дороги труп моего лихого коня; седло было снято — вероятно, проезжим казаком,— и вместо седла на спине его сидели два ворона. Я вздохнул и отвернулся...

И теперь, здесь, в этой скучной крепости, я часто, пробегая мыслию прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?.. Нет, я бы не ужился с этой долею! Я как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце; он ходит себе целый день по прибрежному песку, прислушивается к однообразному ропоту набегающих волн и всматривается в туманную даль: не мелькнет ли там на бледной черте, отделяющей синюю пучину от серых тучек, желанный парус, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-помалу отделяющийся от пены валунов и ровным бегом приближающийся к пустынной пристани...

III

ФАТАЛИСТ

Мне как-то раз случилось прожить две недели в казачьей станице на левом фланге; тут же стоял батальон пехоты; офицеры собирались друг у друга поочередно, по вечерам играли в карты.

Однажды, наскучив бостоном и бросив карты под стол, мы засиделись у майора С*** очень долго; разговор, против обыкновения, был занимателен. Рассуждали о том, что мусульманское поверье, будто судьба человека написана на небесах, находит и между нами, христианами, многих поклонников; каждый рассказывал разные необыкновенные случаи pro[1] или contra[2].

---

[1] за (*лат.*).

[2] против (*лат.*).

— Все это, господа, ннчего ие доказывает,— сказал старый майор,— ведь ннкто нз вас не был свидетелем тех страиных случаев, которымн вы подтверждаете свон мнення?

— Коиечио, ннкто,— сказалн многие,— ио мы слышалн от верных людей...

— Все это вздор! — сказал кто-то,— где этн верные люди, видевшне спнсок, на котором означен час нашей смерти?.. И если точио есть предопределенне, то зачем же нам дана воля, рассудок? почему мы должны давать отчет в наших поступках?

В это время один офицер, сндевший в углу комнаты, встал н, медленио подойдя к столу, окинул всех спокойным и торжественным взглядом. Он был родом серб, как видно было из его имени.

Наружность поручика Вулича отвечала вполне его характеру. Высокнй рост н смуглый цвет лнца, черные волосы, черные проннцательные глаза, большой, но правнльный нос, прннадлежность его нацин, печальная и холодная улыбка, вечно блуждавшая на губах его,— все это будто согласовалось для того, чтобы прндать ему вид существа особенного, не способного делиться мыслями и страстями с теми, которых судьба дала ему в товарищи.

Он был храбр, говорнл мало, но резко; никому не поверял своих душевных н семейных тайн; вина почти вовсе не пил, за молодыми казачками,— которых прелесть трудно постигнуть, не видав их,— он ннкогда не волочился. Говорили, однако, что жена полковника была неравнодушна к его выразительным глазам; но он не шутя сердился, когда об этом намекали.

Была только одна страсть, которой он не таил: страсть к игре. За зеленым столом он забывал все н обыкновенно проигрывал; но постоянные неудачи только раздражали его упрямство. Рассказывали, что раз, во время экспедиции, ночью, он на подушке метал банк, ему ужасно везло. Вдруг раздались выстрелы, ударили тревогу, все вскочнли н бросились к оружию. «Поставь ва-банк!» — кричал Вулич, не подымаясь, одному из самых горячих понтеров. «Идет семерка»,— отвечал тот, убегая. Несмотря на всеобщую суматоху, Вулич докинул талью; карта была дана.

Когда он явился в цепь, там была уж сильная перестрелка. Вулич не заботился ни о пулях, ни о шаш-

ках чеченских: он отыскивал своего счастливого понтера.

— Семерка дана! — закричал он, увидев его наконец в цепи застрельщиков, которые начинали вытеснять из леса неприятеля, и, подойдя ближе, он вынул свой кошелек и бумажник и отдал их счастливцу, несмотря на возражения о неуместности платежа. Исполнив этот неприятный долг, он бросился вперед, увлек за собою солдат и до самого конца дела прехладнокровно перестреливался с чеченцами.

Когда поручик Вулич подошел к столу, то все замолчали, ожидая от него какой-нибудь оригинальной выходки.

— Господа! — сказал он (голос его был спокоен, хотя тоном ниже обыкновенного),— господа! к чему пустые споры? Вы хотите доказательств: я вам предлагаю испробовать на себе, может ли человек своевольно располагать своею жизнию, или каждому из нас заранее назначена роковая минута... Кому угодно?

— Не мне, не мне! — раздалось со всех сторон,— вот чудак! придет же в голову!..

— Предлагаю пари,— сказал я шутя.

— Какое?

— Утверждаю, что нет предопределения,— сказал я, высыпая на стол десятка два червонцев — все, что было у меня в кармане.

— Держу,— отвечал Вулич глухим голосом.— Майор, вы будете судьею; вот пятнадцать червонцев: остальные пять вы мне должны, и сделаете мне дружбу, прибавить их к этим.

— Хорошо,— сказал майор,— только не понимаю, право, в чем дело и как вы решите спор?..

Вулич молча вышел в спальню майора; мы за ним последовали. Он подошел к стене, на которой висело оружие, и наудачу снял с гвоздя один из разнокалиберных пистолетов; мы еще его не понимали, но когда он взвел курок и насыпал на полку пороха, то многие, невольно вскрикнув, схватили его за руки.

— Что ты хочешь делать? Послушай, это сумасшествие! — закричали ему.

— Господа! — сказал он медленно, освобождая свои руки,— кому угодно заплатить за меня двадцать червонцев?

Все замолчали и отошли.

Вулич вышел в другую комнату и сел у стола; все последовали за ним: он зна́ком пригласил нас сесть кругом. Молча повиновались ему: в эту минуту он приобрел над нами какую-то таинственную власть. Я пристально посмотрел ему в глаза; но он спокойным и неподвижным взором встретил мой испытующий взгляд, и бледные губы его улыбнулись; но, несмотря на его хладнокровие, мне казалось, я читал печать смерти на бледном лице его. Я замечал, и многие старые воины подтверждали мое замечание, что часто на лице человека, который должен умереть через несколько часов, есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы, так что привычным глазам трудно ошибиться.

— Вы нынче умрете! — сказал я ему. Он быстро ко мне обернулся, но отвечал медленно и спокойно:

— Может быть, да, может быть, нет...

Потом, обратясь к майору, спросил: заряжен ли пистолет? Майор в замешательстве не помнил хорошенько.

— Да полно, Вулич! — закричал кто-то,— уж, верно, заряжен, коли в головах висел; что за охота шутить!..

— Глупая шутка! — подхватил другой.

— Держу пятьдесят рублей против пяти, что пистолет не заряжен! — закричал третий.

Составилось новое пари.

Мне надоела эта длинная церемония.

— Послушайте,— сказал я,— или застрелитесь, или повесьте пистолет на прежнее место, и пойдемте спать.

— Разумеется, — воскликнули многие, — пойдемте спать.

— Господа, я вас прошу не трогаться с места! — сказал Вулич, приставив дуло пистолета ко лбу. Все будто окаменели.

— Господин Печорин,— прибавил он,— возьмите карту и бросьте вверх.

Я взял со стола, как теперь помню, червонного туза и бросил кверху: дыхание у всех остановилось; все глаза, выражая страх и какое-то неопределенное любопытство, бегали от пистолета к роковому тузу, который, трепеща на воздухе, опускался медленно; в ту минуту, как он коснулся стола, Вулич спустил курок... осечка!

— Слава богу! — вскрикнули многие,— не заряжен...

— Посмотрим, однако ж,— сказал Вулич. Он взвел опять курок, прицелился в фуражку, висевшую над ок-

ном; выстрел раздался — дым наполнил комнату. Когда он рассеялся, сняли фуражку: она была пробита в самой середине, и пуля глубоко засела в стене.

Минуты три никто не мог слова вымолвить; Вулич преспокойно пересыпал в свой кошелек мои червонцы.

Пошли толки о том, отчего пистолет в первый раз не выстрелил; иные утверждали, что, вероятно, полка была засорена, другие говорили шепотом, что прежде порох был сырой и что после Вулич присыпал свежего; но я утверждал, что последнее предположение несправедливо, потому что я во все время не спускал глаз с пистолета.

— Вы счастливы в игре,— сказал я Вуличу...

— В первый раз отроду.— отвечал он, самодовольно улыбаясь,— это лучше банка и штосса.

— Зато немножко опаснее.

— А что? вы начали верить предопределенью?

— Верю; только не понимаю теперь, отчего мне казалось, будто вы непременно должны нынче умереть...

Этот же человек, который так недавно метил себе преспокойно в лоб, теперь вдруг вспыхнул и смутился.

— Однако ж довольно! — сказал он, вставая,— пари наше кончилось, и теперь ваши замечания, мне кажется, неуместны...— Он взял шапку и ушел. Это мне показалось странным — и недаром!..

Скоро все разошлись по домам, различно толкуя о причудах Вулича и, вероятно, в один голос называя меня эгоистом, потому что я держал пари против человека, который хотел застрелиться; как будто он без меня не мог найти удобного случая!..

Я возвращался домой пустыми переулками станицы; месяц, полный и красный, как зарево пожара, начинал показываться из-за зубчатого горизонта домов; звезды спокойно сияли на темно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права!.. И что ж? эти лампады, зажженные, по их мнению, только для того, чтоб освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними, как огонек, зажженный на краю леса беспечным странником! Но зато какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо с своими бесчисленными

жителями на них смотрит с участием, хотя немым, но неизменным!.. А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастия, потому что знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому, не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя и истинного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или с судьбою...

И много других подобных дум проходило в уме моем; я их не удерживал, потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли. И к чему это ведет?.. В первой молодости моей я был мечтателем; я любил ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мне беспокойное и жадное воображение. Но что от этого мне осталось? одна усталость, как после ночной битвы с привидением, и смутное воспоминание, исполненное сожалений. В этой напрасной борьбе я истощил и жар души, и постоянство воли, необходимое для действительной жизни; я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге.

Происшествие этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатление и раздражило мои нервы; не знаю навериое, верю ли я теперь предопределению или нет, но в этот вечер я ему твердо верил: доказательство было разительно, и я, несмотря на то, что посмеялся над нашими предками и их услужливой астрологией, попал невольно в их колею; но я остановил себя вовремя на этом опасном пути и, имея правило ничего не отвергать решительно и ничему не вверяться слепо, отбросил метафизику в сторону и стал смотреть под ноги. Такая предосторожность была очень кстати: я чуть-чуть не упал, наткнувшись на что-то толстое и мягкое, но, по-видимому, неживое. Наклоняюсь — месяц уж светил прямо на дорогу — и что же? передо мною лежала свинья, разрубленная пополам шашкой... Едва я успел ее рассмотреть, как услышал шум шагов: два казака бежали из переулка, один подошел ко мне и спросил: не

видал ли я пьяного казака, который гнался за свиньей. Я объявил им, что не встречал казака, и указал на несчастную жертву его неистовой храбрости.

— Экой разбойник! — сказал второй казак,— как напьется чихиря, так и пошел крошить все, что ни попало. Пойдем за ним, Еремеич, надо его связать, а то...

Они удалились, а я продолжал свой путь с большей осторожностью и наконец счастливо добрался до своей квартиры.

Я жил у одного старого урядника, которого любил за добрый его нрав, а особенно за хорошенькую дочку Настю.

Она, по обыкновению, дожидалась меня у калитки, завернувшись в шубку; луна освещала ее милые губки, посиневшие от ночного холода. Узнав меня, она улыбнулась, но мне было не до нее. «Прощай, Настя»,— сказал я, проходя мимо. Она хотела что-то отвечать, но только вздохнула.

Я затворил за собою дверь моей комнаты, засветил свечу и бросился на постель; только сон на этот раз заставил себя ждать более обыкновенного. Уж восток начинал бледнеть, когда я заснул, но — видно, было написано на небесах, что в эту ночь я не высплюсь. В четыре часа утра два кулака застучали ко мне в окно. Я вскочил: что такое?.. «Вставай, одевайся!» — кричало мне несколько голосов. Я наскоро оделся и вышел. «Знаешь, что случилось?» — сказали мне в один голос три офицера, пришедшие за мною; они были бледны как смерть.

— Что?

— Вулич убит.

Я остолбенел.

— Да, убит! — продолжали они,— пойдем скорее.

— Да куда же?

— Дорогой узнаешь.

Мы пошли. Они рассказали мне все, что случилось, с примесью разных замечаний насчет странного предопределения, которое спасло его от неминуемой смерти за полчаса до смерти. Вулич шел один по темной улице; на него наскочил пьяный казак, изрубивший свинью, и, может быть, прошел бы мимо, не заметив его, если б Вулич, вдруг остановясь, не сказал: «Кого ты, братец, ищешь?» — *«Тебя!»* — отвечал казак, ударив его шашкой, и разрубил его от плеча почти до сердца...

Два казака, встретившие меня и следившие за убийцей, подоспели, подняли раненого, но он был уже при последнем издыхании и сказал только два слова: «Он прав!» Я один понимал темное значение этих слов: они относились ко мне; я предсказал невольно бедному его судьбу; мой инстинкт не обманул меня: я точно прочел на его изменившемся лице печать близкой кончины.

Убийца заперся в пустой хате, на конце станицы: мы шли туда. Множество женщин бежало с плачем в ту же сторону; по временам опоздавший казак выскакивал на улицу, второпях пристегивая кинжал, и бегом опережал нас. Суматоха была страшная.

Вот наконец мы пришли; смотрим: вокруг хаты, которой двери и ставни заперты изнутри, стоит толпа. Офицеры и казаки толкуют горячо между собою: женщины воют, приговаривая и причитывая. Среди их бросилось мне в глаза значительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяние. Она сидела на толстом бревне, облокотясь на свои колени и поддерживая голову руками: то была мать убийцы. Ее губы по временам шевелились: молитву они шептали или проклятие?

Между тем надо было на что-нибудь решиться и схватить преступника. Никто, однако, не отваживался броситься первый.

Я подошел к окну и посмотрел в щель ставня: бледный, он лежал на полу, держа в правой руке пистолет; окровавленная шашка лежала возле него. Выразительные глаза его страшно вращались кругом; порою он вздрагивал и хватал себя за голову, как будто неясно припоминая вчерашнее. Я не прочел большой решимости в этом беспокойном взгляде и сказал майору, что напрасно он не велит выломать дверь и броситься туда казакам, потому что лучше это сделать теперь, нежели после, когда он совсем опомнится.

В это время старый есаул подошел к двери и назвал его по имени; тот откликнулся.

— Согрешил, брат Ефимыч,— сказал есаул,— так уж нечего делать, покорись!

— Не покорюсь! — отвечал казак.

— Побойся бога! Ведь ты не чеченец окаянный, а честный христианин; ну, уж коли грех твой тебя попутал, нечего делать: своей судьбы не минуешь!

— Не покорюсь! — закричал казак грозно, и слышно было, как щелкнул взведенный курок.

— Эй, тетка! — сказал есаул старухе,— поговори сыну, авось тебя послушает... Ведь это только бога гневить. Да посмотри, вот и господа уж два часа дожидаются.

Старуха посмотрела на него пристально и покачала головой.

— Василий Петрович,— сказал есаул, подойдя к майору,— он не сдастся — я его знаю. А если дверь разломать, то много наших перебьет. Не прикажете ли лучше его пристрелить? в ставне щель широкая.

В эту минуту у меня в голове промелькнула странная мысль: подобно Вуличу, я вздумал испытать судьбу.

— Погодите,— сказал я майору,— я его возьму живого.

Велев есаулу завести с ним разговор и поставив у дверей трех казаков, готовых ее выбить и броситься ко мне на помощь при данном знаке, я обошел хату и приблизился к роковому окну. Сердце мое сильно билось.

— Ах ты окаянный! — кричал есаул,— что ты, над нами смеешься, что ли? али думаешь, что мы с тобой не совладаем? — Он стал стучать в дверь изо всей силы; я, приложив глаз к щели, следил за движениями казака, не ожидавшего с этой стороны нападения,— и вдруг оторвал ставень и бросился в окно головой вниз. Выстрел раздался у меня над самым ухом, пуля сорвала эполет. Но дым, наполнивший комнату, помешал моему противнику найти шашку, лежавшую возле него. Я схватил его за руки, казаки ворвались, и не прошло трех минут, как преступник был уже связан и отведен под конвоем. Народ разошелся. Офицеры меня поздравляли — и точно, было с чем!

После всего этого как бы, кажется, не сделаться фаталистом? Но кто знает наверное, убежден ли он в чем или нет?.. и как часто мы принимаем за убеждение обман чувств или промах рассудка!..

Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера — напротив, что до меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает. Ведь хуже смерти ничего не случится — а смерти не минуешь!

Возвратясь в крепость, я рассказал Максиму Максимычу все, что случилось со мною и чему был я свидетель, и пожелал узнать его мнение насчет предопределения. Он сначала не понимал этого слова, но я объяс-

ннл его как мог, и тогда он сказал, значнтельно покачав головою:

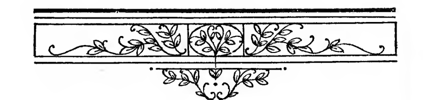
— Да-с! конечно-с! Это штука довольно мудреная!.. Впрочем, этн азнатские куркн часто осекаются, если дурно смазаны или не довольно крепко прижмешь пальцем; признаюсь, не люблю я также вннтовок черкесскнх; они как-то нашему брату непрнлнчны: прнклад маленький — того и гляди, нос обожжет... Зато уж шашки у них — просто мое почтенне!

Потом он промолвнл, несколько подумав:

— Да, жаль беднягу... Черт же его дернул ночью с пьяным разговарнвать!.. Впрочем, видно, уж так у него на роду было напнсано!..

Больше я от него ннчего не мог добнться: он вообще не любит метафизнческих прений.

КОНЕЦ



КАВКАЗЕЦ

Во-первых, что такое имеиио кавказец и какие бывают кавказцы?

Кавказец есть существо полурусское, полуазиатское; наклоииость к обычаям восточиым берет иад иим перевес, ио он стыдится ее при посторонних, то есть при заезжих из России. Ему большею частью от тридцати до сорока пяти лет; лицо у иего загорелое и иемного рябоватое; еслн ои ие штабс-капнтаи, то уж верио майор. Настоящих кавказцев вы находите иа Лииии; за горами, в Грузии, оии имеют другой оттенок; статскне кавказцы редки: оии большею частию иеловкое подражание, и еслн вы между иимн встретите *настоящего,* то разве только между полковых медиков.

Настоящий кавказец человек уднвнтельный, достойиый всякого уважеиия и участия. До восемиадцати лет он воспитывался в кадетском корпусе и вышел оттуда отличиым офицером; ои потихоиьку в классах читал «Кавказского плеиииика» н воспламенился страстью к Кавказу. Ои с десятью товарнщами был отправлен туда иа казеииый счет с большимн иадеждами и маленьким чемодаиом. Ои еще в Петербурге сшил себе ахалук, достал мохиатую шапку и черкесскую плеть на ямщика. Приехав в Ставрополь, ои дорого заплатил за дряниой киижал и первые дии, пока не иадоело, ие снимал его ии днем, ии иочью. Наконец, он явился в свой полк, который расположен иа зиму в какой-нибудь стаиице, тут влюбился, как следует, в казачку, пока, до экспедиции; все прекрасио! сколько поэзни! Вот пошли в экспедицию; иаш юиоша кидался всюду, где только провизжала одна пуля. Ои думает поймать руками десятка два горцев, ему сиятся страшиые битвы, реки крови и геиераль-

ские эполеты. Он во сне совершает рыцарские подвиги — мечта, вздор, неприятеля не видать, схватки редки, и, к его великой печали, горцы не выдерживают штыков, в плен не сдаются, тела свои уносят. Между тем жары изнурительным летом, а осенью слякоть и холода. Скучно! промелькнуло пять, шесть лет: все одно и то же. Он приобретает опытность, становится холодно-храбр и смеется над новичками, которые подставляют лоб без нужды.

Между тем хотя грудь его увешана крестами, а чины нейдут. Он стал мрачен и молчалив; сидит себе да покуривает из маленькой трубочки; он также на свободе читает Марлинского и говорит, что очень хорошо; в экспедицию он больше не напрашивается: старая рана болит! Казачки его не прельщают, он одно время мечтал о пленной черкешенке, но теперь забыл и эту почти несбыточную мечту. Зато у него явилась новая страсть, и тут-то он делается настоящим кавказцем.

Эта страсть родилась вот каким образом: последнее время он подружился с одним мирным черкесом, стал ездить к нему в аул. Чуждый утонченностей светской и городской жизни, он полюбил жизнь простую и дикую; не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств. Знает, какой князь надежный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и кем есть кровь. Он легонько маракует по-татарски; у него завелась шашка, настоящая *гурда,* кинжал — старый *базалай*, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает, лошадь — чистый *шаллох* и весь костюм черкесский, который надевается только в важных случаях и сшит ему в подарок какой-нибудь дикой княгиней. Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия. Он готов целый день толковать с грязным узденем о дрянной лошади и ржавой винтовке и очень любит посвящать других в таинства азиатских обычаев. С ним бывали разные казусы предивные, только послушайте. Когда новичок покупает оружие или лошадь у его приятеля узденя, он только исподтишка улыбается. О горцах он вот как отзывается: «Хороший народ, только уж такие азиаты! Чеченцы, правда, дрянь, зато уж кабардинцы просто молодцы;

ну есть и между шапсугами народ изрядный, только всё с кабардинцами им не равняться, ни одеться так не сумеют, ни верхом проехать... хотя и чисто живут, очень чисто!»

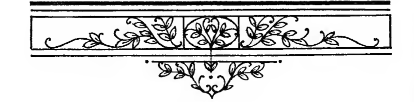
Надо иметь предубеждение кавказца, чтобы отыскать что-нибудь чистое в черкесской сакле.

Опыт долгих походов не научил его изобретательности, свойственной вообще армейским офицерам; он франтит своей беспечностью и привычкой переносить неудобства военной жизни, он возит с собой только чайник, и редко на его бивачном огне варятся щи. Он равно в жар и в холод носит под сюртуком ахалук на вате и на голове баранью шапку; у него сильное предубежденье против шинели в пользу бурки; бурка его тога, он в нее драпируется; дождь льет за воротник, ветер ее раздувает — ничего! бурка, прославленная Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова, не сходит с его плеча, он спит на ней и покрывает ею лошадь; он пускается на разные хитрости и пронырства, чтобы достать настоящую андийскую бурку, особенно белую с черной каймой внизу, и тогда уже смотрит на других с некоторым презрением. По его словам, его лошадь скачет удивительно — вдаль! поэтому-то он с вами не захочет скакаться только на пятнадцать верст. Хотя ему порой служба очень тяжела, но он поставил себе за правило хвалить кавказскую жизнь; он говорит кому угодно, что на Кавказе служба очень приятна.

Но годы бегут, кавказцу уже сорок лет, ему хочется домой, и если он не ранен, то поступает иногда таким образом: во время перестрелки кладет голову за камень, а ноги выставляет *на пенсион;* это выражение там освящено обычаем. Благодетельная пуля попадает в ногу, и он счастлив. Отставка с пенсионом выходит, он покупает тележку, запрягает в нее пару верховых кляч и помаленьку пробирается на родину, однако останавливается всегда на почтовых станциях, чтоб поболтать с проезжающими. Встретив его, вы тотчас отгадаете, что он *настоящий,* даже в Воронежской губернии он не снимает кинжала или шашки, как они его ни беспокоят. Станционный смотритель слушает его с уважением, и только тут отставной герой позволяет себе прихвастнуть, выдумать небылицу; на Кавказе он скромен — но ведь кто ж ему в России докажет, что лошадь не может проскакать одним духом двести верст и что никакое

ружье не возьмет на четыреста сажен в цель? Но увы, большею частию он слагает свои косточки в земле басурманской. Он женится редко, а если судьба и обременит его супругой, то он старается перейти в гарнизон и кончает дни свои в какой-нибудь крепости, где жена предохраняет его от гибельной для русского человека привычки.

Теперь еще два слова о других кавказцах, *ненастоящих.* Грузинский кавказец отличается тем от настоящего, что очень любит кахетинское и широкие шелковые шаровары. Статский кавказец редко облачается в азиатский костюм; он кавказец более душою, чем телом: занимается археологическими открытиями, толкует о пользе торговли с горцами, о средствах к их покорению и образованию. Послужив там несколько лет, он обыкновенно возвращается в Россию с чином и красным носом.



<ШТОСС>

I

У графа В... был музыкальный вечер. Первые артисты столицы платили своим искусством за честь аристократического приема; в числе гостей мелькало несколько литераторов и ученых; две или три модные красавицы; несколько барышень и старушек и один гвардейский офицер. Около десятка доморощенных львов красовалось в дверях второй гостиной и у камина; все шло своим чередом; было ни скучно, ни весело.

В ту самую минуту как новоприезжая певица подходила к роялю и развертывала ноты... одна молодая женщина зевнула, встала и вышла в соседнюю комнату, на это время опустевшую. На ней было черное платье, кажется по случаю придворного траура. На плече, пришпиленный к голубому банту, сверкал бриллиантовый вензель; она была среднего роста, стройна, медленна и ленива в своих движениях; черные, длинные, чудесные волосы оттеняли ее еще молодое, правильное, но бледное лицо, и на этом лице сияла печать мысли.

— Здравствуйте, мсье Лугин,— сказала Минская кому-то,— я устала... скажите что-нибудь! — и она опустилась в широкое пате возле камина; тот, к кому она обращалась, сел против нее и ничего не отвечал. В комнате их было только двое, и холодное молчание Лугина показывало ясно, что он не принадлежал к числу ее обожателей.

— Скучно,— сказала Минская и снова зевнула,— вы видите, я с вами не церемонюсь! — прибавила она.

— И у меня сплин! — отвечал Лугин.

— Вам опять хочется в Италию? — сказала она после некоторого молчания.— Не правда ли?

Лугин в свою очередь не слыхал вопроса; он продолжал, положив ногу на ногу и уставя глаза безотчетливо на беломраморные плечи своей собеседницы:

— Вообразите, какое со мной несчастие: что может быть хуже для человека, который, как я, посвятил себя живописи! — вот уже две недели, как все люди мне кажутся желтыми,— и одни только люди! добро бы все предметы; тогда была бы гармония в общем колорите; я бы думал, что гуляю в галерее испанской школы. Так нет! все остальное как и прежде; одни лица изменились; мне иногда кажется, что у людей вместо голов лимоны.

Минская улыбнулась.

— Призовите доктора,— сказала она.

— Доктора́ не помогут — это сплин!

— Влюбитесь! (Во взгляде, который сопровождал это слово, выражалось что-то похожее на следующее: «Мне бы хотелось его немножко помучить!»)

— В кого?

— Хоть в меня!

— Нет! вам даже кокетничать со мною было бы скучно,— и потом, скажу вам откровенно, ни одна женщина не может меня любить.

— А эта, как бишь ее, итальянская графиня, которая последовала за вами из Неаполя в Милан?..

— Вот видите,— отвечал задумчиво Лугин,— я сужу других по себе и в этом отношении, уверен, не ошибаюсь. Мне точно случалось возбуждать в иных женщинах все признаки страсти, но так как я очень знаю, что в этом обязан только искусству и привычке кстати трогать некоторые струны человеческого сердца, то и не радуюсь своему счастию; я себя спрашивал, могу ли я влюбиться в дурную? — вышло нет; я дурен — и следственно, женщина меня любить не может, это ясно; артистическое чувство развито в женщинах сильнее, чем в нас, они чаще и долее нас покорны первому впечатлению; если я умел подогреть в некоторых то, что называют капризом, то это стоило мне неимоверных трудов и жертв, но так как я знал поддельность чувства, внушенного мною, и благодарил за него только себя, то и сам не мог забыться до полной, безотчетной любви; к моей страсти примешивалось всегда немного злости; все это грустно — а правда!..

— Какой вздор! — сказала Минская, но, окинув его быстрым взглядом, она невольно с ним согласилась.

Наружность Лугина была в самом деле ничуть не привлекательна. Несмотря на то что в странном выражении глаз его было много огня и остроумня, вы бы не встретили во всем его существе ни одного нз тех условий, которые делают человека приятным в обществе; он был неловко н грубо сложен; говорил резко и отрывисто; больные и редкие волосы на висках, неровный цвет лнца, прнзнаки постоянного и тайного недуга, делалн его на вид старее, чем он был в самом деле; он три года лечился в Италии от ипохондрни — и хотя не вылечился, но по крайней мере нашел средство развлекаться с пользой; он пристрастился к жнвописи; природный талант, сжатый обязанностямн службы, развился в нем широко и свободно под животворным небом юга, при чудных памятниках древних учителей. Он вернулся нстинным художником, хотя одни только друзья нмелн право наслаждаться его прекрасным талантом. В его картинах дышало всегда какое-то неясное, но тяжелое чувство: на них была печать той горькой поэзни, которую наш бедный век выжнмал нногда нз сердца ее первых проповеднннков.

Лугин уже два месяца как вернулся в Петербург. Он нмел независимое состоянне, мало родных н несколько старинных знакомств в высшем кругу столнцы, где н хотел провестн зиму. Он бывал часто у Мннской: ее красота, редкнй ум, оригннальный взгляд на вещи должны былн произвести впечатление на человека с умом н воображением. Но любви между ннми не было н в помнне.

Разговор их на время прекратился, и они оба, казалось, заслушалнсь музыкн. Заезжая певица пела балладу Шуберта на слова Гете: «Лесной царь». Когда она кончила, Лугин встал.

— Куда вы? — спроснла Минская.

— Прощайте.

— Еще рано.

Он опять сел.

— Знаете ли,— сказал он с какою-то важностию,— что я начинаю сходить с ума?

— Право?

— Кроме шуток. Вам это можно сказать, вы надо мною не будете смеяться. Вот уже несколько дней, как я слышу голос. Кто-то мне твердит на ухо с утра до вечера — н как вы думаете — что? — адрес: вот и теперь

слышу: «В Столярном переулке, у Кокушкина моста, дом титюлярного советника Штосса, квартира номер двадцать семь». И так шибко, шибко — точно торопится... Несносно!..

Он побледнел. Но Минская этого не заметила.

— Вы, однако, не видите того, кто говорит? — спросила она рассеянно.

— Нет. Но голос звонкий, резкий, дишкант.

— Когда же это началось?

— Признаться ли? я не могу сказать наверное... не знаю... ведь это, право, презабавно! — сказал он, принужденно улыбаясь.

— У вас кровь приливает к голове и в ушах звенит.

— Нет, нет. Научите, как мне избавиться?

— Самое лучшее средство,— сказала Минская, подумав с минуту,— идти к Кокушкину мосту, отыскать этот номер, и так как, верно, в нем живет какой-нибудь сапожник или часовой мастер, то для приличия закажите ему работу и, возвратясь домой, ложитесь спать, потому что... вы в самом деле нездоровы!..— прибавила она, взглянув на его встревоженное лицо с участием.

— Вы правы,— отвечал угрюмо Лугин,— я непременно пойду.

Он встал, взял шляпу и вышел.

Она посмотрела ему вослед с удивлением.

2

Сырое ноябрьское утро лежало над Петербургом. Мокрый снег падал хлопьями, дома казались грязны и темны, лица прохожих были зелены; извозчики на биржах дремали под рыжими полостями своих саней; мокрая длинная шерсть их бедных кляч завивалась барашком; туман придавал отдаленным предметам какой-то серо-лиловый цвет. По тротуарам лишь изредка хлопали калоши чиновника, да иногда раздавался шум и хохот в подземной полпивной лавочке, когда оттуда выталкивали пьяного молодца в зеленой фризовой шинели и клеенчатой фуражке. Разумеется, эти картины встретили бы вы только в глухих частях города, как, например... у Кокушкина моста. Через этот мост шел человек среднего роста, ни худой, ни толстый, не стройный, но с широкими плечами, в пальто, и вообще одетый со вкусом; жалко было видеть его лакированные сапоги, вымоченные снегом и грязью; но он, казалось,

об этом нимало не заботился; засунув руки в карманы, повеся голову, он шел неровными шагами, как будто боялся достигнуть цель своего путешествия или не имел ее вовсе. На мосту он остановился, поднял голову и осмотрелся. То был Лугин. Следы душевной усталости виднелись на его измятом лице, в глазах горело тайное беспокойство.

— Где Столярный переулок? — спросил он нерешительным голосом у порожнего извозчика, который в эту минуту проезжал мимо его шагом, закрывшись по шею мохнатою полостию и насвистывая камаринскую.

Извозчик посмотрел на него, хлыстнул лошадь кончиком кнута и проехал мимо.

Ему это показалось странно. Уж полно, есть ли Столярный переулок? Он сошел с моста и обратился с тем же вопросом к мальчику, который бежал с полуштофом через улицу.

— Столярный? — сказал мальчик,— а вот идите прямо по Малой Мещанской, и тотчас направо, первый переулок и будет Столярный.

Лугин успокоился. Дойдя до угла, он повернул направо и увидал небольшой грязный переулок, в котором с каждой стороны было не больше десяти высоких домов. Он постучал в дверь первой мелочной лавочки и, вызвав лавочника, спросил: «Где дом Штосса?»

— Штосса? Не знаю, барин, здесь этаких нет; а вот здесь рядом есть дом купца Блинникова, а подальше...

— Да мне надо Штосса...

— Ну не знаю,— Штосса!! — сказал лавочник, почесав затылок, и потом прибавил: — Нет, не слыхать-с!

Лугин пошел сам смотреть надписи; что-то ему говорило, что он с первого взгляда узнает дом, хотя никогда его не видал. Так он добрался почти до конца переулка, и ни одна надпись ничем не поразила его воображения, как вдруг он кинул случайно глаза на противоположную сторону улицы и увидал над одними воротами жестяную доску вовсе без надписи.

Он подбежал к этим воротам — и сколько ни рассматривал, не заметил ничего похожего даже на следы стертой временем надписи; доска была совершенно новая.

Под воротами дворник в долгополом полинявшем кафтане, с седой, давно не бритой бородою, без шапки и подпоясанный грязным фартуком, разметал снег.

— Эй! дворник,— закричал Лугнн.

Дворник что-то проворчал сквозь зубы.

— Чей это дом?

— Продан! — отвечал грубо дворннк.

— Да чей он был?

— Чей? Кнфейкнна, купца.

— Не может быть, верно, Штосса! — вскрикнул невольно Лугин.

— Нет, был Кифейкина, а теперь так Штосса! — отвечал дворник, не подымая головы.

У Лугина руки опустились.

Сердце его забилось, как будто предчувствуя несчастне. Должен ли он был продолжать свои исследования? не лучше ли вовремя остановиться? Кому не случалось находиться в таком положенин, тот с трудом поймет его: любопытство, говорят, сгубнло род человеческий, оно и поныне наша главная, первая страсть, так что даже все остальные страсти могут им объяснnться. Но бывают случан, когда таннственность предмета дает любопытству необычайную власть: покорные ему, подобно камню, сброшенному с горы сильною рукою, мы не можем остановиться, хотя видим нас ожидающую бездну.

Лугин долго стоял перед воротамн. Наконец обратился к дворнику с вопросом:

— Новый хозяин здесь живет?

— Нет.

— А где же?

— А черт его знает.

— Ты уж давно здесь дворннком?

— Давно.

— А есть в этом доме жнльцы?

— Есть.

— Скажи, пожалуйста,— сказал Лугин после некоторого молчания, сунув дворнику целковый,— кто живет в двадцать седьмом номере?

Дворннк поставил метлу к воротам, взял целковый и прнстально посмотрел на Лугина.

— В двадцать седьмом номере?.. да кому там жить! он уж бог знает сколько лет пустой.

— Разве его не нанимали?

— Как не наннмать, сударь,— наннмали.

— Как же ты говоришь, что в нем не жнвут!

— А бог их знает! так-таки не живут. Наймут на год, да и не переезжают.

— Ну, а кто его последний нанимал?

— Полковник, из инженеров, что ли!

— Отчего же он не жил?

— Да переехал было... а тут, говорят, его послали в Вятку — так номер пустой за ним и остался.

— А прежде полковника?

— Прежде его было нанял какой-то барон, из немцев,— да этот и не переезжал; слышно, умер.

— А прежде барона?

— Нанимал купец для какой-то своей... гм! да обанкрутился, так у нас и задаток остался...

«Странно!» — подумал Лугин.

— А можно посмотреть номер?

Дворник опять пристально взглянул на него.

— Как нельзя? можно! — отвечал он и пошел, переваливаясь, за ключами.

Он скоро возвратился и повел Лугина во второй этаж по широкой, но довольно грязной лестнице. Ключ заскрипел в заржавленном замке, и дверь отворилась; им в лицо пахнуло сыростью. Они взошли. Квартира состояла из четырех комнат и кухни. Старая пыльная мебель, некогда позолоченная, была правильно расставлена кругом стен, обтянутых обоями, на которых изображены были на зеленом грунте красные попугаи и золотые лиры; изразцовые печи кое-где порастрескались; сосновый пол, выкрашенный под паркет, в иных местах скрипел довольно подозрительно; в простенках висели овальные зеркала с рамками рококо; вообще комнаты имели какую-то странную несовременную наружность.

Они, не знаю почему, понравились Лугину.

— Я беру эту квартиру,— сказал он.— Вели вымыть окна и вытереть мебель... посмотри, сколько паутины! да надо хорошенько вытопить...— В эту минуту он заметил на стене последней комнаты поясной портрет, изображающий человека лет сорока в бухарском халате, с правильными чертами, большими серыми глазами; в правой руке он держал золотую табакерку необыкновенной величины. На пальцах красовалось множество разных перстней. Казалось, этот портрет писан несмелой ученической кистью,— платье, волосы, рука, перстни — все было очень плохо сделано; зато в выражении лица, особенно губ, дышала такая страшная жизнь, что нельзя было глаз оторвать: в линии рта был какой-то неуловимый изгиб, недоступный искусству и, конечно,

начертанный бессознательно, придававший лицу выражение насмешливое, грустное, злое и ласковое попеременно. Не случалось ли вам на замороженном стекле или в зубчатой тени, случайно наброшенной на стену каким-нибудь предметом, различать профиль человеческого лица, профиль, иногда невообразимой красоты, иногда непостижимо отвратительный? Попробуйте переложить их на бумагу! вам не удастся; попробуйте на стене обрисовать карандашом силуэт, вас так сильно поразивший,— и очарование исчезает; рука человека никогда с намерением не произведет этих линий; математически малое отступление — и прежнее выражение погибло невозвратно. В лице портрета дышало именно то *неизъяснимое,* возможное только гению или случаю.

«Странно, что я заметил этот портрет только в ту минуту, как сказал, что беру квартиру!» — подумал Лугин.

Он сел в кресла, опустил голову на руку и забылся.

Долго дворник стоял против него, помахивая ключами.

— Что ж, барин? — проговорил он наконец.

— А!

— Как же? коли берете, так пожалуйте задаток.

Они условились в цене, Лугин дал задаток, послал к себе с приказанием сейчас же перевозиться, а сам просидел против портрета до вечера; в девять часов самые нужные вещи были перевезены из гостиницы, где жил до сей поры Лугин.

«Вздор, чтоб на этой квартире нельзя было жить,— думал Лугин.— Моим предшественникам, видно, не суждено было в нее перебраться — это, конечно, странно! Но я взял свои меры: переехал тотчас! Что ж? — ничего!»

До двенадцати часов он с своим старым камердинером Никитой расставлял вещи...

Надо прибавить, что он выбрал для своей спальни комнату, где висел портрет.

Перед тем чтоб лечь в постель, он подошел со свечой к портрету, желая еще раз на него взглянуть хорошенько, и прочитал внизу вместо имени живописца красными буквами: *Середа.*

— Какой нынче день? — спросил он Никиту.

— Понедельник, сударь...

— Послезавтра середа! — сказал рассеянно Лугин.

— Точно так-с!..

Бог знает почему Лугин на него рассердился.

— Пошел вон! — закричал он, топнув ногою.

Старый Никита покачал головою и вышел.

После этого Лугин лег в постель и заснул.

На другой день утром привезли остальные вещи и несколько начатых картин.

3

В числе недоконченных картин, большею частию маленьких, была одна размера довольно значительного; посреди холста, исчерченного углем, мелом и загрунтованного зелено-коричневой краской, эскиз женской головки остановил бы внимание знатока; но, несмотря на прелесть рисунка и на живость колорита, она поражала неприятно чем-то неопределенным в выражении глаз и улыбки; видно было, что Лугин перерисовывал ее в других видах и не мог остаться довольным, потому что в разных углах холста являлась та же головка, замаранная коричневой краской. То не был портрет; может быть, подобно молодым поэтам, вздыхающим по небывалой красавице, он старался осуществить на холсте свой идеал — женщину-ангела; причуда, понятная в первой юности, но редкая в человеке, который сколько-нибудь испытал жизнь. Однако есть люди, у которых опытность ума не действует на сердце, и Лугин был из числа этих несчастных и поэтических созданий. Самый тонкий плут, самая опытная кокетка с трудом могли бы его провесть, а сам себя он ежедневно обманывал с простодушием ребенка. С некоторого времени его преследовала постоянная идея, мучительная и несносная, тем более что от нее страдало его самолюбие: он был далеко не красавец, это правда, однако в нем ничего не было отвратительного, и люди, знавшие его ум, талант и добродушие, находили даже выражение лица его довольно приятным; но он твердо убедился, что степень его безобразия исключает возможность любви, и стал смотреть на женщин как на природных своих врагов, подозревая в случайных их ласках побуждения посторонние и объясняя грубым и положительным образом самую явную их благосклонность. Не стану рассматривать, до какой степени он был прав, но дело в том, что подобное расположение души извиняет достаточно фантастиче-

скую любовь к воздушному идеалу, любовь самую невинную и вместе самую вредную для человека с воображением.

В этот день, который был вторник, ничего особенного с Лугиным не случилось: он до вечера просидел дома, хотя ему нужно было куда-то ехать. Непостижимая лень овладела всеми чувствами его; хотел рисовать — кисти выпадали из рук; пробовал читать — взоры его скользили над строками и читали совсем не то, что было написано; его бросало в жар и в холод; голова болела; звенело в ушах. Когда смерклось, он не велел подавать свеч и сел у окна, которое выходило на двор; на дворе было темно; у бедных соседей тускло светились окна; он долго сидел; вдруг на дворе заиграла шарманка; она играла какой-то старинный немецкий вальс; Лугин слушал, слушал — ему стало ужасно грустно. Он начал ходить по комнате; небывалое беспокойство им овладело; ему хотелось плакать, хотелось смеяться... он бросился на постель и заплакал; ему представилось все его прошедшее, он вспомнил, как часто бывал обманут, как часто делал зло именно тем, которых любил, какая дикая радость иногда разливалась по его сердцу, когда видел слезы, вызванные им из глаз, ныне закрытых навеки, и он с ужасом заметил и признался, что он недостоин был любви безотчетной и истинной, и ему стало так больно! так тяжело!

Около полуночи он успокоился, сел к столу, зажег свечу, взял лист бумаги и стал что-то чертить; все было тихо вокруг. Свеча горела ярко и спокойно; он рисовал голову старика, и когда кончил, то его поразило сходство этой головы с кем-то знакомым! Он поднял глаза на портрет, висевший против него,— сходство было разительное; он невольно вздрогнул и обернулся; ему показалось, что дверь, ведущая в пустую гостиную, заскрипела; глаза его не могли оторваться от двери.

— Кто там? — вскрикнул он.

За дверьми послышался шорох, как будто хлопали туфли; известка посыпалась с печи на пол.

— Кто это? — повторил он слабым голосом.

В эту минуту обе половинки двери тихо, беззвучно стали отворяться; холодное дыхание повеяло в комнату; дверь отворялась сама; в той комнате было темно, как в погребе.

Когда дверь отворилась настежь, в ней показалась фигура в полосатом халате и туфлях: то был седой сгорбленный старичок; он медленно подвигался, приседая; лицо его, бледное и длинное, было неподвижно; губы сжаты; серые, мутные глаза, обведенные красной каймою, смотрели прямо без цели.

И вот он сел у стола против Лугина, вынул из-за пазухи две колоды карт, положил одну против Лугина, другую перед собой и улыбнулся.

— Что вам надобно? — сказал Лугин с храбростью отчаяния. Его кулаки судорожно сжимались, и он был готов пустить шандалом в незваного гостя.

Под халатом вздохнуло.

— Это несносно! — сказал Лугин задыхающимся голосом. Его мысли мешались.

Старичок зашевелился на стуле; вся его фигура изменялась ежеминутно, он делался то выше, то толще, то почти совсем съеживался; наконец принял прежний вид.

«Хорошо,— подумал Лугин,— если это привидение, то я ему не поддамся».

— Не угодно ли, я вам промечу штосс? — сказал старичок.

Лугин взял перед ним лежавшую колоду карт и отвечал насмешливым тоном:

— А на что же мы будем играть? я вас предваряю, что душу свою на карту не поставлю! (Он думал этим озадачить привидение...) А если хотите,— продолжал он,— я поставлю клюнгер; не думаю, чтоб водились в вашем воздушном банке.

Старичка эта шутка нимало не сконфузила.

— У меня в банке вот это! — отвечал он, протянув руку.

— Это? — сказал Лугин, испугавшись и кинув глаза налево,— что это?

Возле него колыхалось что-то белое, неясное и прозрачное. Он с отвращением отвернулся.

— Мечите! — потом сказал он, оправившись, и, вынув из кармана клюнгер, положил его на карту.— Идет, темная.

Старичок поклонился, стасовал карты, срезал и стал метать. Лугин поставил семерку бубен, и она соника была убита; старичок протянул руку и взял золотой.

— Еще талью! — сказал с досадою Лугин.

Оно покачало головою.

— Что же это значит?

— В середу,— сказал старичок.

— А! в середу! — вскрикнул в бешенстве Лугин,— так нет же! не хочу в середу! завтра или никогда! слышишь ли?

Глаза странного гостя пронзительно засверкали, и он опять беспокойно зашевелился.

— Хорошо,— наконец сказал он, встал, поклонился и вышел, приседая. Дверь опять тихо за ним затворилась; в соседней комнате опять захлопали туфли... и мало-помалу все утихло. У Лугина кровь стучала в голове молотком; странное чувство волновало и грызло его душу. Ему было досадно, обидно, что он проиграл!..

«Однако ж я не поддался ему! — говорил он, стараясь себя утешить,— переупрямил. В середу! как бы не так! что я за сумасшедший! Это хорошо, очень хорошо!.. он у меня не отделается. А как похож на этот портрет!.. ужасно, ужасно похож! а! теперь я понимаю!..»

На этом слове он заснул в креслах. На другой день поутру никому о случившемся не говорил, просидел целый день дома и с лихорадочным нетерпением дожидался вечера.

«Однако я не посмотрел хорошенько на то, что у него в банке! — думал он,— верно, что-нибудь необыкновенное!»

Когда наступила полночь, он встал с своих кресел, вышел в соседнюю комнату, запер на ключ дверь, ведущую в переднюю, и возвратился на свое место; он недолго дожидался; опять раздался шорох, хлопанье туфлей, кашель старика, и в дверях показалась его мертвая фигура. За ним подвигалась другая, но до того туманная, что Лугин не мог рассмотреть ее формы.

Старичок сел, как накануне, положил на стол две колоды карт, срезал одну и приготовился метать, по-видимому не ожидая от Лугина никакого сопротивления; в его глазах блистала необыкновенная уверенность, как будто они читали в будущем. Лугин, остолбеневший совершенно под магнетическим влиянием его серых глаз, уже бросил было на стол два полуимпериала, как вдруг он опомнился.

— Позвольте,— сказал он, накрыв рукою свою колоду.

Старичок сидел неподвижен.

— Что бишь я хотел сказать! позвольте,— да!

Лугин запутался.

Наконец, сделав усилие, он медленно проговорил:

— Хорошо... я с вами буду играть, я принимаю вызов, я не боюсь, только с условием: я должен знать, с кем играю! как ваша фамилия?

Старичок улыбнулся.

— Я иначе не играю,— проговорил Лугин, меж тем дрожащая рука его вытаскивала из колоды очередную карту.

— Что-с? — проговорил неизвестный, насмешливо улыбаясь.

— Штос? кто? — У Лугина руки опустились: он испугался.

В эту минуту он почувствовал возле себя чье-то свежее ароматическое дыханье, и слабый шорох, и вздох невольный, и легкое огненное прикосновенье. Странный, сладкий и вместе болезненный трепет пробежал по его жилам. Он на мгновенье обернул голову и тотчас опять устремил взор на карты: но этого минутного взгляда было бы довольно, чтоб заставить его проиграть душу. То было чудное и божественное виденье: склонясь над его плечом, сияла женская головка; ее уста умоляли, в ее глазах была тоска невыразимая... она отделялась на темных стенах комнаты, как утренняя звезда на туманном востоке. Никогда жизнь не производила ничего столь воздушно-неземного, никогда смерть не уносила из мира ничего столь полного пламенной жизни: то не было существо земное — то были краски и свет вместо форм и тела, теплое дыхание вместо крови, мысль вместо чувства; то не был также пустой и ложный призрак... потому что в неясных чертах дышала страсть бурная и жадная, желание, грусть, любовь, страх, надежда,— то была одна из тех чудных красавиц, которых рисует нам молодое воображение, перед которыми в волнении пламенных грез стоим на коленях, и плачем, и молим, и радуемся бог знает чему,— одно из тех божественных созданий молодой души, когда она в избытке сил творит для себя новую природу, лучше и полнее той, к которой она прикована.

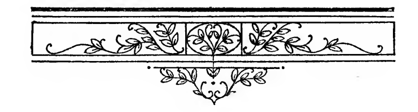
В эту минуту Лугин не мог объяснить того, что с ним сделалось, но с этой минуты он решился играть, пока не выиграет: эта цель сделалась целью его жизни,— он был этому очень рад.

Старичок стал метать: карта Лугниа была убита. Бледиая рука опять потащнла по столу два полуимпериала.

— Завтра,— сказал Лугин.

Старичок вздохиул тяжело, ио кивиул головой в зиак согласия и вышел, как накаиуне.

Всякую ночь в продолжеиие месяца эта сцеиа повторялась: всякую ночь Лугин проигрывал; ио ему ие было жаль деиег, он был уверен, что иакоиец хоть одиа карта будет даиа, н потому всё удванвал куши; ои был в сильиом пронгрыше, но зато каждую иочь на миииуту встречал взгляд и улыбку, за которые он готов был отдать все иа свете. Ои похудел н пожелтел ужасио. Целые дии просиживал дома, запершись в кабииете; часто не обедал. Он ожидал вечера, как любовник свнданья, и каждый вечер был иагражден взглядом более нежным, улыбкой более прнветлнвой; *она* — ие знаю, как назвать ее? — она, казалось, принимала трепетное участне в игре; казалось, она ждала с иетерпеиием минуты, когда освободнтся от ига несносного старика; и всякнй раз, когда карта Лугина была убита и он с грустиым взором оборачивался к ней, на него смотрели эти страстные, глубокие глаза, которые, казалось, говорили: «Смелее, не упадай духом, подожди, я буду твоя, во что бы то нн стало! я тебя люблю»... н жестокая, молчаливая печаль покрывала своей тенью ее изменчивые черты. И всякнй вечер, когда онн расставалнсь, у Лугина болезненно сжималось сердце — отчаянием и бешенством. Ои уже продавал вещи, чтоб поддержнвать нгру; он вндел, что невдалеке та миiута, когда ему иечего будет поставнть на карту. Надо было на что-инбудь решиться. Ои решился.



ПАНОРАМА МОСКВЫ

Кто никогда не был на вершине Ивана Великого, кому никогда не случалось окинуть одним взглядом всю нашу древнюю столицу с конца в конец, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тот не имеет понятия о Москве, ибо Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь. Как в древнем римском кладбище, каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись, для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!.. Как у океана, у нее есть свой язык, язык сильный, звучный, святой, молитвенный!.. Едва проснется день, как уже со всех ее златоглавых церквей раздается согласный гимн колоколов, подобно чудной, фантастической увертюре Беетговена, в которой густой рев контрабаса, треск литавр, с пением скрыпки и флейты образуют одно великое целое; и мнится, что бестелесные звуки принимают видимую форму, что духи неба и ада свиваются под облаками в один разнообразный, неизмеримый, быстро вертящийся хоровод!..

О, какое блаженство внимать этой неземной музыке, взобравшись на самый верхний ярус Ивана Великого, облокотясь на узкое мшистое окно, к которому привела вас истертая, скользкая витая лестница, и думать, что весь этот оркестр гремит под вашими ногами, и воображать, что все это для вас одних, что вы царь этого невещественного мира, и пожирать очами этот огромный муравейник, где суетятся люди, для вас чуждые, где

кипят страсти, вами на минуту забытые!.. Какое блаженство разом обнять душою всю суетную жизнь, все мелкие заботы человечества, смотреть на мир — с высоты!

На север перед вами, в самом отдалении на краю синего небосклона, немного правее Петровского замка, чернеет романтическая Марьина роща, и пред нею лежит слой пестрых кровель, пересеченных кое-где пыльной зеленью булеваров, устроенных на древнем городском валу, на крутой горе, усыпанной низкими домиками, средн коих изредка лишь проглядывает широкая белая стена какого-нибудь боярского дома, возвышается четвероугольная, сизая, фантастическая громада — Сухарева башня. Она гордо взирает на окрестности, будто знает, что имя Петра начертано на ее мшистом челе! Ее мрачная физиономия, ее гигантские размеры, ее решительные формы, все хранит отпечаток другого века, отпечаток той грозной власти, которой ничто не могло противиться.

Ближе к центру города здания принимают вид более стройный, более европейский; проглядывают богатые колоннады, широкие дворы, обнесенные чугунными решетками, бесчисленные главы церквей, шпицы колоколен с ржавыми крестами и пестрыми раскрашенными карнизами.

Еще ближе на широкой площади, возвышается Петровский театр, произведение новейшего искусства, огромное здание, сделанное по всем правилам вкуса, с плоской кровлей и величественным портиком, на коем возвышается алебастровый Аполлон, стоящий на одной ноге в алебастровой колеснице, неподвижно управляющий тремя алебастровыми конями и с досадою взирающий на кремлевскую стену, которая ревниво отделяет его от древних святынь России!..

На восток картина еще богаче и разнообразнее: за самой стеной, которая вправо спускается с горы и оканчивается круглой угловой башнею, покрытой, как чешуею, зелеными черепицами; немного левее этой башни являются бесчисленные куполы церкви Василия Блаженного, семидесяти пределам которой дивятся все иностранцы и которую ни один русский не потрудился еще описать подробно.

Она, как древний Вавилонский столп, состоит из нескольких уступов, кои оканчиваются огромной, зубча-

той, радужного цвета главой, чрезвычайно похожей (если простят мне сравнение) на хрустальную граненую пробку старинного графина. Кругом нее рассеяно по всем уступам ярусов множество второклассных глав, совершенно непохожих одна на другую; они рассыпаны по всему зданию без симметрии, без порядка, как отрасли старого дерева, пресмыкающиеся по обнаженным корням его.

Витые тяжелые колонны поддерживают железные кровли, повисшие над дверями и наружными галереями, из коих выглядывают маленькие темные окна, как зрачки стоглазого чудовища. Тысячи затейливых иероглифических изображений рисуются вокруг этих окон; изредка тусклая лампада светится сквозь стекла их, загороженные решетками, как блещет ночью мирный светляк сквозь плющ, обвивающий полуразвалившуюся башню. Каждый придел раскрашен снаружи особенною краской, как будто они не были выстроены все в одно время, как будто каждый владетель Москвы в продолжение многих лет прибавлял по одному, в честь своего ангела.

Весьма немногие жители Москвы решались обойти все приделы сего храма. Его мрачная наружность наводит на душу какое-то уныние; кажется, видишь перед собою самого Иоанна Грозного — но таковым, каков он был в последние годы своей жизни!

И что же? — рядом с этим великолепным, угрюмым зданием, прямо против его дверей, кипит грязная толпа, блещут ряды лавок, кричат разносчики, суетятся булочники у пьедестала монумента, воздвигнутого Минину; гремят модные кареты, лепечут модные барыни... все так шумно, живо, непокойно!..

Вправо от Василия Блаженного, под крутым скатом, течет мелкая, широкая грязная Москва-река, изнемогая под множеством тяжких судов, нагруженных хлебом и дровами; их длинные мачты, увенчанные полосатыми флюгерями, встают из-за Москворецкого моста, их скрыпучие канаты, колеблемые ветром, как паутина, едва чернеют на голубом небосклоне. На левом берегу реки, глядясь в ее гладкие воды, белеет воспитательный дом, коего широкие голые стены, симметрически расположенные окна и трубы и вообще европейская осанка резко отделяются от прочих соседних зданий, одетых восточной роскошью или исполненных духом средних веков. Далее к востоку на трех холмах, между коих изви-

вается река, пестреют широкие массы домов всех возможных величин и цветов; утомленный взор с трудом может достигнуть дальнего горизонта, на котором рисуются группы нескольких монастырей, между коими Симонов примечателен особенно своею, почти между небом и землей висящею платформой, откуда наши предки наблюдали за движениями приближающихся татар.

К югу, под горой, у самой подошвы стены кремлевской, против Тайницких ворот, протекает река, и за нею широкая долина, усыпанная домами и церквями, простирается до самой подошвы Поклонной горы, откуда Наполеон кинул первый взгляд на гибельный для него Кремль, откуда в первый раз он увидал его вещее пламя: этот грозный светоч, который озарил его торжество и его паденье!

На западе, за длинной башней, где живут и могут жить одни ласточки (ибо она, будучи построена после французов, не имеет внутри ни потолков, ни лестниц, стены ее росперты крестообразно поставленными брусьями), возвышаются арки Каменного моста, который дугою перегибается с одного берега на другой; вода, удержанная небольшой запрудой, с шумом и пеною вырывается из-под него, образуя между сводами небольшие водопады, которые часто, особливо весною, привлекают любопытство московских зевак, а иногда принимают в свои недра тело бедного грешника. Далее моста, по правую сторону реки, отделяются на небосклоне зубчатые силуэты Алексеевского монастыря; по левую, на равнине между кровлями купеческих домов, блещут верхи Донского монастыря... А там, за ним, одеты голубым туманом, восходящим от студеных волн реки, начинаются Воробьевы горы, увенчанные густыми рощами, которые с крутых вершин глядятся в реку, извивающуюся у их подошвы подобно змее, покрытой серебристою чешуей.

Когда склоняется день, когда розовая мгла одевает дальние части города и окрестные холмы, тогда только можно видеть нашу древнюю столицу во всем ее блеске, ибо, подобно красавице, показывающей только вечером свои лучшие уборы, она только в этот торжественный час может произвести на душу сильное, неизгладимое впечатление.

Что сравнить с этим Кремлем, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами собо-

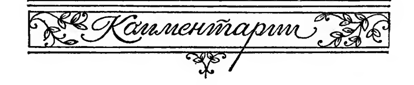
ров, возлежнт на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыкн?..

Он алтарь Россни, на нем должны совершаться и уже совершались многне жертвы, достойные отечества... Давно лн, как баснословный феникс, он возродился нз пылающего своего праха?..

Что велнчественнее этих мрачных храмин, тесно составленных в одну кучу, этого таинственного дворца Годунова, коего холодные столбы н плнты столько лет уже не слышат звуков человеческого голоса, подобно могнльному мавзолею, возвышающемуся среднн пустынн в память царей велнкнх?!

Нет, ни Кремля, ни его зубчатых стен, нн его темных переходов, ни пышных дворцов его опнсать невозможно... Надо вндеть, вндеть... надо чувствовать все, что онн говорят сердцу н воображенню!..

Юнкер Л. Г. гусарского полка *Лермантов.*



ДРАМЫ

Menschen und Leidenschaften (с. 5).— Написано в 1830 г. Дата указана самим Лермонтовым на заглавном листе рукописи: «Menschen und Leidenschaften (ein Trauerspiel) <Люди и страсти (трагедия)> 1830 года. М. Лермонтов».

В пьесе широко использован автобиографический материал. Главный герой Юрий Волин — характер, близкий лермонтовскому; во многих случаях монологи Волина соотносятся с лирикой Лермонтова 1830 г. Реальную основу имеет и предыстория событий, составляющих сюжет «Menschen und Leidenschaften»: семейная распря между старухой Громовой и Н. М. Волиным, о которой рассказывает горничная Дарья, повторяет действительные отношения, сложившиеся между бабушкой Лермонтова и его отцом. Прототипов имеют некоторые второстепенные персонажи пьесы: горничная Дарья — это ключница в Тарханах Дарья Григорьевна Соколова; Иван — Андрей Иванович Соколов, муж Дарьи Григорьевны, лакей, «дядька» Лермонтова.

В пьесе воспроизведены картины хорошо знакомой Лермонтову жизни помещичьей усадьбы. При этом внимание поэта сосредоточено не только на семейно-бытовой коллизии, но и на отношениях социальных; в поле его зрения — уродливые проявления крепостничества: жестокость, раболепие, лицемерие, ложь. Противостояние порочному обществу чистого душой, высокого романтического героя, бессильного против царящего в мире зла, составляет основной конфликт драмы.

С. 5. *Посвящается.*— После этого слова в рукописи стоит двоеточие, тире и густо зачеркнутое имя адресата, оставшееся неизвестным.

С. 7. *...наконец его улакомили, и он, оставя сынка, да и отправился к себе в отчину.*— Так же как герой драмы Н. М. Волин, Ю. П. Лермонтов, получив после смерти жены от Е. А. Арсеньевой, бабушки Лермонтова, вексель на 25 тысяч рублей, оставил ей сына и уехал в свое имение.

...хоть он и нарахтится в важные люди.— Нарахтиться — стремиться к чему-либо.

С. 9. *...Если жизнь тебя обманет...*— Стнхотворение А. С. Пушкина (опубликоваио в «Московском телеграфе», 1825, № 17).

Смертный, мне ты подражай... А за чашей отдыхай.— Источником этого четверостишня послужили стнхи Пушкиииа «Гроб Анакреоиа» (1815), его поздняя редакция, опубликоваииая в сборнике стихотворений Пушкиииа 1826 г.:

Смертиый, век твой прнвнденье;
Счастье резвое лови!
...Наслаждайся, наслаждайся!
Чаще кубок иаливай!
Страстью пылкой утомляйся,
А за чашей отдыхай!

С. 10. *...сделался таким мрачным,— как доктор Фауст!* — Доктор Фауст — герой одноименной трагедии (1808—1832) И. В. Гете, жизненный путь которого проходит в трудиых поисках смысла жнзни.

С. 12. *Поверь мне, той страны нет краше и милее...*— Неточиая цитата из басни И. А. Крылова «Два голубя» (1808):

Но, верьте, той земли не сыщете вы краше,
Где ваша милая, иль где живет ваш друг.

С. 14. *...я была у Трощкой лавры...*— Троице-Сергиева лавра — монастырь, оснований в середиие XIV в. (иыне г. Загорск, 71 км от Москвы). Лермонтов посетил лавру в середнне августа 1830 г.

С. 21. *Все колбасники, шмерцы!..*— Пренебрежительные прозвища немцев.

С. 22. *Неужто Кант был дурак?..*— Кант Иммаиунл (1724—1804) — немецкий философ; положил иачало немецкой классической фнлософии.

...тот, который знает, что он ничего не знает...— Здесь Н. М. Волнн приводит суждение, приписывавшееся древнегреческому философу Сократу (ок. 470—399 до и. э.), который считал, что иевозможио обладать позитивиым знаиием.

С. 32. *Если я умру, то брат Павел Иванович опекуном именью...*— Известио, что бабушка Лермоитова Е. А. Арсеиьева распорядилась в случае своей смерти передать до совершеннолетия внука опеку над имеиием своему младшему брату Афанасию Алексеевичу Столыпину (1788—1866); еслн умрет и он, то прииять опеку должны были другие братья. Виук Арсеньевой, М. Ю. Лермоитов, становился владельцем всего ее движимого н иедвижимого имения только при том условии, что будет жить отдельно от отца.

С. 40. *...если когда-нибудь Купидон заглядывал в ваше сердце...*— Купидон — в римской мифологии бог любви.

С. 45. *...недвижна, как жена Лотова...*— Как гласит библейская легенда, в момент бегства из Содома жена Лота, несмотря на запрет ангелов, оглянулась на оставленный город и была превращена в соляной столп (Бытие, 19, 26).

С. 47. *Прочь, прочь... сирена... прочь от меня...*— Сирены в греческой мифологии — фантастические существа, полуженщины-полуптицы, своим волшебным пением увлекавшие мореходов и губившие их. В переносном смысле — соблазнительные красавицы, завораживающие своим голосом.

С. 57—59. Явления 8 и 9 с небольшими изменениями были введены в пьесу «Странный человек» (сцена XI).

С. 61. *...мы с тобой не были созданы для людей.*— Эти слова Юрия почти полностью совпадают с заключительной строкой стихотворения «Эпитафия» (1830): «Он не был создан для людей».

Странный человек (с. 63).— Драма написана в 1831 г. Первоначальный вариант закончен 17 июля, о чем свидетельствует помета Лермонтова на обложке тетради: «Странный человек. Романтическая драма. 1831 года кончена 17 июля. Москва». В августе — октябре в пьесу были введены еще две сцены и монолог Арбенина; необходимость этих дополнений стала очевидной после окончания пьесы и была зафиксирована в следующей записи: «*Memor* <для памяти>: прибавить к «Странному человеку» еще сцену, в которой читают историю его детства, которая нечаянно попалась Белинскому». Лермонтов вновь переписал текст, на обложке беловой рукописи сделал надпись: «Странный человек. Романтическая драма. Москва, 1831 года».

В пьесе «Странный человек» драматургический конфликт построен на столкновении независимого в мыслях и поступках героя с обществом. Идейно и тематически она во многом родственна написанной годом ранее лермонтовской трагедии «Menschen und Leidenschaften»; ряд реплик, монологов и даже явлений в «Странном человеке» заимствованы из «Menschen und Leidenschaften».

С. 63. *Я решился изложить драматически происшествие истинное...*— В драме «Странный человек» нашла свое отражение история отношений Лермонтова с Натальей Федоровной Ивановой (1813—1875), адресатом лирического цикла 1830—1832 гг. (о ней см. в примечании к стихотворению «Н. Ф. И....вой» («Любил с начала жизни я...»; наст. изд. т. 1, с. 662). Первые встречи с Ивановой, ее приветливое внимание к поэту, доброжелательность и дружеское участие позволили Лермонтову надеяться на ее ответное чувство; между тем эти надежды были обмануты. Мотив измены и вероломства становится основным в произведениях, посвященных Ивановой. Героине

«Странного человека» передаиы нмя и отчество Н. Ф. Ивановой, черты ее внешиего н внутреинего облнка. В значнтельной мере автобиографнчен н образ Владнмнра Арбеиниа; в текст «Странного человека» намеренно введеиы стнхн Лермоитова, посвященные Н. Ф. Иваиовой,— в драме оин выполняют роль стнхотвориого обращеиня Арбеннна к Загорскниой. Сюжетиая лниия, связаиная с роднтелямн Арбеннна, достаточно далека от реальных фактов биографин Лермоитова; общнм является лишь самый факт семейного разлада н вызваииые нм пережнваиня героя.

Ощущение подлнииостн изображаемых событий подчеркивается драматургнческой коиструкцней пронзведення, состоящего нз датированных сцеи, сообщающнх пьесе характер дневника.

С. 64. The Lady of his love was wed with one...— Стихотворенне Дж. Байрона «The Dream» («Сои», 1816), отрывок нз которого Лермонтов взял в качестве эпиграфа к «Странному человеку», органнческн входнт в художествеиную ткань пьесы н представляет собою как бы ее лнрнческнй подтекст. В его рабочей тетрадн, содержащей сцены нз «Страниого человека», есть «запись для памятн», зафнксировавшая намереине Лермонтова сделать прозаическнй перевод «Сна» для своей кузины Александры Михайловиы Верещагнной (этот перевод либо не был сделан, лнбо не сохранился). «Сном» навеяно стнхотвореине Лермонтова «Вндение», включенное в текст «Странного человека» как «пиеса» Арбенина, о которой одии из героев драмы, Заруцкой, говорнт: «Арбеннн опнсывает то, что с ним было, просто, ио есть что-то особенное в духе этой пнесы. Она, в некотором смысле, подражанне «The Dream» Байронову».

Утром 26 августа.— Даты, указанные перед каждой сценой, были внесены в беловую рукопись вместе с разделеннем текста на сцены. Возможно, нми отмечеиы памятиые Лермонтову дии, относящнеся ко временн его увлечения Н. Ф. Иваиовой.

С. 67. *Входит Белинской...*— Фамнлия Белннской, вероятно, происходит от названия села Белынь Нижиеломовского уезда Пензеиской губернин. Того же пронсхождення, по-вндимому, н фамнлня крнтнка В. Г. Белиского, не нмеющего тем не меиее никакого отношеиня к названному выше действующему лнцу драмы Лермоитова. Не исключено, что под нменем Белинского в «Странном человеке» выведен соученнк Лермонтова по Московскому университету Дмитрнй Павловнч Тилнчеев (1812 — после 1860).

С. 69. *Магомет сказал, что он опустил голову в воду и вынул, и в это время четырнадцатью годами состарился.*— Этот эпизод не упоминается ни в Коране, нн в преданнях об основателе ислама. Лермонтов нспользовал легенду о Магомете, которая в XVIII в. была зафиксирована в английском сатнрико-нравоучнтельном журиале «The Spectator» («Зрнтель»), 1711, № 94, 18 нюия.

С. 73. *...господа кавалеры, не хотите ли играть в мушку...*— Мушка — карточная игра.

С. 75. *Я не сотворен для людей теперешнего века и нашей страны...*— Ср. в поэме «Демон»:

> Творец из лучшего эфира
> Соткал живые струны их,
> Они не созданы для мира,
> И мир был создан не для них!

...со мною случится скоро горе, не от ума, но от глупости!..— Комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума» Лермонтов мог знать не только по постановкам (в искаженном цензурой варианте) на петербургской и московской сценах (январь — ноябрь 1831 г.); ему, вероятно, были известны и многочисленные списки «Горя от ума», которые ходили по Москве.

...как прошлый раз в Собрании один кавалер уронил замаскированную даму...— Костюмированные балы устраивались в зале Московского благородного собрания (здание построено архитектором М. Ф. Казаковым в 1780-х годах. Ныне — Дом Союзов).

С. 76. *А бывало, помню (ему еще было три года), бывало, барыня посадит его на колена к себе и начнет играть на фортепьянах что-нибудь жалкое. Глядь: а у дитяти слезы по щекам так и катятся!..*— В этом отрывке воспроизведен реальный факт биографии Лермонтова, зафиксированный в одной из его автобиографических заметок 1830 г.: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если б услыхал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать».

С. 80—86. *Сцена IV.*— В сцене IV изображен студенческий кружок, к которому принадлежал Лермонтов во время своего пребывания в Московском университете (с сентября 1830-го по июнь 1832 г.). В одно время с Лермонтовым в университете учились: В. Г. Белинский, А. И. Герцен, И. А. Гончаров, Н. П. Огарев, Н. В. Станкевич. О связях Лермонтова с кружком Герцена и Огарева, который возник в 1831 г., сведений не сохранилось. Общество близких друзей поэта составляли А. Д. Закревский, А. А. Лопухин, В. А. и Н. С. Шеншины — их иногда именовали «лермонтовской пятеркой». Есть основания предполагать, что персонаж «Странного человека», названный Заруцким, в какой-то мере списан с А. Д. Закревского, которому очень нравились лермонтовские стихи (стихи Арбенина в пьесе читает именно Заруцкой) и который был известен своим увлечением русской историей; в статье «Взгляд на русскую историю», напечатанной в 20-м номере «Телескопа» за 1833 г., Закревский специально останавливался на проблеме национальной самобытности России, подчер-

кивая особенное значение Отечественной войны 1812 г. «1812 год,— писал он,— есть начало самобытной, национальной жизни России». До публикации статьи эти идеи могли быть им высказаны на собраниях дружеского кружка (ср. заключительный монолог Заруцкого).

С. 80. *Общипанных разбойников Шиллера*— Упоминается московская постановка драмы Ф. Шиллера в переделке Н. Н. Сандунова, представлявшей собой вариант, приспособленный к требованиям цензуры и театральной администрации, занятой «бенефисными спекуляциями». Отрицательное отношение Лермонтова к принятой в театре традиции ставить пьесы классического репертуара в искажающем смысл «переложении» известно из его письма к тетушке Марии Акимовне Шан-Гирей (февраль 1830-го либо 1831 г.); в нем высказано сожаление, что знакомство театральной публики с творениями великого Шекспира происходит через перевод «перековерканной пиесы Дюсиса, который... переменил ход трагедии и выпустил множество характеристических сцен».

С. 80—81. *Мочалов ленился ужасно; жаль, что этот прекрасный актер не всегда в духе. Случиться могло б, что я бы его видел вчера в первый и последний раз: таким образом он теряет репутацию.*— В этих словах Челяева отразилось общее увлечение московской студенческой молодежи вдохновенной романтической игрой П. С. Мочалова («прекрасный актер»); здесь же отмечена характерная для Мочалова «неровность» игры — известная особенность его актерской манеры, о которой с сожалением писал В. Г. Белинский: «Со дня вступления на сцену, привыкши надеяться на вдохновение, всего ожидать от внезапных и волканических вспышек своего чувства, он всегда находился в зависимости от расположения своего духа: найдет на него одушевление — и он удивителен, бесподобен; нет одушевления — и он впадает не то чтобы в посредственность — это бы еще куда ни шло — нет, в пошлость и тривиальность... Вот в такие-то неудачные для него спектакли и видели его люди, имеющие о нем понятие как о дурном актере. Это особенно приезжие в Москву, и особенно петербургские жители».

С. 81. *Моя душа, я помню, с детских лет...*— Лермонтов передает Арбенину свое стихотворение «1831-го июня 11 дня» (1, 2, 5-я строфы; отдельные строки введенного в текст драмы стихотворения несколько изменены).

С. 82. *К чему волшебною улыбкой...*— Как самостоятельное стихотворение — неизвестно.

С. 83. *Я видел юношу: он был верхом...*— Начало стихотворения Лермонтова «Видение» (см. об этом т. 1, с. 668). В тексте драмы приведено с отдельными изменениями.

С. 88. *...я видел ее в театре: слезы блистали в глазах ее, когда играли «Коварство и Любовь» Шиллера!.. Неужели она равнодушно*

стала бы слушать рассказ моих страданий? — Для Лермонтова и современной ему молодежи драматургия Шиллера знаменовала собою страстный протест против всякой несправедливости, социального неравенства, духовной ограниченности, лицемерия и ханжества. Игра Мочалова, исполнявшего роль Фердинанда в драме Шиллера «Коварство и Любовь», производила огромное впечатление на романтически настроенных молодых людей. Реакцию потрясенной спектаклем Наташи Загорскиной Арбенин расценивает как знак благородства и одухотворенности ее натуры.

С. 89. *...терпенья уж нет. Долго мы переносили, однако пришел конец... хоть в воду!..* — Картины, изобличающие крепостное право, написаны в значительной мере по собственным впечатлениям Лермонтова, хорошо знакомого с бытом сельских дворян, живущих по соседству с Тарханами (имение бабушки, расположенное в Пензенской губернии), где поэт провел детство.

С. 92. *Скучно будет сегодня во Французском театре: играют скверно, тесно, душно. А нечего делать! весь beau monde!* — Здесь отразились впечатления от действовавшего в 1829—1830 гг. в Москве частного французского театра, созданного по инициативе С. С. Апраксина, старшины Благородного собрания, Д. В. Голицына, московского генерал-губернатора, министра двора П. М. Волконского и др. Несмотря на то, что труппа была слабой, а помещение, снятое для театра, неудобным и для зрителей, и для актеров, посещение французских спектаклей входило в обязательную программу развлечений «большого света».

С. 112. *Славная музыканьша будет на арфе играть... вы не слыхали еще? Она из Парижа...* — «Славная музыканьша» — С. Бертран, французская арфистка. В январе — марте 1831 г. в Москве проходили ее гастроли.

С. 114. *Когда одни воспоминанья...* — Отдельные строки перенесены в это стихотворение из «Романса к И...», первоначально введенного в драму. В результате дальнейшей переработки текста возникло стихотворение «Оправдание» (1841).

С. 117—118. *В каком романе... у какой героини вы переняли такие мудрые увещевания... вы желали бы во мне найти Вертера!.. Прелестная мысль...* — В романе И. В. Гете «Страдания молодого Вертера» (1774) герой, духовно близкий центральному персонажу лермонтовской пьесы, переживает любовную драму, подобную той, которая разыгрывается между Загорскиной, Арбениным и его счастливым соперником. Вертер находит возможным сохранить добрые отношения с возлюбленной и ее мужем. Арбенин с негодованием отвергает подобную систему отношений.

С. 123. *Вы, конечно, не ученик Лафатера?* — Лафатер Иоганн Каспар (1741—1801) — швейцарский пастор и писатель. В своем

главном труде «Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniss und Menschenliebe» («Физиогномические фрагменты, способствующие познанию людей и любви к людям», 1775—1778) развивал теорию соответствия духовного мира человека его внешности.

Маскарад (с. 126).— Лермонтов работал над «Маскарадом» в течение 1835—1836 гг. Окончив в декабре 1834 г. Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, впервые надев гусарский мундир, Лермонтов принимает живейшее участие в светской жизни Петербурга; в это время его можно встретить и на балах в Дворянском собрании, и на знаменитых маскарадах в доме Энгельгардта, и в великосветских гостиных, и в театральной зале на очередной премьере с участием знакомых актрис. Об этом поэт мечтал еще в юнкерской школе. «...Одно лишь меня ободряет — мысль, что через год я офицер! — писал Лермонтов М. А. Лопухиной.— И тогда, тогда... боже мой! если бы вы знали, какую жизнь я намерен вести!.. О, это будет чудесно: во-первых, причуды, шалости всякого рода и поэзия, купающаяся в шампанском...». В декабре 1834 г. Лермонтов сообщал Лопухиной: «Я теперь бываю в свете...».

К началу работы над «Маскарадом» Лермонтов прекрасно изучил петербургский «свет». Эти впечатления в известной мере отразились в «Маскараде». Карточная игра и костюмированные балы с их обязательной интригой — наиболее распространенные увлечения современной Лермонтову дворянской молодежи — стали основными мотивами пьесы. На этих характерных деталях была выстроен сюжет драмы; не менее важным вместе с тем оказалось и их символическое значение. Следы знакомства Лермонтова с конкретными лицами, типичными для столичного «общества», можно отыскать в некоторых персонажах «Маскарада». В Арбенине есть нечто общее с одержимыми карточной игрой писателем Н. Ф. Павловым (1803—1864), композитором А. А. Алябьевым (1787—1851), нечистым на руку игроком графом Ф. И. Толстым («Американцем») (1782—1846). Адам Петрович Шприх наделен портретным сходством с завсегдатаем петербургских аристократических салонов, либреттистом и музыкальным рецензентом Александром Львовичем Элькааном (1786—1868), послужившим прототипом Загорецкого в «Горе от ума» А. С. Грибоедова (опубл. 1833) и Шпирха в повести О. И. Сенковского «Предубеждение» (1834); у Сенковского Лермонтов и заимствовал фамилию своего персонажа, слегка ее изменив («Шприх» вместо «Шпирх»).

Лермонтов как автор «Маскарада» продолжил традицию обращения к теме маскарада и карточной игры, характерной как для

современной ему русской литературы (повесть А. А. Бестужева-Марлинского «Испытание» (1830), из которой заимствованы фамилии двух действующих лиц «Маскарада» — баронессы Штраль и князя Звездича; роман Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских» (1832), «Пиковая дама» А. С. Пушкина (опубл. 1834)), так и для западноевропейской («Trente ans, ou La vie d'un joueur» («Тридцать лет, или Жизнь игрока», 1827) В. Дюканжа и Дино).

Драматургически «Маскарад» Лермонтова наиболее близок комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (изображение героя, противостоящего обществу, особенности стиха и стиля и т. д.).

«Маскарад» известен в нескольких редакциях. Первоначальная редакция пьесы состояла из четырех актов. В начале октября 1835 г. Лермонтов передал в театральную цензуру новый, трехактный вариант драмы; этот текст до нас не дошел, и единственным источником сведений о нем служит развернутый отзыв цензора Е. И. Ольдекопа, который подробно изложил содержание просмотренной рукописи. Ольдекоп не счел возможным допустить пьесу к постановке, главным образом из-за содержащихся в ней нападок на публичные маскарады в доме Энгельгардта: «Я не знаю, сможет ли пьеса пойти даже с изменениями; по крайней мере сцена, где Арбенин бросает карты в лицо князю, должна быть совершенно изменена... Я не понимаю, как автор мог допустить такой резкий выпад против костюмированных балов в доме Энгельгардтов». 8 ноября 1835 г. текст драмы был возвращен Лермонтову «для нужных перемен». Помимо Ольдекопа, коренной переделки «Маскарада» потребовал заинтересовавшийся пьесой шеф жандармов А. X. Бенкендорф, возмущенный тем, что Арбенин остался безнаказанным; рекомендации Бенкендорфа сводились к тому, чтобы в финале было показано «торжество добродетели» и «супруги Арбенины помирились». Знакомый Лермонтова поэт и камергер А. Н. Муравьев в своих воспоминаниях коснулся цензурной истории «Маскарада»: «Пришло ему (Лермонтову.— *И. Ч.*) на мысль написать комедию вроде «Горе от ума», резкую критику на современные нравы, хотя и далеко не в уровень с бессмертным творением Грибоедова. Лермонтову хотелось видеть ее на сцене, но строгая цензура Третьего отделения не могла ее пропустить. Автор с негодованием прибежал ко мне и просил убедить начальника сего отделения, моего двоюродного брата Мордвинова, быть снисходительным к его творению; но Мордвинов остался неумолим».

В ноябре — первой половине декабря 1835 г. Лермонтов вновь вернулся к тексту «Маскарада» и в конце года представил в драматическую цензуру еще один вариант пьесы. В письме к директору императорских Санкт-Петербургских театров А. М. Гедеонову он сообщал, что «возвращенную цензурою... пьесу «Маскерад»... пополнил

четвертым актом» в надежде на этот раз получить одобрение цензора. Однако и новая редакция пьесы не была разрешена к постановке: несмотря на то, что Лермонтов значительно переработал пьесу, он не учел при этом основных требований, предъявленных ему драматической цензурой и Бенкендорфом. Свой отказ дать пьесе цензурное разрешение (январь 1836 г.) Ольдекоп мотивировал также принадлежностью «Маскарада» к школе «неистовой» романтической драмы (В. Гюго, А. Дюма), запрещенной на русской сцене. Как писал впоследствии Лермонтов в своем «объяснении» по делу «О непозволительных стихах на смерть Пушкина», «драма «Маскарад», в стихах, отданная... в театр, не могла быть представлена по причине (как мне сказали) слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель недостаточно награждена». В 1836 г. Лермонтов полностью переделал пьесу, изменив даже ее заглавие; новый, теперь уже пятиактный вариант назывался «Арбенин», были внесены изменения в сюжет пьесы, состав действующих лиц, концовку. В 20-х числах октября рукопись поступила в цензуру, а 28 октября было принято решение о ее запрещении.

После смерти Лермонтова, в 1843 г., знаменитый актер П. С. Мочалов попытался получить разрешение на постановку пьесы, но успеха не имел; неудачей окончились и хлопоты дирекции Александринского театра, предполагавшей сыграть «Маскарад» в бенефис актрисы М. И. Валберховой в 1846 г. Безрезультатной была также новая попытка Мочалова добиться права поставить пьесу в свой бенефис в 1848 г. Первое представление «сцен» из лермонтовского «Маскарада» состоялось в 1852 г., а полностью (с незначительными изъятиями отдельных стихов) драма была разрешена к постановке на официальной театральной сцене (московский Малый театр) только через десять лет — в 1862 г.

Опубликован (с купюрами) «Маскарад» был в 1842 г. по инициативе А. А. Краевского в издании «Стихотворения М. Лермонтова» (ч. III, СПб., 1842).

С. 126. *Нина, жена его.*— Полное имя героини — Анастасия (см. первую сцену третьего действия пьесы: «Настасья Павловна споет нам что-нибудь»).

За столом мечут банк и понтируют...— Банк (штосс) — азартная карточная игра, распространенная в 1830-е годы. Игрок (банкомет) мечет банк, то есть открывает карты, и в зависимости от того, куда упадет карта, уплачивает проигрыш (по карте, выпавшей направо) или оказывается в выигрыше (по карте, выпавшей налево). Понтировать — ставить деньги на карту, наугад вытащенную из колоды.

С. 127. *А семпелями плохо...* — Семпель — простая, не увеличенная относительно названной ранее суммы ставка. *Надо гнуть* — удвоить ставку. *Ва-банк* — ставка, равная сумме, поставленной банкометом.

С. 128. *Убита* — убитой называли проигравшую карту.

С. 135. *Не по нутру мне этот Ванька Каин...* — Имя Ваньки-Каина Лермонтов употребляет как синоним жулика, ловкого мошенника. Ванька-Каин (прозвище крестьянского сына Ивана Осипова) — знаменитый в первой половине XVIII в. московский вор и сыщик. Будучи сыщиком, организовал в своем доме игорный притон, где велась нечистая игра и были в ходу фальшивые деньги. О приключениях этого знаменитого своими подвигами исторического персонажа написан авантюрный роман М. Комарова «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки-Каина, всей его жизни и странных похождений» (СПб., 1779).

С. 136. *Обрежется...* — Этим термином обозначалась ошибка, допущенная игроком.

С. 138. *Ведь нынче праздники и, верно, маскерад У Энгельгардта...* — Энгельгардт Василий Васильевич (1785—1837) — полковник в отставке, широко известный в Петербурге богач, крупный игрок, весельчак и острослов. В молодости был дружен с Пушкиным. В. В. Энгельгардт получил от правительства привилегию на проведение в своем доме на Невском проспекте (ныне — Малый зал имени М. И. Глинки Ленинградской филармонии) публичных концертов и костюмированных балов. Вечера у Энгельгардта были чрезвычайно популярны, нередко на них присутствовали и члены царской фамилии.

С. 143. *Ты! бесхарактерный, безнравственный, безбожный, Самолюбивый, злой, но слабый человек; В тебе одном весь отразился век...* — Эти строки соотносятся со следующим отрывком из седьмой главы «Евгения Онегина»:

...два-три романа,
В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой...

С. 163. *Жорж Занд почти что прав!* — Санд (Занд) Жорж — псевдоним французской писательницы Авроры Дюпен, по мужу Дюдеван (1804—1876). Русскому читателю известна с начала 1830-х годов. Лермонтов, одним из первых обративший внимание

на проповедовавшие идею женского равноправия романы Жорж Санд, глубоко сочувствовал ее взглядам.

С. 196. *Возьмут Лепажа пистолеты...* — Лепаж — парижский оружейник. Пистолеты его марки во времена Лермонтова пользовались славой лучшего дуэльного оружия.

С. 198. *Чтоб в этом увидать картель...* — Картель — письменный вызов на дуэль.

С. 220. *А этой нежности ты знала ль цену?* — Одна из частых у Лермонтова автореминисценций (ср. в стихотворении «К *» («Я не унижусь пред тобою...»): «Такой души ты знала ль цену?»).

Два брата (с. 239).— По свидетельству историка, биографа Лермонтова и собирателя рукописей поэта Владимира Харлампиевича Хохрякова (ок. 1828—1916), пользовавшегося данными друга Лермонтова С. А. Раевского, драма написана в 1834—1836 гг. Упоминание о работе над пьесой содержится в письме Лермонтова к Раевскому от 16 января 1836 г.: «...пишу четвертый акт новой драмы, взятой из происшествия, случившегося со мною в Москве». «Происшествие в Москве» — это скорее всего встреча Лермонтова в декабре 1835 г. с горячо любимой им в юности В. А. Лопухиной (см. наст. изд., т. I, с. 668), которая в мае вышла замуж за Н. Ф. Бахметева; в таком случае драма «Два брата» создавалась в декабре 1835 — январе 1836 г.

При создании «Двух братьев» Лермонтов только отчасти использовал биографический источник; в целом пьеса ориентирована на ряд литературных образцов, варьирующих мотив вражды двух братьев-соперников, которые являются воплощением противоположных нравственно-этических начал в человеке: с одной стороны, доброта, благородство, искренность; с другой — жестокость, лживость, низость души (Ф. Шиллер — «Разбойники», 1781; Ф. М. Клингер — «Близнецы», 1776).

Характерный для творчества Лермонтова интерес к «внутреннему» человеку привел к усложнению фигуры Александра Радина элементами демонического характера, несущего зло и разрушение миру, который не принял, оттолкнул героя, задушив данные ему от рождения светлые стороны души. Здесь уже видна схема характера Печорина в «Герое нашего времени». Типологическая близость А. Радина и Печорина подтверждается и тем, что центральный монолог Радина «Да!.. такова была моя участь со дня рождения...» (действие 2, сцена 1) был почти без изменений перенесен в роман «Герой нашего времени». (Ср. также диалог Александра и Веры от слов Веры: «О, лучше убей меня» — до слов Александра: «...в груди моей возникло отчаянье,— не то, которое лечат дулом пистолета...» (наст. изд., с. 250) и диалог Мери с Печориным от слов Мери:

«...возьмите лучше нож и зарежьте меня...» — до слов Печорина: «...не то отчаянье, которое лечат дулом пистолета...» (наст. изд., с. 542).

Пьеса «Два брата», созданная после «Маскарада» и перед «Героем нашего времени», знаменовала переход Лермонтова к прозе, переход от психологической драмы к психологическому роману.

С. 239—240. *...Веринька Загорскина...* — Фамилию Загорскина носит и героиня «Странного человека», так же как и Вера в «Двух братьях», представляющая собой характерный для лермонтовской лирики образ ветреной женщины, недостойной высокой любви героя.

С. 240. *...за князя Лиговского!* — Фамилия жениха Веры, как и вся в целом сюжетная коллизия, связанная с ее замужеством, повторяются в повести «Княгиня Лиговская» (1836).

С. 245. *...посмотри, какой чудесный трельяж у Дмитрия Петровича...* — Т р е л ь я ж (фр. treillage) — либо трехстворчатое зеркало, либо тонкая деревянная решетка для вьющихся растений, ширма.

...Вера! посмотри, как переделали твой бриллиантовый фермуар. — Точное значение слова «фермуар» — нарядная застежка на ожерелье (фр. fermoir — застежка). Однако, как правило, это слово употреблялось в значении «ожерелье».

С. 248. *Поедемте вместе на Кузнецкий...* — Улица Кузнецкий мост в Москве, где располагались модные французские магазины, служила и излюбленным местом прогулок московской знати.

С. 260—261. *...один, всегда один, отверженный, как Каин...* — По библейской легенде, Каин, убивший своего брата Авеля, был проклят богом и осужден быть «изгнанником и скитальцем на земле» (Бытие, 4, 8—12).

С. 268. *...запру вас в степной деревне, и там извольте себе вздыхать, глядя на пруд...* — Подобное наказание ожидало и Софью в «Горе от ума» Грибоедова:

> Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми;
> Подалее от этих хватов,
> В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!
> Там будешь горе горевать,
> За пяльцами сидеть, за святцами зевать.

(Действие IV, явление 14).

ПРОЗА

<В а д и м> (с. 275) — Незаконченный юношеский роман.

Название, данное роману Лермонтовым, неизвестно, так как начальный лист рукописи не сохранился. Редакторские заглавия: «Горбач — Вадим. Эпизод из Пугачевского бунта (юношеская повесть)»; «Вадим. Неоконченная повесть».

Датируется 1833—1834 гг. на основании свидетельства Меринского, учившегося в это время вместе с Лермонтовым в юнкерской школе: «Раз, в откровенном разговоре со мной,— вспоминал Меринский,— он мне рассказал план романа, который задумал писать прозой, и три главы которого были тогда уже им написаны... Не помню хорошо всего сюжета, помню только, что какой-то нищий играл значительную роль в этом романе... Он не был окончен Лермонтовым...»

Роман о пугачевском движении (1773—1775 гг.), охватившем в летние месяцы 1774 г. ряд волжских провинций, в том числе Пензенскую губернию и ряд северных уездов (Краснослободский, Керенский, Нижнеломовский), имел в своей основе материал устных преданий, легенд, воспоминаний старожилов. Многое Лермонтов почерпнул «из рассказов бабушки» — об этом он сам говорил Меринскому.

Среди пензенских помещиков, пострадавших от Пугачева, были родственники Е. А. Арсеньевой и родственники ее знакомых, в том числе убитый в Краснослободске капитан Данило Столыпин, подпоручик Василий Хотяинцев, сын которого Фома был крестным отцом Лермонтова, семьи Мартыновых, Мансыревых, Киреевых, Мещериновых, Мосоловых.

Ряд сцен (бегство в лес Палицына, спасавшегося от пугачевцев в пещерах, казнь его жены, расправа с «упрямыми господами села Красного») восходит к подлинным эпизодам, подлинным событиям «пугачевского года». История Вадима могла иметь в основе свидетельства очевидцев о том, что среди пугачевцев оказалось несколько пензенских дворян: отставной корнет В. Д. Васильев (Шацкий уезд), А. Л. Евсюков и отставной поручик Н. Н. Чевкин (Нижнеломовский уезд). Примечательно, что Чевкин примкнул к мятежникам, желая отомстить соседу, помещику Левашову.

Место действия романа — Пензенский край, где Лермонтов вырос. Описывая поместье Палицына, расположенную неподалеку от него деревню, где находился крутой и глубокий овраг, известный под названием «Чертово логовище», Лермонтов имел в виду местность, ему хорошо знакомую. Это окрестности Тархан, сел Нижние Поляны и Тархово, лесистый овраг Гремучий, лежащий к востоку от Тархова, пещеры около Пачелмы Пензенской области.

С. 275. *У ворот монастырских...* — Лермонтов описал здесь мужской монастырь в Нижнем Ломове, старинном городе, стоявшем на пути из Москвы в Пензу. С Тарханами его связывала короткая прямая дорога, сохранившаяся и до настоящего времени.

Известно, что вблизи от Нижнеломовского монастыря в августе 1774 г. неоднократно появлялись повстанческие отряды.

С. 278. *...за два месяца до Пугачева.*— Первые отряды пугачевцев появились на территории Пензенского края в конце июля 1774 г. Пенза была взята 1 августа. Волнения пензенско-воронежских крестьян начались еще до появления там Пугачева.

С. 297. *...разрушить естественный порядок...*— Выражение «естественный порядок» здесь означает — установленный природою, не зависящий от воли и разума человека (ср. в «Странном человеке»: «Я создан, чтоб разрушать естественный порядок», наст. изд., с. 102).

С. 301. *...на дне этого удовольствия шевелится неизъяснимая грусть, как ядовитый крокодил...*— Это сравнение восходит к повести Шатобриана «Атала». Оно встречается также в главе третьей «Княгини Лиговской», но употреблено в ироническом смысле.

С. 302. *Таково предание народное...*— Рассказ о женихе-призраке восходит к немецкой народной песне. Этот сюжет был использован Г. Бюргером в балладе «Ленора», в русской литературе известной по подражаниям и переводам В. А. Жуковского («Людмила», 1808, «Светлана», 1808—1812, «Ленора», 1831). Ср. балладу Лермонтова «Гость».

С. 308. *Этот гальванизм...*— Явление, открытое основоположником электрофизиологии итальянским анатомом и физиологом Луиджи Гальвани (1737—1798). Позднее гальванизм был определен как физиологическое действие электрического тока.

...таков был ужас Макбета...— Лермонтов напоминает 4-ю сцену III акта «Макбета» Шекспира, где появляется призрак убитого Банко.

С. 312. Песня «Воет ветер» встречается также в поэме Лермонтова «Азраил» с разночтениями в двух первых стихах.

С. 315. *«Ты черт или Гуммель»,— сказал Фильд...*— Гуммель Иоганн (Ян) Непомук (1778—1837); Филд Джон (1782—1837) — известные пианисты-виртуозы и композиторы. Гуммель, уроженец Братиславы, выступал с концертами в Петербурге и в Москве в 20-х гг. XIX в. Филд, ирландец, приехал в Россию в 1802 г. В 1831—1835 гг. концертировал в Западной Европе (Лондон, Париж). Умер в Москве.

...песня была дика...— Лермонтов ввел в текст романа юношеское стихотворение «Воля» (1831) в несколько измененной редакции (см. наст. изд. т. 1, с. 91).

С. 316. *...поезжай скажи Белбородке...*— Белбородко — вероятно, от фамилии пугачевского полковника Ивана Наумовича Белобородова, одного из наиболее талантливых сподвижников Пугачева.

С. 317. *...когда турки угнетали потомков Леонида...*— Потомки Леонида — греки. Леонид — спартанский царь, возглавив-

ший объединенное войско греческих полисов против персидского царя Ксеркса. Героически погиб при защите Фермопильского ущелья (480 г. до н. э.). Греция освободилась от турецкого ига, длившегося 400 лет, в 1829 г.

С. 320. *...рисуются под Адамовой головой.*— Адамова голова — христианский религиозный символ в виде черепа и скрещенных под ним костей.

С. 338. *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!* — стих из «Божественной комедии» Данте («Ад», песнь 3, стих 9).

С. 341. *...в колючие объятья мадонны долорозы...*— «Мадонна долороза» (матерь скорбящая) — наименование средневекового орудия пытки.

С. 346. *...как семена притчи...*— Лермонтов имеет в виду притчу о сеятеле, изложенную в Евангелии от Матфея (XIII, 3—23), от Марка (IV, 3—20), от Луки (VIII, 4—15).

С. 348. *...поход! в Турцию...*— Турция объявила войну России 25 сентября/6 октября 1768 г. Военные действия начались в январе 1769 г. Через Дунай русские переправились под начальством Суворова в мае 1773 г.

С. 350. *...прощай, роза Гулистана.*— «Гулистан» в переводе с персидского значит «розовый сад». Так озаглавлено произведение персидского поэта и мыслителя Саади (р. между 1203—1210, ум. 1292).

Не одна тридцатилетняя вдова рыдала у ног его...— В этой фразе содержится намек на роман Бальзака «Тридцатилетняя женщина» (1831—1834), упоминание о котором есть и в «Герое нашего времени» (см. наст. том, с. 493).

...подобно плодам, растущим на берегах Мертвого моря...— В «Иудейской войне» Иосифа Флавия есть описание странных деревьев, растущих в окрестностях Асфальтового озера (Мертвого моря). Плоды их, съедобные на вид, но негодные к пище, рассыпаются в пепел при первом к ним прикосновении (IV, 8, 4). Этот сюжет использовал Д. Мильтон в «Потерянном рае» (кн. 10, ст. 760—767) и Томас Мур в «восточной» поэме «Лалла-Рук». Наиболее вероятно, что сравнение, употребленное здесь Лермонтовым, пришло к нему именно от Мура.

...узел, который судьба, не умея расплесть, перерубит, подобно Александру.— По преданию, Александр Македонский, не сумев распутать сложный узел, завязанный фригийским царем Гордием, разрубил его мечом.

С. 365. *Вдруг толпа раздалась, расхлынулась, как некогда море, тронутое жезлом Моисея...*— Ср. в Библии: «И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром

всю ночь, и сделал море сушею; и расступились воды» (Исход, 14, 21).

Княгиня Лиговская (с. 380).— Незаконченный роман из жизни петербургского общества 1830-х годов; был начат в 1836 г. Создавался при участии ближайшего друга Лермонтова, литератора и этнографа С. А. Раевского (1808—1876). С. А. Раевский служил в Департаменте государственных имуществ и был хорошо знаком с бытом и нравами петербургских чиновников. Беседы с ним явились для Лермонтова тем источником, откуда писатель получал фактический материал, необходимый ему для разработки сюжетной линии, связанной с образом Красинского.

Работа над романом была прервана событиями, последовавшими за гибелью в январе 1837 г. А. С. Пушкина. Вскоре Лермонтов и Раевский были высланы из Петербурга — первый за создание стихотворения «Смерть Поэта», второй — за его распространение. 8 июня 1838 г. Лермонтов писал Раевскому: «Роман, который мы с тобою начали, затянулся и вряд ли кончится, ибо обстоятельства, которые составляли его основу, переменились, а я, знаешь, не могу в этом случае отступить от истины».

Роман «Княгиня Лиговская» во многом автобиографичен; реальной основой сюжетной линии «Печорин — Негурова» послужили «петербургские» отношения Лермонтова с предметом его юношеской любви Е. А. Сушковой, охарактеризованные им самим в письмах к М. А. Лопухиной и А. М. Верещагиной (конец 1834 — начало 1835 г.). «...Я обращался с нею в обществе так, как если бы она была мне близка <...> Когда я заметил, что мне это удалось <...> я прибегнул к маневру. Прежде всего в свете я стал более холоден с ней, а наедине более нежным, чтобы показать, что я ее более не люблю, а что она меня обожает <...> когда она стала замечать это <...>, я в обществе первый покинул ее, я стал жесток и дерзок, насмешлив и холоден с ней <...> ...когда я увидал, что в глазах света надо порвать с нею, а с глазу на глаз все-таки еще казаться ей верным, я живо нашел чудесный способ — я написал анонимное письмо <...> Итак, вы видите, я хорошо отомстил за слезы, которые меня заставило пролить 5 лет тому назад кокетство m-lle С.» (из письма к А. М. Верещагиной — весна 1835 г.).

Отношения Лермонтова с В. А. Лопухиной (о ней см. в примечании к стихотворению «К Л.—» («У ног других не забывал...»), см. наст. изд., т. 1, с. 668) нашли отражение во второй сюжетной линии романа, связанной с именами Печорина и княгини Веры Лиговской. Прототипом князя Лиговского в романе явился Н. Ф. Бахметев, за которого В. А. Лопухина в 1835 г. вышла замуж.

С. 380. *Поди! — поди! раздался крик!* — Строка из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. I, строфа XVI; у Пушкина — Пади!).

С. 382. *...было бы любопытно для Лафатера...* — О Лафатере (см. примечание наст. изд. с. 619—620).

В заключение портрета скажу, что он назывался Григорий Александрович Печорин... — фамилия «Печорин» образована по тому же принципу, что и фамилия главного героя пушкинского романа (по названию северных русских рек) и потому, как писал В. Г. Белинский, «незримо» с ним связывается. В рукописи I главы лермонтовского романа допущена характерная описка: «Онегин» вместо «Печорин».

С. 385. *...погулявших когда-то за Балканом...* — Участники русско-турецкой войны 1828—1829 гг. закончили ее переходом через Балканские горы.

...на мраморном камине стояли три алебастровые карикатурки Паганини, Иванова и Россини... — Паганини Никколо (1782—1840) — итальянский скрипач и композитор; Иванов Николай Кузьмич (1810—1880) — тенор, пользовавшийся европейской славой; Россини Джоаккино Антонио (1792—1868) — итальянский оперный композитор. А. М. Верещагина вспоминала, как Лермонтов «во все горло и до потери дыхания» пел дуэт из оперы Россини «Семирамида» (1823).

С. 385—386. *...он, как партизан Байрона, назвал ее портретом Лары.* — «Партизан Байрона» — почитатель, поклонник таланта английского поэта. Лара — герой одноименной поэмы Дж. Байрона (1814).

С. 386. *Как угль, в горниле раскаленный!..* — Строка из «Оды, выбранной из Иова» (1743—1751) М. В. Ломоносова.

С. 387. *Поверьте, я лучше этого говорю по-русски — я не монастырка.* — Варенька подчеркивает, что она не воспитывалась в Институте благородных девиц (помещался в здании Смольного женского монастыря), где французскому языку уделялось бо́льшее внимание, чем русскому.

Маленький Меркурий... — Меркурий в римской мифологии бог торговли, покровитель путешественников. Изображался в крылатых сандалиях, дорожной шляпе. Здесь его имя употреблено в значении «посыльный».

Давали Фенеллу... — Под названием «Фенелла» в Петербурге шла опера французского композитора Даниеля Франсуа Эспри Обера (1782—1871) «Немая из Портичи» (1828). Была разрешена к постановке после того, как в либретто оперы (сюжетом послужило восстание неаполитанских рыбаков против испанских поработителей в 1647 г.) был внесен ряд изменений. Известно, что Лермонтов любил играть увертюру к этой опере.

...ходят пить чай к Фениксу.— Лермонтов имеет в виду трактир «Феникс», располагавшийся против Александринского театра.

С. 392. *...так беден, что хожу в стулья...*— Красинский мог позволить себе только дешевые места в театре — за креслами.

С. 393. *...вызывали Новицкую и Голланда...*— Балерина Мария Дмитриевна Новицкая (1816—1868) с огромным успехом исполняла роль немой рыбачки Фенеллы в опере Обера. Голланд Константин (1804—1868) — оперный певец, артист немецкой оперной труппы в Петербурге. Выступал в роли Фиорелло (брата Фенеллы).

С. 396. *...идти пешком в Невский монастырь...*— Александро-Невская лавра находилась на самой окраине города.

С. 397. *...ибо натуральная история...*— Иначе — естественная история.

...один раз на два месяца в Ревель на воды...— Современное название Ревеля — Таллин.

...взяли учителя по билетам...— «Учителю по билетам» платили не за каждый урок, а по накопившимся талонам.

С. 410. *В Москве, где прозвания еще в моде, прозвали их la bande joyeuse.*— Одно из писем Лермонтова к своей московской приятельнице С. А. Бахметевой подписано: «член вашей bande joyeuse» («веселой шайки»). Бахметева называла так Лермонтова и его друзей — Н. И. Поливанова, В. А. и Н. С. Шеншиных, А. Д. Закревского и А. А. Лопухина.

С. 411. *...суждения молодых людей, воспитанных в Москве и привыкших без принуждения постороннего развивать свои мысли...*— Лермонтов подчеркивает разницу между «московским» и «петербургским» воспитанием; последнее, по его мнению, приводило к нивелировке личности: уничтожению ее своеобразия, к утрате индивидуальности. В письме к М. А. Лопухиной (28 августа 1832 г.) из Петербурга Лермонтов писал: «...видел я образчики здешнего общества: любезнейших дам, учтивейших молодых людей — все вместе они производят на меня впечатление французского сада, очень тесного и простого, но в котором с первого раза можно заблудиться, потому что хозяйские ножницы уничтожили всякое различие между деревьями!»

Наконец приехали в монастырь... и последний Новик открыл так поздно имя свое и судьбу свою... — «Последний Новик» — название исторического романа И. И. Лажечникова (1792—1869), написанного в 1831—1833 гг. «Новики» — в допетровское время молодые дворяне, начинавшие службу при дворе без определенной должности. Лермонтов отсылает к событиям заключительной главы романа, которые развертываются на площадке западной башни Симонова монастыря.

С. 413. *После взятия Варшавы...*— Речь идет о польском восстании 1831 г.; Варшава была занята царскими войсками 8 сентября.

С. 415. *...букли à la Sévigné...*— В XVIII в. появилась мода на прическу, которую носила маркиза де Севинье (1626—1696), чье имя стало необыкновенно популярным после издания в 1726 г. ее писем к дочери. В прическе «à la Sévigné» обруч стягивал волосы на темени и лицо обрамляли длинные букли, ниспадающие до плеч.

...У мужчин прически à la jeune France, à la russe, à la moyen âge, à la Titus...— Лермонтов подчеркивает разнообразие причесок: длинные волосы (мода французских писателей-романтиков), волосы, остриженные в кружок (à la russe), челка и волосы до плеч (à la moyen âge), короткая стрижка (как у Тита, римского императора).

...какая смесь одежд и лиц! — Строка из поэмы Пушкина «Братья разбойники» (1821—1822).

...в малиновом токе...— Ток — название высокого женского головного убора без полей (от фр.— toque).

С. 417. *Он увернулся от решительного ответа, как Талейран или Меттерних.*— Лермонтов называет имена двух известных политиков и государственных деятелей, отличавшихся особым дипломатическим искусством. Это француз Талейран-Перигор Шарль Морис (1754—1838) и австриец Меттерних-Виннебург Клеменс Венцель Лотар (1773—1859).

С. 419. *...картина Брюллова «Последний день Помпеи» едет в Петербург.*— Картина К. П. Брюллова была привезена из Италии в конце июля 1834 г. и в августе выставлена в Эрмитаже.

С. 423. *...борода à la St.-Simonienne* — мода, принятая в подражание последователям учения графа Клода Анри де Сен-Симона (1760—1825), французского мыслителя, социалиста-утописта. В Париже 1830-х годов такую бороду носили молодые люди, принадлежавшие к артистической богеме, и сенсимонисты.

...он называл себя Горшенков.— Возможно, что прототипом Горшенкова явился петербургский журналист, камер-юнкер Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков (1805—1873). Считалось, что Тарасенко-Отрешков был связан с III Отделением.

С. 441. *Вкус, батюшка, отменная манера.*— Цитата из «Горя от ума» Грибоедова (действие второе).

<«Я хочу рассказать вам...»> (с. 443).— Прозаический отрывок, начатый, возможно, до «Княгини Лиговской». Не исключено, однако, что он написан в последние годы жизни Лермонтова, так же как ряд произведений, опубликованных вместе с ним в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1845).

С. 444. *Он родился в Москве. Скоро после появления его на этот свет его мать разъехалась с его отцом по неизвестным причи-*

нам. — Рассказ о детстве Арбенина в известной мере автобиографичен.

С. 445. *Деревня эта находилась на берегу Волги... Бедные качели!* — По содержанию этот отрывок близок рассказу о детстве героя в поэме Лермонтова «Сашка».

Ашик-Кериб (с. 447).— Написано в 1837 г. в Закавказье: там стоял Нижегородский драгунский полк, куда Лермонтов был переведен из гвардии за стихи на смерть Пушкина. Сказка «Ашик-Кериб» представляет собой запись азербайджанского дастана об Ашыг-Гарибе (ашик — народный певец, музыкант; кериб — чужеземец, бедняк). Этот сюжет известен в грузинском, армянском, туркменском, узбекском, турецком вариантах. Существует несколько записей азербайджанского сказания, первая из которых была сделана в XIX в. учителем А. Махмудбековым со слов сказителя Оруджа. Лермонтовский вариант наиболее близок записи, сделанной много позже, в 1944 г., азербайджанским фольклористом Ахлимаом Ахундовым со слов Мешеди-Дадаша Ахмед оглы. Много общего в лермонтовском тексте и с грузинской записью, сделанной в 1930 г. со слов Аслана Блиадзе (характерно, что эта запись восходит к азербайджанским источникам). Лермонтов назвал свою сказку турецкой. Однако преобладание в тексте «Ашик-Кериба» азербайджанских языковых элементов (терминология, диалектные формы, следы произношения) доказывает, что сказку Лермонтову рассказал азербайджанец. Примечательно, что в среде народов Закавказья азербайджанский язык назывался турецким.

Записав сказку, Лермонтов отказался от ее дальнейшей обработки. Этим объясняется отсутствие единообразия в передаче местных слов и выражений: «хадерилияз» и «хадрилиаз», «Арзерум» и «Арзрум», «шииды гёрурсез» и «шииди гёрузез» и т. д.

С. 448. *Прибыл он, наконец, в Халаф* — Халаф — древнее название Халеба (Алеппо) — города на северо-западе Сирии.

С. 451. *Хадерилиаз (Хадрилиаз)* — мусульманский пророк; в его имени отразилось предание о переселении души пророка Хидра в пророка Илью (Илиаз — азербайджанская форма этого имени). В некоторых легендах такого отождествления нет; Илья и Хидр действуют рядом. Сам Лермонтов в тексте сказки поясняет, что Хадерилиаз — это св. Георгий; по-видимому, в этом проявилось влияние армянского и грузинского фольклора, в котором смешение Хадерилиаза со св. Георгием встречается достаточно часто.

С. 453. *В городе Халафе я пил мисирское вино...* — Миср — арабское наименование Египта; Миср аль-Кахира — древнее название Каира.

Намаз — ежедневное пятикратное моление у мусульман, один из главных обрядов ислама.

Герой нашего времени (с. 455).— Хронологические рамки, которыми определяется основная работа над романом,— 1838—1839 гг. Последовательность создания отдельных его частей не документирована и устанавливается на основании косвенных свидетельств. Возможно, осенью 1837 г. были сделаны черновые наброски к «Тамани» и затем к «Фаталисту» — вероятно, еще безотносительно к общему замыслу романа, который сложился несколько позже. Вместе с тем не исключено, что «Тамань» была написана последней, а «Фаталист» — после «Максима Максимыча».

«Бэла», «Фаталист» и «Тамань» стали известны читателю до выхода в свет отдельного издания романа — по журнальной публикации в «Отечественных записках» (1839, № 3, 11; 1840, № 2). «Фаталист» был напечатан со следующим редакционным примечанием: «С особенным удовольствием пользуемся случаем известить, что М. Ю. Лермонтов в непродолжительном времени издаст собрание своих повестей,— и напечатанных, и ненапечатанных. Это будет новый, прекрасный подарок русской литературе». Сообщение, сделанное редакцией «Отечественных записок», подтвердилось: через несколько месяцев, в апреле 1840 г., было опубликовано «сочинение М. Лермонтова» (так стояло на обложке книги) «Герой нашего времени». Оно действительно состояло из ряда отдельных новелл, открывавшегося «Бэлой» и заключенного «Фаталистом». Однако это не было просто случайное «собрание повестей»; это было цельное произведение, роман, построенный на объединении (в соответствии с традицией, характерной для русской прозы 1830-х годов) малых жанровых форм. Каждая повесть, таким образом, оказывалась значимой не только сама по себе, но играла свою особую роль в системе всего произведения, задуманного как роман о современном герое. Это обстоятельство определило и порядок расположения частей, следующих друг за другом вне хронологии реальных событий (на самом деле эти события развивались в такой последовательности: по дороге на Кавказ Печорин сначала останавливается в Тамани («Тамань»), затем оказывается в Пятигорске («Княжна Мери»), потом попадает в крепость, откуда отлучается в казачью станицу («Фаталист»), по возвращении его в крепость разыгрывается история с похищением Бэлы («Бэла») и т. д.).

Первоначальное заглавие романа, известное по рукописи,— «Один из героев начала века»,— связано с появившимся в 1836 г. и сразу ставшим знаменитым романом А. Мюссе «La confession d'un enfant du siècle» («Исповедь сына века»; более точно — одного из детей века (эпохи)). Роман Лермонтова о «современном человеке»,

во внешних действиях и исповеди которого точно обозначились приметы исторического времени, сразу же по выходе в свет был восторженно встречен В. Г. Белинским, блестяще раскрывшим его социально-психологическое и философское содержание.

В начале 1841 г. «Герой нашего времени» вышел вторым изданием. В него было введено предисловие, написанное в ответ на враждебные критические статьи, появившиеся в связи с первой публикацией романа, например, С. А. Бурачка в журнале «Маяк» (1840, ч. IV, гл. IV), определившего Печорина как «эстетическую и психологическую нелепость», клевету «на целое поколение людей».

Бэла (с. 456).— Напечатана в «Отечественных записках» (1839, № 3) с подзаголовком «Из записок офицера о Кавказе», который подчеркивал связь новеллы с массовой романтической «кавказской литературой», распространенной в 1830-х годах. Между тем произведение Лермонтова было написано в принципиально иной художественной манере — вопреки традиции живописно-риторических описаний; стилистически оно было ориентировано на «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина. Эту особенность «Бэлы» отмечал В. Г. Белинский: «Простота и безыскусственность этого рассказа — невыразимы, и каждое слово в нем так на своем месте, так богато значением. Вот такие рассказы о Кавказе, о диких горцах и отношениях к ним наших войск мы готовы читать, потому что такие рассказы знакомят с предметом, а не клевещут на него. Чтение прекрасной повести г. Лермонтова многим может быть полезно еще и как противоядие чтению повестей Марлинского».

С. 458. *Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче... Когда он приехал на Линию...*— Ермолов Алексей Петрович (1777—1861) — генерал; известен некоторой близостью декабристам и оппозиционными по отношению к правительству Николая I настроениями. В 1816—1827 гг.— командир Отдельного кавказского корпуса. Линия — Кавказская кордонная линия, протянувшаяся от Черного до Каспийского моря; на ней был выстроен ряд укреплений и располагались казачьи и регулярные войска.

С. 460. *...у Каменного Брода...*— Каменный брод (по-кумыкски— Таш-Кичу) — укрепление на реке Аксай, недалеко от станицы Шелковской, построенное в 1825 г. по приказу генерала А. П. Ермолова для защиты от набегов чеченцев.

С. 461. *...как напьются бузы...*— Буза — хмельной напиток, приготовленный из печеного хлеба или просяной (кукурузной) муки.

...у мирнова князя был в гостях.— Мирные горцы — горцы, давшие присягу на верность русскому правительству. Однако присяга эта давалась не по доброй воле, и потому сколько-нибудь сущест-

венных различий между мирными и немирными горцами не существовало.

С. 463. *...моего старого знакомца Казбича.*— Лермонтовскому герою дано имя исторического лица Кизилбеча Шеретлукова (или просто Казбича) — знаменитого вождя черкесского племени шапсугов, до 1863 г. отчаянно сопротивлявшегося русским войскам. Однако этот исторический Казбич не является прототипом действующего лица «Бэлы»; это следует из ответа Максима Максимыча на вопрос проезжего офицера о судьбе его «старого знакомца»: «Слышал я, что на правом фланге у шапсугов есть какой-то Казбич, удалец... да вряд ли это тот самый!..»

...таскаться за Кубань с абреками...— Абрек (в первоначальном значении) у народов Северного Кавказа и в Дагестане — горец, изгнанный из рода и занимающийся разбоем. Во времена Кавказской войны так называли тех, кто вел борьбу против русских.

С. 465. *...выскакивает прямо к ним мой Карагёз.*— Карагёз (тюрк.) — черный глаз, черноглазый.

С. 466. *...а шашка его настоящая гурда...*— Так назывались лучшие старинные сабельные клинки. О происхождении названия «гурда» существует легенда: «Рассказывают, что один из туземных мастеров, достигший чрезвычайным трудом и усилиями выделки этих чудесных клинков, встретил себе соперника в лице другого мастера, старавшегося всячески подорвать его репутацию. Произошла ссора, и первый, желая доказать преимущество своего железа, с криком «Гурда!» (Смотри) одним ударом перерубил пополам и клинок, и самого соперника. Имя этого мастера изгладилось из народной памяти, но его восклицание «гурда!» так и осталось за его клинками».

Много красавиц в аулах у нас...— Песня Казбича близка черкесской песне в поэме Лермонтова «Измаил-Бей». Обе песни написаны по мотивам горского фольклора.

С. 476. *...отпрягши заранее уносных...*— Так называлась первая пара лошадей при запряжке четверкой (уносы — постромки).

...переезд через Крестовую гору (или, как называет ее ученый Гамба, le Mont St.-Christophe) достоин вашего любопытства.— Жак Франсуа Гамба в своей книге «Путешествие в Южную Россию» (1826) Крестовую гору переименовал в гору Святого Христофора.

С. 478. *Байдара* — правый приток Терека.

С. 489. *...удалец, который в красном бешмете разъезжает...*— Бешмет — горская одежда, полукафтан; его носили под верхним платьем.

Максим Максимыч (с. 489).— В печатном тексте рассказа отсутствует абзац, известный по рукописи: «Я пересмотрел записки Печорина и заметил по некоторым местам, что он готовил их к

печати, без чего, конечно, я не решился бы употребить во зло доверенность штабс-капитана». В предисловии к «Журналу Печорина» Лермонтов специально подчеркнул, что записки его героя писаны «без тщеславного желания возбудить участие или удивление»; то есть для себя, без расчета на публикацию.

С. 490. ...*Казбек в своей белой кардинальской шапке.*— Здесь Лермонтов допустил ошибку: кардиналы, ближайшие советники и помощники папы по управлению церковью, носят головные уборы красного цвета.

...*нечто вроде русского фигаро.*— Фигаро — имя героя трилогии Пьера Огюстена Карона де Бомарше (1732—1799): «Севильский цирюльник» (1775), «Женитьба Фигаро» (1784), «Преступная мать» (1794).

С. 493. ...*он сидел, как сидит Бальзакова тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала.*— Лермонтов имеет в виду героиню романа О. Бальзака «Тридцатилетняя женщина» (1831—1834).

Тамань (с. 499).— По свидетельству мемуаристов, сюжет повести построен на действительных событиях, участником которых оказался сам Лермонтов во время своего пребывания в Тамани осенью 1837 г. Товарищ Лермонтова по Школе юнкеров и позднее по лейб-гвардии Гродненскому полку М. И. Цейдлер, который посетил Тамань через год после него, в своих записках о Кавказе 1830-х годов подробно описал дни, проведенные в этом «небольшом, невзрачном городишке», и не мог не отметить сходства своего описания с «поэтическим рассказом о Тамани в «Герое нашего времени»: «Мне отвели с трудом квартиру, или, лучше сказать, мазанку, на высоком утесистом берегу, выходящем к морю мысом. Мазанка эта состояла из двух половин, в одной из коих я и поместился <...> по всей вероятности, мне суждено было жить в том же домике, где жил и он; тот же слепой мальчик и загадочный татарин послужили сюжетом к его повести. Мне даже помнится, что когда я, возвратясь, рассказывал в кругу товарищей о моем увлечении соседкою, то Лермонтов пером начертил на клочке бумаги скалистый берег и домик, о котором я вел речь». Рисунок Лермонтова сохранился.

С. 501. *В тот день немые возопиют и слепые прозрят...*— Неточная цитата из Библии: «И в тот день глухие услышат слова Книги, и прозрят из тьмы и мрака глаза слепых» (Книга пророка Исайи. 29, 18).

С. 504—505. ...*бежит... моя ундина...*— Ундина в германо-скандинавском фольклоре — то же, что русалка в народно-поэтическом

творчестве славянских народов. Образ русалки-ундины не раз встречается в лермонтовской поэзии: «Русалка» (1836), «Мцыри» (1839), «Морская царевна» (1841). Лермонтов был знаком и с поэмой В. А. Жуковского «Ундина» (1837) — стихотворным переложением прозаической повести того же названия немецкого писателя Фридриха де ла Мотт Фуке (1777—1843).

С. 505. *...это открытие принадлежит юной Франции.*— «Юная Франция» — группа молодых французских писателей-романтиков (А. де Виньи, Ш. Нодье и др.), объединившихся после революции 1830 г. вокруг Виктора Гюго.

...я вообразил, что нашел Гётеву Миньону...— Миньона — героиня романа И. В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1793—1796).

Княжна Мери (с. 509).— Эта центральная часть записок Печорина наиболее широко представляет современное Лермонтову «общество», быт и нравы посетителей Кавказских минеральных вод. По свидетельству мемуаристов, многие персонажи повести имели своих прототипов. Считалось, например, что Грушницкий списан с Н. П. Колюбакина (1811—1868), задиры, дуэлянта, нередко следовавшего манере поведения героев своего приятеля А. А. Бестужева (Марлинского); не исключено, что в Грушницком отразились и какие-то черты Н. С. Мартынова (1815—1875), противника Лермонтова на роковой дуэли, состоявшейся в июле 1841 г., в прошлом его товарища по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Прообразом Веры в какой-то степени послужила В. А. Лопухина-Бахметева; мнения современников относительно прототипа княжны Мери расходятся: одни называли имя Н. С. Мартыновой, сестры Н. С. Мартынова, другие — Э. А. Клингенберг, пятигорской знакомой Лермонтова, впоследствии жены А. П. Шан-Гирея, друга и родственника поэта (сама Э. А. Шан-Гирей между тем возражала против подобного отождествления).

В рукописи «Княжны Мери» вычеркнут отрывок, объясняющий появление Печорина на Кавказе: «Но я теперь уверен, что при первом случае она (княгиня Лиговская.— *И. Ч.*) спросит, кто я и почему я здесь на Кавказе. Ей, вероятно, расскажут страшную историю дуэли, и особенно ее причину, которая здесь некоторым известна, и тогда... вот у меня будет удивительное средство бесить Грушницкого!» По-видимому, Лермонтов отказался от мысли вводить в текст изложение биографии своего героя, сосредоточив внимание на изображении его внутренней жизни.

С. 510. *...«последняя туча рассеянной бури».*— Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Туча» (1835).

Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка...— Соотносится со следующей фразой из юношеского стихотворения в прозе «Синие горы Кавказа, приветствую вас!»: «Воздух там чист, как молитва ребенка».

...узнав армейские эполеты, они с негодованием отвернулись... под белой фуражкой образованный ум.— На эполетах армейских офицеров были обозначены номера их войсковых частей; солдаты-армейцы носили нумерованные фуражки и пуговицы (у гвардейцев на пуговицах был изображен двуглавый орел). Отрывок содержит намек на то, что при Николае I на Кавказе было много офицеров, переведенных за те или иные провинности из гвардии в армию (сам Лермонтов и его Печорин) или разжалованных в солдаты.

С. 514. *А что за толстая трость: точно у Робинзона Крузоэ!* — В романе Даниеля Дефо (ок. 1660—1731) «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» (1719) упоминается зонтик, который сделан руками самого героя; трость появилась во французских переводах, по-видимому, служивших источником знакомства Лермонтова с произведением английского писателя.

С. 518. *Тогда, посмотрев значительно друг другу в глаза, как делали римские авгуры, по словам Цицерона, мы начинали хохотать...*— А в г у р ы (жрецы) предсказывали будущее по полету птиц и их поведению, однако далеко не все верили их гаданию. Сами авгуры, вводившие римлян в заблуждение, по словам Цицерона, еле сдерживали смех, глядя друг на друга при встрече.

С. 528. *...из Пятигорска в немецкую колонию...*— Немецкая колония (Каррас, Шотландка) находилась в 8 км от Железноводска по дороге в Пятигорск. Основана шотландскими миссионерами (1802), поселившимися в ауле Каррас (у подножия Бештау) с тем, чтобы обращать в свою веру кавказских горцев. С 1808 г. шотландцев постепенно вытеснили немецкие колонисты. Лермонтов останавливался в Каррасе, направляясь 15 июля 1841 г. из Железноводска к месту поединка.

...смесь черкесского с нижегородским.— Лермонтов вводит в свой текст слегка измененную (в соответствии с содержанием текста) цитату из «Горя от ума» Грибоедова: «Господствует еще смешенье языков: французского с нижегородским» (слова Чацкого в 1-м действии пьесы).

С. 542. *Да, такова была моя участь с самого детства!..*— Таким же образом себя характеризует Александр Радин, герой драмы «Два брата»; его монолог (действие 2, сцена 1) был перенесен в роман «Герой нашего времени».

С. 546. *...одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным.*— Речь идет о Петре Павловиче Каверине (1794—1855), гусаре, вольнодумце, приятеле А. С. Пушкина, кото-

рый посвятнл ему ряд стнхотворений, в том чнсле «К Кавериуу» (1817). Упомннается Кавернн н в «Евгеннн Онегнне»:

> К Talon помчался: он уверен,
> Что там уж ждет его Кавернн...

С. 551. *...Но смешивать два эти ремесла...* — Неточно процитнрованы слова Чацкого нз третьего действия «Горя от ума»: «А смешнвать два этн ремесла Есть тьма искусннков, я не нз их чнсла».

С. 553. *...Ума холодных наблюдений...* — Процнтнрована строка нз посвящення «Евгення Онегнна» А. С. Пушкина (П. А. Плетневу).

...Вернер намедни сравнил женщин с заколдованным лесом, о котором рассказывает Тасс в своем «Освобожденном Иерусалиме». — В XIII песне эпнческой поэмы нтальянского поэта Возрождення Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалнм» (переведена иа русскнй язык в 1828 г. С. Е. Ранчем н А. Ф. Мерзляковым) содержнтся описаине очароваиного леса, в который вступает герой поэмы рыцарь Танкред.

С. 555. *...есть минуты, когда я понимаю Вампира!* — Вампнр — сверхъестественное существо, высасывающее человеческую кровь; здесь имеется в виду герой повестн «Вампнр», якобы запнсанной со слов Дж. Байрона его доктором Джоном Полндорн; в 1828 г. переведена на русскнй язык П. В. Кнреевскнм. Лермонтов упомннал Вампира н в черновом варианте преднсловня к роману: «Если вы верилн существованию Мельмота, Вампира н другнх — отчего же вы не верите в действнтельность Печорина?»

С. 558. *Вчера приехал сюда фокусник Апфельбаум.* — Иллюзнонист Апфельбаум — реальное нсторическое лнцо. В конце 1820-х годов жил в Москве; летом 1837 г. гастролнровал на курортах Кавказскнх мннеральных вод. О выступленнях Апфельбаума не раз сообщалось в пернодической печатн.

С. 566. *Архалук (ахалук)* — полукафтан нз шерстяной нлн шелковой тканн, собраиный у талии.

С. 570. *...не падайте заранее; это дурная примета. Вспомните Юлия Цезаря!* — Гай Юлнй Цезарь (102 нлн 100—44 гг. до н. э.), рнмскнй днктатор н полководец, был убнт заговорщнками в сенате. По словам древннх нсторнков, существовал ряд предзнаменований, предостерегавшнх Цезаря от появлення на заседанни сената; известно, напрнмер, что по путн туда он оступнлся на пороге.

С. 577. *...заснул сном Наполеона после Ватерлоо.* — Проиграв битву при Ватерлоо (1815), где решалась судьба его нмперии, Наполеон, по преданию, проспал более полутора суток.

Фаталнст (с. 580). — Относнтельно сюжетного нсточнжка новеллы не существует единого мнения. По утвержденню бнографа

Лермонтова П. А. Висковатова (1842—1905), «Фаталист» «списан с происшествия, бывшего в станице Червленной с (Акимом Акимовичем.— *И. Ч.*) Хастатовым», дядей Лермонтова: «По крайней мере, эпизод, где Печорин бросается в хату пьяного рассвирепевшего казака, произошел с Хастатовым». Историк и собиратель лермонтовских рукописей В. Х. Хохриков указывал на рассказ друга Лермонтова С. А. Раевского о том, что в «Фаталисте» запечатлено подлинное происшествие, участниками которого были сам Лермонтов и его приятель А. А. Столыпин (Монго). Было высказано и предположение о том, что тему новеллы Лермонтов отыскал в мемуарах Байрона, содержащих рассказ об удивительном случае, происшедшем с школьным приятелем автора воспоминаний: «...взяв пистолет и не справляясь, был ли он заряжен, он приставил его себе ко лбу и спустил курок, предоставив случаю решить, последует выстрел или нет».

Вопрос о «случае», «судьбе», «предопределении», входивший в круг философских проблем, особенно интересовавших современников Лермонтова, и положен в основу «Фаталиста». Сюжет новеллы трижды подтверждает реальность предопределения. Вместе с тем фатализм не исключал для Лермонтова активного вмешательства в жизнь, но, напротив, он предполагал свободу действий, решительное вторжение в заранее определенный ход событий.

С. 581. *Наружность поручика Вулича...*— Фамилия этого героя в рукописи «Фаталиста» читается «Вуич»; первоначально Лермонтов использовал без изменений фамилию своего знакомого Ивана Васильевича Вуича (1813—1884), поручика лейб-гвардии Конного полка.

Кавказец (с. 590).— Очерк написан, по-видимому, в 1841 г. Существует его копия с пометой переписчика: «Список с статьи собственноручной покойного М. Лермонтова, предназначенный им для напечатания в «Наших» и не пропущенный цензурою». «Наши» — альманах петербургского литератора А. П. Башуцкого (1801—1876) «Наши, списанные с натуры русскими» (1841—1842; вышло 14 выпусков, после чего издание было прекращено по цензурным причинам), задуманный по образцу французского сборника «Les français peints par eux mêmes» («Французы в их собственном изображении», 1840—1842). Как сообщали в 1841 г. «Отечественные записки», «самое название <...> показывает уже, что вся книга будет состоять из статей оригинальных русских, ибо предметом их будут русские нравы, русские физиономии, русские характеры.— К изданию уже приступ-

лено: заказаны рисунки, и вся первая часть книги просмотрена цензурою». Далее были перечислены имена участников издания: А. П. Башуцкий, Е. П. Гребенка, М. А. Корф, М. Ю. Лермонтов, В. Ф. Одоевский, И. И. Панаев, В. А. Соллогуб и т. д.

По сохранившейся копии «Кавказец» был опубликован только в 1928 г.

В очерке Лермонтова изображен кавказский армейский офицер, каких часто можно было встретить в Дагестане и Чечне. Его возможный прототип — Павел Петрович Шан-Гирей (1795—1864), родственник Лермонтова, штабс-капитан в отставке; служил на Кавказе при А. П. Ермолове.

Герой очерка «Кавказец» в литературном отношении — это дальнейшее развитие образа Максима Максимыча из «Героя нашего времени». Ср. в «Герое нашего времени» («Бэла»): «Сознайтесь, однако ж, что Максим Максимыч человек, достойный уважения?..» (см. с. 489).

С. 591. *...кинжал — старый базалай...*— Кумыкский мастер Базалай изготовлял клинки, отличавшиеся удивительной прочностью; эти клинки так и назывались — «базалай».

...лошадь — чистый шаллох...— Шаллох (иначе — Шолок) — один из знаменитых у горцев Западного Кавказа конских заводов.

...и весь костюм черкесский...— Черкесский костюм, по воспоминаниям современников, был у русских в большой моде и даже служил образцом для служебных мундиров линейного казачьего войска.

С. 592. *...бурка, прославленная Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова...*— Бурка стала популярной после появления пушкинского «Кавказского пленника» (опубл. в 1822 г.) и кавказских повестей А. А. Бестужева (Марлинского) — «Аммалат-бек» (опубл. в 1832) и «Мулла-Нур» (опубл. в 1836). Носил бурку и Лермонтов, в этом костюме он изобразил себя на известном акварельном автопортрете; образцом ему, возможно, послужил знаменитый портрет А. П. Ермолова в бурке, выполненный английским живописцем Джорджем Доу (1781—1829).

...достать настоящую андийскую бурку...— Бурки, изготовленные в округе Анди, славились далеко за пределами Дагестана.

<Штосс> (с. 594).— Датируется серединой марта — началом апреля 1841 г. В альбоме Лермонтова 1840—1841 г. сохранился набросок плана повести, оканчивавшейся трагически: «Сюжет. У дамы: лица желтые. Адрес. Дом: старик с дочерью, предлагает ему метать. Дочь: в отчаянии, когда старик выигрывает.— Шулер: старик проиграл дочь. Чтобы <?> Доктор: окошко». «Штосс» (комментируемый текст известен под этим условным названием) — по-

следнее произведение Лермонтова; представляет собой опыт фантастической повести из современной жизни. Написан с учетом полемики относительно предмета и формы фантастического повествования, связанной с именами Пушкина, В. Ф. Одоевского, Е. П. Ростопчиной. Эстетическая позиция Лермонтова в «Штоссе» заключалась в утверждении фантастики, которая, как показал писатель, наполняет явления окружающей реальности (что соответствовало романтической поэтике); именно фантастический мир своего героя Лермонтов ставит в центр повествования, подчеркивая тем самым его первостепенное значение.

С произведениями, написанными в традициях романтизма как русского («Портрет» Гоголя, опубл. в 1835), так и западного («Мельмот-Скиталец» Мэтьюрина, 1820), сближает «Штосс» и содержащийся в повести мотив оживающего портрета, оригинально интерпретированный Лермонтовым.

Лермонтов работал над «Штоссом» в период тесного общения с В. Ф. Одоевским, поэтессой Е. П. Ростопчиной, семейством Карамзиных, А. О. Смирновой, Виельгорскими. «Три месяца, проведенные тогда Лермонтовым в столице, были <...> самые счастливые и самые блестящие в его жизни,— вспоминала Ростопчина.— Отлично принятый в свете, любимый и балованный в кругу близких, он утром сочинял какие-нибудь прелестные стихи и приходил к нам читать их вечером». В один из таких вечеров был прочитан и «Штосс»: «Однажды он объявил, что прочитает нам новый роман под заглавием «Штос», причем он рассчитал, что ему понадобится, по крайней мере, четыре часа для его прочтения. Он потребовал, чтобы собрались вечером рано и чтобы двери были заперты для посторонних. Все его желания были исполнены, и избранники сошлись числом около тридцати; наконец Лермонтов входит с огромной тетрадью под мышкой, принесли лампу, двери заперли, и затем начинается чтение; спустя четверть часа оно было окончено. Неисправимый шутник заманил нас первой главой какой-то ужасной истории, начатой им только накануне; написано было около двадцати страниц, а остальное в тетради была белая бумага. Роман на этом остановился и никогда не был окончен».

«Штосс» стал известен в устном авторском чтении; в какой-то момент (не с самого начала) Лермонтов стал писать свою повесть исключительно для устного исполнения, видя в ней лишь дружескую шутку, литературную мистификацию. В таком варианте, обрываясь на фразе «Он решился» (эта оборванность была сознательным художественным приемом), повесть представлялась Лермонтову законченной. Как следует из сделанной после отъезда из Петербурга записи в подаренной Одоевским памятной книжке («Да кто же ты, ради бога? — Что-с? — отвечал старичок, примаргивая одним гла-

зом.— Штос! — повторил в ужасе Лугин. Шулер имеет разум в пальцах.— Банк — Скоропостижная»), Лермонтов предполагал продолжить «Штосс», который должен был закончиться гибелью героя. Какие-либо данные о том, как должно было развиваться повествование, отсутствуют.

С. 594. *У графа В... был музыкальный вечер.*— Имеется в виду музыкальный вечер в доме М. Ю. Виельгорского, музыкального деятеля, композитора, мецената, гофмейстера двора. Лермонтов познакомился с Виельгорским, видимо, в 1838 г.; Виельгорские в то время жили в доме Яковлева (Жако) на Михайловской площади (ныне пл. Искусств, 5).

...и один гвардейский офицер.— По всей вероятности, здесь речь идет о самом Лермонтове.

...новоприезжая певица подходила к роялю...— Вероятно, Лермонтов имеет в виду Сабину Гейнефеттер (1809—1872); в программе певицы, гастролировавшей в Петербурге начиная с октября 1840 г., были романсы Ф. Шуберта (1797—1828). Концертная деятельность С. Гейнефеттер широко освещалась в прессе. См.: «Северная пчела», 1840, № 238, 21 октября; № 266, 23 ноября; № 271, 28 ноября.

...одна молодая женщина...— Лермонтов имеет в виду А. О. Смирнову (урожд. Россет; 1809—1882), одну из блестящих дам петербургского света, хозяйку литературного салона, который посещали Жуковский, Пушкин, Вяземский, Гоголь, Карамзины. В 1838—1841 гг. там бывал и Лермонтов.

На плече, пришпиленный к голубому банту, сверкал бриллиантовый вензель...— В е н з е л ь — знаки с инициалами императрицы, которые давались фрейлинам. А. О. Смирнова до замужества была фрейлиной императриц — Марии Федоровны, а после ее смерти — Александры Федоровны.

...правильное, но бледное лицо...— Эстетика 1830-х гг. требовала от петербургской светской женщины томной бледности. Ср. в «Маскараде»: «...в Петербурге кто не бледен, право! Одна лишь старая княжна, И то — румяны!» (наст. изд., с. 215).

...и у меня сплин...— Модные среди светской молодежи начала 1820-х годов разочарованность и скука, обозначаемые английским словом «spleen» (см. в «Евгении Онегине» Пушкина), оставались актуальными и в конце 1830-х годов. В 1839 г. газета «Северная пчела» даже поместила ироническую статью «Петербургский сплин», в которой говорилось: «Сплин существует повсюду — и в Париже, и в Пекине, и в Москве, да и в Петербурге,— да и в Петербурге, несмотря на Большой театр с Тальони <...> Сплин! Недуг наших франтов, перемежающаяся лихорадка всех людей без различия, неизле-

чимая боль нынешних 15-летних стариков...» («Северная пчела», 1839, № 282, 15 декабря).

С. 597. ...*В Столярном переулке, у Кокушкина моста...*— Столярный переулок (улица) (ныне ул. Пржевальского) располагался во 2-й Адмиралтейской части Петербурга; Кокушкин мост — мост через Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова) в районе Большой Мещанской улицы (ныне ул. Плеханова).

С. 600. ...*овальные зеркала с рамками рококо.*— Рококо — архитектурный, художественный стиль XVIII в., отличающийся изысканной усложненностью форм.

С. 604. ...*он был готов пустить шандалом в незваного гостя.*— Шандал — подсвечник.

...*я поставлю клюнгер...*— Клюнгер — золотая монета.

У меня в банке вот это!.. Мечите!.. Идет темная... она (семерка бубен.— *Ред.*) *соника была убита... Еще талью!* — При игре в штосс один из игроков (понтер) ставит деньги на карту (держит *банк*), второй (банкомет) *мечет* карты из другой колоды на две кучки. Выигрыш зависит от того, на какую сторону ложится карта, подобная той, на которую поставлены деньги: направо — достается понтеру; налево — банкомету. *«Темные»* карты на шулерском языке — карты с разного рода отметками (обыкновенные карты назывались «чистыми»). *Соника* — сразу выигрыш или проигрыш по первому вскрытию карты; *убитая* карта — проигравшая; *талия* — один промет всей колоды, до конца или до срыва банка.

С. 605. ...*бросил было на стол два полуимпериала.*—Полуимпериал — российская золотая монета до денежной реформы 1897 г. достоинством в 5 рублей.

С. 606. ...*я должен знать, с кем играю! Как ваша фамилия?..— Что-с? — проговорил неизвестный, насмешливо улыбаясь.— Штос? кто? — У Лугина руки опустились: он испугался.*— Этот ключевой каламбур повести имеет в своей основе взволновавшую столицу в декабре 1839 г. историю о бедной гувернантке Е. И. Штосс, которая благодаря выигрышу в лотерее стала обладательницей огромного состояния. Любопытно, что, рассказывая об этом в своем письме к родным, П. А. Вяземский, сетуя на судьбу, оказавшуюся к нему неблагосклонной, тоже обыграл фамилию счастливой обладательницы выигрыша: «А большой выигрыш в 400 000 рублей <...> выиграла <...> какая-то бедная девица Штосс, а я-то что-с?»

Панорама Москвы (с. 608).— Датируется 1834 г.; представляет собой сочинение, выполненное по заданию преподавателя русской словесности в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров Василия Тимофеевича Плаксина (1795—1869), ав-

тора «Краткого курса словесности, приспособленного к прозаическим сочинениям» (СПб., 1832).

С. 608. *...на вершине Ивана Великого...* — Имеется в виду колокольня «Иван Великий» в Московском Кремле (1505—1508; 1600; архитектор — Фрязин) высотой 81 м (в XVII—XIX вв. — самое высокое здание в Москве). Возможно, Лермонтову была знакома напечатанная в «Московском телеграфе» (1830, № 17, с. 149—157) статья «Письма о Москве» (колонтитул — «Панорама Москвы»), автор которой использовал тот же прием описания города: «...в Москве есть точка, с которой панорама Москвы расстилается в живых образах <...> мы взошли на Ивана Великого...»

Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа... — Эти строки — свидетельство внимания Лермонтова к характерным для его времени спорам о Москве и Петербурге (см. также поэму «Сашка» и повесть «Княгиня Лиговская», наст. изд., т. I, с. 460, т. II, с. 416—417). Содержащийся в сочинении Лермонтова апофеоз древней русской столицы противостоит официальной точке зрения, отдающей предпочтение Петербургу.

С. 609. *...правее Петровского замка...* — Петровский дворец был построен в 1776—1796 гг. на месте бывшего владения Высокопетровского монастыря сельца Петровского (архитектор М. Ф. Казаков). Современный адрес — Ленинградский проспект, 40).

...фантастическая громада — Сухарева башня <...> имя Петра начертано на ее мшистом челе! — Построена по приказу Петра I в 1692—1695 гг. архитектором М. И. Чоглоковым недалеко от Стрелецкой слободы, где размещался полк Л. П. Сухарева. В 1934 г., когда шли работы по реконструкции Большой и Малой Колхозной площадей, башня была разобрана.

...возвышается Петровский театр... — Петровский театр был построен в 1780 г. на улице Петровке архитектором Розбергом. В 1805 г. здание сгорело; через 20 лет на том же месте был открыт вновь построенный театр (архитекторы О. И. Бове, А. А. Михайлов).

...бесчисленные куполы церкви Василия Блаженного... — Собор был построен в 1555—1561 г. в честь победы над Казанским ханством (зодчие Барма и Постник). Состоит из нескольких церквей, объединенных общим основанием, галереей и внутренними переходами.

С. 610. *...все так шумно, живо, непокойно!* — В этой строке перефразированы строки из пушкинских «Цыган» (1824): «Но все так живо-неспокойно...»

С. 611. *...между коими Симонов примечателен...* — Симонов монастырь (мужской) был основан в 1379 г. во владениях боярина С. В. Ховрина (инока Симона) на левом берегу реки Москвы. Часть

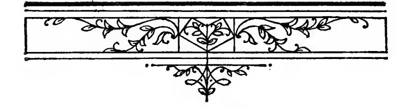
монастырских построек была разобрана в 1930-х годах; на нх месте был построен Дворец культуры завода им. Лихачева (Восточная ул., 4).

...против Тайницких ворот...— Тайницкая башня Кремля (проездная) была сооружена в 1485 г. архитектором Фрязиным. Свое иазванне башия получнла от построеиного в ней тайиика-колодца. В 1930 г. он был засыпаи, ворота заложеиы.

...будучи построена после французов...— При отступлении фраицузской армин нз Москвы по распоряжению Наполеоиа 11 октября 1812 г. была взорваиа часть Московского Кремля. Башин, стеиы н другие сооружения были восстановлены в 1816—1819 гг. (архитектор О. И. Бове).

...силуэты Алексеевского монастыря...— Женский Алексеевский монастырь был осиоваи во 2-й половнне XIV в. по иинициативе митрополита Алексея. С XVI в. располагался на берегу реки Москвы (ныие иа этом месте бассейн «Москва»). В 1838 г. монастырь был переведеи в Красиое село.

...блещут верхи Донского монастыря...— Мужской Доиской монастырь был осиован в 1591 г. в ознаменование победы иад крымскнм хаиом Кази-Гиреем — на том месте, где располагалось русское войско; там же находилась походная церковь с нконой Доиской божьей матери. С 1964 г. в бывшем Донском монастыре помещается филиал иаучио-исследовательского Музея архитектуры им. А. В. Щусева.



ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

1814

Октябрь, в ночь со 2-го на 3-е. В Москве (в доме генерал-майора Ф. Н. Толя напротив Красных ворот) в семье капитана Юрия Петровича Лермонтова и Марии Михайловны, рожденной Арсеньевой, родился Михаил Юрьевич Лермонтов.

Конец года или весна 1815 (не позднее первой половины апреля). Из Москвы Лермонтовы вместе с Е. А. Арсеньевой переехали в Тарханы, Чембарского уезда, Пензенской губернии. В Тарханах (ныне село Лермонтово) прошли детские годы М. Ю. Лермонтова.

1816—1817

Зима, не позднее февраля. «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал... Ее певала мне покойная мать» (запись Лермонтова 1830 года).

1817

Февраль 24. Умерла Мария Михайловна Лермонтова, мать поэта. «Житие ей было: 21 год 11 месяцев 7 дней» — надпись на могильной плите в Тарханах.

Март 5. Юрий Петрович Лермонтов уехал из Тархан в Кропотово, оставив сына на попечение Е. А. Арсеньевой.

1818

Первая половина года (до мая). Лермонтов с Е. А. Арсеньевой в Пензе.

1819—1820

Не ранее июля 1819. Лермонтов с бабушкой был в Москве и видел оперу «Невидимка» (т. е. «Киязь Невндимка, илн Личардаволшебник» —опера в 4 действиях, слова Е. Лифаиова, музыка К. А. Кавоса).

1820

Лето. Поездка Лермонтова с Е. А. Арсеньевой на Кавказские мннеральные воды к Е. А. Хастатовой.

1821

Март. Лермонтов и Е. А. Арсеиьева в Тарханах.

1825

Лето. Лермонтов с Е. А. Арсеньевой иа Кавказе, в Горячеводске.

Лето. Первая любовь Лермонтова. «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, нмея 10 лет от роду? Мы былн большим семейством на водах Кавказских: бабушка, тетушки, кузины. К моим кузииам приходила одиа дама с дочерью, девочкой лет 9. Я ее видел там. Я не помию, хороша была она или иет. Но ее образ и теперь еще хранится в голове моей». (Запись Лермонтова от 8 июля 1830 года).

Декабрь, 20-е числа. До Тархан дошли первые известия о восстаиии иа Сенатской площади в Петербурге.

1826

Середииа января. До Тархаи дошли первые известия о восстании Черниговского полка иа Украине.

1827

Конец лета. Двенадцатилетний Лермонтов гостит в отцовской деревне Кропотово Ефремовского уезда Тульской губ.

Осень. Лермонтов с Е. А. Арсеньевой переехал в Москву. Он часто бывал в доме дальнего родственника П. А. Мещеринова (в Пушкарском переулке на Сретенке) и подружился с его сыновьями Владимиром, Афанасием и Петром. Начало занятий Лермонтова с домашним учителем А. З. Зиновьевым.

Осень. Первое дошедшее до нас письмо Лермонтова из Москвы к тетке Марии Акимовне Шан-Гирей о занятиях с учителями и о посещении Московского театра, где он слушал оперу «Князь Невидимка».

1828

Весна. Лермонтов с Е. А. Арсеньевой жил в Москве на Поварской улице (ныне ул. Воровского, 24).

Летом Е. А. Арсеньева с внуком была в Тарханах. Там написана первая поэма Лермонтова «Черкесы», на копии которой рукой Лермонтова сделана надпись: «В Чембаре за дубом».

Август. В дом Е. А. Арсеньевой к Лермонтову приглашен гувернер-француз Жан Пьер Келлет-Жандро.

Сентябрь 1. Лермонтов зачислен полупансионером в четвертый класс в Московский университетский благородный пансион.

Осень. Лермонтов с Е. А. Арсеньевой переехал с Поварской на Малую Молчановку в дом Чернова (ныне № 2). В соседстве жило семейство Лопухиных: отец, три дочери (Мария, Варвара и Елизавета Александровны) и сын Алексей, с которым Лермонтов впоследствии был очень дружен.

Декабрь 13—20. Экзамены. Лермонтов переведен из четвертого класса в пятый; за успешные занятия получил два приза: книгу и картину.

Около 21 декабря. Письмо Лермонтова к тетке М. А. Шан-Гирей об экзаменах в пансионе, о приезде отца, об учителях. К письму приложено стихотворение «Поэт».

1828. Лермонтовым датированы: «Осень», «Заблуждение Купидона», «Цевница», «Кавказский пленник», «Корсар».

К 1828 г. Лермонтов относит начало своей поэтической деятельности: «Когда я начал марать стихи в 1828 году, я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они еще теперь у меня» (запись 1830 г.).

1829

Начало января. В Москве широко обсуждается судебный процесс и приговор по делу французского поэта Беранже. Это событие, возможно, послужило поводом для написания Лермонтовым стихотворения «Веселый час».

Февраль 19. Экзамены в Московском университетском благородном пансионе.

Март 5. Подписан билет на выпуск из типографии альманаха Московского университетского благородного пансиона: «Цефей. Альманах на 1829 год. Москва». В этом альманахе под псевдонимом, возможно, опубликованы первые литературные опыты Лермонтова.

Весна. Письмо Лермонтова из Москвы к М. А. Шан-Гирей, в котором он пишет о приближении вакаций. Говоря о Московском театре, Лермонтов восторгается игрой П. С. Мочалова.

Апрель 6. Торжественное собрание в Московском университетском благородном пансионе по случаю девятого выпуска в присутствии поэта И. И. Дмитриева и других почетных гостей. На собрании среди отличившихся младших воспитанников был назван и Михаил Лермонтов.

Лето Лермонтов с Е. А. Арсеньевой проводят в имении Е. А. Столыпиной Серединково под Москвой.

Декабрь 12—20. Экзамены воспитанников Московского университетского благородного пансиона в языках и науках.

Декабрь 21. В Московском университетском благородном пансионе за экзаменами следовало испытание в искусствах. Лермонтов играл на скрипке аллегро из Маурерова концерта.

1829. Первая редакция «Демона».

1830

Начало года. Вторая редакция «Демона».

Вторая половина января. Лермонтов после зимних вакаций приступил к занятиям в пансионе.

Конец февраля — начало апреля. В автографе «Джюлио» Лермонтовым обозначено: «Повесть. 1830 год».

Март 11. Московский университетский благородный пансион посетил Николай I. Он появился без предупреждения, без свиты; при входе его встретил только старый сторож. Была перемена, и в коридоре император оказался среди бушевавшей толпы пансионеров. Николай I был неприятно поражен вольными порядками пансиона.

Март 29. По указу Сената Благородные пансионы при Московском и С.-Петербургском университетах преобразованы в гимназии.

Март 29. Среди выпускников шестого класса, награжденных книгами, первым отмечен Михайла Лермонтов.

Апрель 16. Выдано свидетельство из Благородного пансиона «Михаилу Лермонтову в том, что он в 1828 году был принят в пансион, обучался в старшем отделении высшего класса разным языкам, искусствам и преподаваемым в оном нравственным, математическим и словесным наукам... с весьма хорошими успехами; ныне же по прошению его от пансиона с сим уволен».

Вторая половина апреля — начало мая. Лермонтов вместе с Е. А. Арсеньевой переехал на лето из Москвы в Середниково.

Май 16. Датировано стихотворение «Боюсь не смерти я. О нет!».

Июль 10. Датировано стихотворение «Опять вы гордые восстали...».

Июль 11. Датировано стихотворение «Между лиловых облаков...».

Июль 15. Датировано стихотворение «Зачем семьи родной безвестный круг...».

Июль 18/30. Революция во Франции. Этим числом по новому стилю озаглавлено стихотворение Лермонтова «30 июля. (Париж) 1830 года», написанное в первой половине августа.

Август 12. Датированы стихотворения «Благодарю» и «К Сушковой» («Вблизи тебя до этих пор...»).

Август 13. Лермонтов в сопровождении Е. А. Арсеньевой, Е. А. Сушковой и своих кузин отправился из Середникова в Москву.

Август 15. Датировано стихотворение «Чума в Саратове».

Август 17. Лермонтов вместе с Е. А. Арсеньевой и своими кузинами пришел на богомолье в Троице-Сергиеву лавру, где написал стихотворение «Нищий».

Август 26. Датировано стихотворение «Стансы» («Взгляни, как мой спокоен взор...»).

Август 28. Датировано стихотворение «Ночь» («Один я в тишине ночной...»).

Август. Датировано стихотворение «Чума» («Два человека в этот страшный год...»).

Сентябрь 1. По решению правления Московского университета Лермонтов после сдачи необходимых экзаменов принят на Нравственно-политическое отделение.

Сентябрь. Лермонтов с Е. А. Арсеньевой остаются в Москве, оцепленной военными кордонами в связи с распространившейся в городе эпидемией холеры.

Сентябрь. В журнале «Атеней» (1830, ч. IV) напечатано стихотворение Лермонтова «Весна» («Когда весной разбитый лед...») — цензурное разрешение получено 10 мая. Это первое известное нам появление стихотворения Лермонтова в печати.

Октябрь 1. Датировано стихотворение «Свершилось! полно ждать...». В этот же день написано стихотворение «Итак, прощай! Впервые этот звук...».

Октябрь 3. Перед зачеркнутым текстом стихотворения «Сыны снегов, сыны славян...», рядом с заглавием «Новгород», дата: «3 октября 1830».

Октябрь 4. Датировано стихотворение «Глупой красавице» («Амур спросил меня однажды...»).

Октябрь 5. Датировано стихотворение «Могила бойца».

Октябрь 9. Датировано стихотворение «Смерть» («Закат горит огнистой полосою...»).

1830. Озаглавлена тетрадь «Разные стихотворения. (1830 год)». В этой тетради 1830-м годом датированы стихотворения: «(В Воскресенске) (Написано в стенах пустыни жилища Никона) 1830 года»; «Кладбище (На кладбище написано) 1830»; «К***» («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...») и «Дереву».

1830. Датирована драма «Menschen und Leidenschaften».

1831

Январь. Датировано стихотворение «Редеют бледные туманы...».

Первая половина февраля. Письмо Лермонтова к М. А. Шан-Гирей, в котором он «вступается за честь Шекспира» и сообщает, что в Москве «довольно весело: почти каждый вечер на бале. Но великим постом я уже совсем засяду. В университете все идет хорошо».

Март 16. Студенты Московского университета выгнали из аудитории реакционного профессора М. Я. Малова.

Март 23. Дата на стихотворении Лермонтова в альбом Н. И. Поливанову «Послушай! вспомни обо мне». Сбоку приписка рукою Н. Поливанова с поправками Лермонтова: «Москва. Михайло Юрьевич Лермонтов написал эти строки в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью, когда, вследствие какой-то университетской шалости, он ожидал строгого наказания. Н. Поливанов».

Начало июня. Лермонтов гостил несколько дней под Москвой в семье московского драматурга Ф. Ф. Иванова. В одну из его дочерей — Наталью Федоровну — Лермонтов был влюблен.

Июнь 11. Датировано стихотворение «Моя душа, я помню, с детских лет...».

Июль 17. Кончена драма «Странный человек».

Июль 29. Приписка к стихотворению «Желание» («Зачем я не птица, не ворон степной...») — «Средниково. Вечер на бельведере».

Август 7. Датировано стихотворение «Блистая пробегают облака...». Приписка: «В деревне на холме; у забора».

Вторая половина августа — октябрь. Под впечатлением от романа И. И. Лажечникова «Последний Новик» Лермонтов написал стихотворение «Из Паткуля» («Напрасно врагов ядовитая злоба...»).

Сентябрь 4. Лермонтов посвятил А. М. Верещагиной поэму «Ангел смерти».

Сентябрь 10 — декабрь 23. В Московском университете по классу английского языка лектором английской словесности Эдуардом Гарве «В классе литературы читаны с критическим разбором и объяснениями отрывки из лорда Байрона, Вальтер-Скотта и Томаса

Мура». Лермонтов получил по английской литературе высший в то время балл — 4.

Сентябрь 28. Датировано стихотворение «Опять, опять я видел взор твой милый...».

Октябрь 1. Юрий Петрович Лермонтов умер от чахотки в Кропотове, Ефремовского уезда, Тульской губернии, сорока четырех лет от роду.

Ноябрь 1—2. Начало знакомства Лермонтова с В. А. Лопухиной, приехавшей из тульского имения.

Декабрь 31. Новогодние мадригалы и эпиграммы Лермонтова на маскараде в Благородном собрании. Лермонтов явился на маскарад в костюме «астролога» с огромною «книгою судеб» под мышкой.

1832

Май 10. Датирована поэма «Измаил-Бей».

Июнь 6. Прошение Лермонтова об увольнении принято Правлением Московского университета. На оборотной стороне прошения помечено: «Приказали означенного студента Лермонтова, уволив из Университета, снабдить надлежащим о учении его свидетельством». Свидетельство было выдано Лермонтову 18 июня.

Июль. Датированы стихи «Я жить хочу! хочу печали...».

Июль — начало августа. Лермонтов вместе с Е. А. Арсеньевой выехали из Москвы в Петербург.

Июль — начало августа. Проездом в Петербург Лермонтов в Новгороде написал стихотворение «Приветствую тебя, воинственных славян святая колыбель...».

Август 28. Письмо Лермонтова из Петербурга к М. А. Лопухиной о болезни бабушки, впечатлениях от петербургского общества, о работе над романом («Вадим»); в письме стихи «Для чего я не родился...» и «Конец! как звучно это слово!..».

Сентябрь. После переезда в Петербург Лермонтов подружился со Святославом Афанасьевичем Раевским.

Сентябрь 2. Письмо Лермонтова М. А. Лопухиной со стихами «Белеет парус одинокий...».

Октябрь, вторая половина. Письмо Лермонтова М. А. Лопухиной о предстоящем поступлении его в военную школу. В письме стихи «Он был рожден для счастья, для надежд...».

Ноябрь 4. Лермонтов держит экзамены в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Ноябрь 14. Отдан приказ по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров о зачислении Лермонтова в Школу на правах вольноопределяющегося унтер-офицера лейб-гвардии Гусарского полка.

Ноябрь 26 или 27. Несчастный случай с Лермонтовым в манеже: одна из лошадей расшибла ему до кости ногу ниже колена.

1833

Середина апреля. Лермонтов после болезни вернулся в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Июнь 8. Лермонтов выдержал экзамен в первый (старший) класс Школы.

Июнь 20 — июль 26. Лермонтов находился в летнем лагере Школы под Петергофом.

Август 4. Письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной о жизни в лагере.

1834

Начало года. Лермонтов принимает участие в рукописном журнале юнкеров «Школьная заря». Здесь были помещены «Гошпиталь», «Петергофский праздник», «Уланша» и другие «юнкерские» стихотворения.

Начало года. Друг и родственник Лермонтова Аким Павлович Шан-Гирей переехал из Москвы в Петербург для поступления в Артиллерийское училище и поселился в доме Е. А. Арсеньевой, где часто встречался с Лермонтовым.

Первая половина года. По заданию преподавателя русской словесности В. Т. Плаксина Лермонтов написал «Панораму Москвы».

Июнь 5. Публичные экзамены в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Июнь 22. Выступление Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в лагерь под Петергофом.

Август, начало. Возвращение Школы в Петербург.

Ноябрь 22. Лермонтов высочайшим приказом произведен по экзамену из юнкеров в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка.

Декабрь 4. Встреча Лермонтова с Е. А. Сушковой на балу. Разговор с нею об А. А. Лопухине. Лермонтов впервые в гусарском мундире.

Декабрь. Встречи Лермонтова с Е. А. Сушковой.

1832—1834 гг. Работа над романом из времен крестьянского восстания под водительством Пугачева «Вадим».

1835

Январь — февраль. Разрыв Лермонтова с Е. А. Сушковой.

Весной Е. А. Арсеньева уехала из Петербурга в Тарханы.

Май. В. А. Лопухина в Москве вышла замуж за Н. Ф. Бахметева.

Июль, последние числа — начало августа. Вышла в свет августовская книжка «Библиотеки для чтения», где напечатана поэма Лермонтова «Хаджи-Абрек». Цензурное разрешение получено 30 июня.

Октябрь. Лермонтов представил «Маскарад» (трехактную редакцию) в драматическую цензуру.

Ноябрь 8. На докладе цензора Е. Ольдекопа по поводу первой редакции драмы Лермонтова «Маскарад» помечено: «Возвращена для нужных перемен».

Первая половина декабря. Лермонтов закончил четвертый акт «Маскарада» (вторая редакция драмы) и поручил С. А. Раевскому снова представить «Маскарад» в драматическую цензуру.

Конец декабря. С. А. Раевский передал директору императорских театров А. М. Гедеонову письмо Лермонтова вместе с текстом четырехактной редакции «Маскарада».

20-е числа декабря. Получив 20 декабря отпуск из полка, Лермонтов проездом задержался в Москве.

Декабрь 31. Лермонтов приехал в Тарханы.

1836

Январь. Отзыв цензора Е. Ольдекопа на четырехактную редакцию «Маскарада».

Январь 16. Письмо Лермонтова к С. А. Раевскому из Тархан в Петербург. Лермонтов сообщает о работе над четвертым актом новой драмы («Два брата»), «взятой из происшествия, случившегося в Москве». Тут же он спрашивает, пропустила ли цензура «Арбенина» (вторую редакцию «Маскарада»).

Февраль 2. Датировано стихотворение «Умирающий гладиатор».

Март, вторая половина. Лермонтов «на лицо в полку» (Царское Село).

Март 30 или 31. Лермонтов гостил в Петербурге у Никиты Васильевича Арсеньева (в Коломне за Никольским мостом). Здесь его видел М. Н. Лонгинов, с которым Лермонтов провел вечер и которому показывал рукопись «Маскарада».

Апрель, последние числа — начало мая. Письмо Лермонтова к Е. А. Арсеньевой в Москву о том, что квартира нанята «на Садовой улице в доме князя Шаховского за 2000 рублей...» (ныне Садовая ул, дом 61).

Май — июнь. Лермонтов болел и получил разрешение уехать на Кавказские воды, которым не воспользовался.

Середина августа. Поездка Лермонтова с Аркадием Алексеевичем Столыпиным (Монго) из села Копорского около Царского Села на Петергофскую дорогу на дачу Моисеева к жившей там балерине Екатерине Егоровне Пименовой. Приключение, описанное в сентябре в поэме «Монго».

Октябрь 28. Запрещена представленная Лермонтовым в драматическую цензуру пятиактная драма «Маскарад» под заглавием «Арбенин».

Декабрь 24. Лермонтов «заболел простудою».

Осень или зима. Знакомство Лермонтова через С. А. Раевского с А. А. Краевским.

1836 — начало 1837 года. Работа над романом «Княгиня Лиговская».

1837

Январь 27. Около 5 часов пополудни за Комендантской дачей на Черной речке в окрестностях Петербурга состоялся поединок Пушкина с Дантесом. В 6 часов вечера смертельно раненный Пушкин привезен в свою квартиру в доме кн. Волконской на Мойке. В тот же вечер по городу распространился слух о смерти Пушкина.

Январь 28. Лермонтов написал первые 56 стихов стихотворения «Смерть Поэта».

Январь 29. В 2 часа 45 минут пополудни смерть Пушкина. «Стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми» (И. И. Панаев).

Февраль 7. Лермонтов написал заключительные 16 стихов стихотворения «Смерть Поэта» («А вы, надменные потомки...»).

Февраль 18. Лермонтов арестован и помещен в одной из комнат верхнего этажа Главного штаба.

Февраль 19 или 20. Записка шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа Николаю I о стихотворении «Смерть Поэта» и о том, что генералу Веймарну поручено допросить поэта и обыскать его квартиры в Петербурге и в Царском Селе.

Резолюция Николая I: «...старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина я удостовериться, не помешан ли он...»

Февраль 20. У Лермонтова и С. А. Раевского сделан обыск.

Февраль 22. «Объяснение корнета лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтова» по поводу стихов на смерть Пушкина.

Как утверждает А. П. Шан-Гирей, под арестом к Лермонтову пускали только камердинера, приносившего обед. Лермонтов велел завертывать хлеб в серую бумагу, и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько пьес, а именно: «Когда волнуется желтеющая нива...», «Я, матерь божия, ныне с молит-

вою...», «Кто б ни был ты, печальный мой сосед...», и переделал старую пьесу «Отворите мне темницу...», прибавив к ней последнюю строфу: «Но окно тюрьмы высоко...».

Февраль 23. Началось дело «О непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым и о распространении оных губернским секретарем Раевским».

Февраль 25. Военный министр Чернышев отношением за № 100 сообщил А. Х. Бенкендорфу высочайшее повеление: «Л.-гвардии Гусарского полка, корнета Лермонтова, за сочинение известных вашему сиятельству стихов, перевесть тем же чином в Нижегородский драгунский полк: а губернского секретаря Раевского за распространение стихов и в особенности за намерение тайно доставить сведение корнету Лермонтову о сделанном им показании, выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу,— по усмотрению тамошнего гражданского губернатора».

Февраль, после 27. Лермонтова отпустили домой проститься. Записка Лермонтова к С. А. Раевскому.

Март, первые числа. К Лермонтову, находившемуся под домашним арестом, приезжал А. А. Краевский и говорил с ним о деле С. А. Раевского. Вторая записка Лермонтова к С. А. Раевскому.

Март, первая половина. Письмо С. А. Раевского к Лермонтову из крепости. Ответное письмо Лермонтова, в котором он сообщает о хлопотах о смягчении участи Раевского.

Март 19. Лермонтов выехал из Петербурга в ссылку на Кавказ через Москву.

Март 23. Лермонтов приехал в Москву.

Весна (скорей всего в начале апреля, в Москве). Два варианта эпиграммы на Ф. В. Булгарина «Россию продает Фадей...».

Апрель 10. Лермонтов выехал из Москвы на Кавказ.

Вторая половина апреля — первые числа мая. Лермонтов приехал в Ставрополь, «простудившись дорогой».

Май 2. Цензорами А. Крыловым и С. Куторгой разрешен «Современник», т. VI, № 2, в котором помещено стихотворение Лермонтова «Бородино».

Май 13. Находясь в Ставрополе, Лермонтов подал в штаб войск на Кавказской линии и в Черномории рапорт «об освидетельствовании болезни его». Помещен сначала в ставропольский военный госпиталь, затем переведен в пятигорский госпиталь для лечения минеральными водами.

Май 31. Письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной из Пятигорска.

Июль 13. Письмо Е. А. Арсеньевой к вел. кн. Михаилу Павловичу с просьбой ходатайствовать «о всемилостивейшем прощении внука».

Июль 16. Лермонтов ездил из Пятигорска в Железноводск.

Июль 18. Письмо Лермонтова к Е. А. Арсеньевой из Пятигорска: сообщает о причислении его к эскадрону Нижегородского драгунского полка в Анапе, жалуется на плохую погоду и просит прислать денег.

Лето. В Пятигорске Лермонтов встретился с Н. М. Сатиным, с которым был знаком еще по пансиону, Белинским, доктором Н. В. Майером и семейством Н. С. Мартынова.

Лето. С конца мая до 5—10 августа Лермонтов находился в Пятигорске, после этого продолжал лечение в Кисловодске.

Первая половина сентября. С Кавказских минеральных вод через Ставрополь и укрепление Ольгинское Лермонтов выехал в Тамань, чтобы оттуда отправиться в Анапу или Геленджик, где находился отряд ген. Вельяминова, готовившийся к встрече Николая I. Вынужденная задержка в Тамани.

Сентябрь 29. Лермонтов вернулся из Тамани в укрепление Ольгинское, где получил предписание отправиться в свой полк в Тифлис. В Ольгинском, по-видимому, произошла встреча с Н. С. Мартыновым, которому Лермонтов должен был доставить пакет с письмами и деньгами от родных Мартынова из Пятигорска.

Октябрь 5. Н. С. Мартынов из Екатеринодара пишет отцу: «Триста рублей, которые вы мне послали через Лермонтова, получил: но писем никаких, потому что его обокрали в дороге, и деньги эти, вложенные в письмо, также пропали; но он, само собой разумеется, отдал мне свои».

Октябрь, до 22 числа. По пути в Тифлис Лермонтов задержался в Ставрополе. Здесь он бывал в доме своего родственника, начальни-

ка Штаба Кавказской линии и в Черномории генерал-майора П. И. Петрова, встречался с Н. М. Сатиным и доктором Н. В. Майером. Через Сатина и Майера поэт познакомился с сосланными на Кавказ декабристами С. Кривцовым и В. Голицыным, а быть может, и с прибывшими из Сибири в первых числах октября А. И. Одоевским и А. И. Черкасовым.

Октябрь 10. На Дидубийском поле под Тифлисом Николай I произвел смотр войсковым частям Кавказского корпуса, среди которых были четыре эскадрона Нижегородского драгунского полка, найденные царем в отличном состоянии. В это время Лермонтов находился еще в Ставрополе, но смотр Нижегородского полка под Тифлисом, по словам историка полка В. Потто, косвенным образом повлиял на судьбу Лермонтова.

Октябрь 11. В Тифлисе отдан высочайший приказ по кавалерии о переводе «прапорщика Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк корнетом».

Октябрь 21. Запись в дневнике Жуковского: «Пребывание в Новочеркасске. Прибытие государя в $^{1}/_{2}$ 11. Его коротенькая и выразительная речь в круге, окруженном знаменами и регалиями атаманскими... Обед за маршальским столом. Рассказы о опасности государя <катастрофа в Тифлисе на Верейском спуске>. Прощение Лермонтова. Почему Бенкендорф упомянул обо мне?».

Конец октября — ноябрь. Лермонтов, направляясь в Нижегородский драгунский полк, в котором все еще продолжал числиться до 25 ноября, «переехал горы», а затем в Закавказье «был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии».

Ноябрь. В Закавказье Лермонтов сдружился с поэтом-декабристом А. И. Одоевским.

Ноябрь. Запись Лермонтова: «Я в Тифлисе у Петр. Г.— ученый татар. Али и Ахмед...» и т. д.

Ноябрь 6. Письмо Е. А. Мартыновой из Москвы к сыну Н. С. Мартынову, в котором она сетует на пропажу писем, посланных с Лермонтовым, и обвиняет Лермонтова в том, что эти письма он будто бы вскрыл и прочел.

Ноябрь. Лермонтов записал сказку «Ашик-Кериб».

Вторая половина ноября — первая половина декабря. Письмо Лермонтова к С. А. Раевскому о странствованиях по Кавказу и Закавказью.

Начало декабря. На пути из Тифлиса во Владикавказ написано стихотворение «Спеша на север из далека...».

Около 10 декабря. Лермонтова, приехавшего по Военно-Грузинской дороге во Владикавказ из Тифлиса, видел в заезжем доме В. В. Боборыкин.

Декабрь 14. Запись в дневнике неизвестного кавказского офицера: «14. В Прохладной встретил я Лермонтова, едущего в С.-Петербург».

Вторая половина декабря. Возможный заезд Лермонтова в имение его родственника А. А. Хастатова Шелковое на Тереке, неподалеку от Кизляра.

Вторая половина декабря. По пути в Петербург Лермонтов останавливался в Ставрополе. Встречи с П. И. Петровым, Н. М. Сатиным, Н. В. Майером и сосланными декабристами.

1838

Январь 3. Лермонтов прибыл с Кавказа в Москву.

Январь, вторая половина. Лермонтов приехал в Петербург.

Февраль 15. Письмо Лермонтова М. А. Лопухиной: «Первые дни после приезда прошли в непрерывной беготне: представленья, парадные визиты — вы знаете; да еще каждый день ездил в театр... Я был у Жуковского и отнес ему, по его просьбе, «Тамбовскую казначейшу»; он повез ее Вяземскому, чтобы прочесть вместе; сие им очень понравилось». К письму приложено стихотворение «Молитва странника».

Февраль 16 или несколькими днями позже. Отъезд Лермонтова из Петербурга в Новгородскую губернию, в первый округ военных поселений, в распоряжение штаба лейб-гвардии Гродненского гусарского полка.

Февраль 26. Лермонтов прибыл в л.-гв. Гродненский гусарский полк. Явившись к командиру полка князю Д. Г. Багратиону, он получил назначение состоять в четвертом эскадроне, которым коман-

довал К. Войнилович. Лермонтов поселился вместе с Н. А. Краснокутским в доме для холостых офицеров.

Март 3 и ночь на 4 марта. Лермонтов принимал участие в проводах М. И. Цейдлера, откомандированного из л.-гв. Гродненского гусарского полка в отдельный Кавказский корпус. Экспромт «Русский немец белокурый едет в дальнюю страну...».

Март 24. По ходатайству Е. А. Арсеньевой А. Х. Бенкендорф сделал представление через военного министра А. И. Чернышева о переводе Лермонтова в л.-гв. Гусарский полк.

Март — первая половина апреля. Н. А. Краснокутский, с которым Лермонтов жил под Новгородом в Селищенских казармах, сделал подстрочный перевод крымского сонета А. Мицкевича «Вид гор из степей Козлова», и Лермонтов тогда же сделал вольный перевод этого стихотворения под тем же заглавием.

Апрель 9. Опубликован высочайший приказ о переводе Лермонтова в л.-гв. Гусарский полк.

Апрель 18. Лермонтов подал рапорт о болезни и некоторое время еще оставался в л.-гв. Гродненском гусарском полку.

Апрель 24—25. Лермонтов возвратился в Петербург.

Апрель 30. Вышел № 18 «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», где за подписью «-въ» была напечатана «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Май 14. Лермонтов прибыл в л.-гв. Гусарский полк, расквартированный в Софии под Царским Селом.

Июнь 8. Письмо Лермонтова к С. А. Раевскому, в котором он сообщает, что роман «Княгиня Лиговская» «затянулся и вряд ли кончится».

Июнь, около 20. Проездом в Гапсаль (близ Ревеля) остановилась в Петербурге Варвара Александровна Бахметева, рожденная Лопухина. Последнее свидание с нею Лермонтова и А. П. Шан-Гирея.

Июль 1. Цензоры А. Никитенко и В. Лангер разрешили «Современник», т. XI, № 3, где в отд. VIII без подписи автора напечатана «Казначейша».

Июль 4. Письмо декабриста Н. А. Бестужева из Петровского завода к брату Павлу в Петербурге: «Недавно прочли мы в прило-

женни к Инвалиду С к а з к у о к у п е ч е с к о м с ы н е К а л а ш н и к о в е. Это превосходная маленькая поэма. Вот так должно подражать Вальтер Скотту, вот так должно передавать народность и ее историю! Ежели тебе знаком этот ...въ, объяви нам эту литературную тайну. Еще просим тебя сказать: кто и какой Лермонтов написал «Бородинский бой»?»

Август, конец. Знакомство Лермонтова с семейством Карамзиных. Первое посещение Карамзиных в Царском Селе по приглашению вдовы Н. М. Карамзина — Екатерины Андреевны и его дочери Софьи Николаевны.

Сентябрь 2 и 5. Посещение Лермонтовым Карамзиных.

Сентябрь 8. На обложке копии «Демона» дата рукой Лермонтова: «1838 года сентября 8 дня» (на так называемом Лопухинском списке).

Сентябрь 22. Лермонтова по приказанию вел. кн. Михаила Павловича за очередную гусарскую шалость (появление на параде со слишком короткой саблей) посадили под арест. Находясь на Царскосельской гауптвахте, Лермонтов написал маслом картину «Вид Кавказа» в подарок А. М. Хюгель (Верещагиной).

Октябрь 10. Лермонтов освобожден из-под ареста.

Октябрь 11. Лермонтов, С. Н. Карамзина и С. Д. Абамелек по железной дороге приехали из Царского Села в Петербург.

Октябрь 29. В узком кругу друзей у Карамзиных Лермонтов читает «Демона».

Ноябрь 3. Лермонтов вместе с А. О. Смирновой (Россет) провел вечер у Карамзиных.

Ноябрь, первая половина. Е. А. Сушкова вышла замуж за дипломата А. В. Хвостова, на этой свадьбе Лермонтов был шафером.

Осень и начало зимы. Лермонтов почти ежедневно бывает у Карамзиных. Кроме того, он посещает Валуевых, Репниных, Озеровых, М. А. Щербатову, В. Ф. Одоевского, появляется на балах в Царском Селе и в Павловске.

В письме из Петербурга в Москву к М. А. Лопухиной он сообщает, что ему трижды отказали в отпуске, рассказывает о своих успехах в «большом свете» и замечает, что нигде нет столько пошлого и смешного, как там.

Декабрь 4. Лермонтов закончил работу над новой редакцией поэмы «Демон».

Декабрь 7. С. А. Раевскому дозволено продолжать службу на общих основаниях.

Декабрь. Е. А. Арсеньева пишет А. М. Хюгель (Верещагиной): «Любезная Александра Михайловна, посылаю Вам для новорожденного дитяти баюкашную песню, отгадать не трудно, чье сочинение» (имеется в виду «Казачья колыбельная песня»).

1839

Январь 1. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. I, № 1, в котором в отд. III за подписью «М. Лермонтов» было напечатано стихотворение «Дума».

Январь 22. Лермонтов в Аничковом дворце в присутствии императорской фамилии был гостем на свадьбе А. Г. Столыпина, как родственник со стороны жениха.

Февраль 1. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. II, № 2, где в отд. III напечатано за подписью «М. Лермонтов» стихотворение «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...»).

Февраль, начало. Лермонтов закончил последнюю редакцию поэмы «Демон».

Февраль 8 и 9. При дворе состоялось чтение поэмы «Демон» по списку, специально приготовленному для этого Лермонтовым.

Март 1. Разрешен цензурой «Московский наблюдатель», ч. II, № 4, где в отд. IV помещен отзыв Белинского о стихотворении Лермонтова «Поэт».

Март, первая половина. В «Отечественных записках», т. II, № 3 напечатана «Бэла. Из записок офицера о Кавказе». Подпись — «М. Лермонтов».

Март 16. Разрешен цензурой «Сын отечества», т. VII, ч. II, где в отд. IV дан положительный отзыв о стихотворении Лермонтова «Поэт».

Конец февраля — март. Письмо Лермонтова из Петербурга в Москву А. А. Лопухину со стихами, посвященными его новорожденному сыну, «Ребенка милого рожденье приветствует мой запоздалый стих...».

Март, вторая половина или начало апреля. Святослав Афанасьевич Раевский, освобожденный из ссылки, приехал из Петрозаводска в Петербург. Через несколько часов после его приезда Лермонтов вбежал в комнату, где его друг беседовал с приехавшими из Саратова матерью и сестрой, и бросился на шею к Раевскому.

Апрель 14. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. III, № 4, в котором напечатано стихотворение «Русалка», подписанное «М. Лермонтов».

Май. В майской книжке «Отечественных записок», т. III, в отд. III напечатаны стихотворения «Ветка Палестины» и «Не верь себе», подписанные «М. Лермонтов».

Июнь 14. Цензоры А. Никитенко и П. Корсаков разрешили «Отечественные записки», т. IV, № 6, где в отд. III напечатаны стихотворения «Еврейская мелодия (Из Байрона)» и «В альбом (Из Байрона)», подписанные «М. Лермонтов».

Июнь 26. Лермонтов вечером у Карамзиных по просьбе Софьи Николаевны написал в альбом стихи. Она признала их слабыми и с согласия Лермонтова уничтожила.

Июнь 30. П. А. Вяземский сообщает в письме: «Вечером у Валуевых кое-кто пили чай: Карамзины, Пашковы, Смирнова, Репнина, поэт Лермонтов...»

Июнь 30. Лермонтов вечером у Карамзиных примирился с Софьей Николаевной после эпизода с альбомом.

Июль 7. Письмо М. Н. Каткова из Москвы А. А. Краевскому в Петербург: «Засвидетельствуйте мое уважение Плетневу и Лермонтову, постарайтесь познакомить с последним Бакунина: это было бы, как я уверен, приятно для обоих».

Июль 22. Лермонтов присутствует у Карамзиных в Царском Селе на чтении Ф. Ф. Вигелем его воспоминаний.

Июль 25. Лермонтов в Павловске на обеде у М. А. Щербатовой.

Август 3. Знакомство Лермонтова у Карамзиных с фрейлиной Н. Я. Плюсковой.

Август 5. Дата рукой Лермонтова на обложке рукописи «Бэри» («Мцыри»): «Поэма 1839 года. Августа 5».

Август 11. Стихотворение А. А. Олениной «Ах! Анна Алексевна...», написанное Лермонтовым в день ее рождения.

Август 14. Цензоры А. Никитенко и В. Лангер разрешили «Отечественные записки», т. V, № 8, в котором напечатано стихотворение «Три пальмы. Восточное сказание», подписанное «М. Лермонтов».

Сентябрь 4. Лермонтов в Царском Селе записал в альбом М. А. Бартеневой стихотворение «Есть речи — значенье...» (первый вариант).

Сентябрь 12. Лермонтов у Карамзиных в присутствии А. И. Тургенева читал отрывок из «Героя нашего времени». В тот же день Лермонтов был у Валуевых, где присутствовали также А. И. Тургенев, Л. Ф. Полуэктова, А. В. Мергасов, Александр Николаевич Карамзин.

Сентябрь 17. Первоначальный вариант повести «Штосс» Лермонтов начал словами: «17 сентября 1839 года был музыкальный вечер у С.» Этот намек на именины (17 сентября) Софьи Михайловны Соллогуб (Виельгорской), в салоне которой и происходит действие первой главы повести.

Октябрь 24. Лермонтов обедал у Карамзиных в день 25-летия Андрея Николаевича Карамзина. Там же были В. А. Жуковский, П. А. Вяземский и А. И. Тургенев.

В тот же день Жуковский записал в своем дневнике: «Поездка в Петербург из Царского Села с Виельгорским по железной дороге. Дорогой чтение «Демона»».

Октябрь 27. Лермонтов в театре с П. А. Вяземским, П. А. Валуевым и А. И. Тургеневым на балетном спектакле с участием Тальони в роли Сильфиды. Потом у Карамзиных.

Октябрь 28 и 31. Лермонтов у Карамзиных.

Ноябрь 5. Запись в дневнике Жуковского: «Вечер у Карамзиных. Князь и княгиня Голицыны и Лермонтов».

Ноябрь 14. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. IV, № 11, где в отд. III напечатаны повесть «Фаталист» и стихотворение «Молитва».

В примечании редакции сообщалось: «С особенным удовольствием пользуемся случаем известить, что М. Ю. Лермонтов в непродолжительном времени издаст собрание своих повестей и напечатанных и ненапечатанных. Это будет новый, прекрасный подарок русской литературе».

Ноябрь 16. Лермонтов был у А. И. Тургенева и с ним отправился на бал к Гогенлоэ, вюртембергскому посланнику в Петербурге, жена которого Екатерина Ивановна (рожденная Голубцова, двоюродная сестра Н. П. Огарева) пригласила Лермонтова на этот бал накануне 15 ноября, через А. И. Тургенева.

Ноябрь 16. Лермонтов сделал приписку в письме к А. М. Хюгель (Верещагиной) с стихотворным экспромтом на французском языке.

Осень и зима. Лермонтов принимал участие в «Кружке шестнадцати». Это общество составилось из университетской молодежи и частью из кавказских офицеров. «Каждую ночь, возвращаясь из театра или бала, они собирались то у одного, то у другого. Там после скромного ужина, куря свои сигары, они рассказывали друг другу о событиях дня, болтали обо всем и все обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободою, как будто бы III Отделение собственной его императорского величества канцелярии вовсе не существовало». В «Кружок шестнадцати», кроме Лермонтова, входили: А. А. Столыпин-Монго, К. В. Браницкий, Н. А. Жерве, Д. П. Фредерикс, А. и С. Долгорукие, П. А. Валуев, И. С. Гагарин, А. П. Шувалов, А. И. Васильчиков и др.

Декабрь. На вечеринке у Гогенлоэ первый секретарь французского посольства в Петербурге барон д'Андре от имени посла де Баранта обратился к А. И. Тургеневу с вопросом: «Правда ли, что Лермонтов в известной строфе стихотворения «Смерть Поэта» бранит французов вообще или только одного убийцу Пушкина?» Барант хотел бы знать правду от Тургенева. Тургенев текста стихотворения точно не помнил и, встретив на другой день Лермонтова, просил сообщить ему текст стихотворения «Смерть Поэта». На следующий день Лермонтов прислал Тургеневу письмо, в котором процитировал просимый отрывок. Однако справка Тургеневу не понадобилась. «Через день или два,— писал А. И. Тургенев П. А. Вя-

земскому,— кажется на вечеринке или на бале у самого Баранта, я хотел показать эту строфу Андре, но он прежде сам подошел ко мне и сказал, что дело уже сделано, что Барант позвал на бал Лермонтова, убедившись, что он не думал поносить французскую нацию...»

Декабрь 6. Лермонтов высочайшим приказом произведен из корнетов в поручики.

Декабрь 14. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. VII, № 12, где в отд. III, за подписью «М. Лермонтов» напечатаны стихотворения «Дары Терека» и «Памяти А. И. О<доевско>го», который скончался 15 августа 1839 года на Черноморском побережье.

Декабрь 22. Цензор Пахман разрешил к печати в Одессе «Одесский альманах на 1840 год», в котором напечатаны стихотворения «Узник» и «Ангел», подписанные «М. Лермонтов».

Декабрь 23. Встреча Лермонтова с А. И. Тургеневым у М. А. Щербатовой, которой посвящено стихотворение «На светские цепи...».

Декабрь, последние числа. И. С. Тургенев впервые видел Лермонтова в доме княгини Шаховской в Петербурге.

Декабрь 31. Лермонтов и Белинский на встрече Нового года у кн. В. Ф. Одоевского.

1839. Стихотворения «На буйном пиршестве задумчив он сидел...» и Э. К. Мусиной-Пушкиной («Графиня Эмилия...») датируются этим годом.

1840

Январь 1. Лермонтов был приглашен на бал во французское посольство.

Январь 1. Стихотворение «Как часто, пестрою толпою окружен...» датировано: «1-е Января».

Январь 14. Лермонтов вечером у Карамзиных. Здесь же были А. И. Тургенев, Жуковский, Вяземский и князь В. Ф. Одоевский.

Январь, между 14 и 17. Вышли в свет «Отечественные записки», т. VIII, где в отд. III напечатано стихотворение «Как часто, пестрою толпою окружен...», подписанное «М. Лермонтов».

Январь 20. В «Литературной газете» напечатано стихотворение «И скучно, и грустно...», подписанное «М. Лермонтов».

Начало года. Знакомство Лермонтова с поэтом Е. А. Баратынским у кн. В. Ф. Одоевского в Петербурге.

Февраль 9. Белинский в письме к Боткину делится впечатлением от стихотворения «Дары Терека»: «Черт знает — страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт, и что Пушкин умер не без наследника». Затем Белинский пишет о «Казачьей колыбельной песне», о «Молитве» («В минуту жизни трудную...») и о стихотворении «И скучно, и грустно...»

Февраль, около 14 числа. Вышли «Отечественные записки», т. VIII, № 2, где в отд. III напечатаны «Тамань» и «Казачья колыбельная песня», подписанные «М. Лермонтов».

Февраль 16. На балу у графини Лаваль столкновение Лермонтова с сыном французского посла Эрнестом де Барантом. Де Барант вызвал Лермонтова на дуэль.

Формальной причиной вызова был обмен резкими словами во время разговора.

Февраль 18, воскресенье, 12 часов дня. Дуэль Лермонтова с де Барантом за Черной речкой на Парголовской дороге при секундантах А. А. Столыпине и графе Рауле д'Англесе. После дуэли Лермонтов, слегка оцарапанный ниже локтя, заезжал к А. А. Краевскому.

Февраль 19. Цензор П. Корсаков разрешил издание: «Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. Часть I и часть II. СПб. В типографии Ильи Глазунова и К°. 1840».

Февраль, двадцатые числа. Командир л.-гв. Гусарского полка Н. Ф. Плаутин потребовал от Лермонтова объяснения обстоятельств дуэли с де Барантом.

Март, начало. Письмо Лермонтова к командиру л.-гв. Гусарского полка Н. Ф. Плаутину с объяснениями обстоятельств дуэли с де Барантом.

Март 2. В «Одесском вестнике» № 18 отзыв о стихотворениях Лермонтова «Узник» и «Ангел», напечатанных в «Одесском альманахе на 1840 год».

Март 10. Начато «Дело Штаба отдельного Гвардейского корпуса... О поручике лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтове, предан-

ном военному суду за произведенную им с французским подданным Барантом дуэль и необъявление о том в свое время начальству». Лермонтов арестован.

Март 12. Письмо А. А. Столыпина к А. Х. Бенкендорфу о том, что он был секундантом на дуэли Лермонтова с де Барантом. Столыпина арестовали 14 марта.

Март 15. А. И. Тургенев в письме из Москвы спрашивает П. А. Вяземского: «...Верно, Лермонтов дрался с Бар<антом> за кн. <Щербатову>?».

Март 15. Белинский пишет из Петербурга в Москву В. П. Боткину: «Лермонтов под арестом за дуэль с сыном Баранта. Государь сказал, что если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним сделать, но когда с французом, то три четверти вины слагается. Дрались на саблях, Лермонтов слегка ранен и в восторге от этого случая, как маленького движения в однообразной жизни. Читает Гофмана, переводит Зейдлица и не унывает. Если, говорит, переведут в армию, буду проситься на Кавказ. Душа его жаждет впечатлений и жизни».

Март 16. Допрос Лермонтова комиссией военного суда. Лермонтов дал письменные показания.

Март 17. Лермонтов переведен из Ордонанс-гауза на «Арсенальный караул».

Март 22. Лермонтов через А. В. Браницкого пригласил на Арсенальную гауптвахту Эрнеста де Баранта для личных объяснений по поводу своих показаний от 16 марта, которыми де Барант был настолько недоволен, что требовал новой дуэли.

Март 23. Министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде получил предписание вел. кн. Михаила Павловича получить показания де Баранта. Нессельроде распорядился: «Отвечать, что Барант уехал...»

Март 25. Объяснение Лермонтова о свидании с де Барантом, представленное великому князю Михаилу Павловичу.

Март 29. Лермонтов допрошен «в присутствии комиссии военного суда» и дал письменные показания о свидании с де Барантом на Арсенальной гауптвахте 22 марта.

Апрель 5. Комиссия военного суда закончила дело Лермонтова.

Апрель 11. Мнение вел. кн. Михаила Павловича по поводу приговора военно-судной комиссии в отношении Лермонтова: «...сверх содержания его под арестом с 10 прошедшего месяца, выдержать еще под оным в крепости в каземате три месяца, и потом выписать в один из армейских полков тем же чином...».

В этот же день поступило предписание Николая I о срочном окончании дела о дуэли.

Апрель 12. Вышли «Отечественные записки», т. IX, № 4, в котором в отд. III напечатано стихотворение «Журналист, Читатель и Писатель», подписанное «М. Лермонтов». На копии стихотворения рукой В. А. Соллогуба. «С.-Петербург, 20 марта 1840. Под арестом, на Арсенальной гауптвахте».

Апрель 12—16. Белинский посетил Лермонтова в Ордонанс-гаузе, куда в конце месяца Лермонтов был вновь переведен с Арсенальной гауптвахты. 16 апреля он писал В. П. Боткину: «...вышли повести Лермонтова. Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь. Недавно я был у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух. Как верно он смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура».

Апрель 13. На докладе генерал-аудиториата по делу Лермонтова рукой Николая I написано: «Поручика Лермонтова перевесть в Тенгинский пехотный полк тем же чином; отставного поручика Столыпина и г. Браницкого освободить от подлежащей ответственности, объявив первому, что в его звании и летах полезно служить, а не быть праздным. В прочем быть по сему. Николай. С.-Петербург 13 апреля 1840».

Резолюция Николая I противоречила определению генерал-аудиториата, который предлагал выдержать Лермонтова три месяца на гауптвахте, а потом уже выписать в один из армейских полков. Вот почему не знали, как привести в исполнение высочайший приказ.

Апрель 19. Военный министр А. И. Чернышев сообщил вел. кн.

Михаилу Павловичу, что Николай I «изволил сказать, что переводом Лермонтова в Тенгинский полк желает ограничить наказание».

Апрель 20—27. Письмо Лермонтова к вел. кн. Михаилу Павловичу с просьбой защитить его от требований Бенкендорфа написать письмо к де Баранту с признанием о ложном показании на суде, что он стрелял в воздух.

Вел. кн. Михаил Павлович направил его письмо на высочайшее рассмотрение.

Апрель 17. В «Литературной газете», № 34 напечатано извещение о выходе из печати «Героя нашего времени».

Апрель 29. На письме Лермонтова к вел. кн. Михаилу Павловичу карандашная помета Л. В. Дубельта: «Государь изволил читать», и далее: «К делу, 29 апреля 1840». Хотя резолюции Николая I на это письмо не последовало, Бенкендорф отказался от своих требований, оскорбительных для Лермонтова.

Апрель, конец — май, начало. Написано стихотворение «Благодарность» («За все, за все тебя благодарю я...»).

Весна. Предположительно датируются стихотворения Лермонтова М. П. Соломирской («Над бездной адскою блуждая...») и «Пленный рыцарь» («Молча сижу под окошком темницы...»).

Май 3, 4 или 5. Отъезд Лермонтова из Петербурга. Прощальный вечер у Карамзиных. Стихотворение «Тучи».

Май 5. В «Северной пчеле» № 98 и в ряде следующих номеров — извещение о выходе из печати «Героя нашего времени».

Май 8. Приезд Лермонтова из Петербурга в Москву.

Май, первая половина. По дороге на Кавказ Лермонтов задержался в Москве. Часто встречается с Ю. Ф. Самариным, в семье Мартыновых знакомится с А. В. Мещерским, несколько вечеров проводит у Н. Ф. Павлова и Свербеевых. Бывал в кружке московских славянофилов. Больше других Лермонтову понравился А. С. Хомяков. О случайных встречах с Лермонтовым в Москве упоминают также Ф. Ф. Вигель и В. В. Боборыкин.

Май 9. Лермонтов присутствовал на именинном обеде Гоголя в саду Погодина на Девичьем Поле. «На этом обеде, кроме круга близких, приятелей и знакомых, по свидетельству С. Т. Аксакова, были: А. И. Тургенев, кн. П. А. Вяземский..., М. Ф. Орлов, М. А.

Дмитриев, Загоскин, профессора Армфельд и Редкин и многие другие. Обед был веселый и шумный. После обеда все разбрелись по саду маленькими кружками. Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случились, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри» и читал, говорят, прекрасно...»

Май 10. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «Вечер у Сверб<еевой> с гр. Зубовой. Павлова: подарил ей лиру. Она довольна. Лермонтов и Гоголь. До 2 часов... Был у кн. Щерб<атовой>. Сквозь слезы смеется. Любит Лермонт<ова>...»

Май 12. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «...После обеда в Петровское к Мартыновым, они еще не уезжали из города... Несмотря на дождь поехали в Покровское-Глебово, мимо Всехсвятского... возвратились к Мартыновым — пить чай и сушиться. Кн. <Л. А.> Гагарин гарсевал на коне своем. Лермонтов любезничал и уехал».

Май 14. Цензоры П. Корсаков и А. Фрейганг разрешили «Отечественные записки», т. X, № 5, где в отд. III напечатано стихотворение «Воздушный корабль», подписанное «М. Лермонтов». В том же номере без подписи напечатана первая часть статьи Белинского о «Герое нашего времени».

Май 16. Стихотворение «Посреди небесных тел...».

Май 19. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «...в Петровское, гулял с гр. Зубовой... Цыгане, Волковы, Мартыновы, Лермонтов».

Май 22. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «...в театр, в ложи гр. Броглио и Мартыновых, с Лермонтовым; зазвали пить чай и у них и с Лермонт<овым> и с Озеров<ым> кончил невинный вечер; весело».

Май 25. В «Литературной газете» № 42 без подписи помещена рецензия Белинского на «Героя нашего времени».

Май 25. Письмо Е. М. Мартыновой, из Москвы к сыну Н. С. Мартынову на Кавказ, в котором говорится о том, что Лермонтов еще в городе и почти каждый день посещает ее дочерей, находящих «большое удовольствие в его обществе».

Май, последние числа. Отъезд Лермонтова на Кавказ. Последний вечер в Москве у Н. Ф. и К. К. Павловых. Ю. Ф. Самарин писал: «Он уехал грустный. Ночь была сырая. Мы простились на крыльце».

Июнь, первые числа. Лермонтов проездом задержался в Ново-

черкасске у ген. М. Г. Хомутова; он прожнл у него три дия и каждый деиь бывал в театре.

Июнь 10. Лермонтов приехал в Ставрополь, в главную квартиру командующего войсками Кавказской линин и Черноморни генерал-адъютанта П. Х. Граббе.

Июнь 14/26. Резкий отзыв Николая I о Лермонтове и его романе «Герой нашего временн» в письме к императрице: «...это жалкое дароваине, оно указывает иа извращеиный ум автора».

Июнь, вторая половииа. Письмо С. Т. Аксакова к Гоголю: «Я прочел Лермонтова «Героя нашего времени» в связи и нахожу в нем большое достоииство. Живо помню слова вашн, что Лермоитов-прозаик будет выше Лермонтова-стихотворца».

Июнь 15. Вышлн в свет «Отечествеиные записки», т. X, № 6, где в отд. III напечатаны стихотворения «Отчего?» и «Благодарность», подписанные «М. Лермонтов».

Июнь 17. Лермоитов пншет А. А. Лопухину из Ставрополя о том, что на следующий день едет в действующий отряд на левый фланг в Чечню «брать пророка Шамиля».

Июнь 18. Лермонтов «командироваи иа левый флаиг Кавказской лнннн для участвования в экспедиции, в отряде под начальством геиерал-лейтенанта Галафеева».

Июнь 21. Издатель и редактор «Отечествеиных записок» А. А. Краевскнй обратился с письмом к цензору А. В. Ннкнтенко, в котором просил «благословить... к напечатанию отдельной книжкой» сборник стихотворений Лермонтова. Никитенко не решился взять на себя ответственность за выпуск сборнка стнхов опального поэта и после ряда напоминаннй Краевскнй перенес это дело на рассмотрение Цензурного комитета.

Июль 6—10. Отряд, в котором находился Лермонтов, выступнв из лагеря при крепости Грозной, переправнлся через реку Сунжу и через ущелье Хаи-Калу с боями продвннулся в Дуду-Юрт и далсе в Большую Атагу и Чах-Гери к Гойтннскому лесу. После штыковой атаки у Ахшпатой-Гойта был совершен переход к Урус-Мартан и к деревне Гехи.

Июль 11. Отряд выступнл из лагеря при дер. Гехи. Бой при реке Валерик. «Тенгннского пехотного полка поручик Лермонтов,

во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнил возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших солдат ворвался в неприятельские завалы».

Июль 12—15. Лермонтов принимает участие в перестрелке при следовании отряда через деревню Ачхой, по рекам Натахи и Сунже до возвращения в крепость Грозную.

Июль 14. Цензоры П. Корсаков и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. XI, № 7, где в отд. III напечатаны стихотворения «Молитва» («Я, матерь божия...») и «Из Гете» («Горные вершины...»), подписанные «М. Лермонтов».

Июль 17 — август 2. Участие Лермонтова в походе части отряда генерала А. В. Галафеева в Северный Дагестан. По пути, в палатке, у Миатлинской переправы, Лермонтова нарисовал в профиль барон Д. П. Пален. Отряд прибыл 29 июля в Темир-Хан-Шуру, а 2 августа через Миатлинскую переправу выступил к крепости Грозной.

Август 13. Цензурный комитет разрешил сборник «Стихотворений М. Лермонтова».

Сентябрь 12. Письмо Лермонтова из Пятигорска к А. А. Лопухину в Москву с описанием битвы при Валерике.

Сентябрь 14. Цензоры А. Фрейганг и В. Ольдекоп разрешили «Отечественные записки», т. XII, № 9, где в отд. III напечатано стихотворение «Ребенку» («О грезах юности томим воспоминаньем...»), подписанное «М. Лермонтов».

Сентябрь 26. Отряд генерал-лейтенанта А. В. Галафеева выступил из крепости Грозной через Ханкальское ущелье к реке Аргуну. Лермонтов был прикомандирован к кавалерии отряда.

Октябрь 10. Когда выбыл раненым из строя юнкер Руфин Дорохов, Лермонтов принял от него начальство над охранниками, выбранными из всей кавалерии — «летучей сотнею казаков». Лермонтов «с командою» отличился в делах 12 и 15 октября за Шалинским лесом и при переправе через Аргун.

Октябрь 15. Вышли в свет «Отечественные записки», т. XII, № 10, где в отд. III напечатано стихотворение «А. О. Смирновой» («Без вас хочу сказать вам много...»), подписанное «М. Лермонтов».

Октябрь 25. Вышел в свет сборник «Стихотворения М. Лермонтова. СПб., в типографии Ильи Глазунова и К°. 1840». Издание вышло в количестве 1000 экз.

Октябрь, вторая половина. Лермонтов в крепости Грозной после двадцатидневной экспедиции в Чечне. Письмо к А. А. Лопухину в Москву о походе и команде охотников, которую Лермонтов «получил в наследство от Дорохова».

Октябрь 27 — ноябрь 6. Лермонтов в составе отряда генерала А. В. Галафеева выступил из крепости Грозной и отличился в делах 27, 28, 29 и 30 октября у аула Алды, в Гойтинском лесу и у реки Валерик.

Ноябрь 9. Лермонтов в Ставрополе.

Ноябрь 9—20. Во время второй экспедиции в Малой Чечне Лермонтов был все время при генерал-лейтенанте А. В. Галафееве.

Ноябрь 20 — декабрь. Лермонтов в Ставрополе. Встречи с С. В. Трубецким, Л. В. Россильоном, И. А. Вревским, А. Д. Есаковым, Л. С. Пушкиным, М. А. Назимовым и др.

Декабрь 9. Рапорт генерала А. В. Галафеева с приложением наградного списка и просьбой перевести Лермонтова «в гвардию тем же чином с отданием старшинства».

Декабрь 11. Военный министр А. И. Чернышев сообщил командиру Отдельного кавказского корпуса о том, что Николай I разрешил предоставить Лермонтову отпуск в С.-Петербург сроком на два месяца.

Декабрь 14. В «Отечественных записках», т. XIII, № 12, отд. III напечатано стихотворение «К портрету» (А. К. Воронцовой-Дашковой) («Как мальчик кудрявый резва...»), подписанное «М. Лермонтов».

Декабрь 16 и 17. В «Северной пчеле» № 284—285 в форме письма к Ф. В. Булгарину напечатан отзыв В. С. Межевича (подпись Л. Л.) о «Герое нашего времени» и о первом издании «Стихотворений М. Лермонтова».

Декабрь 24. Рапорт командовавшего кавалерией действующего отряда на левом фланге Кавказской линии полковника князя В. С.

Голицына командующему войсками на Кавказской линии н в Черномории ген.-лейт. Граббе с представлением к награждению Лермонтова золотой саблей с иадписью «За храбрость».

Декабрь, коиец месяца. Лермонтов приехал в Фанагорию блнз Тамани для свидания с декабристом Н. И. Лорером, которому привез письмо от его племянницы А. О. Смирновой-Россет и книгу «Imitation de Jesus Christ» («О подражанин Христу») Фомы Кемпийского.

Декабрь 31. Прнказом № 365 Лермонтов зачислен «налицо» в Теигинском пехотном полку. Штаб полка находнлся в станице Ивановской.

1841

Январь 1. Цензоры А. Никитенко н С. Куторга разрешили «Отечественные запнскн», т. XIV, № 1, где в отд. III напечатаио стихотворение «Есть речи — значенье...», подпнсанное «М. Лермоитов».

Начало года. Эпиграмма Лермонтова на О. И. Сенковского «Под фирмой иностранной нноземец...».

Январь 6. Лермонтов в Ставрополе прнсутствует на обеде у П. Х. Граббе вместе с Л. С. Пушкиным, А. И. Дельвнгом и др.

Январь 14. Лермонтову выдан отпускной бнлет иа два месяца. Вероятно, в этот день он выехал из Ставрополя в Петербург, через Новочеркасск, Воронеж, Москву.

Январь, конец месяца. Остановка Лермонтова в Воронеже.

Январь 30. Лермонтов прнбыл с Кавказа в Москву.

Февраль, первые чнсла. Вышли в свет «Отечественные записки», т. XIV, № 2, где в отд. III напечатано стнхотворенне «Завещание» («Наедине с тобою, брат...»), подписанное «М. Лермонтов». В этой же книжке, в отд. V, статья Белинского (без подписи) «О стнхотворениях М. Лермонтова».

Февраль 5—6. Приезд Лермонтова в Петербург «на половнне масленнцы».

Февраль 8. Вечером Лермонтов был у В. Ф. Одоевского, к которому в 11-м часу вечера прнехал н П. А. Плетнев.

Февраль 9. Лермонтов был на балу у А. К. Воронцовой-Дашковой, где среди гостей находился вел. кн. Михаил Павлович. Лермон-

тов писал: «... я отправился на бал к г. Воронцовой, и это нашли неприличным и дерзким. Что делать? Кабы знал, где упасть, соломки бы подостлал...».

Февраль 19. Цензор П. Корсаков разрешил издание: «Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. Часть I. Издание 2-е. СПб. В типографии Ильи Глазунова и К°. 1841». Тираж 1200 экз.

Февраль. Близкое знакомство Лермонтова с гр. Е. П. Ростопчиной: «...двух дней было довольно, чтобы связать нас дружбой» (Ростопчина).

Февраль, вторая половина. Письмо Лермонтова к А. И. Бибикову на Кавказ, в котором он сообщает, что у него «началась новая драма, которой завязка очень замечательная, зато развязки, вероятно, не будет». Тут же идет речь об отъезде на Кавказ, предположительно назначенном на 9 марта, и о том, что Лермонтова вычеркнули «из Валерикского представления», т. е. отказали в награждении орденом св. Станислава 3-й степени.

Февраль 27. Лермонтов был у Карамзиных, где застал его приехавший в 11 часов П. А. Плетнев.

Февраль 28. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. XV, № 3, где в отд. III напечатано стихотворение «Оправдание», подписанное «М. Лермонтов».

Март 5. Рапорт командира Отдельного кавказского корпуса с представлением к награде Лермонтова за участие в экспедиции в Малой Чечне с 27 октября по 6 ноября 1840 года. 30 июня 1841 года в награде было отказано.

Март 9. Запись в дневнике Жуковского: «Приехал в 4 часа... у Карамзиных: Лермонтов. Ростопчина».

Март 10. Лермонтов записал в альбом М. А. Бартеневой стихотворение «Любовь мертвеца».

Март 11. А. А. Краевский пишет М. Н. Каткову за границу: «Здесь <т. е. в Петербурге> теперь Лермонтов в отпуску и через две недели опять едет на Кавказ. Я заказал списать с него портрет Горбунову: вышел похож. Он поздоровел, целый год провел в драках и потому писал мало, но замыслил очень много».

Март 13. Белинский пишет В. Н. Боткину: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его «Родина», то, аллах-керим, что за вещь: пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских».

Март 16. Заметка Лермонтова: «Ахвердов<а> — на Кироч-н<ой>. Г<рафння> Завадовск<ая>. Лео<ннд> Голнцы<н> в доме Ростовцева. Понед<ельннк> Смнр<нова>. Втор<ник> Ростоп<чнна>. Веч<ером> Лаваль именнны».

Март 17. Запнсь в дневннке Жуковского: «К Смнрновой, у нее Ростопчнна, Лермонтов, Соболевскнй, Мальцов, Норов. Ее миленькая сестра. Жаркнй спор за Орлова, Ермолова и Перовского».

Март 18. Запнсь в дневннке Жуковского. «Обедал у Ростопчиной с С<офьей> Нниколаевной <Карамзнной>, с Лермонтовым, с Андреем Карамзиным н с Озеровымн».

Март — апрель, первая половнна. Стнхотворение в альбом С. Н. Карамзнной «Любнл н я в былые годы...».

Март — апрель, первая половнна. Попытка Лермонтова выйтн в отставку, посвятнть себя лнтературной деятельности и издавать свой журнал.

Март 24. Запнсь в дневннке Жуковского: «У детей <у великнх князей> на лекцнн. У обеднн. Отдал пнсьмо бабушки Лермонтова».

Март 27. Стнхотворенне Е. П. Ростопчнной «На дорогу Михаилу Юрьевнчу Лермонтову».

Март 30 — апрель 4. Лермонтов напнсал: «Последнее новоселье».

Апрель 4. Запнсь в дневннке Жуковского: «У меня Лермонтов, который напнсал прекрасные стнхн на Наполеона... Обедал у Смирновой с Лермонтовым, Полетнкою и Маркеловым».

Апрель, начало. Вышлн в свет «Отечественные запнски», т. XV, № 4, где в отд. III напечатано стихотворенне «Роднна», подпнсанное «М. Лермонтов».

В этом же номере «Отечественных запнсок» извещенне: «Герой нашего временн» соч. М. Ю. Лермонтова, прннятый с таким энтузназмом публнкою, теперь уже не существует в кннжных лавках; первое нздание его все раскуплено; прнготовляется второе нзданне, которое скоро должно показаться в свет; первая часть уже отпечатана: кстатн о самом Лермонтове: он теперь в Петербурге н прнвез с Кавказа несколько новых прелестных стнхотворенний, которые будут напечатаны в «Отечественных запнсках». Тревоги военной жизнн не позволнли ему спокойно н вполне предаваться нскусству, которое назвало его одним нз главнейшнх жрецов своих; но замышлено нм

много и все замышленное превосходно. Русской литературе готовятся от него драгоценные подарки».

Апрель 11—13. Жуковский написал письмо к великому князю Александру Николаевичу, наследнику престола, в котором просит по случаю предстоящего 16 апреля бракосочетания его с принцессой Марией Гессен-Дармштадтской оказать «милость» — смягчить участь декабристов, Герцена и Лермонтова.

Письмо, видимо, отправлено не было, но хлопоты Жуковский продолжал.

Апрель, около 11 числа. Дежурный генерал Главного штаба граф П. А. Клейнмихель вызвал Лермонтова и сообщил ему предписание в 48 часов покинуть Петербург и отправиться на Кавказ в Тенгинский полк. Прямо от Клейнмихеля в сильном возбуждении Лермонтов приехал к Краевскому.

Апрель 12. Запись в дневнике Жуковского: «...У Уварова, у меня Лермонтов... Ввечеру у Плетнева с Левашевым. Потом у Карамзиных».

Апрель 12. Запись в журнале П. А. Плетнева: «После чаю Жуковский отправился к Карамзиным на проводы Лермонтова, который снова едет на Кавказ по миновании срока отпуска своего». На прощальном вечере у Лермонтова был долгий сердечный разговор с Натальей Николаевной Пушкиной: «Прощание их было самое задушевное...»

Апрель 12—13. Стихотворение «Графине Ростопчиной» («Я верю: под одной звездой...») Лермонтов вписал в альбом, который подарил ей перед отъездом.

Апрель 12—13. По просьбе П. П. Вяземского Лермонтов написал стихотворение «На севере диком...».

Апрель 13. Надпись князя В. Ф. Одоевского на альбоме, подаренном Лермонтову при отъезде его на Кавказ: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам и всю исписанною. К<нязь> В. Одоевский, 1841, Апреля 13-е. СПБург».

Весной и в начале лета в записной книжке, подаренной В. Ф. Одоевским, Лермонтов написал стихотворения: «Утес», «Спор», «Сон», «L'Attente», «Лилейной рукой поправляя...», «На бурке под тенью чинары...», «Они любили друг друга так долго и нежно...», «Тамара»,

«Свиданье», «Листок», «Выхожу один я на дорогу...», «Морская царевна», «Пророк», «Нет, не тебя так пылко я люблю...».

На ответном даре Лермонтова надпись В. Ф. Одоевского: «Эта картина рисована поэтом Лермонтовым и подарена им мне при последнем его отъезде на Кавказ. Она представляет Крестовую гору...»

Апрель 13—14. Прощальная записка Лермонтова к А. А. Краевскому.

Апрель 14, 8 часов утра. Отъезд Лермонтова из Петербурга в Москву.

Апрель 17. Лермонтов прибыл в Москву.

Апрель 18. Письмо Е. А. Арсеньевой к С. Н. Карамзиной с просьбой напомнить Жуковскому похлопотать перед императрицей о прощении Лермонтова.

Апрель 20. Запись в дневнике Жуковского: «...У императр<ицы> на завтраке. Чтение моей статьи. О Лермонтове».

Апрель 20. Письмо Лермонтова к Е. А. Арсеньевой о том, что он остановился у Дмитрия Григорьевича Розена и пробудет в Москве еще несколько дней.

Апрель 20-е числа. Встречи Лермонтова с Ю. Ф. Самариным, который записал мнение Лермонтова о современном состоянии России: «Хуже всего не то, что известное количество людей терпеливо страдает, а то, что огромное количество страдает, не сознавая этого». Далее Самарин сообщает, что он был с Лермонтовым на народных гуляниях под Новинским.

Апрель 20-е числа. Стихотворение Лермонтова «Прощай, немытая Россия...».

Апрель 23. За полчаса до отъезда из Москвы на Кавказ Лермонтов пришел проститься к Ю. Ф. Самарину и принес ему для «Москвитянина» стихотворение «Спор».

Апрель 23. Лермонтов выехал из Москвы в Ставрополь.

Апрель, между 25 и 30 числами. По пути на Кавказ Лермонтов догнал в Туле А. А. Столыпина, выехавшего из Москвы 22 апреля. Они обедали у А. М. Меринского, их товарища по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, и отправились в дальнейший путь вдвоем. По дороге они заезжали к М. П. Глебову в его имение Мишково Мценского уезда Орловской губернии.

Апрель, конец. Остановка Лермонтова и А. А. Столыпина в Воронеже «в гостинице Евлаховой».

Май, начало. Заезд Лермонтова в Таганрог для свидания с сослуживцем по л.-гв. Гусарскому полку А. Г. Реми.

Май 1. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. XVI, № 5, где в отд. III напечатано стихотворение «Последнее новоселье», подписанное «М. Лермонтов».

Май 3. Цензор П. Корсаков разрешил второе издание «Героя нашего времени. Сочинение М. Лермонтова, ч. II, СПб., в типографии Ильи Глазунова и К°. 1841».

Май 9. Лермонтов и Столыпин прибыли в Ставрополь и были прикомандированы к отряду для участия в экспедиции «на левом фланге Кавказа».

Май 10. Письмо Лермонтова к. Е. А. Арсеньевой о приезде со Столыпиным в Ставрополь и о предполагающемся отъезде в крепость Темир-Хан-Шуру.

Май 10. Письмо Лермонтова к С. Н. Карамзиной в Петербург с сообщением об отъезде в экспедицию: «Пожелайте мне счастья и легкого ранения, это самое лучшее, что только можно мне пожелать... Я хотел написать... к г-же Смирновой, но... воздерживаюсь».

Май 19. Рукой Лермонтова в «книжке Одоевского» карандашная запись: «19 мая — буря».

Май 20 (вероятная дата). Лермонтов и А. А. Столыпин приехали в Пятигорск, где подали рапорты коменданту о болезни и ходатайства о разрешении лечиться минеральными водами. Разрешение было получено.

Май, конец месяца. Лермонтов и А. А. Столыпин сняли дом и поселились в Пятигорске у капитана В. И. Чилаева. В соседних домах остановились М. П. Глебов, кн. А. И. Васильчиков, С. В. Трубецкой и Н. С. Мартынов — их старые приятели по Петербургу и Кавказу, составившие вместе «Лермонтовский кружок».

Май, конец месяца. Вышли в свет «Отечественные записки», т. XVI, № 6, где в отд. III напечатано стихотворение «Кинжал», подписанное «М. Лермонтов».

Май 31. Цензор Н. Крылов разрешил журнал «Москвитянин»,

часть III, № 6, где напечатано стихотворение «Спор», подписанное «М. Лермонтов».

Июнь 13. Рапорт Лермонтова, поданный командиру Тенгинского полка полковнику С. И. Хлюпину о том, что он, отправляясь в отряд командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, заболел и получил от Пятигорского коменданта позволение остаться в Пятигорске впредь до излечения.

Июнь 28. Письмо Лермонтова к Е. А. Арсеньевой, в котором он просит прислать ему в Пятигорск собрание сочинений Жуковского, «полного Шекспира, по-английски» и книгу стихов Е. П. Ростопчиной и сообщает о своем намерении проситься в отставку: «...а чего мне здесь еще ждать?».

Лето 1841 года. А. С. Хомяков в письме к Н. М. Языкову пишет: «В «Москвитянине» был разбор Лермонтова Шевыревым, и разбор не совсем приятный, по-моему несколько несправедливый. Лермонтов ответил очень благоразумно: дал в «Москвитянин» славную пьесу, спор Шата с Казбеком, стихи прекрасные».

Июнь 30. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отечественные записки», т. XVII, № 8, где в отд. III напечатано стихотворение «Пленный рыцарь», подписанное «М. Лермонтов».

Июнь 30. Дежурный генерал Главного штаба граф П. А. Клейнмихель сообщил командиру отдельного Кавказского корпуса генералу Е. А. Головину о том, что Николай I, «заметив, что поручик Лермонтов при своем полку не находился, но был употреблен в экспедиции с особо порученною ему казачьею командою, повелеть соизволил... дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте...» Подлинная резолюция царя гласила: «Зачем не при своем полку? Велеть непременно быть налицо во фронте, и отнюдь не сметь под каким бы то ни было предлогом удалять от фронтовой службы при своем полку».

Это распоряжение было получено на Кавказе уже после гибели Лермонтова.

Июль, первая половина. В Пятигорск приехал И. Е. Дядьковский, знаменитый врач, профессор Московского университета. Он привез Лермонтову от Е. А. Арсеньевой «гостинца и письма... долго беседовали они о Байроне, Англии, о Бэконе... По уходе его Иустин

Евдокимович много раз повторял: «Что за умница». Гибель Лермонтова потрясла Дядьковского, и через шесть дней он скончался.

Июль 8. Вечером Лермонтов и его друзья дали пятигорской публике бал в гроте Дианы возле Николаевских ванн.

Июль 13. Столкновение между Лермонтовым и Мартыновым на вечере в доме Верзилиных. Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль. Формальной причиной вызова послужили шутки и остроты Лермонтова.

Июль 14. Поездка Лермонтова и А. А. Столыпина в Железноводск.

Июль 15. Утром к Лермонтову в Железноводск из Пятигорска приехали в коляске Обыденная и Е. Г. Быховец, которых сопровождали верхами юнкер Бенкендорф, М. В. Дмитревский и Л. С. Пушкин. Пикник в немецкой колонии Каррас (Шотландка). После обеда в колонии между 6—7 часами вечера дуэль Лермонтова с Мартыновым у подножия Машука при секундантах М. П. Глебове и князе А. И. Васильчикове. При дуэли присутствовали А. А. Столыпин, С. В. Трубецкой и Р. И. Дорохов. Гроза. Лермонтов убит Мартыновым. Поздно вечером тело поэта перевезено в Пятигорск в дом Чилаева.

Июль 16. Создание в Пятигорске следственной комиссии по делу о дуэли. Составлен акт осмотра места поединка следственной комиссией в присутствии секундантов М. П. Глебова и А. И. Васильчикова. Художник Р. К. Шведе зарисовал Лермонтова в гробу.

Июль 17. Медицинское освидетельствование лекарем И. Е. Барклаем де Толли в присутствии следственной комиссии тела Лермонтова.

Погребение на Пятигорском кладбище: «Офицеры несли прах любимого ими товарища до могилы, а слезы множества сопровождающих выразили потерю общую, незаменимую». Запись в метрической книге Пятигорской Скорбященской церкви за 1841 год, часть III, № 35: «Тенгинского пехотного полка поручик Михаил Юрьев Лермонтов 27 лет убит на дуэли 15-го июля, а 17 погребен, погребение пето не было».

Июль 17. Письмо начальника штаба войск Кавказской линии и Черномории полковника А. С. Траскина из Пятигорска в Ставрополь к генералу П. Х. Граббе с подробным рассказом о дуэли.

Август 6. В «Одесском вестнике» № 63 в статье А. С. Андреевского, присланной из Пятигорска, первое сообщение в печати о смерти Лермонтова: «15-го июля, около 5-ти часов вечера, разразилась ужасная буря с молнией и громом: в это самое время, между горами Машуком и Бештау, скончался лечившийся в Пятигорске М. Ю. Лермонтов. С сокрушением смотрел я на привезенное сюда бездыханное тело поэта... Кто не читал его сочинений, проникнутых тем глубоким лирическим чувством, которое находит отголосок в душе каждого?..»

Август 30. Цензурное разрешение на выход в свет «Отечественных записок», т. XVIII, кн. 9, где в отд. VI без подписи помещена статья Белинского «Герой нашего времени»: «...мы встречаем новое издание «Героя нашего времени» горькими слезами о невозвратимой утрате, которую понесла осиротелая русская литература в лице Лермонтова!.. Этой жизни суждено было пролететь блестящим метеором, оставить после себя длинную струю света и благоухания и — исчезнуть во всей красе своей...»

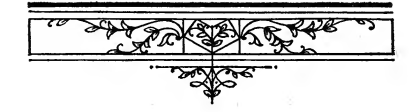
Сентябрь 30. Комиссия военного суда в Пятигорске огласила «Сентенцию», в которой приговорила Н. С. Мартынова, М. П. Глебова и А. И. Васильчикова «за дуэль с поручиком Тенгинского пехотного полка Лермонтовым (на оной ныне убитым)» к «лишению чинов и прав состояния».

Высочайшая конфирмация по военно-судному делу состоялась 3 января 1842 года. «Майора Мартынова посадить в крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию, а титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной им в сражении тяжелой раны».

1842

Апрель 21. По просьбе Е. А. Арсеньевой гроб с прахом Лермонтова привезен из Пятигорска в Тарханы.

Апрель 23. Прах Лермонтова погребен в фамильном склепе в Тарханах.



АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

* Римская цифра обозначает том, арабская — страницу. Указатель составлен Н. Артемовой.

К читателю

Издательство приносит извинения читателям за ошибку, допущенную в части тиража первого тома «Сочинений» М. Ю. Лермонтова, отпечатанного первыми заводами в типографии издательства «Кузбасс». В поэме «Демон» после слов: «Земля цветет и зеленеет» (с. 583, 15 строка св.) следуют пропущенные строфы:

И голосов нестройный гул
Теряется, и караваны
Идут, звеня, издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река.
И жизнью, вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботное дитя.

Но грустен замок, отслуживший
Когда-то в очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы.
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет;
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца,
То вдруг совьется в три кольца,
То ляжет длинной полосою,
И блещет, как булатный меч,
Забытый в поле давних сеч,
Ненужный падшему герою!..
Все дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомнит ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!

Но церковь на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властию святой,
Видна меж туч еще поныне.
И у ворот ее стоят
На страже черные граниты,
Плащами снежными покрыты;

И далее по тексту.

ДРАМЫ

ПРОЗА

Лермонтов М. Ю.

Л 49 Сочинения в двух томах. Том второй / Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. — М.: Правда, 1990. — 704 с., ил.

Во второй том «Сочинений» М. Ю. Лермонтова (1814—1841) включены его драматические («Маскарад», «Странный человек» и др.) и прозаические («Герой нашего времени», «Княгиня Лиговская» и др.) произведения.

Л $\frac{4702010100-1816}{080(02)-90}$ 1816—90 (Подписное) 84 Р1

Михаил Юрьевич **ЛЕРМОНТОВ**

СОЧИНЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

Том второй

Составитель
Ирина Сергеевна Чистова

Редакторы Е. М. Кострова, О. Ю. Голуб

Оформление художника Н. Н. Каминского

Художественный редактор В. В. Масленников

Технический редактор К. И. Заботина

ИБ 1816

Сдано в набор 04.07.88. Подписано к печати 24.10.89.
Формат 84x108 1/32. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 36,96. Усл. кр.-отт. 37,80 Уч.-изд. л. 36,25.
Тираж 14 000 000 экз. (41-й завод: 9 250 001—9 500 000 экз.).
Заказ № 56. Цена 3 р. 20 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП. Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии изд-ва «Кировская правда», Кировского обкома КПСС,
610033, г. Киров, ул. Коммуны, 122.